

Шри Ауробиндо.

ЖИЗНЬ БОЖЕСТВЕННАЯ.

Книга II.

БЕСКОНЕЧНОЕ СОЗНАНИЕ и НЕВЕДЕНИЕ.

Перевод И.Савенкова

Содержание

Часть I. БЕСКОНЕЧНОЕ СОЗНАНИЕ и НЕВЕДЕНИЕ

Глава I. НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ, КОСМИЧЕСКИЕ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ И НЕОПРЕДЕЛИМОЕ	3
Глава II. БРАХМАН, ПУРУША, ИШВАРА — МАЙЯ, ПРАКРИТИ, ШАКТИ	14
Глава III. ВЕЧНОЕ И ИНДИВИДУАЛЬНОЕ	33
Глава IV. БОЖЕСТВЕННОЕ И НЕБОЖЕСТВЕННОЕ	43
Глава V. КОСМИЧЕСКАЯ ИЛЛЮЗИЯ; РАЗУМ, ГРЕЗА И ГАЛЛЮЦИНАЦИЯ	53
Глава VI. РЕАЛЬНОСТЬ И КОСМИЧЕСКАЯ ИЛЛЮЗИЯ	65
Глава VII. ЗНАНИЕ И НЕВЕДЕНИЕ	84
Глава VIII. ПАМЯТЬ, САМО-ОСОЗНАНИЕ И НЕВЕДЕНИЕ	92
Глава IX. ПАМЯТЬ, ЭГО И САМО-ПЕРЕЖИВАНИЕ	97
Глава X. ПОЗНАНИЕ ЧЕРЕЗ ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ И РАЗДЕЛЯЮЩЕЕ ПОЗНАНИЕ	103
Глава XI. ГРАНИЦЫ НЕВЕДЕНИЯ	116
Глава XII. ПРОИСХОЖДЕНИЕ НЕВЕДЕНИЯ	122
Глава XIII. ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ КОНЦЕНТРАЦИЯ СОЗНАНИЯ-СИЛЫ и НЕВЕДЕНИЕ	129
Глава XIV. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЛЖИ и ЛЕКАРСТВО от НЕЕ, ОШИБКА, НЕПРАВДА и ЗЛО	136

Часть II. ЗНАНИЕ и ДУХОВНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

Глава XV. РЕАЛЬНОСТЬ И ИНТЕГРАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ	152
Глава XVI. ИНТЕГРАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ и ЦЕЛЬ ЖИЗНИ; ЧЕТЫРЕ ТЕОРИИ СУЩЕСТВОВАНИЯ	162
Глава XVII. ПРОЦЕСС ПОЗНАНИЯ - БОГ, ЧЕЛОВЕК и ПРИРОДА	173
Глава XVIII. ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС - ВОСХОЖДЕНИЕ и ИНТЕГРАЦИЯ	182
Глава XIX. ОТ СЕМИКРАТНОГО НЕВЕДЕНИЯ к СЕМИКРАТНОМУ ЗНАНИЮ	193
Глава XX. ФИЛОСОФИЯ ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЯ	200
Глава XXI. ПОРЯДОК МИРОВ	210
Глава XXII. ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ и ИНЫЕ МИРЫ; КАРМА, ДУША и БЕССМЕРТИЕ	222
Глава XXIII. ЧЕЛОВЕК и ЭВОЛЮЦИЯ	236
Глава XXIV. ЭВОЛЮЦИЯ ДУХОВНОГО ЧЕЛОВЕКА	246
Глава XXV. ТРОЙНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ	264
Глава XXVI. ВОСХОЖДЕНИЕ к СВЕРХРАЗУМУ	277
Глава XXVII. ГНОСТИЧЕСКОЕ СУЩЕСТВО	296
Глава XXVIII. ЖИЗНЬ БОЖЕСТВЕННАЯ	317
БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ПРИМЕЧАНИЕ	340

Часть I.

БЕСКОНЕЧНОЕ СОЗНАНИЕ и НЕВЕДЕНИЕ

Глава I

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ, КОСМИЧЕСКИЕ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ И НЕОПРЕДЕЛИМОЕ

Шри Ауробиндо.

Невидимый, с кем не может быть прагматических связей, необозримый, лишенный черт, немислимый, не определяемый именем, чья субстанция является несомненностью Одного “я”, в ком миро-существование успокоено, кто весь мир и блаженство — это “я”, то что нужно знать.

Мандукья Упанишад (Стих 7.)

В этом видят мистерию или об этом говорят как о мистерию или слышат это как мистерию, но никто не знает его.

Гита (II.29.)

Когда люди ищут Неизменного, Неопределимого, Непроявленного, Все-Проникающего, Немислимого, Вершины “я”, Недвижимого, Вечного — равного в разуме всему, настаивающего на благе всех существ, они приходят ко мне.

Гита (XII.3,4.)

Высоко за Интеллектом — Великое “я”, за Великим “я” — Непроявленное, за Непроявленным — Сознательное Бытие. За Бытием ничего уже нет — это крайний предел, верховная цель.

Катха Упанишад (III.10,11.)

Редки великие души, для которых все есть Божественное Бытие.

Гита (VII.19.)

Сознание-Сила, внутренне присущая Существованию, действующая даже тогда, когда сокрыта, является творцом миров, оккультным секретом Природы. Но в нашем материальном мире и нашем собственном существе сознание обладает двойным аспектом; есть сила Знания, есть сила Неведения. В бесконечном сознании само-осознающего бесконечного Существования знание должно везде подразумеваться или быть задействованным в каждой крупнице действия; но мы видим здесь в начале вещей, кажущееся в качестве базы или природы созидательной энергии мира, Несознание, полное Незнание. Это тот материал, с которого начинается материальная вселенная: сознание и знание появляются вначале в темных бесконечно малых движениях, в точках, в малых количествах, которые соединяются вместе; эволюция медлительна и трудна, нарастает организация и механизм улучшения работы сознания, все больше и больше приобретений записано на пустой доске Незнания. Но все же накапливаются приобретения и строятся конструкции ищущего Неведения, пытающиеся узнать, понять, открыть, медленно и в борьбе измениться в знание. Как Жизнь здесь устанавливает и поддерживает свои операции с трудностью на основе и в окружении общей Смерти, сначала в мельчайших точках жизни, в малых количествах живых форм и жизненных энергий, в растущих сообществах, создающих все более и более сложные организмы, замысловатую машинерию жизни, так же и Сознание устанавливает и поддерживает растущий, но ненадежный свет во тьме первозданного Незнания и вселенского Неведения.

Более того, приобретаемое знание касается явления, а не реальности вещей или основания существования. Где бы наше сознание ни встречало то, что кажется основанием, это основание несет видимость пустоты — когда это не пустыня — первозданное состояние, лишенное черт и множество следствий, не присущих внутренне первозданному и в которых ничто, как кажется, не подтверждает или видимо вызывает необходимость; есть масса суперструктуры, не имеющая ясной родственной связи с фундаментальным существованием. Первым аспектом космического существования является Бесконечное, неопределенное для нашего восприятия, если не неопределимое. В этом Бесконечном “универсальное я”, будь то в своем аспекте Энергии или аспекте структуры, появляется как неопределенная

определенность, “безграничное конечное” — парадоксальное, но необходимое выражение, которое указывает, что мы столкнулись с супраиррациональной мистерией в качестве основы вещей; в этой вселенной возникает — откуда? — грандиозное число разнообразных общих и частных определенностей, которые, как кажется, не оправдываются ничем осязаемым в природе Бесконечного, а кажутся наложенными — или, возможно, само-наложенными — на него. Мы даем Энергии, производящей их, имя Природы, но это слово не передает никакого смысла, если не сказать, что в природе вещей заложено то, что именно под действием Силы они устраиваются в соответствии с внутренне присущей в них Истиной; но природа самой этой Истины, причина, по которой эти определенности являются тем, чем являются, нигде не видна. В действительности человеческая Наука смогла открыть процесс или множество процессов материальных вещей, но это знание не бросает никакого света на главный вопрос; мы даже не имеем разумного объяснения первозданному космическому процессу, поскольку его продукты представляются не необходимыми, а только прагматическими и действительными следствиями. В конце концов, мы не знаем, как эти определенности вошли или вышли из первозданного Неопределенного или Неопределимого, на котором они базируются как на пустом и плоском основании в загадке своего упорядоченного появления. В начале вещей мы сталкиваемся с Бесконечным, содержащим массу необъясненных конечных [finites], Неделимое, полное нескончаемых делений, Неизменное, избилующее мутациями и отличительными свойствами. Космический парадокс лежит в начале всех вещей, парадокс без какого-либо ключа к разгадке его смысла.

В действительности можно усомниться в необходимости постулирования Бесконечного, содержащего нашу вселенную форм, хотя эта концепция императивно требуется нашему разуму как необходимая база для его представлений — ибо невозможно зафиксировать или назначить предел в Пространстве или Времени, либо в сущностном существовании, за которым не было бы ничего, либо перед или после которого не было бы ничего — хотя альтернативой является Пустыня или Нуль, которые могут быть только бездной Бесконечного, в которое мы отказываемся взглянуть; бесконечный мистический нуль Не-Существования будет только замещен бесконечным “х” в качестве необходимого постулата, базиса нашего видения всего того, что для нас является существованием. Но даже если мы откажемся распознавать что-либо в качестве реальности, за исключением беспредельного расширяющегося конечного материальной вселенной и ее избилующих определенностей, то загадка все равно останется. Бесконечное существование, бесконечное не-бытие или безграничное конечное, все это для нас — первозданное неопределенное и неопределимое; мы не можем приписать им четких образов или черт, ничто, что могло бы предопределить их определенности. Не поможет нам и описание фундаментального характера вселенной как Пространства или Времени или Пространства-Времени; ибо даже если они не являются абстракциями нашего интеллекта, которые мы в своем ментальном взгляде накладываем на космос, если они не являются неизбежной перспективой картины, рисуемой разумом, то они также предстают неопределенностями и не несут в себе никакого ключа к происхождению определенностей, имеющих в них место; все еще нет объяснения тому странному процессу, благодаря которому определяются вещи, нет объяснения их мощностям, качествам и свойствам, нет обнаружения их истинной природы, происхождения и значения.

В действительности, это бесконечное или неопределенное Существование открывается нашей Науке в качестве Энергии, известной не самой по себе, а по своим работам, Энергии, которая бросает в движение волны энергии, и в них — множество бесконечно малых элементов [infinitesimals]; эти последние, группирующиеся для образования больших бесконечно малых, становятся основой для всех творений Энергии, даже самых удаленных от материального базиса, ради возникновения мира организованной Материи, ради возникновения Жизни, ради возникновения Сознания, ради всех еще не объясненных деятельностей эволюционной Природы. На первозданный процесс накладывается множество процессов, которые мы можем наблюдать, следовать им, можем взять преимущество многих из них, использовать; но, фундаментально, ни один из них не объясним. Теперь мы знаем, что различные группировки и комбинации элементарных частиц могут производить или служить в качестве составляющих обстоятельств [occasion] — неправильно называемых причиной, ибо здесь они кажутся только необходимым предшествующим условием — для появления больших атомных частиц различной природы, качеств, мощностей; но нам не удается открыть, как эти различные сочетания могут образовывать эти разные атомы — как различия в составляющих обстоятельствах или причине вызывает необходимость различий в сформированном итоге или результате. Мы также знаем, что определенные комбинации определенных невидимых атомных частиц производят или обуславливают новые и видимые определенности, совершенно отличающиеся по природе, качеству и мощности от составляющих частиц; но мы не можем постичь, как например, химическая формула кислорода и водорода определяет появление воды, которая, очевидно, является нечто большим, чем комбинация газов, это новое порождение, новая форма субстанции, материальное проявление совершенно нового характера. Мы видим, что семя развивается в дерево, мы следуем внешним чертам процесса производства и используем его; но мы не постигаем, как дерево может произрасти из семени, как жизнь и форма дерева подразумеваются в субстанции или энергии семени или, если это факт, как семя может развиваться в дерево. Мы знаем, что гены и хромосомы являются средствами передачи наследственности, и не только физических, но и психологических изменений; но мы не знаем, как психологические характеристики могут содержаться и передаваться этим несознательным материальным носителем. Мы не видим или не знаем, но

это трактуется нами как убедительное объяснение Природного процесса, как игра электронов, атомов и образуемых ими молекул, клеток, желез, химических выделений и физиологических процессов, ухитряется своей динамикой нервов и мозга Шекспира или Платона производить или, возможно, служить динамической подоплекой творения “Гамлета” или “Симпозиума” или “Республики”; но нам не удается открыть или оценить, как такие материальные движения могли бы составить или вызвать композицию этих высочайших точек мысли и литературы: здесь расхождение определяющих и определения становится столь широким, что мы больше не можем проследить процесс, и гораздо меньше понимаем и используем. Эти формулы Науки могут быть прагматически верными и непогрешимыми, они могут управлять практическими “как?” процесса Природы, но они не раскрывают внутренне присущих “как?” и “почему?”; более того, эти формулы дышат воздухом формул космического Волшебника, они точны, неотразимы, автоматически успешно действуют каждая в своей области, но их подоплека фундаментально непостижима.

Нас может привести в замешательство и другое; ибо мы видим первозданную неопределенную Энергию, разбрасывающую общие определенности себя — равным образом в связи с разнообразием их продуктов мы можем назвать их родовыми неопределенностями [generic indeterminates] — с их соответствующим состоянием субстанции и определенными формами этой субстанции: последние — многочисленные, иногда неисчислимые вариации субстанции-энергии, которая является их основой: но ни одна из этих вариаций не кажется предопределенной чем-то в природе общей определенности. Электрическая Энергия производит положительные, отрицательные, нейтральные формы себя, формы, являющиеся одновременно волнами и частицами; газообразное состояние энергии-субстанции производит значительное число различных газов; из твердого состояния энергии-формы результаты земного принципа развиваются в различные формы земли и разнообразные породы и многочисленные минералы и металлы; принцип производит растительное царство, избилующее неисчислимым множеством совершенно необходимых растений, деревьев, цветов; принцип животной жизни производит грандиозное разнообразие родов, видов, индивидуальных особенностей: так он переходит к человеческой жизни и разуму и различным типам разумов к еще ненаписанному концу или, возможно, к еще оккультному результату этой незаконченной эволюционной главы. Везде есть постоянное правило общего тождества в первозданном определяющем и есть, подчиненное этому существенному тождеству базисной субстанции и природы, обильно разнообразие в родовых и индивидуальных определяющих; закон идентичности обеспечивает одинаковость или аналогичность в родах или видах с многочисленными вариациями, часто скрупулезно детальными в индивидах. Но мы не найдем в общем или родовом определителе чего-либо, что влекло бы необходимость разнообразных определяющих, следующих из него. Необходимость неизменного тождества в основе, свободных и безучетных вариаций на поверхности кажется законом; но кто или что вызывает необходимость или определяет? В чем подоплека определения, в чем его первозданная истина и значение? Что заставляет или вынуждает протекать этой безудержной игре изменчивых возможностей, которая кажется не имеющей цели или значения, кроме как красоты или восторга создания? Разум, ищущее и изобретательное Мышление, спрятанная определяющая Воля могли бы быть тем, но нет и следа их в первом и фундаментальном явлении материальной Природы.

Первое возможное объяснение указывает на само-организующийся динамический Случай за работой — парадокс, вызванный с одной стороны явлением неизбежного порядка, и с другой — странными причудами и фантазиями космического явления, которое мы называем Природой. Мы можем сказать, что несознательная и непоследовательная Сила, которая произвольно действует и создает по случаю то или это, без какого-либо определенного принципа — определенности приходят только в результате сохраняющегося повторения того же самого ритма действия и преуспевшего ритма, поскольку именно этот ритм смог удержать вещи в бытии — это энергия Природы. Но это подразумевает, что где-то в начале вещей существует безграничная Возможность или лоно неисчислимых возможностей, проявляющихся из него при помощи первозданной Энергии — невыразимое Несознательное, которое мы с некоторым затруднением называем Существованием, либо Не-Существованием, ибо без некоторого такого начала и базиса немыслимо явление и действие Энергии. Все же противоположный аспект природы космического явления, как мы его видим, кажется перечеркивающим теорию случайного действия, вырабатывающего сохраняющийся порядок. Слишком много железного настояния на порядке, на законе, основывающем возможности. Кажется более оправданным предположить, что существует невидимая нами внутренне присущая императивная Истина вещей, но Истина, способная на многогранное проявление, выбрасывание множества возможностей и вариаций, которые созидательная Энергия своим действием обращает во множество реализованных актуальностей. Это приводит нас ко второму объяснению — механической необходимости в вещах, ее наработках, распознаваемых нами как множество механических законов Природы; — можно сказать, необходимости некоторой такой тайной внутренне присущей Истины вещей, как мы предположили, автоматически управляющей тем процессом, который мы видим в действии во вселенной. Но теория механической Необходимости сама по себе не разъясняет свободной игры бесконечных необъяснимых вариаций, видимых в эволюции: должен быть за Необходимостью или в ней закон единства, связанный с сосуществующим, не зависимым законом множественности, каждый из которых настаивает на проявлении; но единство чего, множественность чего? Механическая Необходимость не может дать ответа. Опять же возникновение

сознания из Несознания является камнем преткновения на пути этой теории; ибо это явление не может иметь места во все-пропитывающей истине несознательной механической Необходимости. Если есть необходимость, вынуждающая это возникновение, то это может означать только то, что уже есть сознание, сокрытое в Несознательном, ожидающее эволюции и готовности всего к прорыву из заключения в кажущемся Незнании. В действительности мы можем обойти эту трудность императивного порядка вещей, если предположим, что на самом деле его нет, и этот детерминизм в Природе накладывается на нее нашим мышлением, которому требуется императивный порядок, чтобы иметь дело с окружающими его вещами; есть только Сила, произвольно экспериментирующая действием мельчайших элементов, которые выстраивают в своем общем результате различные определенности путем повторяющейся сохраняемости, действующей в сумме их действия; итак, мы возвращаемся от Необходимости к Случаю как к основе нашего существования. Но чем тогда являются этот Разум, это Сознание, столь радикально отличающиеся от Энергии, которая производит его, что для своего действия оно должно накладывать свою идею и необходимость порядка на мир, который оно сделало и в котором оно обязано жить? Тогда будет двойное противоречие: противоречие сознания, возникающего из фундаментального Несознания и противоречие Разума порядка и довода, проявляющегося как бриллиантовое конечное следствие мира, созданного несознательным Случаем. Эти вещи могут стать возможными, но требуются более лучшее объяснение, чем то, что было дано прежде.

Это открывает путь другим объяснениям, делающим Сознание создателем этого мира из кажущегося первозданного Несознания. Кажется, что Разум, Воля должны подразумеваться и организовывать вселенную, но он скрывается позади творения; его первым сооружением была эта сцена несознательной Энергии и материальной формы субстанции, являющейся одновременно маскировкой его присутствия и пластичным созидательным базисом, на котором он мог бы работать так, как мастер использует для производства форм и образцов немой покорный материал. Тогда все эти вещи, что мы видим вокруг нас, являются замыслами экстракосмической Божественности, Бытия со всемогущим и всеведающим Разумом и Волей, ответственным за математический закон физической вселенной, за его мастерство прекрасного, его странную игру тождества и вариаций, согласий и разногласий, комбинирующихся и перемешанных противоположностей, за драму сознания, борющегося за существование и пытающегося исполнить себя в несознательном вселенском порядке. То факт, что эта Божественность нам не видна, не открываема нашим разумом и чувствами, не вносит никакой трудности, поскольку само-очевидность или прямой знак экстракосмического Создателя не может ожидаться в космосе, являющемся пустыней его присутствия: повсюду явные сигналы, говорящие о работе Интеллекта, законе, построении, формулировке, приспособлении средств к цели, постоянная и неистощимая изобретательность, фантазия, даже и сдерживаемая Рассудком, могут служить достаточным доказательством этого начала вещей. Или если этот Создатель не является полностью супракосмическим, а также имманентен [присутствует в них и через них], даже тогда не обязательно должны быть видны другие знаки его присутствия — в действительности, за исключением сознания, эволюционирующего в этом несознательном мире, но достигшего при этом той точки, когда оно уже может осознать внутри пребывающее Присутствие. Вмешательство этого эволюционирующего сознания не внесло бы трудности, поскольку не было бы противоречия с базисной природой вещей в их явлении; всемогущий Разум смог бы легко вселить в создание нечто из того, что присуще ему самому. Остается одна трудность; это произвольная природа творения, неохватываемость цели, грубая бессмысленность закона неведения, борьбы и страдания, не являющимся обязательным, кружение к цели без развязки или исхода. Игра? Но к чему это клеймо столь большого числа небожественных элементов и характеров в игре Одного, чья природа должна предполагаться божественной? На предположение, что все, что мы видим вырабатываемым в мире, является замыслом Бога, можно возразить, что не мешало бы этому Богу иметь лучшие замыслы, а самой лучшей мыслью было бы воздержаться от творения несчастливой и неразумной вселенной. Все теистические объяснения существования, стартующие с экстракосмического Божества, наталкиваются на эту трудность и могут только уклониться от нее; она исчезнет, если сам Создатель является, даже превышая творение, но все же оставаясь имманентным в нем, некоторого рода как игроком, так и игрой, Бесконечным, бросающим бесконечные возможности в назначенную форму эволюционирующего космического порядка.

Согласно этой гипотезе, должно где-то за действием материальной Энергии присутствовать тайное вовлеченное Сознание, космическое, бесконечное, выстраивающее через действие этой фронтальной Энергии свои средства эволюционного проявления, создание из себя в безграничном конечном материальной вселенной. Кажущееся несознание материальной Энергии явилось бы неременным условием структуры материальной субстанции мира, в которую это сознание намеревается “завернуть” себя, так чтобы путем эволюции оно могло бы расти из кажущейся противоположности; ибо без некоего такого приспособления полная инволюция была бы невозможна. Если существует такое порождение Бесконечным из себя, это должно быть проявлением в материальной маскировке истин и мощностей его собственного бытия: формы или носители этих истин или мощностей явились бы базисными основами или фундаментальными определенностями, которые мы видим в Природе; частные определенности, которые в противном случае являются необъяснимыми вариациями, возникшими из неопределенного общего вещества, где они берут свое начало, стали бы соответствующими формами или носителями тех возможностей, которые породили внутри себя эти истины и мощности, покоящиеся в этих фундаментальностях. Принцип свободной вариации возмож-

ностей, естественный для бесконечного Сознания, объяснил бы аспект несознательного Случая, который мы распознаем в работе Природы — несознательного только в явлении и так являющегося вследствие полной инволюции в Материи, из-за вуали, которой тайное Сознание замаскировало свое присутствие. Принцип истин, настоящих мощностей Бесконечного, императивно исполняющих себя, объяснил бы противоположный аспект механической Необходимости, которую мы видим в Природе — механической только в явлении итак являющейся только из-за той же вуали Несознания. Тогда стало бы совершенно понятно, почему Несознательное делает свои работы с постоянным принципом математической архитектуры, построения, действенного упорядочивания чисел, приспособления средств к цели, действует с неистощимой затеей и изобретательностью, можно даже сказать, с постоянным экспериментирующим мастерством и автоматизмом цели. Возникновение сознания из кажущегося Несознания не было бы более необъяснимым.

Все необъясненные процессы Природы обрели бы свой смысл и нашли бы свое место, если эта гипотеза окажется прочной. Кажется, что Энергия создает субстанцию, но на самом деле, поскольку существование внутренне присуще Сознанию-Силе, точно также субстанция внутренне присуща Энергии — Энергия суть проявление Силы, субстанция суть проявление тайного Существования. Но поскольку эта субстанция духовная, то она не охватывается материальным чувством, пока Энергией ей не будет придана формы Материи, ухватываемые этим чувством. Также становится понятным, как устройство проекта, количество и число может служить базой для проявления качества и свойства; ибо проект, количество и число являются мощностями субстанции существования, а качество и свойство являются мощностями сознания и его силы, населяющей существование; тогда они могут быть сделаны проявленными и оперативными благодаря ритму и процессу, происходящему в субстанции. Рост дерева из семени, как и другие подобные явления, будет объяснен внутренним присутствием того, что мы назвали Реальностью-Идеей; Бесконечностное само-восприятие значимой формы, восприятие живым телом своей мощи существования, которая должна возникнуть из своего собственного само-сжания в энергии-субстанции, будет внутренне переносимым в форме семени, переносимым в оккультном сознании, вовлеченном в эту форму, и будет естественно развиваться из него. На базе этого принципа не будет трудности ни в понимании того, как мельчайшие элементы материального характера, подобные генам и хромосомам, могут нести в себе психологические элементы, которые будут перенесены в физическую форму, которая должна возникнуть из человеческого семени; тот же самый принцип можно найти как в объективности Материи, так и в том, что мы обретаем в нашем субъективном опыте — ибо мы видим, что подсознательное физическое несет в себе ментальное психологическое содержимое, впечатления от прошлых событий, привычки, фиксированные ментальные и витальные образования, закрепленные черты характера, и посылает это при помощи некоторого оккультного процесса пробужденному сознанию, тем самым порождая многие процессы нашей природы и влияя на них.

На той же основе не будет трудности в понимании того, почему физиологические процессы тела помогают определять психологические действия разума: ибо тело не является просто бессознательной Материей: именно структура тайно сознательной Энергии обрела в ней свою форму. Тело, являясь оккультно сознательным, в то же время служит средством выражения неперекрытого Сознания, которое в нем появилось и является самосознательным в нашей физической энергии-субстанции. Функционирование тела является необходимой машинерией или инструментарием для движений этого ментального Обитателя; только путем приведения в движение телесного инструмента может передать появляющееся, эволюционирующее в нем Сознательное Существо свои образования разума и воли и обратить их в свое физическое проявление в Материи. Возможности, способности инструмента должны до определенной степени переформировать формирования разума при их переходе из ментальной формы в физическое выражение; эта работа необходима, и инструмент должен поупражняться в своем влиянии, прежде чем это выражение может стать действенным. В некоторых случаях телесный инструмент может даже преобладать над своим хозяином; он может также в силу привычки предлагать или произвольно создавать реакции населяющего его сознания, прежде чем Разум или Воля сможет проконтролировать или вмешаться. Все это возможно, поскольку тело человека имеет собственное “подсознательное” сознание, которое берется в расчет в нашем телесном самовыражении; даже, если мы уделяем свое внимание только этому внешнему инструменту, то можем заключить, что тело определяет разум, но это только малая истина, и большая истина состоит в том, что разум определяет тело. С этой точки зрения становится постижимой еще более глубокая Истина; духовная сущность, одушевляющая субстанцию, которая ее скрывает, есть первозданный определитель как разума, так и тела. С другой стороны, в обратном порядке процесса — то, благодаря чему разум может передавать свои идеи и команды телу, может внушить ему быть инструментом для нового действия, может даже так внушить ему некоторые привычные требования или порядки, что физический инстинкт будет выполнять их автоматически, даже когда разум сознательно и не желает их, также даже необычные, но хорошо отретпетированные, благодаря которым разум до некоторого экстраординарного и с трудом ограничиваемого предела может научиться определять реакции тела даже вплоть до превышения его обычного закона или условий действия — эти и другие, иначе необъяснимые, аспекты связи между этими двумя элементами нашего существа начинают проясняться: ибо именно тайное сознание в живой материи черпает нечто из своего сознательного безграничного резервуара; именно его присутствие в теле заставляет его на свой

собственный инволюционный и оккультный манер воспринимать или чувствовать эти требования и подчиняться всплывающему или развивающемуся сознанию, берущему власть над телом. Наконец, становится оправданной концепция божественного Разума и Воли, создающих космос, в то время как сбивающие нас с толку элементы, которые наша рассуждающая ментальность отказывается приписать произвольному указу Создателя, находят свое объяснение в качестве неизбежного явления Сознания, с трудом всплывающего из свое противоположности — но с миссией превзойти эти противоположные явления и путем медленной и трудной эволюции проявить свою величайшую реальность и истинную природу.

Но подход с материального конца Существования не может дать нам какой-либо гарантии в справедливости этой гипотезы или какого-либо другого объяснения Природы и ее деятельности: вуаль, наброшенная первозданным Несознанием, слишком плотна для того, чтобы Разум мог ее пронзить, и именно за этой вуалью спрятано тайное происхождение того, что проявляется; там расположены истины и мощности, лежащие в основе явлений и процессов, которые являются к нас на материальном фронте Природы. Чтобы узнать с большей гарантией, мы должны проследовать за кривой эволюционирующего сознания, пока она не выведет нас на высоты и необъятность самоозарения, в котором первичная тайна само-открыта; ибо предположительно оно должно развиваться, должно окончательно принести то, что с самого начала было удержано оккультным первозданным Сознанием в вещах, в которых оно постепенно проявляется. Ясно, что в Жизни его поиски истины безнадежны; ибо Жизнь начинается с формулировки, в которой сознание все еще субментально и поэтому для нас, как ментальных существ, кажется несознательным или, в лучшем случае, подсознательным, и наше наружное исследование этой стадии жизни не может быть более плодотворным в поисках тайной истины, чем изучение Материи. Даже когда разум развивается в жизни, то его первым функциональным аспектом является ментальность, вовлеченная в действие, в витальные и физические потребности и занятия, в импульсы, желания, ощущения, эмоции, это ментальность не способна встать позади этих вещей и наблюдать за ними и познавать их. В человеческом разуме есть первая надежда на понимание, открытие, свободный охват; здесь, могло бы показаться, мы можем комбинировать возможность само-познания и познания мира. Но на самом деле наш разум может поначалу только наблюдать факты и процессы, а для остального он вынужден делать дедукцию и выводить следствия, конструировать гипотезы, должен рассуждать, спекулировать. Чтобы открыть тайну Сознания, ему потребовалось бы узнать себя и определить реальность своего собственного существа и процесса; но как в животной жизни возникающее Сознание вовлечено в витальное действие и движение, так же и в человеческом существе разум-сознание вовлечено в собственный водоворот мыслей, безостановочную деятельность, в которой сами его доводы и рассуждения определяются в их тенденции, наклонности, условиях его собственным темпераментом, ментальным поворотом, прошлым образованием жизни и линией энергии, наклонностью, предпочтением, врожденным естественным отбором — мы не свободно определяем наше мышление в соответствии с истиной вещей, оно определяется нашей природой. На самом деле мы можем отойти назад с определенной открепленностью и наблюдать работу ментальной Энергии в нас; но мы все еще видим только процесс, а не какой-либо первозданный источник наших ментальных определений: мы можем строить теории и гипотезы, касающиеся процесса Разума, но вуаль еще присутствует там, обволакивая нашу внутреннюю тайну, наше сознание, нашу полную природу.

И только когда мы будем следовать йогической процедуре успокоения разума, станет возможным достижение более глубокого результата нашего само-наблюдения. Ибо сначала мы открываем, что разум является тонкой субстанцией, общим определителем -или родовым неопределенным [?] — которую ментальная энергия при своем оперировании бросает в формы и частные определенности, мысли, концепции, восприятия, ментальные чувства, деятельность воли и реакции чувства, но которая, когда энергия успокоится, может пребывать либо в инертном оцепенении, либо в недвижимом молчании и покое само-существования. Дальше мы видим, что определенности нашего разума исходят не из него самого; ибо волны и потоки ментальной энергии входят в него снаружи: они обретают в нем форму или возникают уже сформированными неким универсальным Разумом или другими разумами и принимаются нами как наше собственное мышление. Мы можем также воспринять наш оккультный или сублиминальный разум, из которого возникают мысли и восприятия и импульсы воли и ментальные чувства; мы также можем воспринять высшие планы сознания, с которых Энергия верховного разума работает через нас или на нас. Наконец, мы открываем, что то, что наблюдает все это, является ментальным существом, поддерживающим субстанцию разума и энергию разума; без этого присутствия, их поддержки и источника санкций, они не могли бы существовать или оперировать. Это ментальное существо или Пуруша появляется сначала как молчаливый свидетель и, если бы это было все, нам следовало бы принять определенности разума в качестве феноменальной активности, наложенной на существо Природой, Пракрити, или иначе в качестве создания, представленного ему Пракрити, мира мысли, который Природа конструирует и назначает наблюдающему Пуруше. Но впоследствии мы обнаруживаем, что Пуруша, ментальное существо, может открепляться от своей позиции молчаливого и принимающего Свидетеля; он может стать источником реакций, принимать, отвергать, даже править и регулировать, становится отдающим команды, знающим. Также приходит знание, что эта субстанция разума проявляет ментальное существо, является его собственной выражающей его субстанцией, и ментальная энергия — это его собственная сознание-сила,

так что резонно заключить, что все определенности разума возникают из существа Пуруши. Но это заключение усложняется тем фактом, что с другой точки зрения наш персональный разум кажется лишь чуточку большим, чем образование универсального Разума, движителя восприятий, модификаций, распространения космических волн мыслей, потоков идей, предложений воли, волн чувств, предложений ощущений, предложений форм. Без сомнения, он [персональный разум] имеет свое собственное уже реализованное выражение, предопределенности, склонности, персональный темперамент и природу; то, что приходит из универсального, может обрести свое место в индивидуальном лишь в том случае, если оно принято и усвоено в само-выражении индивидуального ментального существа, персональной Пракрити Пуруши. Но все же, ввиду всех этих сложностей, полностью остается неясным вопрос, является ли вся эта эволюция и действие феноменальным порождением некоторой универсальной Энергии, представленной ментальному существу или деятельностью, наложенной Энергией Разума на неопределенное, возможно неопределяемое, существование Пуруши, либо все есть нечто предопределенное некоторой динамической истиной “Я” внутри и только проявленное на поверхности разума. Чтобы узнать это, нам следует соприкоснуться или войти в космическое состояние бытия и сознания, по отношению к которому тотальность вещей и их интегральный принцип были бы лучше проявлены, чем по отношению к нашему ограниченному опыту разума.

Сознание Надразума является таким состоянием или принципом за пределами индивидуального разума, за пределами даже универсального разума в Неведении; оно несет в себе первое прямое и мастеровитое постижение космической истины: здесь мы могли бы надеяться понять нечто из первозданной работы вещей, заглянуть внутрь в фундаментальные движения космической Природы. В действительности одна вещь становится ясной; здесь самоочевидно, что как индивидуальное, так и космическое приходит из трансцендентной Реальности, которая обретает в них форму: разум и жизнь индивидуального существа, его “я” в природе должны поэтому быть частным само-выражением космического Бытия и, оба через это и напрямую, само-выражением трансцендентной Реальности — это выражение может быть обусловленным и полу-завуалированным, но все еще это остается его важностью. Но также мы видим, что то, что получает, усваивает, формулирует его природа, только та порция космического бытия или Реальности может обрести форму в его разуме и жизни и физических частях; он выражает нечто, что выводится из Реальности, нечто, что содержится в космосе, но в терминах своего собственного само-выражения, в терминах его собственной природы. Но изначальный вопрос, поставленный нами явлением вселенной, не разрешается знанием надразума — вопрос, в этом случае, есть: является ли построение мышления, переживания, мир восприятий ментальной Личности, Пуруши разума, поистине само-выражением, само-определением, следующим из некоторой истины его собственного духовного существа, проявлением динамических возможностей этой истины, или это не так, а более того, все это является созданием и построением, представленным ему Природой, Пракрити, и только в смысле существа, индивидуализированного в его личном образовании Природы можно сказать, что это его собственное или зависящее от него; либо, опять же, это может быть игрой космического Воображения, фантазией Бесконечного, наложенной на пустое неопределимое его собственного вечного чистого существования. Вот три взгляда на творение, имеющие, как кажется, равные шансы на то, чтобы быть правильными, и разум не в состоянии сделать однозначный выбор между ними; ибо каждый взгляд поддерживается своей собственной ментальной логикой и вызывает к интуиции и опыту. Кажется, что Надразум добавляет сложности, поскольку надразумный взгляд дает каждой возможности свои независимые права формулировать себя и выпускать ее собственное существование в познание, в динамическое само-переживание, в достаточно доказательный опыт.

В Надразуме, во всех высших диапазонах разума, мы находим, что возвращается дихотомия чистого молчаливого “я” без черт или качеств или связей, само-существующее, само-поставленное, само-достаточное, и могущественной динамики определяющей знание-мощи, созидательного сознания и силы, которая низвергает себя в формы вселенной. Это противостояние, являющееся все же взаиморасположением, как если бы эти два были корреляциями и взаимными дополнениями друг к другу, хотя и кажущимися противоречащими друг другу, сублимируется в со-существование безличного Брахмана без качеств, фундаментальную божественную Реальность, свободную от всех связей или определенностей, и Брахмана с бесконечными качествами, фундаментальную божественную Реальность, являющуюся источником и содержащим и мастером всех связей и определенностей — Ниргуна, Сагуна. Если мы доведем Ниргуну до крайне возможного само-переживания, то придем к верховному Абсолюту, являющемуся пустыней связей и определенностей, невыразимым первым и последним словом существования. Если мы через Сагуну войдем в некоторый предельно возможный опыт, то достигнем божественного Абсолюта, личностного верховного и вездесущего Божества, трансцендентного, как и универсального, бесконечного Мастера всех связей и определенностей, кто может поддержать в своем бытии миллионы вселенных и пронзает каждую лучом своего само-света и единственной степенью своего невыразимого существования. Сознание надразума равным образом поддерживает две эти истины Вечного, которые разуму кажутся взаимно исключающими альтернативами; оно допускает обе как верховные аспекты одной Реальности: следовательно, где-то за ними должна быть еще большая Трансцендентность, которая зачинает их или поддерживает их обе в своей верховной Вечности. Но что же это может быть, для чего такие противоположности — равные истины, если это не первозданная Мистерия, любое знание о которой, любое понимание которой разумом невозможно? В действительности мы можем познать ее до некоторой

степени, в некотором виде опыте или реализации, при помощи ее аспектов, мощностей, постоянный серий фундаментальных негативностей и позитивностей, через которые мы должны преследовать ее, независимо порознь или в интегральности обеих истин; но в конечном итоге кажется, что она убегает даже от высочайшей ментальности и остается непостижимой.

Но если верховный Абсолют на самом деле является чистым Неопределимым, тогда невозможно ни творение, ни проявление, ни вселенная. И все же вселенная существует. Чем же тогда является то, что создает это противоречие, способно привести в действие невозможное, принести неразрешимую загадку само-деления в существование. Это должно быть Мощью некоторого рода, и поскольку Абсолют является единственной реальностью, одним началом всех вещей, то эта мощь должна проистекать из него, должна иметь с ним некоторую связь, соединение, зависимость. Ибо если это есть нечто совершенно отличное от верховной Реальности, космическое Воображение, накладывающее свои определенности на вечный пробел Неопределяемого, то более неприемлемо единственное существование абсолютного Парабрахмана; тогда дуализм присутствует в самом источнике вещей — не существенно отличающийся от дуализма Санкхьи: дуализма Души и Природы. А если это Мощь, на самом деле единственная Мощь Абсолюта, то мы получаем ту логическую невозможность, что существование Верховного Бытия и Мощь его существования полностью противоположны друг другу, два верховных противоречия; ибо Брахман свободен от всей возможности связей и определенностей, но тогда Майя -это созидательное Воображение, накладывающее сами эти вещи на него, зачинательница связей и определенностей, свидетелем которых с необходимостью должен быть Брахман, и он же должен поддерживать их — неприемлемая формула для логического рассудка. Если она приемлема, то только как супрарациональная мистерия, нечто ни реальное, ни нереальное, необъяснимое по своей природе, анирвачангтя. Но возникающие при этом трудности столь велики, что эта формула может быть приемлема только в том случае, если непреложно считать ее неизбежным пределом, концом и верхом метафизического исследования и духовного опыта. Ибо даже если все вещи являются иллюзорным порождением, то они должны иметь, по крайней мере, субъективное существование, и они не могут существовать нигде более, кроме как в сознании Единственного Существования; тогда они суть субъективные определенности Неопределимого. Если, напротив, определенности этой Мощи являются реальными творениями, из которых они определены, то какова их субстанция? Не может быть, что они сделаны из Ничего, Не-Существования, отличного от Абсолюта; ибо это приводит к новому дуализму, великому позитивному Нулю, противостоящему величайшему неопределимому “икс”, который мы предположили единственной и одной Реальностью. Поэтому очевидно, что Реальность не может быть жестким Неопределимым. Любое творение должно быть в ней и из нее, и что бы ни было сделано из субстанции абсолютно Реального, само по себе должно быть реальным: обширное, лишнее основания отрицание реальности, претендующее быть реальным, не может являться единственным продуктом вечной истины, Бесконечным Существованием. Совершенно понятно, что Абсолют является и должен быть неопределимым в том смысле, что он не может быть ограничен любым определением или какой-либо суммой возможных определенностей, но не в том смысле, что он неспособен к само-определению. Верховное Существование не может быть неспособным создавать истинные само-определенности своего бытия, неспособным поддерживать настоящее само-создание или проявление в своем само-существующем бесконечном.

Следовательно, Надразум не дает нам окончательного и позитивного решения; нам остается искать ответ в супраментальном постижении, за пределами Надразума. Супраментальная Истина -Сознание является одновременно само-осознанием Бесконечного и Вечного и мощью само-определения, внутренне присущей тому само-осознанию; первое есть основание и статус, второе — мощь бытия, динамика само-существования. Вся эта безвременная вечность само-осознания вглядывается в себя как в истину бытия, созидательная мощь его бытия проявляется в вечности Времени. Поэтому для Сверхразума Верховное не является жестким Неопределимым, все-отрицающим Абсолютом; бесконечность бытия, дополняющая себя в собственной неизменной чистоте существования, его единственная мощь как чистое сознание, способное только пребывать в не знающей перемен вечности, в недвижимом восторге своего ясного само-существования — это не вся Реальность. Бесконечность Бытия должна также быть Бесконечностью Мощи; содержа в себе вечный покой и тишину, она также должна быть способной на вечное действие и творение: но это также должно быть действием в себе, порождением из своего собственного “Я” вечного и бесконечного, поскольку не может быть ничего иного, из чего бы она могла творить; любой базис творения, кажущийся отличным от ее собственного, на самом деле все же должен находиться в ней и быть ей присущим, и он не может быть чем-то чуждым ее существованию. Бесконечная Мощь не может быть единственно Силой, покоящейся в чистом неактивном тождестве, быть неизменным покоем; она должна содержать в себе бескрайние мощности своего бытия и энергии: бесконечное Сознание должно держать в себе бесконечные истины своего собственного само-осознания. Эти истины в действии являлись бы нашему постижению как аспекты его бытия, нашему духовному чувству — как мощь и движение его динамики, нашей эстетике — как инструменты и формулировки его восторга существования. Тогда творение будет само-проявлением: оно будет упорядоченным развертыванием бесконечных возможностей Бесконечного. Но каждая возможность подразумевает за собой некоторую истину бытия, реальность в Существующем; ибо без этой поддерживающей истины ничто не могло бы быть возможным. В прояв-

лении фундаментальная реальность Сущестующего явилась бы нашему постижению как фундаментальный духовный аспект Божественного Абсолюта; из него возникли бы все возможные проявления, его врожденный динамизм: эти проявления снова должны создать или скорее принести из непроявленной латентности их собственные значимые формы, выражающие мощности, родственные процессы; их собственное бытие будет развивать их собственное становление, сварупа, свабхава. Тогда это было бы полным процессом творения: но в нашем разуме мы не видим законченного процесса, мы видим только возможности, определяющие себя в актуальности и, хотя мы подразумеваем и предполагаем, мы не уверены в необходимости, предопределяющей истине, императиве за ними, которые наделяют способностями возможности, решают действительности. Наш разум — это наблюдатель фактов, изобретатель или открыватель возможностей, но не провидец оккультных императивов, которые вызывают необходимость движений и форм творения: ибо во фронте вселенского существования находятся только силы, определяющие результаты при помощи некоторого баланса встречи их мощностей; первичный Определитель или определители, если он или они существуют, скрыты от нас нашим неведением. Но эти императивы будут видны супраментальной Истине-Сознанию, будут самим веществом его видения и опыта: в супраментальном созидательном процессе императивы, узы возможностей, результирующие действительности будут единым целым, неделимым движением; возможности и действительности будут нести в себе неизбежность зачинающего императива — все их результаты, все их творение будет телом Истины, которую они проявляют в предопределенных значимых формах и мощностях Существования.

Наше фундаментальное постижение Абсолюта, наше существенное духовное переживание его являются интуицией или прямым переживанием бесконечного и вечного Существования, бесконечного и вечного Сознания, бесконечного и вечного Восторга Существования. В надментальном и ментальном постижении можно делить и даже разделять это первозданное единство на три само-существующих аспекта: ибо мы можем постигать чистое безграничное вечное Блаженство настолько интенсивное, что мы отождествим себя только с этим; существование, сознание кажется поглощенным им, больше не выказывающим своего присутствия; возможно аналогичное переживание чистого и абсолютного сознания и аналогичная идентификация с ним, и также может быть подобный идентификационный опыт чистого и абсолютного существования. Но для понятия сверхразума эти три вещи являются неделимым Триединством, даже если одно может выступить впереди остальных и проявить свои собственные духовные определенности; ибо каждое имеет свои первичные аспекты или внутренне присущие само-образования, но все они вместе первичны для триединого Абсолюта. Любовь, Радость и Прекрасное суть фундаментальные определенности Божественного Восторга Существования, и мы можем сразу же увидеть, что они являются самим веществом и природой этого Восторга: они — не чужеродные наложения на бытие Абсолюта или порождения, поддерживаемые им, но снаружи его самого; они суть истины его бытия, родственные его сознанию, мощности его силы существования. Точно также обстоит дело с фундаментальными определенностями абсолютного сознания — знанием и волей; они суть истины и мощности первозданной Сознание-Силы и внутренне присуще самой ее природе. Эта подлинность становится еще более очевидной, когда мы рассматриваем фундаментальные духовные определенности абсолютно-го существования; они суть его триединые мощности, необходимо первые постулаты для всего его само-созидания или проявления — “Я”, Божественное, Сознательное Существо; Атман, Ишвара, Пуруша.

Если мы проведем процесс само-проявления дальше, то увидим, что каждый из этих аспектов или мощностей опирается в своем первом действии на триаду или триединство; ибо Знание неизбежно основывается на триединстве Познающего, Известного и Знания; Любовь обретает себя в триединстве Любящего, Возлюбленного и Любви; Воля само-исполняется в триединстве Господина Воли, объекта Воли и исполнительной Силы; Радость имеет свое первозданное верхнее довольство в триединстве Наслаждающегося, Наслаждаемого и Восторга, которых объединяет их; так неизбежно является “Я” и основывает свое проявление в триединстве “Я” как субъекта, “Я” как объекта и само-осознания, удерживающего вместе “Я” как субъект-объект. Эти и другие первичные мощности -аспекты предполагают свой статус наряду с фундаментальными само-определениями Божественного; все другие являются определенностями фундаментальных духовных определенностей, значимых связей, значимых мощностей, значимых форм бытия, сознания, силы, восторга — энергии, условия, пути, линии истины-процесса Сознания-Силы Вечного, императивы, возможности, факты его проявления. Все это развертывание мощностей и возможностей и им внутренне присущих последствий удерживается вместе благодаря пониманию сверхразума в сокровенном тождестве; он держит их сознательно основанными на первозданной Истине и поддерживаемыми в гармонии на истинах, которые они проявляют и которые содержатся в их природе. Здесь нет наложения воображения, нет произвольного творения, а также нет там никакого деления, фрагментации, непримиримых противоположностей или несоизмеримости. Но эти явления возникают в Разуме Неведения; ибо там ограниченное сознание видит и имеет дело с каждой вещью так, как будто бы все было отдельными объектами познания или отдельными существованиями, и оно так стремится узнать, завладеть и насладиться ими и устанавливает господство над ними или попадает под их господство: но позади этого неведения существует душа, ищущая Реальность, Истину, Сознание, Мощь, Восторг, благодаря которым она существует; разум должен выучиться пробуждаться к этому истинному поиску и истинному знанию, завуалированному внутри себя, к Реальности, из которой все вещи поддерживают свою Истину, к Сознанию, у

которого все сознания сущностны, к Мощи, из которой все получает ту силу бытия, которую она имеет внутри себя, к Восторгу, по отношению к которому все восторги — частные образы. Это ограничение сознания и это пробуждение к интегральности сознания также составляют процесс само-проявления, являются само-определенностями Духа; даже когда в их видимости появляется противоположность Истины, эти вещи ограниченного сознания обладают в своем более глубоком смысле и реальности божественным значением; они также приносят истину или возможность Бесконечного. Некоторой такой природы, насколько это может быть выражено в ментальных формулах, будет супраментальное постижение вещей, которое видит повсюду одну Истину и так будет давать нам отчет о нашем существовании, представлять свой доклад о тайне творения и значении вселенной.

В то же время неопределенность также является необходимым элементом в нашем понятии Абсолюта и нашем духовном опыте: это другая сторона супраментального отношения к бытию и вещам. Абсолют не ограничен или определим каким-либо одним определением или суммой определений; с другой стороны, он не связан неопределимой вакансией чистого существования. Напротив, в этом источник всех определенностей: его неопределенность есть естественное, необходимое условие как его бесконечности бытия, так и бесконечности мощи бытия; он может быть бесконечно всеми вещами, поскольку не является никакой вещью в частности и превосходит любую определяемую тотальность. Именно эта сущностная неопределенность Абсолюта передается нашему сознанию через фундаментальные отрицающие позитивности нашего духовного опыта, недвижимое неизменное “Я”, Ниргуну Брахмана, Вечное без качеств, чистое лишненное черт Одно Существование, Безличностное, пустыню Молчания активностей, Небытие, Невыразимое и Непознаваемое. С другой стороны, он является сущностью и источником всех определенностей, и эта динамическая сущность проявляется нам через фундаментальные утверждающие позитивности, в которых Абсолют равным образом встречает нас; ибо именно “Я” становится всеми вещами, Сагуна Брахман, Вечное с бесконечными качествами, Один, кто есть Множество, бесконечная Личность, являющаяся источником и основанием всех личностей и персональностей, Господь творения, Слово, Мастер всех работ и действий; это то, что известно бытию, знающему все: эти утверждения соответствуют тем отрицаниям. Ибо в супраментальном понятии невозможно отделить друг от друга две стороны Одного Существования — даже говорить о них как о двух сторонах это уже чрезмерно, поскольку они находятся друг в друге, их со-существование или одно-существование вечно, и их мощности, поддерживающие друг друга, кладут основу само-проявления Бесконечного.

Но ни одно из отдельных постижений не является полностью иллюзией или законченной ошибкой Неведения; они также ценны для духовного опыта. Ибо эти первичные аспекты Абсолюта суть фундаментальные духовные определенности или неопределенности, отвечающие в духовном конце или начале общим определенностям или родовым неопределенностям [? — generic ideterminates] материального конца или несознательного начала нисходящей и восходящей Манифестации. Те, что кажутся отрицающими, несут в себе свободу Бесконечного от ограничения своими собственными определенностями; их реализация высвобождает дух внутри, освобождает нас и позволяет нам принимать участие в этом превосхождении: таким образом, один раз пройдя в или через опыт “неизменного я”, мы более не ограничены и не зажаты внутренним статусом нашего существа из-за предписаний и порождений Природы. С другой, динамической стороны, эта первоначальная свобода позволяет Сознанию творить мир определенностей, не будучи ограниченным им: она также позволяет ему отходить от того, что оно уже создало, и перестраивать это по высшей формуле истины. Именно на этой свободе базируется мощь духа бесконечной вариации истины-возможностей существования и также его способность творить, не связывая себя своими работами, любой и каждой формой Необходимости или системой порядка: также индивидуальное существо, переживая эти отрицающие абсолюты, может влиться в эту динамическую свободу, может перейти от одного порядка само-формулирования к высшему порядку. На стадии, когда от ментального статуса оно должно двигаться к супраментальному, одним из наиболее освобождающе полезных, если не непреложным переживанием, которое может вмешаться, является вход в полную Нирвану ментальности и ментального эго, переход в молчание Духа. В любом случае, реализация чистого “Я” должна всегда предшествовать переходу к тому промежуточному возвышению сознания, с которого командует ясное видение восходящих и нисходящих ступенек проявленного существования, и духовной прерогативой становится обладание духовной мощью восхождения и нисхождения. Независимая полнота тождества с каждым из первичных аспектов и мощностей — не сужение, как в разуме, в единственный погруженный опыт, кажущийся конечным и интегральным, ибо это будет несовместимостью реализаций единства всех аспектов и мощностей существования — является способностью, внутренне присущей сознанию Бесконечного; это на самом деле есть база и оправдание понимания надразума и его воли доводить каждый аспект, каждую мощь, каждую возможность до их независимой полноты. Но Сверхразум держит всегда и в каждом статусе или условии духовную реализацию Единства всего; сокровенное присутствие этого единства — там, даже с наиполнейшим захватом каждой вещи, каждого состояния, придающего свой целостный восторг, мощь и ценность: итак, там нет потери взгляда утверждающих аспектов, даже когда есть полное принятие истины негативного. Надразум все еще держит чувство лежащего в основании Единства; то является для него надежной базой независимого опыта. В Разуме знание единства всех аспектов потеряно на поверхности, сознание погружено в захватывающие, исключительные отдельные утверждения; но здесь также, даже в неведении Разума, тотальная реальность все еще остается позади исключительного поглощения и может

быть снова открыта в форме глубокой ментальной интуиции или же в идее или чувстве лежащей в основании истины интегрального тождества; в духовном разуме это можно развить в вечно-присутствующий опыт.

Все аспекты вездесущей Реальности имеют свою фундаментальную истину в Верховном Существовании. Так, даже аспект или мощь Неведения, кажущаяся противоположностью, отрицанием вечной Реальности, все же соответствует Истине, удерживаемой в себе при помощи само-сознающего и все-сознающего Бесконечного. Это, когда мы близко взглянем на нее, мощь Бесконечного сознания, погруженного в транс само-инволюции, само-забытья Духа, завуалированного в своих собственных пучинах, где ничто не проявлено, а все непостижимо существует и может всплыть из этой невыразимой скрытности. В высотах Духа это состояние космического или бесконечного транса-сна является нашему пониманию как светлое высочайшее Сверхсознание: на другом конце бытия оно назначает себя постижению как потенциальность Духа, представляющая себе противоположности своих собственных истин бытия — пучину не-существования, глубокую Ночь несознания, безмерный обморок нечувствительности, из которого все же могут проявлять себя все формы бытия, сознания и восторга существования — но они появляются в ограниченных терминах, в медленно всплывающих и увеличивающихся само-образованиях, даже в терминах, противоположных им самим; это игра тайного все-бытия, все-восторга, все-знания, но оно соблюдает правила своего собственного само-забытья, само-ограничения, пока не станет готовым к тому, чтобы превозмочь их. Это Несознание и Неведение, которое мы видим за работой в материальной вселенной. Это не отрицание, это один термин, одна формула бесконечного и вечного Существования.

Здесь важно понять смысл, обретаемый явлением Неведения в таком тотальном понимании космического бытия, понять предназначенное ему место в духовном хозяйстве вселенной. Если бы все нами переживаемое было обманом, нереальным созданием в Абсолюте, то как космическое, так и индивидуальное существование было бы по самой своей природе Неведением; единственным реальным знанием было бы неопределимое само-осознание Абсолюта. Если бы все было возведением временной и феноменальной надстройки напротив реальности свидетельствующего безвременного Вечного, и если творение было бы не проявлением Реальности, а произвольным самодейственным космическим построением, то это также было бы некоторого рода обманом. Наше знание о творении было бы знанием о временной структуре мимолетного сознания и бытия, сомнительного Становления, проходящего перед взором Вечного, а не знанием Реальности; это также было бы Неведением. Но если все является проявлением Реальности и само реально благодаря составляющему постоянству, поддерживающей сущности и присутствию Реальности, то осознание индивидуального бытия и бытия мира будет в своем духовном начале и природе игрой бесконечного само-знания и все-знания: неведение могло бы быть только подчиненным движением, подавленным или ограниченным пониманием или могло бы быть частичным и несовершенным развивающимся знанием с истинным и полным само-осознанием и все-осознанием, сокрытыми как в нем, так и позади него. Это стало бы временным явлением, не причиной и сущностью космического существования; его неизбежным завершением было бы возвращение духа, не прочь космоса к единственному супраментальному само-осознанию, но даже в самом космосе к интегральному само-знанию и все-знанию.

Можно было бы возразить, что супраментальное постижение, в конце концов, не есть конечная истина вещей. За пределами супраментального плана сознания, являющегося промежуточной ступенью от надразума и разума к полному опыту Сатчитананды, существуют величайшие высоты проявленного Духа: ясно, что здесь существование вовсе не будет базироваться на определении Одного во множественности, он будет проявляться единственно и просто чистым единством в тождестве. Но супраментальная Истина-Сознание не будет отсутствовать на тех планах, ибо она есть внутренне присущая мощь Сатчитананды: разница будет в том, что определенности не будут разграничениями, они будут пластичным, перемешанным, безграничным конечным. Ибо там все в каждом и каждое во всем радикально и интегрально — там будет до крайности фундаментальное осознание тождества, взаимное включение и взаимопроникновение сознания: знание, каким мы представляем его себе, не будет существовать, потому что оно не будет требоваться, поскольку все будет прямым действием сознания в самом бытии, идентичным, сокровенным, внутренне присущим само-осознанием и все-осознанием. Но все же не будут исключены связи сознания, связи взаимного восторга существования, связи само-мощи бытия с само-мощью бытия; эти высочайшие духовные планы не будут пустой неопределенностью, вакансией чистого существования.

Снова можно было бы сказать, что пусть это и так, но в самой Сатчитананде, по крайней мере, над мирами проявления, не может быть ничего кроме само-осознания чистого существования и сознания и чистого восторга существования. Или, на самом деле, само это триединое бытие могло бы с успехом быть только тройкой первичных духовных само-определенностей Бесконечного; эти определенности, подобно всем определенностям, прекратили бы свое существование в невыразимом Абсолюте. Но наша позиция такова, что эта тройка должна быть внутренне присущей истиной верховного бытия; ее крайняя реальность должна пред-существовать в Абсолюте, даже если там она невыразимо другая, чем в высочайшем возможном духовном опыте разума. Абсолют — это не мистерия бесконечной пустоты и не верховная сумма отрицаний; ничто не может проявиться, если оно не подтверждено некоторой само-мощью первоизданной и вездесущей Реальности.

Глава II

БРАХМАН, ПУРУША, ИШВАРА — МАЙЯ, ПРАКРИТИ, ШАКТИ

Он здесь, в существах, неделимый и как будто поделенный.

Гита (XII. 17.)

Брахман, Истина, Знание, Бесконечное.

Тайттирия Упанишад (II. 1.)

Познай Пурушу и Пракрिति как вечные без начала.

Гита (XIII. 20.)

Должно знать Майю как Пракрिति и Мастера Майи как великого Господа всего.

Светасварта Упанишад (IV. 10.)

Это могущество Божества в мире вращает колесо Брахмана. Нужно знать Его, верховного Господа всех господинов, верховное Божество над всеми божествами. Верховна также его Шакти и многогранные природные работы ее знания и ее силы. Единое Божество, оккультное во всех существах, внутреннее Я всех существ, все-проникающее, абсолют без качеств, надсмотрщик над всеми действиями, свидетель, знающий.

Светасварта Упанишад (VI. 1,7,8,11.)

Итак, есть верховная Реальность — вечная, абсолютная и бесконечная. Поскольку она абсолютная и бесконечная, то в самом своем существе неопределимая. Она неопределима и непостижима конечным и определяющим Разумом; она невыразима речью, созданной разумом; она неопишима ни с помощью наших отрицаний, нети-нетти — ибо мы не можем ограничить ее, сказав, что она не это или не то — ни с помощью наших утверждений, сказав, что она есть это или то, ити-ити. И все же, хотя она непознаваема для нас таким способом, она никоим образом не непознаваема; она само-очевидна для себя и, хотя невыразима, все же само-очевидна для знания путем отождествления, к чему духовное существо в нас должно быть способно; ибо это духовное существо является в своей сущности и по своей первичной и сокровенной реальности ни чем иным, как этим Верховным Существованием.

Но хотя и неопределяемое таким образом Разумом, в силу своей абсолютности и бесконечности, но мы находим, что это Верховное и Вечное Бесконечное определяет себя для нашего сознания во вселенной при помощи реальных и фундаментальных истин своего бытия, которое находится за пределами вселенной и в ней, и является самим основанием ее существования. Эти истины представляются нашему концептуальному постижению как фундаментальные аспекты, в которых мы видим и переживаем вездесущую Реальность. В себе они охватываются напрямую, не при помощи интеллектуального понимания, а благодаря духовной интуиции, духовному переживанию в самой субстанции нашего сознания; но они также могут быть схвачены в концепции при помощи большой и пластичной идеи и могут быть выражены некоторым образом при помощи пластичной речи, которая не слишком настаивает на жестком определении или ограничивает широту и тонкость идеи. Чтобы выразить это переживание или эту идею с какой-либо близостью, должен быть создан язык, который был бы одновременно интуитивно метафизическим и открывающе поэтическим, допускающим значимые и живые образы в качестве носителя близкого, подразумевающего и ярко-живого указателя — язык, подобный тому, какой мы находим выработанным в тонких и начиненных грандиозностями Ведах и Упанишадах. В обычном языке метафизического мышления мы вынуждены соглашаться с отдаленными указками, приближением путем абстрагирования, которые еще могут сослужить некоторую службу нашему интеллекту, ибо именно этот вид языка подходит к нашим методам логического и рационального понимания; но на самом деле интеллект должен согласиться выйти за границы конечной логики и приучить себя к логике Бесконечного. Единственно при этом условии, на этом пути видения и мышления, перестает быть парадоксальным или тщетным говорить о невыразимом: но если мы настаиваем на применении конечной логики к Бесконечному, то вездесущая Реальность ускользает от нас, и вместо нее мы схватываем абстрактную тень, мертвую форму, оцепеневшую в речи или с трудом высеченную диаграмму, которая говорит о Реальности, но не выражает ее. Наш способ познания должен соответствовать тому, что требуется узнать; иначе мы придем только к отделенным спекуляциям, рисунку знания, а не к настоящему знанию.

Верховный аспект Истины, который так проявляется нам, есть вечное и бесконечное и абсолютное само-существование, само-осознание, само-восторг бытия; на этом основываются все вещи, и это тайно поддерживает их и

проникает в них. Это Самосуществование открывает себя снова в трех терминах своей сущностной природы — “я”, Сознательное Существо или Дух, и Бог или Божественное Бытие. Более подходящи Индийские термины — Реальность Брахмана есть Атман, Пуруша, Ишвара; ибо эти термины произрастают из корней Интуиции и, являя охватывающую точность, способны на пластическое приложение, которое исключает как неопределенность при использовании, так и жесткую ловушку слишком ограниченного интеллектуального понятия. Верховный Брахман есть то, что в Западной метафизике называется Абсолютом: но Брахман в то же время является вездесущей Реальностью, в которой все относительное существует как ее формы или ее движения; это Абсолют, который вбирает в свой охват все относительности. Упанишады подтверждают, что все это есть Брахман; Разум есть Брахман; Жизнь есть Брахман; Материя есть Брахман; адресуясь к Вайи, Богу Воздуха, Жизни, они говорят: “О, Вайу, ты проявляешь Брахмана”; и, указывая на человека и зверя и птицу и насекомое, каждое отдельно отождествленное с Одним — “О, Брахман, ты есть этот старик и мальчик и девочка, эта птица, это насекомое”. Брахман есть Сознание, знающее себя во всем том, что существует; Брахман есть Сила, поддерживающая мощь Бога и Титана и Демона, Сила, которая действует в человеке и животном и формах и энергиях Природы; Брахман есть Ананда, тайное Блаженство существования, являющееся эфиром нашего бытия, без которого ничто не могло бы дышать или жить. Брахман есть внутренняя Душа во всем; он обрел форму в соответствии с каждой созданной формой, которую он населяет. господь Существов есть то, что созидательно в сознательном существе, но он есть также Сознательное в несознательных вещах, Один, кто есть мастер и контролер множества того, что пассивно находится в руках Силы-Природы. Он есть Безвременное и Время; он есть Причинность, и он причина и следствие: Он есть мыслитель и его мышление, воин и его храбрость, азартный игрок и его ставка. Все относительности и все аспекты и все подобия есть Брахман; Брахман есть Абсолют, трансцендентное и непередаваемое, Супракосмическое Существование, поддерживающее космос, Космическое Я, поддерживающее все существо, но Он есть также “я” каждого индивида: душа или психическая сущность есть вечная порция Ишвары; это верховная Природа или Сознание-Сила, ставшая живым существом в мире живущих существ. Есть только брахман, и благодаря Этому все существует, ибо все есть Брахман; это Реальность является реальностью всего, что мы видим в “я” и Природе. Брахман, Ишвара, есть все это, что посредством его Йоги-Майи, мощью его Сознания-Силы выводится в само-проявление; он есть Сознательное Существо, Душа, Дух, Пуруша, и именно благодаря его Природе, силе его сознательного само-существования он является всеми вещами; он есть Ишвара, все-ведающий и всемогущий Все-правитель, и при помощи своей Шакти, своей сознательной Мощи он проявляет себя во Времени и управляет вселенной. Это и другие утверждения, взятые вместе, все-охватывающие: разум может вырезать и отбирать, строить замкнутую систему и отбрасывать все то, что не подходит к ней; но мы должны базироваться на полном и многостороннем утверждении, если нам должно достичь интегрального знания.

Абсолютное, вечное и бесконечное Само-существование, Само-осознание, Само-восторг бытия, тайно поддерживающий и пропитывающий вселенную, даже хотя он также находится и за пределами нее, является, следовательно, первой истиной духовного переживания. Но эта истина бытия имеет одновременно безличностный и личностный аспект; это не только Существование, это одно Бытие абсолютное, вечное и бесконечное. Как существуют три фундаментальных аспекта, в которых мы встречаемся с этой Реальностью — “я”, Сознательное Существо или Дух и Бог, Божественное Существо, или в Индийских терминах, абсолютная и вездесущая Реальность, Брахман, проявляется нам как Атман, Пуруша, Ишвара — точно также его мощь Сознания является нам в трех аспектах: это самосила этого сознания, понимающе созидающая все вещи, Майя; это Пракрити, Природа или Сила, делающаяся динамически исполнительной, вырабатывающая все вещи под наблюдающим взором Сознательного Существа, “я” или Духа; это сознательная Мощь Божественного Бытия, Шакти, как понимающе созидающая, так и динамически исполняющая все божественные работы. Эти три аспекта и их мощи лежат в основании и заключают в себе целостность существования и всей Природы, и взятые вместе как единое целое, они примиряют кажущееся несоответствие и несовместимость супракосмической Трансцендентности, космической универсальности и отделенности нашего индивидуального существования; Абсолют, космическая Природа и мы сами связана в единстве этим триединым аспектом одной Реальности. Ибо взятое само по себе, существование Абсолюта, Верховного Брахмана, будет противоречием относительной вселенной, и наше собственное реальное существование будет несовместимым с его единственной несообщающейся Реальностью. Но Брахман в то же время вездесущ во всех относительностях; это Абсолют, независимый ото всех относительностей, Абсолют, основывающий все относительности, Абсолют, управляющий, пропитывающий, составляющий все относительности; нет ничего, что не было бы вездесущей Реальностью.

В унитарном неограниченном целостном видении картины Само-Существования и его работ они стоят вместе и подавляют своей убедительной тотальностью: но при анализе логического интеллекта они порождают массу трудностей, таких, какие должны порождать всяческие попытки возвести логическую систему из восприятия неограничиваемого Существования; ибо любая такая попытка должна либо стремиться к согласованности при произвольном делении на части комплексной истины вещей, либо иначе в силу ее [истины] исключительной всесторонности, стать логически непригодной. Ибо мы видим, что Неопределимое определяет себя как бесконечное и конечное, Неизменное допускает постоянную изменчивость и бесконечную разницу, Один становится неисчислимым множест-

вом, Безличностное создает и поддерживает личностное, само является Личностью; “я” имеет природу и все же отличается от своей природы; Бытие обращается в становление и все же всегда остается собой и отличается от своих становлений; Универсальное индивидуализирует себя и Индивидуальное универсализирует себя; Брахман одновременно пустыня качеств и способен на бесконечные качества, Господь и Делатель работ, и все же не -деятель и немой свидетель работ Природы. Если мы внимательно посмотрим на эти работы Природы, раз уж мы отбросили вуаль известности и наше недумающее молчаливое согласие процессу вещей, отбросили как естественное, поскольку всегда происходит так, то мы откроем, что все то, что она делает в целом или частях, есть мираж, действие некоторой непостижимой магии. Бытие Само-существования и мир, возникший в нем, каждый по отдельности и все вместе, являют супрарациональную мистерию. Нам кажется, что в вещах должен быть некий разумный смысл, поскольку процессы физического конечного согласуются с нашим взглядом, и закон этих процессов определяем, но при более тщательном изучении кажется, что этот разумный смысл в вещах всякий раз наталкивается на иррациональное или инфрарациональное и супрарациональное: согласованность, определяемость процесса кажется скорее уменьшающейся, чем увеличивающейся, по мере того как мы переходим от материи к жизни и от жизни к ментальности; если конечное до некоторой степени согласуется с тем взглядом, что как будто бы оно было рациональным, то бесконечно малое отказывается быть ограниченным теми же законами, и бесконечно неохватываемо. Что касается действия вселенной и ее значения, то все это ускользает от нас; если существуют “я”, Бог или Дух, то его обращение с миром и нами непостижимо, не дает нам ключа, который можно использовать. Бог и Природа и даже мы сами движемся неким тайным образом, постижимым только частично и в отдельных точках, но в целом ускользающим от нашего понимания. Все работы Майи выглядят подобно производству супрарациональной магической Мощи, которая устраивает вещи в соответствии со своей мудростью или своей фантазией, но эта мудрость не наша, и фантазия ставит в тупик наше воображение. Дух, проявляющий вещи или проявляющийся в них так неопределенно, выглядит для нашего рассудка подобно Волшебнику, и его мощь или Майя кажется созидательной магией: но магия может порождать иллюзии или творить изумительные реальности, и нам трудно судить, с каким из этих супрарациональных процессов мы встречаемся в этой вселенной.

Но, на самом деле, причину этого впечатления следует искать не в чем-то иллюзорном или фантастическом в Верховном или вселенском Само-существовании, а в нашей неспособности охватить верховный ключ к его множественному существованию или открыть тайный план и образец его действия. Само-существующее является Бесконечным, а его способ бытия и действия должен быть способом Бесконечного, но наше сознание ограничено, наш разум построен из вещей конечного: будет иррациональным предположить, что конечное сознание и разум могут измерить Бесконечное; эта малость не может судить о той Необъятности; эта бедность, ограниченная использованием скудных средств, не может постичь обильного обращения с теми богатствами; невежественное полу-знание не может следовать движением Все-Знания. Наши рассуждения основываются на нашем опыте конечных операций физической Природы, на неполном наблюдении и неопределенном понимании нечего, что действует внутри пределов; мы выработали на этой основе определенные представления, которые стремимся сделать общими и универсальными, и все, что противоречит или не соответствует этим представлениям, считается иррациональным, ложным или необъяснимым. Но существуют различные порядки реальности, и представления, меры, стандарты, пригодные для одного порядка, вовсе не обязаны быть применимыми к другому. Наше физическое существо построено из совокупности мельчайших элементов, электронов, атомов, молекул, клеток; закон действия этих элементов не объясняет всех физических работ даже человеческого тела, они почти неприменимы к закону и процессу действия человеческих супрафизических частей, его жизненным движениям, движениям разума и движениям души. В теле конечные были образованы с их собственными привычками, свойствами, характерными способами действия; само тело — это конечное, не являющееся простой совокупностью этих более мелких конечных, которые оно использует как части, органы, составляющие инструменты своих операций; оно развило существо и обладает общим законом, превосходящим его зависимость от этих элементов или составляющих. Опять же, жизнь и разум являются супрарациональными конечными с различными и более тонкими модами операций, и никакая зависимость от физических частей как инструментов не может аннулировать внутренне присущий им характер; есть нечто большее и иное в нашем витальном и ментальном существе и витальных и ментальных силах, чем функционирование физического тела. Но, снова, каждое конечное в своей реальности или позади нее имеет Бесконечное, построившее и поддерживающее и направляющее конечное, которое оно сделало как само-образ; так что даже существо и закон и процесс конечного не могут быть поняты без знания того, что оккультно внутри или позади него: наше конечное знание, представления, стандарты могут быть справедливыми в своих пределах, но они неполны и относительны. Закон, основанный на наблюдении того, что поделено в Пространстве и Времени, не может быть уверенно применен к существу и действию Неделимого; он не может быть применен не только к беспространственному и безвременному Бесконечному, но и даже ко Временному Бесконечному и Пространственному Бесконечному. Закону и процессу, обязательным для нашего поверхностного существа, не требуется связывать то, что оккультно внутри нас. Опять же, наш интеллект, основывающийся на рассудке, находит трудным иметь дело с тем, что инфрарационально; жизнь инфрарациональна, и мы находим, что наш интеллектуальный рассудок, применяющий себя к жизни, постоянно давит на нее контролем,

мерой, искусственным прокрустовым правилом, что либо преуспевают в убийстве или окаменении жизни, либо заключают ее в жесткие формы и установки, что увечит ее и связывает ее способности или заканчивается в плохой работе, в восстании жизни, в упадке или расколе систем и суперструктур, возведенных на ней нашим интеллектом. Требуется инстинкт, интуиция, которых интеллект не имеет под своей командой и не всегда слушается их, когда они приходят, чтобы помочь ментальной работе. Но еще более трудно нашему рассудку понять и иметь дело с супрарациональным; супрарациональное — это царство духа, и рассудок теряется в обширности, тонкости, глубине, комплексности его движений; здесь только интуиция и внутренний опыт являются проводниками, или, если есть нечто другое, то это то, по отношению к чему интуиция является острой кромкой, интенсивным направленным лучом — конечное озарение должно прийти из супраментальной Истины-Сознания, из супраментального видения и знания.

Поэтому существо и действие Бесконечного не нужно рассматривать так, как если бы оно было магической пустыней всего смысла; напротив, существует большой смысл в операциях Бесконечного, но это не мистический или интеллектуальный смысл, а духовный и супраментальный: в нем есть логика, поскольку там есть связи и отношения, непогрешимо видимые и исполняемые; что является магией для нашего конечного рассудка, есть логика Бесконечного. Это величайший смысл, величайшая логика, поскольку она более обширна, тонка, комплексна в своих операциях: она охватывает все данные, которые не может охватить наше наблюдение, она выводит из них результаты, которые не может предвидеть ни наша дедукция, ни наша индукция, поскольку наши заключения и выводы имеют скудное основание и ненадежны и хрупки. Если мы наблюдаем происходящее, то судим о нем и объясняем его по результатам и по проблескам его наиболее внешних составляющих, обстоятельств и причин; но все происходящее является продуктом комплексного переплетения сил, которых мы не наблюдаем и которых мы не можем наблюдать, поскольку все силы для нас невидимы — но они не невидимы для духовного видения Бесконечного: некоторые из них являются действительностями, работающими с тем, чтобы произвести или дать толчок новой действительности, некоторые являются возможностями, близкими к пред-существующим действительностям, и некоторым образом включены в их совокупность; но также всегда могут вмешиваться новые возможности, которые внезапно становятся динамическими потенциалами и добавляются к сплетению сил, и позади всего существуют императивы или императив, над приведением в действие которого трудятся эти возможности. Более того, возможны различные результаты из одного и того же сплетения сил; то, что придет из них, определяется санкцией, которая, без сомнения, готова и ожидает все время, но кажется быстро входящей с тем, чтобы вмешаться и изменить все, это решающий божественный императив. Все это не может схватить наш рассудок, поскольку он является инструментом неведения с очень ограниченным видением и маленьким запасом усвоенного и не всегда очень определенного или надежного знания, и также вследствие этого он не имеет средств прямого осознания; ибо разница между интуицией и интеллектом состоит в том, что интуиция рождена из прямого осознания, тогда как интеллект является непрямым действием знания, которое строит себя с трудностью из неизвестного посредством знаков и указателей и собранных данных. Но то, что неведомо нашему разуму и чувствам, само-очевидно Бесконечному Сознанию, и, если есть Воля Бесконечного, то это должна быть Воля, действующая в этом полном знании и являющаяся совершенным спонтанным результатом тотальной само-очевидности. Это не тормозящая эволюционная Сила, ограниченная тем, что она развила, и не воображающая Воля, действующая в пустыне из пустого каприза; это истина Бесконечного, утверждающая себя в определениях конечного.

Очевидно, что такому Сознанию и Воле не требуется действовать в гармонии с заключениями нашего ограниченного рассудка или в соответствии с процедурой, известной ему, с заключениями, достижимыми в рамках нами сконструированных понятий или подчиняющимися этическому доводу, работающему ради ограниченного и фрагментарного блага; Сознание и Воля могут допускать и в действительности допускают вещи, считающиеся нашим рассудком иррациональными и неэтическими, поскольку это было необходимо для окончательного и тотального Добра и для выработки космической цели. То, что кажется нам иррациональным или предосудительным в отношении частного набора фактов, мотивов, желаемого могло бы быть совершенно рациональным и одобрительным в связи с более широким мотивом и тотальностью данного и желаемого. Рассудок с его частным видением выводит сконструированные заключения, которые стремится обратить в общие правила знания и действия, и он вынужден действовать по этому правилу или отбрасывает все то, что не подходит к нему: бесконечное Сознание не имеет таких правил, вместо этого оно имеет большие внутренне присущие ему истины, автоматически управляя выводом и результатом, но применяя их по-разному и спонтанно к различным тотальностям обстоятельств, так что благодаря этой гибкости и свободной адаптации оно может представляться более узкой способности вообще не имеющей стандартов. Таким же образом, мы не можем судить о принципе и динамической операции бесконечного бытия на основе стандартов конечного существования — то, что могло бы быть невозможным для нас, может быть нормальным и само-очевидным состоянием и мотивом величайшей свободной Реальности. Именно это делает разницу между нашим фрагментарным сознанием разума, конструирующего целостное из частей, и сущностным и тотальным сознанием, видением и знанием. В действительности невозможно, пока мы вынуждены использовать рассудок как нашу главную поддержку, отказаться от него всецело в пользу неразвитой или полу-организованной интуиции; но в связи с Бесконечным и его бытием и его действием императивом для нас является развить наш разум до крайней пластичности и открыть

его к осознанию больших состояний и возможностей того, что мы стремимся рассмотреть. Не годится применять наше ограниченное и ограничивающее сознание к Тому, что неограничиваемо. Если мы сконцентрируемся только на одном аспекте и будем считать его целым, то тем самым проиллюстрируем историю о слепых людях и слоне; каждый из слепых исследователей касался различных частей и заключал, что весь слон был животным, напоминающим ту часть, с которой он соприкасался. Переживание некоторого одного аспекта Бесконечного справедливо в себе; но мы не можем вывести из этого, что Бесконечное есть это, и также не будет надежным обозреть остальное Бесконечное в терминах этого аспекта и исключить все другие точки зрения на духовный опыт. Бесконечное есть одновременно сущность, безграничная тотальность и множественность; все это нужно узнать, чтобы истинно познать Бесконечное. Увидеть только части и вовсе не увидеть тотальность или увидеть ее только как сумму частей — это знание, но в то же время и неведение; увидеть только тотальность и игнорировать части — также знание, но одновременно и неведение, ибо часть может быть больше целого в силу того, что она принадлежит трансцендентному; увидеть только сущность, поскольку она приводит нас назад прямо к трансцендентному и отрицать тотальность и части — это почти последнее знание, но здесь также присутствует капитальное неведение. Знание должно быть целостным, и разум должен стать достаточно пластичным, чтобы увидеть все стороны, все аспекты и искать через них то, в чем они едины.

Поэтому, если мы увидим только аспект “Я”, то можем сконцентрироваться на его статическом молчании и пропустить динамическую истину Бесконечного; если мы увидим только Ишвару, то можем схватить динамическую истину, но пропустить вечный статус и бесконечное молчание, осознать только динамическое существо, динамическое сознание, динамический восторг бытия, но пропустить чистое существование, чистое сознание, чистое блаженство бытия. Если мы сконцентрируемся только на Пуруше-Пракрिति, то сможем увидеть только дихотомию Души и Природы, Духа и Материи, и упустим их единство. При рассмотрении действия Бесконечного мы должны избегать ошибки ученика, возмнившего себя Брахманом и отказавшегося внять предупреждению погонщика слона уйти с узкой дороги, затем поднятого хоботом слона и убранного с пути; “Несомненно, ты есть Брахман”, сказал гуру этого озадаченного ученика, “но почему ты не подчинился погонщику Брахмана и не ушел с пути слона Брахмана?”. Мы не должны допускать ошибки подчеркивания одной стороны Истины и выводить из нее или действовать на ее основе, исключая все другие стороны и аспекта Бесконечного. Осознание “Я есть Тот” верно, но мы не можем надежно следовать ему, пока также не осознаем, что все есть Тот; наше само-существование есть факт, но мы должны осознать также другие “я”, то же самое “Я” в других существах и Того, кто превосходит как собственное-я, так и другие-я. Бесконечное одно во множественности, и его действие охватываемо только верховным Смыслом [Рассудком], который учитывает все и действует как единое осознание, наблюдающее себя в разнице и уважает свои собственные различия, так что каждая вещь и каждое существо имеет свою форму сущностного бытия и свою форму динамической природы, сварупа, свадхарма, и всему уделяется должное место в тотальной работе. Знание и действие Бесконечного едино в неограниченной изменчивости: с точки зрения бесконечной Истины будет равной ошибкой как настаивать на одинаковости действия во всех условиях, так и на разнообразии действий без какой-либо унифицирующей истины и гармонии за этим разнообразием. Что касается наших собственных принципов поведения, то если мы хотим действовать в этой великой Истине, то равным образом было бы ошибкой настаивать только как на “своем я”, так и на “я других”; только на “Я всего” должны мы основывать единство действия и тотальное, бесконечно пластичное и все же гармоничное разнообразие действия; ибо в этом природа работы Бесконечного. Если мы взглянем с точки зрения большего, более пластичного разума, принимающего во внимание логику Бесконечного, на те трудности, что встречаются нашему интеллекту, когда тот пытается постичь абсолютную и вездесущую Реальность, то увидим, что вся трудность — вербальная и концептуальная и не настоящая. Наш интеллект смотрит на свое понятие об Абсолюте и видит, что он должен быть неопределяемым, и в то же время он видит мир определенностей, происходящий из Абсолюта и существующий в нем — ибо он не может произойти ни из чего другого и не может существовать где-либо еще; это утверждение еще дальше ставит в тупик, также трудно спорить на той предпосылке, что все определенности есть ничто другое, как сам этот неопределимый Абсолют. Но это противоречие исчезает, когда мы начинаем понимать, что эта неопределенность по своему смыслу не негативна, не является наложением неспособности на Бесконечное, а позитивна, это свобода внутри себя от ограничения своими собственными определенностями и необходимо свобода от любого внешнего определения, являющегося не собой, поскольку нет реальной возможности того, что такое “не-я” [not-self] придет в существование. Бесконечное неограниченно свободно, свободно определять себя бесконечно, свободно от всякого сдерживающего воздействия своих собственных созданий. На самом деле Бесконечное не создает, оно проявляет то, что находится в нем, в его собственной сущности реальности; оно само есть сущность всей реальности, и все реальности суть мощь этой одной Реальности. Абсолют не создает, а также и не создан — в текущем понимании делаемого и сделанного; мы можем говорить о создании только в смысле Бытия, становящегося в форме и движении, чем оно уже является в субстанции и статусе. Все же мы должны подчеркнуть его неопределяемость в том специальном и позитивном смысле, не как отрицание, а как неперемнное условие его свободного само-определения, поскольку без этой Реальности была бы фиксированная вечная определенность, либо неопределенность, фиксированная и ограниченная суммой возмож-

ностей определения, внутренне присущих ей. Его свобода от всех ограничений, от любого связывания своим собственным порождением сама не может быть обращена в ограничение, абсолютную неспособность, отрицание всей свободы само-определения; именно это было бы ограничением, попыткой определить и ограничить отрицанием бесконечное и неограничиваемое. Сам факт двух сторон природы Абсолюта, сущностной и само-созидающей или динамической, не вносит никакого противоречия; только чистая бесконечная сущность может формулировать себя бесконечными способами. Одно утверждение дополняет другое, нет взаимного отрицания, несовместимости; это только двойное утверждение единственного неизбежного факта человеческим разумом на человеческом языке. То же самое примирение встретится везде, когда мы напрямую и точно взглянем на истину Реальности. В нашем переживании нее мы начинаем осознавать Бесконечное, сущностно свободное от своих ограничений качествами, свойствами, чертами; с другой стороны, мы осознаем Бесконечное, избыточное неисчислимыми качествами, свойствами чертами. Здесь снова утверждение неограниченной свободы позитивное, не негативное; оно не отрицает то, что мы видим, а напротив, дает непреложное условие для нее, оно делает возможным свободное и бесконечное само-выражение в качествах и характерных чертах. Качество есть характеристика мощности сознательного бытия; или можно сказать, что сознание бытия, выражающее то, что находится в нем, делает мощь, которую оно выставляет, распознаваемой при помощи наложения на нее родственного штампа, который мы называем качеством или свойством. Отвага, как качество, является такой мощью бытия, это определенное свойство моего сознания, выражающая сформулированную силу моего существа, выносящего или создающего в действии определенный род силы моей природы. Точно также мощь лекарства исцелять является его свойством, специальной силой бытия, родственной тому растению или минералу, из которого лекарство произведено, и эта специализация определяется Реальностью-Идеей, сокрытой в инволюционном сознании, которое пребывает в растении или минерале; это идея выносит в себе то, что было там в корне проявления, и теперь выходит, так наделенная мощностью, как сила бытия. Все качества, свойства, характерные черты являются такими мощностями сознательного бытия, так выдвинутыми вперед из себя Абсолютом; Он имеет все внутри Себя, Он обладает свободной мощью выводить все вперед ¹ [to put all forth]; все же мы не можем определить Абсолют как как качество отваги или лечения, мы не можем даже сказать, что это является характерной чертой Абсолюта, а также не можем мы просуммировать качества и сказать: “это есть Абсолют”. Но также мы не можем говорить об Абсолюте как о чистом пробеле, неспособном проявлять эти вещи; напротив, он способен на все, мощности всех качеств и свойств внутренне присущи ему. Разум испытывает затруднение, поскольку он должен сказать: “Абсолют или Бесконечное не является ни одной из этих вещей, эти вещи не есть Абсолют или Бесконечное” и одновременно добавить: “Абсолют является всеми этими вещами, они не есть что-то иное, чем Он, ибо Он есть единственное существование и все-существование”. Здесь становится очевидно, что трудность порождается только чрезмерной конечностью мысленных понятий и словесных выражений, но в действительности ее не существует; ибо, очевидно, что будет абсурдным сказать, что Абсолют является отвагой и целительная сила есть Абсолют, но будет равным образом абсурдно отрицать способность Абсолюта выдвигать вперед отвагу или целительную силу в качестве само-выражений его проявления. Когда логика конечного отказывает нам, мы должны вооружиться прямым и неограниченным видением того, что лежит позади в логике Бесконечного. Тогда мы можем представить себе, что Бесконечное суть бесконечность качеств, черт, мощностей, но никакая сумма качеств, черт, мощностей не может описать Бесконечное.

Мы видим, что Абсолют, “Я”, Божественное, Дух, Существо есть Одно; Трансцендентное — одно, Космическое — одно: но мы также видим, что существ много, и каждое из них имеет “я”, дух, как бы разной природы. И поскольку дух и сущность вещей — одно, то мы обязаны допустить, что все эти многие должны быть тем Одним, и следовательно, Один является или стал многим; но как может ограниченное или относительное быть Абсолютом, и как может человек или зверь или птица быть Божественным Существом? Но, воздвигая это кажущееся противоречие, разум совершает двойную ошибку. Он думает в терминах математически конечных величин, которые обязательно ограничены, когда одно меньше чем два и может стать двумя только при делении или разбиении или при сложении и умножении; но речь идет о бесконечном Едином, сущностном и бесконечном Тожестве, которое может содержать сотни и тысячи, и миллионы и биллионы, и триллионы. Какое бы астрономическое или более чем астрономическое число вы сможете собрать и размножить, оно не может превзойти или превысить это Единство; ибо, на языке Упанишад, оно не движется, и все же всегда оказывается далеко впереди того, что вы можете выдвинуть и охватить. Можно сказать, что оно не было бы бесконечным Единством, если бы не было способным на бесконечную множественность; но это не означает, что Одно многочисленно [plural] или описано как сумма Множества: напротив, оно может быть бесконечным Многим, поскольку превышает всякое ограничение или описание посредством множественности и в то же время превышает всякое ограничение при помощи конечного понятийного тождества. Плюрализм не является ошибкой, поскольку хотя и есть духовная многочисленность, множество душ существуют зависимо и внутренне зависимо; их сумма также не есть Одно, а также не составляет космическую тотальность; они

¹ Слово, используемое на Санскрите для созидания, подразумевает высвободить или выводить вперед то, что находится в бытии.

зависят от Одного и существуют благодаря своему Единству: и все же многочисленность не есть нереальность, именно Одна Душа пребывает как индивидуальная в этих многих душах, и они вечны в Одном благодаря одному Вечному. Это представляет трудность для ментального рассудка, делающего противопоставление между Бесконечным и конечным и ассоциирующего конечность с многочисленностью и бесконечность с одним; но в логике Бесконечного не существует такого противопоставления, и извечность Много в Одном есть вещь совершенно естественная и возможная.

Опять же, мы видим, что существует бесконечный чистый статус и недвижимое молчание Духа; мы также видим, что существует и безграничное движение Духа, мощь, динамическое духовное все-содержащее само-расширение Бесконечного. Наши представления накладывают на это восприятие, само по себе верное и точное, противопоставление между молчанием и статичностью и динамикой и движением, но для понимания и логики Бесконечного не может быть такого противопоставления. Единственно молчащее и статичное Бесконечное, Бесконечное без бесконечной мощи и динамики и энергии допустимо не более, как восприятие одного аспекта; немощный Абсолют, немощественный Дух немислим: бесконечная энергия должна быть динамикой Бесконечного, все-мощь должна быть могуществом Абсолюта, неограниченная сила должна быть силой Духа. Но это молчание, этот статус является базисом для движения, вечная неподвижность суть необходимое условие, поле, сущность даже для бесконечной мобильности, стабильное бытие есть условие и основание для обширного действия Силы бытия. Только когда мы достигнем нечто из этого молчания, то сможем основать на этом силу и энергию, что было бы немисливо в нашем поверхностном беспокойном состоянии. Противопоставление, делаемое нами — ментальное и понятийное; на самом деле, молчание Духа и динамика Духа являются взаимодополняющими истинами и неразделимы. Неизменный молчащий Дух может держать бесконечную энергию покоящейся и неподвижной внутри себя, ибо он не ограничен своими собственными силами, не является их субъектом или инструментом, а в действительности обладает ими, в действительности высвобождает их, способен на вечное и бесконечное движение, не утомляется и не вынужден останавливаться, и все же все время его молчаливая неподвижность, внутренне присущая его действию и движению, ни на мгновение не теряется или возмущается или меняется его действием или движением; свидетельствующее молчание Духа присутствует в самом начале всех голосов и работ Природы. Эти вещи, возможно, трудны для нашего понимания вследствие того, что наша собственная конечная способность в любом направлении ограничена, и наши понятия базируются на наших ограничениях; но, должно быть, легко увидеть, что эти относительные и конечные понятия не применимы к Абсолюту и Бесконечному.

Мы представляем Бесконечное бесформенным, но везде мы видим форму и формы, окружающие нас, и должно быть, и в действительности подтверждается Божественным Бытием то, что оно одновременно Форма и Бесформенное. Ибо здесь также кажущееся противоречие не соответствует реальной противоположности; Бесформенное является не отрицанием мощи формирования, а условием свободного формирования, присущего Бесконечному: ибо иначе была бы единственная Форма или только фиксированность или сумма возможных форм в конечной вселенной. Бесформенность является характером духовной сущности, духовной субстанцией Реальности; все конечные реальности являются мощностями, формами, само-оформлением той субстанции: Божественное бесформенно и безымянно, но по этой самой причине способно проявлять все возможные имена и формы бытия. Формы являются проявлениями, не произвольными вторжениями из ничего; ибо линия и цвет, масса и конструкция, являющиеся сущностными чертами формы, всегда несут в себе значимость, являются, можно сказать, тайными ценностями и значениями невидимой реальности, сделанной видимой; именно по этой причине рисунок, линия, оттенок, масса, состав могут воплотить то, что иначе было бы невидимым, могут передать то, что иначе было бы оккультно чувству. Можно сказать, что форма суть врожденное тело, неизбежное само-проявление бесформенного, и это верно не только по отношению к внешним формам, но и к невидимым образованиям разума и жизни, которые мы охватываем только нашим мышлением, к тем осязаемым формам, которые может осознать только внутренне сознание своим тонким захватом. Имя в своем глубоком смысле есть не слово, посредством которого мы описываем объект, а тотальность мощи, качества, характера реальности, которую воплощает форма вещей и которую мы стремимся представить одним обозначающим звучанием, постижимым именем, Ноуменом. Можно сказать, что Ноумен в этом смысле есть Ньюмен; тайные Имена Богов являются их мощностью, качеством, характером существа, схваченных сознанием и сделанных постижимыми. Бесконечное безымянно, но в этой безымянности все возможные имена, Ньюмены богов, имена и формы всех реальностей уже охвачены и предначертаны, поскольку они там скрыты и внутренне присущи Все-Существованию.

Из этих рассматриваний становится ясно, что сосуществование Бесконечного и конечного, заложенное в самой природе вселенского бытия, не есть сопоставление или взаимное включение двух противоположностей, а также естественно и неизбежно, как отношение принципа Света и Огня с солнцами. Конечное есть фронтальный аспект и само-определение Бесконечного; никакое конечное не может существовать в себе и за счет себя, оно существует благодаря Бесконечному и вследствие этого оно односущностно с Бесконечным. Ибо под Бесконечным мы подразумеваем не единственно неограничиваемое само-расширение в Пространстве и Времени, а нечто также беспространственное и безвременное, само-существующее Неопределимое и Неограничиваемое, которое может выразить себя в

бесконечно малом так же, как и в обширном, в секунде времени, в точке пространства, в текущих обстоятельствах. Конечное выглядит как деление Неделимого, но такой вещи не существует: ибо это деление только кажущееся; есть разграничение, но настоящее отделение невозможно. Когда мы смотрим внутренним зрением и чувством, и не физическим взглядом, на дерево или другой объект, то осознаем бесконечную одну Реальность, составляющую дерево или объект, проникающую в каждый атом и молекулу, образующую их из себя, строящую всю природу, процесс становления, оперирования внутри пребывающей энергии; все это есть она сама, эта бесконечность, эта Реальность: мы видим ее неделимо расширяющуюся и объединяющую все объекты, так что ни один на самом деле не отделим от нее или совершенно отделен от других объектов. “Она находится”, говорит Гита, “неделимой в существах и все же как бы поделенной”. Таким образом, каждый объект есть это Бесконечное и един в сущностном бытии со всеми другими объектами, являющимися также формами и именами — мощностями, ньюменами — Бесконечного.

Это непринуждаемое единство во всех делениях и разнообразиях есть математика Бесконечного, выраженная в стихе Упанишад: “Это полно и То полно; вычти полное из полного, останется полное”. Ибо точно также можно сказать о бесконечном само-умножении Реальности, что все вещи есть это само-умножение; Один становится Многим, но все эти Многие есть Тот, кто уже и навсегда является собой и в становлении Многим остается Одним. Не существует деления Одного видимостью конечного, ибо именно одно Бесконечное является нам как множество конечного: творение ничего не добавляет к Бесконечному; после творения оно остается тем же, чем было до него. Бесконечное не есть сумма вещей, именно То является всеми вещами и большим, чем они. Если логика Бесконечного противоречит понятиям нашего конечного разума, то это вследствие того, что она превышает его и не базируется на данных ограниченных явлений, а охватывает Реальность и видит истину всех явлений в истине Реальности; она видит их не как отдельные существа, движения, имена, формы, вещи; ибо такими они не могут быть, поскольку так могло бы быть только в том случае, если бы они были явлениями в Пустыне, вещами без общего базиса или сущности, фундаментально несвязанными, связанными только сосуществованием и прагматическим отношением, не реальностями, существующими благодаря своему корню единства и, насколько они могут рассматриваться независимыми, независимость внешней и внутренней фигуры и движения которых гарантируется только их вечной зависимостью от своего родственного происхождения из Бесконечного, их тайным тождеством с одним Идентичным. Идентичное является их корнем, их причиной формы, одной мощью их меняющихся мощностей, составляющей их субстанцией.

В нашем представлении Идентичное есть Неизменное; оно одно и то же через вечность, ибо если оно является или становится предметом изменений или допускает различие, то перестает быть идентичным; но то, что мы видим повсюду, есть бесконечно меняющееся фундаментальное тождество, которое кажется самым принципом Природы. Базисная Сила одна, но она проявляет из себя неисчислимы силы; базисная субстанция одна, но она развивает много различных субстанций и миллионы непохожих объектов; разум один, но дифференцирует себя во множество ментальных состояний, образований разума, мыслей, восприятий, отличающихся друг от друга и вступающих в гармонию или контакт; жизнь одна, но формы жизни непохожи и неисчислимы; человечество одно по природе, но существуют различные расовые типы, и каждый индивидуальный человек сам по себе и некоторым образом непохож на остальных; Природа настаивает на прослеживаемых линиях различия на листьях одного дерева; она проводит дифференциацию так далеко, что было обнаружено, что рисунок линий на большом пальце у каждого человека свой, так что только по отпечаткам пальцев можно идентифицировать человека — и все же фундаментально все люди подобны, и нет сущностной разницы. Тождество или одинаковость повсюду, различия везде; внутренне пребывающая Реальность построила вселенную на принципе развития одного семени миллионами различных способов. Но это опять же логика Бесконечного; поскольку сущность Реальности одна и та же, она может надежно предполагать эти неисчислимы различия формы и характера и движения, ибо если бы они были даже триллионно размножены, это не повлияло бы на лежащую в основании неизменность вечного Идентичного. Поскольку “Я” и Дух в вещах и существах един повсюду, то Природа может позволить роскошь бесконечного разнообразия: если бы там не было этого надежного базиса, который приносит ей то, что ничего не изменяется, и все же все меняется, то все ее работы и творения в этой игре вверглись бы в дезинтеграцию и хаос; не было бы ничего, что удержало бы вместе ее несоразмерные движения и творения. Неизменность Идентичного не заключается в монотонной неменяющейся похожести, неспособной на разнообразие; она состоит в невозможности изменения бытия, которое способно на бесконечные образования бытия, но которое никакое изменение не может разрушить или повредить или умолить его. “Я” становится насекомым и птицей и зверем и человеком, но это всегда одно и то же “Я” через все эти изменения, поскольку это Один проявляет себя бесконечно в безграничном разнообразии. Наш поверхностный разум склонен заключать, что это разнообразие может быть нереальным, только кажущимся, но если мы взглянем немного глубже, то увидим, что настоящее разнообразие выявляет настоящее Единство, показывает его как бы крайнюю способность, вскрывает то, чем оно может быть и является в себе, высвобождает из наблюдения цвета множество тонов, которые там смешаны вместе; Тождество находит себя бесконечно в том, что кажется нам выпадением из его единства, но на самом деле является неистощимым разнообразным показом этого единства. Это мираж, Майя

вселенной, все же совершенно логичный, естественный и в порядке вещей для само-видения и само-переживания Бесконечного.

Ибо Майя Брахмана является одновременно магией и логикой бесконечно изменчивого Тожества; если бы, на самом деле, была бы только твердая монотонность ограниченного тождества или одинаковости, то не было бы места для смысла и логики, ибо логика заключается в правильном восприятии связей: высочайшая работа рассудка — найти одну субстанцию, один закон, цементирующий скрытую реальность, соединяющий и объединяющий многое, различное, несоответствующее и несоразмерное. Все вселенское существование движется между этими двумя полюсами, разнообразием Одного, объединением много и разнообразного, и так и должно быть, поскольку Одно и Множество суть фундаментальные аспекты Бесконечного. Ибо то, что божественное Само-знание и Все-знание выявляет в своем проявлении, должно быть истиной его бытия, и игра этой истины есть Лиля.

Следовательно, в этом состоит логика способа вселенского бытия Брахмана и базисная работа смысла, бесконечность интеллекта Майи. Как с бытием Брахмана, так и с его сознанием, Майей: она не ограничена конечным ограничением себя или одним состоянием или законом ее действия; она может быть многими вещами одновременно, может иметь много скоординированных движений, которые конечному рассудку могут показаться противоречивыми; это одно, но неисчислимо многократное, бесконечно пластичное, неисчерпаемо адаптируемое. Майя есть верховное и вселенское сознание и сила Вечного и Бесконечного, и будучи по своей природе неограниченной и беспредельной, она может одновременно выводить вперед много состояний сознания, множество распоряжений своей Силы, не прекращая быть навсегда одной и той же сознание-силой. Она одновременно трансцендентальна, универсальна и индивидуальна; это верховное супракосмическое Бытие, осознающее себя как Все-Бытие, как Космическое “я”, как Сознание-Сила космической Природы, и в то же время переживающая себя как индивидуальное существо и сознание во всех существованиях. Индивидуальное сознание видеть себя как ограниченное и отдельное, но может также превзойти свои ограничения и познать себя как вселенское и снова как трансцендентное к этой вселенной; это потому что присутствует во всех этих состояниях или позициях или лежит в их основании одно и то же триединое сознание в тройном статусе. Следовательно, нет никакой трудности для Одного так видеть или переживать себя тройным образом, будь то свыше в Трансцендентном Существовании или промежуточно в Космическом “я”, либо ниже в индивидуальном сознательном бытии. Все то, что необходимо для этого принять как естественное или логичное, это допустить, что могут быть различные реальные состояния сознания Одного Бытия, и что это не может быть невозможным для Существования, которое свободно и бесконечно и не может быть привязано к единственному условию; свободная мощь само-вариации должна быть естественной для сознания, которое бесконечно. Если допущена возможность многократного статуса сознания, то никакой предел не может быть отмечен на путях его вариации статуса, при условии, что Один осознает Себя одновременно во всех них; ибо Одно и Бесконечное должны быть так универсально сознательно. Единственная трудность, которая может быть разрешена в ходе дальнейших рассмотрений, заключается в том, чтобы понять связи между статусом ограниченного или сконструированного сознания, подобно нашему, статусом неведения, и бесконечным само-знанием и все-знанием.

Вторая возможность, которая должна быть допущена для Бесконечного Сознания, заключается в его мощи само-ограничения или вторичного само-образования в подчиненном движении внутри целостного беспредельного сознания и знания; ибо это является необходимым последствием мощи само-определения Бесконечного. Каждая само-определенность само-бытия должна иметь свое собственное осознание своей самоистины и своей само-природы; или, если предпочтительнее выразиться так, Бытие в этом определении должно так осознавать себя. Духовная индивидуальность подразумевает, что каждое индивидуальное “я” или дух является центром само-видения и все-видения; поле видения — безграничное поле видения, можно сказать — может быть одним и тем же для всех, но центр может быть разным — не локализованным как пространственная точка в пространственном круге, а психологическим центром, связанным с остальным через со-существование разнообразно сознательного Множества во вселенском бытии. Каждое существо в мире будет видеть один и тот же мир, но видеть его со своего собственного само-бытия в соответствии со своим собственным путем само-природы: ибо каждое будет проявлять свою собственную истину Бесконечного, свой собственный путь само-определения и встречи космических определенностей; его видение благодаря закону единства в разнообразии будет, несомненно, фундаментально тем же самым, как и у других, но оно будет все же развивать свою собственную особенность — как мы видим, все человеческие существа одним человеческим путем осознают одни и те же космические вещи, и все же всегда с индивидуальными различиями. Это само-ограничение будет не фундаментальной, а индивидуальной специализацией в общей универсальности или тотальности; духовный индивид будет действовать из своего собственного центра одной Истины и в соответствии со своей само-природой, но на общем базисе и без какой-либо слепоты по отношению к другим-я и природе других. Это будет сознание, ограничивающее свое действие с полным знанием, не движением неведения. Но помимо этого индивидуализированного самоограничения, должна также быть в сознании Бесконечного мощь космического само-ограничения; оно должно быть способным ограничивать свое действие, так чтобы основывать данный мир или вселенную и поддерживать ее в ее собственном порядке, гармонии, само-построении: ибо создание вселенной вызывает необходимость специальной определенности Бесконечного Сознания с тем, чтобы возвышаться над этим миром

и удерживать позади все то, что не нужно для этого движения. Таким же образом выдвигание вперед независимого действия некой мощности, подобной Разуму, Жизни или Материи, должно иметь в качестве своей поддержки аналогичный принцип само-ограничения. Нельзя сказать, что такое движение должно быть невозможным для Бесконечного, поскольку оно беспредельно; напротив, это должно быть одной из многих его мощностей, ибо его мощности также неограниченны: но это также, подобно другим само-определенностям, другим конечным построениям, будет не отделением или реальным разделением, ибо все Бесконечное Сознание будет вокруг и позади него и поддерживать его, и специальное его движение будет внутренне присуще осознавать не только себя, а по существу, все то, что было позади него. Это будет так, неизбежно, в интегральном сознании Бесконечного: но мы можем также предположить, что внутренне присущее, хотя и не активное, осознание такого рода, разграничивающее себя, и все же неделимое, могло бы быть также в тотальном само-осознании движения Конечного. Это по большей части космическое или индивидуальное сознательное само-ограничение будет с очевидностью возможным для Бесконечного и может быть принято большим разумом как одна из его духовных возможностей; но так далеко, на этой основе, любое деление или невежественное разграничение или связывание и слепое ограничение, такое как видится в нашем собственном сознании, будет необъяснимым.

Но может быть допущена третья мощь или возможность Бесконечного Сознания, его мощь само-поглощения, погруженная в себя, в состояние, в котором само-осознание существует, но не как знание и не как все-знание; тогда все будет вовлечено в чистое само-осознание, и знание и само внутреннее сознание будет потеряно в чистом бытии. Это, озаренно, есть состояние, которое мы называем Сверхсознанием в абсолютном смысле — хотя большая часть из того, что мы называем сверхсознательным, на самом деле является не этим, а только внешним сознательным, нечто, что сознательно по отношению к самому себе и сверхсознательно только по отношению к нашему ограниченному уровню осознания. Это само-поглощение, этот транс бесконечности, опять же, но более не озаренно, а в темноте, является состоянием, которое мы называем Бессознательным; ибо бытие Бесконечного там присутствует, хотя из-за видимости бессознания оно кажется нам скорее бесконечным не-бытием: самозабывшее внутренне присущее сознание и сила находятся там в кажущемся не-бытии, ибо энергией Бессознательного был создан упорядоченный мир; он создан в трансe само-поглощения, создан силой, действующей автоматически и с кажущейся слепотой как в трансe, но все же с неизбежностью и мощью истины Бесконечного. Если мы продвинемся на шаг дальше и допустим, что специальное или ограниченное и частное действие само-поглощения возможно для Бесконечного, не всегда бесконечности, сконцентрированной беспредельно в себе, но ограниченной специальным статусом или индивидуальной или космической само-определенностью, то мы получим объяснение сконцентрированному условию или статусу, благодаря которому оно становится осознающим отдельно один аспект своего бытия. Тогда может существовать фундаментальный двойной статус, такой как статус Ниргуны, отстоящий позади Сагуны и поглощенный своей собственной чистотой и недвижимостью, тогда как остальное удерживается позади за вуалью и не допускается внутри этого специального статуса. Таким же образом мы могли бы объяснить статус сознания, осознающего одно поле бытия или одно его движение, пока осознание всего остального будет удержано позади и сокрыто, или, как это было, отрезано разбуженным трансом динамической концентрации из специализированного или ограниченного осознания, занятого только своим собственным полем или движением. Тотальность бесконечного сознания была бы там, не умаленная, восстанавливаемая, но не вовне активная, активная только при приложении, благодаря внутренней присущности или инструментальности ограниченного осознания, не своей собственной проявленной мощи и присутствию. Очевидно, что все эти три мощности могут быть приняты как возможные в динамике Бесконечного Сознания, и только благодаря рассмотрению множества путей, в которых они могут работать, можем мы обрести ключ к пониманию операций Майи.

Это также проливает свет на противопоставление, делаемое нашими разумами между чистым сознанием, чистым существованием, чистым блаженством и обильной активностью, многократным применением, бесконечными превратностями бытия, сознанием и восторгом бытия, имеющими место во вселенной. В состоянии чистого сознания и чистого бытия мы осознаем только это, простое, неизменное, само-существующее, без формы или объекта, и мы чувствуем, что только это истинно и реально. В другом или динамическом состоянии мы чувствуем, что его динамизм совершенно истинен и естественен и даже можем думать, что невозможно никакое такое переживание, как переживание чистого сознания. все же теперь очевидно, что для Бесконечного Сознания возможна как статика, так и динамика; это два его статуса, и оба могут быть представлены одновременно во вселенском осознании, один, наблюдающий над другим и поддерживающий его или не смотрящий на него и все же автоматически поддерживающий его; или молчание и статус могут пропитываться активностью или выбросами этой активности, подобно океану, недвижимому в глубинах и выбрасывающему движущиеся волны на своей поверхности. В этом также кроется причина того, почему мы при определенных условиях можем осознавать одновременно несколько различных состояний сознания. Существует состояние бытия, переживаемое в Йоге, в котором мы оказываемся в двойном сознании, одном — на поверхности, малом, активном, невежественном, управляемом чувствами и мыслями, печалью и радостью и всеми видами реакций, другом -внутри спокойном, обширном, ровном, наблюдающем поверхностное бытие с недвижимой открепленностью или снисходительностью или, может быть, противодействующем возбу-

ждению поверхностного сознания с тем, чтобы успокоить, расширить, трансформировать его. Точно также мы можем подняться к сознанию, лежащему свыше, и наблюдать различные части нашего существа, внутренние и внешние, ментальные, витальные и физические и подсознательные, лежащие ниже всех, и с этого высшего статуса воздействовать на одну или другую или их целостность. Также можно спуститься вниз с этой высоты или с любой другой высоты в любые из этих низших состояний и принять их ограниченный свет или их темноту в качестве нашего места работы, в то время как остальные состояния, чем мы являемся, будут либо временно отстранены, либо удержаны позади или же приняты как поле, с которым мы можем соотноситься, черпать поддержку, получать санкции, свет или влияние, или приняты как статус, к которому мы можем подняться или в который мы можем отступить, и оттуда наблюдать низшие движения. Или мы можем погрузиться в транс, оказаться внутри себя и быть сознательными там, в то время как все внешние вещи будут исключены; или мы можем идти за пределы даже этого внутреннего осознания и потерять себя в некотором другом более глубоком сознании или некоем высшем сверхсознании. Существует также равно проникающее сознание, в которое мы можем вступить и увидеть всех нас в одном обволакивающем взгляде или вездесущим осознанием одного и неделимого. Все это, что выглядит странным и ненормальным или может показаться фантастическим поверхностному разуму, знакомому только с нашим нормальным статусом ограниченного неведения и его движениями, отделенными от нашей высшей и тотальной реальности, становится легко постижимым и допустимым в свете большего разума и логики Бесконечного или благодаря допущению больших беспредельных мощностей “я”, Духа в нас, односущностного с Бесконечным.

Брахман Реальности есть само-существующий Абсолют, и Майя есть Сознание и Сила этого само-существования; но по отношению ко вселенной Брахман появляется как “я” всего существования, Атман, космическое “я”, но также как верховное “я”, трансцендентное по отношению к собственной космичности и в то же время индивидуально-универсальное в каждом существе; тогда Майя может видеться как само-мощь, Атма-Шакти Атмана. Верно, что когда мы впервые начинаем осознавать этот аспект, то это происходит обычно в молчании целостного существа или, по крайней мере, во внутреннем молчании, которое отошло или стоит поодаль от поверхностного действия; это “я” тогда чувствуется как статус в молчании, недвижимое неизменное бытие, само-существующее, пронизывающее всю вселенную, вездесущее во всем, но не динамичное или активное, а стоящее поодаль от вечно мобильной энергии Майи. Тем же образом мы можем осознать его как Пурушу, отделенного от Пракрити, Сознательное Существо, стоящее позади активностей Природы. Но это есть исключительная концентрация, ограничивающая себя духовным статусом и отстраняющаяся от всякой деятельности, чтобы реализовать свободу Брахмана все-существующей Реальности ото всех ограничений своим собственным действием и проявлением: это существенная реализация, но не полная реализация. Ибо мы можем увидеть, что Сознательная-Мощь, Шакти, действующая и созидающая, является ни чем иным, как Майей или все-знанием Брахмана; это Мощь Я; Пракрити есть работа Пуруши, Сознательного существа, активного благодаря своей собственной Природе: тогда двойственность Души и Мира -Энергии, молчащего “я” и созидательной Мощи Духа есть в действительности не нечто двойственное и раздельное, а двуединое. Как мы не можем разделить Огонь и мощь Огня, также мы не можем разделить Божественную Реальность и ее Сознание-Силу, Чит-Шакти. Это первая реализация “Я” в качестве нечто совершенно молчащего и чисто статического не есть вся истина о нем, может быть также реализация “Я” в его мощи, “Я” как условия мировой деятельности и мирового существования. Однако, “Я” [the Self] есть фундаментальный аспект Брахмана, но с определенным подчеркиванием его безличности; поэтому Мощь “я” имеет вид Силы, действующей автоматически, тогда как “Я” поддерживает ее, наблюдает за ней, организует деятельность и наслаждается ею, но сам ни на мгновение не вовлечен в нее. Как только мы начинаем осознавать “Я”, мы осознаем его как вечное, нерожденное, невоплощенное, невовлеченное в свои работы: оно может чувствоваться внутри формы бытия, но также как нечто, обволакивающее ее, как нечто над ней, обзирающее свое воплощение свыше, адхйакша; одно вездесущее, одно и то же во всем, бесконечное и чистое и навсегда неуловимое. Это “я” может переживаться как Я индивида, “я” мыслителя, деятеля, наслаждающегося, но даже при этом оно всегда обладает этим величайшим характером; его индивидуальность является в то же время обширной универсальностью или очень легко переходит в нее, и следующим шагом к тому является тонкая трансцендентность или полный и невыразимый переход к Абсолюту. “я” есть тот аспект Брахмана, в котором он сокровенно чувствуется как бы одновременно индивидуальным, космическим, трансцендентным по отношению ко вселенной. Эта реализация “я” является прямым и скорым путем к индивидуальному освобождению, статической универсальности, превышению Природы. В то же время существует реализация “я”, в которой он чувствуется не только поддерживающим и обволакивающим все вещи, но составляющим все и идентифицирующимся в свободном тождестве со всеми становлениями в Природе. Но даже при этом свобода и безличность являются характерной чертой Я. Нет никакой видимости подчинения работам своей собственной Мощи во вселенной, такого как видимое подчинение Пуруши к Пракрити. Реализовать Я — значит реализовать вечную свободу Духа. Сознательное Существо, Пуруша есть “я” в качестве организатора, свидетеля, поддержки и господина и наслаждающегося формами и работами Природы. Как аспект “я” в своем сущностном характере является трансцендентным, даже будучи вовлеченным и отождествленным со своими вселенскими и индивидуальными становлениями, также аспект Пуруши по своему характеру является универсально-индивидуальным и сокровенно связанным с Природой, даже будучи

отделенным от нее. Ибо этот сознательный Дух, сохраняя свою безличность и вечность, свою универсальность, в то же время выдвигает более личностный аспект². Это безлично-личностное существо в Природе, от которой оно не всецело откреплено, ибо всегда связано с ней и составляет пару: Природа действует для Пуруши и по его санкции, по его желанию и для его удовольствия; Сознательное Существо придает свое сознание Энергии, которую мы называем Природой, воспринимает в этом сознании как в зеркале ее работы, принимает формы, которые она, исполняющая космическая Сила, творит и накладывает на него, он дает или отводит свои санкции от ее движений. Это переживание Пуруши-Пракрити, Духа или Сознательного Существа в его связях с Природой, имеет чрезвычайную практическую ценность; ибо от этих связей зависит вся игра сознания в воплощенном существе. Если Пуруша в нас пассивен и позволяет Природе действовать, принимая все, что она накладывает на него, давая постоянную автоматическую санкцию, тогда душа в разуме, жизни, теле, ментальное, витальное, физическое существо в нас становится подчиненным нашей природе, управляемым ее образованиями, движимым ее деятельностью; это нормальное состояние нашего неведения. Если Пуруша в нас начинает осознавать себя как Свидетеля и становится позади Природы, то это первый шаг на пути к свободе души; ибо он становится открепленным, и затем можно узнать Природу и ее процессы в ее работах, принимать их или не принимать, сделать санкцию более не автоматической, а свободной и действенной; мы можем выбирать, что ей следует делать или не делать в нас, или мы можем устранить всецело от ее работ и легко отойти в духовное молчание “я”, или мы можем отвергнуть ее теперешнее образование и подняться на духовный уровень существования, и оттуда перестроить наше существование. Пуруша может перестать подчиняться Природе, аниша, и стать ее господином, ишварой.

В философии Санкхьи мы находим наиболее тщательно разработанную метафизическую идею Пуруши-Пракрити. Эти две сущности вечно разделены, но в связи друг с другом. Пракрити есть мощь Природы, исполняющая Мощь, это Энергия, стоящая поодаль от Сознания; ибо Сознание принадлежит Пуруше, Пракрити без Пуруши инертна, механична, несознательна. Пракрити развивается в качестве своего формального “я” и базиса действия первичную Материю, и в ней проявляет жизнь и чувство и разум и интеллект; но интеллект, являющийся частью Природы и ее продуктом в первичной Материи, также инертен, механичен, несознателен — концепция, проливающая определенный свет на порядок и на связанные в совершенстве работы Несознательного в материальной вселенной: именно благодаря свету души, Духа, приданному механическим работам чувства-разума и интеллекта, они становятся сознательными при помощи его сознания, даже они как бы становятся активными только благодаря восхождению духа. Пуруша становится свободным путем отхода от Пракрити; он становится ее господином путем отказа быть вовлеченным в Материю. Природа действует при помощи трех принципов, мод или качеств ее вещества и ее действия, которые в нас становятся фундаментальными модами некоей психологической и физической субстанции и ее работ, принцип инерции, принцип кинетики [?-kinesis] и принцип баланса, света и гармонии: когда они находятся в неравном движении, Природа начинает действовать; когда они приходят в равновесие, она успокаивается. Пуруша, сознательное существо, множественен [plural], не один и не единственный, тогда как Природа одна: может даже показаться, что любой найденный нами принцип тождества в существовании принадлежит Природе, а каждая душа независима и уникальна, единственна сама по себе и отделена, как в своем наслаждении Природой, так и своим освобождением от Природы. Мы на опыте находим, что эти положения Санкхьи совершенно верны, когда вступает в прямой внутренний контакт с реальностями индивидуальной души и вселенской Природы; но они являются прагматическими истинами, и мы не ограничены тем, чтобы принять их в качестве целой или фундаментальной истины я или Природы. Пракрити представляет себя как несознательная Энергия в материальном мире, но по мере роста шкалы сознания она все более и более обнаруживает себя как сознательная сила, и мы воспринимаем, что даже ее несознание скрывает тайное сознание; точно также сознательное существо составляет множество в ее индивидуальных душах, но в ее “я” мы можем переживать ее как одно во всем и одно в своем собственном существенном существовании. Более того, переживание души и Природы как дуальности, верно, но переживание их единства имеет также свою законность. Если Природа или Энергия может наложить свои формы и работы на Существо, то это может быть только потому, что она есть Природа или Энергия Существа, и поэтому Существо может принять их как свои собственные; если Существо может стать господином Природы, то это должно быть вследствие того, что оно пассивно наблюдало над своей собственной Природой, делающей свою работу, но может также контролировать и господствовать; даже в пассивности его согласие необходимо для действия Пракрити, и эта связь убедительно показывает, что эти два не чужды друг другу. Эта дуальность занимаемая позиция, двойной статус, принятый для операций само-проявления существа; но нет вечной и фундаментальной разделенности и дуализма Существа и его Сознания-Силы, Души и Природы.

Эта Реальность, “я”, занимает позицию Сознательного Существа, рассматривающего и принимающего или правящего работами своей собственной Природы. Кажущаяся дуальность создана для того, чтобы могло быть свобод-

² Философия Санкхьи подчеркивает этот личностный аспект, делает Пурушу множественным, многочисленным и универсально приписанным Природе; с этой точки зрения каждая душа есть независимое существование, хотя все души переживают общую вселенскую Природу.

ное действие Природы, вырабатывающее себя с поддержкой Духа и опять же ради свободного и мастерского действия Духа, контролирующего и вырабатывающего Природу. Эта дуальность также необходима для того, чтобы Дух мог в любой момент по выбору отойти от любого образования его Природы и растворить все образование или принять или усилить новое или высшее образование. Это самые очевидные возможности Духа в его операциях со своей собственной Силой, и они могут наблюдаться и быть проверенными на нашем собственном опыте; они есть логические результаты мощностей Бесконечного Сознания, мощностей, которые должны видаться родственными его бесконечности. Аспект Пуруши и аспект Пракрити всегда идут вместе, и какой бы статус Природы или Сознания-Силы в действии не предполагался, проявлялся или развивался, всегда есть соответствующий статус Духа. В своем верховном статусе Дух есть верховное Сознательное Существо, Пурушоттама, и Сознание-Сила есть его верховная Природа, ПараПракрити. В каждом статусе градаций Природы Дух занимает подобающее место бытия, соответствующее той градации; в Природе Разума он становится ментальным существом, в Природе Жизни он становится витальным существом, в природе Материи он становится физическим существом, в Сверхразуме он становится Существом Знания; в верховном духовном статусе он становится Существом Блаженства и чистого Существования. В нас, воплощенных индивидах, он стоит позади всего как психическая Сущность, внутреннее “я”, поддерживающее другие формулировки нашего сознания и духовного существования. Пуруша, индивид в нас, космичен в космосе, трансцендентен в трансцендентности: тождество с “я” кажущееся, но именно “я” в его чистом безличностном-личностном статусе Духа в вещах и существах — безличностном, поскольку неразделен личностным качеством, личностном, поскольку возвышается над индивидуализациями я в каждом индивиде — имеет дело с работами своей Сознания-Силы, ее исполнительной силы само-природы, в любом положении, необходимом для этой цели.

Но, очевидно, не независимо от занимаемого положения или связи, формируемой в любом индивидуальном узле Пуруша-Пракрити, Существо в фундаментальной космической связи является господином или правителем своей природы: ибо даже когда оно позволяет Природе следовать своим собственным путем с ним, его согласие необходимо для поддержки ее работ. Это выявляется в своем наиполнейшем откровении в третьем аспекте Реальности, в Божественном Существо, которое является мастером и создателем вселенной. Здесь выходит на передний план верховная Личность, Существо в его трансцендентальном и космическом сознании и силе, всемогущее, всезнающее, контролер всех энергий, Сознательное во всем том, что сознательно или несознательно, Обитатель всех душ и разумов и сердец и тел, Правитель или Верховодитель всех работ, Наслаждающийся всем восторгом, Создатель, сделавший все вещи в своем собственном бытии, Все-Личность, для которой все существа — личности, Мощь, откуда берут начало все мощности, “я”, Дух во всем, своим бытием Отец всего того, что есть, в своем Сознании-Силе Божественная Мать, Друг всех созданий, Все-блаженное и Все-прекрасное, по отношению к которому вся красота и вся радость суть откровение, Все-любящий и Всеми-любимый. В определенном смысле, так увиденный и понятый, этот аспект становится наиболее полным и исчерпывающим из всех аспектов Реальности, поскольку здесь все объединено в единственной формулировке; ибо Ишвара супракосмичен, как и интракосмичен; Он есть тот, кто превышает и населяет и поддерживает всю индивидуальность; Он есть верховный и вселенский Брахман, Абсолют, верховное “я”, верховный Пуруша (Гита). Но, совершенно ясно, что это не есть личностный Бог из какой-либо религии, существо, ограниченное своими качествами, индивидуальное и отделенное ото всех остальных; ибо все такие личностные боги являются только ограниченными представлениями или именами и божественными личностями одного Ишвары. А также это не является Сагуной Брахман, активной и обладающей качествами, ибо это только одна сторона существа Ишвары; Ниргуна — недвижимый и без качеств — другая сторона Его существования. Ишвара есть Брахман Реальности, “я”, Дух, открытый как обладатель, наслаждающийся своим собственным само-существованием, создатель вселенной и единый с ней, Пантеоз [? — Pantheos], и все же превыше этого, Вечное, Бесконечное, Невыразимое, Божественная Трансцендентальность.

Резкое противопоставление, делаемое между личностью и безличностью нашим ментальным способом мышления, является порождением разума, базирующегося на видимостях материального мира; ибо здесь, в земном существовании, Несознательное, из которого все берет свое начало, появляется как нечто полностью безличностное; Природа, несознательная Энергия, полностью безличностна в своей проявленной сути и отношениях; все Силы носят маску безличности, все качества и мощности, Любовь и Восторг и само Сознание имеют этот аспект. Личностность видится как творение сознания в безличностном мире; это ограничение сдерживающимся формированием мощностей, качеств, населяющих сил природы-действия, заключение в ограниченный круг само-опыта, который мы должны превзойти — потеря личности обязательна, если мы хотим обрести универсальность, еще более необходима, если мы хотим достичь Трансцендентного. Но то, что мы так называем личностью, есть только образование поверхностного сознания; за ним есть Личность, принимающая множество личин, которая может в одно и то же время иметь много личностей, но сама одна, реальна, вечна. Если мы взглянем на вещи более широким взглядом, то сможем увидеть, что все безличностное есть только мощь Личности: само существование не имеет смысла без Существоющего, сознание не имеет опорного места, если нет того, кто сознателен, восторг бесполезен и недействителен без наслаждающегося, любовь не может иметь основания или исполнения, если нет любящего, все-мощь не нужна, если нет Всемогущего. Ибо то, что мы подразумеваем под Личностью, есть сознательное существо, даже если это

появляется здесь как термин или продукт несознательного, то это не так на самом деле: ибо само Несознательное является термином тайного Сознания, то, что появляется, величественнее того, в чем появляется, как Разум величественнее Материи, а Душа величественнее Разума; Дух, наиболее тайный из всего, верховное появление, последнее откровение, есть самое величественное из всего, и Дух есть Пуруша, Все-Личность, вездесущее Сознательное Существо. И именно неведение разума об этой истинной Личности в нас, его путание личности с нашим переживанием эго и ограниченной персональности, сбивающее с толку явление возникновения ограниченного сознания и личности в несознательном существовании вынудило нас создать противопоставление между этими двумя аспектами Реальности, но воистину нет никакой противоположности. Вечное бесконечное само-существование есть верховная реальность, но верховное трансцендентное вечное Существо, “я” и Дух — бесконечная Личность, можно сказать, поскольку ее существо есть сущность и источник всей личности — есть реальность и смысл само-существования: точно также космическое “я”, Дух, Существо, Личность есть реальность и смысл космического существования; то же самое “я”, Дух, Существо или Личность, проявляющая свою множественность, есть реальность и смысл индивидуального существования.

Если мы допустим Божественное Существо, верховную Личность и Все-Существо в качестве Ишвары, то возникает трудность в понимании его правления или управления миром-существованием, поскольку мы немедленно приписываем ему наши ментальные представления о человеческом правителе; мы воображаем его действующим при помощи разума и ментальной воли всемогущим произвольным образом в мире, на который он наложил свои ментальные представления как законы, и мы воспринимаем его волю как свободный каприз его личности. Но Божественному Существу нет необходимости действовать своевольно или согласно идее подобно всемогущему, но все же невежественному человеческому существу — если такое всемогущество вообще возможно — действует могущество: ибо оно не ограничено своим разумом; оно обладает всезнанием, в котором осознает истину всех вещей и осознает свою собственную все-мудрость, вырабатывающую их сообразно истине, присутствующей в них, их важности, их возможности или необходимости, императивной самости [selfness] их природы. Божественное свободно и не ограничено законом какого-либо деления, но все же оно действует по законам и сообразно процессам, поскольку они являются выражением истины вещей — не только их механической, математической или другой внешней истины, а духовной реальности того, что они есть, чем они стали и еще должны стать, что они должны реализовать в себе. Он сам представлен в работе, но он также превышает ее и может ее отвергать; ибо с одной стороны Природа работает сообразно ее ограниченному комплексу формул и информируется и поддерживается в их исполнении Божественным Присутствием, но с другой стороны, существует надзор, высшая работа и определенность, даже вмешательство, свободное, но не произвольное, часто кажущееся нам магическим и сверхъестественным, поскольку оно происходит из Сверхразума и воздействует на Природу: здесь Природа является ограниченным выражением этого Сверхразума и открыта ко вмешательству или мутации его светом, его силами, его влиянием. Механический, математический, автоматический закон вещей есть факт, но внутри него присутствует духовный закон сознания за работой, который придает механическим шагам Природных сил внутренний поворот и значение, существенную правоту и тайно сознательную необходимость, и выше этого есть духовная свобода, знающая и действующая в верховной и универсальной истине Духа. Наш взгляд на божественное правление миром или на тайну его действия либо несправимо антропоморфичен, либо неизлечимо механичен; как антропоморфизм, так и механизм имеют свои элементы истины, но они — только сторона, аспект, а настоящая истина заключается в том, что мир управляется Одним во всем и над всем, тем, кто бесконечен в своем сознании, и именно в свете закона и логики бесконечного сознания следует нам понимать важность и построение и движение вселенной.

Если мы рассмотрим этот аспект одной Реальности и приведем его в близкую связь с другими аспектами, то сможем обрести полный взгляд на отношение между вечным Само-Существованием и динамикой Сознания-Силы, посредством которой оно проявляет вселенную. Если мы поместим себя в молчащее Само-существование, недвижимое, статичное, неактивное, то окажется, что зачинающая Сознание-Сила, Майя, способная задействовать все свои представления, динамичная супруга “я” молчания, действует везде; она базируется на фиксированном неподвижном вечном статусе и бросает духовную субстанцию бытия всеми возможными способами в формы и движения, с которыми соглашается ее пассивность или в которых она берет свое беспристрастное удовольствие, свой недвижимый восторг созидательного и мобильного существования. Независимо от того, является ли это реальным или иллюзорным существованием, то должно быть ее субстанцией и значением. Сознание играет с Бытием, Сила Природы делает то, что хочет с Существованием и делает это веществом своих творений, но тайным образом согласие Бытия необходимо на каждом шаге, чтобы сделать это возможным. Это очевидная истина в таком восприятии вещей; это то, с чем мы сталкиваемся в себе и вокруг себя; это истина вселенной, и она должна отвечать фундаментальному аспекту истины Абсолюта. Но когда мы отойдем от внешней динамической видимости вещей, но не в свидетельствующее Молчание, а во внутренний динамический принимающий участие опыт Духа, то обнаружим, что эта Сознание-Сила, Майя, Шакти сама является мощью Бытия, Само-Существующего, Ишвары. Бытие является господином ее и всех вещей, мы видим его делающим все в своей собственной суверенности, как создателя и правителя своего собственного проявления; или, если он остается позади и дает свободу действия силам Природы и ее

творений, его суверенность все еще остается внутренне присущей этому разрешению, на каждом шаге подразумевается его молчаливая санкция “пусть будет так”, татхасту; ибо иначе ничего не могло бы быть сделано или произойти. Бытие и его Сознание-Сила, Дух и Природа не могут быть фундаментально дуальными: все, что Природа делает, на самом деле делается Духом. Это также является истиной, которая становится очевидной, когда мы идем за оболочку и чувствуем присутствие живой Реальности, которая повсюду и все определяет, является Все-мощью и Все-правителем; это также есть фундаментальный аспект истины Абсолюта.

Опять же, если мы остаемся поглощенными Молчанием, то созидательное Сознание и его работа растворяются в Молчании; Природа и творения перестают для нас существовать или быть реальными. С другой стороны, если мы взглянем исключительно на Бытие в его аспекте единственно-существующей Личности и Правителя, то Мощь или Шакти, посредством которых он делает все вещи, растворяется в его единственности или становится атрибутом Его космической личности, абсолютная монархия одного Бытия становится нашим восприятием вселенной. Оба эти опыта создают много трудностей для разума вследствие не-восприятия реальности Само-Мощи в единственности или действии, или слишком исключительного негативного переживания “я”, или вследствие слишком антропоморфного характера наших представлений, прикрепленных к Верховному Существу как Правителю. Очевидно, что мы смотрим на Бесконечное, Само-Мощь которого способна на множество движений, и все из них законны. Если мы взглянем более широко и примем во внимание как безличностную, так и личностную истину вещей как одну истину, если в этом свете, свете личностного в безличностном, мы увидим двуединый аспект “я” и Мощи “я”, тогда в Аспекте Личности возникает дуальная Личность, Ишвара-Шакти, Божественное “я” и Создатель и Божественное “я” и Творения [Creatrix] вселенной; становится понятной для нас мистерия мужского и женского космических Принципов, чья игра и взаимодействие необходимы для всего творения. В сверхсознательной истине Само-Существования эти два принципа сплавлены вместе и подразумевают друг в друге одно и неистощимое, но в духовно-прагматической истине дуализма вселенной они появляются и становятся активными; Божественная Мать-Энергия как вселенская творящая сила, Майя, Пара-Пракрити, Чит-Шакти проявляет космическое “я” и Ишвару и свою собственную само-мощь как двойной принцип; именно через нее действует Бытие, “я”, Ишвара, и он не делает ничего, кроме как помимо нее; хотя его Воля подразумевается в ней, именно она выполняет все как верховная Сознание-Сила, которая держит все души и существа внутри нее и как исполнительная Природа; все существует и действует в согласии с Природой, все есть Сознание-Сила, проявляющаяся и играющая с Бытием в миллионах форм и движений, в которые она бросает его существование. Если мы отойдем назад от ее работ, тогда все может впасть в состояние покоя, и мы можем войти в молчание, потому что она соглашается прекратить свою динамическую активность; но именно в ее покое и молчании мы успокаиваемся. Если мы утверждаем нашу независимость от Природы, то она открывает нам верховную и вездесущую мощь Ишвары и нас как существа его существа, но эта мощь есть она сама, и мы являемся тем в ее сверхприроде. Если мы реализуем высшее образование или статус бытия, то это должно быть сделано все же через нее, через Божественную Шакти, Сознание-Силу Духа; наша сдача должна быть Божественному Существу через Божественную Мать: ибо именно к верховной Природе и в нее наш подъем должен иметь место, и это может быть сделано только при помощи супраментальной Шакти, вбирающей нашу ментальность и трансформирующей ее в ее супраментальность. Таким образом, мы видим, что нет противоречия или несовместимости между этими тремя аспектами Существования, или между ними в их вечном статусе и тремя модами Динамики, работающими во вселенной. Одно Бытие, одна Реальность в качестве “я” основывает, поддерживает, информирует, в качестве Ишвары волит, управляет и обладает своим миром проявления, созданным и удерживаемым в движении и действии своей собственной Сознание-Силой или Само-Мощью — Майей, Пракрити, Шакти.

Определенная трудность для нашего разума появляется в примирении этих различных лиц или передних сторон Одного “я” и Духа, потому что мы вынуждены использовать абстрактные понятия и слова-определения и идеи для нечего, что не абстрактно, что духовно живо и потрясающе реально. Наши абстракции прикрепляются к различным понятиям, между которыми проходит четкая линия разделения: но не такова природа Реальности; ее аспектов множество, но все они неизменно переходят друг в друга. Истина Реальности может быть передана только идеями и образами, являющимися одновременно метафизическими и живыми и конкретными -образами, которые могут быть взяты чистым Разумом в качестве изображений и символов, но являющимися большим, чем это, зачастую гораздо большим для интуитивного видения и чувства, ибо они являются реальностями динамического духовного опыта. Безличностная истина вещей может быть передана в абстрактных формулах чистого разума, но есть и другая сторона истины, принадлежащая духовному или мистическому видению, и без этого видения реальностей абстрактные формулировки, касающиеся их, недостаточно живы, неполны. Тайна вещей заключена в настоящей истине вещей; интеллектуальное представление передает истину только в переформулировании, в абстрактных символах, как бы в кубическом искусстве мышления-речи, в геометрической фигуре. В философском исследовании необходимо по большей части придерживаться этим интеллектуальным представлениям, но также следует помнить, что это только абстракция Истины, и что для полного ее охвата или полного ее выражения необходимо конкретное переживание и более живой и более наполненный язык.

Здесь уместно взглянуть, как в этом аспекте Реальности должны мы рассматривать связь, открытую нами между Одним и Многим; это имеет значение для определения истинной связи между индивидуальным и Божественным Существом, между Душой и Ишварой. В обычном теистическом представлении Множество создано Богом; сделанное им, подобно тому, как горшечник лепит сосуд, оно зависит от него так, как творение зависит от создателя. Но в этом широком взгляде на Ишвару Множество само является Божественным Одним в его сокровенной реальности, является индивидуальным “я” верховного и вселенского Само-Существования, вечными так, как он вечен, но вечными в его бытии: наше материальное существование на самом деле является порождением Природы, но душа есть бессмертная часть Божественности, и за ней стоит Божественное “я” в природном творении. Все же Одно — это фундаментальная Истина существования, а Множество существует благодаря Одному, и поэтому существует полная зависимость проявленного существа от Ишвары. Эта зависимость скрывается разделяющим неведением эго, которое пытается существовать по своему собственному усмотрению, хотя на каждом шаге оно с очевидностью зависит космической мощи, создавшей его, движимо им, является частью космического бытия и действия; ясно, что это усилие эго есть недооценка, ошибочное отражение истины само-существования, которая содержится внутри нас. Верно, что в нас есть нечто, не в эго, а в “я” и сокровенном существе, нечто, что превосходит космическую Природу и принадлежит Трансцендентному. Но это нечто также обретает независимость от Природы только благодаря зависимости от внешней Реальности; только через само-отдачу или сдачу души и природы Божественному Существому можем мы достичь нашего высочайшего “я” и верховной Реальности, ибо именно Божественное Существо есть то высочайшее “я” и та верховная Реальность, и мы само-существуем и вечны только в его вечности и благодаря его само-существованию. Эта зависимость не противоречит Тождеству, а сама является дверью к реализации Тождества — так что здесь мы также встречаем то явление дуальности, выражающее единство, исходящее из единства и вновь открывающееся единству, являющееся постоянной и фундаментальной операцией вселенной. Именно эта истина сознания Бесконечного создает возможность всех связей между Многим и Одним, среди которых реализация тождества разумом, присутствие тождества в сердце, существования тождества во всех членах занимает высочайшее место, и все же это не отменяет, а утверждает все другие личные связи и придает им их полноту, их полный восторг, их полное значение. Это суть магия, но и логика Бесконечного.

Все же остается одна проблема, требующая разрешения, и она может быть решена на той же основе; это проблема противопоставления Не-Проявленного и проявления. Ибо можно было бы сказать, что все то, что было достигнуто прежде, может быть истиной проявления, но проявление является реальностью низшего порядка, частным движением, вызванным из Не-Проявленной Реальности, и когда мы входим в то, что верховно Реально, эти истины вселенной теряют какую-либо законность. Не-Проявленное безвременно, предельно вечно, является абсолютным несводимым само-существованием, к которому проявление и его ограничения не могут дать никакого ключа или дают ключ только иллюзорный и обманчивый в силу его недостаточности. Отсюда возникает проблема отношения Времени к безвременному Духу; ибо мы предположили, напротив, что то, что не проявлено в Безвременном Вечном, проявлено в Вечности Времени. Если это так, если временное есть выражение Вечного, то при всем различии условий, при всей частности выражений, то, что все же фундаментально во Временном выражении, должно некоторым образом пред-существовать в Трансцендентном и быть почерпнутым из безвременной Реальности. Ибо если это не так, то эти фундаментальные вещи должны прийти в выражение Времени напрямую из Абсолюта, отличного от Времени и Безвременности, и Безвременный Дух должен быть верховным духовным отрицанием, неопределимым, основывающим свободу Абсолюта от ограничения тем, что сформулировано во Времени — он должен быть негативным по отношению к позитивному Времени, быть в том же с ним отношении, как Ниргуна к Сагуне. Но на самом деле то, что мы подразумеваем под Безвременным, есть духовный статус существования, не подчиненный движению времени или последовательному или относительному переживанию времени, как прошлого, настоящего и будущего. Безвременный Дух совсем не обязательно является пустотой; он может содержать в себе все, но в сущности, безотносительно ко времени или форме или связи или обстоятельствам, возможно, в вечном единстве. Вечность есть общий термин между Временем и Безвременным Духом. То, что в Безвременном не проявлено, подразумевается, сущностно, возникает во Времени в движении, или, по крайней мере, в замысле и отношении, в результате и обстоятельстве. Поэтому Безвременное и Время — суть одна и та же Вечность или то же самое Вечное в двойном статусе; они представляют двукратный статус бытия и сознания, одно — это вечность недвижимого статуса, другое — вечность движения в этом же статусе.

Первозданный статус — статус безвременной и беспространственной Реальности; Пространство и Время будут той же Реальностью, само-расширенной до того, чтобы содержать развертывание того, что было внутри нее. Различие будет или может быть, как и во всех других противостояниях, в Духе, взирающем на себя в сущности и принципе бытия, и в том же самом Духе, взирающем на себя в динамизме своей сущности и принципа. Пространство и Время — это имена, даваемые нами этому само-расширению одной Реальности. Мы привыкли видеть Пространство как статичное расширение, в котором все вещи стоят или движутся вместе в фиксированном порядке; мы видим время как мобильное расширение, измеряющееся движением и происходящим: тогда Пространство будет Брахманом в само-расширенном статусе; Время будет Брахманом в само-расширенном движении. Но это только первое впечатление, и

оно неточно: Пространство может на самом деле быть постоянно движущимся, в котором постоянство и неизменная временная связь вещей создает ощущение стабильности Пространства, и в котором мобильность создает ощущение движения времени в стабильном Пространстве. Или опять же, Пространство будет Брахманом, расширенным для того, чтобы удержать вместе формы и объекты; Время будет Брахманом, само-расширенным для того, чтобы развернуть движение само-мощи, несущей формы и объекты; тогда Пространство и Время будут дуальным аспектом одного и того же само-расширения космического Вечного.

Чисто физическое Пространство могло бы считаться само по себе свойством Материи; но Материя — это порождение Энергии в движении. Поэтому в материальном мире Пространство могло бы быть либо фундаментальным само-расширением материальной Энергии, либо ее само-сформированным полем существования, ее представлением Несознательной Бесконечности, в которой она действует, фигурой, в которой она дает пристанище формулам и движениям своего собственного действия и само-порождения. Само Время будет курсом того движения или, иначе, впечатлением, созданным им, впечатлением нечего, что представляет себя нам как регулярно последовательное в своем явлении — деление или континуум, поддерживающий непрерывность движения и все же отмечающий свою последовательность — поскольку движение само по себе регулярно последовательно. Или иначе Время могло бы быть измерением Пространства, необходимым для полного действия Энергии, но не понятым нами в качестве такового, поскольку оно видится нашей сознательной субъективности как нечто субъективное в себе, ощущается нашим разумом, но не воспринимается нашим действием, и поэтому не распознается как измерение пространства, которое имеет для нас видимость созданного чувствами или воспринятого чувствами объективного расширения.

В любом случае, если Дух есть фундаментальная реальность, то Время и Пространство должны быть либо концептуальными условиями, при которых Дух обзирает свое собственное движение энергии, либо они должны быть фундаментальными условиями самого Духа, который предполагает различную видимость или статус в соответствии со статусом сознания, в котором они проявляются. Другими словами, для каждого статуса нашего сознания существуют различные Времена и Пространства, и даже в пределах каждого статуса есть различные движения Времени и Пространства; но все будет передачей фундаментальной духовной реальности Пространства-Времени. В действительности, когда мы выходим за физическое пространство, то начинаем осознавать расширение, на котором базируется все движение, и это расширение — духовное и не материальное; это “я” или Дух, содержащий все действие своей собственной Энергии. Это происхождение или базисная реальность Пространства начинает становиться видимой, когда мы отходим от физического: ибо тогда мы начинаем осознавать субъективное расширение Пространства, в котором сам разум живет и движется и которое есть нечто другое, чем физическое Пространство-Время, и все же в этом есть некоторая интерпретация; ибо наш разум может двигаться в своем собственном пространстве таким образом, чтобы вызвать движение также в пространстве Материи или действовать на что-то удаленное в пространстве Материи. В еще более глубоком состоянии сознания мы осознаем чисто духовное Пространство; в этом осознании Время кажется больше не существующим, поскольку прекращаются все движения, или, если что-то движется и происходит, то это может иметь место независимо в любой наблюдаемой последовательности Времени.

Если в аналогичном внутреннем движении мы выйдем за пределы Времени, отойдем от физического и взглянем на него, не будучи вовлеченными в него, то откроем, что восприятие Времени и движение Времени — относительны, но само Время реально и вечно. Восприятие Времени зависит не только от используемых мер, но и от сознания и положения наблюдателя: более того, каждое состояние сознания имеет другую временную связь; Время в сознании Разума и Пространство Разума имеют не то же самое ощущение и меру своих движений, как в физическом Пространстве; движение происходит быстрее или медленнее в соответствии с состоянием сознания. Каждое состояние сознания имеет свое собственное Время, и все же могут существовать связи Времени между ними; и когда мы уходим за физическую поверхность, то находим, что в одном и том же сознании могут со-существовать несколько различных статусов Времени и движений Времени. Это очевидно во Времени сна [грезы — dream], когда длинная последовательность событий может произойти в период, соответствующий секунде или нескольким секундам физического Времени. Тогда есть определенная связь между различными статусами Времени, но нет установившегося соответствия меры. Может показаться, что Время как будто бы не имеет объективной реальности, а зависит от тех условий, которые могут быть установлены действием сознания в его связи со статусом и движением бытия: Время может показаться чисто субъективным. Но, на самом деле, Пространство также может показаться субъективным в силу взаимной связи Пространства Разума и Пространства Материи; другими словами, оба пространства являются первозданным духовным расширением, но передающимся отдельными аспектами разума по-разному: чистым разумом — как субъективное поле разума, чувством — как объективное поле само-восприятия. Субъективность и объективность — это только две стороны одного сознания, и кардинальным фактом является то, что любое данное Пространство и Время или любое данное Пространство-Время как целое являются статусом бытия, в котором есть движение сознания и силы бытия, движение, которое создает или проявляет события и происходящее; именно отношение видящего сознания и силы, формулирующей происходящее, отношение, внутренне присущее статусу, определяет ощущение Времени и создает наше осознание движения Времени, связи Времени, меры Времени. В этой фунда-

ментальной истине первозданный статус Времени за всеми его вариациями есть ничто иное, как вечность Вечного, точно также, как фундаментальная истина Пространства, первозданное ощущение его реальности есть бесконечность Бесконечного. Бытие может иметь три различные состояния своего сознания по отношению к своей собственной вечности. Первое — это то, в котором присутствует недвижимый статус “я” в его сущностном существовании, само-поглощенное или само-сознательное, но в любом случае в нем нет развития сознания в движении или происходящего; это то, что мы различаем как безвременную вечность. Второе — это его целостное сознание последовательных связей всех вещей, принадлежащих предначертанному или в действительности происходящему проявлению, в котором то, что мы называем прошлым, настоящим и будущим, стоят вместе, как на карте или в определенном плане или в большой степени подобно тому, как артист, художник или архитектор может держать все детали своей работы в своем разуме, обозревая их в целом и извлекая их и выстраивая по определенному плану для исполнения; это стабильный статус или одномоментная интегральность Времени. Это видение Времени вообще не является частью нашего обычного восприятия событий, как они происходят, хотя наш взгляд на прошлое, поскольку оно уже известно и может рассматриваться в целом, может считаться чем-то, имеющим тот же характер; но мы знаем, что это сознание [сознание второго статуса] существует, поскольку в исключительном состоянии можно войти в него и видеть вещи с точки зрения этой одномоментности видения Времени. Третий статус — статус разворачивающегося движения Сознание-Силы и ее последовательная выработка того, что было выдано ею в статическом видении Вечного; это движение Времени. Но именно в одной и той же Вечности существует этот тройной статус и имеет место движение; в действительности нет двух вечностей, одной — вечности статуса, другой — вечности движения, а есть различные статусы или положения, принимаемые Сознанием по отношению к одной Вечности. Ибо можно видеть целостное развитие Времени со стороны или находясь над движением; можно занять устойчивое положение внутри движения и смотреть на “до” и “после” в фиксированной, определенной или предначертанной последовательности; или вместо этого можно занять мобильную позицию в движении, самому двигаться с ним от момента к моменту и видеть, как все то, что произошло, отступает назад в прошлое, и все то, что должно произойти, приходит из будущего; или иначе можно сконцентрироваться только на занимаемом моменте и не видеть ничего, кроме того, что происходит в тот момент и непосредственно вокруг и за ним. Все эти положения могут приниматься существом Бесконечного в одновременном видении или переживании. Оно может видеть Время, находясь над ним и внутри него, превышая его и не изнутри; оно может видеть, как Безвременное развивает движение Времени, не прекращая быть безвременным, оно может охватить целостное движение в статическом и динамическом видении и в то же время выводить нечто из себя в видение момента. Эта одновременность может показаться конечному сознанию, привязанному к видению момента, магией Бесконечного, магией Майи; его собственному способу восприятия, которому требуется ограничивать, рассматривать каждый статус по отдельности, чтобы затем все сгармонизировать, это дает ощущение запутанной и несогласующейся нереальности. Но для бесконечного сознания такая интегральная одновременность видения и переживания будет совершенно логичной и согласующейся; все сможет стать элементами целостного видения, способными быть тесно связанными друг с другом в гармоничном устройстве, во множественности взгляда, выносящего единство виденных вещей, разнообразное представление сопутствующих аспектов Одной Реальности.

Если может быть эта одновременная множественность само-представления одной Реальности, то мы видим, что нет невозможности сосуществования Безвременного Вечного и Вечности Времени. Это будет одна и та же Реальность, обозреваемая дуальным само-осознанием, и не может быть противоречия между ними; будет взаимная корреляция двух мощностей само-осознания бесконечной и вечной Реальности — мощь статуса и непроявления, мощь само-осуществляемого действия и движения и проявления. Эта одновременность, какой противоречащей и труднопримиримой она не может показаться нашему ограниченному поверхностному видению, будет внутренне присущей и нормальной для Майи или вечного само-знания и все-знания Брахмана, вечного и бесконечного знания и мощи мудрости Ишвары, сознания-силы Сатчитананды.

Глава III

ВЕЧНОЕ И ИНДИВИДУАЛЬНОЕ

Он есть Я.

Иша Упанишад (стих 6)

Это вечная порция Меня стала живым существом в мире живых существ... Око знания видит Господа, пребывающего в теле и наслаждающегося и идущего вперед от него.

Гита (XV. 7,10.)

Две прекраснокрылые птицы, друзья и со-ратники, уселись на общее дерево, и одна ест сладкие фрукты, а другая смотрит на нее и не ест ... Где крылатые души взывают к открытию знания их части бессмертия, там Господь всего, Опекун Мира завладевает мною, он Мудр, "я" невежествен.

Риг Веда(I.164. 20,21.)

Тогда есть фундаментальная истина существования, Вездесущая Реальность, вездесущая над космическим проявлением и в нем и присущая в каждом индивиде. Существует также динамическая мощь Все-присутствия, сознательное само-проявляющееся действие бесконечной Сознания-Силы. Как фаза или движение само-проявления существует нисхождение в кажущееся материальное несознание, пробуждение индивида из Несознания и эволюция его существа в духовное и супраментальное сознание и мощь Реальности, в его собственное вселенское и трансцендентное "я" и источник существования. Именно на этой базе должны мы основывать свое понимание истины нашего земного бытия и возможности божественной Жизни в материальной Природе. Наша главная нужда здесь — открыть происхождение и природу Неведения, которое мы видим возникающим из несознания материи или заключающим себя внутри тела материи, а также открыть природу Знания, которое должно заместить Неведение, также понять процесс само-развертывания Природы и искупления души. Ибо в действительности Знание там сокрыто в самом Неведении; оно должно быть скорее раскрыто, чем приобретено: оно скорее раскрывается, чем учится, раскрывается в само-развертывании, направленном внутрь и вверх. Но прежде стоит выявить и убрать с пути одну трудность, неизбежно возникающую, трудность допущения того, что даже в принятии имманентности Божественного в нас, даже в принятии нашего индивидуального сознания в качестве средства последовательного эволюционного проявления, индивид в каком-то смысле вечен или что может быть какая-то сохраняемость индивидуальности после освобождения, достигнутого при помощи единства и само-знания.

Это трудность логического рассудка, и ее следует рассматривать в свете большего и более всеобъемлющего озаренного разума. Или если это трудность духовного опыта, то она может быть разрешена только в более широком раскрывающем переживании. Можно, конечно, также применить диалектический метод, словопрение логического разума; но этот метод сам по себе искусственен, часто оборачивается тщетной битвой в облаках и всегда неокончателен. Логическое рассуждение полезно и совершенно необходимо в своем собственном поле, для того чтобы придать разуму определенную чистоту, точность и тонкость при оперировании со своими собственными идеями и словами-символами, так что наше восприятие истин, которых мы достигаем при наблюдении или опыте или которые мы увидели физически, психологически или духовно, были по возможности меньше затемнены путаницами нашего среднего человеческого интеллекта, его склонностью принимать видимость за факт, его поспешностью хвататься за частичные истины, его преувеличенными выводами, его интеллектуальными и эмоциональными частностями, его неполными построениями в том связывании истины с истиной, благодаря только чему мы можем достичь полного знания. Нам нужно иметь ясный, чистый, тонкий и гибкий разум для того, чтобы мы могли как можно меньше впадать в обычную ментальную привычку всякого рода, которая обращает саму истину в поставщика ошибок. Это прояснение, эта привычка ясного логического рассуждения, находящая свое завершение в методе метафизической диалектики, на самом деле помогает очищению разума, и поэтому его участие в подготовке знания очень велико. Но сам по себе этот метод не может привести ни к знанию мира, ни к знанию Бога, и еще в меньшей степени примиряет низшие и высшие реализации. Он в большей степени является стражем недопущения ошибки, чем открывателем истины — хотя при помощи дедукции из уже обретенного знания он иногда может вывести новые истины и представить их на утверждение опыта или более высоких и широких способностей видения истины. В более тонком поле синтетического или объединяющего знания логическая привычка разума даже может стать камнем преткновения в силу этой самой способности, дающей такое специфическое использование; ибо она настолько приучает разум различать и покоиться на этих различениях и работать с этими различениями, что разум становится в тупик, когда он должен отвергнуть или превзойти эти различения. Тогда наша цель состоит в том, чтобы при рассмотрении трудно-

стей обычного разума, встречающегося лицом к лицу с переживанием космического и трансцендентного единства индивида, сделать более ясным для нас, прежде всего, происхождение трудностей и то, как избежать их, и прояснить для нас, что более важно, реальную природу единства, которого мы достигаем, и свершение индивида, когда он становится одним со всеми творениями и начинает пребывать в тождестве Вечного.

Первая трудность, встречаемая рассудком — это то, что он всегда был приучен идентифицировать “я” с эго и думать о нем, как о существующем только благодаря ограничениям и исключительностям эго. Если бы это было так, то с превосходением эго индивид бы утрачивал свое собственное существование; нашим концом было бы исчезновение или растворение в некоторой универсальности материи, жизни, разума или духа, либо иначе в некотором неопределимом, откуда стартовали наши эгоистические определенности индивидуальности. Но чем является это строго разграничивающее само-переживание, которое мы называем эго? Оно само по себе есть не нечто фундаментально реальное, а только практическое образование нашего сознания, предназначенное для централизации в нас деятельности Природы. Мы воспринимаем образование ментального, физического, витального переживания, которое отличает себя ото всей остальной части бытия, и это есть то, что мы думаем о себе в природе — это индивидуализация единства в становлении. Тогда мы постигаем себя как нечто, что так индивидуализировалось и существует только столько, пока оно так индивидуализировано — временное или, по крайней мере, временное становление; или иначе мы постигаем себя как некто, кто поддерживает или вызывает индивидуализацию, бессмертное существо, возможно, но ограниченное своей индивидуальностью. Это восприятие и это понимание составляет наше эго-ощущение. Обычно мы не идем дальше этого в нашем познании индивидуального существования.

Но в конце концов мы должны увидеть, что наша индивидуализация — это только поверхностное образование, практический отбор и ограниченный сознательный синтез ради временной полезности жизни в некотором частном теле, либо иначе это постоянно изменяющийся и развивающийся синтез, проводимый через последовательные жизни в последовательных телах. За всем этим присутствует сознание, Пуруша, не определенный или ограниченный своей индивидуализацией или этим синтезом, а напротив, определяющий, поддерживающий и все же превосходящий ее. То, что он выбрал для того, чтобы сконструировать этот синтез, есть его тотальное переживание мира-бытия. Поэтому наша индивидуальность существует благодаря миру-бытию, но также и благодаря сознанию, которое использует мир-бытие ради переживания возможностей индивидуальности. Обе эти мощности, Личность и ее мировой материал, необходимы для нашего теперешнего переживания индивидуальности. Если бы Пуруша с его индивидуализирующим синтезом сознания исчез, слился, уничтожил себя каким-либо образом, то и наша сконструированная индивидуальность также бы исчезла, поскольку не было бы больше в наличии Реальности, поддерживающей ее; с другой стороны, если бы мировое бытие исчезло, слилось, растворилось, тогда бы наша индивидуализация также бы исчезла, поскольку требуется материал для переживания, посредством которого оно задействует себя. Тогда мы распознаем эти два термина нашего существования, мировое бытие и индивидуализирующее сознание, два термина, являющихся причиной всего нашего само-переживания и миро-переживания.

Но дальше мы видим, что в конце концов этот Пуруша, эта причина и “я” нашей индивидуальности, приходит к тому, чтобы охватить весь мир и все другие существа в некоторого вида сознательном расширении себя и восприятия себя как единого с миром-бытием. В этом своем сознательном расширении он превосходит первичный опыт и уничтожает барьеры своего активного само-ограничения и индивидуализации; благодаря своему восприятию своей собственной бесконечной универсальности он идет за пределы всего сознания отделенной индивидуальности или ограниченного бытия души. Благодаря самому этому факту индивид перестает быть само-ограниченным эго; другими словами, превосходится наше ложное сознание существования только посредством само-ограничения, посредством жесткого отграничения нас самих от остального бытия и становления; уничтожается наша идентификация с нашей личностной и временной индивидуализацией в конкретном разуме и теле. Но вся ли истина об индивидуальности и индивидуализации уничтожается? прекращает ли свое существование Пуруша или же он становится мировым Пурушей и продолжает сокровенно жить в бесчисленных разумах и телах? Мы не находим, что это так. Он по-прежнему индивидуализирует и по-прежнему именно он существует и охватывает это более широкое сознание, в то время как он все еще индивидуализирует: но разум считает нас самих более не ограниченной временной индивидуализацией, а только волной становления, пущенной через море бытия или же формой или центром универсальности. Душа по-прежнему делает мировое становление материалом для индивидуального переживания, но вместо того, чтобы считать его чем-то внешним и большим, чем она сама, чем-то, на чем она должна испить свою чашу, чем-то, чьему влиянию она подвержена, с чем она должна считаться и с чем приспособливаться, душа осознает это нечто субъективно как бы находящимся внутри себя; это охватывает как мировой материал, так и индивидуализированный опыт пространственной и временной деятельности в свободном и расширенном сознании. В этом новом сознании духовный индивид воспринимает свое истинное “я” одним в существе с Трансцендентным и посаженным и пребывающим внутри него, и больше не принимает свою сконструированную индивидуальность за нечто большее, чем образование для миро-переживания. Наше единение с мировым бытием есть Сознание “я”, которое в одно и то же время придает миру космичность и индивидуализирует через индивидуального Пурушу, и как в том мировом бытии, так и этом индивидуальном существе и во всех индивидуальных существах осознается то же самое “я”, проявляющееся и переживаю-

шее свои разнообразные проявления. Тогда это “я” должно быть одним в своем бытии — иначе мы не могли бы переживать это единство — и все же должно быть способным в самом своем единстве на космическую дифференциацию и множественную индивидуальность. Это единство составляет его существо — да, но космическая дифференциация и множественная индивидуальность суть мощности его бытия, постоянно вырисовывающиеся, являющиеся его восторгом и природой сознания, которые должны быть проявлены. Следовательно, если мы достигаем единства с тем, если мы даже становимся полностью и в любом смысле этим существом, то почему должна быть урезана мощь его бытия и почему мы вообще должны желать или бороться за то, чтобы ее урезать? Тогда нам следует только уменьшить диапазон нашего объединения с ним при помощи исключительной концентрации, приняв божественное существо, но не приняв нашей части в мощи и сознании и бесконечном восторге Божественного. В действительности это было бы индивидуальным поиском мира и покоя объединения в бездвижимом тождестве, но и отвержением восторга и разнообразной радости объединения в природе и действии и мощи божественного Существования. Это возможно, но нет необходимости придерживаться этого как конечной цели нашего бытия или нашего конечного совершенства.

Либо одним из возможных объяснений может быть то, что в мощности, акте сознания нет реального единения, и только в статусе сознания присутствует совершенно недифференцируемое единство. Теперь ясно, что в том, что мы можем назвать пробужденным единством индивида с Божественным, в противоположность впадения в спячку или концентрации индивидуального сознания в поглощающем тождестве, наверняка должно быть разнообразие опыта. Ибо в этом активном единстве индивидуальный Пуруша расширяет свой активный опыт также, как свое статическое сознание на пути объединения с этим “я” его бытия и мирового бытия, и все же остается индивидуализация, а потому и дифференциация. Пуруша осознает все остальные индивиды как “я” себя; он может при помощи динамического единения осознать их ментальное и практическое действие как встречающееся в его вселенском сознании, точно так же, как он осознает свое собственное ментальное и практическое действие; он может помочь определить их действие при помощи субъективного объединения с ними: но все же есть практическая разница. Действие Божественного в нем есть то, чем он особенно и непосредственно занят; действие Божественного в его других “я” есть то, с чем он связан вселенски, не непосредственно, а через и при помощи своего объединения с ними и с Божественным. Поэтому индивид существует, хотя он превышает маленькое отдельное эго; вселенское существует и охватываемо им, но оно не отменяет или поглощает всю индивидуальную разницу, даже если благодаря его универсальности превосходит то ограничение, которое мы называем эго.

Теперь мы можем оставить эту дифференциацию, погрузившись в поглощение исключительного единства, но с какой целью? Ради совершенного единства? Но мы лишаемся этого, приняв дифференциацию, ничуть не больше, чем Божественное лишается Его тождества, приняв эту дифференциацию. Мы обладаем совершенным единством в Его бытии и можем растворить себя в нем в любое время, но мы имеем также это другое дифференцированное единство и можем влиться в него и действовать свободно в нем в любой момент времени, не теряя тождества: ибо мы растворили эго и освобождены от исключительных напряжений нашей ментальности. Значит, ради покоя и отдыха? Но мы обладаем миром и покоем благодаря нашему единству с Ним, даже как Божественное обладает навеки Его вечным покоем посреди Его вечного действия. Тогда ради простого удовольствия отбросить всякие различия? Но эта дифференциация имеет свою божественную цель: это средство достижения большего единства, это не средство разделения, как в эгоистической жизни; ибо мы наслаждаемся благодаря нашему единению с нашими другими “я” и с Богом во всем, что мы исключаем при нашем отказе от его множественного бытия. В любом случае это либо переживание Божественного в индивидуальном обладании и наслаждении, либо переживание Божественного в единстве космоса; это не абсолютное Божественное, восстанавливающееся после потери Его единства. Конечно, мы можем предпочесть растворение в чистом исключительном единстве или отход в супракосмическую трансцендентность, но в духовной истине Божественного Существования нет причины, вынуждающей нас не принимать участия в этом большом обладании и блаженстве Его вселенского бытия, что является свершением нашей индивидуальности.

Но дальше мы видим, что наше индивидуальное бытие выходит единственно и окончательно не в космическое бытие, а в нечто, где они оба объединены. Как наша индивидуализация в мире является становлением того “я”, так и мир также является становлением этого Я. Мировое бытие всегда включает индивидуальное бытие; поэтому эти два становления, космическое и индивидуальное, всегда связаны друг с другом и в практическом отношении взаимно зависят друг от друга. Но мы находим, что в конце концов и индивидуальное существо приходит к тому, чтобы включить мир в свое сознание, и поскольку при этом не происходит умаления духовного индивида, и индивид вступает в свое полное, большое и совершенное само-осознание, то мы должны предположить, что индивид всегда включает в себя космос, и только поверхностное сознание в силу своего неведения не может обладать этим включением вследствие само-ограничения в эго. Но когда мы говорим о взаимном включении космического и индивидуального, мира во мне, меня в мире, все в мире, “я” во всем — ибо это есть освобождающее само-переживание — то с очевидностью выходим за пределы языка обычного рассудка. Это происходит вследствие того, что слова, которые мы должны использовать, были созданы разумом, и эти словам были приданы значения интеллектом, ограниченным представлением о физическом Пространстве и своими условиями, а также вследствие того, что в качестве языка высшего

психологического переживания используются образы, почерпнутые из физической жизни и переживания чувств. Но план сознания, к которому устремляется освобожденное человеческое существо, не зависит от физического мира, и космос, который мы так включаем и который так включен, есть не физический космос, а гармонично проявленное бытие Бога в определенном великом ритме Его сознания-силы и само-восторга. Поэтому это взаимное включение является духовным и психологическим; это передача двух форм Множества, всего и индивидуального, в объединяющем духовном опыте — передача вечного единства Одного во Множестве; ибо Одно есть вечное единство Множества, дифференцирующего и раздифференцирующего себя в космосе. Это означает, что космос и индивид являются манифестациями трансцендентного “я”, неделимого существа, хотя и кажущегося поделенным или распределенным; но в действительности он не поделен или распределен, а незримо присутствует везде. Поэтому все в каждом и каждое во всем, и все в Боге и Бог во всем; и когда освобожденная душа вступает в объединение с Трансцендентным, она имеет это само-переживание себя и космоса, что психически транслируется во взаимное включение и неизменное существование обоих в божественном единении, которое является одновременно тождеством и слиянием и охватом.

Поэтому обычный опыт рассудка не пригоден для этих высших истин. Только в неведении эго занимает место индивида; есть истинный индивид, не являющийся этим и все же имеющий вечную связь со всеми другими индивидами, не эгоистичными и само-отделенными, но сущностным характером которых является практическая взаимность, основанная на сущностном единстве. Эта взаимность, основанная на единстве, есть целостный секрет божественного существования в его совершенном проявлении; она должна быть базисом всего, чему мы даем имя божественной жизни. Но, во-вторых, мы видим, что вся трудность и путаница, в которую впадает обычный разум, состоит в том, что мы говорим о высшем и беспредельном само-переживании, основанном на божественных бесконечностях и все же применяем к нему язык, сформированный в ходе низшего и ограниченного опыта, который базируется на конечных видимостях и отдельных определениях, посредством которых мы пытаемся различить и классифицировать явления материальной вселенной. Таким образом, мы должны использовать слово “индивид” и говорить об эго и истинном индивиде подобно тому, как мы иногда говорим о кажущемся и настоящем Человеке. Очевидно, что все эти слова — человек, кажущийся, настоящий, индивид, истинный — должны браться в очень относительном смысле и с полным осознанием их несовершенства и неспособности выразить вещи, которые мы имеем в виду. Под индивидом мы обычно подразумеваем нечто, что отделяет себя от чего бы там ни было и стоит поотдаль, хотя в действительности в существовании нет нигде такой вещи; это вымысел наших ментальных представлений, полезный и необходимый для выражения частной и практической истины. Но трудность заключается в том, что разум начинает преобладать при помощи своих слов и забывает о том, что частная и практическая истина становится настоящей истиной только в связи с остальными, кажущимися рассудку противоречащими ей, взятая сама по себе, она несет в себе постоянный элемент ложности. Таким образом, когда мы говорим об индивиде, то первично имеем в виду индивидуализацию ментального, витального, физического существа, отделенного от других существ, неспособного объединиться с ними в силу самой своей индивидуальности. Если мы выходим за пределы этих трех терминов разума, жизни и тела, и говорим о душе или индивидуальном “я”, то все еще думаем об индивидуальном существе, отдельном ото всех других, не способном на единство и обоюдную взаимность, способного самое большее на духовный контакт и симпатию душ. Поэтому необходимо подчеркнуть, что под истинным индивидом мы подразумеваем не что-то подобное, а сознательную мощь существа Вечного, всегда существующего благодаря единству, всегда способного на взаимность. Именно это существо при помощи само-знания наслаждается освобождением и бессмертием.

Но мы должны проследить еще дальше конфликт между обычным и высшим разумом. Когда мы говорим об истинном индивиде как о сознательной мощи существа Вечного, то все еще используем интеллектуальные термины — мы не можем этого изменить, пока не погрузимся в язык чистых символов и мистических значений речи — но, что еще хуже, это то, что в попытке избежать идеи эго мы используем слишком абстрактный язык. Давайте тогда рассмотрим сознательное существо, которое в нашей системе ценностей существования является существом Вечного в его мощи индивидуализирующего само-переживания; ибо это должно быть конкретное существо — и не абстрактная мощь — существо, наслаждающееся бессмертием. И тогда мы приходим к тому, что не только “я” есть в мире и мир во мне, но и Бог во мне и “я” в Боге; но это означает далеко не то, что Бог в Его существовании зависит от человека, а то, что Он проявляет Себя в том, что Он проявляет внутри Себя; индивид существует в Трансцендентном, но и вся Трансцендентность сокрыта в индивиде. Далее, “я” един с Богом в своем существе, и все же “я” могут устанавливать отношения с Ним в своем опыте. “я”, освобожденный индивид, могут наслаждаться Божественным в Его трансцендентности, объединяться с Ним, и в то же время наслаждаться Божественным в других индивидах и в Его сознательном бытии. Очевидно, мы достигли определенных первичных связей Абсолюта, и они могут быть постижимы разумом, если мы увидим, что Трансцендентное, индивидуальное, космическое существо суть вечные мощности сознания — мы снова проваливаемся, на этот раз безысходно, в полностью абстрактный язык -абсолютного существования, единство, все же большее, чем единство, которое так выражает себя для своего собственного сознания в нас, но о котором мы не можем адекватно говорить на нашем человеческом языке и не должны даже надеяться описать в негативных или позитивных терминах нашего рассудка, а можем только надеяться указать на него в предельной мощи нашего языка.

Но обычный разум, не имевший переживания этих вещей, которые столь мощно реальны для освобожденного сознания, может восстать против того, что может показаться ему не более чем скоплением интеллектуальных противоречий. Он может сказать: “Я очень хорошо знаю, что есть Абсолют; это то, в чем нет связей. Абсолют и относительное — непримиримые противоположности: в относительном нигде нет чего-либо абсолютного, в Абсолюте не может быть ничего относительного. Все, что противоречит этим исходным данным моего мышления, интеллектуально ложно и практически невозможно. Другие утверждения также подводят под закон противоречия, говорящего, что противостоящие и конфликтующие утверждения не могут быть одновременно верными. Невозможно то, что может быть тождество с Богом и одновременно связь с Ним, подобная наслаждению Божественным. В тождестве нет никого, кто бы наслаждался, за исключением Одного. Бог, индивид и космос должны быть тремя различными действительностями, иначе не может быть связи между ними. Либо они вечно различны, либо различны в настоящее время, хотя изначально они могут быть одним недифференцированным существованием. Возможно, единство и было или будет, но не теперь, и его не может быть, пока есть космос и индивид. Космическое существо может узнать трансцендентное единство и завладеть им, только перестав быть космическим; индивид может узнать космическое или трансцендентное единство и завладеть им, только прервав всякую индивидуальность и индивидуализацию. Либо если единство есть один вечный факт, то космос и индивид не существуют; они суть иллюзии, наложенные Вечным на себя. Это также может повлечь противоречие или непримиримый парадокс; но лучше уж “я” допущу противоречие в Вечном, о котором “я” не принуждаем думать, чем допущу противоречие здесь в моих первичных представлениях, которые “я” вынужден продумывать логически и ради практических целей. На этом предположении “я” могу либо принять мир как практически реальный и думать и действовать в нем, либо отвергнуть его как нереальность и перестать думать и действовать; “я” не принуждаем примирять противоположности, не призываем быть сознательным и быть сознательным в нечто за пределами меня и мира и все же действовать на этой основе, как делает Бог, в мире противоречий. Пытаться уподобиться Богу, тогда как “я” все еще индивид, или пытаться быть тремя вещами одновременно, по моему мнению, это внести логическую путаницу, это практически невозможно.” Такой может быть позиция, занимаемая обычным разумом, и она ясна, прозрачна, позитивна в своих разграничениях; она не включает никакой экстраординарной гимнастики разума, пытающегося превзойти себя и потерять себя в тенях и полу-свете или любого вида мистицизме, или, по крайней мере, здесь есть только один первичный и относительно простой мистицизм, свободный ото всех других трудных сложностей. Поэтому это рассуждение наиболее удовлетворительно для простого рационального разума. Все же здесь есть тройная ошибка, ошибка делания непреодолимой пропасти между Абсолютом и относительным, ошибка упрощения и жесткости и распространения слишком далеко закона противоречий, и ошибка постижения в терминах Времени происхождения вещей, ведущих свое происхождение от Вечного и имеющих свое первое пристанище в нем.

Мы подразумеваем под Абсолютом нечто большее, чем мы сами, большее чем космос, в котором мы живем, верховную реальность того трансцендентного Существа, которое мы называем Богом, нечто, без чего все то, что мы видим или осознаем как существующее, не могло бы быть, ни на мгновение не могло бы остаться в существовании. В Индии его называют Брахманом, в Европе — Абсолютом, поскольку это есть само-существующее, освобожденное от всякой зависимости от относительного. Ибо все относительности могут существовать только благодаря чему-то, что является истиной их всех и источником и базой их мощностей и свойств, и все же превосходит их всех; это нечто, по отношению к которому не только всякая относительность сама по себе, но также и любая сумма, которую мы можем составить из всех относительностей, которые знаем, может быть только — во всем том, что мы знаем о них — частичным, низшим или практическим выражением. Разум нам говорит, что такой Абсолют должен существовать; в ходе духовного опыта мы осознаем его существование: но даже когда мы лучше всего осознаем его, то не можем описать его вследствие того, что наш язык и мышление могут иметь дело только с относительным. Абсолют для нас Невыразим.

До сих пор не встречается настоящей трудности или путаницы. Но мы, ведомые привычкой разума к противопоставлению, к размышлению путем разделения и расчленения на пары противоположностей, с готовностью начинаем рассуждать об Абсолюте как если бы он не только был не ограничен пределами относительного, но и был бы ограничен своей свободой от ограничений, непреклонно бессодержательным по части всей мощи связей и по своей природе неспособным к ним, был бы чем-то враждебным во всем своем существе к относительности и был бы вечной ее противоположностью. Но с этим ложным шагом нашей логики мы попадаем в тупик. Наше собственное существование и существование вселенной становится не только мистерией, но и логически непостижимым. Ибо тем самым мы приходим к Абсолюту, неспособному к относительности и исключаяющему все относительности и все же являющемуся причиной или, по крайней мере, поддержкой относительности и содержащим ее, истиной и субстанцией всего относительного. Тогда у нас есть только один путь, чтобы выйти из этого логически-алогичного тупика; мы должны предположить наложение мира как само-действенной иллюзии или нереальной временной реальности на вечность бесформенного бессвязного Абсолюта. Это наложение делается нашим сбивающим индивидуальным сознанием, которое ложно видит Брахмана в образе космоса — как человек принимает веревку за змею, но поскольку наше индивидуальное сознание само есть относительность, поддерживаемая Брахманом и существующая только

благодаря ему, не есть настоящая реальность, или поскольку в своей реальности оно само есть Брахман, то именно Брахман в конце концов накладывает на себя в нас это заблуждение, и в некотором образе своего собственного сознания принимает существующую веревку за несуществующую змею, накладывает на свою собственную неопределимую чистую Реальность видимость вселенной, или если он накладывает ее не на свое собственное сознание, то на сознание, выводимое из него и зависимое от него, проецирует себя в Майю. Но это объяснение ничего не объясняет; изначальное противоречие остается там, где и было, непримиренным, и мы только переформулировали его в других терминах. Это выглядит так, как если бы пытались найти объяснение посредством интеллектуального рассуждения, мы бы запутались из-за бескомпромиссной логики: мы наложили на Абсолют тот обман, которое наше слишком самонадеянное рассуждение практикует по отношению к нашему собственному интеллекту; мы трансформировали нашу ментальную трудность в понимании мира-проявления в первичную неспособность Абсолюта вообще проявлять себя в мире. Но, очевидно, Абсолют не испытывает трудностей в миро-проявлении и одновременном превосхождении проявленного мира; трудность существует только для наших ментальных ограничений, которые препятствуют нам охватить супраментальную рациональность со-существования бесконечного и конечного или схватить сложное сплетение необусловленного с обусловленным. Для нашей интеллектуальной рациональности это крайности; для абсолютного рассудка это внутренне-связанные и не сущностно конфликтующие выражения одной и той же реальности. Сознание бесконечного Существования иное, нежели чем наше сознание разума и сознание чувств, большее и более мощное, ибо оно включает в себя их как малые термины своих работ, и логика бесконечного Существования отличается от нашей интеллектуальной логики. Она примиряет в своих великих первичных фактах бытия то, что нашему ментальному взгляду, занятому словами и идеями, выведенными из вторичных фактов, кажется непримиримыми противоположностями.

Наша ошибка состоит в том, что пытаемся определить неопределимое, мы думаем, что достигли этого, когда при помощи все-исключающего отрицания описали этот Абсолют, который мы все еще вынуждены постигать как верховное позитивное и причину всего позитивного. Не удивительно, что так много пронизательных мыслителей, обладающих широким взглядом на бытие, а не на словесные разделения, принуждены были заключить, что Абсолют есть фикция интеллекта, идея, рожденная словами и словесной диалектикой, ноль, не-существующее, и придти к тому, что вечное Становление — это единственная истина нашего существования. Древние мудрецы действительно говорили о Брахмане негативно — они говорили о нем, нети-нетти, он не это, он не то — но они также следили за тем, чтобы говорить о нем позитивно; они также говорили о нем, он есть это, он есть то, он есть все: ибо они видели, что ограничить его позитивными или негативными разделениями — значит, изменить его истине. Они говорили, что Брахман есть Материя, есть Жизнь, есть Разум, есть Сверхразум, есть космический Восторг, есть Сатчитананда; все же по-настоящему он не может быть определен ни одной из этих вещей, ни даже нашим величайшим понятием Сатчитананды. В мире, каким мы его видим, мы находим, что для всякого позитивного существует негативное. Но негативное не есть ноль — в действительности все то, что кажется нам нулем, начинено силой, переполнено мощью существования, полно действенного или потенциального содержимого. А также существование негативного не делает соответствующее ему позитивное не-существующим или нереальностью; оно только делает позитивное неполным утверждением истины вещей и даже, можно сказать, собственно истину позитивного. Ибо позитивное и негативное существуют не только бок о бок, но и в связи друг с другом и благодаря друг другу; они завершают все-взгляд, которого ограниченный разум не может достичь, не может объяснить одно другим. Каждое само по себе в действительности не известно; мы только начинаем узнавать его в его глубочайшей истине, когда начинаем высматривать в нем зачатки кажущейся противоположности. Только через такую глубокую озаренную интуицию и не при помощи исключающих логических противопоставлений следует нашему интеллекту приближаться к Абсолюту.

Позитивы Абсолюта есть его разнообразные утверждения для нашего сознания; его негативы дополняют его абсолютную позитивность тем, благодаря чему снимается его ограничение по отношению к первым позитивам. Для начала мы имеем его обширные первичные связи, такие как бесконечное и конечное, обусловленное и безусловное, качественное и лишенное качество; в каждой паре негативное скрывает целостную мощь соответствующего позитивного, содержащегося в нем и проявляющегося из него: нет настоящей противоположности. В более тонком порядке истин мы имеем трансцендентное и космическое, универсальное и индивидуальное; мы видим, что и здесь каждая сторона пары содержится в своей кажущейся противоположности. Универсальное конкретизирует себя в индивидуальном; индивидуальное содержит в себе все обобщенности универсального. Вселенское сознание обретает всего себя при помощи вариаций бесчисленных индивидов, а не в подавлении вариаций; индивидуальное сознание исполняет всего себя при универсализации в симпатии и тождестве с космическим, а не при ограничении себя в эго. Точно также космическое содержит в самом себе и в каждой своей вещи полную имманентность трансцендентного; оно поддерживает себя как мировое бытие благодаря сознанию своей собственной трансцендентной реальности, оно находит себя в каждом индивидуальном существе при помощи реализации божественного и трансцендентного в том существе и во всех существованиях. Трансцендентное содержит, проявляет, составляет космос, и проявляя его, проявляет и открывает, как можно сказать в древнем поэтическом смысле этого слова, свое собственное бесконечное гармоничное разнообразие. Но даже в низших порядках относительного мы находим эту игру негативного и позитивного,

и через божественное примирение этих терминов, не через отсечение их друг от друга или через доведения их противостояния до крайности, должны мы достичь Абсолюта. Ибо в Абсолюте вся эта относительность, все это разнообразное ритмическое само-выражение Абсолюта находит не свое полное отрицание, а свой смысл существования и свое оправдание, не обвинение в ложности, находит источник и принцип своей истины. Космос и индивид возвращаются в Абсолюте к нечему, что есть настоящая истина индивидуальности, настоящая истина космического бытия и не их отрицание и не приговор во лжи. Абсолют есть не скептическое логическое отрицание истины всех его собственных утверждений и само-выражений, а существование, столь предельно и столь бесконечно позитивное, что не может быть сформулирован никакой конечный позитив, который исчерпал бы его или связал и стянул вниз своими определениями.

Очевидно, что если такова истина Абсолюта, то мы не можем также связывать ее нашим законом противоречий. Этот закон необходим нам для того, чтобы мы смогли установить частные и практические истины, размышлять о вещах ясно, убедительно и полезно, чтобы могли классифицировать, действовать, обращаться с ними эффективно ради частных целей в наших разделениях Пространства, разграничениях формы и свойства, моментах Времени. Этот закон представляет формальную и сильно динамическую истину существования в ее практических работах, которая наиболее сильна в самом внешнем термине вещей, материале, но становится все менее и менее жестко связанной по мере того как мы идем вверх по шкале, взбираемся на все более тонкие ступеньки лестницы бытия. Этот закон особенно необходим для нас при обращении с материальными явлениями и силами; мы должны предполагать, что в каждый момент они являются одной вещью, имеют одну мощь и ограничены своими показными и практически действенными возможностями и свойствами; иначе мы не могли бы обращаться с ними. Но даже здесь, как начинает постигать человеческое мышление, разграничения, делаемые интеллектом и классификации и практические эксперименты Науки, оставаясь совершенно справедливыми в их собственном поле и для их собственной цели, не представляют целостную или настоящую истину вещей, будь то вещей в целом или вещей самих по себе, которые мы классифицировали и развели порознь, изолировали для отдельного анализа. Путем этой изоляции мы на самом деле способны обращаться с вещью очень практично, очень эффективно, и поначалу мы думаем, что эффективность нашего действия доказывает полную и достаточную истину нашего изолирующего и анализирующего знания. Затем мы находим, что превзойдя эту истину, мы можем достичь большей истины и большей эффективности.

Несомненно, эта изоляция необходима для первого знания. Алмаз есть алмаз, и жемчуг есть жемчуг, каждая вещь принадлежит своему собственному классу, существует благодаря своему отделению от всех других, каждая различается по своей собственной форме и свойствам. Но каждая также имеет свойства и элементы, общие для обеих и других вещей, общие для материальных вещей в целом. И в действительности, каждая существует не только благодаря своему отделению, а в гораздо большей степени благодаря тому, что есть общее; и мы возвращаемся к самому базису и выдержанной истине всех материальных вещей только тогда, когда находим, что все есть одна и та же вещь, одна энергия, одна субстанция или, если угодно, одно вселенское движение, которое взбрасывает, выносит, комбинирует, реализует эти различные формы, эти разнообразные свойства, эти фиксированные и гармонизированные потенциальности своего собственного бытия. Если мы остановимся на знании разделений, то сможем иметь дело с алмазом и жемчугом только такими, какими они являются, зафиксировать их ценности, использовать, сортировать, делать наилучшим обычное использование, и извлекать пользу из них; но если мы можем пройти дальше к знанию и контролю их элементов и общих свойств класса, к которому они принадлежат, то можем достичь мощи изготовления по своему усмотрению либо алмаза, либо жемчуга: идя еще дальше и овладевая тем, чем все материальные вещи являются в их сущности, мы можем достичь даже мощи трансмутации, которая даст предельно возможный контроль над материальной Природой. Так знание разделений достигает своей величайшей истины и эффективного использования тогда, когда мы приходим к более глубокому знанию того, что примиряет разделения в единстве за всеми вариациями. Это более глубокое знание не умаляет эффективности другого и более поверхностного знания и накладывает на него клеймо тщетности. Из нашего окончательного материального открытия мы не можем заключить, что нет первозданной субстанции или Материи, а есть только энергия, проявляющая субстанцию или проявляющаяся как субстанция — — что алмаз и жемчуг есть вещи не-существующие, нереальные, настоящие только для иллюзии наших воспринимающих чувств и действия, что одна субстанция, энергия или движение есть единственная вечная истина, и что поэтому наилучшим или единственно рациональным использованием нашей науки будет растворить алмаз и жемчуг и что бы то ни было еще, что мы можем растворить, в эту одну вечную и первичную реальность, и навсегда покончить с их формами и свойствами. Есть сущность вещей, общность вещей, индивидуальность вещей; общность и индивидуальность есть настоящие и вечные мощности сущности: последняя превосходит две предыдущие, но только три вместе, и ни одно само по себе, составляют три вечных термина существования.

Эта истина, которую мы можем видеть, хотя с трудом и при значительных ограничениях, даже в материальном мире, где более тонкие и высокие мощности бытия должны быть исключены из наших интеллектуальных операций, эта истина становится яснее и становится более мощной, когда мы поднимаемся по шкале. Мы видим истину наших

классификаций и разделений, но также и их пределы. Все вещи, даже пока различные, есть все же одно. Для практических целей растение, животное, человек — различные существа; все же когда мы взглянем глубже, то увидим, что растение — это животное, но только с недостаточно развитым само-сознанием и динамической силой; животное — это человек в делании; сам человек — это животное и все же плюс нечто большее по части само-сознания и динамической мощи сознания, что делает его человеком; и все же опять же он есть нечто большее, есть то, что содержится и подавлено в его существе как потенциальность божественного — он есть бог в делании. В каждом из этих существ, в дереве, животном, человеке, боге присутствует Вечное, содержащееся в нем и подавившее себя как будто бы для того, чтобы сделать определенное утверждение его существа. Каждое сокрыто в целостном Вечном. Сам человек, вбирающий все то, что прошло перед ним, и преобразовывающий это в термин человечества, является индивидуальным человеческим существом, и все же он являет все человечество, вселенский человек, действующий в индивидуальном как человеческая личность. Он есть все и все же он есть он сам, и он уникален. Он есть тот, кем он является, но он также есть прошлое всего того, кем он был, и потенциальность всего того, кем он не был. Мы не сможем понять его, если будем смотреть только на его теперешнюю индивидуальность, но также мы его не поймем, если будем смотреть только на его общность, на его общий термин человечества, или если мы при помощи исключения отойдем от общих терминов к сущности бытия человека, в котором его отличительная человечность и его особенная индивидуальность кажутся исчезающими. Каждое являет Абсолют, все есть тот Один, но в этих трех терминах Абсолют везде делает утверждение своего развивающегося само-существования. Мы не принуждаемы сущностным единством сказать, что все разнообразные Божьи действия и работы тщетны, бесполезны, нереальны, феноменальны, иллюзорны, и что самым лучшим и единственно рациональным или сверх-рациональным использованием нашего знания было бы уйти прочь от них, растворить наше космическое и индивидуальное существование в сущностном бытии и навсегда избавиться от всего становления как от тщеты.

В нашем практическом отношении к жизни мы должны достичь той же истины. Для определенных практических целей мы должны сказать, что эта вещь хороша или плоха, прекрасна или ужасна, подходяща или неподходяща, и действовать на этом утверждении; но если мы ограничимся этим, то не получим реального знания. Закон противоречия здесь справедлив лишь постольку, поскольку два различных противоположных утверждения об одной и той же вещи не могут быть истинными одновременно, в том же самом поле, в том же самом отношении, с той же самой точки зрения и для той же практической цели. Великая война, разрушение или насильственная и все-поднимающая революция, например, может представляться нам злом, страшным и катастрофическим беспорядком, и это так в определенных отношениях, результатах, способах видения ее; но с другой точки зрения она может быть великим благом, поскольку быстро очищает поле для нового блага или более удовлетворяющего порядка. Ни один человек не просто хороший или просто плохой; каждый человек — это смесь противоположностей: даже часто мы находим противоречия безысходно переплетенными в одном чувстве, в одном действии. Все виды конфликтующих качеств, мощностей, ценностей встречаются вместе и сливаются друг с другом, чтобы составить наше действие, жизнь, природу. Полностью мы можем понять лишь в том случае, если обретаем некое ощущение Абсолюта и по-прежнему будем смотреть на его работы во всей относительности, которая была проявлена — взглянем на каждую не только как на вещь в себе, но и в отношении со всеми вещами и к тому, превышает и примиряет их все. На самом деле, мы можем узнать, только обрета божественный взгляд и цель в вещах и не просто смотря нашим собственным взглядом, хотя наш собственный ограниченный человеческий взгляд и сиюминутная цель имеют свою законность в схеме Вечного. Ибо за всеми относительностями стоит Абсолют, дающий им их бытие и их оправдание. Ни одно особенное действие или устройство в мире само по себе не несет абсолютного оправдания; но за всеми действиями или устройствами существует нечто абсолютное, что мы называем справедливостью, что выражает себя через их относительности и что мы могли бы понять, если бы наш взгляд и знание были охватывающими вместо того, чтобы быть, как сейчас, частными, поверхностными, ограниченными несколькими показными фактами и видимостями. Точно также существует абсолютное благо и абсолютная красота: но мы можем получить лишь некий проблеск этого, если беспристрастно охватим все вещи и придем за пределами их видимости к некоему ощущению того, что все и каждая в их сложных терминах пытаются установить и выработать; не неопределенное — ибо неопределенное, будучи только первичным веществом или, возможно, упакованным условием определенностей, само по себе вообще бы не объяснило ничего — а Абсолют. В действительности мы не можем следовать противоположному методу разбиению всех вещей и отказываясь взглянуть на них как на целое и в связи с тем, что оправдывает их, и так создавать интеллектуальную концепцию абсолютного зла, абсолютной несправедливости, абсолютной отвратительности, болезненности, тривиальности, вульгарности или тщетности всех вещей; это только доведение до крайности метода Неведения, чей взгляд базируется на разделении. Мы не можем верным образом так обращаться с божественными работами. Поскольку Абсолютное выражает через относительности свою работу, в которую, как мы находим, нам трудно вникнуть, поскольку нашему ограниченному взгляду все кажется бесцельной игрой противоположностей и отрицаний или массой противоречий, то мы не можем заключить, что наш первый ограниченный взгляд верен или что все есть тщетное заблуждение разума и не имеет реальности. А также мы не можем решить всего при помощи первичного непримиримого противоречия, чтобы объяснить все остальное. Человеческий рассудок неправ, когда

приписывает отдельное и определенное значение каждому противоречию самому по себе или избавляется от одного путем всецелого отрицания другого; но он прав, отказываясь принять в качестве конечного и последнего слова пару противоречий, которые ни в коей мере не были примирены друг с другом или же не был найден их источник и значение в чем-то за пределами их противостояния.

Также мы не можем достичь примирения или объяснения первичных противоречий существования, найдя прибежище в нашем понимании Времени. Время, каким мы его знаем или постигаем, это только наше средство представления вещей в последовательности, это условие и причина условий, оно меняется на различных планах существования, меняется даже для существ на одном и том же плане: то есть, это не Абсолют и оно не может объяснить первичных связей Абсолюта. Эти связи сами вырабатывают себя со временем и кажутся нашему взгляду определяемыми им; но эта кажимость не приносит нас назад к их источникам и принципам. Мы делаем разграничение на обусловленное и безусловное и воображаем, что безусловное становится обусловленным, Бесконечное становится конечным в некоторый момент Времени и может перестать быть конечным в некоторый другой момент Времени, поскольку оно так является нам в деталях, особенностях или по отношению к этой или той системе вещей. Но если мы взглянем на существование в целом, то увидим, что бесконечное и конечное сосуществуют друг в друге благодаря друг другу. Если бы наша вселенная периодически исчезала и возникала во Времени, как гласит древняя вера, то это также было бы только большой деталью и не означало, что в какой-то конкретный момент времени все условия прекращаются в целостном диапазоне бесконечного существования, и все Бытие становится необусловленным, а в другой момент времени условия обретают реальность или возникает видимость условий. Первый источник и первичные связи лежат за пределами наших ментальных разделений Времени, в божественной безвременности, либо в неделимом или вечном Времени, для которого наши деления и последовательности являются только фигурами в ментальном переживании.

Там мы видим, что все встречи все принципы, все постоянные реальности существования — ибо конечное как принцип бытия также постоянно, как и бесконечное — находятся в первичной связи друг к другу в свободном, не исключающем единстве Абсолюта, и что тот способ, в каком они представляются нам в материальном или ментальном мире, есть только их выработка во вторичной, третичной или даже более низкой реальности. Абсолют не стал своей противоположностью и не допустил в какой-либо момент времени реальные и нереальные относительности, на которые он был первоначально неспособен, а также не возникает мираж, когда Одно кажется Многим, и безусловное становится обусловленным, а также бескачественное не пускает ростков качества. Эти противоположности являются только привычными способами нашего ментального сознания, наших делений неделимого. Вещи, которые они представляют, не являются фикциями, они реальности, но они неверно познаются, если ставятся в непримиримое противопоставление или отделяются друг от друга; ибо нет такого непримиримого противоречия или разделения во все-видении Абсолюта. Это слабость не только наших научных разделений и метафизических разграничений, но и наших исключительных духовных реализаций, которые исключительны только вследствие того, что для их достижения мы должны стартовать с нашего ограничивающего и делящего ментального сознания. Мы вынуждены делать метафизические разграничения, чтобы помочь нашему интеллекту достичь истины, которая превосходит его, поскольку только так может он избежать путаницы нашего первого неразличающего взгляда на вещи; но если мы окончательно свяжем себя ими, то тем самым выкуем цепи из того, что должно было бы быть первой помощью. Нам также следует использовать отдельные духовные реализации, которые поначалу могут казаться противоречащими друг другу, поскольку нам, как ментальным существам, трудно или невозможно охватить полностью и за один раз то, что лежит за пределами нашей ментальности; но мы ошибемся, если с помощью интеллекта доведем их до единственных истин — как тогда, когда мы утверждаем, что Безличностное должно быть одной конечной реализацией, а все остальное суть порождение Майи, или когда мы объявим этим Сагуну, Божественное в качествах, и отбросим прочь безличность из нашего духовного опыта. Нам следует увидеть, что обе эти реализации великих духовных искателей равным образом справедливы в себе, равным образом несправедливы в противопоставлении друг другу; они суть одна и та же реальность, переживаемая с двух сторон, каждая из которых необходима для полного знания, и необходимо переживание как каждой из них, так и того, что они обе являют. Точно также обстоит дело с Одним и Многим, конечным и бесконечным, трансцендентным и космическим, индивидуальным и универсальным; каждое есть нечто другое, как и само по себе, и ничто не может быть полностью познано без другого и без превышения их видимости противоположных противостояний.

Тогда мы видим, что есть три термина одного существования, трансцендентный, универсальный и индивидуальный, и что каждый из них всегда тайно или открыто содержит два других. Трансцендентное всегда обладает собой и контролирует два другие как базис своих собственных временных возможностей, это Божественное, вечное всеобладающее Бого-сознание, всемогущее, вездесущее, всеведающее, которое наполняет, охватывает, управляет всем сущим. Здесь, на земле, человеческое существо является высочайшей мощью третьего термина, индивида, ибо только он в своей критической поворотной точке может выработать то движение само-проявления, что является нам как инволюция и эволюция божественного сознания между двумя терминами Неведения и Знания. Мощь индивида охватить в своем сознании посредством само-знания единство с Трансцендентным и вселенским, с Одним Сущест-

вом и всеми существами и жить в этом знании и трансформировать свою жизнь им, есть то, что делает возможным выработку божественного само-проявления через индивида; и достижение индивидом — не одним, а всеми — божественной жизни есть единственно постижимая цель движения. Существование индивида не является ошибкой в нектором “я” Абсолюта, которую впоследствии это “я” открывает; ибо невозможно, чтобы абсолютное само-осознание или что-либо, составляющее одно с ним, должно находиться в неведении относительно своей собственной истины и своих собственных возможностей и способностей и было бы поработщено тем неведением, либо обмануто ложной идеей о себе, которую оно должно исправить, либо ввергнуто в авантюру, от которой оно должно отказаться. А также индивидуальное существование не может быть подчиненным обстоятельством в божественной игре или Лиле или любом исходе ее, за исключением случайного бегства некоторых из их рабства в неведении. Мы были бы вынуждены принять этот безжалостный и гибельный взгляд на работы Бога, если бы человек не имел мощи само-превышения или мощи трансформации само-знанием условий игры с тем, чтобы они все ближе подходили к истине божественного Восторга. В этой мощи лежит оправдание индивидуального существования; индивидуальное и все-ленское, раскрывающее в себе божественный свет, мощь, радость трансцендентной Сатчитананды, всегда проявляющийся над ними, всегда тайной позади их поверхностных видимостей, это тайное намерение, окончательное значение божественной игры, Лилы. Но это должно быть развернуто в них самих, в их трансформации; но также и в сохраняемых и совершенных связях, не в их само-уничтожении. Иначе не могло бы быть причины даже для их существования; возможность Божественного развертывания в индивиде есть тайна загадки, его присутствие там и это намерение само-развертывания есть ключ к миру Знания-Неведения.

Глава IV

БОЖЕСТВЕННОЕ И НЕБОЖЕСТВЕННОЕ

Провидец, Мудрец, Само-существующий, кто везде в становлении, в совершенстве устроил все вещи со времен извечных.

Иша Упанишад (стих 8)

Многие, очищенные знанием, пришли к мо- ему состоянию бытия... В законе своего существа они достигли Моего подобия.

Гита (IV.10; XIV.2.)

Узнай То ради Брахмана, а не это, что люди лелеют здесь.

Кена Упанишад (I.4.)

Один, контролирующий внутреннее “я” всех существ... Подобно тому, как Солнце, око мира, не затрагиваемо внешними дефектами видения, так и это внутреннее “я” в существах не затрагиваемо печалью мира.

Катха Упанишад (II.2.12,11)

Господь вечно пребывает в сердце всех существ.

Гита (XVII.61.)

Вселенная есть проявление бесконечного и вечного Все-существования: Божественное Существо пребывает во всем, что есть; мы сами являемся этим в нашем “я”, в нашем собственном глубочайшем существе; наша душа, тайно пребывающая психическая сущность, есть порция Божественного Сознания и Сути. Мы приняли этот взгляд на существование; но в то же время мы говорим о божественной жизни как о кульминации эволюционного процесса, и сама эта фраза подразумевает, что наша теперешняя жизнь небожественна, а также вся жизнь, что ниже нас. На первый взгляд это кажется само-противоречием; вместо того, чтобы делать разграничение между божественной жизнью, к которой мы стремимся, и теперешним небожественным существованием, было бы более логичным говорить о подъеме на более высокий уровень божественного проявления. Можно допустить, что сущностно такой, если мы взглянем единственно на внутреннюю реальность и сбросим со счета предложение внешнего рисунка, может быть природа эволюции, изменение, которое мы должны претерпеть в Природе; возможно, такой эта эволюция может представляться беспристрастному взгляду вселенского видения, невстревоженному нашими двойственностями знания и неведения, добра и зла, счастья и страдания и разделяющему необремененное сознание и восторг Саччитананды. И все же, с практической и относительной точки зрения, в отличии от сущностного видения, разграничение на божественное и небожественное имеет настоящее значение, непреложную важность. Тогда необходимо осветить этот аспект проблемы, выявить его истинную важность.

Разграничение на божественную и небожественную жизнь на самом деле происходит из корневого разграничения на жизнь Знания, живущего в само-осознании и мощи Света и на жизнь Неведения — во всяком случае, это так называется в нашем мире, который медленно и трудно развивается из изначального Несознания. Вся жизнь, все еще базирующаяся на этом Несознании, отмечена штампом радикального несовершенства; ибо даже если она удовлетворена своим собственным типом, то это удовлетворение чем-то неполным и негармоничным, латание разногласий: напротив, даже чисто ментальная или витальная жизнь могла бы быть совершенной в своих пределах, если бы она базировалась на ограниченном, но само-знании и само-мощи. Именно этим рабством по отношению к постоянному штампу несовершенства и дисгармонии отмечено небожественное; божественная жизнь, напротив, даже в развитии от малого к большому, будет на каждой стадии гармоничной в своем принципе и деталях: это стало бы надежной основой, на которой свобода и совершенство смогли бы естественно распуститься или расти к их полному расцвету, утончаться и расширяться в их наиболее тонкое богатство. Все несовершенства, все совершенства должны быть приняты во внимание в нашем рассмотрении разницы между небожественным и божественным существованием: но обычно, когда мы делаем это разграничение, то делаем это как человеческие существа, борющиеся под давлением жизни и трудностей нашего поведения посреди непосредственных проблем и превратностей; в большинстве случаев, когда мы думаем об этом разграничении, мы принуждаемы делать его между добром и злом или в сходной проблеме двойственности, в сочетании счастья и страдания в нас. Когда мы интеллектуально ищем божественного присут-

ствия в вещах, божественного происхождения мира, божественного управления его работами, то присутствие зла, настояние на страдании, наличие большой, громадной части, которой суждено испытывать боль, печаль и несчастье в деятельности Природы, предстают жестокими явлениями, которые ставят в тупик наш разум и затмевают инстинктивную веру человечества в таком происхождении и управлении как во все-видящей, все-определяющей и вездесущей Божественной Имманентности. Другие затруднения мы могли бы разрешить более легко и счастливо и сделать некую поправку на то, чтобы лучше удовлетворить готовой заключительности наших решений. Но этот стандарт суждения не достаточно охватывающ и поддерживается чисто человеческой точкой зрения; ибо более широкому взгляду зло и страдания кажутся только ударающим [вынуждающим] аспектом [striking aspect], они не являются всем дефектом, и даже не в них заключен корень проблемы. Сумма несовершенств мира составлена не только из этих двух недостатков: существует нечто большее, чем падение, если было падение, нечто большее, чем выпадение нашего духовного и материального бытия из блага и счастья или наш природная несостоятельность, превосходящая зло и страдание. Помимо этого недостатка этического и гедонического удовлетворения, требуемых нашим существом, помимо недостаточности Блага и Восторга в нашем миро-переживании, существует также недостаток других божественных степеней: ибо Знание, Истина, Красота, Мощь, Единство также являются веществом и элементами божественной жизни, и они отпущены нам в скудной и неудовлетворяющей мере; все же все они, в их абсолюте, являются мощностями Божественной Природы.

Тогда невозможно ограничить описание нашего и мирового небожественного несовершенства единственно моральным злом или чувственным страданием; в загадке мира кроется нечто большее, чем эта двойная проблема — ибо они суть два самых сильных следствия из общего принципа. Это принцип несовершенства, и мы должны принять его и рассмотреть. Если мы ближе рассмотрим это несовершенство, то увидим, что оно состоит, во-первых, в ограничении в нас божественных элементов, которое лишает их их божественности, и затем в разнообразных ветвящихся искажениях, искажениях, противном обороте, фальсифицирующем отклонении от некоторой идеальной Истины бытия. Нашим разумам, которые не обладают этой Истиной, но могут постичь ее, это отклонение представляется либо состоянием, из которого мы духовно выпали, или возможностью или обещанием, которое мы не можем исполнить, не можем реализовать, поскольку оно существует как идеал. Было либо выпадение внутреннего духа из большего сознания и знания, восторга, любви и красоты, мощи и способности, гармонии и блага, либо существует недостаток нашей борющейся природы, немощь достичь того, что мы инстинктивно видим божественным и желаемым. Если мы вскроем причину падения или недостатка, то найдем, что все проистекает из одного первичного факта, который представляет наше бытие, сознание, сила, переживание вещей — не в самом их “я”, а в их поверхностной прагматической природе — принцип или действительное явление разделения или разрыва в единстве Божественного Существования. Это разделение в неизбежном практическом следствии становится ограничением божественного сознания и знания, божественного восторга и красоты, божественной мощи и способности, божественной гармонии и блага: существует ограничение полноты и целостности, слепота в нашем видении этих вещей, хромота в нашем следовании им, в нашем переживании их присутствует фрагментация, уменьшение мощи и интенсивности, снижение качества — отметка нисхождения с духовных высот, либо же отметка сознания, всплывающего из бесчувственной нейтральной монотонности Несознания; интенсивности, нормальные и естественные на высших диапазонах, потеряны или ослаблены для нас, так что сливаются с чернотой и серостью нашего материального существования. Также возникает вторичное дальнейшее следствие извращения этих высочайших вещей; в нашу ограниченную ментальность вмешивается несознание и неверное сознание, неведение покрывает нашу целостную природу и — посредством ложного применения или неправильного направления несовершенной воли и знания, из-за автоматических реакций нашей приращенной сознание-силы и инертной сущности нашей субстанции — формируются противоречия божественных элементов, неспособность, инерция, ложь, ошибка, боль и печаль, неверное делание, разногласие, зло. Также всегда есть где-то спрятанная в наших “я”, вскормленная в наших потаенных уголках, даже не открыто чувствующаяся в сознательной природе, даже не отвергаемая теми нашими частями, которых мучат эти вещи, прикрепленность к этому опыту разделения, цепляние к разделяющему пути бытия, что препятствует удалению этих несчастий или их отвержению и устранению. Ибо поскольку принцип Сознание-Силы и Ананды лежит в корне всего проявления, то ничто не может выдержать испытание временем, если оно не имеет воли в нашей природе, не обладает санкцией Пуруши, не поддерживается удовольствием в некоторых частях существа, даже если это тайное или извращенное удовольствие, то есть если оно не обладает тем, что поддерживает его в непрерывности.

Когда мы говорим, что все есть божественное проявление, даже то, что мы называем небожественным, то подразумеваем, что в своей сущности все божественно, даже если форма сбивает нас с толку или вызывает наше отвращение. Или, облачив это в формулу, с которой легче согласиться нашему психологическому ощущению вещей, можно сказать, что во всех вещах есть это присутствие, первичная Реальность — “я”, Божественное, Брахман -навсегда чистая, совершенная, блаженная, бесконечная: эта бесконечность не подвержена ограничению относительными вещами; эта чистота не пачкается нашим грехом и злом; это блаженство не затрагивается нашей болью и страданием; это совершенство не ослаблено нашими дефектами сознания, знания, воли, единства. В определенных

образах Упанишад божественный Пуруша изображается в виде одного Огня, вступившего во все формы и фигуры в соответствии с формой, подобно единому Солнцу, беспристрастно все освещающему и не затрагиваемому дефектами нашего видения. Но этого утверждения недостаточно; проблема остается нерешенной, неясно, почему то, что в себе чисто, совершенно, блаженно, бесконечно, должно не только соглашаться, но и, как кажется, поддерживать и поощрять в своем проявлении несовершенство и ограничения, нечистоту и страдание и ложь и зло: это высказывание констатирует двойственность, составляющую проблему, но не решает проблемы.

Если мы попросту оставим эти два диссонирующих факта существования стоящими в присутствии друг друга, то будем склонны заключить, что невозможно никакое примирение; все, что мы можем сделать, это цепляться, насколько это возможно, за углубляющееся чувство радости чистого и сущностного Присутствия и делать наилучшее из того, что мы можем, с противоречивой внешностью, пока не сможем поставить на свое место закон божественной противоположности. Иначе мы должны искать избавления, а не решения. Ибо мы можем сказать, что только внутреннее Присутствие есть Истина, а противоречивая внешность есть зло или иллюзия, порожденная непостижимым принципом Неведения; тогда наша задача — это найти некоторый путь бегства от лжи проявленного мира в истину спрятанной Реальности. Либо мы можем придерживаться Буддистской точки зрения, что не нужно объяснения, поскольку есть один этот практический факт несовершенства и непостоянности вещей и нет “я”, Божественного или Брахмана, ибо это тоже иллюзия нашего сознания: для освобождения необходима только одна вещь — отказать от сохраняющейся структуры идей и сохраняющейся энергии действия, которая поддерживает непрерывность потока мимолетности. На этой дороге бегства мы достигаем само-угасания в Нирване; проблема вещей сама исчезла вследствие нашего собственного само-угасания. Это путь вовне, но он не выглядит истинным и единственным путем, а также другие решения не являются всецело удовлетворительными. Факт, что путем исключения разноречивой манифестации из нашего внутреннего сознания как поверхностной внешности, путем настояния только на чистом и совершенном Присутствии, мы можем индивидуально достичь глубокого и блаженного ощущения этой молчаливой Божественности, можем войти в святилище, можем жить в свете и экстазе. Возможна исключительная внутренняя концентрация на Реальном, на Вечном, даже возможно само-погружение, благодаря чему мы можем утратить или отбросить прочь диссонансы вселенной. Но в нас где-то глубоко также существует необходимость тотального сознания, в Природе присутствует тайный вселенский поиск целостного Божественного, импульс к некоторому полному осознанию и восторгу и мощи существования; эта нужда в целостном бытии, тотальном знании, эта интегральная воля в нас не полностью удовлетворена этими решениями. Пока мир не божественно объяснен нам, Божественное остается несовершенным известным; ибо мир есть также То, и пока он не представляется нашему сознанию, и им не завладели наши мощности сознания в смысле божественного бытия, до тех пор мы не обладаем целостной Божественностью.

Можно и по-другому избежать проблемы; ибо, всегда допуская сущностное Присутствие, мы можем постараться оправдать божественность манифестации, скорректировав человеческий взгляд на совершенство или оставляя его как слишком ограниченный ментальный стандарт. Мы можем сказать, что не только Дух в вещах абсолютно совершенен и божественен, но каждая вещь также относительно совершенна и божественна в себе, в своем выражении того, что она должна выразить из возможностей существования, в своем занятии надлежащего места в полном проявлении. Каждая вещь божественна в себе, поскольку каждая есть факт и идея божественного бытия, знания и воли, исполняющей себя непогрешимо в соответствии с законом этой частной манифестации. Каждое существо обладает знанием, силой, игрой и видом восторга существования, в точности соответствующими своей собственной природе; каждое работает в градациях опыта, назначенных тайной внутренне присущей волей, родным законом, внутренней мощью “я”, оккультным значением. Это так совершенно в отношении явления к закону своего бытия; ибо все находится в гармонии с этим, следует из него, приспособливает себя к своей цели в соответствии с непогрешимостью божественной Воли и Знания, работающих внутри творения. Оно совершенно и божественно также по отношению к целому, в своем надлежащем месте в целом; для этой тотальности оно необходимо, и в ней оно исполняет часть, посредством чего дается вспоможение и обретает законченность совершенство текущей и последовательной вселенской гармонии, адаптация всего к своей полной цели и своему полному смыслу. Если нам вещи кажутся небожественными, если мы торопимся осудить это или то явление как несовместимое с природой божественного бытия, то это происходит вследствие того, что мы не ведаем о смысле и цели Божественного в мире в его полноте. Поскольку мы видим только части и фрагменты, то судим о каждой самой по себе, как если бы она была целым, судим также по внешнему явлению, не зная его тайный смысл; но, делая так, мы искажаем значение вещей, накладываем на них штамп начальной и фундаментальной ошибки. Совершенство не может покоиться в вещах в их раздельности, ибо эта отделенность есть иллюзия; совершенство есть совершенство тотальной божественной гармонии.

Все это может быть верно до определенной точки и настолько, насколько это так происходит; но это решение само по себе также неполно и не может дать нам полного удовлетворения. Оно недостаточно учитывает человеческое сознание и человеческую точку зрения, с которой мы должны стартовать; оно не дает нам видения гармонии,

на которую оно ссылается, и поэтому оно не может сойтись с нашей потребностью или убеждением, а только противоречит с холодной интеллектуальной концепцией нашему острому человеческому ощущению реальности зла и несовершенства; оно также не отводит места психическому элементу в нашей природе, стремлению души к свету и истине и к духовному завоеванию, победе над несовершенством и злом. Сам по себе, этот взгляд на вещи объясняет чуть больше, чем та уступчивая догма, говорящая нам, что все, что есть, правильно, поскольку оно совершенно назначено божественной Мудростью. Он дает нам ничуть не больше, чем благодный интеллектуальный и философский оптимизм: он не вносит больше света на приводящие нас в замешательство факты боли, страдания и разногласия, которые наше человеческое сознание постоянно терпит в качестве бедствующего свидетеля; в лучшем случае, этот взгляд выводит на предположение, что в божественном устройстве вещей лежит ключ к тем вещам, к которым мы не имеем доступа. Этот ответ недостаточен для нашей неудовлетворенности и нашего стремления, которые, какими бы ни были невежественными в их реакциях, спутанными с ментальными мотивами, должны соответствовать божественной реальности, еще глубже лежащей в нашем существе. Божественное Целое, совершенное по причине несовершенства своих частей, само рискует быть совершенным только в несовершенстве, поскольку оно полностью исполняет некоторую стадию в незавершенной цели; тогда это есть тенденция, а не окончательная Тотальность. К ней мы можем применить греческое высказывание *Theos ouk estin alla gignetai*, Божественное не в бытии, а в становлении. Тогда истинное Божественное будет тайным внутри нас и, возможно, верховным над нами; найти Божественное внутри нас и над нами будет настоящим решением, стать совершенным, как Тот совершенен, достичь освобождения, уподобившись ему, или достичь закона его природы, садрасья, садхармья.

Если бы человеческое сознание было ограничено ощущением несовершенства и принятием его в качестве закона нашей жизни и самого характера нашего существования — рассудительное принятие, которое могло бы ответить в нашей человеческой природе слепому животному принятию животной природы — тогда мы могли бы сказать, что то, чем мы являемся, отмечает предел божественного само-выражения в нас; мы могли бы также верить, что наши несовершенства и страдания работали ради общей гармонии и совершенства вещей и утешиться философским бальзамом на наши раны, удовлетворившись двигаться через ловушки жизни с такой рациональной предусмотрительностью или с такой философской прозорливостью и смирением, какую могут допустить наша неполная ментальная мудрость и наши нетерпеливые ментальные части. Либо же, найдя прибежище в более утешительном жаре религии, мы могли бы покориться всему как воле Бога в надежде или вере в вознаграждении в запредельном Рае, где мы вступили бы в более счастливое существование, и положиться на более чистую и совершенную природу. Но в нашем человеческом сознании присутствует сущностный фактор, чья работа, не меньше, чем рассудок, отличает его полностью от животного; не только наша ментальная часть осознает несовершенство, но и психическая часть отвергает его. Неудовлетворение нашей души несовершенством как законом жизни на земле, ее стремление к устранению всех несовершенств из нашей природы, и не только на запредельных небесах, где будет автоматически невозможно быть несовершенным, но здесь и сейчас в жизни, где совершенство должно быть завоевано в ходе эволюции и борьбы, есть закон нашего бытия в той степени, насколько душа восстает против несовершенства земного бытия; неудовлетворение и стремление нашей души также божественны — это божественное неудовлетворение, божественное стремление. В них разлит внутренний свет мощи, который поддерживает их в нас, так что Божественное может не только присутствовать здесь как сокрытая Реальность в нашей духовной тайне, а развиваться в эволюции Природы.

В этом свете мы можем допустить, что все работает совершенно к божественной цели при помощи божественной мудрости, и поэтому в этом смысле каждая вещь в совершенстве пригнана к своему месту; но мы говорим, что это не есть вся божественная цель. Ибо то, что есть, оправдываемо, находит свой совершенный смысл и удовлетворение благодаря тому, что может быть и будет. Без сомнения, есть ключ в божественном доводе, который оправдывает вещи такими, какими они есть, путем раскрытия их правильного значения и истинной тайны как других вещей, более тонких и глубоких, чем их внешние значения и феноменальное явление, которое есть все, что обычно может быть схвачено нашим теперешним интеллектом: но мы не можем удовлетвориться этой верой, искать и находить духовный ключ вещей есть закон нашего бытия. Знак обретения — это не философское интеллектуальное распознавание и покорное или мудрое принятие вещей такими, какими они есть, вследствие некоторого божественного смысла и цели в них, лежащих за пределами нас; настоящий знак — это подъем к духовному знанию и мощи, которые трансформируют закон и явления и внешние формы нашей жизни ближе к истинному образу этого божественного смысла и цели. Будет правильным и разумным невозмутимо сносить страдание и подчинение дефекту как непосредственной воле Бога, теперешнему закону несовершенства, наложенного на наши члены, но при условии, что мы распознаем в этом также волю Бога в нас превзойти зло и страдание, трансформировать несовершенство в совершенство, подняться в высший закон Божественной Природы. В нашем человеческом сознании существует образ идеальной истины бытия, божественной природы, зарождающегося божества: по отношению к этой истине наше теперешнее состояние несовершенства может быть относительно описано как небожественная жизнь, и условия мира, с которого мы стартовали — как небожественные условия; несовершенства -суть знак, данный нам, знак того, что они здесь присут-

ствуют в качестве скрывающей маски, не в качестве назначенного выражения божественного бытия и божественной природы. Это Мощь внутри нас, сокрытая Божественность, которая зажгла пламя стремления, рисует образ идеала, поддерживает наше несогласие и подталкивает нас к тому, чтобы сбросить маски и обнаружить или, как говорят Веды, составить и раскрыть Божество в проявляющемся духе, разуме, жизни и теле этого земного творения. Наша теперешняя природа может быть только переходной, наш несовершенный статус — начальной точкой и возможностью достижения другого, высшего, более широкого и великого статуса, который будет божественным и совершенным не только благодаря тайному духу внутри него, но и в его проявлении в наиболее внешней форме существования.

Но эти заключения — только первые доводы первичной интуиции, основанной на нашем внутреннем само-переживании и кажущихся фактах вселенского существования. Они не могут быть полностью проверены, пока мы не узнаем настоящую истину неведения, несовершенства и страдания и найдем им место в космической цели или космическом порядке. Существуют три представления о Боге и мире — если мы допускаем Божественное Существование — которым общий рассудок и сознание человечества являются свидетелями; но одно из них — которое все же вынуждается характером мира, в котором мы живем — не гармонизирует с двумя другими, и из-за этой дисгармонии человеческий разум ввергается в большие превратности противоречий и принуждаем сомневаться и отрицать. Ибо поначалу мы находим вездесущую Божественность и Реальность чистой, совершенной и блаженной, без чего, помимо чего ничто не могло бы существовать, поскольку все существует благодаря ему и в его бытии. Всякие рассуждения на эту тему, не атеистические или материалистические, не примитивные или антропоморфные должны стартовать с этого допущения или прийти к этому фундаментальному представлению. Верно, что некоторые религии, как кажется, предполагают экстракосмическое Божество, создавшее мир извне и поодаль от своего собственного существования; но когда они начинают строить теологию или духовную философию, то также допускают вездесущность или внутреннее присутствие — ибо эта вездесущность навязывает себя, это насущность духовного мышления. Если существует такая Божественность, “я” или Реальность, то она должна быть везде, одной и неделимой, ничто не может существовать помимо ее существования; ничто не может быть рождено из чего-то иного, чем То; не может существовать ничто, не поддерживаемое Тем, независимое от Того, не наполненное дыханием и мощью Того бытия. Считалось, в действительности, что неведение, несовершенство, страдание этого мира не поддерживаются Божественным Существованием; но тогда мы должны предположить существование двух Богов, Ормузда [Ormuzd], бога добра, и Ахримана [Ahriman], бога зла, или, возможно, предположить совершенное супракосмическое и имманентное Бытие и несовершенного космического Демиурга или отделенную небожественную Природу. Это представление возможно, но неправдоподобно для нашего высочайшего интеллекта — самое большее, оно может быть только подчиненным аспектом, не первозданной истиной целостной истины вещей; а также не можем мы предположить, что единое “я” и Дух во всем и одна созидаящая Мощь всего различны, противоположны в характере их существа, разделены в их воле и цели. Наш разум говорит нам, наше интуитивное сознание чувствует, и их свидетельство подтверждается духовным опытом, что одно чистое и абсолютное Существование существует во всех вещах и существах, как раз потому, что все вещи и существа существуют в Нем и благодаря Ему, и ничто не может существовать или произойти без этого пребывающего и всеподдерживающего Присутствия.

Второе утверждение, которое наш разум естественно принимает как следствие первого постулата, состоит в том, что посредством верховного сознания и верховной мощи этой вездесущей Божественности в его совершенном универсальном знании и божественной мудрости все вещи упорядочиваются и укрываются в их фундаментальных связях и их процессе. Но, с другой стороны, действительный процесс вещей, действующие связи, какими мы их видим, как они представляются нашему человеческому сознанию, являются связями несовершенства, ограничения; возникает дисгармония, даже искажение, нечто противоположное нашему понятию о Божественном Существовании, кажущееся само отрицание или, по крайней мере, обезображивание и маскировка Божественного Присутствия. Тогда возникает третье утверждение о Божественной Реальности и мировой реальности, как о различных в существе или порядке, настолько различных, что мы должны отбросить одно, чтобы достичь другого; если мы найдем Божественного Обитателя [Divine Inhabitant], то должны отвергнуть мир, который он населяет, которым он управляет, который он создал или проявляет в своем собственном существовании. Первое из этих трех предположений неизбежно; второе также должно удержаться, если вездесущее Божественное вообще должно что-то делать с миром, который оно населяет и с его проявлением, построением, поддержанием и управлением: но третье кажется тоже само-очевидным и все же оно несовместимо с предшествующими ему, и этот диссонанс ставит нас перед проблемой, для которой, как кажется, нет удовлетворительного решения.

Эту трудность можно обойти с помощью некоторого построения философского разума или теологического рассуждения. Можно провозгласить праздное Божество, подобное богам Эпикура, блаженных в себе, наблюдающих мир, но безразличных к нему, к миру, управляемому или плохо управляемому механическим законом Природы. Для нас открыта дорога постулировать Свидетельствующее “я”, молчаливую Душу вещей, Пурушу, позволяющего Природе делать все, что она пожелает, и согласного отражать весь ее порядок и все ее беспорядки в его

пассивном и незапятнанном сознании — или верховное “я” абсолютное, неактивное, свободное ото всех связей, незатрагиваемое работами космической Иллюзии или Творения, которое было мистически или парадоксально зачато из Него или вопреки Ему, чтобы испытать и обеспокоить миром временных созданий. Но все эти решения являются не большим, чем отражением кажущегося диссонанса нашего двойственного переживания; в них нет попытки примирения, а также в действительности они ничего не решают и не объясняют, а только переформулируют проблему в виде открытого или скрытого дуализма, сущностного деления Неделимого. Практически они утверждают двойное Божество, “я” или Душу и Природу: но Природа, Мощь в вещах не может быть ничем иным, кроме как мощью “я”, Душой, сущностным Бытием вещей; ее работы не могут быть всецело независимыми от Души или “я”, не могут быть ее собственным противоположным результатом и работой, не затрагиваемой его согласием или отказом, или быть вторжением механической Силы, накладываемой на инерцию механической Пассивности. Опять же, можно постулировать наблюдающее неактивное “я” и активное созидующее Божество; но это построение не может служить нам, ибо в конце концов эти два на самом деле должны стать одним в дуальном аспекте — Божество суть активный аспект наблюдающего “я”, Я суть свидетель своего собственного Божества в действии. Требуется объяснение разногласию, пропасти между “я” в знании и тем же “я” в его работах, но это представляется необъясненным и необъяснимым. Или, опять же, мы можем постулировать двойное сознание Брахмана Реальности, одно статическое и одно динамическое, одно сущностное и духовное, в котором оно есть Я совершенное и абсолютное, другое формирующееся, прагматическое, в котором оно становится “не-я” и с которым его абсолютность и совершенство не имеет связи участия; ибо это только временное образование безвременной Реальности. Но для нас, кто даже если полу-существующ, полу-сознателен, и все еще населяет полу-грезу жития Абсолюта и кто принуждаем Природой разделить это ужасное и настоящее участие и обращаться с ним, как с реальным, это плетет видимость очевидной мистификации; ибо это временное сознание и его образования также в конце концов суть Мощь одного “я”, зависят от него, могут существовать только благодаря ему; то, что существует мощью Реальности, не может быть не связанным с Ним, или Тот не может быть не связан с миром делания своей собственной Мощи. Если мир существует благодаря верховному Духу, тогда и его порядки связи должны существовать мощью Духа; закон мира должен соответствовать некоторому закону духовного сознания и существования. “я”, Реальность должна ощущаться и осознаваться в мировом сознании, которое существует в его бытии; мощь “я”, Реальность должна постоянно определять или, по крайней мере, санкционировать его явления и операции: ибо там не может быть независимой мощи, нет Природы, не выведенной из первозданного и вечного Само-Существования. Если Реальность не делает ничего больше, то она все же должна начинать или определять вселенную самим фактом своей сознательной вездесущности. Без сомнения, истиной духовного переживания является то, что существует статус покоя и молчания в Бесконечном позади космической активности, существует Сознание — недвижимый Свидетель творения; но это не весь духовный опыт, и мы не можем надеяться найти только в одной стороне знание фундаментального и тотального объяснения Вселенной.

Раз уж мы допустили божественное управление вселенной, то должны заключить, что мощь управления полна и абсолютна; ибо иначе мы обязаны предположить, что бытие и сознание бесконечное и абсолютное обладает знанием и волей, ограниченными в их контроле над вещами, или стесненными в их мощи работать. Не будет невозможным допустить, что верховная и имманентная Божественность может оставить определенную степень свободы работы для нечего, что вошло в его совершенное бытие, но само по себе несовершенно и тянет за собой эту несовершенство, для невежественной или несознательной Природы, для действия человеческого разума и воли, даже для сознательной Мощи или Сил тьмы и зла, которые находят свою опору в царстве базисного Несознания. Но ни одна из этих вещей не является независимой от Его собственного существования, природы и сознания, и ни одна из них не может действовать кроме как в Его присутствии и с Его санкции или позволения. Свобода человека относительна, и он не может единственно быть ответственным за несовершенство его природы. Неведение и несознание Природы возникли не независимо, а в одном Бытии; несовершенство ее работ не может быть полностью инородным по отношению к некоторой воли Имманентности. Можно допустить, что силам, приведенным в движение, дозволяется работать в соответствии с законом их движения; но то, что божественное Всеведение и Всемогущество допустили для возникновения и действия в Его вездесущности, Его все-существовании, должно рассматриваться нами как нечто, что возникло благодаря Ему и было им установлено, поскольку без указа Бытия это не могло бы возникнуть, не смогло бы остаться в существовании. Если Божественное вообще занято миром, который оно проявляет, то нет другого господина, чем Он, и из этой насущности Его первозданного и вселенского бытия и из него невозможно убежать или отклониться. Именно на основании этого само-очевидного следствия нашей первой предпосылки, без какого-либо отклонения несовершенств, должны мы рассматривать проблему несовершенства, страдания и зла.

И сначала должны мы понять, что само по себе существование неведения, ошибки, ограничения, страдания, разделения и разногласия в мире нужно не для отрицания или доказательства несостоятельности божественного бытия, сознания, мощи, знания, воли, восторга во вселенной, как мы слишком поспешно воображаем. Они могут казаться этим, если мы рассматриваем их изолированно, но нам не требуется так их рассматривать, если мы хотим

обрести ясное видение их места и значения в полном взгляде на вселенские работы. Часть, отколотая от целого, может быть несовершенной, ужасной, непонятной; но когда мы обзираем ее в целом, то она занимает свое место в гармонии, несет свой смысл и использование. Божественная Реальность бесконечна в своем бытии; в этом бесконечном бытии мы находим везде ограниченное бытие — это видимый факт, с которого наше существование здесь, как кажется, стартует, и которому наше собственное узкое эго и его эгоцентрические активности являются постоянными свидетелями. Но, в действительности, когда мы приходим к интегральному само-знанию, то обнаруживаем, что мы не ограничены, поскольку мы также бесконечны. Наше эго — это только лик вселенского бытия, и оно не имеет отдельного существования; наша кажущаяся отделенной индивидуальность есть только поверхностное движение, и за ним наша настоящая индивидуальность тянется к единству со всеми вещами и вверх — к тождеству с трансцендентной Божественной Бесконечностью. Таким образом, наше эго, кажущееся ограничением существования, на самом деле есть мощь бесконечности; безграничная множественность существ в мире — это результат и указующее доказательство не ограничения или конечности, а этой неограничиваемой Бесконечности. Кажущееся деление никогда не может довести себя до настоящего отделения; существует поддерживающее и превосходящее его неделимое единство, которое само деление разделить не может. Этот фундаментальным мировым фактом эго и кажущееся деление и их отдельные работы в мировом существовании не есть отрицание Божественной Природы единства и неделимого бытия; они суть поверхностные результаты бесконечного многообразия, являющегося мощью бесконечного Тождества.

Тогда нет настоящего деления или ограничения бытия, нет фундаментального противоречия вездесущей Реальности; но, кажется, что здесь на самом деле есть реальное ограничение сознания: существует неведение “я”, вуалирование внутренней Божественности, и все несовершенство есть следствие этого. Ибо мы идентифицируем себя ментально, витально, физически с поверхностным эго-сознанием, являющимся нашим первым привлекающим внимание само-переживанием; что действительно накладывается на нас, это не фундаментально реальное, а практическое разделение со всеми неблагоприятными следствиями из того отделения от Реальности. Но здесь мы снова должны открыть, что с точки зрения Божественных работ, какими бы ни были наши реакции или наше переживание на поверхности, сам по себе факт неведения есть операция знания, а не верного неведения. Явление неведения есть поверхностное движение; ибо за ним присутствует неделимое все-сознание: неведение есть фронтальная мощь того все-сознания, что ограничивает себя в определенном поле, внутри определенных границ, ограничивается для частной операции знания, частной моды сознательной работы и держит позади все остальное знание в ожидании, как и силу за ним. Все так сокрытое есть оккультный запасник света и мощи, ждущий своего часа, когда ВсеСознание раскрыло бы его для эволюции нашего существа в Природе; происходит тайная работа, что восполняет все недостатки фронтального Неведения, действует через его кажущиеся запинки, препятствует тому, чтобы они привели к другому финальному результату, чем то, на который указало Все-Знание, помогает душе в Неведении отойти от ее переживания, даже от естественных страданий и ошибок личности, что необходимо для эволюции, помогает оставить позади то, что уже невозможно использовать. Эта фронтальная мощь Неведения есть мощь концентрации в ограниченной работе, во многом напоминающая мощь в нашей человеческой ментальности, из-за чего мы погружаемся в частный объект и частную работу и, по-видимому, используем только столько знания, только такие идеи, какие необходимы для этого — остальное, чуждое этому или то, что служило бы помехой, удерживается позади движения: все же, на самом деле, все время именно неделимое сознание, которым мы являемся, проделывало ту работу, которая должна быть сделана, увидело вещь так, как она должна видеться — это и не какой-либо фрагмент сознания или какое-то исключительное неведение в нас есть молчаливый знающий и работник: точно также обстоит дело с фронтальной мощью концентрации Все-Сознания внутри нас.

В нашей оценке движений нашего сознания эта способность концентрации правильно считается одной из величайших мощностей человеческой ментальности. Но равным образом мощь выдвигания вперед [putting forth], что кажется исключительной работой ограниченного сознания, того, которое представляется нам как неведение, должна считаться одной из величайших мощностей божественного Сознания. Только верховное само-обладающее Знание может так мощно ограничивать себя с отпущенным ей успехом или с предначертанной по необходимости неудачей, с балансом суммы сил, в котором она есть часть, и с большим результатом, неделимую часть которого представляют ее собственные результаты. За этим ограничением мощи вскрывается Все-Мощь, и в ограничении эта Все-Мощь за работой; но именно через сумму многих ограниченных работ неделимое Всемогущество непогрешимо и суверенно исполняет свою цель. Эта мощь ограничивать явно силу и работать через это само-ограничение, посредством того, что мы называем трудом, борьбой, трудностью, посредством того, что кажется нам серией падений или полуправданных достижений и через них достигать своего тайного намерения, является поэтому не знаком, доказательством или реальностью слабости, а знаком, доказательством, реальностью — величайшее из возможных — абсолютного всемогущества.

Что же касается страдания, которое является столь большим камнем преткновения для нашего понимания вселенной, то оно, очевидно, есть следствие ограничения сознания, ограничения силы, которое препятствует тому,

чтобы мы завладели или ассимилировали касание того, что для нас является другой силой: результат этой неспособности и дисгармонии таков, что восторг прикосновения не может быть охвачен, и он воздействует на наши ощущения реакцией дискомфорта или боли, недостатком или избытком, диссонансом результата во внутреннем или внешнем повреждении, рожденным разделением на нашу мощь бытия и ту мощь бытия, что встречает нас. За этим в нашем “я” и духе присутствует Все-Восторг вселенского бытия, который принимает в расчет этот контакт, извлекает восторг сначала в том, что переносит его, а затем покоряет страдание и в конечном итоге приводит к его трансмутации, которая приходит позднее; ибо боль и страдание суть искаженные и противоположные термины восторга существования, и они могут быть обращены в их противоположность, даже в первозданный Все-Восторг, Ананду. Этот Все-Восторг присутствует не только во вселенной, но и тайным образом в нас самих, как мы это открываем, когда идем назад из нашего внешнего сознания в “я” внутри нас; наше психическое существо извлекает свой урок даже из наиболее искаженного и противоположного, также как из наиболее благодетельных переживаний, и растет, отвергая или принимая их; оно извлекает божественный смысл и использование из наших наиболее мучительных страданий, затруднений, неудач. Ни что иное, как Все-Восторг может смочь или вытерпеть наложение таких переживаний на самого себя или на нас; ничто иное не может так обратить их на свою собственную пользу и ради нашей духовной выгоды. Точно также ничто иное, как неотъемлемая гармония бытия, внутренне присущая неотъемлемому единству бытия, не смогла бы выбросить так много наиболее редких кажущихся разногласий и все же заставить их следовать его цели, так что в конце концов они неспособны делать что-либо кроме того, чтобы служить ей и укреплять ее, и даже самим изменяться в элементы, составляющие растущий вселенский ритм и окончательную гармонию. Всякий раз мы должны открывать божественную Реальность за тем, что мы все еще из-за природы поверхностного сознания, в котором пребываем, вынуждены называть небожественным, хотя в некотором смысле мы правы, называя это так; ибо эта видимость является вуалью, обволакивающей Божественное Совершенство, вуалью, необходимой для теперешней, но вовсе не истинной или полной фигуры.

Но даже когда мы так рассматриваем вселенную, то не можем и не обязаны считать полностью и радикально ложными и нереальными значения, придаваемые ей нашим собственным ограниченным человеческим сознанием. Ибо печаль, боль, страдание, ошибка, ложь, неведение, слабость, злонамеренность, неспособность, неделание того, что должно быть сделано и неправильное делание, отклонение воли и отрицание воли, эгоизм, ограничение, отделение от других существ, с кем мы должны составлять одно, все то, что вырисовывается в действенный образ того, что мы называем злом — факты мирового сознания, не фикции и не нереальности, хотя они есть факты, чей полный смысл или верное значение не такие, какие мы приписываем им в нашем неведении. Все же часть смысла мы придаем им верно, наша оценка их необходима для их полной оценки. Одну сторону истины этих вещей мы открываем, когда входим в более глубокое и более широкое сознание; ибо мы находим, что существует космическая и индивидуальная польза в том, что представляется нам враждебным и злым. Ибо без переживания боли мы бы не представили всей бесконечной ценности божественного восторга, по отношению к которому боль кажется невыносимой мукой, все неведение является полу-светом, что обволакивает светящуюся сферу знания, всякая ошибка является многозначительностью возможности и усилия к открытию истины; всякая слабость и неудача является первым звучанием бездны мощи и потенциальности; всякое разделение является намерением обогатиться путем переживания различных милостей объединения, радостью реализованного единства. Все это несовершенство для нас есть зло, но все зло есть мучительная выработка вечного блага; ибо все несовершенство есть первое условие — в законе жизни, развивающейся из Неведения — большего совершенства в проявлении скрытой божественности. Но в то же время наше теперешнее ощущение этого зла и несовершенства, восстание нашего сознания против них также имеет свое значение; ибо если поначалу мы должны встретить их лицом к лицу и выдержать их, то окончательной командой для нас будет отвергнуть, превзойти трансформировать жизнь и природу. Именно поэтому их настояние не позволяет расслабляться; душа должна учиться на результатах Неведения, должна чувствовать их реакции как побуждение к тому, чтобы попытаться управлять ими и покорить их и в конечном итоге попытаться трансформировать их и превзойти. Можно, внутренне пребывая в глубинах, достичь состояния обширной внутренней ровности и мира, незатрагиваемого реакциями внешней природы, и это есть великое, но неполное освобождение — ибо внешняя форма также имеет права на освобождение. Но даже если наше личное освобождение — полное, то все еще остаются страдания других, мировые муки, на которые великая душа не может взирать с безразличием. Существует единство со всеми существами, что чувствуется некоторой частью в нас, и освобождение остальных должно ощущаться как известная часть своего собственного избавления.

Следовательно, в этом заключается закон манифестации, причина нашего несовершенства здесь. Верно, этот закон есть только закон проявления, и даже закон, специфический для этого движения, в котором мы живем, и мы можем сказать, что нет необходимости быть этому закону — если не было бы не было движения проявления или не этого движения; но, раз уж манифестация и движение приданы, этот закон необходим. Недостаточно просто сказать, что этот закон и все сопутствующие ему обстоятельства суть нереальности, созданные ментальным сознанием, несуществующие в Боге, и недостаточно быть индифферентным к этим двойственностям или что выйти из проявле-

ния в чистое бытие Бога есть единственная мудрость. Верно, что они есть порождения сознания разума, но Разум есть только вторичное порождение; как мы уже видели, в более глубокой реальности они есть порождения Божественного Сознания, выносящего разум прочь из своего все-знания, так чтобы осознать эти противоположные или противостоящие значения все-мощи, все-знания, все-восторга, все-бытия и единства. Очевидно, эти действия и эти плоды Божественного Сознания могут быть названы нами нереальными в том смысле, что они не вечные и не фундаментальные истины бытия, или могут быть обвинены в ложности, поскольку они противоречат тому, что первоначально и окончательно является истиной бытия; но, все равно, они сохраняют свою реальность и важность в нашей теперешней фазе проявления, а также они не могут быть простой ошибкой Божественного Сознания без какого-либо смысла в божественной мудрости, без какой-либо цели божественной радости, мощи и знания, чтобы оправдать их существование. Оправдание должно быть, даже если оно покоится на мистерии, как на неразрешимой загадке, стоящей перед нами, пока мы живем поверхностными переживаниями.

Но, если приняв эту сторону Природы, мы скажем, что все вещи зафиксированы писанным и неизменным законом бытия, и человек также должен быть связан своим несовершенством, своим неведением и грехом и слабостью и подлостью и страданием, то наша жизнь теряет истинный смысл. Тогда извечное стремление человека воспрянуть из тьмы и недостаточности своей природы не имеет исхода в самом мире, в самой жизни; единственным исходом, если таковой существует, должен быть уход от жизни, из мира, из его человеческого существования и, поэтому, из его вечно неудовлетворительного закона несовершенного бытия, уход либо в небеса богов, либо в Бога, либо в чистую невыразимость Абсолюта. Если это так, то человек на самом деле никогда не высвободит из неведения и лжи истину и знание, из зла и уродства — добро и прекрасное, из слабости и подлости — мощь и величие, из печали и страдания — радость и восторг, которые содержатся в Духе за ними, и по отношению к которому эти противоречия являются первыми враждебными и противоположными условиями возникновения. Все, что он может сделать — это отрезать несовершенства от себя и также перешагнуть через их балансирующие противоположности, тоже несовершенные — оставить с неведением человеческое знание, со злом — человеческое добро, со слабостью — человеческую мощь и силу, в борьбе и страдании — человеческую любовь и радость; ибо они в нашей теперешней природе неразделимо переплетены вместе, выглядят как соединенные двойственности, негативный и позитивный полюса одной и той же нереальности, и поскольку они не могут быть подняты и преобразованы, то должны быть оставлены: человечество не может исполниться в божественности; оно должно прекратиться, остаться позади и быть отвергнутым. Будет ли результатом индивидуальное наслаждение абсолютной божественной природой или Божественным Присутствием или Нирваной в лишенном черт Абсолюте, это та точка, в которой расходятся религии и философии: но в любом случае человеческое существование должно рассматриваться обреченным на вечное несовершенство самим законом его бытия; это навечно и неизменно небожественная манифестация Божественного Существования. Душа, принявшая человечество, возможно, самым фактом рождения, выпала из Божественного, совершила первоначальный грех или ошибку, которую она должна основательно исправить, неотступно устранять, что и составляет духовную цель человека, коль суждено ему стать озаренным.

В таком случае, единственно разумное объяснение такой парадоксальной манифестации заключается в том, что она есть космическая игра, Ли́ла, игра, развлечение Божественного Существа. Может быть, оно притворяется небожественным, плетет эту видимость подобно маске или игре актера единственно ради удовольствия переживания драмы. Либо же оно породило небожественное, неведение, грех и страдание только лишь ради радости многогранного творения. Или, возможно, как предполагают некоторые странные религии, оно сделало так, чтобы могли существовать низшие твари, которые молились бы Ему и славляли Его во имя его вечного блага, мудрости, блаженства и всемогущества и безуспешно пытались приблизиться хотя бы на дюйм к благовому, чтобы разделить блаженство или понести боль наказания — некоторые полагают, вечного — если они провалятся в своей попытке, а так оно и будет для подавляющего большинства в силу их самого несовершенства. Но на доктрину о такой Лиле, так грубо поставленную, всегда можно возразить, что Бог, сам все-блаженный, наслаждающийся страданием созданий или накладывающий такое страдание на них за недостатком своего собственного и несовершенного творения, вовсе не будет Божественностью; и против него моральное существо и интеллект человечества должны восстать или отрицать его существование. Но если человеческая душа является порцией Божественности, если именно божественный Дух в человеке соглашается на это несовершенство, соглашается на то, чтобы вытерпеть это страдание, или если подразумевается, что душа в человечестве привлечена к Божественному Духу и является его ассистентом в игре несовершенства здесь, в восторге совершенного бытия где-либо, то Лила все еще остается парадоксом, но перестает быть ужасным или нетерпимым парадоксом; в крайнем случае, эта игра может считаться мистерией, необъяснимой для разума. Для ее объяснения требуется два принципиальных элемента: сознательного восхождения благодаря душе в этой манифестации и смысла во Все-Мудрости, что делает игру значимой и объяснимой.

Игра покажется менее странной, острые края притупятся, если мы откроем, что несмотря на существование фиксированных градаций, каждой из которых соответствует свой собственный порядок, эти градации являются только надежными шагами для прогрессивного восхождения душ, воплощенных в форму материи, для последова-

тельной божественной манифестации, возвышающейся от несознательного к сверхсознательному или все-сознательному статусу с человеческим сознанием в качестве решающей точки перехода. Тогда несовершенство становится необходимым термином манифестации: ибо, поскольку вся божественная природа сокрыта, но присутствует в Бессознательном, то она должна быть постепенно освобождена из него; эта постепенность вызывает необходимость частичного развертывания, и этот частичный характер или неполнота развертывания вызывает необходимость несовершенств. Эволюционное проявление требует серединной стадии с градациями над и под ней — в точности такой стадии, какой является ментальное сознание человека, наполовину знание, наполовину неведение, средняя мощь бытия, все еще опирающаяся на Несознательное, но медленно поднимающаяся ко все-сознающей Божественной Природе. Частичное развертывание, подразумевающее несовершенство и неведение, может рассматриваться как неизбежный попутчик, возможно, как базис для определенных движений, как кажущееся нарушение первоизданной истины бытия. Ибо для длительного неведения и несовершенства требуется видимое противоречие всех тех черт божественной природы, ее единства, ее все-сознания, ее все-мощи, ее все-гармонии, ее все-блага, ее все-восторга; должно возникнуть ограничение, разногласие, несознание, дисгармония, неспособность, нечувствительность и страдание, зло. Ибо без этого искажения несовершенство не могло бы иметь прочной начальной базы, не могло бы там свободно проявлять и поддерживать свою природу против присутствия лежащей в основании Божественности. Частичное знание есть несовершенное знание, и несовершенное знание есть в этом смысле неведение, противоположность божественной природе: но с точки зрения того, что превосходит это знание, эта негативная противоположность становится позитивной противоположностью; она порождает ошибки, неправильное знание, неверное обращение с вещами, с жизнью, с действием; неправильное знание становится неправильной волей в природе, поначалу, может быть, неправильной по ошибке, но затем неправильной по выбору, прикреплённости, из-за восторга во лжи — простая противоположность обращается в комплексное извращение. Раз уж несознание и неведение допущены, то логически как естественный результат возникают эти последствия, и они также должны быть приняты в качестве необходимых фактов. Единственный вопрос — это причина, по которой этот вид последовательной манифестации сам по себе стал необходимым; это единственная точка, все еще остающаяся неясной для интеллекта.

Манифестация такого рода, само-творение Лилы, не показалась бы оправданной, если бы она была наложена на неволящее создание; но будет очевидно, что восхождение воплотившегося духа должно присутствовать там, ибо Праkritи не может действовать без восхождения Пуруши. Должна быть не только воля Божественного Пуруши, чтобы делать космическое творение, но и восхождение индивидуального Пуруши, чтобы делать возможной космическую манифестацию. Но можно сказать, что причина для Божественной Воли и восторга в таком трудном и мучительном последовательном проявлении и причина для восхождения души все еще остается мистерией. Но это не будет всецело мистерией, если мы взглянем на нашу собственную природу и сможем уловить некоторые родственные движения существа в начале космического порождения. Напротив, игра само-сокрытия и само-нахождения есть одно из наиболее ярких удовольствий, которое сознательное существо может доставить самому себе, игру крайних притяжений. для человека нет большего удовольствия, чем победа, лежащая в самом принципе преодоления трудностей, победа в знании, победа в мощи, победа в творении над невозможностями творения, восторг в покорении мучительного труда и тяжкого испытания страдания. В конце отделения лежит интенсивная радость единения, радость встречи с “я”, от которого мы были отделены. Есть некоторая прелесть в самом неведении, поскольку оно дает нам радость открытия, сюрприз нового непредвиденного творения, величайшее приключение души; есть радость путешествия и поиска и обретения, радость битвы и короны, труда и вознаграждения за труд. Если восторг существования тайно присутствует в создании, то это также один восторг существования; он может считаться причиной или, по меньшей мере, одной из причин этого кажущегося парадоксальным и противоречивым Лилы. Но, помимо этого выбора индивидуального Пуруши, есть и более глубокая истина, внутренне присущая первоизданному Существованию, которая находит свое выражение в погружение в Неведение; результатом является новое утверждение Сатчитананды в кажущейся противоположности. Если даровано право Бесконечного на разнообразное само-проявление, то это также постижимо в качестве возможности проявления и имеет свое глубочайшее значение.

КОСМИЧЕСКАЯ ИЛЛЮЗИЯ; РАЗУМ, ГРЕЗА И ГАЛЛЮЦИНАЦИЯ

Ты, кто пришел в этот бранный несчастливый мир, повернись ко мне.

Гита (IX.33)

Это “я” есть “я” Знания, внутренний свет в сердце; он есть сознательное существо, общее для всех состояний бытия, и движется в обоих мирах. Он становится я-грезой [dream-self] и выходит за пределы этого мира и его форм смерти ... Есть два плана этого сознательного бытия, этот мир и другой мир; третье состояние есть место их соединения, состояние грезы, и когда он располагается в этом месте соединения, то видит оба плана существования, этот мир и другой мир. Когда он спит, то принимает субстанцию этого мира, в котором все пребывает и он сам творит и уничтожает сделанное собственным озарением, собственным светом... Нет ни дорог, ни колесниц, ни радости, ни удовольствия, ни водоемов, ни морей, ни рек, но он создает их его собственным светом, ибо он — творец. Во сне он сбрасывает свое тело и, неспящий, смотрит на тех, кто спит; благодаря своему жизне-дыханию он сохраняет это низшее гнездо и идет вперед, бессмертный, из этого гнезда; бессмертный, он идет туда, куда желает, золотой Пуруша, одинокий Поэт. Они говорят: “страна пробуждения только его, ибо вещи, которые он видит, когда пробужден, именно эти вещи он видит, когда спит”; но там он сам бывает собственным само-светом.

Брихадараньяка Упанишада (IV.3.7,9-12,14)

Что видимо и не видимо, что переживается и не переживается, что есть и чего нет — все это он видит, он есть все и видит.

Прасна Упанишада (I.4.)

Все человеческое мышление, весь человеческий ментальный опыт движется между постоянным утверждением и отрицанием; для его разума не существует такой истины-идеи, такого результата переживания, который не мог бы быть утвержден или отрицаем. Он отрицал существование индивидуального существа, отрицал существование космоса, отрицал существование какой-либо имманентной или базисной Реальности, отрицал реальность за пределами индивидуального и космоса; но он также постоянно утверждает эти вещи — иногда только одну из них или любые две из них или все вместе. Он должен делать так в силу того, что наш рассуждающий разум по самой своей природе является оценщиком возможностей и не обладает истиной, лежащей за любой из них, а испытывает и проверяет каждую по очереди или все вместе, если, по случаю, он может обрести некоторую укоренившуюся веру или знание о них, некую уверенность; все же, живя в мире относительностей и возможностей, он не может достичь никакой окончательной уверенности, никакого абсолютного и верного убеждения. Даже действительное, реализованное может предстать перед нашей ментальностью как “может быть, а может и не быть”, съяд ва на съяд ва, или как “есть” под сенью “могло бы и не быть” и несущего аспект того, чего не будет в будущем. Наше жизненное существо также страдает от той же неуверенности; оно может не иметь никакой цели жизни, из которой оно могло бы извлечь надежное или конечное удовлетворение или которой оно может приписать длительную ценность. Наша природа стартует с фактов и действительностей, которые она принимает за реальное; она выталкивается за их пределы в преследование неопределенных возможностей и обычно приходит к испытанию всего того, что она приняла за реальное. Ибо она следует из фундаментального неведения и не имеет опоры на гарантированную истину; все те истины, на которые она опирается, оказываются частичными, неполными и сомнительными.

Сначала человек живет в своем физическом разуме, воспринимающем действительное, физическое, объективное, и принимает это как факт и сам факт как само-очевидную истину, за пределами вопросов; все не действующее, не физическое, не объективное считается нереальным или нереализованным и принимается им в качестве полностью реального только тогда, когда оно дошло до того, чтобы стать действенным, стать физическим фактом, стать объективным: свое собственное бытие также считается им объективным фактом, реальность которого гарантируется его существованием в видимом и осязаемом теле; все другие субъективные существа и вещи он принимает на том же основании лишь постольку, поскольку они могут стать объектами нашего внешнего сознания или приемлемыми для той части разума, которая строит на основе данных, поставляемых этим сознанием, и опирается на них как на надежную базу знания. Физическая Наука является обширным расширением этой ментальности: она исправ-

ляет ошибки чувства и проталкивается за пределы первых ограничений чувство-разума путем открытия средств привнесения в поле объективности фактов и объектов, не охватываемых нашими телесными органами; но она имеет один и тот же стандарт реальности, цели, физической действительности; ее тест реальности заключается в возможности проверки при помощи позитивного рассуждения и объективного доказательства.

Но человек имеет также жизне-разум, витальную ментальность, являющуюся инструментом желания: он не удовлетворяется сиюминутно существующим, он торгует возможностями; он имеет страсть к новизне и всегда стремится расширить пределы переживания ради удовлетворения желания, ради наслаждения, ради расширенного само-утверждения и расширения территории мощи и выгоды. Он жаждет, наслаждается, обладает действительностями, но также охотится за нереализованными возможностями, пылает страстью материализовать их, также обладать и наслаждаться ими. Он не удовлетворен только физическим и объективным, а ищет также субъективного, воображаемого, чисто эмоционального удовлетворения и наслаждения. Если бы не этот фактор, физический разум человека, предоставленный самому себе, жил бы подобно животному, принимая свою первую действительную физическую жизнь и ее границы в качестве всей возможности, двигаясь по заведенному в материальной Природе порядку и не спрашивая ничего за пределами него. Но вступает этот витальный разум, это беспокойное желание-воля, приходит со своими требованиями и возмущает это инертное или рутинное удовлетворение, живущее внутри мелочных границ действительности; он всегда разжигает желание и страсти, создает неудовлетворение, беспокойство, стремление к чему-то большему, что жизнь, как кажется, способна ему дать: он привносит обширное расширение поля физической деятельности путем актуализации наших нереализованных возможностей, но также приносит и постоянное требование все большего и большего, поиски новых миров для их покорения, неистощимый двигатель к превышению границ обстоятельств и к само-расширению. В добавлении ко всему эта причина беспокойства и неуверенности входит в рассуждающий разум и исследует все, выспрашивает все, строит утверждения и расстраивает их, возводит системы уверенности, но впоследствии не принимает ни одну из них как несомненную, утверждает и сомневается в доказательствах чувств, выводит заключения разума, но снова разрушает их, чтобы достичь других или совершенно противоположных выводов, и этот процесс продолжается неопределенно долго, если не до бесконечности [ad infinitum]. Это наблюдается в истории человеческого мышления и человеческих попыток: постоянное разрушение границ лишь затем, чтобы двигаться всегда по одной и той же спирали, возможно, расширяющейся, но следуя по тем же самым или всегда подобным виткам. Разум человечества, всегда ищущий, всегда активный, никогда не достигает прочно установленной реальности жизненных целей и объектов или установленных реальностей своих собственных уверенностей и убежденностей, учрежденного основания или прочного образования своей идеи существования.

В определенной точке этого постоянного беспокойства и тяжелого труда даже физический разум теряет свою убежденность объективной уверенности, ввергается в агностицизм, который подвергает сомнению все свои собственные стандарты жизни и знания, сомневается, все ли это реально, либо же если даже все это реально, то не поверхностно ли оно; витальный разум, сбитый с толку жизнью и расстроенный или же неудовлетворенный всеми своими удовлетворениями, захваченный глубоким отвращением и разочарованием, что все является тщетой и обременительностью духа, и готов отвергнуть жизнь и существование как нереальность, отвергнуть все то, за чем он охотится, как иллюзию, Майю; физический разум, разрушающий все свои утверждения, открывает, что все является простыми ментальными конструкциями и что в них нет никакой реальности, либо же единственной реальностью является нечто за пределами этого существования, нечто, что не было сделано или сконструировано, нечто Абсолютное и Вечное — все то относительно, все то, что существует во времени, есть греза, галлюцинация разума или обширный бред, необъятная космическая Иллюзия, обманчивый рисунок кажущегося существования. Тогда принцип отрицания начинает преобладать над принципом утверждения и становится универсальным и абсолютным. Отсюда берут начало великие миро-отрицающие религии и философии; отсюда так же возникает отвращение жизненного мотива от себя и начинаются поиски где-либо в другом мире жизни безупречной и вечной или возникает желание растворить саму жизнь в недвижимой Реальности или первоизданном Не-Существовании. В Индии философии миро-отрицания была придана формулировка верховной мощи и ценности двумя величайшими мыслителями, Буддой и Шанкарой. Были и другие философские системы, созданные между этими двумя или в более позднее время, философские системы огромной важности, некоторые из которых были широко приняты, сформулированы с большой проницательностью мышления людьми гениального и духовного видения, философские системы, в которых с большей или меньшей силой и успехом обсуждались выводы этих двух величайших метафизических систем, но ни одна из них не была продвинута так далеко вперед с равной силой представления или энергией личности, ни одна из них не имела столь громадного воздействия. Дух этих двух выдающихся философий — ибо Шанкара в историческом процессе развития Индийского философского разума вобрал, дополнил и заместил Будду — влиял с потрясающей мощью на ее мышление, религию и общую ментальность: повсюду распространилась его могущественная тень, везде отпечатались три великие формулы, цепи Кармы, бегство из колеса возрождения, Майя. Поэтому необходимо снова взглянуть на Идею или Истину за отрицанием космического существования и рассмотреть, хотя бы кратко,

в чем ценность основных формулировок или предположений, на какой реальности они стоят, насколько далеко они императивны для разума или для опыта. Сейчас будет достаточно бросить взгляд на принципиальные идеи, которые группируются вокруг концепции великой космической Иллюзии, Майи, и выставить против них те, что находятся в нашей собственной линии мышления и видения; ибо обе линии проистекают из представления об Одной Реальности, но одна линия ведет ко вселенскому Иллюзионизму, а другая — ко вселенскому Реализму — нереальной или реально-нереальной вселенной, покоящейся на трансцендентной Реальности или реальной вселенной, покоящейся на Реальности, одновременно универсальной и трансцендентной или абсолютной.

Сама по себе антипатия витального существа, отвращение жизненного разума от жизни не может считаться веским или доказательным. Его сильнейшим мотивом является ощущение разочарования и крушения надежд, которые имеют не большее притязание на убедительность, чем противоположный мотив идеалиста неизменной надежды и его вера и желание реализации. Тем не менее, есть определенная законность в ментальной поддержке этого ощущения неудовлетворения, в том восприятии, которого достигает рассуждающий разум, что стоит иллюзия за всеми человеческими усилиями и земными попытками, иллюзия его политических и социальных евангелий, иллюзия его этических усилий к совершенству, иллюзия филантропии и служения, иллюзия работ, иллюзия слова, мощи, успеха, иллюзия всех его достижений. Человеческие, социальные и политические попытки всегда возвращаются по кругу и никуда не ведут; человеческая жизнь и природа остаются всегда теми же, всегда несовершенными, и ни законы, ни институты, ни воспитание, ни философия, ни мораль, ни религиозные учения не преуспели в производстве совершенного человека, тем более совершенного человечества — как говорится, попробуйте распрямить хвост собаки, он все равно будет сворачиваться в колечко. Альтруизм, филантропия и служение, Христианская любовь или Буддистское сострадание не сделали этот мир ни на йоту счастливее, они только добавляют малюсенькие кусочки к сиюминутной вере здесь и там, брызгают капельки на огонь мирового страдания. Все цели становятся в конце концов преходящими и тщетными, все достижения — неудовлетворительными или мимолетными; во всех работах так много трудных усилий, но баланс успехов и неудач не производит ничего определенного: всякие изменения, сделанные в человеческой жизни, касаются только формы, и эти формы сменяют друг друга в бесплодном цикле; ибо сущность жизни, ее общий характер остаются одними и теми же навсегда. Этот взгляд на вещи может быть преувеличенным, но он обладает неотрицаемой силой; он поддерживается человеческим опытом, накопленным за столетия, и он несет в себе то значение, которое в то или иное время приходит в разум с переполняющим воздухом само-очевидности. И не только так, а если верно, что фундаментальные законы и ценности земного существования фиксированы или что они должны всегда вращаться по замкнутому кругу — и это надолго было очень широко распространенным представлением — тогда этого взгляда на вещи в конечном итоге трудно избежать. Ибо несовершенство, неведение, неудовлетворение и страдание суть доминирующие факторы существующего миропорядка, а элементы, противоположные им, знание, счастье, успех, совершенство постоянно оказываются обманчивыми или нерешающими: две противоположности так безнадежно запутаны, что если это состояние вещей не является движением к большему совершенству, если в этом заключается вечный характер миропорядка, тогда трудно избежать заключения, что все здесь есть либо творение несознательной Энергии, что объяснило бы неспособность кажущегося сознания достичь чего-либо, либо этот мир есть намеренно мир испытания и неудач, и исход бытия не здесь, а где-то, либо все есть обширная и бесцельная космическая Иллюзия.

Среди этих альтернативных заключений второе, как оно обычно ставится перед нами, не дает почвы для философского рассуждения, поскольку мы не имеем удовлетворительного указания на связь между “здесь” и “где-то”, которые противопоставлены друг другу, но не объяснены в неизбежности их связей, и нет света, брошенного на необходимость или фундаментальное значение испытания и неудачи. Это могло бы быть объяснимым — кроме как мистическая воля произвольного Создателя — если бы был выбор бессмертных духов испытать приключение Неведения и если бы была необходимость для них изучить природу мира неведения, чтобы затем отвергнуть ее. Но такой созидательный мотив, необходимо несущественный и совершенно преходящий в своей несущественности, с землей в качестве причинного поля опыта, сам по себе мог бы с трудом объяснить такое безмерное и длительное явление этой комплексной вселенной. Он может стать действенной частью удовлетворительного объяснения, если этот мир есть поле для выработки большего созидательного мотива, если он есть проявление божественной Истины или божественной Возможности, в которую при определенных условиях должно вмешиваться изначальное Неведение, вмешиваться как необходимый фактор, и если устройство этой вселенной содержит в себе принуждение Неведения двигаться к Знанию, принуждение несовершенной манифестации расти в совершенство, принуждение крушения как подготовительных шагов к окончательной победе, принуждение страдания для подготовки возникновения божественного Восторга Бытия. В этом случае ощущение неоправданной надежды, разочарования, иллюзии и суетности всех вещей было бы не справедливо; ибо аспекты, кажущиеся оправдывающими это ощущение, стали бы только естественными обстоятельствами трудной эволюции: все напряжения борьбы и усилия, удачи и неудачи, радости и страдания, смесь неведения и знания явились бы опытом, необходимым для роста души, разума, жизни и физической части в полный свет духовного совершенного существа. Оно бы раскрылось как процесс эволюционной манифеста-

ции; не было бы необходимости вводить в декрет произвольного Всемогущества или космической Иллюзии фантазию бессмысленной Майи.

Но также существует более высокий ментальный и духовный базис для философии миро-отрицания, и он более прочен: ибо можно заявить, что мир по самой своей природе есть иллюзия, и никакое рассуждение, выводимое из черт и обстоятельств Иллюзии не может оправдать ее или поднять ее до Реальности — существует только одна Реальность, трансцендентная, супракосмическая; никакое божественное исполнение, даже если нашей жизни суждено вырасти в жизнь богов, не может свести на нет или аннулировать изначальную нереальность, являющуюся самым фундаментальным характером; ибо это исполнение явилось бы только светлой стороной Иллюзии. Или даже если мир не есть абсолютная иллюзия, то он есть реальность низшего порядка и должен прийти к своему концу при распознании душою того, что только Брахман истинен, что не существует ничего, кроме трансцендентного и имманентного Абсолюта. Если в этом заключается вся Истина, то всякая почва уходит из-под наших ног; божественная Манифестация, победа души в Материи, ее господство над существованием, божественная жизнь в Природе сама бы стала ложью или, по крайней мере, чем-то не всецело реальным, временно наложенным на единственную Реальность. Но здесь все зависит от представлений разума или переживания Реальности ментальным существом и зависит от того, насколько это представление законно или насколько это переживание императивно — даже если это духовное переживание, то насколько оно абсолютно доказательно, единственно императивно.

Космическая Иллюзия иногда постигается — хотя это не принятое положение — как нечто, что имеет характер нереального субъективного переживания; тогда это есть — или может быть — рисунок форм и движений, который возникает в некотором вечном сне вещей или в грезящем сознании и временно наложен на чистое и лишнее черт само-осознающее Существование; это греза, происходящая в Бесконечном. В философиях Майявадинов — ибо существует несколько систем, сходных в своей основе, но не всецело и не в каждой точке совпадающих друг с другом — этому придается аналогия грезы, но только аналогия, не являющаяся внутренне присущим характером мировой иллюзии. Позитивному физическому разуму трудно допустить идею о том, что мы сами, мир и жизнь, единственная вещь, о которой постоянно свидетельствует наше сознание, все это не существует, является обманом, наложенным на нас этим сознанием; выдвигаются определенные аналогии, особенно аналогии грезы и галлюцинации, для того, чтобы показать, что переживания сознания кажутся ему реальными и все же оказываются мнимыми в реальности какого-либо основания или надежного основания; как греза реальна для грезящего, пока он спит, но пробуждение показывает ее нереальность, так и наше переживание мира кажется нам реальным и позитивным, но когда мы становимся позади иллюзии, то находим, что она не имеет реальности. Но можно равным образом придать полное значение аналогии грезы и посмотреть, имеет ли наше ощущение мирового переживания каким-либо образом аналогичный базис. Ибо идея мира как грезы, будь то грезы субъективного разума или грезы души или грезы в Вечном, зачастую поддерживает и мощно усиливает иллюзионистскую тенденцию в человеческом чувстве и размышлении. Если она безосновательна, то мы определенно должны увидеть это, а также увидеть причины ее непригодности и убрать ее с нашего пути; если она имеет некоторое право на существование, то мы должны увидеть, в чем это право заключается и насколько далеко оно распространяется. Если мир есть иллюзия, но не иллюзия грезы, то это также должно обрести прочное основание.

Греза кажется нереальной, во-первых, из-за того, что она прекращается и не имеет дальнейшей силы, когда мы переходим от одного статуса сознания к другому, являющемуся нашим нормальным статусом. Но само по себе это не является достаточной причиной: ибо равным образом может быть, что существуют различные состояния сознания, каждое со своими собственными реальностями; если постепенно исчезает сознание одного состояния вещей и его содержимое теряется или, захваченное памятью, кажется иллюзорным, коль скоро мы переходим в другое состояние, то это будет совершенно нормальным, но это не доказывает реальности состояния, в котором мы сейчас пребываем, и не доказывает нереальности других состояний, которые мы оставили позади себя. Если жизненные условия начинают казаться нереальными для души, переходящей в иной мир или на другой план сознания, то это не доказывает их нереальность; аналогично, сам факт того, что мировое существование кажется нам нереальным, когда мы входим в духовное молчание или некоторую Нирвану, еще не доказывает того, что космос все время был иллюзией. Мир реален для сознания, пребывающего в нем, необусловленное существование реально для сознания, поглощенного в Нирване; это есть все, что установлено. Но вторая причина потери доверия к нашим сновидениям заключается в том, что греза есть нечто мимолетное без прошлого и продолжения; также обычно то, что она не имеет какой-либо достаточной согласованности или постижимого значения для нашего пробужденного существа. Если бы наши грезы плели аспект связности, подобно нашей пробужденной жизни, если бы каждая ночь вбирала и переносила дальше прошлый непрерывный и связный опыт переживаний во сне, подобно тому как каждый день вновь продолжает временно прерванное мировое переживание, то тогда грезы приобрели бы для нашего разума совсем иной характер. Поэтому нет аналогии между грезой и пробужденной жизнью; эти переживания совершенно различны в их характере, законности, порядке. Наша жизнь обвиняется в исчезновении и часто она также обвиняется, в целом, в отсутствии или недостатке внутренней согласованности и значимости; но это отсутствие полной значимости

может вызываться нашей неспособностью или ограничением понимания: на самом деле, когда мы идем внутрь и начинаем видеть ее изнутри, то она обретает полную связную значимость; в то же время недостаток внутренней связности, ощущавшийся ранее, исчезает, и мы видим, что он был вызван несогласованностью нашего собственного внутреннего видения и знания и вовсе не характером жизни. Нет поверхностной несвязности в жизни, и более того, она является нашим разумам как прочная цепочка последствий, и если это ментальное заблуждение, как иногда утверждается, если последовательность создана нашими разумами и в действительности не существует в жизни, то это не устраняет разницы двух состояний сознания. Ибо в грезе связность, придаваемая наблюдающим внутренним сознанием, отсутствует, и какое бы ощущение последовательности не казалось бы в ней, это вызвано смутной и ложной имитацией связей жизни, последовательной мимикрией, но эта имитирующая последовательность затемнена и несовершенна, теряет силу и всегда разрушается и зачастую полностью отсутствует. Мы также видим, что сознание сна кажется полностью лишенным того контроля, каким пробужденное сознание обладает до определенных пределов над жизненными обстоятельствами; оно обладает Природным автоматизмом подсознательного построения и ничем из сознательной воли и организующей силы развитого разума человеческого существа. Опять же, сон исчезает радикально, и нет связи одного сна с другим; но исчезновение пробужденной жизни детально — нет признаков исчезновения в связной тотальности мирового переживания. Наши тела обращаются в прах, но души переходят от рождения к рождению сквозь века: звезды и планеты могут исчезнуть при смене эр или многих световых циклов, но вселенная, космическое существование, может быть также вечно, как несомненно, вечно ее непрерывная деятельность; ничто не доказывает того, что Бесконечная Энергия, творящая вселенную, имеет конец или начало, либо сама по себе, либо ее действие. Так что несопоставимость жизни во сне с пробужденной жизнью слишком велика, чтобы можно было проводить аналогию.

Но можно усомниться, действительно ли наши сновидения полностью нереальны и не несут никакого смысла и не являются ли они фигурой, образной записью или символической транскрипцией или представлением вещей реальных. Следовательно, нам нужно исследовать, хотя бы кратко, природу сна и явлений сновидения, процесс их возникновения и их источник. Во сне происходит то, что наше сознание отходит от поля пробужденного опыта; предполагается, что оно покоится, временно отстраняется или находится во временном бездействии, но этот взгляд поверхностен. Временно бездействуют пробужденные активности, покоится поверхностный разум и обычное сознательное действие нашей телесной части; но внутреннее сознание не отстраняется, оно вступает в новую внутреннюю деятельность, из которой мы помним только часть, ту часть, которая происходит и записывается в той нашей части, что ближе всего находится к поверхности. Во сне поддерживается ближе расположенный к поверхности темный подсознательный элемент, являющийся вместилищем или переправой наших переживаний во сне, а также самим строителем сновидений; но за этим стоит глубина и масса сублиминального, тотальность нашего сокрытого внутреннего существа и сознания совершенно другого порядка. Обычно именно подсознательная наша часть, промежуточная между сознанием и чистым несознанием, посылает через этот поверхностный слой свои образования в форме снов, построений, отмеченных кажущейся непоследовательностью и несвязностью. Многие из них являются мимолетными структурами, воздвигнутыми над обстоятельствами нашей теперешней жизни, отобранными, как кажется, случайно и окруженными фантазией вариаций; другие показывают прошлое, либо довольно выборочные обстоятельства и личности прошлого в качестве начальной точки для аналогичных беглых сооружений. Существуют и другие сны подсознательного, кажущиеся чистой фантазией без какого-либо такого начала или базиса; но новые методы психоанализа, пытающегося взглянуть поначалу в наши сны с некоторого рода научным пониманием, установили в них некоторую систему значений, ключ к вещам в нас, которые должны быть познаны и с которыми должно обращаться пробужденное сознание; это само по себе меняет целостный характер и значение каждого переживания сна. Это начинает выглядеть так, как если бы было нечто реальное позади него и как если бы также нечто было бы элементом, не имеющим практического значения.

Но подсознательное — не единственный строитель снов. Наше подсознательное является крайней границей нашего тайного внутреннего существования, где оно встречается с Бессознательным, борется для того, чтобы стать полу-сознательным; также и поверхностное физическое сознание, когда оно погружается с пробужденного уровня и регрессирует к Бессознательному, отходит в это промежуточное подсознательное. Или, с другой точки зрения, эта более низшая наша часть может быть описана как прихожая Бессознательного, через которую его образования всплывают до уровня пробужденного или сублиминального существа. Когда мы спим, и наша поверхностная физическая часть, являющаяся в своей первооснове здесь продуктом Бессознательного, снова впадает в первозданное несознание, то тем самым она вступает в этот подсознательный элемент, прихожую или субстратум [нижний слой], и там она находит слепки прошлых или теперешних привычек разума и переживаний — ибо все оставило свою отметку на нашей подсознательной части и имеет там силу возвращения. В своем воздействии на наше пробужденное “я” эта возвращаемость часто принимает форму повторного утверждения старых привычек, импульсов, скрыто дремлющих или подавленных, отвергнутых элементов природы, или она приходит как некоторый другой, не так легко распознаваемый, некоторый особо замаскированный или тонкий результат этих подавленных или отвергну-

тых, но не стертых импульсов или элементов. В сознании сна [dream-consciousness] это явление возникает как причудливое построение, смесь фигур и движений, воздвигнутых на или вокруг спрятанных впечатлений с тем смыслом в них, который убегает от разбуженного интеллекта, поскольку тот не имеет ключа к подсознательной системе значимостей. Спустя некоторое время эта подсознательная деятельность кажется погруженной назад в полное несознание, и мы говорим об этом состоянии как о глубоком сне без сновидений; затем мы снова всплываем в мелководье сновидений или возвращаемся на пробужденную поверхность.

Но на самом деле, в том, что мы называем сном без сновидений, мы вступаем в более глубокие и плотные слои подсознательного, в состояние, слишком вовлеченное, слишком погруженное или слишком тусклое, темное и тяжелое, чтобы довести до поверхности его структуры, и мы грезим там, но неспособны захватить или вернуть в регистрирующий слой подсознательного эти более темные сны-образы. Либо же, может быть, та часть нашего разума, которая остается все еще активной во сне тела, вступает во внутренние области нашего существа, сублиминальную ментальную, сублиминальную витальную, тонкую физическую, и там становится потерянной для всех активных связей с нашими поверхностными частями. Если мы все же находимся в этих областях не так глубоко, то бодрствующая часть поверхностного подсознательного записывает нечто из того, что мы переживаем в этих глубинах; но она записывает это в своей собственной транскрипции, зачастую состыкованным характерной несвязностью и всегда, даже когда это наиболее связно, деформированным или брошенным в образы, списанные из мира пробужденного опыта. Но если мы уходим глубже, то запись пропадает или не может быть записана, и у нас возникает иллюзия сна без сновидений; но деятельность внутреннего сонного сознания продолжается за вуалью теперь безмолвной и неактивной поверхности. Эта продолжающаяся сонная деятельность обнаруживается нами, когда мы становимся внутренне более сознательными, ибо тогда мы вступаем в контакт с более тяжелым и глубоким слоем и можем осознавать — временами или путем возвращения или восстановления в памяти — то, что случилось, когда мы погружались в эти оцепеневшие глубины. Также можно стать сознательным глубже внутри наших собственных “я”, и тогда мы осознаем опыт других планов нашего бытия или даже супрафизических миров, право входа в которые дает нам сон. Запись таких переживаний достигает нас; но записывает здесь не подсознательное, а сублиминальное, еще больший строитель снов. Если таким путем сублиминальное выходит на передний план в сознании сна, тогда временами начинает действовать наш сублиминальный интеллект — сон становится чередой мыслей, зачастую странно или ярко изображенных, решаются те проблемы, которые не может решить наше пробужденное сознание; предупреждения, предчувствия, указания на будущее, вещие сны заменяют обычную подсознательную несвязность. Может также появиться структура символов-образов, некоторые из которых носят ментальный характер, а некоторые имеют витальную природу: предыдущие точны в своих образах, ясны в своей значимости; последние чаще комплексны и сложны для нашего пробужденного сознания, но если мы можем ухватить нить, то они раскроют свой собственный смысл и особую систему связности. Наконец, могут прийти к нам записи происшедшего, видимого или пережитого нами на других планах нашего собственного бытия или вселенского бытия, в которое мы входим: иногда они подобны символическим снам, имеют близкое отношение к нашей собственной внутренней или внешней жизни или жизни других, обнаруживают элементы нашего или их ментального существа и жизненного существа или раскрывают влияния на них, влияния, о которых полностью не ведает наше пробужденное я; но иногда они не имеют никакого такого отношения и являются чисто записями других организованных систем сознания, не зависящих от нашего физического существования. Подсознательные сны составляют основную часть нашего самого обычного опыта сна, и именно эти сны мы обычно помним; но иногда сублиминальный строитель может настолько впечатлить наше спящее сознание, что его деятельность запечатлевается в нашей пробужденной памяти. Если мы развиваем наше внутреннее существо, живем более внутренне, чем делает это большинство людей, тогда баланс меняется, и более широкое сознание сна открывается перед нами; наши сны могут нести сублиминальный и более не подсознательный характер и могут предполагать реальность и значение.

Можно даже стать полностью сознательным во сне и проследить от начала до конца или большими кусками за ступенями нашего опыта сна; тогда мы находим, что через цепочку состояний сознания мы переходим к краткому периоду светлого и мирного покоя без сновидений, в котором по-настоящему восстанавливается энергия пробужденной природы, и затем тем же путем мы возвращаемся к разбуженному сознанию. При этом обычно, переходя от одного состояния к другому, мы позволяем предыдущим переживаниям улетучиваться от нас; при возвращении помнятся только наиболее яркие или ближайšie к пробужденной поверхности: но это может быть исправлено — можно удержать гораздо больше или может быть развита мощь отхода назад в память от сновидения к сновидению, от состояния к состоянию, пока целое еще раз не предстанет перед нами. Возможно связное познание жизне-сна, хотя этого трудно достичь или удержать установленным.

Наше сублиминальное “я” не является, подобно поверхностному физическому существу, продуктом энергии Бессознательного; это место встречи сознания, поднимающегося в ходе эволюции, и сознания, спустившегося выше при инволюции. В нем существует внутренний разум, внутреннее витальное существо, внутреннее или тонкое физическое существо, превышающее наше внешнее существо и природу. Это внутреннее существование является

замаскированным источником почти всего в нашем поверхностном “я”, всего того, что не является построением первой несознательной Мировой Энергии или естественно развитым функционированием нашего поверхностного сознания или его реакцией на воздействие снаружи, со стороны вселенской Природы — и даже в этом построении, в этом функционировании, в этих реакциях сублиминальное принимает участие и оказывает на них значительное влияние. Здесь существует сознание, имеющее мощь прямого контакта со вселенским, в отличии от по большей части непрямых контактов, которые наше поверхностное существо поддерживает со вселенной через чувство-разум и чувства. Здесь есть внутренние чувства, сублиминальное видение, прикосновение, слышание; но эти тонкие чувства являются скорее каналами прямого осознания вещей внутренним существом, чем информантами: в своем познании сублиминальное не зависит от чувств, они только придают форму прямому переживанию объектов; они не настолько, как в пробужденном разуме, передают формы объектов для документации разума и не предстают в качестве начальной точки или базиса непрямого конструируемого переживания. Сублиминальное имеет право вхождения в ментальный и витальный и тонко-физический планы вселенского сознания, оно не ограничено материальным планом и физическим миром; оно обладает средствами связи с мирами бытия, которые были установлены при инволюционном спуске, и со всеми соответствующими планами или мирами, которые могли возникнуть или быть построенными с целью возвратного подъема от Несознания к Сверхсознанию. Именно в это обширное царство внутреннего существования удаляются наш разум и витальное существо, когда они отходят от поверхностной деятельности, будь то во сне или внутреннем сновидении [inward-dream] или во внутреннем погружении в транс.

Наше пробужденное состояние не знает о своей связи с сублиминальным существом, хотя получает — но без какого-либо знания о месте происхождения — вдохновения, интуитивные внушения, идеи, предложения воли [will-suggestions], предложения чувств, побуждения к действию, которые поднимаются снизу или из-за нашего ограниченного поверхностного существования. Сон, подобно трансу, открывает ворота сублиминальному к нам; ибо во сне, как и в трансе, мы отходим за оболочку ограниченной пробужденной персональности, и именно за этой оболочкой сублиминальное имеет свое существование. Но мы воспринимаем записи нашего переживания сна [sleep experience] через сновидения [dreams] и в образах сновидений, а не при том условии, которое могло бы быть названо внутренним пробуждением и которое является наиболее доступной формой состояния транса, и не посредством сверхъестественной ясности видения и других более озаренных и реально конкретных способов связи, развитых внутренним сублиминальным постижением, когда оно входит в привычку или случайно устанавливает сознательную связь с нашим пробужденным я. Сублиминальное, с подсознательным в качестве пристройки к себе — ибо подсознательное также составляет часть сущности-за-оболочкой [behind-the-veil-entity] — является провидцем внутренних вещей и супрафизических переживаний; поверхностное сознание только переписывает. Именно по этой причине Упанишады описывают сублиминальное как Грезящее “я” [Dream Self], поскольку обычно именно в грезах, видениях, состояниях, поглощенных внутренним переживанием, мы вступаем в сублиминальное, и эти состояния являются частью его переживаний — точно также, как Упанишады описывают сверхсознательное как Спящее “я” [Sleep Self], поскольку обычно все ментальные или сенсорные переживания прекращаются, когда мы вступаем в это сверхсознание. Ибо в более глубоком трансе, в который прикосновение сверхсознательного погружает нашу ментальность, никакая его запись или передача его содержимого не может обычно достигать нас; и только при исключительном или необычном развитии, в сверхсознательных условиях или при прорыве через трещины в нашей ограниченной нормальности, можем мы осознавать на поверхности контакты или сообщения Сверхсознания. Но, несмотря на эти образные имена состояния-грезы и состояния-сна, поле обоих этих состояний сознания ясно считалось полем реальности ничуть не меньшей, чем пробужденного состояния, в котором наши движения воспринимающего сознания являются записью или передачей физических вещей и наших контактов с физической вселенной. Без сомнения, все три состояния могут классифицироваться как часть иллюзии, наши переживания их могут рассматриваться вместе как построения иллюзорного сознания, и наше пробужденное состояние не менее иллюзорно, чем наше состояние-грезы или состояние-сна, поскольку единственная настоящая истина или настоящая реальность есть непередаваемое “я” или Одно-Существование (Атман, Адвайта), являющееся четвертым состоянием “я”, описанным Ведантой. Но равным образом можно рассматривать и классифицировать их вместе как три состояния сознания, в которых воплощается наш контакт с тремя различными ступенями само-переживания и миро-переживания.

Если это верная оценка переживания грезы, то грезы не могут больше классифицироваться как просто нереальные образы нереальных вещей, временно наложенных на наше полу-сознание в качестве реальности; поэтому эта аналогия неуместна, даже как иллюстративная поддержка теории космической Иллюзии. Однако, можно сказать, что наши грезы сами по себе являются не реальностями, а только передачей реальности, системой символов-образов, и наше пробужденное переживание вселенной, аналогично, есть не реальность, а только передача реальности, серия или собрание символов-образов. Совершенно верно, что первично мы видим физическую вселенную только через систему образов, запечатленных или наложенных на наши чувства, и лишь настолько это утверждение оправдано; также можно допустить, что в определенном смысле и с одной точки зрения наши переживания и действия могут рассматриваться как символы истины, которые наши жизни пытаются выразить, но в настоящее время только

с частичным успехом и несовершенной связностью. Если бы это было все, то жизнь могла бы описываться как сновидение-переживание “я” и вещей в сознании Бесконечного. И хотя наша первичная видимость [primary evidence] объектов вселенной заключается в структуре чувственных образов, но эти образы дополняются, проверяются, приводятся в порядок автоматической интуицией в сознании, которое немедленно связывает образ с прообразом и приобретает осязаемое переживание объекта, так что мы не просто рассматриваем или читаем перевод или чувственную передачу реальности, а смотрим на эту реальность сквозь чувственный образ. Эта адекватность также усиливается действием рассудка, который вникает и познает закон прочувственных вещей и может внимательно пересмотреть чувственную передачу и скорректировать ее ошибки. Поэтому мы можем заключить, что переживаем реальную вселенную через нашу образную чувственную передачу при помощи интуиции и рассудка — интуиции, дающей нам прикосновение вещей, и рассудка, исследующего их истину при помощи умозрительного познания. Но мы должны также заметить, что даже если наше образное видение вселенной, наша чувственная передача является системой символьных образов и не точным воспроизводством или транскрипцией, буквальным переводом, то все же этот символ служит обозначением нечто, что есть, служит передачей реальностей. Даже если наши образы неточны или даже неверны, все же то, что они пытаются отобразить, есть реальности, не иллюзии; когда мы видим дерево или камень или животное, это не не-существующая фигура, не галлюцинация; мы не можем быть уверены в том, что образ точен, можно допустить, что другие чувства очень даже могут видеть по-другому, но все же существует нечто, что оправдывает образ, нечто, с чем он имеет большее или меньшее соответствие. Но в теории Иллюзии единственной реальностью является неопределимое, лишенное черт чистое Существование, Брахман, и нет никакой возможности для того, чтобы его бытие транслировалось или даже неверно транслировалось в систему символьных фигур, ибо это могло бы быть только в том случае, если Существование имело бы некоторое определенное содержимое или некоторые непроявленные истины своего бытия, которые могли бы быть переписаны в формы или имена, даваемые им нашим сознанием: чистое Неопределимое не может быть передано с помощью переписывания, с помощью множества представительных свойств, короны символов или образов; ибо в нем существует только чистое Тожество, нечего переписывать, нечего символизировать, нечего отображать. Поэтому аналогия сна становится всецело непригодной, и лучше к ней не прибегать; она всегда может быть использована как яркая метафора для определенного положения, которое может занимать разум по отношению к свои переживаниям, но она не имеет ценности для метафизического исследования реальности и фундаментальных значимостей или происхождения существования.

Если мы возьмем аналогию галлюцинации, то вряд ли найдем ее более полезной для истинного понимания теории космической Иллюзии, более полезной, чем аналогия грезы. Галлюцинации бывают двух видов, ментальные или воображаемые и визуальные и в некотором смысле сенсорные. Когда мы видим образ вещей там, где этих вещей нет, то это есть ошибочное построение наших чувств, визуальная галлюцинация; когда мы принимаем за объективный факт вещь, являющуюся субъективной структурой разума, сконструированной ментальной ошибкой или объективизированным воображением или помещенным не на свое место ментальным образом, то это есть ментальная галлюцинация. Примером первой предстает мираж, классическим примером второй является веревка, принимаемая за змею. Мимоходом можно отметить, что существует множество вещей, называемых галлюцинациями, которые на самом деле являются не ими, а символьными образами, посланными из сублиминального, или переживаниями, в которых сублиминальное сознание или чувство выходит на поверхность и приводит нас в контакт с супрафизическими реальностями; так, космическое сознание, являющееся нашим входом в ощущение обширной реальности при прорыве наших ментальных ограничений, классифицировалось, если даже допускалось, как галлюцинация. Но взяв только общепринятые галлюцинации, ментальные или визуальные, мы видим, что на первый взгляд они кажутся настоящим примером того, что в философии называется наложением [imposition]; это замещение реальности нереальной фигурой вещей, мираж в воздухе голой пустыни, замещение настоящей и реальной веревки образом не присутствующей змеи. Тогда мы можем согласиться, что мир есть такая галлюцинация, наложение не-существующей нереальной фигуры вещей на голую вечно-существующую реальность Брахмана. Но затем мы замечаем, что в каждом случае галлюцинация, ложный образ не является чем-то совершенно несуществующим; это образ нечто существующего и реального, но не присутствующего в том месте, на которое он был наложен в результате ошибки разума или чувства. Мираж есть образ города, оазиса, текущей воды или других отсутствующих вещей, и если бы эти вещи не существовали, то ложный образ их, будь то поднятый разумом или отображенный в воздухе пустыни, не мог бы быть там, сбивая с толку разум ложным ощущением реальности. Змея существует, и ее существование и ее формы известны жертве галлюцинации: если бы это было не так, то заблуждение не могло бы быть создано; ибо источником ошибки является именно это сходство с формой ранее где-то виденной реальности. Поэтому эта аналогия бесполезна; она была бы справедливой, только если бы наш образ вселенной был фальшивым отражением истинной вселенной, которая не здесь, а где-то, либо же если бы она была ложно изображенным проявлением Реальности, замещающим в разуме истинную манифестацию или покрывающим ее искажающей похожестью. Но здесь [в этой аналогии] мир есть не-существующая форма вещей, иллюзорное построение, наложенное на пустую

Реальность, на единственное Существующее, навсегда пустое [не содержащее вещей] и бесформенное: аналогия была бы верной только в том случае, если бы наше видение конструировало в голом воздухе пустыни фигуру вещей, нигде не существующих, либо же если бы оно накладывало на пустой фон как веревку, так и змею и другие фигуры, равным образом нигде не существующие.

Ясно, что в этой аналогии два совершенно различных вида иллюзии, не поясняющих друг друга, смешаны вместе, как если бы они были идентичны по своей природе. Все ментальные или чувственные галлюцинации являются на самом деле искажениями или неверными размещениями или невозможными комбинациями или ложными развитиями вещей, самих по себе существующих или возможных или некоторым образом находящихся внутри провинции реального или близкие к ней. Все ментальные ошибки и иллюзии являются результатом неведения, которое неверно комбинирует данные или ложно следует предыдущему или настоящему или возможному содержанию знания. Но космическая Иллюзия не имеет базиса действительности [actuality], это первичная и все-зачинающая иллюзия; она накладывает на Реальность имена, фигуры, события, являющиеся чистыми изобретениями, накладывает на Реальность, в которой никогда не было и никогда не будет каких-либо событий, имен и фигур. Аналогия ментальной галлюцинации будет приемлемой только в том случае, если мы допустим Брахмана без имен, форм или связей и мир имен, форм, связей как равные реальности, наложенные друг на друга, допустим веревку на месте змеи или змею на месте веревки — приписывание, может быть, деятельности Сагуны к тишине Ниргуны. Но если оба реальны, то оба должны быть либо отдельными аспектами Реальности, либо аспектами одного ранга, положительным и отрицательным полюсами одного Существования. Любая ошибка или путаница Разума между ними будет не созидательной космической Иллюзией, а только неправильным восприятием реальностей, неправильной связью, созданной Неведением.

Если мы внимательно рассмотрим другие иллюстрации или аналогии, предлагаемые нам для лучшего понимания операций Майи, то обнаружим их неприменимость, лишшающую их силы и ценности. Известный пример перламутра и серебра, подобно аналогии веревки и змеи, также оборачивается ошибкой, вследствие схожести, между присутствующим реальным и другим отсутствующим реальным; он не непригоден при описании наложения множественной и изменчивой нереальности на единственное и уникальное неизменное Реальное. В примере оптической иллюзии удвоения или умножения единственного объекта, как когда мы видим две луны вместо одной, существует две или более идентичные формы одного объекта, одна — реальная, а другая или остальные — иллюзорные: это не иллюстрирует соседствующего взаимоналожения мира и Брахмана; ибо в операциях Майи присутствует более сложное явление — в действительности существует иллюзорное размножение Идентичного, наложенное на одно и навсегда неизменное Тожество, Один, появляющийся как многие, но на которого наложено безмерно организованное разнообразие в природе, разнообразие форм и движений, которому нечего делать с первозданным Реальным. Грезы, видения, воображения артиста или поэта могут представлять такое организованное разнообразие, которое не реально; но это имитация, мимикрия реального и уже существующего организованного разнообразия, или оно начинается с этого подражания, и некоторый элемент мимикрии наблюдается даже в наиболее богатой вариации или самом безумном изобретении. Здесь нет такой вещи как операция, приписываемая Майе, в которой не существует такого подражания, а есть только чистое и радикально первозданное творение нереальных форм и движений, которые не существуют где-либо и которые также не имитируют и не отражают и не развивают что-либо, открываемое в Реальности. В операциях Разума-иллюзии нет ничего, что бросало бы свет на эту мистерию; она — без соответствия, *sui generis*, как и полагается быть космической Иллюзией этого рода. То, что мы видим во вселенной, это то, что разнообразие идентичного везде является фундаментальной операцией космической Природы; но здесь оно представляет себя не как иллюзия, а как разнообразное реальное образование из одной первичной субстанции. Реальность Тожества, проявляющаяся в реальности неисчислимых форм и мощностей бытия, есть то, с чем мы сталкиваемся везде. Без сомнения, в этом процессе присутствует мистерия, даже магия, но ничто не указывает на то, что это магия нереального и что это не работа Сознания и Силы бытия всемогущего Реального, само-творение, управляемое вечным само-знанием.

Здесь сразу же возникает вопрос о природе Разума, прародителе этих иллюзий, и его связи с первозданным Существованием. Является ли разум дитем и инструментом первичной Иллюзии или он сам по себе есть первичная неправильно создающая Сила и Сознание? или является ли ментальное неведение неверным представлением [misprision] истин Существования, отклонением от первозданной Истины-Сознания, являющейся настоящим строителем мира? В любом случае наш собственный разум не есть первозданная и первично создающая мощь Сознания; он является, каким и должны быть все разумы того же характера, выводным, инструментальным демиургом, промежуточным творцом. Поэтому, вероятно, аналогии с ошибками разума, являющимися продуктом промежуточного Неведения, не могут верно иллюстрировать природу или действие первозданной созидательной Иллюзии, все-изобретающей и все-конструирующей Майи. Наш разум находится между сверхсознанием и несознанием и получает с них противоположные мощности: он располагается между оккультным сублиминальным существованием и внешним космическим явлением; он воспринимает вдохновение, интуицию, воображение, импульсы к знанию и действию,

фигуры субъективных реальностей и возможностей из неизвестного внутреннего источника, он получает фигуры реализованных действительностей и их предположения относительно дальнейшего возможного следствия из наблюдаемого космического явления. То, что он воспринимает, является истинами сущностными, возможными и реализованными; он стартует с реализованных действительностей физической вселенной и из них вносит в свое субъективное действие нереализованные возможности, которые они содержат или предполагают или которых он может достичь, отправляясь от них как от начальной точки; он отбирает некоторые из этих возможностей для субъективного действия и играет с воображаемыми или внутренне сконструированными формами их; он выбирает другие для объективизации и пытается реализовать их. Но он получает вдохновение также свыше и изнутри, из невидимых источников и не только из коллизий видимых космических явлений; он видит истины другие, чем предлагаемые действительной физичностью вокруг него, и здесь также он субъективно играет с переданными или сконструированными формами этих истин или выбирает для объективизации, пытается реализовать.

Наш разум — это наблюдатель и пользователь действительностей, предсказатель [diviner] или приемник истин еще неизвестных или актуализированных, он тот, кто имеет дело с возможностями, находящимися между истиной и действительностью [actuality]. Но он не обладает всеведением бесконечного Сознания; он ограничен в знании и должен пополнять свое ограниченное знание при помощи воображения и открытия. Он не проявляет известное, подобно бесконечному Сознанию, он должен открывать неизвестное; он охватывает возможности Бесконечного, но не как результаты или вариации форм скрытой Истины, а как построения или создания, плод своего собственного безграничного воображения. Он не обладает всемогуществом бесконечной сознательной Энергии; он может только реализовать или осуществить то, что космическая Энергия примет от него, или то, для чего он имеет силу, чтобы сделать наложение или ввести в сумму вещей, поскольку тайная Божественность, сверхсознательная или сублиминальная, исполняющая его, предполагает воплотить то, что должно быть выражено в Природе. Его ограничение в Знании учреждается неполнотой, но также и открытостью к ошибке, Неведению. При обращении с действительностями он может неправильно наблюдать, неверно использовать, не так творить; при обращении с возможностями он может неправильно составлять, неверно комбинировать, неправильно применять, размещать не так; при обращениях с истинами, открывшимися ему, разум может деформировать, неправильно толковать, дизгармонизировать. Он может также производить отсебятину, не имеющую отношения к вещам действительного существования, не имеющую потенциальности реализации, не имеющую поддержки от истины за ней; но все же эта отсебятинка стартует с незаконного расширения действительности, схватывает недопускаемые возможности или обращает истины в такие приложения, которые на самом деле неприложимы. Разум творит, но он не является первоначальным творцом, не всеведущ или всемогущ, не всегда даже действенный демиург. Майя, Мощь Иллюзии, напротив, должна быть первородным творцом, ибо она создает из субстанции Реальности, но тогда те вещи, которые она создает, должны некоторым образом быть реальными; она имеет совершенное знание о том, что хочет создать, обладает совершенной мощью творить по выбору, она всеведуща и всемогуща, хотя только над своими иллюзиями, гармонизируя их и связывая их вместе с магической уверенностью и державной энергией, она абсолютна действительна в наложении своих собственных образований или вымыслов, проходящих как истины, возможности, действительности, на созидательный интеллект.

Наш разум работает лучше всего и с наибольшей уверенностью, когда ему придана надлежащая субстанция для работы или, по крайней мере, для использования ее в качестве базиса для его операций, или когда он может обращаться с космической силой, о которой он обрел знание — его шаги более надежны, когда он имеет дело с действительностями [actualities]; это правило обращения с объективизированными или открытыми действительностями и опора на них при творении составляют причину громадного успеха Науки. Но здесь, очевидно, нет порождения иллюзии, нет создания не-существования in vacuo и обращения его в кажущиеся действительности, то есть нет такого акта, который приписывается космической Иллюзии. Ибо разум может делать из субстанции только то, что возможно для этой субстанции, он может делать с силой Природы только то, что находится в соответствии с ее реализованными энергиями; он может только изобретать или открывать то, что уже содержится в истине и потенциальности Природы. С другой стороны, он получает вдохновения для творения изнутри себя, либо свыше: но эти вдохновения могут обрести форму, только если они являются истинами или потенциальностями, а не по собственному праву разума на изобретение; ибо если разум воздвигает то, что ни истинно, ни потенциально, то это не может быть создано, не может стать действенным в Природе. Майя, напротив, если творит на базисе Реальности, то все же воздвигает суперструктуру, которая ничего не должна делать с Реальностью, не является ни истинным или потенциальным в ней; если она творит из субстанции Реальности, то вырабатывает из нее вещи, невозможные для нее и не находящиеся в соответствии с ней — ибо она творит формы, а Реальность, как предполагается, есть Бесформенное, не способное на форму, Майя творит определенности, а Реальность, как предполагается, абсолютно неопределима.

Но наш разум обладает способностью воображения; он может порождать собственные ментальные структуры и принимать их за истинные и реальные: здесь, можно было бы подумать, есть нечто аналогичное действию Майи. Наше ментальное воображение является инструментом Неведения; оно — надежда или инструмент или прибежище

ограниченной способности знания, ограниченная способность результативного действия. Разум восполняет эти недостатки мощью воображения: он использует его для того, чтобы извлечь из вещей очевидных и видимых те вещи, которые не очевидны и не видимы; он пытается создать свои собственные фигуры возможного и невозможного; он воздвигает иллюзорные действительности или рисует фигуры предполагаемой или сконструированной истины вещей, которые не верны для внешнего опыта. В этом, по крайней мере, состоит видимость его оперирования; но, в действительности, именно в этом заключается способ разума или один из его путей призывания из Бытия его бесконечных возможностей, даже открытия или захвата неизвестных возможностей Бесконечного. Но, поскольку он не может делать это со знанием, то делает экспериментальные конструкции истины и возможности и еще нереализованной действительности: поскольку его мощь восприятия внутренней Истины ограничена, то он воображает, строит гипотезы, сомневается в том, может ли это или то быть истиной; поскольку его сила призывать реальные потенциальности узка и ограничена, то он выдвигает возможности, которые пытается задействовать или желает, чтобы они смогли быть задействованными; поскольку его мощь осуществлять связана и ограничена противостояниями материального мира, то он рисует субъективные осуществления, чтобы удовлетворить своему желанию творчества и восторгу само-представления. Но следует заметить, что через воображение он на самом деле воспринимает фигуру истины, в действительности призывает возможности, которые впоследствии реализуются, на самом деле часто посредством воображения усиливает действенное давление на мировые действительности. Воображения, долго лелеяемые человеческим разумом, подобно путешествию по воздуху, часто находят свое само-исполнение; индивидуальные мысле-образования могут осуществиться, если есть достаточная сила в образовании или разуме, сформировавшем его. Воображения могут создавать свои собственные потенциальности, особенно если они поддерживаются коллективным разумом, и могут на длительное время притянуть к себе санкцию космической Воли. В действительности все воображения представляют возможности: некоторые могут когда-то реализоваться в некоторой форме, в совершенно другой форме действительности; но большая часть приговорена к бесплодию, поскольку не вписывается в рисунок или схему теперешнего творения, не входит в допустимую возможность индивида или не соответствует коллективному или родовому [genetic] принципу или чужда природе или судьбе содержащего мироздания.

Таким образом, воображения разума не являются чисто и радикально иллюзорными: они вырабатываются на базисе его переживания действительности или, по крайней мере, отправляются от этого переживания, являются вариациями действительности, либо они рисуют “может быть” и “могло бы быть” Бесконечного, что могло бы быть, если были бы проявлены другие истины, если существующие потенциальности были бы иначе выстроены или стали бы потенциальностями другие возможности, чем те, что уже допущены. Более того, через эти способности сообщаются с нашим ментальным существом формы и мощности других областей, не только мощности физической действительности. Даже когда воображения экстравагантны или принимают форму галлюцинаций или иллюзий, то они действуют на базе действительного или возможного. Разум создает образ русалки, но эта фантазия составлена из двух действительностей, сложенных вместе тем путем, который находится вне обычной потенциальности земли; ангелы, грифоны, химеры сконструированы по тому же самому принципу: иногда воображение является памятью о бывших действительностях, как в мистической фигуре дракона, иногда это фигура происходящего, того, что реально или могло быть реальным на других планах или при других условиях существования. Даже иллюзии маньяка основываются на неверной подгонке действительностей, как когда сумасшедший связывает в одно целое себя, царствование и Англию и сидит в воображении на троне Плантагенетов [Plantagenets] и Тюдоров. Опять же, когда мы ищем происхождение ошибки, то находим, что она обычно заключается в неверной комбинации, неверном положении, неверном использовании, неправильном понимании или неправильном приложении опыта и знания. Само воображение по своей природе является подменой более истинной способности сознания на прозрение возможности: по мере того, как разум поднимается к Истине-Сознанию, эта ментальная мощь становится истиной-воображением, которая приносит цвет и свет высшей истины в ограниченную соразмерность или несоразмерность знания, уже достигнутого и сформированного и, наконец, при трансформировании светом свыше она [ментальная мощь] уступает место высшей истине мощности или сама обращается в интуицию и вдохновение; в этом подъеме Разум перестает быть творцом ошибок и создателем заблуждений. Следовательно, Разум не является суверенным творцом вещей не-существующих или возведенных в пустыне: это неведение, пытающееся узнать; все его иллюзии стартуют с базиса некоторого вида ограниченного знания или полу-неведения и являются их результатом. Разум является инструментом космического Неведения, но он не кажется мощью или инструментом космической Иллюзии и не действует подобно им. Он является искателем и открывателем или творцом или мог-бы-быть творцом истин, возможностей и действительностей, и было бы рационально предположить, что первозданное Сознание и Мощь, из которого разум должен был произойти, также является творцом истин, возможностей и действительностей, не ограниченным подобно разуму, а космическим в своем охвате, не открытым ошибке, поскольку он свободен от всякого неведения, является суверенным инструментом или само-мощью верховного Всеведения и Всемогущества, вечной Мудростью и Знанием.

Тогда перед нами возникают две возможности. Мы можем предположить, что существует первозданное сознание и мощь, творящая иллюзии и нереальности вместе с разумом в качестве своего инструмента или среды в человеческом и животном сознании, так что дифференцированная вселенная, которую мы видим, нереальна, является фикцией Майи, и реален только некоторый неопределяемый и недифференцируемый Абсолют. Или можно равным образом предположить существование первичной, верховной или космической Истины-Сознания, сотворившей эту вселенную, но с разумом, действующим в этой вселенной в качестве несовершенного сознания, невежественного, частично знающего, частично не знающего — сознания, которое самим своим неведением или ограничением знания способно на ошибку, неверное представление, ошибочное или неверно направленное развитие из известного, неопределенный поиск наощупь к неизвестному, на частичное творение и построение, постоянное промежуточное положение между истиной и ошибкой, знанием и незнанием. Но на самом деле это неведение действует, как бы ни сбивчиво, на знание и к знанию; оно внутренне способно сбросить ограничение, смешение, и благодаря этому освобождению может обратиться в Истину-Сознание, мощь первозданного Знания. До сих пор мы вели наше исследование скорее во втором направлении; оно приводит к заключению, что природа нашего сознания имеет не тот характер, который оправдал бы гипотезу Космической Иллюзии в качестве решения проблемы. Проблема существует, но она заключается в смеси Знания с Неведением в нашем постижении “я” и вещей, и мы должны открыть происхождение этого несовершенства. Нет нужды привнесения в первозданную мощь Иллюзии или же вмешательства и наложения мира не-существующих форм на Сознание или Сверхсознание, навсегда чистое, вечное и абсолютное.

Глава VI

РЕАЛЬНОСТЬ И КОСМИЧЕСКАЯ ИЛЛЮЗИЯ

Вечное есть истина; мир есть ложь.

Вивекачудамани (Стих 20)

Мастер Майи создал этот мир при помощи его Майи, и внутри него заключил другой; нужно знать его Майю как Природу и Мастера Майи как великого Господина всего.

Шветашватара Упанишада (IV.9,10)

Пуруша есть все это, что есть, что было и что еще будет; он мастер Бессмертия и он всегда растет при помощи пищи.

Риг Веда (X.90.2)

Шветашватара Упанишада (III.15)

Все есть Божественное Бытие.

Гита (VII.19)

Но до сих пор мы только расчищали часть переднего плана поля исследования; на заднем плане проблема остается нерешенной и полной. Это проблема природы первозданного Сознания или Мощи, которая создала или концептуально сконструировала или проявила вселенную, и проблема связи с ней нашего миро-постижения — кратко, является ли вселенная выдумкой сознания, наложенной на наш разум верховной силой Иллюзии или истинным образованием бытия, переживаемым нами со все еще невежественным, но нарастающим знанием. На самом деле это вопрос не единственно Разума или космической грезы или космической галлюцинации, рожденной Разумом, а вопрос о природе Реальности, законности созидательного действия, происходящего в ней или наложенного на нее, наличия или отсутствия реального содержимого в ней или в нашем сознании и вопрос ее или нашего отношения ко вселенной. От имени Иллюзионизма можно выдвинуть то положение, занимаемое нами по отношению к истине существования, что все это могло бы быть справедливым внутри границ космической Иллюзии; что все это есть система, прагматическая машинерия, при помощи которой Майя работает и поддерживает себя в неведении: но истины, возможности, действительности космической системы истинны и действительны только внутри Иллюзии, а вовне этого магического круга они не имеют законности; они не постоянные и вечные реальности; все есть временные фигуры, работы Знания не в меньшей степени, чем работы Неведения. Можно заключить, что знание является полезным инструментом Иллюзии Майи, ради бегства от самой себя, с целью разрушения самой себя в Разуме; духовное знание необходимо: но одна настоящая истина, единственно постоянная реальность за пределами всякой двойственности знания и неведения есть вечный Абсолют без связей или “я”, вечное чистое Существование. Все здесь оборачивается представлениями разума и переживанием реальности ментальным существом; ибо в соответствии с переживанием разума или представлением реальности будет его интерпретация данных, в противном случае тождественная, интерпретация фактов Космоса, индивидуальное переживание, реализация верховной Трансцендентности. Все ментальное постижение зависит от трех элементов: воспринимающего, восприятия и воспринимаемой вещи или объекта. Любой из этих трех элементов может быть утверждаемой или отрицаемой реальностью; тогда вопрос состоит в том, какой из них, если такой вообще есть, реален и до какой степени или каким образом. Если все три отвергаются как инструменты космической Иллюзии, то логически возникает следующий вопрос: есть ли реальность вне них, и если это так, то какова связь между Реальностью и Иллюзией?

Можно утверждать реальность объекта, объективной вселенной, и отрицать или преуменьшать реальность воспринимающего индивида и его воспринимающего сознания. В теории, принимающей Материю за единственную реальность, сознание является только операцией Материальной энергии в Материи, секрецией или вибрацией мозговых клеток, физическим восприятием образов и откликом мозга, рефлексивным действием или реакцией Материи на контакты Материи. Даже если ослабляется жесткость этого утверждения, и сознание объясняется несколько иначе, то оно все же считается не более чем временным и производным явлением, не длительной Реальностью. Сам воспринимающий индивид является только телом и мозгом, способным на механические реакции, которые мы обобщаем под именем сознания: индивид имеет только относительную ценность и временную реальность. Но если сама Материя оказывается нереальной или производной и просто явлением Энергии, как теперь кажется весьма вероятным, тогда Энергия остается единственной Реальностью; воспринимающий, его восприятие, воспринимаемый

объект предстают только явлениями Энергии. Но Энергия без Бытия или Существования, обладающих ею, или Сознания, питающего ее, Энергия, работающая изначально в пустыне — ибо материальное поле, в котором мы видим ее сейчас за работой, само является порождением — очень напоминает ментальное построение, нереальность: или она могла бы быть временным необъяснимым выбором движения, которое в любой момент могло бы прекратить творение явлений; только Пустыня Бесконечного была бы длительной и реальной. Буддистская теория воспринимающего и восприятия и объекта восприятия как построения Кармы, процесс некоторого космического факта Действия, дает место такому заключению; ибо она логическим путем ведет к утверждению Не-Бытия, Пустыни или Нуля. На самом деле можно допустить, что работает не Энергия, а Сознание; подобно тому, как Материя сводится к Энергии, охватываемой нами не в себе, а в ее результатах и работах, так и Энергия могла бы свестись к действию Сознания, охватываемого нами не в себе, а в его результатах и работах. Но если предполагается, что это Сознание также работает в Пустыне, то мы неизбежно приходим к тому же выводу, что Сознание является творцом временных феноменальных иллюзий и само иллюзорно; Пустыня, бесконечный Ноль, единственно первозданное Не-Существование является длительной Реальностью. Но эти выводы не обязательны; ибо позади этого Сознания может присутствовать невидимое первозданное Существование, охватываемое только там: тогда Сознательная Энергия этого Существования могла бы быть реальностью; тогда и ее порождения, сделанные из мельчайшей субстанции бытия, неуловимой для чувств, но ощущаемой ими на определенной стадии действия Энергии как Материи, стали бы реальными, как и индивид, возникающий как сознательное существо первозданного Существования в мире Материи. Эта изначальная Реальность могла бы быть космическим духовным Существованием, Пантеоном [Pantheos] или она могла бы иметь некоторый другой статус; но в любом случае это была бы не вселенская иллюзия или простое явление, а настоящая вселенная.

В классической теории Иллюзионизма единственное и верховное духовное Существование принимается как одна Реальность; по своей сущности оно есть “я”, и все же природные существа, для которых это Существование есть их “я”, являются временными видимостями; именно это духовное Существование в своей абсолютности является субстратом всех вещей, но вселенная, воздвигнутая на этом субстрате, оказывается либо не-существованием, видимостью, либо же некоторым образом нереальной реальностью; это космическая иллюзия. Ибо Реальность есть одно без второго, она неизменна в вечности, это единственное Существование; помимо этого нет ничего, не существует настоящего становления этого Бытия: оно есть и должно навсегда оставаться пустыней имен, черт, образований, связей, происходящего; если оно имеет Сознание, то это может быть только чистое сознание его собственного абсолютного бытия. Но какова тогда связь между Реальностью и Иллюзией? С помощью какого чуда или мистерии приходит эта Иллюзия или как она ухитряется возникать или оставаться во Времени навсегда?

Поскольку реален только Брахман, то только сознание или мощь Брахмана могла бы быть настоящим творцом и создателем реальностей. Но раз уж не может быть иной реальности, кроме чистого и абсолютного Брахмана, то и не может быть настоящей созидательной мощи Брахмана. Сознание Брахмана, осознающее реальные существа, формы и происходящее, означало бы истину Становления, духовную и материальную реальность вселенной, которую переживание верховной Истины отрицает и сводит на нет и с которой логически несовместимо его единственное существование. Творение Майи является представлением существ, имен, форм, происходящего, вещей, и это такое представление, которое не может быть принято как истинное, оно противоречит неопределяемой чистоте Одного Существования. Следовательно, Майя не реальна, она не существует: Майя сама по себе есть иллюзия, прародительница неисчислимых иллюзий. Но все же эта иллюзия и ее работы имеют некоторый вид существования и поэтому некоторым образом должны быть реальными: более того, вселенная существует не в Пустыне и устойчива во времени именно потому, что наложена на Брахмана, некоторым образом базируется на одной Реальности; в Иллюзии мы сами приписываем Брахману ее формы, имена, связи, происходящее, начинаем осознавать все вещи как Брахмана, видим Реальность через эти нереальности. Следовательно, в Майе есть реальность; она одновременно реальна и нереальна, существует и не-существует; или, лучше сказать, она ни реальна, ни нереальна: это парадокс, супрарациональная загадка. Но чем тогда является эта мистерия, или она неразрешима? как эта иллюзия приходит к тому, чтобы вмешаться в существование Брахмана? в чем природа этой нереальной реальности Майи?

На первый взгляд кажется, что мы вынуждены предположить, что Брахман как-то должен быть тем, кто воспринимает Майю — ибо Брахман есть единственная Реальность, и если не он воспринимает, то кто же тогда воспринимает Иллюзию? В существовании нет кого-то другого воспринимающего; индивид, являющийся в нас кажущимся свидетелем, сам феноменален и нереален, является порождением Майи. Но если Брахман является воспринимающим, то как тогда может иллюзия удержаться хоть на мгновение, поскольку истинное сознание воспринимающего есть сознание “я”, сознание единственно его собственного чистого само-существования? Если Брахман воспринимает мир и вещи с истинным сознанием, тогда они все должны быть этим “я” и быть реальными; но поскольку они являются не чистым само-существованием, а в лучшем случае, его формами и видятся через феноменальное Неведение, то это реалистическое решение невозможно. Все же мы должны принять, по крайней мере, условно, вселенную как факт, невозможность как вещь, которая есть, поскольку Майя там, и ее работы продолжают

существовать и навязывают духу ощущение, какое бы ни ложное, об их реальности. Следовательно, именно на этом основании должны мы встретить и разрешить эту дилемму.

Если Майя некоторым образом реальна, то само собой напрашивается вывод, что Реальность Брахмана в этом смысле воспринимает Майю. Майя может быть его мощью дифференцирующего восприятия, поскольку мощью сознания Майи является созидательное восприятие разницы, что и отличает это сознание от сознания единственного духовного Я. Или Майя должна быть некоторой мощью сознания Брахмана, если это порождение разницы следует считать только результатом, а не самой сутью силы Майи — ибо только это сознание может видеть или творить иллюзию, и не может быть иного изначального или порождающего сознания, отличающегося от сознания Брахмана. Но поскольку Брахман также само-осознающ навечно, то должен быть двойной статус сознания Брахмана, один — осознающий единственную Реальность, другой — осознающий нереальности, которым при помощи своего созидательного восприятия он дает некоторый вид кажущегося существования. Эти нереальности не могут быть сделаны из субстанции Реальности, поскольку тогда они тоже должны быть реальными. С этой точки зрения не может быть принято утверждение Упанишад о том, что мир сделан из верховного Существования, является становлением, результатом или продуктом вечного Бытия. Брахман не есть материальная причина вселенной: наша природа — в противоположность нашему “я” — не сделана из его духовной субстанции; она построена из нереальной реальности Майи. Но, напротив, наше духовное существо состоит из этой субстанции, в действительности является Брахманом; Брахман превыше Майи, но он также воспринимает свои творения как свыше, так и изнутри Майи. Это дуальное сознание навязывает себя как единственно возможное объяснение загадки реального вечного Воспринимающего, нереального Объекта Восприятия и Восприятия, являющегося полу-реальным творцом нереальных объектов.

Если нет этого дуального сознания, если Майя является единственной сознательной мощью Брахмана, тогда должно быть истинным одно из двух: либо реальность Майи как мощи заключена в том, что она является субъективным действием сознания Брахмана, всплывающего из его молчания и сверхсознательной неподвижности и проходящего через переживания, реальные в силу того, что они являются частью сознания Брахмана, но нереальные, поскольку не являются частью его бытия, либо же Майя есть мощь Брахмана космического Воображения, внутренне присущая его вечному бытию, творящая из ничего имена, формы и все происходящее, что никоим образом не реально. В этом случае Майя была бы реальной, но ее работы были бы полностью вымышлены, были бы чисто воображаемыми: но можем ли мы утверждать Воображение в качестве единственной динамической или созидательной мощности Вечного? Воображение необходимо для частичного бытия с невежественным сознанием; ибо оно должно дополнять свое неведение воображением и догадками: не может быть места для такого движения в единственном сознании единственной Реальности, у которого нет причины конструировать нереальность, ибо оно навечно чистое и само-полное. Трудно понять, что же в его собственном бытии могло бы вынуждать или побуждать такое Единственное Существование, полное по самой своей сути, блаженное в его вечности, ничего не содержащее для проявления, безвременно совершенное, создавать нереальное Время и Пространство и людей со всей вечностью и непрерывным космическим показом ложных образов и происходящего. Это решение логически непригодно.

Другое решение, идея о чисто субъективной нереальной реальности, стартует с разделения, делаемого разумом в физической Природе между субъективными и объективными переживаниями; ибо только в объективности можно быть уверенным как в полностью и твердо реальном. Но такое разделение вряд ли могло существовать в сознании Брахмана, поскольку там нет ни субъекта, ни объекта, либо Брахман есть единственно возможный субъект своего сознания и единственно возможный объект; не может существовать ничего, внешнего по отношению к Брахману, поскольку нет ничего, кроме Брахмана. Тогда эта идея субъективного действия сознания, создающего мир фикций или искажающего единственно настоящий объект, выглядит подобно некоторому наложению на Брахмана, осуществляемому нашим разумом; она накладывает на чистую и совершенную Реальность черту своего собственного несовершенства, не приписываемую на самом деле восприятию Верховного Существа. С другой стороны, это разграничение между сознанием и бытием Брахмана не может быть справедливым, если не допустить бытие-Брахмана и сознание-Брахмана в качестве двух различных сущностей — сознание, накладывающее свои переживания на чистое существование бытия, но неспособное прикоснуться к нему, воздействовать на него или проникнуть в него. Тогда бы Брахман, будь то в качестве верховного единственного само-Существования или “я” реально-нереального индивида в Майе, осознавал бы при помощи своего истинного сознания все иллюзии, наложенные на него, и знал бы их как иллюзии; только некоторая энергия природы-Майи или нечто в ней было бы введено в заблуждение ее собственными изобретениями — либо, даже если она и не будет реально замороченной, то все же будет пребывать в таком неведении и ощущении, как если бы на самом деле была введена в заблуждение. Эта дуальность есть то, что является нашему сознанию в Неведении, когда оно отделяет себя от работ Природы и изнутри осознает “я” в качестве единственной истины, а все остальное в качестве не-Я и не-реального, но должно действовать на поверхности так, как если бы остальное было также реальным. Но это решение отрицает единственное и неделимое чистое существование и чистое осознание Брахмана; оно порождает дуализм внутри его лишнего черт единства, тот дуализм, который по

своему смыслу не отличается от двойного Принципа во взгляде Санкхьи на вещи, Пуруши и Пракрити, Души и Природы. Тогда эти решения должны быть оставлены как неприемлемые, пока мы не примем наш первый взгляд на Реальность и не допустим того, что она может обладать мощью многогранного статуса сознания или мощью многогранного статуса существования.

Но, опять же, если мы допустим его, не может быть объяснено как дуальная мощь Знания-Неведения, законная для Верховного Существования подобно тому как это справедливо для нас во вселенной. Ибо мы не можем предположить, что Брахман вообще подчиняется Майе, поскольку это означало бы, что принцип Неведения обволакивает и затуманивает само-осознание Вечного; это означало бы наложение ограничений нашего собственного сознания на вечную Реальность. Неведение, происходящее или вмешивающееся в курс манифестации как результат подчиненного действия Сознания и как часть божественного космического плана и его эволюционного смысла, есть одна вещь и вещь, логически постижимая; бессмысленное неведение или иллюзия, вечная в изначальном сознании Реальности, есть другая вещь и вещь не легко постижимая; она кажется насильственным ментальным построением, не имеющим подобия законности в истине Абсолюта. Дуальное сознание Брахмана никоим образом не может быть неведением, а должно быть само-осознанием, со-существующим с произвольной волей возводить вселенную иллюзий, которая удерживается во фронтальном восприятии сознающей одновременно “я” и иллюзорный мир, так что нет ни заблуждения, ни ощущения реальности. Заблуждение присутствует только в самом иллюзорном мире, и “я” или Брахман в мире, сам оставаясь отделенным и неуловимым, со свободным участием или свидетельствованием также наслаждается игрой, которая бросает свои магические заклинания только на Природный разум, созданный ради этого Майей. Но это, по-видимому, означало бы, что Вечное, неудовлетворенное своим чистым абсолютным существованием, имеет потребность созидать, занимать себя во Времени драмой имен и форм и происходящего; ему, будучи единичному, требуется видеть себя в качестве многого, будучи мирным и блаженным и само-знающим, наблюдать опыт или представление смешанного знания и неведения, восторга и страдания, нереального существования и бегства из нереального существования. Ибо бегство для индивидуального существа построено Майей; Вечному не требуется убежать, и вечно длятся циклы этой игры. А если эта гипотеза неверна, то тогда существует воля творить таким образом, либо есть побудительная предрасположенность к этим противоположностям; но, если мы рассмотрим единственную вечность чистого существования, приписанного Реальности, то все равно, любая нужда, воля, побуждение или автоматизм равно невозможны и непостижимы. Это можно считать объяснением, но это то объяснение, которое все еще оставляет мистику за пределами логики или понимания; ибо это динамическое сознание Вечного является прямым противоречием его статической и настоящей природы. Воля или Мощь творить или проявлять, несомненно, присутствует здесь: но, если это воля или мощь Брахмана, то она может предназначаться только для создания реальностей Реального или проявления безвременного процесса его бытия в вечности Времени; ибо кажется невероятным, что единственная мощь Реальности должна проявлять нечто противоположное себе или творить несуществующие вещи в иллюзорной вселенной.

До этих пор нет удовлетворительного ответа на загадку: но, может быть, мы ошибаемся, приписывая какой-либо род реальности, какой бы ни иллюзорной на дне, Майе или ее работам: истинное решение лежит в отважном признании мистерии крайней нереальности как самой Майи, так и ее работ. Как кажется, эта абсолютная нереальность прямо рассматривается в определенных формулировках Иллюзионизма, или в ее пользу выдвигается ряд весомых аргументов. Тогда следует рассмотреть эту сторону проблемы, прежде чем мы сможем уверенно исследовать решения, покоящиеся на относительной или частичной реальности вселенной. На самом деле, можно привести одно рассуждение, избавляющее от проблемы, исключая ее; утверждается, что вопрос о том, как Иллюзия возникла, как вселенная ухитряется пребывать в чистом существовании Брахмана, незаконен: проблемы не существует, поскольку вселенная не существует, Майя нереальна, а Брахман есть единственная истина, исключительная и само-существующая извечно. Брахман не затрагиваем никаким иллюзорным сознанием, никакая вселенная не рождалась внутри его безвременной реальности. Но это уклонение от трудности есть либо софизм, ничего не значащий, акробатика вербальной логики, логический довод, прячущий свою голову в игре слов и идей и отказывающийся видеть или преодолевать настоящую сложную трудность, либо он означает гораздо большее, поскольку он на самом деле отказывает во всякой связи Майи с Брахманом, утверждая ее в качестве независимой абсолютной нереальности вместе со вселенной, порожденной ею. Если настоящая вселенная не существует, то существует космическая Иллюзия, и мы ограничены в познании того, как она пришла в бытие или как она ухитряется существовать, в чем состоит ее связь или не-связь с Реальностью, что подразумевается под нашим собственным существованием в Майе, под нашим подчинением ее циклам, под нашим освобождением от нее. Ибо с этой точки зрения мы должны предположить, что Брахман не есть воспринимающий ее работы, а сама Майя не есть мощь сознания Брахмана: Брахман сверхсознательен, погружен в свое собственное чистое бытие или сознает только свою собственную абсолютную; ему нечего делать с Майей. Но в этом случае либо Майя не может существовать даже как иллюзия, либо должна быть двойная Сущность или две сущности, настоящее Вечное, сверхсознательное или сознающее только себя, и иллюзорная Мощь, которая творит и осознает ложную вселенную. Мы снова возвращаемся

к той же дилемме и не имеет никаких перспектив освободиться от нашей привязанности к ней, пока мы не убежим от нее, заключив, что поскольку вся философия является частью Майи, то всякая философия есть также иллюзия, проблем множество, но невозможно сделать какое-либо заключение. Ибо то, с чем мы сталкиваемся, есть чистая статическая и неизменная Реальность и иллюзорный динамизм, две вещи, абсолютно противоположные друг другу, за которыми не стоит никакая великая Истина, в которой может быть раскрыта их тайна, и в которой их противоречие найдет примиряющий исход.

Если Брахман не есть тот, кто воспринимает, то воспринимающим должно быть индивидуальное существо: но этот воспринимающий создан Иллюзией и нереален; восприятие, мир есть иллюзии, порожденные Иллюзией, и потому они нереальны; само воспринимающее сознание есть иллюзия, и поэтому оно нереально. Но это лишает значения любой вещи, будь то даже нашего духовного существования и нашего освобождения от Майи, причем не в меньшей степени, чем нашего временного существования и нашего погружения в Майю; все равным образом нереально и неважно. Можно принять менее жесткую точку зрения и придерживаться того, что Брахману как Брахману нечего делать с Майей, что он вечно свободен от иллюзии или какого-либо сообщения с иллюзией, но Брахман как индивидуальный воспринимающий или как “я” всех существ вступил в Майю и может в индивидуе отойти от нее, и этот отход является для индивида актом верховной важности. Но в таком объяснении на Брахмана наложено двойное бытие, и реальность приписана тому, что принадлежит космической Иллюзии — индивидуальному бытию Брахмана в Майе, ибо Брахман как “я” всего не ограничен даже феноменально, и ему не требуется убежать от нее: более того, освобождение не может иметь значения, если рабство нереально, и рабство не может быть реальным до тех пор, пока Майя и ее работы не станут реальными. Абсолютная нереальность Майи исчезает и уступает место величайшей охватывающей реальности, даже если лишь практической и временной. Чтобы избежать этого заключения, можно сказать, что наша индивидуальность нереальна и что именно Брахман отходит от того, чтобы отражать себя в фикции индивидуальности, и угасание индивидуальности есть наше высвобождение, наше спасение: но Брахман, навсегда свободный, не может страдать от рабства или получать пользу из освобождения, и отражение, фикция индивидуальности не есть та вещь, что нуждается в спасении. Отражение, фикция, простой образ в обманчивом зеркале Майи не может страдать от настоящего рабства или извлекать выгоду из настоящего спасения. Если сказать, что это отражение или фикция сознательна, и поэтому может испытывать настоящее страдание и вступать в блаженство освобождения, то возникает вопрос, чье же сознание так страдает в фиктивном существовании — ибо не может быть реального сознания помимо сознания Одного Существования; так что мы лишний раз установили двойственность сознания Брахмана, сознания или сверхсознания, свободного от иллюзии, и сознания, подчиненного иллюзии, и мы снова привели доказательства в пользу определенной реальности нашего существования и опыта в Майе. Ибо если наше бытие есть бытие Брахмана, если наше сознание имеет нечто от сознания Брахмана, какой бы уровень наше бытие и сознание ни занимали, то в этом смысле они реальны — и если это так для нашего бытия, то почему бы этому не быть для бытия вселенной?

Наконец, решением можно считать то, что воспринимающий индивид и вселенная восприятий нереальны, но Майя, накладывающая себя на Брахмана, приобретает определенную реальность, и эта реальность придает определенную реальность индивиду и его опыту в космической Иллюзии, которая длится ровно до тех пор, пока индивид подчинен иллюзии. Но, опять же, для кого этот опыт законен, для кого обретается реальность в ходе этого опыта, и для кого этот опыт прекращается при освобождении, угасании или отходе? Ибо иллюзорное нереальное существо не может навесить на себя реальность и страдать от реального рабства или убежать из него в реальном акте бегства или само-угасания; так может происходить только если существует некоторое реальное “я” или существо, но в таком случае это реальное “я” должно некоторым образом или в некоторой степени стать подчиненным Майе. Это должно быть либо сознание Брахмана, которое проецирует себя в мир Майи и выходит из Майи, либо существо Брахмана, которое выдвигает вперед нечто из себя самого, свою реальность, выдвигает в Майю и потом забирает его из Майи. Или опять же, что же это за Майя, которая накладывает себя на Брахмана? откуда она пришла, если она уже не присутствует в Брахмане, если не является действием вечного Сознания или вечного Сверхсознания? Только если существо или сознание Реальности претерпевает последствия Иллюзии, только в этом случае циклы Иллюзии могут накладываться на любую реальность или иметь какое-либо значение, за исключением танца фантасмагорических марионеток, кукольного театра во Времени, которым Вечное забавляет себя. Мы снова возвращаемся к дуальному бытию Брахмана, дуальному сознанию Брахмана, вовлеченного в Иллюзию и свободного от Иллюзии, и определенной феноменальной истине бытия для Майи: не может быть объяснения нашему существованию во вселенной, если это существование и вселенная сами не имеют реальности — даже реальности только частичной, ограниченной, выводимой. Но чем может быть реальность первозданной вселенной и фундаментально безосновательной Иллюзии? Единственно возможный ответ заключается в том, что это супрациональная тайна, необъяснимая и невыразимая — анирваканья.

Однако эту трудность можно обойти двумя путями, если мы оставим идею об абсолютной нереальности и прием компромисс или допустим возможность градации. Может быть создан базис для субъективного иллюзорного

сознания, все же являющегося частью бытия, если мы примем в смысле иллюзорно субъективного миро-осознания объяснение творения сна и грезы, данное Упанишадами. Ибо там утверждение Брахмана в качестве “я” четырехкратно; Я есть Брахман, и все сущее есть Брахман, но все сущее есть “я”, видимое “я” в четырех состояниях его бытия. В чистом само-статусе ни сознание, ни несознание, как мы постигаем его, не может утверждаться для Брахмана; это есть состояние сверхсознания, поглощенное в своем само-существовании, в само-молчании или само-экстазе, либо это есть статус свободного Сверхсознательного, содержащего все или базирующегося на всем, но не вовлеченного ни во что. Но также существует светлый статус сна-я [sleep-self], сконцентрированное сознание, являющееся началом космического существования; это состояние глубокого сна, в котором все еще есть присутствие всемогущего Интеллекта, является порождающим состоянием [seed state] или причинным условием, из которого возник космос; — это состояние и состояние я-грезы [dream-self], являющееся полем для всего тонкого, субъективного и супрафизического опыта, и “я” пробужденного состояния [self of waking], являющееся поддержкой всего физического опыта, могут быть рассмотрены как целостное поле Майи. Подобно тому, как человек в глубоком сне проходит в грезы, в которых он переживает само-построенные неустойчивые структуры имени, формы, связи, происходящего, и как в пробужденном состоянии он воплощает себя в структурах физического сознания, кажущихся более стабильными, но являющимися преходящими, так и “я” развивает из состояния концентрированного сознания свой субъективный и объективный космический опыт. Но это разбуженное сознание не является истинным пробужденным из этого первозданного и причинного сна; это только полное появление в грубом внешнем и объективном смысле позитивной реальности объектов сознания, в противоположность тонкому субъективному грезовому осознанию тех объектов: истинное пробуждение есть отход как от объективного, так и субъективного сознания и от сосредоточенного причинного Интеллекта [massed causal Intelligence], отход в сверхсознание, верховное по отношению ко всему сознанию; ибо все сознание и все несознание есть Майя. Можно сказать, что здесь Майя реальна, поскольку именно переживание “я” того “я”, нечто из “я” входит в нее, и Майя подвержена воздействию происходящего, поскольку принимает это происходящее, верит в него, для ее реальных переживаний это происходящее является порождением сознательного бытия; но Майя нереальна, поскольку является состоянием сна, состоянием грезы, обычно преходящим пробужденным состоянием, а не истинным статусом сверхсознательной Реальности. Здесь нет настоящей дихотомии бытия, но есть множественный статус одного Бытия; здесь нет изначального двойного сознания, подразумевающего Волю в Несозданном для того, чтобы творить иллюзорные вещи из не-существования, но есть Одно Бытие в состояниях сверхсознания и сознания, каждое из которых имеет свою собственную природу само-переживания. Но хотя нижние состояния и обладают реальностью, но все же они характеризуются построением и видением субъективных само-построений, не являющихся Реальным. Одно “я” видит себя в качестве многого, но это множественное существование субъективного; оно имеет множественность своих состояний сознания, но эта множественность также субъективна; существует реальность субъективного переживания реального Брахмана, но не объективной вселенной.

Однако можно заметить, что нигде в Упанишадах не заложено, что трехкратный статус является условием иллюзии или порождением нереальности; постоянно утверждается, что все сущее — в том числе и эта вселенная, которая, как мы сейчас полагаем, построена Майей — есть Брахман, Реальность. Брахман становится всеми этими существами; все существа должны видаться в “я”, Реальности, и Реальность должна видаться в них, должна видаться так, как она реально занимает эти вещи; ибо не только “я” есть Брахман, но и все есть “я”, все это сущее есть Брахман, Реальность. Это выразительное утверждение не оставляет места для иллюзорной Майи; но все же настойчивое отрицание, говорящее, что существует нечто отличное от переживания “я” или отдельное от него, определенное построение фраз и описание двух состояний сознания, таких как сон и греза, могут трактоваться так, как будто бы они аннулируют выразительное подчеркивание вселенской Реальности; эти пассажи открывают ворота иллюзионистской идее и дают основание бескомпромиссной системе подобной природы. Если мы возьмем этот четырехкратный статус фигуру “я”, проходящего из сверхсознательного состояния, где нет субъекта или объекта, в светлый транс, в котором сверхсознание становится сосредоточенным сознанием, из которого приходят в проявление субъективный и объективный статусы бытия, тогда в соответствии с нашим видением вещей мы получаем либо процесс иллюзорного творения или процесс созидательного Само-знания и Все-знания.

На самом деле, если можно судить на основании описания трех низших состояний “я” как все-мудрого Интеллек-

¹ Праджна. Яджнавалкья в Брихадараньяке Упанишаде очень определенно говорит, что существуют два плана или состояния бытия, являющиеся двумя мирами, и что в состоянии грезы можно видеть оба мира, находясь между ними, состояние грезы — это место их соединения. Становится ясно, что она говорит о сублиминальном состоянии сознания, несущем в себе сообщения между физическим и супрафизическим мирами. Описание безгрезового состояния-сна применяется как к глубокому сну, так и к состоянию транса, в которомходишь в сосредоточенное сознание [massed consciousness], содержащее в себе все мощности бытия, но сжатые в пределах себя и сконцентрированные единственно на себе, а когда они становятся активными, то обретают активность в сознании, где все есть я; ясно, что это состояние есть состояние, допускающее нас в высшие планы духа, обычно остающиеся сверхсознательными для нашего пробужденного существа. — на след. стр.

та¹, Провидца тонкого и Провидца грубого материального существования, то это состояние сна и состояние грезы могут оказаться образными именами для сверхсознательного и сублиминального, находящихся позади и за пределами нашего пробужденного статуса; они так называются и образно рисуются в силу того, что именно через грезу и сон — или транс, который может считаться разновидностью грезы или сна — поверхностное ментальное сознание переходит от восприятия объективных вещей во внутренний сублиминальный и верховный супраментальный или надментальный статус. В этом внутреннем статусе оно видит супрафизические реальности в передаточных образах грезы или видения, или в верховном статусе оно теряется в концентрированном сознании, о котором оно не может получить ни мысли, ни образа. Именно через это сублиминальное и это сверхсознательное состояние мы можем перейти в верховное сверхсознание высочайшего состояния само-бытия. Если мы сделаем этот переход, но не через транс грезы или транс сна, а через духовное пробуждение до этих высочайших состояний, то распознаем во всех них одну вездесущую Реальность; не требуется восприятия иллюзорной Майи, есть только опыт перехода от Разума к тому, что находится за его пределами, так что наша ментальная структура вселенной перестает быть справедливой, и другая реальность замещает невежественное ментальное знание. В этом переходе можно пробудиться до всех статусов бытия вместе в гармонизированном и унифицированном переживании и увидеть Реальность везде. Но если в транс исключительной концентрации мы погрузимся в мистическое состояние сна или резко перейдем от пробужденного Разума в состояние, принадлежащее Сверхсознательному, тогда в этом переходе разум может быть охвачен чувством нереальности космической Силы и ее творений; посредством субъективного аннулирования их он переходит в верховное сверхсознание. Это ощущение нереальности и этот сублимирующий переход являются духовными оправданиями идеи мира, созданного Майей; однако этот вывод не окончателен, поскольку из духовного переживания можно извлечь больший и более полный вывод, превосходящий ранний.

Все эти и другие решения о природе Майи оказываются неудовлетворительными, поскольку им не хватает окончательной убедительности; они не устанавливают неизбежности иллюзионистской гипотезы, которой для ее принятия требуется быть неизбежной; они не наводят мост через пропасть между предполагаемой истинной природой вечной Реальности и парадоксальным и противоположным характером космической Иллюзии. Самое большее, указан ход, который требует сделать объяснимым и постижимым сосуществование этих двух противоположностей; но он не имеет такой силы уверенности или озаряющей убедительности, эффективно вылечивающей невероятность, что его принятие было бы обязательным для интеллекта. Теория космической Иллюзии оставляет изначальное противоречие, оставляет проблему и мистику, возводя другое противоречие, новую проблему и мистику, неприемлемую в своих терминах и неразрешимую. Ибо мы стартовали с концепции или переживания абсолютной Реальности, которая по своей природе вечно одна, супракосмична, статична, недвижима, неизменна, само-осознает свое чистое существование и явления космоса, динамизм, движения, изменчивости, модификация изначального чистого существования, дифференциацию, бесконечную множественность. От этого явления можно избавиться, объявив его вечной Иллюзией, Майей. Но на самом деле это привносит само-противоречивый дуальный статус сознания Одного, чтобы аннулировать само-противоречивый дуальный статус бытия Одного. Феноменальная истина множественности Одного аннулируется воздвижением концептуальной лжи в Одном, творящей нереальную множественность. Один, навечно само-осознающий свое чистое существование, развлекается вечным воображением или иллюзорным построением себя в качестве бесконечной множественности невежественных и страдающих существ, не осознающих я и которые должны один за другим пробудиться к осознанию “я” и прекратить индивидуальное существование.

Получив новую дилемму взамен старой, мы начинаем подозревать, что наша изначальная предпосылка должна была быть в чем-то неполна — это не ошибка, а только первое утверждение и необходимое основание. Мы начинаем постигать Реальность как вечно тождество, статус, неизменную сущность чистого существования, поддерживающего вечный динамизм, движение, бесконечную множественность и разнообразие. Неизменный статус тождества рождает из себя динамизм, движение и множественность — динамизм, движение и множественность, не отменяющие, а подкрепляющие вечно и бесконечно тождество. Если сознание Брахмана может быть дуальным или даже многократным в статусе или действии, то не видно причины, почему Брахман должен не быть способным на дуальный статус или многогранное реальное само-переживание своего бытия. Тогда космическое сознание будет не созидательной Иллюзией, а переживанием некоторой истины Абсолюта. Дальнейшие искания в этом направлении могли бы выработать объяснение, более исчерпывающее и духовно плодородное, более гармоничное в своем соединении двух терминов нашего само-переживания, и это было бы, по крайней мере, логически надежно в той же мере, как и идея о вечной Реальности, поддерживающей в постоянности вечную иллюзию, реальную только для бесконечной множественности невежественных и страдающих существ, по одиночке убегающих из темноты и боли Майи, причем каждое путем своего угасания в Майе.

Во втором возможном ответе на базисе иллюзионизма, в философии Шанкары, которую можно назвать смягченным Иллюзионизмом, в ответе, представленной с силой и охватом, экстраординарно впечатляющими, мы делаем первый шаг на пути к решению. Ибо эта философия утверждает определенную реальность Майи; она в действитель-

ности характеризует ее как невыразимую и необъяснимую мистерию, но в то же время дает нам рациональное решение, на первый взгляд вполне удовлетворительное, дает разрешение противостояния, которое беспокоит наш разум; она объясняет наше ощущение упорно сохраняющейся и давящей реальности вселенной и наше ощущение неокончателности, недостаточности, тщетности, мимолетности, определенной нереальности жизни и явлений. В ней делается различие между двумя порядками реальности: трансцендентной и прагматической, абсолютной и феноменальной, вечной и временной — предыдущая есть реальность чистого бытия Брахмана, реальность абсолютная и супракосмическая и вечная, а последняя является реальностью Брахмана в Майе, реальностью космической, временной и относительной. С этой точки зрения реальны мы сами и реальна вселенная: поскольку индивидуальное “я” поистине есть Брахман; именно Брахман в поле Майи кажется феноменально подчиненным ей как индивид, и в конце концов высвобождает относительного и феноменального индивида, выпускает его в вечное и истинное бытие. Во временном поле относительностей также справедливо наше переживание Брахмана, того Брахмана, который стал всеми существами, того Вечного, ставшего вселенским и индивидуальным; на самом деле в этом заключается средняя ступень движения в Майе к освобождению от Майи. Также вселенная и ее переживания реальны для сознания во Времени, и это сознание тоже реально. Но тогда сразу же возникает вопрос о природе и степени этой реальности: поскольку вселенная и мы можем быть настоящей реальностью, хотя и низшего порядка, либо частично реальностью, частично нереальностью, либо ненастоящей реальностью. Если вселенная и мы суть настоящая реальность, тогда нет места для какой-либо теории Майи; нет иллюзорного творения. Если они частично реальны, частично нереальны, то погрешность должна лежать в чем-то неправильном в космическом само-осознании или в нашем собственном видении себя и вселенной, что порождает ошибку бытия, ошибку знания, ошибку динамики существования. Но эта ошибка может относиться только к неведению или смеси знания и неведения, и тогда то, что требуется объяснить, это не изначальная Космическая Иллюзия, а вмешательство Неведения в созидательное сознание или в динамическое действие Вечного и Бесконечного. Но если вселенная и мы являемся ненастоящей реальностью, если для трансцендентного сознания все это не имеет истины существования, и их кажущаяся реальность исчезает, как только мы выходим из поля, соответствующей Майе, то уступка, данная одной стороне, полностью аннулируется другой стороной; ибо то, что было допущено как истина, оборачивается тем, что все время было иллюзией. Майя и космос и мы сами как реальны, так и нереальны — но эта реальность является ненастоящей реальностью, реальной только для нашего неведения, нереальной для какого-либо истинного знания.

Но раз уж какая-то реальность допущена для нас и вселенной, то трудно понять, почему бы этой реальности не быть настоящей реальностью в пределах своих границ. Можно допустить, что проявление на своей поверхности должно быть более ограниченной реальностью, чем Проявляемое; мы можем сказать, что наша вселенная является одним из ритмов Брахмана и не является, кроме как в сущностном бытии, целостной реальностью: но это не служит достаточной причиной для того, отмести прочь вселенную как нереальную. Несомненно, это чувствует разум, когда он отходит от себя и от своих структур: но так происходит только из-за того, что разум является инструментом Неведения, и когда он отходит от своих построений, от своей невежественной и несовершенной картины вселенной, то принужден рассматривать их как нечто ничуть не большее, чем собственные фикции и образования, безосновательные, нереальные; пропасть между его неведением и верховной Истиной и Знанием не позволяет ему открыть истинные связи трансцендентной Реальности с космической Реальностью. В высшем статусе сознания эта трудность исчезает, связь налаживается; уходит ощущение нереальности, и теория иллюзии становится излишней и неприменимой. Окончательной истиной не может быть то, что Верховное Сознание не имеет отношения ко вселенной или оно относится к ней как к фикции, которую ее “я” во Времени поддерживает как реальность. Космическое может существовать только благодаря зависимости от супракосмического, Брахма во Времени должен иметь некоторое значение для Брахмана в безвременной вечности; иначе не могло бы быть “я” и духа в вещах, и поэтому не могло бы быть базиса для временного существования.

Однако вселенная приговорена к тому, чтобы в конечном итоге оказаться нереальной, поскольку она есть временная и не вечная, брэнная форма бытия, наложенная на Бесформенное и Непреходящее. Эту связь можно проиллюстрировать аналогией между глиной и горшком, сделанным из глины: горшок о подобно ему сотворенные формы брэнны и возвращаются к реальности, глине, они суть только мимолетные формы; когда они исчезают, то уходят в бесформенную и сущностную глину, и ничего более не происходит. Но эта аналогия может послужить и другим образом; ибо горшок реален по праву своего бытия, по праву того, что он сделан из субстанции глины, которая реальна; это бытие не есть иллюзия, и даже когда горшок растворяется в глине, то о его прошлом существовании нельзя судить как о нереальном или иллюзорном. Эта связь есть не связь первозданной реальности с феноменальной нереальностью, а связь первозданного — или, если мы отойдем от глины к невидимому субстрату — и всенаполняющему эфиру, вечному и не-проявленному — с выводимой и зависимой, временной и проявленной реальностью. Более того, форма горшка есть вечная возможность для субстанции глины, или эфирной субстанции, и пока существует субстанция, форма всегда может быть проявлена. Форма может исчезнуть, но она только переходит из проявления в не-проявление; мир может исчезнуть, но нет доказательства тому, что мировое существова-

ние является временным феноменом: напротив, мы можем предположить, что мощь проявления внутренне присуща Брахману и продолжает действовать либо непрерывно в вечности Времени, либо в вечной возвращаемости. Космическое является иным порядком Реального по отношению к супракосмической Трансцендентности, но в любом случае нет необходимости рассматривать его как не-существующее или нереальное для той Трансцендентности. Ибо чисто интеллектуальное представление о том, что только Вечное реально в том смысле, что реально только то, что длится постоянно, или в том смысле, что только безвременное истинно, является идейным различием, ментальным построением; оно не влетено в существенный и интегральный опыт. Существование Времени совсем не обязательно несовместимо с безвременной Вечностью; противоречие существует только на вербальном уровне; на самом деле между ними существует скорее связь зависимости.

Аналогично, трудно согласиться с утверждением, которое не приемлет динамику Абсолюта, накладывает клеймо нереальной реальности на прагматическую истину вещей лишь потому, что она прагматична; поскольку в конечном итоге прагматическая истина не есть нечто совсем другое, совершенно отделенное от духовной истины и не связанное с ней, она является продуктом энергии или движением динамической деятельности Духа. Без сомнения, надо делать различие между этими двумя истинами, но идея о полной их противоположности может покоиться только на постулате, что безмолвный и покоящийся статус заключает в себе все истинное и целостное бытие Вечного; но в таком случае мы должны заключить, что в Абсолюте нет ничего динамического и что любой динамизм будет противоречием верховной природе Божественного и Вечного. Но если существует временная или космическая реальность какого-либо рода, то должна существовать мощь, внутренняя динамическая сила Абсолюта, которая принесла бы в бытие эту реальность, и нет причины для того, чтобы предположить, что мощь Абсолюта не может породить ничего, кроме иллюзий. Напротив, та Мощь, что созидает, должна быть силой всемогущего и всеведящего Сознания; порождения абсолютно Реального должны быть реальными, а не иллюзорными, и поскольку Существование Едино, то они должны быть само-порождениями, формами проявления Вечного, а не формами Ничто, воздвигнутыми из первозданной пустыни — будь то пустыни бытия или пустыни сознания — при помощи Майи.

На отказе распознать реальность вселенной базируется представление о Реальности или переживание Реальности как неизменной, лишённой черт, не активной и реализуемой через сознание, которое само впало в статус молчания и стало недвижимым. Вселенная есть результат динамики в движении, это сила бытия, бросающая себя в действие, энергия за работой, будь то энергия зачинающей или механической или духовной, ментальной, витальной или материальной динамики; таким образом, она может считаться противоречащей — или умаляющей себя — статичной и недвижимой вечной Реальности, и поэтому может считаться нереальной. Но в качестве концепции эта позиция мышления не неизбежна; нет причины, по которой нам не следует постигать Реальность как одновременно статическую и динамическую. Будет совершенно рациональным предположить, что вечный статус бытия Реальности содержит в себе вечную силу бытия, и эта динамика должна необходимо нести в себе мощь действия и движения, кинетику; как статус бытия, так и движение бытия могут быть реальными. Почему бы им не существовать одновременно; напротив, одновременность требуется — ибо все кинетическое действие должно поддерживаться на статусе или статусом, если ему требуется быть эффективным или созидательным; в противном случае не будет надежной основы для чего-либо созданного, а будет только постоянный вихрь без какого-либо образования: статус бытия, форма бытия необходимы для кинезиса бытия. Даже если бы энергия была первичной реальностью, как это кажется в материальном мире, то все же она должна создать свой статус, продолжительные формы, длительность бытия, чтобы обрести поддержку для своего действия: этот статус может быть временным, может быть только балансом или равновесием субстанции, порожденным и поддерживаемым постоянным кинезисом, но пока он длится, он реален, и после того, как он исчезнет, мы все еще будем считать его чем-то, что было реальным. Принцип статуса, поддерживающего действие, является вечным принципом, и его действие постоянно в вечности Времени. Когда мы открываем стабильную Реальность, лежащую в основании всего этого движения энергии и этого порождения форм, то в действительности постигаем, что статус созданных форм является только временным; существует устойчивость повторения кинезиса в том же самом сохраняющемся действии и фигуре движения, которая поддерживает субстанцию бытия в стабильной форме; но эта стабильность была сотворена, а одним вечным и само-существующим статусом является статус вечного Бытия, чья Энергия воздвигла формы. Поэтому нам не требуется заключить, что временные формы нереальны; ибо энергия бытия реальна, и формы, сделанные ею, суть формы этого бытия. В любом случае, как статус бытия, так и вечная динамика бытия реальны, причем одновременно; статус допускает действие динамики, и действие не аннулирует статус. Поэтому нам следует заключить, что как вечный статус, так и вечная динамика истинны по отношению к Реальности, которая их превосходит; недвижимый и мобильный Брахман суть одна и та же Реальность.

Но на опыте мы находим, что именно успокоение обычно наступает для нас в стабильной реализации вечного и бесконечного: именно в безмолвии или тишине мы наиболее прочно ощущаем Нечто, стоящее позади мира, показываемого нам нашим разумом и чувствами. Познавательное действие нашего мышления, действие нашей жизни и нашего существа, по-видимому, перекрывают истину, реальность; они схватывают конечное, но не бесконечное, они

имеют дело с временным, а не с вечной Реальностью. Утверждается, что это так, поскольку всякое действие, всякое творение, всякое определяющее восприятие ограничивает; они не охватывают Реальность и не схватывают ее, и их построения исчезают, когда мы вступаем в неделимое и неопределимое сознание Реального: эти построения нереальны в вечности, какими бы реальными они не казались или были во Времени. Действие ведет к неведению, к сотворенному и конечному; кинезис и творение суть противоречия неизменной Реальности, чистого несотворенного Существования. Но это рассуждение не полностью справедливо, потому что в нем действие и восприятие считаются такими, какими они являются в нашем ментальном постижении мира и его движения; именно переживание нашего поверхностного существа рассматривает вещи из своего перемещаемого движения во Времени, само это рассмотрение поверхностно, фрагментарно и разграничено, оно не тотально, не погружено во внутреннее ощущение вещей. На самом деле, если мы выйдем из этого момента познания [moment-cognition] в статус познания вечного, соответствующий истинному сознанию, то обнаружим, что действию не требуется быть связанным или ограниченным. Действие не связывает или ограничивает освобожденного человека; действие не связывает или ограничивает Вечное: но мы можем пойти дальше и сказать, что действие вообще не связывает или ограничивает наше собственное истинное существо. Действие не имеет такого воздействия на духовную личность или Пурушу или на психическую сущность внутри нас, оно связывает или ограничивает только поверхностно созданную личность. Эта личность является временным выражением нашего само-бытия, его меняющейся формой, уполномоченной существовать благодаря ему, зависеть от него в субстанции и длительности — является временным выражением, но не нереальным. Наше мышление и действие суть средства для этого выражения нас самих, и поскольку это выражение неполно и эволюционно, поскольку оно является развитием нашего природного существа во Времени, то мышление и действие помогают ему развиваться, меняться, изменять и расширять свои границы, но в то же время и поддерживать границы; в этом смысле они ограничивают и связывают; они сами суть неполная мощь само-раскрытия. Но когда мы отходим назад в себя, в истинное “я” и истинную личность, тогда больше нет связывания или ограничения пределами действия или восприятия; оба возникают как выражения сознания и выражения силы “я”, оперирующей ради свободного само-определения своего природного существа, ради само-развертывания, становления во времени нечто такого, что само беспредельно. Ограничение, являющееся необходимым условием эволюционного само-определения, могло бы быть отрицанием “я” или умалением я, Реальности, и поэтому оно само могло бы быть нереальным, если бы меняло сущность или тотальность существа; оно стало бы рабством духа, если бы было вызвано чуждым наложением, протекающем из силы, являющейся не-я, на Сознание, являющееся сокровенным свидетелем и творцом нашего мирового существования, или если бы оно строило нечто противоположное сознанию Бытия я или воле становления. Но сущность бытия остается одной и той же во всяком действии и образовании, и свободно принятые ограничения не забирают чего-либо из тотальности бытия; они приняты и само-наложены, наложены не извне, они суть средства выражения нашей тотальности в движении Времени, порядок вещей, наложенный нашим внутренним духовным существом на наше природное существо, не рабство, опутавшее извечно свободный дух. Поэтому нет причины для того, чтобы из ограничений восприятия и действия заключить, что движение нереально или что выражение, образование или само-творение Духа нереально. Это временный порядок реальности, но все же это реальность Реального, а не что-либо еще. Все, содержащееся в кинезисе, движении, действии, творении, есть Брахман; становление есть движение бытия; Время есть проявление Вечного. Все есть одно Бытие, одно Сознание, одно даже в бесконечной множественности, и нет необходимости разбивать его на противопоставление трансцендентной Реальности нереальной Майе.

В философии Шанкары чувствуется присутствие конфликта, противопоставления, которое сделал мощный интеллект с полной силой и скорее мастерски выделил, чем разрешил с какой-либо окончательностью — присутствует конфликт интуиции, мощно осознающей абсолютную трансцендентную и сокровенную Реальность и сильного интеллектуального рассудка, рассматривающего мир с острым и энергичным рациональным интеллектом. Интеллект мыслителя смотрит на феноменальный мир с точки зрения разума; там судьей и авторитетом является разум, и никакой супрациональный интеллект не может возобладать над ним: но за феноменальным миром присутствует трансцендентная Реальность, которую может видеть только интуиция; там разум — по крайней мере, конечный отделенный ограниченный разум — не может выстоять против интуитивного опыта, оно даже не может связать эти два опыта, и поэтому он не может разрешить мистерии вселенной. Разум должен утверждать реальность феноменального существования, утверждать его истины как верные; но они верны только в этом феноменальном существовании. Это феноменальное существование реально, поскольку оно является временным явлением вечного Существования, Реальности: но само оно не есть та Реальность, и когда мы переходим за пределы явления к Реальному, то оно все еще существует, но более не справедливо для нашего сознания; поэтому оно нереально. Шанкара вбирает это противоречие, это противостояние, нормальное для нашего ментального сознания, когда оно начинает осознавать обе стороны существования и становится между ними; он разрешая это противоречие, Шанкара обязывает разум распознать свои пределы, в которых он суверенен внутри своей собственной космической провинции, и молча уступить интуиции души касательно трансцендентной Реальности и поддержать при помощи диалектики, кончающей-

ся при растворении целостного космического феноменального и рационально-практического устройства вещей, его бегство от ограничений, построенных и наложенных на разум Майей. Объяснение космическому существованию, которое, как кажется, вызывает это противоречие — или так мы может низвести это объяснение на уровень нашего понимания, поскольку были различные разъяснения этой глубокой и тонкой философии — заключается в том, что существует Трансцендентность, извечно само-существующая и неизменная, и существует мир, являющийся только феноменальным и временным. Вечная Реальность проявляет себя по отношению к феноменальному миру как “я” и Ишвара. Ишвара при помощи своей Майи, своей мощи феноменального творения строит этот мир как временное явление, и это явление вещей, не существующих в предельной Реальности, наложено Майей через наше понятийное и воспринимающее сознание на сверхсознательную или чисто само-сознательную Реальность. Реальность Брахмана появляется в феноменальном существовании как “я” живущего индивида; но когда индивидуальность индивида растворяется при помощи интуитивного познания, тогда феноменальное бытие высвобождается в само-бытие; оно больше не подчиняется Майе, и благодаря своему высвобождению из видимости индивидуальности гасится в Реальности; но мир продолжает существовать без начала или конца как творение Ишвары при помощи Майи.

Это то устройство, которое связывает друг с другом данные духовной интуиции с данными разума и чувства, и оно открывает нам путь избавления от противоречия, позволяет найти духовный и практический выход: но это решение не настоящее, на самом деле оно не разрешает противоречие. Майя реальна и нереальна; мир не есть просто иллюзия, поскольку он существует и реален во Времени, но окончательно и трансцендентально он оказывается нереальным. Это порождает неоднозначность, которая расширяется за пределы самой себя и касается всего того, что не является чистым само-существованием. Таким образом, хотя Ишвара и не введен в заблуждение Майей и является Майи, оказывается сам явлением Брахмана и не окончательной Реальностью, он реален только по отношению к миру Времени, который он творит; индивидуальное я приобретает такой же неоднозначный характер. Если Майя всецело бы прекратило свои операции, то больше не было бы ни Ишвары, ни мира, ни индивида; но Майя вечна, Ишвара и мир вечны во Времени, индивид выдерживает испытание временем, пока он не аннулирует себя знанием. Тогда наше мышление, исходящее из этой предпосылки, может обрести пристанище только в концепции невыразимой супрациональной мистерии, неразрешимой для интеллекта. Но столкнувшись с этой неоднозначностью, этим допущением неразрешимой мистерии в начале вещей и в конце размышлений, мы начинаем подозревать, что пропустили некоторое звено. Сам Ишвара не является феноменом Майи, он реален; тогда он должен быть проявлением истины Трансцендентности, либо самим Трансцендентным, имеющим дело с космосом, проявляющимся в его собственном бытии. Если мир вообще реален, то он также должен быть проявлением истины Трансцендентности; ибо только это может обладать какой-то реальностью. Если индивид имеет мощь само-раскрытия, и ему доступен вход в трансцендентную вечность, и его освобождение имеет столь большую важность, то это должно быть вследствие того, что он является реальностью Трансцендентного; он должен открыть себя индивидуально, поскольку его индивидуальность также обладает некоторой истиной в Трансцендентности, которая сокрыта от него и которую он должен открыть. Должно быть превзойдено именно неведение о “я” и мире, а не иллюзия, фикция индивидуальности и мирового существования.

Становится очевидным, что поскольку Трансцендентность супрациональна и охватываема только интуитивным переживанием и осознанием, то также и тайна вселенной супрациональна. Так и должно быть, поскольку мир есть явление трансцендентной Реальности, и иначе он не был бы неразрешим посредством интеллектуального рассудка. Но если это так, то мы должны выйти за пределы интеллекта и навести мост через пропасть и проникнуть в тайну; мы не можем оставить противоречие неразрешенным, поскольку это не будет окончательным решением. Именно интеллектуальный рассудок кристаллизует и выводит в ранг вечного кажущееся противоречие, создавая свои противоположные или разделяющие понятия Брахмана, “я”, Ишвары, индивидуального существа, верховного сознания или сверхсознания и мирового сознания Майи. Если существует только Брахман, то все остальное должно быть Брахманом, в сознании Брахмана разделение и эти представления должны исчезнуть в примиряющем самовидении; но мы можем достичь их истинного единства, только выйдя за пределы интеллектуального Рассудка и через духовный опыт обнаружив то место, где они встречаются и становятся одним, и тогда мы можем постичь, в чем заключается духовная реальность их кажущегося расхождения. В действительности, в сознании Брахмана не может быть расхождения, в нашем переходе в это сознание эти представления, кажущиеся несогласующимися друг с другом, должны слиться в единстве; разделения интеллектуального рассудка могут соответствовать реальности, но тогда эта реальность должна быть реальностью многогранного Тождества. Будда применил свой проницательный рациональный интеллект, поддерживаемый интуитивным видением, к тому миру, каким его видят наш разум и наши чувства, и он открыл принцип построения этого мира и путь к освобождению от всех построений, но отказался идти дальше. Шанкара сделал следующий шаг и рассмотрел супрациональную Истину, которую Будда оставил за вуалью как постижимую посредством разрушения конструкций сознания, но за пределами поля исследования разума. Шанкара, встав между миром и вечной Реальностью, увидел, что тайна мира должны быть в конечном итоге супрациональной, не постижимой или выразимой нашим разумом, анирванкая; однако он поддержал мир, види-

мый разумом и чувством, как законный, и поэтому должен был утвердить нереальную реальность, потому что не сделал еще одного шага дальше. Ибо чтобы узнать настоящую истину мира, его реальность, нужно смотреть из супрарационального осознания, с точки зрения сознания, которое поддерживает мир и превосходит его, и благодаря этому превосхождению знает мир в его истине и больше не с точки зрения сознания, поддерживаемого им и превосходимого им, и которое поэтому не знает истину мира или знает ее только в видимости. Этому само-сознательному верховному сознанию мир не может казаться непостижимой мистерией или иллюзией, которая все же не всецело является иллюзией, реальностью, которая все же нереальна. Тайна вселенной должна иметь божественный смысл для Божественного; она должна иметь значение или обладать истиной космического бытия, освещенной для Реальности, которая поддерживает ее со своим трансцендентным и все же имманентным сверхсознанием.

Если существует только Реальность, и все есть Реальность, то мир также не может быть исключен из этой Реальности; вселенная реальна. Если вселенная не открывает нам в своих формах и мощностях Реальность, коей она является, если она кажется только стойким и все же меняющимся движением в Пространстве и Времени, то это должно быть не вследствие того, что она нереальна или вовсе не является Тем, а вследствие того, что вселенная есть постепенное само-выражение, проявление, эволюционное само-развитие Того во Времени, чего наше сознание не может все еще видеть в тотальности или существенной важности. В этом смысле можно сказать, что вселенная есть То и не То — поскольку она не раскрывает всей Реальности через любую форму или сумму своих форм само-выражения; но все же ее формы суть формы субстанции и бытия той Реальности. Все конечное в своей духовной сущности является Бесконечным, и если мы взглянем достаточно глубоко в конечное, то увидим, что оно проявляется для интуиции Тождественное и Бесконечное. Утверждается, что на самом деле вселенная не может являться манифестацией, поскольку для Реальности нет нужды в проявлении, поскольку она навечно проявлена для самой себя; но равным образом можно сказать, что для Реальности нет нужды в само-заблуждении или какой либо иллюзии, нет нужды создавать вселенную Майи. Абсолют не может испытывать нужды в чем-либо; но все же может существовать — не посягающий на его свободу, не связывающий его, но как выражение его само-силы, результат его Воли стать — императив верховной само-исполнительной Силы, потребность само-творения, рожденная мощью Абсолюта, увидеть себя во Времени. Этот императив представляется нам как Воля творить, Воля само-выражения; но лучше представлять ее как силу бытия Абсолюта, которая развертывается как мощь в действии. Если Абсолют само-очевиден для себя в вечном Безвремени, то он также может быть само-проявляющимся для себя в вечном движении Времени. Даже если вселенная является только феноменальной реальностью, то все же она есть проявление или явление Брахмана; ибо поскольку все есть Брахман, то явление и проявление должны быть той же вещью: приписывание нереальности является излишним представлением, одиозным и не необходимо стесняющим, поскольку любое требуемое разграничение уже присутствует в понятии Времени и безвременного Вечного и понятии проявления.

Единственная вещь, которая может быть описана как ненастоящая реальность, это наше индивидуальное ощущение разделенности и представление о конечном как о само-существующем объекте в Бесконечном. Это представление, это ощущение с прагматической точки зрения необходимы для операций поверхностной индивидуальности, они действительны и оправданы своим воздействием; поэтому они реальны для конечного разума и конечного само-переживания: но как только мы отступаем из конечного сознания в сознание сущностное и бесконечное, из кажущейся в истинную Личность, то конечное или индивидуальное все еще существует, но как бытие и мощь и проявление Бесконечного; оно не имеет независимой или отдельной реальности. Индивидуальная независимость, полная отделенность не необходимы для индивидуальной реальности, они не составляют ее. С другой стороны, исчезновение этих конечных форм проявления составляет особенность проблемы, но само по себе не говорит о том, что эти формы нереальны; исчезновение форм может быть только отходом от проявления. Космическое проявление Безвременного происходит в последовательности Времени: поэтому его формы должны быть временными в их видимости на поверхности, но они вечны в их сущностной мощи проявления; ибо они всегда поддерживаются неявно и потенциально в существе вещей и в сущностном сознании, из которого они возникли: безвременное сознание всегда может обратить их потенциальность в выражения временной действительности. Мир был бы нереален только в том случае, если бы он сам и его образы были бы образами без субстанции бытия, были бы фикциями сознания, представленными себе при помощи Реальности как чистый вымысел и поэтому навсегда упраздненными. Но если проявление или мощь проявления вечны, если все есть бытие Брахмана, Реальность, то эта нереальность или иллюзорность не может носить фундаментальный характер по отношению к вещам или космосу, в котором они обретают свою видимость.

Теория Майи в смысле иллюзии или нереальности космического существования порождает больше трудностей, чем решает; на самом деле она не решает проблемы существования, а скорее оставляет ее неразрешимой на вечные времена. Ибо, будь Майя нереальностью или нереальной реальностью, окончательное воздействие этой теории несет в себе опустошающую простоту сведения всего к нулю. Вселенная и мы самиходим на нет или же удерживаем на время только истину, лишь чуточку лучшую, чем фикция. В этом тезисе чистой нереальности Майи весь опыт,

все знание, как и все неведение, знание, что освобождает нас не меньше, чем неведение, что связывает нас, принятие мира и отказ от мира — суть две стороны иллюзии; поскольку нечего принимать или от чего-то отказываться, никто не принимает и никто не отказывается. Все время была только неизменная сверхсознательная реальность, только которая вообще существовала; рабство и освобождение были только видимостями, а не реальностью. Всякая прикрепленность к мировому существованию есть иллюзия, но и призыв к освобождению есть не меньшая иллюзия; это есть нечто, созданное в Майе, что путем своего освобождения угасло в Майе. Но опустошающее сведение к нулю нельзя принудить остановиться на границе, указанной Иллюзионизмом. Ибо если все другие переживания индивидуального сознания во вселенной являются иллюзиями, то где гарантия того, что и его духовные переживания также не являются иллюзиями, включая даже поглощающее само-переживание верховного “я”, которое допущено нами как предельно реальное? Ибо если космос ненастоящий, то наше переживание космического сознания, вселенского “я”, Брахмана в качестве всех этих существ или “я” всех этих существ, Одного во всем, всего в Одном, не имеет надежного основания, поскольку покоится на одном из выражений иллюзии, на конструкции Майи. Это выражение, космическое выражение должно разрушиться, потому что все эти существа, которые мы видели как Брахмана, были иллюзиями; в чем тогда гарантированность нашего переживания другого выражения, чистого “я” безмолвной, статичной или абсолютной Реальности, поскольку оно также пришло к нам в разум, напичканный заблуждениями и сформированный в теле, сотворенном Иллюзией? Подавляющая само-очевидная убедительность, переживание абсолютной подлинности в осознании или переживании не является неоспоримым доказательством единственной реальности или единственной окончательности: ибо другие духовные переживания, такие как переживание вездесущей Божественной Личности, Господина реальной Вселенной, обладает той же убедительностью, подлинностью и окончательностью. Для интеллекта, однажды пришедшего к убеждению о нереальности всех других вещей, открыта дорога сделать дальнейший шаг и отрицать реальность “я” и всего существования. Буддисты делают этот дальнейший шаг и отрицают реальность “я” на том основании, что она наряду со всем остальным является конструкцией разума; они вырезают из картины не только Бога, но и вечное “я” и безличностного Брахмана.

Бескомпромиссная теория Иллюзии не решает проблемы нашего существования; она только отбрасывает проблему, показывая индивиду путь ухода: в своей крайней форме и воздействии наше бытие и его действия становятся нулем без связности, и опыт индивида, его стремления, старания теряют свое значение; все, непередаваемая лишенная отношений Истина, исключенная и потерянная, приравниваются иллюзии бытия, становятся частью вселенской Иллюзии и поэтому сами иллюзорны. Бог и мы и вселенная становятся мифами Майи; ибо Бог есть только отражение Брахмана в Майе, мы сами суть только отражение Брахмана в иллюзорной индивидуальности, мир есть только наложение на Брахмана непередаваемого само-существования. Может быть и менее решительное сведение к нулю, если допущена определенная реальность для существа даже в пределах иллюзии, допущена определенная законность переживания и знания, при помощи которых мы растем в духе: но это так только в том случае, если временное имеет законную реальность, и переживание в нем обладает реальной законностью, и в этом случае то, что мы имеем на переднем плане, есть не иллюзия, принимающая нереальное за реальное, а неведение, неправильно охватывающая реальное. В противном случае, если существа, чьим “я” является Брахман, иллюзорны, то эта самость [selfhood] не законна, она есть часть иллюзии; переживание “я” также есть иллюзия; переживание “Я есть То” испорчено невежественным представлением, ибо нет “Я”, есть только “То”; переживание “Я есть Он” и подавно невежественно, ведь оно подразумевает сознательное Вечное, Господа вселенной, Космическое Бытие, но не может быть такой вещи, если нет реальности во вселенной. Настоящее решение проблемы существования может базироваться только на истине, которая принимает во внимание наше существование и мировое существование, примиряет их истину, их правильную связь и истину их связи с трансцендентной Реальностью, являющейся источником всего. Но это подразумевает некоторую реальность индивида и космоса, некоторую истинную связь Одного Существования и всех существований, относительного переживания и Абсолюта.

Теория Иллюзии разрубает узел мировой проблемы, она не распутывает его; это бегство, а не решение: полет духа не есть достаточная победа для существа, воплощенного в этом мире становления; этим совершается отделение от Природы, а не освобождение и исполнение нашей природы. Этот окончательный исход удовлетворяет только одному элементу, возвышает только один импульс нашего существа; он оставляет остальное в холоде гибнуть в сумерках нереальной реальности Майи. Как в Науке, так и в метафизическом мышлении, наилучшим окончательным решением, по всей видимости, будет то, которое включает и учитывает все, так что каждая истина опыта занимает свое место в целом: это знание, вероятно, будет высочайшим знанием, озаряет, интегрально охватывает, гармонизирует значение всего знания и объясняет (можно даже сказать, находит базис для этого) оправдывающую причину нашего неведения и иллюзии и одновременно исправляет их; это верховный опыт, который собирает вместе весь опыт в истине верховного и все-примиряющего тождества. Иллюзионизм объединяет путем устранения; он лишает реальности и значения всякого знания и опыта, за исключением одного верховного слияния.

Но это споры из области чистого разума, и конечным тестом истинности этого порядка является не рассужде-

ние, а духовное озарение, проверенное неизменным фактом духа; единственное решающее духовное переживание может разрушить целое здание рассуждений и выводов, возведенных логическим интеллектом. Здесь теория Иллюзионизма обрела очень надежную почву; ибо, хотя сама по себе она есть не более чем ментальное формулирование, но тот опыт, который она формулирует в философии, сопровождается наиболее мощной и кажущейся окончательной духовной реализацией. Она нисходит на нас с великой силой пробуждения и реальности, когда мышление успокоено, когда разум отходит от своих построений в чистую пустыню самости [selfhood], лишенную всякого ощущения индивидуальности, не наполненную каким-либо космическим содержанием: если после этого одухотворенный разум взглянет на индивида и космос, то они могут показаться ему иллюзией, построением имен и фигур и движений, лживо наложенных на единственную реальность Само-Существующего. Либо даже ощущение “я” становится неадекватным; как знание, так и неведение растворяются в тонком Сознании, и сознание погружается в транс чистого сверхсознательного существования. Либо даже кончается существование, становясь слишком ограниченным именем для того, что единственно извечно существует; есть только безвременное Вечное, беспространственное Бесконечное, предельность Абсолюта, безмянный мир, всезатмевающий единственный беспредметный Экстаз. Законность -полная в себе — этого переживания не подлежит сомнению; невозможно отрицать всепоглощающую решающую убедительность — экатма-прадая-сарам — с которой эта реализация охватывает духовного искателя. Но все же все духовные переживания являются переживаниями Бесконечного, и они принимают множество направлений; некоторые из них — и не единственно эти — настолько близки к Божественному и Абсолюту, настолько проникнуты реальностью Его присутствия или невыразимым покоем и мощью освобождения от всего того, что меньше Его, что они несут с собой это ошеломляющее ощущение окончательности, полной и решающей. Существуют тысячи путей приближения к Верховной Реальности, и в зависимости от того, какова природа избранного пути, таковой будет и природа окончательного переживания, при помощи которого переходишь в То, что невыразимо, в То, что невозможно сообщить разуму или что невозможно выразить в любой крайности. Все эти определяющие кульминации могут считаться предпоследними шагами к одному Окончательному; они являются шагами, посредством которых душа переступает пределы Разума по направлению к Абсолюту. Является ли эта реализация перехода в чистое недвижимое само-существование или Нирвану индивида и вселенной одним из этих предпоследних шагов, или она сама по себе является конечной и абсолютной реализацией, вершающей каждое путешествие, превосходит и сводит на нет меньшие переживания? Тем самым утверждается, что она стоит позади и замещает, затмевает и уничтожает всякое другое знание; если это действительно так, то ее окончательность не подлежит сомнению. Но наперекор этому заявляется, что можно путешествовать и за эти пределы с помощью еще большего отрицания или большего утверждения — можно погасить “я” в Не-Бытии или перейти через двойной опыт космического сознания и Нирваны мирового существования в Одно Существование к большему Божественному Единению и Единству, которое удерживает обе эти реализации в обширной интегральной Реальности. Утверждается, что за пределами дуальности и не-дуальности существует Тот, в котором обе реализации удерживаются вместе и находят свою истину в той Истине, которая лежит за пределами них. На пути к Абсолюту можно достичь некоторого суммирующего переживания, которое наступает при превышении и уничтожении всякого другого возможного, но меньшего переживания. Дальнейшим шагом может стать некое верховное переживание, которое утверждает и включает в себя истину всего духовного опыта, придает каждому переживанию свой собственный абсолют, интегрально объединяет все знание и переживание в верховной реальности; этот шаг одновременно бы выявлял наиболее освещающую и трансформирующую Истину всех вещей и высочайшую бесконечную Трансцендентность. Брахман, верховная Реальность есть Тот, кто познал все известное; но в иллюзионистском решении для Того, кто все познал, это все становится нереальной и непостижимой мистерией: в другом переживании, при познании Реальности, все обретает свою настоящую важность, свою истину по отношению к Вечному и Абсолюту.

Все истины, даже кажущиеся конфликтующими, справедливы по-своему, но их требуется примирить друг с другом в некоторой величайшей Истине, вбирающей их в себя; все философии имеют свою ценность, — если не для чего-то, то постольку, поскольку они видят “я” и вселенную с точки зрения переживания духом многосторонней Манифестации, и делая это, они проливают свет на нечто, что должно быть познано в Бесконечном. Все духовные переживания истинны, но они указывают на некоторую высочайшую и широчайшую реальность, которая допускает их истину и превосходит ее. Можно сказать, что в этом заключен знак относительности любой истины и всякого переживания, поскольку те меняются в зависимости от взгляда и проникновения познающего и переживающего разума и существа; говорится, что каждый человек имеет свою религию в соответствии со своей природой, но точно также можно сказать, что каждый человек имеет свою собственную философию, свой собственный способ видения и переживания существования, хотя только немногие могут сформулировать это. Но с другой точки зрения это разнообразие свидетельствует скорее в пользу бесконечности аспектов Бесконечного; каждый человек схватывает частный проблеск или целостный проблеск одного или более аспектов или контактов или входит в него в своем ментальном или духовном переживании. Для разума на определенной стадии все эти точки зрения начинают терять свою определенность в большой всеобщности или комплексной толерантной неопределенности, или из него может

выпасть все остальное и уступить место окончательной истине или единственному поглощающему переживанию. Тогда вполне можно почувствовать нереальность всего того, что было увидено и помыслено и взято как часть себя или вселенной. Это “все” становится для разума вселенской нереальностью или многосторонней фрагментарной реальностью без принципа объединения; по мере того, как разум переходит в отрицающую чистоту абсолютного переживания, из него выпадает все и остается только безмолвный и недвижимый Абсолют. Но можно призвать сознание идти дальше и снова посмотреть на то, что оно оставило, в свете нового духовного видения: оно может восстановить истину всех вещей в истине Абсолюта; оно может примирить отрицание Нирваны и утверждение космического сознания в единственном отношении к Тому, кого они оба само-выражают. В переходе от ментального постижения к постижению надразума это многостороннее единство является ведущим переживанием; полная манифестация подразумевает появление исключительной и могущественной гармонии, которая достигает своей величайшей завершенности тогда, когда стоит на границе между Надразумом и Сверхразумом и взирает назад на существование с тотальным взглядом. Это, по крайней мере, есть та возможность, которую мы должны исследовать, и развить до предела этот взгляд на вещи. Должно было быть предпринято рассмотрение возможности великой космической Иллюзии в качестве объяснения загадки бытия, поскольку этот взгляд и это переживание мощно обнаруживается в конце ментальной спирали, где достигается точка прорыва или точка прекращения; но раз уж подчеркнуто, что это переживание не является непременно концом тщательного исследования окончательной истины, то мы можем оставить в стороне это переживание или ссылаться на него только по мере надобности в связи с некоторой линией более пластичного курса мышления и рассуждения. Сейчас мы можем сконцентрироваться на проблеме, остающейся при исключении иллюзионистского решения, проблеме Знания и Неведения.

Все вращается вокруг вопроса “Что есть Реальность?”. Наше познающее сознание ограничено, невежественно, конечно; наши представления о реальности зависят от нашего способа контакта с существованием в этом ограниченном сознании и может сильно отличаться от способа, в котором первоначальное и окончательное Сознание видит все. Необходимо различать сущностную Реальность, феноменальную реальность, зависящую от нее и возникающую из нее, и ограниченное и часто путанное переживание или представление о той или иной реальности, созданное нашим чувственным переживанием или нашим разумом. Для наших чувств земля плоская, и для большей части непосредственных практических целей, в некоторых пределах, мы должны следовать этому ощущению реальности и относиться к кажущейся плоскостности земли как будто бы к факту; но в истинной феноменальной реальности плоскостность земли нереальна, и Наука, ищущая истины феноменальной реальности в вещах, должна считать землю приблизительно круглой. Во множестве деталей Наука противоречит очевидным данным чувств в качестве реальной истины явлений; но все же мы должны принять схему, даваемую нашими чувствами, поскольку практические связи с вещами, которые они накладывают на нас, имеют свою законность как воздействие реальности и не могут игнорироваться. Наш разум, опирающийся на чувства и превышающий их, строит свои собственные критерии или представления о реальном или нереальном, но эти критерии меняются в зависимости от точки зрения, принимаемой рассуждающим наблюдателем. Физик, исследующий явления, нагромождает формулы и нормы, базирующиеся на объективной и феноменальной реальности и ее процессах: с его точки зрения Разум может считаться субъективным порождением Материи, а “я” и дух -нереальностями; в любом случае он должен действовать так, как если бы существовали только материя и энергия, а разум был бы только наблюдателем независимой физической реальности, неподверженной влиянию какого-либо ментального процесса (* Эта позиция была поколеблена теорией Относительности, но она должна поддерживаться как прагматический базис для эксперимента и утверждения научного факта.) или какого-то присутствия или вмешательства космического Интеллекта. Психолог, независимо исследующий сознание разума и подсознание разума, открывает иную область реальности, по своему характеру субъективную, имеющую свои собственные законы и процессы; для него Разум может показаться даже ключом к реальному, а Материю — только полем для разума, и дух поодаль от разума — как нечто нереальное. Но существуют и дальнейшие исследования, приносящие истину о “я” и духе и устанавливающие больший порядок реального, в котором происходит переворот нашего взгляда как на субъективные реальности разума, так и объективные физические реальности, так что они видятся как вещи феноменальные, вторичные, зависящие от истины “я” и реальностей духа. В этом более глубоком исследовании вещей разум и материя начинают казаться реальностями гораздо меньшего порядка и легко могут показаться нереальными.

Но именно разум, привыкший иметь дело с конечным, делает эти исключения; он разрезает цело на части и может выбрать одну часть целого, как если бы это была полная реальность. Это необходимо для его действия, поскольку его дело заключается в том, чтобы обращаться с конечным как с конечным, и ради практических целей и для обращения разума с конечным должны мы принять ту схему, которую он дает нам, поскольку она законна как воздействие реальности, и поэтому не стоит пренебрегать этой схемой. Когда мы приходим к переживанию духовного, являющегося целым самим по себе и содержащим целое в себе, наш разум приносит туда те же свои расчленяющие доводы и определения, необходимые для постижения конечного; он делает разделение между бесконечным и конечным, духом и его явлениями и проявлениями и называет то реальным, а это нереальным. Но первичное и

окончательное сознание, охватывающее все выражения существования в единственном интегральном взгляде, будет видеть целое в его духовной сущностной реальности, а явление — как явление или проявление той реальности. Если бы это духовное сознание видело в вещах только нереальность и полную разобщенность с истиной духа, то оно не смогло бы иметь — если бы это была сама Истина-Сознание — никакой причины для поддержания их в непрерывном или возвращающемся существовании в течение всего Времени: если оно поддерживает их, то вследствие того, что они базируются на реальности духа. Но в таком интегральном взгляде феноменальная реальность обязательно будет выглядеть по-другому, не так, как она видится разумом и чувством конечного существа; она обретает другую и более глубокую реальность, другое и большее значение, будут видны другие и более тонкие и комплексные процессы ее движений. Каноны реальности и все формы мышления, созданные конечным разумом и чувством, будут казаться этому большему сознанию частичными построениями с элементом истины в них и элементом ошибки; поэтому эти построения могли бы быть описаны как одновременное реальные и нереальные, но из-за этого сам феноменальный мир отнюдь не станет нереальным или нереально-реальным: он примет вид другой реальности духовного характера; конечное раскроет себя как мощь, движение, процесс Бесконечного.

Первичное и окончательное сознание будет сознанием Бесконечного и будет обязательно унитарным во взгляде на разнообразие, будет интегральным, все-принимаящим, все-охватывающим, все-проницательным неделимым видением целого. Оно будет видеть сущность вещей и считать все формы и движения явлениями и последствиями сущностной Реальности, явлениями и образованиями ее мощности бытия. Разум придерживается той точки зрения, что в истине не может быть никакого столкновения противоречий: если это так, то поскольку феноменальная вселенная является или кажется противоречащей сущностному Брахману, то она должна быть нереальной; поскольку индивидуальное бытие противоречит как трансцендентности, так и универсальности, то должно быть нереальным. Но то, что кажется противоречивым разуму, базирующемуся на конечном, может и не быть противоречивым для видения или большего разума, базирующегося на бесконечном. То, что видится противоречивым нашему разуму, для бесконечного сознания может явиться не противоречивым, а взаимно дополняющим: сущность и явление сущности дополняют друг друга, а не противоречат друг другу — явление проявляет сущность; конечное есть обстоятельство проявления бесконечного и не противоречит ему; индивидуальное есть само-выражение вселенского и трансцендентного -явление не есть нечто совершенно отличное от сущности, оно вселенски сконцентрированное и выбранное, оно едино с Трансцендентным в своей сущности бытия и сущности природы. В этом взгляде унитарного охватывающего видения нет ничего противоречивого в бесформенной Сущности, несущей множественность форм, или в статусе Бесконечного, поддерживающего кинезис Бесконечного, или в бесконечном Тожестве, выражающемся во множественности существ и аспектов и мощностей и движений, поскольку они суть существа и аспекты и мощности и движения Одного. Творение мира на этом базисе есть совершенно естественное и нормальное и неизбежное движение, которое само по себе не вызывает проблем, поскольку оно есть в точности то, что должно ожидать в действии Бесконечного. Все интеллектуальные проблемы и трудности вызываются конечным разумом, вырезающим, отделяющим, противопоставляющим мощностю Бесконечного его бытию, его кинезис его статусу, его природную множественность его сущностному тождеству, разумом, расчленяющим “я”, противопоставляющим “я” и Природу. Для того, чтобы по-настоящему понять мировой процесс Бесконечного и Временной процесс Вечного, сознание должно выйти за пределы этого конечного разума и конечного чувства, перейти к большему разуму и большему чувству, вступить в соприкосновение с сознанием Бесконечного и отозваться на логику Бесконечного, являющуюся самой логикой бытия и неизбежно возникающую из само-оперирования своих собственных реальностей, на логику не шагов мышления, а шагов существования.

Однако можно сказать, что то, что было так описано, это только космическое сознание, а ведь существует еще и Абсолют: Абсолют не может быть ограничен; поскольку вселенная и индивид ограничивают и делят Абсолют, то они должны быть нереальными. Конечно же, Абсолют не может быть ограничен; он не может быть ограничен ни бесформенным, ни формой, ни единством, ни множественностью, ни недвижимым статусом, ни динамической мобильностью. Если он проявляет форму, то форма не может ограничить его; если он проявляет множественность, то множественность не может поделить его; если он проявляет движение и становление, то движение не может ни возмутить, ни поколебать его: он не может быть хоть как-то ограничен, как и исчерпан само-творением. Даже материальные вещи имеют это превосходство по отношению к их манифестации; глина не ограничена сосудами, сделанными из нее, а так же воздух не ограничен дующими ветрами, и море не ограничено волнами, вздымающими его поверхность. Это впечатление ограничения присуще только разуму и чувству, которые видят конечное так, как если бы оно было независимой сущностью, отделившейся от Бесконечного или было нечто отрезанным от него ограничением: иллюзорно именно это впечатление, а не как ни бесконечное или конечное; ибо ничто не существует благодаря впечатлениям чувства или разума, в своем существовании они зависят от Абсолюта.

Абсолют сам по себе неопределим разумом, невыразим речью; его можно достичь через переживание. Его можно достичь через абсолютное отрицание существования, как если бы он был самим Не-Существованием, таинственным бесконечным Нулем. Его можно достичь через абсолютное утверждение всех фундаменталей нашего

собственного существования, через абсолют Света и Знания, абсолют Любви или Прекрасного, абсолют Силы, через невыразимый абсолют бытия или сознания, или мощности бытия, или восторга бытия, или через верховное переживание, в котором эти вещи становятся невыразимо одним; ибо мы можем войти в такое невыразимое состояние, и погрузиться в него как в светлую пучину существования, можем мы достичь сверхсознания, которое можно описать как врата Абсолюта. Предполагалось, что только через отрицание индивида и космоса можем мы войти в Абсолют. Но на самом деле индивиду требуется отвергнуть только его собственное маленькое отдельное существование; он может достичь Абсолют через возвышение [sublimation] его духовной индивидуальности, вбирающей космос в себя и превосходящей его; либо он может всецело отвергать себя, но даже в этом случае он все еще остается индивидом, который путем превосхождения себя вступает в Абсолют. Он также может войти в Абсолют путем возвышения своего бытия до верховного существования или свехсуществования, путем возвышения своего сознания до верховного сознания или сверхсознания, путем возвышения своего и всего восторга бытия до свехвосторга или духовного экстаза. Индивид также может попытаться приблизиться к Абсолюту через некое возвышение, в котором он вступает в космическое сознание, принимает его в себя и поднимает себя и его до состояния бытия, в котором тождественность и множественность находятся в совершенной гармонии и согласии в верховном статусе проявления, где все в каждом и каждое во всем и все в одном без какой-либо определенной индивидуализации — поскольку динамическое тождество и взаимность стали полными; на этом пути утверждения именно этот статус проявления находится ближе всего к Абсолюту. Этот парадокс Абсолюта, достигаемого как путем абсолютного отрицания, так и путем абсолютного утверждения, многими способами, может быть объяснен для разума только в том случае, если Абсолют есть верховное Существование, которое настолько далеко находится над нашими представлениями и переживаниями существования, что может также соответствовать нашему отрицанию существования, нашему представлению и переживанию не-существования, но также, поскольку все сущее есть Тот, на любой стадии манифестации, то Абсолют также является верховностью всех вещей и может быть достигнут через верховное утверждение, как и через верховное отрицание. Абсолют есть невыразимый “х”, превосходящий и лежащий в основе и имманентный и сущностный во всем том, что мы можем назвать существованием или не-существованием.

Наша первая предпосылка состоит в том, что Абсолют есть верховная реальность; но предмет вопроса состоит скорее в том, реально или нереально все остальное, что мы переживаем, кроме Абсолюта. Иногда делается разграничение на бытие и существование и предполагается, что бытие реально, а существование или то, что так проявляется, нереально. Но это можно утверждать только в том случае, если существует жесткое разграничение, разрез и отделение созданного существования от несозданного Вечного; тогда несозданное Бытие может считаться единственно реальным. Этого вывода не последует, если то, что существует, есть форма Бытия и субстанция Бытия; оно было бы нереальным только в том случае, если бы являлось формой Не-Бытия, асат, созданной из Пустыни, сунья. Состояния существования, через которые мы приближаемся к Абсолюту и входим в него, должны обладать своей истиной, поскольку ненастоящее и нереальное не может вести к Реальному: но также и все, что исходит из Абсолюта, все то, что Вечное поддерживает и наполняет и проявляет, должно иметь реальность. Существует непроявленное и проявленное, но проявление Реального само должно быть реальным; существует Безвременное и существует ход вещей во Времени, но ничто не может появиться во Времени, если оно не имеет базиса во вневременной Реальности. Если мое “я” и дух реальны, то мои мысли, чувства, мощности всех видов, являющиеся выражениями духа, не могут быть нереальными; мое тело, являющееся формой, которую дух надевает на себя и одновременно населяет, не может быть “ничем” или попросту несущественной тенью. Единственное примиряющее объяснение заключается в том, что как безвременная вечность, так и временная вечность составляют два аспекта Вечного и Абсолюта, и обе реальны, но в разных порядках реальности: все, что непроявлено в Безвременном, проявляется во Времени; каждая существующая вещь реальна в своей собственной степени проявления, и так она видится сознанию Бесконечно-го.

Всякое проявление зависит от бытия, но также и от сознания и его мощи или степени; поскольку каков статус сознания, таким и будет статус бытия. Даже Бессознательное является статусом и мощью инволюционного сознания, в котором бытие погружено в другое и противоположное состояние не-проявления, напоминающее не-существование, так что из него может быть проявлена вся материальная вселенная; точно также сверхсознательное есть сознание, поднятое до абсолюта бытия. Ибо существует сверхсознательный статус, в котором сознание кажется озаренно вовлеченным в бытие и как бы неосознающим себя; все сознание бытия, все знание, само-видение, сила бытия кажется всплывающими из этого вовлеченного состояния или появляющимися в нем: это появление, с нашей точки зрения, может казаться появлением в меньшей реальности, но на самом деле как сверхсознание, так и сознание суть одна и та же Реальность. Существует также Верховный статус, в котором не может быть сделано различие между бытием и сознанием — поскольку там они слишком спаяны, чтобы можно было их разъединить — но этот верховный статус бытия является также верховным статусом мощи бытия и поэтому и мощи сознания; ибо сила бытия и сила сознания составляют там одно и не могут быть отделены друг от друга: именно это объединение

вечного Бытия с вечным Сознанием-Силой является статусом верховного Ишвары, и его сила бытия является динамикой Абсолюта. Это состояние не отрицает космос; оно несет в себе сущность и мощь всего космического существования.

Но все же нереальность является фактом космического существования, и если все есть Брахман, Реальность, то мы должны объяснить этот элемент нереальности в Реальном. Если нереальное не есть факт бытия, то оно должно быть актом или формацией сознания, и существует ли тогда статус или ступень сознания, в котором оно действует, и полностью или частично нереальны его акты и формации? Если эта нереальность не может быть приписана изначальной космической Иллюзии, Майе, то все же существует в самой вселенной мощь иллюзии Неведения. Она присутствует в мощности Разума задумывать нереальные вещи, она сокрыта в его мощи даже создавать вещи нереальностью или не полностью реальные; сам его взгляд на самого себя является построением ни полностью реальным, ни полностью нереальным. Где начинается и где кончается этот элемент нереальности, и в чем его причина и что происходит в результате отделения причины и следствия? Даже если космическое существование само по себе не нереально, то не может ли это описание быть применимо к миру Неведения, в котором мы живем, к этому миру постоянного изменения и рождения и смерти и разочарования и страдания, и не удаление ли Неведения стирает для нас реальность мира, который оно создает, и не является ли уклонение от Неведения единственным и естественным исходом? Это было бы справедливо, если наше неведение было бы чистым неведением без какого-либо элемента истины или знания. Но на самом деле наше сознание представляет собой смесь истины и лжи; его действия и творения не являются чистым измышлением, безосновательной структурой. Структура, которую оно строит, форма вещей или форма вселенной не являются смесью реальности и нереальны лишь в качестве половинного охвата, половинного выражения реального, и поскольку всякое сознание есть сила и потому оно потенциально созидательно, то результатом нашего творения является неправильное творение, неправильное проявление, неверное действие или неверно взятая и ложно направленная энергия бытия. Все мировое существование есть манифестация, но наше неведение является актом частичной, ограниченной и невежественной манифестации — отчасти выражением, но отчасти и обманчивой внешностью первозданного бытия, сознания и восторга существования. Если такое устройство вещей вечно и неизменно, если наш мир должен всегда вращаться по этому кругу, если некоторое Неведение является причиной всех вещей и всего действия здесь, а не условием и обстоятельством, тогда на самом деле прекращение индивидуального неведения может произойти лишь при уходе индивида из мирового бытия, и исчезновение космического неведения привело бы к разрушению мирового бытия. Но если в основании этого мира заложен эволюционный принцип, если наше неведение является полу-знанием, развивающимся к знанию, то становится возможным другое описание и другой подход и духовный исход нашего существования в материальной Природе.

В наших представлениях о нереальности нужно сделать дальнейшее разграничение, чтобы избежать возможной путаницы при обращении с проблемой Неведения. Наш разум или некоторая его часть имеет прагматический стандарт реальности; разум настаивает на мериле факта, действительности. Все, являющееся фактом существования, для него реально, но для него эта фактичность или реальность действительного ограничена явлениями этого земного существования в материальной вселенной. Но земное или материальное существование является только частью манифестации, это система реализованных возможностей Бытия, которые не исключают всех других возможностей, еще не реализованных или не реализованных здесь. Могут возникнуть и новые реальности в манифестации во Времени, еще нереализованные истины бытия могут выдвинуть вперед свои возможности и стать действительными в физическом и земном существовании; могут существовать другие истины бытия, супрафизические и принадлежащие иной области манифестации, не реализованной здесь, но все же реальной. Даже то, что еще не осуществилось в какой-либо вселенной, может быть истиной бытия, потенциалом бытия, и не может считаться нереальным в силу того, что оно еще не выражено в форме существования. Но наш разум или некоторая его часть по-прежнему настаивает на своей прагматической привычке или представлении о реальном, допускающим в качестве истинного только фактическое и действительное, и склонен считать все остальное нереальным. Тогда для разума нереальность имеет чисто прагматическую природу: она состоит в формулировке вещей, не обязательно нереальных самих по себе, а не реализованных или, возможно, не могущих быть реализованными нами или в теперешних условиях или в нашем фактическом мире бытия; это не настоящая нереальность, она не нереальна, а только нереализована, не нереальность бытия, а только нереальность теперешнего или известного факта. Опять же, существует и только понятийная и воспринимаемая нереальность, и она вызывается ошибочным представлением и восприятием реального: это также не нереальность бытия, или ей не требуется быть таковой, это всего лишь ложное построение сознания вследствие ограничения Неведением. Эти и другие нереальности являются вторичными движениями нашего неведения и не составляют сердцевины проблемы, ибо проблема заключается в более общем бедствии нашего сознания и мирового сознания на земле; это проблема космического Неведения. Ведь наш целостный взгляд на вещи и переживание существования работает при ограничении сознания, ограничении не только нашего сознания но и кажущегося лежащим в основе материального творения. Не в пример превозданному и окончательному Сознанию, видящему

реальность как целое, мы видим активным здесь ограниченное сознание и либо частичное и незаконченное творение, либо космический кинезис, вращающийся в вечном круге бессмысленного изменения. Наше сознание видит часть и части исключительно Манифестации, — если это будет манифестацией, — и обращается с ней или с ними так, как если бы они были отдельными сущностями; все наши иллюзии и ошибки берут начало из ограниченного отдельного осознания, которое создает нереальности или неверно постигает Реальное. Но проблема становится еще более загадочной, когда мы воспринимаем, что наш материальный мир кажется возникающим непосредственно не из какого-либо превозданного Бытия и Сознания, а из статуса Несознания и видимого Не-Существования, наше неведение есть нечто, что возникло как будто бы с трудностью и борьбой из Несознания.

В этом кроется мистерия, — как неограничиваемое сознание и сила интегрального бытия вошли в это ограничение и отделенность? Как это могло стать возможным, и если нужно допустить эту возможность, то в чем ее оправдание и значение в Реальном? Это мистерия не изначальной Иллюзии, а происхождения Неведения и Несознания и связи Знания и Неведения с превозданным Сознанием или Сверхсознанием.

ЗНАНИЕ И НЕВЕДЕНИЕ

Пусть Познатель различит Знание и Неведение.

Риг Веда (IV.2.11)

Там есть двое, сокрытые в тайне Бесконечного, Знание и Неведение; но преходящее есть Неведение, бессмертное есть Знание; другой есть Он, кто правит как Знанием, так и Неведением.

Шветашватара Упанишада (V.1)

Двое Нерожденных, Знающий и тот, кто не знает, Господин и тот, кто не обладает господством: один является объектом наслаждения, а другой — тем, кто наслаждается.

Шветашватара Упанишада (I.9)

Две мощности объединились вместе — мощност Истины, мощност Майи — они породили Ребенка и дали ему рождение и подпитывают его рост.

Риг Веда (X.5.3)

При разборе семи принципов существования было найдено, что они составляют одно в их сущностной и фундаментальной реальности: ведь если уж материя наиболее материальной вселенной является ничем иным, как статусом бытия Духа, сделавшим объект ощущения постигаемым собственным сознанием Духа в качестве материала своих форм, то тем более жизненная сила, заключившая себя в форму Материи, и сознание Разума, выбросившее себя в качестве Жизни, и Сверхразум, развивающий Разум в качестве одной из своих мощностей, являются ничем иным, как самим Духом, видоизмененным в видимой субстанции и динамизме действия, но неизменным в настоящей сущности. Все суть мощности одной Мощи бытия, и все является ничем иным, как Все-Существованием, Все-Сознанием, Все-Волей, Все-Восторгом, что есть настоящая истина за каждой видимостью. И они не только составляют одно в их реальности, но и неразделимы в семикратном ряду их действия. Они составляют семь цветов света божественного сознания, семь лучей Бесконечного, и ими Дух пропитывает полотно своего само-существования, созидательно расширенного, сплетающего объективную основу Пространства и субъективную ткань Времени, мириады чудес своего само-порождения, великих, простых, симметричных в своих первичных законах и широких обрамлениях, бесконечно искусных и замысловатых в разнообразии форм и действий, сложной связи и взаимного влияния всего на каждое и каждого на все. Это семь Миров древних провидцев; при помощи них были созданы и в свете их значения были выработаны и должны быть интерпретированы развитые и развивающиеся гармонии того мира, который мы знаем, и тех миров позади этого, о которых мы имеем только косвенное знание. Свет, Звук суть одно; их действие семикратно.

Но здесь мир базируется на изначальном Несознании; здесь сознание сформулировало себя в образе неведения, стремящегося в труде обрести знание. Мы видели, что ни в природе самого Бытия, ни в первозданном характере и фундаментальных связях его семи принципов нет сущностной причины для внедрения Неведения, вторжения разности в гармонию, тьмы в свет, разделения и ограничения в само-сознательную бесконечность божественного творения. Ведь мы можем представить, а поскольку мы можем, то уж Божественное и тем более может представить, — и поскольку существует представление, то где-то должно быть и исполнение, созидание действительное или запланированное, — вселенскую гармонию, в которую эти противоположные элементы не входят. Ведические провидцы знали о такой божественной само-манифестации и смотрели на нее как на величайший мир за пределами этого меньшего мира, более свободный и более широкий план сознания и бытия, истинное творение Создателя, что они описали как местонахождение или собственный дом Истины, как обширную Истину, или Истину, Действительность, Обширность; или опять же как Истину, сокрытую Истиной, где Солнце Знания заканчивает свое путешествие и распрягает своих коней, где тысяча лучей сознания слиты воедино, так что там Тот Один, верховная форма Божественного Бытия. Но этот мир, в котором мы живем, им казался смешанной тканью, в которой истина обезображена избыточной фальшью, антагась бхурях (Риг Веда, VII.60.5), здесь единый свет должен быть рожден под действием собственной обширной силы из первоначальной тьмы или моря Несознания (апракатам салилам); бессмертие и божественность должны быть построены из мира, находящегося под игом смерти, неведения, слабости, страдания и ограничения. Это само-построение они изображали как творение человека в себе того иного мира или высокоупорядоченной гармонии бесконечного бытия, которое уже существует совершенным и вечным в Божественной Беско-

нечности. Для нас низшее является первым условием высшего; тьма - это плотное тело света, Несознательное хранит в себе сокрытое Сверхсознательное, силы разделения и лжи удерживают от нас, но также и для нас, чтобы мы у них отвоевали, богатство и субстанцию единства и истину в пещере подсознательного. На взгляд мудрецов Вед, взгляд, выраженный на высокообразном загадочном языке, это и является смыслом и оправданием действительного существования человека и его сознательных или несознательных усилий, направленных к Богу, его порождения, на первый взгляд парадоксального, в мире, который кажется самой противоположностью, его устремления, настолько безрассудного на первый взгляд, в сознании таком эфемерном, слабом, невежественном, ограниченном, к полноте бессмертия, знания, мощи, блаженства, божественного и непреходящего существования.

Ведь фактически, в то время как лейтмотивом идеального творения является неограниченное само-сознание и само-обладание в бесконечной Душе и совершенном тождестве, то лейтмотив того творения, которое мы сейчас переживаем, совсем обратный; это изначальное несознание, развивающееся в жизни в ограниченное и поделенное само-сознание, изначальное инертное подчинение правлению слепой само-существующей Силы, развивающейся в жизни в борьбу само-сознательного существа за обладание собой и всеми вещами и за установление царстве этой невидимой механической Силы царствования озаренной Воли и Знания. И поскольку со слепой механической Силой, — теперь мы знаем, что на самом деле такой вещи не существует, — мы сталкиваемся повсеместно, с этим изначальным, вездесущим, фундаментальным законом, великой тотальной энергией, и поскольку единственно освещенная сила, которую мы знаем, то есть наша собственная, как последующее явление, как результат частичной, подчиненной, ограниченной, спорадической энергии, то эта борьба кажется нам в лучшем случае весьма сомнительным и рискованным предприятием. Для наших восприятий Несознание является началом и концом; само-сознательная душа едва ли кажется нечто большим, чем временной случай, кажется хрупким цветением на этом величественном, темном и безобразном Ашватха-дереве вселенной. Если же мы предполагаем, что душа вечна, тогда она кажется по меньшей мере странником, чужеземцем и совсем не званным гостем в царстве этого обширного Несознания. Если это не случайность в Несознательной Темноте, то возможно, ошибка, ложный шаг сверхсознательного Света.

Если бы так и было на самом деле, тогда только абсолютный идеалист, возможно посланный из некоторого высшего существования, incapable забыть свою миссию и зараженный необузданным энтузиазмом божественного исступления или поддерживаемый в спокойной и бесконечной силе духа светом и силою и гласом невидимого Божества, смог бы при таких обстоятельствах, в таком мире, вызывающим скепсис и сомнение, сохранить надежду на полный успех человеческой попытки. И в действительности люди люди по большей части либо с самого начала отворачиваются от такой попытки, или постепенно, после угасания первичного энтузиазма, сочтя эту попытку доказанной невозможностью. Убеденный материалист ищет частичной и недолговечной силы, знания, счастья, насколько господствующий несознательный порядок Природы позволит само-сознанию человека это сделать, если он примет свои ограничения, будет подчиняться природным законам; и тогда человек при помощи своей освещенной воли извлекает столько для себя благ, насколько это будет соответствовать непреложному механизму действия Природы. Верующий ищет своего царства освещенной воли, любви или божественного бытия, королевства Бога, ищет в мире ином, где все это незамутнено и вечно. Философский мистик отвергает все это как ментальную иллюзию и устремляется к само-угасанию в некоторой Нирване или же к погруженности в лишенный черт Абсолют; если душа или разум заблудшего в иллюзиях человека грезит о божественной реализации в этом эфемерном мире Неведения, то она должна в конечном итоге распознать свою ошибку и прекратить тщетные попытки. Но все же, поскольку есть две стороны существования, неведение Природы и свет Духа, и поскольку за ними стоит Одна Реальность, то должно быть возможным примирение или, во всяком случае, можно навести мост через пропасть, что было предсказано в мистических иносказаниях Вед. Именно острое ощущение этой возможности принимало различную форму и переживало века — совершенство человека, совершенство общества, видение Альвара нисхождения на землю Вишну и Богов, царство святых, садхунам райям, город Бога, миллениум, новые небеса и земля Апокалипсиса. Но этим прозрениям недостает базиса надежного знания, и разум человека остается подвешенным между светлой надеждой на будущее и теперешней серой несомненностью. Но эта серая несомненность не столь уж безнадежна, как кажется, и божественной жизни, развивающейся или подготавливающейся в земной Природе, вовсе не обязательно быть химерой. Любое принятие нашего поражения или нашего ограничения стартует с явного или неявного распознавания сначала сущностного дуализма, а затем непримиримого противоречия между дуальными принципами, между Сознательным и Несознательным, между Небесами и Землей, между Богом и Миром, между безграничным Одним и ограниченным Множеством, между Знанием и Неведением. По цепочке рассуждений мы пришли к выводу, что это является не более, чем ошибкой чувственного разума и логического интеллекта, базирующегося на частичном опыте. Мы видели, что может быть и есть совершенно рациональный базис для надежды на нашу победу; ведь низшее выражение бытия, в котором мы сейчас живем, содержит в себе принцип и намерение к осуществлению того, что превосходит это выражение, и его собственная настоящая сущность может быть обретаема и развита до своей полной формы именно через собственное само-превышение и трансформацию.

Но в наших рассуждениях есть одна точка, которая до сих пор остается непроясненной — сосуществование

Знания и Неведения. Предположительно, здесь мы стартуем с условий, противоположных идеальной божественной Истине, и все обстоятельства этого противостояния базируются на неведении существа о себе и о “я” всего, основываются на продукте изначального космического Неведения, чьим результатом является само-ограничение и основание жизни на разделении в бытии, разделении в сознании, разделении в воле и силе, разделении в свете, разделении и ограничении в знании, мощности, любви, и как следствие, возникают противостоящие явления эгоизма, затмения, неспособности, неправильного использования знания и воли, дисгармонии, слабости страдания. Мы обнаружили, что это Неведение, хотя и разделяемое Материей и Жизнью, по самой своей природе кроется в Разуме, чье предназначение состоит в том, чтобы вымерять, ограничивать, выделять и таким образом разделять. Но Разум также является вселенским принципом, он есть Один, Брахман, и потому он имеет склонность к унифицированному и универсализированному знанию не в меньшей степени, чем к выделенному и разграниченному. Способность Разума к выделению приводит к Неведению только тогда, когда Разум отделяет себя от высших принципов, чьей мощностью он является, и начинает действовать не только сообразно характерной склонности, но и тенденции исключать остальное знание, выделять частности в первую очередь и навсегда, оставляя единство как смутное представление, к которому можно приблизиться лишь впоследствии, когда выделение частных будет закончено и можно будет составлять суммы из этих частных. Это исключение является самой душой Неведения.

Следовательно, мы должны задержать свое внимание на этой странной мощи Сознания, являющейся корнем наших бед, исследовать принципы ее действия и вскрыть не только ее сущностную природу и происхождение, но и ее силу и процесс оперирования этой мощности, ее последний предел и средства ее устранения. Как существует это Неведение? Как смог какой-то принцип или мощность бесконечного само-знания исключить все, кроме собственного характерного ограниченного действия? Некоторые мыслители¹ заявляли, что эта проблема неразрешима, что она является изначальной мистерией и по сути не может быть объяснена; может быть только установлен сам факт и зафиксирован процесс: либо вопрос о природе верховного изначального Существования или Не-существования игнорируется как таковой, на который невозможно или не нужно ответить. Можно сказать, что существует попросту Майя с фундаментальным принципом неведения или иллюзии, и эта мощь Брахмана обладает двойной силой Знания и Неведения, внутренне присущей и потенциальной в ней; все, что нам требуется — это распознать этот факт и найти средства бегства из Неведения, — через Знание, но за пределы как Неведения, так и Знания, — путем отречения от жизни, распознания непостоянства вещей и тщетности космического существования.

Но наш разум не может остаться удовлетворенным, — сам Буддистский разум остался неудовлетворенным, — этой отговоркой в самом корне проблемы. Прежде всего, эти философии, отбрасывая коренной вопрос, в действительности делают далеко идущие утверждения, которые предполагают не только определенные операции и признаки, но и определенную фундаментальную природу Неведения, из которой и следует приписываемый курс лечения; но, очевидно, что без радикальной диагностики любое предписание лекарств не может быть чем-то большим, как эмпирическим деянием. Но если мы избегаем коренного вопроса, то не имеем возможности судить, верны ли выдвинутые утверждения или правильный ли дан рецепт, и нельзя ли найти другого курса лечения, не такого насильственно разрушительного и радикального, без хирургического вмешательства или угасания пациента, такого курса лечения, который был бы более естественен и интегрален. Во-вторых, делом мыслителя всегда является познание. Конечно, с помощью ментальных средств невозможно познать сущность Неведения или сущность чего-либо во вселенной, потому что разум может познавать вещи только по их знакам, характерным особенностям, формам, свойствам, назначениям, связям с другими вещами, а не в их оккультном само-бытии и сути. Но мы можем продвигаться все дальше и дальше, делая все более и более точные наблюдения над феноменальными признаками и деятельностью Неведения, пока мы не найдем правильного открывающего слова, верно указующего на смысл вещи, и таким путем вплотную подойдем к тому, чтобы познать эту вещь, не при помощи интеллекта, а путем видения и переживания истины, ясно воспринимаемая истину в нашем собственном существе. Процесс высочайшего интеллектуального познания состоит в том, чтобы через ментальные манипуляции и ментальную проницательность достичь той точки, где рвется вуаль, и мы можем видеть; в конце концов к нам приходит духовное знание, чтобы помочь нам стать тем, что мы видим, вступить в Свет, в котором нет Неведения.

Верно, что первоначала Неведения лежат за пределами нас, как ментальных существ, потому что наш интеллект живет и движется внутри самого Неведения и не достигает той точки или не поднимается на тот план, где происходит разделение, продуктом которого является индивидуальный разум. Но такова уж стартовая точка, и на уровне разума мы должны удовлетвориться общим агностицизмом. Человек должен работать в Неведении, учиться в его условиях, узнать его до крайних пределов, чтобы на границе встретить Истину, коснуться последней крышки светло-

¹ Будда отказался рассматривать метафизическую проблему; важен только процесс, в ходе которого сконструирована наша нереальная индивидуальность, а также то, как мир страдания поддерживается в существовании и как убежать из этого мира. Карма — это факт; причиной страдания является построение объектов, индивидуальности, по-настоящему не существующей: нашей единственной целью должно быть устранение Кармы, индивидуальности и страдания; путем этого устранения мы переходим в нечто, что свободно от этих вещей, что вечно, реально: имеет значение только путь освобождения.

го затмения и развить способности, переступить этот мощный, но на самом деле несущественный барьер.

Следовательно, мы должны более тщательно, чем прежде, изучить характер и действие этого принципа или эту мощь Неведения и достичь более ясного представления о его природе и происхождении. И сначала мы должны твердо уяснить, что мы подразумеваем под самим этим словом. Различение на Знание и Неведение начинается с гимнов Риг Веды. Здесь знание означает сознание Истины, Правильности, саньям ртам, и всего порядка Истины и Правильности; неведение есть несознание, акитти, Истины и Правильности, противопоставление работам Истины и творение ложных или враждебных работ. Неведение есть отсутствие божественного глаза восприятия, дающего нам видение супраментальной Истины; это непостигающий принцип нашего сознания в противоположность истинно-постигающему сознательному видению и знанию (акитти и китти). В своем действенном оперировании это не-постигающий принцип не является полным несознанием, несознательным морем, из которого возник этот мир (апракатам садам), а является ограниченным или фальшивым знанием, базирующемся на делении неделимого бытия, знанием, основанном на фрагментарном, малом, в противоположность богатой, обширной и светлой полноте вещей; это познание, которое возможностью ограничения обращено в фальшь и поддерживается в этом состоянии Сыновьями Тьмы и Разделения, врагами божественной попытки в человеке, противниками, грабителями, обратителями света знания. Поэтому Неведение считалось небожественной Майей (адеви майя), творящей ложные ментальные формы и видимости, — и, следовательно, таково последнее значение этого слова, которое первоначально означало формирующую мощь знания, истинную магию верховного Мага, божественного Волшебника, но которое также стало использоваться для обозначения враждебной формирующей мощи низшего знания, обмана, иллюзии и вводящей в заблуждение магии Ракшасы. божественная Майя есть знание Истины вещей, ее сущность, закон, операция, которой обладают боги и на которой они основывают собственное вечное действие и творение (деванам адабдхи вратани) и свое построение собственных мощностей в человеческом существе. Эта идея Ведических мистиков на языке метафизического мышления может быть транслирована в то представление, что Неведение по своему происхождению является разделяющим ментальным знанием, которое не схватывает единство, сущность, само-закон вещей в их едином происхождении и их универсальности, а скорее работает над разделенными частностями, отдельными явлениями, частными связями, как если бы они и были той истиной, которую мы должны охватить, или как если бы они на самом деле могли быть вообще поняты без того, чтобы идти назад за разделение к единству, за разброс к универсальности. Знанием является то, что стремится к объединению, и достигая супраментальных возможностей, схватывает тождество, сущность, само-закон существования и обзрывает и имеет дело с множественностью вещей из того света и богатства, некоторым образом подобно тому, как это делает Само Божественное с высочайшей высоты, откуда оно охватывает весь мир. Однако следует отметить, что в этом представлении Неведение все еще остается разновидностью знания, но поскольку это знание ограничено, то в любой точке открыто ко вторжению фальши и ошибки; оно оборачивается неправильным представлением о вещах, когда становится в оппозицию к истинному Знанию.

В Ведантическом учении Упанишад мы находим, что изначальные Ведические выражения заменены известной антиномией Видья и Авидья, и с изменением выражений произошел определенный сдвиг смысла: ведь поскольку природой Знания является поиск Истину, и фундаментальная Истина есть Одно, — Веда без устали повторяет “Та Истина” и “То Одно”, — то Видья, Знание в высочайшем духовном смысле стало означать чисто и определенно знание Одного, а Авидья, Неведение стало чисто и недвусмысленно означать знание разделенного Множества, разлученного, как в нашем объективном мире, с объединяющим сознанием Одной Реальности. Сложные ассоциации, богатое содержимое, светлые оттенки разнообразных и колоритных идей и значимые образы, лежащие в представлениях Вед, были по большей части утрачены в языке более точном и метафизическом, менее психологическом и гибком. И все же раздутая впоследствии идея об абсолютном отделении от настоящей истины “я” и Духа, об изначальной иллюзии, о сознании, которое может быть приравнено сну или галлюцинации, поначалу не входила в Ведантическое представление о Неведении. Если в Упанишадах говорилось, что человек, живущий и движущийся в Неведении, блуждает, всюду спотыкаясь, подобно слепцу, ведомому слепцами, и всегда возвращается в гнездо Смерти, широко распахнутое для него, то там также утверждалось, что человек, следующий только Знанию, вступает как бы в слепящую тьму и не достигает большего, чем тот, кто блуждает в Неведении, и утверждалось, что человек, знающий Брахмана как Неведение, так и Знание как Одно, так и Множество, как Становление, так и Не-Становление, путем Неведения, переживания Множественности переступает через смерть и в Знании завладевает Бессмертием. Ведь Само-существующее в действительности стало всеми этими многими существованиями; Упанишады вполне серьезно и недвусмысленно могут сказать, обращаясь к Божественному Существу: “Ты есть этот старик, опирающийся на клюку, мальчик и девочка, эта синекрылая птица”, а не “Ты кажешься этими вещами” само-заблудшему разуму Неведения. Статус становления ниже статуса Бытия, но все же именно бытие становится всем этим во вселенной.

Но развитие отделяющего разграничения не может на этом остановиться; оно должно дойти до своей логической крайности. Поскольку знание Одного есть Знание, а знание Множества есть Неведение, то с точки зрения твердо

аналитического и диалектического взгляда между этими двумя вещами не может быть ничего, кроме чистого противоречия; между ними нет сущностного единства, невозможно примирение. Поэтому только Видья есть Знание, а Авидья есть чистое Неведение; и если чисто Неведение приобретает позитивную форму, то это вследствие того, что оно не просто не знает Истину, а создает иллюзии и заблуждения, кажущиеся реальными нереальности, временно справедливую фальш. Тогда очевидно, что объектная материя Авидьи не может иметь настоящего существования, выдерживающего испытание временем; Множество есть иллюзия, мир не обладает настоящим бытием. Несомненно, мир обладает некоторого рода существованием, пока оно длится, подобно сновидению или длительной галлюцинации бредового или сумасшедшего мозга, но не более. Один не должен становиться и не может стать Многим; “я” не должно и не может становиться всеми этими существованиями; Брахман не проявлял и не может проявлять в себе реальный мир: только Разум или некоторый принцип, продуктом которого является Разум, навязывает имена и формы лишенному черт единству, которое единственно реально, и будучи сущностно бесчертным, не может проявлять настоящие черты и вариации; или же, если оно проявляет эти вещи, тогда они составляют временную и временную реальность, которая исчезает и изобличается в нереальности в ходе озарения истинным знанием.

Наш взгляд на окончательную Реальность и истинную природу Майи заставлял нас отказаться от этой последней крайности диалектического интеллекта и возвратиться к изначальным Ведантическим представлениям. Отдавая дань величественному бесстрашию этих крайних выводов, бескомпромиссной логической силе и остроте этих рассуждений, неодолимых, пока не устранены соответствующие предпосылки, принимая истину двух главных составляющих, единственную Реальность Брахмана и тот факт, что наши расхожие представления о нас самих и о мировом существовании отмечены печатью неведения, несовершенны, путанны, должны мы освободиться от захвата, столь мощно наложенного на интеллект этим понятием Майи. Но навязчивая идея укоренившегося взгляда на вещи не может быть всецело устранена, пока мы не вникнем в настоящую природу Неведения и настоящую и полную природу Знания. Ведь если эти две вещи независимы, являются равными и первозданными мощностями Сознания, тогда возможность иллюзии все еще будет преследовать нас. Если Неведение является самым характером космического существования, тогда наше переживание вселенной, если не сама вселенная, становится иллюзорным. Или если Неведение не является самым характером нашего естественного бытия, но все же является изначальной и вечной мощностью Сознания, тогда космос может иметь истину, но невозможно существо, находящемуся во вселенной, узнать эту истину: реального знания можно достичь, лишь выйдя за пределы разума и мышления, за пределы этого мирового образования, и обозревая все вещи свыше, находясь в некотором супракосмическом или суперкосмическом сознании, подобно тем, кто стал одной природы с Вечным и пребывает в Нем, нерожден в творении и неподвержен разрушительным катаклизмам нижнего мира. Но такое решение проблемы не может быть предложено и достигнуто на базисе исследования слов и идей или диалектического рассуждения; оно должно быть результатом тотального наблюдения и проникновения в соответствующие факты сознания, — как в факты, лежащие на поверхности, так и в те, что находятся выше или ниже уровня поверхности или позади нашей фронтальной поверхности, — и успешного извлечения их сути.

Ведь диалектический интеллект не является удовлетворительным судьей сущностных или духовных истин; более того, очень часто в силу склонности оперировать со словами и абстрактными идеями так, как если бы они были связующими реальностями, он строит из них цепочки и не смотрит за пределы этих построений, не вглядывается свободно в сущностные и тотальные факты нашего существования. Интеллектуальное утверждение является расчетом нашего интеллекта и подтверждением при помощи рассуждения видения вещей, уже предсуществующего в силу склада нашего разума или темперамента или некоторой тенденции нашей природы и тайно предопределяющего само рассуждение. Само по себе рассуждение может быть решающим только в том случае, если то восприятие вещей, на котором оно покоится, является одновременно истинным и целостным видением. То, что мы должны истинно и интегрально увидеть теперь — это природа и законность нашего сознания, происхождение и охват нашей ментальности; ведь только тогда сможем мы постигнуть истину нашего бытия и нашей природы и истину мирового бытия и мировой природы. В таком исследовании нашим принципом должно быть знание и видение; диалектический интеллект следует использовать лишь настолько, насколько он помогает прояснить наше представление и оправдать наше выражение видения и знания, но ему не следует позволять управлять нашими представлениями и отбрасывать ту истину, которая не вписывается в твердую конструкцию его логики. Иллюзия, знание и неведение являются выражениями или результатами нашего сознания, и только вглядываясь глубоко в наше сознание, можем мы открыть и определить характер и связи Знания и Неведения или Иллюзии, если она существует, и Реальности. Несомненно, Бытие является фундаментальным объектом исследования, исследования вещей в себе и вещей в их природе; но только через сознание можем мы приблизиться к Бытию. Или если утверждается, что мы можем достичь Бытия, вступить в Реальность только через угасание или превосхождение сознания или через само-превосхождение и само-трансформацию, потому что Бытие сверхсознательно, то все же именно через сознание должны мы узнать эту необходимость и процесс или мощь осуществления этого угасания или этого само-превосхождения, этой трансформации: следовательно, познание через сознание Сверхсознательной Истины становится верховной потребностью,

и обнаружение мощи и процесса сознания, благодаря которым оно переходит в сверхсознание, становится верховным открытием.

Но в нас самих сознание идентифицируется с Разумом; в любом случае, Разум оказывается настолько доминирующим фактором нашего бытия, что исследование его фундаментальных движений становится первой необходимостью. Однако, на самом деле, Разум — это еще не все, что у нас есть; у нас есть также жизнь и тело, подсознательные и несознательные; имеется и духовная сущность, чье происхождение и тайная истина переносят нас в оккультное внутреннее сознание и сверхсознание. Если Разум был бы всем, либо если природа изначального Сознания в вещах была бы природой Разума, тогда Иллюзия или Неведение определенно могли бы считаться источником нашего естественного существования: ведь ограничение знания и помрачение знания природой Разума порождает ошибку и иллюзию, иллюзии, порождаемые действием Разума, находятся среди первых фактов нашего сознания. Поэтому можно было бы предположительно заключить, что Разум является цементирующим основанием Неведения, что вынуждает нас создавать или представлять себе ложный мир, являющийся ничуть не большим, чем субъективным построением сознания. Либо Разум мог бы предстать почвой, в которую некоторая первоначальная Иллюзия или Неведение, Майя или Авидья заронила зерно ложной недолговечной вселенной; все же Разум был бы матерью, — “бесплодной матерью”, поскольку ребенок не настоящий, — и Майя или Авидья уподобилась бы бабушке вселенной; ведь сам Разум явился бы производством или воспроизводством Майи. Но тогда трудно проследить родословную этого темного и загадочного происхождения; ведь тогда мы должны наложить космическое воображение или сознание иллюзии на вечную Реальность; сама Реальность Брахмана должна быть или иметь или поддерживать конструирующий Разум или некоторое конструктивное, большее чем Разум, но аналогичной природы, должна в своей деятельности или со своей санкции создавать собственные иллюзии и ошибки, и возможно, даже разделять участь жертвы. Возникает не меньшее недоумение, если Разум является просто средой или зеркалом, на которое падает отражение изначальной иллюзии или ложный образ или тень Реальности. Ведь станет необъяснимым происхождение как среды отражения, так и ложного образа, брошенного на нее. Неопределимый Брахман может быть отражен только как нечто неопределимое, не как многогранная вселенная. Или если отражающая среда в чем-то неадекватна, по своей природе подобна ряби на воде, искажающей образы Реальности, то все же там отражаются образы Истины, а не множественность ложных имен и образов вещей, не имеющих источника или базиса существования в Реальности. Должна существовать некоторая многогранная истина одной Реальности, которая отражается, как бы ложно или несовершенно, в многогранных образах вселенной разума. Очень даже может быть, что мир реален, и только конструкции разума, связанные с миром, или картины мира, рисуемые разумом, ошибочны или несовершенно. Но это означает, что существует Знание, отличное от нашего ментального мышления и постижения, которое является только попыткой познать, существует истинное постижение, осознающее Реальность и истину реальной вселенной.

Ибо если бы мы обнаружили, что существует только высочайшая Реальность и невежественный Разум, то не могли бы иметь другого выбора, кроме как допустить неведение как изначальную мощь Брахмана и принять Авидью или Майю в качестве источника всех вещей. Майя стала бы мощью само-заблуждения само-осознающего Брахмана, или скорее мощью вводить в заблуждение нечто, что кажется Брахманом, нечто созданное Майей; Разум стал бы невежественным сознанием души, существующим только как часть Майи. Майя стала бы мощью Брахмана порождать иллюзии, но зная при этом их как иллюзии, а Разум стал бы ее мощью воспринимать эти иллюзии, забывая при этом, что они всего лишь иллюзии. Но если Брахман всегда и сущностно един в само-осознании, тогда этот трюк становится невозможным. Если Брахман мог бы поделить себя подобным образом, одновременно зная и не зная, или одной частью зная, а другой не зная, или даже если он мог поместить некоторую часть себя в Майю, тогда Брахман должен быть способным на двойное, — или многократное, — действие сознания, одно — сознание Реальности, другое — сознание иллюзии, или одно — невежественное сознание и другое — сверхсознание. Эта дуальность или многократность кажется, на первый взгляд, логической невозможностью, и все же она может удержаться в этой гипотезе как решающий факт существования, духовная мистерия, супрациональный парадокс. Но раз уж мы допустили происхождение вещей как супрациональную мистирию, то равным образом или предпочтительнее можно принять другой кардинальный факт — факт Одного, становящегося или являющегося всегда многим, и множества, становящегося или являющегося Одним; на первый взгляд это также диалектически невозможно, кажется супрациональным парадоксом, и все же представляется нам вечным фактом и законом существования. Но если это принять, тогда отпадет необходимость вмешательства иллюзорной Майи. Или равным образом можно принять, как мы это уже сделали, представление о Бесконечном и Вечном, обладающего способностью, при помощи бесконечной мощи своего сознания, проявлять бездонную и неограниченную Истину своего бытия во множестве аспектов и процессов, в неисчислимых выразительных формах и движениях; эти аспекты, процессы, формы движения могли бы считаться настоящими выражениями, реальными следствиями бесконечной Реальности; тогда даже Несознание и Неведение могут быть приняты среди прочего как обратные аспекты, мощности инволюционного сознания и само-ограниченного знания, привнесенного вперед в силу необходимости определенного движения во

Времени, движения инволюции и эволюции Реальности. Это тотальное представление, даже если и супрациональное в своей основе, все же не является всецело парадоксом; оно только требует изменения, расширения наших представлений о Бесконечном.

Но если мы ограничимся только Разумом или только мощью неведения, присущей Разуму, тогда настоящий мир не может быть познан, и невозможно выдвинуть и проверить ни одну из этих возможностей. Но разум обладает также мощью истины; он открыт в своем мышлении Видье, как и Авидье, и если стартовой его точкой является Неведение, если он движется извилистым путем ошибок, то все же его целью предстоит Знание: ему присущ импульс поиска истины, присуща мощь, — даже если вторичная и ограниченная, — нахождения истины и творения истины. Даже если разум может показать нам только образы или представления или абстрактные выражения истины, то все же это на свой лад является отражением истины или образованием истины, и реальности, формами которых они являются, присутствуют в более твердой истине в некоторых глубинах или на высочайших уровнях мощности нашего сознания. Материя и Жизнь могут быть формами реальностей, о которых разум имеет весьма неполное представление; Дух может обладать тайными небесными реальностями, по отношению к которым Разум предстоит только частичным и недоразвитым получателем, описателем и передатчиком. Значит, только при исследовании других супраментальных и инфраментальных, как и высших и глубочайших ментальных мощностей сознания можем мы достичь целостной реальности. И в конечном итоге все зависит от истины верховного Сознания — или Сверхсознания — принадлежащего высочайшей Реальности и от связи с ним Разума, Сверхразума, Инфра-Разума и Несознания.

На самом деле, все изменяется, когда мы проникаем в низшие и высшие глубины сознания и объединяем их в одной вездесущей Реальности. Если мы возьмем факты нашего бытия и мирового бытия, то обнаружим, что существование всегда едино, — единство управляет даже крайней множественностью; но множественность также нестираема с лица вещей. Мы обнаружили, что единство преследует нас повсюду: даже, опускаясь вниз, мы не находим связывающего дуализма; противоречия и противопоставления, создаваемые интеллектом, существуют только как аспекты изначальной Истины; тождественность и множественность предстают полюсами одной и той же Реальности; дуальности, тревожащие наше сознание, являются контрастирующими истинами одной и той же Истины бытия. Вся множественность разрешается в многогранности одного Бытия, одного Сознания Бытия, одного Восторга Бытия. Так, рассматривая дуализм боли и удовольствия, мы видели, что боль — это противоположный эффект одного восторга существования, проистекающий из слабости воспринимающего, его неспособности ассимилировать силу, с которой он встречается, его неспособности перенести касание восторга, который иначе чувствовался бы при этом прикосновении; это превратная реакция Сознания на Ананду, не фундаментальное противостояние Ананде: на это указывает тот существенный факт, что боль может переходить в удовольствие и удовольствие — в боль, и оба они растворяются в изначальной Ананде. Точно также каждая форма слабости является на самом деле какой-то частной работой одной божественной Воли-Силы или одной Космической Энергии; слабость в этой Силе означает мощь держаться позади, вымерять, связывать особым образом действие Силы; неспособность или слабость — это воздерживание “я” от полной силы или недостаточная реакция Силы, а не фундаментальная противоположность. Если это так, тогда может быть, и должно быть в природе вещей, что то, что мы называем Неведением на самом деле является ничем иным, как мощью одного божественного Знания_воли или Майи; это способность Одного Сознания аналогичным образом регулировать, удерживать позади, отмерять, связывать особым образом действие Знания. Тогда Знание и Неведение будут не двумя непримиримыми принципами, один из которых созидает мировое существование, тогда как другой не согласен с этим и разрушает его, а двумя со-существующими мощностями, одновременно присутствующими в самой вселенной, по-разному оперирующими, но едиными по сущности и способности в естественной трансмутации переходить друг в друга. Но в фундаментальных взаимоотношениях Неведение не будет равноправным со-существующим, оно будет зависеть от Знания, являться ограничением или противоположным действием Знания.

Чтобы познавать, мы должны всегда растворять жесткие конструкции невежественного и самовольного интеллекта и смотреть гибко и свободно на факты существования. Фундаментальным фактом является сознание, что есть мощь, и мы в действительности видим, что эта мощь может работать тремя способами. Сначала мы находим, что существует сознание позади всего, охватывающее все, внутри всего, сознание, которое вечно, универсально, абсолютно осознает себя будь то в единстве или во множественности, либо и в том и другом одновременно или за пределами того и другого в своем крайнем абсолюте. Это великолепие верховного божественного само-знания; это также великолепие божественного все-знания. Затем, на другом полюсе вещей мы видим это сознание, пребывающее в видимой противоположности самому себе, и наиболее крайняя антиномия достигает своей кульминации в том, что кажется нам полным незнанием о себе, действенным, динамичным, созидательным Несознанием, хотя мы знаем, что это просто поверхностная видимость и что божественное Знание работает с суверенной гарантией и надежностью внутри операций Несознательного. Между этими двумя крайностями и как промежуточное выражение мы видим Сознание, работающее с частичным, ограниченным само-осознанием, которое равным образом поверхностно, ведь за ним стоит и через него действует божественное Все-Знание. Сознание промежуточного статуса кажется

компромиссом между двумя противоположностями, между верховным Сознанием и Незнанием, но при более широком взгляде может оказаться скорее неполным появлением Знания на поверхности. Этот компромисс или несовершенное появление мы называем Неведением, с нашей собственной точки зрения, поскольку неведение является нашим собственным характерным путем само-удерживания души от полного само-знания. Происхождение этих трех положений мощности сознания и их точная связь составляет то, что мы должны по возможности открыть.

Если бы мы открыли, что неведение и Знание являются двумя независимыми мощностями Сознания, тогда нам следовало бы продвинуть их различие до высочайшей точки Сознания, где они исчезли бы только в Абсолюте, из которого они были испущены вместе². Тогда можно было бы заключить, что настоящее знание состоит только в истине сверхсознательного Абсолюта и что истина космоса, истина нас самих в космосе является в лучшем случае частичным рисунком, отягощенным сопутствующим присутствием, окруженным полумраком, падающей тенью Неведения. Тогда даже могло бы быть, что в корне космического существования стоят абсолютное Знание, утверждающее истину, гармонию, порядок, и абсолютное Неведение, дающее основание игре фантазии, дисгармонии и беспорядка, непреклонно поддерживающее свою крайность фальши, неправильности и страдания, что в корне заложено Манихейский двойной принцип конфликтующих и смешанных вместе света и тьмы, добра и зла. Стала бы логичной идея некоторых мыслителей о существовании абсолютного добра, но также и абсолютного зла, оба из которых приближают к Абсолюту. Но если мы находим, что Знание и Неведение являются светом и тенью одного и того же сознания, что начало неведения находится в ограничении Знания, что именно ограничение открывает дверь подчиненной возможности иллюзии и ошибки, что эта возможность становится полновесной после целенаправленного погружения Знания в материальное Несознание, но что и Знание также всплывает с появлением Сознания из Несознания, тогда мы можем быть уверенными в том, что эта полнота Неведения в ходе собственной эволюции обращается в ограниченное Знание и может с полным основанием надеяться, что будет устранено само ограничение, и станет видимой полная истина вещей, космическая Истина, освободившаяся от космического Неведения. На самом деле происходит то, что Неведение ищет и подготавливает себя к трансформации путем постепенного озарения тьмы Знанием, уже сокрытым в нем; космическая истина, проявленная в своей настоящей сущности и образе в ходе этой трансформации раскроет себя в качестве сущности и образа верховной вездесущной Реальности. Мы стартовали именно с этого толкования существования, но чтобы его проверить, нам нужно проследить структуру нашего поверхностного сознания и его связей с тем, что внутри него, над ним и ниже него; только так мы сможем распознать природу и охват Неведения. При этом вскроется также природа и охват того, что Неведение ограничивает и деформирует, то есть Знания, — являющегося в тотальности духовного существа само-знанием и миро-знанием.

² В Упанишадах о Видье и Авидье говорится как о вечных в верховном Брахмане; но это может быть принято в смысле сознания множественности и сознания Тождества, которые благодаря со-существованию в верховном само-осознании стали базисом Манифестации; они были бы двумя сторонами вечного само-знания.

Глава VIII

ПАМЯТЬ, САМО-ОСОЗНАНИЕ И НЕВЕДЕНИЕ

Некоторые говорят о само-природе вещей, другие утверждают, что это Время.

Шветашватара Упанишада (VI.1)

Есть две формы Брахмана, Время и Безвременное.

Майтри Упанишада (VI.15)

Была рождена Ночь, а из Ночи — текущий океан бытия, и на океане было рождено Время, которому подчиняется каждое видимое творение.

Риг Веда (X.190.1,2)

*Память есть нечто большее: без памяти человек не мог бы думать и познавать что-либо...
Насколько простирается Память, таковы и диапазоны воли.*

Чхандогья Упанишада (VII.13.1,2)

Именно он — видящий, осязающий, слышащий, обоняющий, пробующий на вкус, понимающий, действующий в нас, сознательное существо, “я” знания.

Прашна Упанишада (IV.9)

При любом обзоре дуального характера нашего сознания нам следует сначала взглянуть на Неведение — ведь нашим обычным состоянием является Неведение, сияющее обратиться в Знание. Для начала необходимо рассмотреть некоторые из существенных движений этого частичного осознания “я” и вещей, которое работает в нас как посредник между полным само-знанием и все-знанием и полным Несознанием, и начав с этого, следует найти его связь с большим Сознанием, лежащим ниже нашей поверхности. В ряде философских направлений особый упор делался на действие памяти; даже говорилось, что Память и есть человек — именно память составляет нашу личность и цементирует основание нашего психологического существа; ведь она соединяет вместе наши переживания и связывает их с одной и той же индивидуальной сущностью. Эта идея основывается на нашем существовании в последовательности Времени и принимает сам процесс в качестве ключа к сущностной Истине, даже когда целостное существование не рассматривается как некий процесс или серия причин и следствий при развитии некоторого вида само-регулирующей Энергии, как Карма. Но процесс отражает всего лишь простую практичность; это обычное принятие определенных действенных связей, которые могли бы быть устроены иначе в бесконечной возможности вещей, ради выработки определенных последствий, которые с равным успехом могли бы быть иными. Настоящая истина вещей заложена не в процессе, она находится позади него, в том, что определяет процесс, воздействует на него или управляет им; она находится не столько в самом воздействии, как в воздействующей Воле или Мощности, и не столько в Воле или Мощности, как в Сознании, динамической формой которого и является воля, и в Бытии, динамической ценностью которого предстает Мощност. Но память является только процессом сознания, некоторой полезностью; она не может быть субстанцией бытия или целым нашей личностью; она является просто одной из работ сознания, подобно тому как радиация является одной из работ Света. Именно “я” и есть человек; либо, если мы рассматриваем только наше обычное поверхностное существование, то Разум является человеком — ведь человек — это ментальное существо. Память — это только одна из многих мощностей и процессов Разума, которая в настоящее время является главным действием Сознания-Силы в наших обращениях с “я”, миром и природой.

Тем не менее, при рассмотрении природы Неведения, в котором мы пребываем, стоит начать с этого явления памяти; потому что это может дать ключ к определенным важным аспектам нашего космического существования. Мы видим, что разум применяет эту способность или процесс памяти двояко, как память “я”, память переживания. Сначала, радикально, разум применяет память к факту нашего сознательного бытия и связывает это со временем. Он говорит: “Я есть теперь, “я” был в прошлом, “я” буду поэтому в будущем, это одно и то же “я” во всех трех вечно плывущих делениях Времени”. Так он пытается дать себе отчет в том, что он ощущает фактом в терминах времени, но что он не познает или доказать его истинность, — факт вечности сознательного бытия. При помощи памяти Разум может знать себя только в прошлом, при помощи прямого само-осознания — только в текущий момент, и только при помощи расширения и вывода из этого само-осознания и из памяти, говорящей нам, что в течение некоторого

времени осознание было непрерывно существующим, может он представить себя в будущем. Протяженность прошлого и будущего разум не может зафиксировать; он может просмотреть прошлое только до пределов своей памяти и вывести из очевидности фактов жизни, которые он вокруг наблюдает, что сознательное существо уже было в те времена, которые он не может больше вспомнить. Он знает, что сознательное существо уже было в несмысленном состоянии младенца, с которым память утратила связь; а было ли сознательное существо до физического рождения, смертный разум вообще не может определить вследствие провала в памяти. О будущем разум вообще не знает ничего; о своем существовании в следующий момент он может иметь только внутреннюю уверенность, а любое предсказание на следующий момент может оказаться ошибкой, поскольку то, что он видел, было не более чем доминирующей вероятностью; и почти совсем ничего не может он сказать о том, явится ли физическое разложение концом сознательного бытия. Все же у разума есть это ощущение сохраняющейся непрерывности, что легко может перейти в убеждение в вечности.

Это убеждение может быть либо отражением в разуме нескончаемого прошлого, забытого им, но о котором нечто в нем сохранило бесформенное впечатление, или оно может быть тенью само-знания, пришедшего в разум с высшего или глубочайшего плана нашего бытия, где мы на самом деле осознаем наше вечное само-существование. Или, возможно, это убеждение могло бы быть галлюцинацией; точно также, как мы не можем почувствовать или представить себе факт смерти и можем жить только в ощущении непрерывного существования, то прекращение существования может представляться нам интеллектуальной концепцией, которой мы можем уверенно придерживаться, даже живо вообразить, но на самом деле никогда не можем осознать, потому что живем только в настоящем, и все же смерть, прекращение или прерывание по крайней мере нашей теперешней моды бытия — это факт, и ощущение или предвидение непрерывного существования в будущем в физическом теле выходит за пределы той точки, которую мы могли бы считать галлюцинацией, ложным расширением или неверным применением нашего теперешнего ментального впечатления о сознательном бытии — подобное могло бы быть и с ментальной идеей или впечатлением о сознательной вечности. Или это могло бы быть для нас ложным переводом восприятия настоящей вечности, сознательной или несознательной, но не такой, какой мы ее представляем, вечности вселенной или вечности нечто, что превосходит вселенную. Разум, схватывающий этот факт вечности, может ложно передать его нашему собственному сознательному существу, что может быть ничем не большим, как преходящим явлением того, что поистине вечно.

Наш поверхностный разум сам по себе не имеет средств решения этих вопросов; он может лишь без конца спекулировать по этому поводу и приходиться лишь к более или менее взвешенному мнению. Убежденность в нашем бессмертии есть только вера, убежденность в нашей смертности также есть только вера. Материалист не может доказать, что наше сознание прекращается со смертью тела; ведь на самом деле он может показать, что не существует убедительных доказательств тому, что нечто сознательное выживает после смерти, но равным образом в природе нет и не может быть доказательств тому, что наше сознательное “я” не переживает физическое растворение. Вслед за тем, выживание тела физической персональности может быть убедительным даже для скептика; но даже тогда будет установлено лишь то, что имеет место большая продолжительность, а не вечность сознательного существа.

В действительности, если мы взглянем на представление разума об этой вечности, то увидим, что оно заключается в непрерывной последовательности моментов вечного Времени. Поэтому вечно именно Время, а не непрерывно сиюминутное сознательное существо. Но, с другой стороны, ничто в разуме убедительно не показывает, что вечное Время на самом деле существует или что само время есть нечто большее, чем способ сознательного существа смотреть на непрерываемую продолжительность или, быть может, на вечность существования как на неделимый поток, который разум умозрительно измеряет последовательностями и одновременностями переживаний, единственно через которые это существование представлено ему. Если есть вечное Существование, являющееся сознательным бытием, то оно должно быть за пределами Времени, которое оно содержит, оно должно быть безвременным, как мы говорим; оно должно быть вечным Ведантой, которое, как мы можем предположить, использует Время только как понятийную перспективу для Его взгляда Его само-манифестации. Но безвременное само-познание Вечного лежит за пределами разума; это знание является супраментальным знанием, сверхсознательным для нас и достижимым нами только при успокоении или превосхождении временной деятельности нашего сознательного разума, когда мы входим в Молчание или переходим через Молчание в сознание вечности.

Из всего этого следует тот один замечательный факт, что самой природой нашего разума является Неведение; это не абсолютное незнание, а ограниченное и обусловленное знание существа, ограниченное представлениями настоящего, памятью прошлого, предположениями на будущее, и потому обусловленное временем и последовательным взглядом на себя и свои переживания. Если настоящее существование является временной вечностью, тогда у разума нет знания о настоящем бытии: ведь даже его прошлое похоронено под спудом забвения, за исключением того малого, что удержала память; разум не обладает будущим, которое скрыто от него великим пробелом неведения; он знает только свое настоящее, меняющееся от момента к моменту в бесплодной веренице имен, форм,

происходящего, в марше или потоке космического кинезиса, который слишком обширен для контроля или охвата. С другой стороны, если настоящее существование является вечностью, превосходящей время, тогда разум тем более ничего не ведаёт о нём; ведь он знает лишь то малое, что сам может от случая к случаю охватить фрагментарным переживанием своей поверхностной само-манифестации во Времени и Пространстве.

Следовательно, если разум — это все, что у нас есть, или если видимый разум является показателем природы нашего существа, тогда мы никогда не можем стать нечто большим, чем Неведением, быстро проносящимся сквозь Время и схватывающим знание наиболее скудным и фрагментарным образом. Но если существует мощь самознания за пределами разума, мощь, безвременная по своей сущности, мощь, которая может смотреть на Время, возможно в одном все-связующем взгляде на прошлое, настоящее и будущее, но в любом случае как на некое обстоятельство своего собственного безвременного бытия, тогда мы имеем две мощности сознания, Знание и Неведение, Ведантическую Видью и Авидью. Тогда эти две мощности должны быть либо различными и несвязанными мощностями, по отдельности рожденными, как и несходными по своему действию, отдельно само-существующими в вечном дуализме, либо же, если существует между ними связь, то должно быть так, что сознание как Знание знает свое собственное безвременное “я” и видит Время внутри себя, тогда как сознание как Неведение является частичным и поверхностным действием того же самого Знания, которое скорее видит себя во Времени, вуалирует себя в своем собственном представлении о временном бытии, и может вернуться к вечному само-знанию только с устранением этой вуали.

Ведь будет иррациональным предположить, что сверхсознательное Знание настолько отчуждено и отделено, что неспособно знать Время и Пространство и Причинность и их работы; ведь тогда оно было бы только другой разновидностью неведения, слепотой абсолютного бытия, соотносящейся со слепотой временного бытия как позитивный и негативный полюса сознательного существования, которое неспособно познать себя, а либо знает только себя и не знает своих работ, либо знает только свои работы и не знает себя, — абсурдно симметричная равнозначность взаимного отвержения. С более широкой точки зрения, точки зрения древней Веданты мы должны представлять себя не как дуальные существа, а как одно сознательное существование с двойной фазой сознания: одно из них сознательно или частично сознательно в нашем разуме, а другое сверхсознательно по отношению к разуму; одно, знание, помещенное во Время, работает при своих условиях, и с этой целью помещает свое само-знание позади себя, а другое, безвременное, вырабатывает со знанием и мастерством свои собственные само-определенные условия Времени; одно познает себя только при помощи роста во Временном переживании, а другое знает свое безвременное “я” и сознательно проявляет себя во Временном переживании.

Теперь мы начинаем понимать, что подразумевали Упанишады, когда говорили о Брахмане как о Знании, так и Неведении и одновременном познании Брахмана в этих двух качествах как о пути к бессмертию. Знание есть внутренне присущая мощь сознания безвременного, беспространственного, необусловленного “я”, которое показывает себя в своей сущности как единство бытия; именно это сознание является единственно реальным и полным знанием, поскольку это вечная трансцендентность, которая не только само-осознает, но и держит в себе, проявляет, зачинает, определяет, знает временно вечные последовательности вселенной. Неведение есть сознание бытия в последовательностях Времени, поделенное в своем знании пребыванием в данный конкретный момент, поделенное в своем понимании само-бытия пребыванием в делениях Пространства и связях обстоятельств, само-заключенное во множественной работе единства. Оно называется Неведением, поскольку поместило позади себя знание единства, и из-за самого этого факта не способно верно или полностью познавать ни себя или мир, ни трансцендентную или вселенскую реальность. Живя внутри Неведения, от момента к моменту, от поля к полю, от связи к связи, сознательная душа сбивается ошибками фрагментарного знания (* “Живя и двигаясь внутри Неведения... они все ходили и ходили кругами, спотыкаясь и ушибаясь, люди введены в заблуждение, как слепцы, ведомые слепыми.” — Мундака Упанишад. I.2.8.). Это не незнание, а взгляд и переживание реальности, частично истинное и частично ложное, каким и должно быть всякое знание, которое игнорирует сущность и видит только преходящие части явления. С другой стороны, замыкание в лишенном черт сознании единства, не ведающем о проявляющемся Брахмане, также описывается как слепая темнота. Поистинне, ни то, ни другое не является в точности тьмою, но одно ослеплено концентрированным Светом, а другое — иллюзорными пропорциями вещей, видимых в сумеречном, туманном и неровном свете, это полу-туман, полу-видение. Божественное сознание не заперто ни в том, ни в другом, а поддерживает неизменное Одно и изменчивое Множество в одном вечном все-связующем, все-объединяющем само-знании.

Память разделяющего сознания — это костыль, на который опирается разум, когда он беспомощно спотыкается, принуждаемый безостановочно двигаться в стремительном потоке Времени. Память — это убогая замена прямого интегрального сознания “я” и прямого интегрального или глобального восприятия вещей. Разум может иметь прямое сознание “я” только в текущий момент бытия; он может иметь только полу-прямое восприятие вещей, какими они ему назначены в текущий момент времени и непосредственном поле пространства и насколько они охватываемы чувствами. Он восполняет свои недостатки памятью, воображением, мышлением, различного рода символическими идеями. Его чувства — это устройства, с помощью которых он опирается на видимость вещей в текущий

момент и непосредственно близком пространстве; память, воображение, мышление — это устройства, при помощи которых он представляет себе, еще менее прямо, видимость вещей за пределами текущего момента и непосредственного пространства. Одна вещь, не являющаяся приспособлением, это его прямое само-сознание в текущий момент. Поэтому именно на это само-сознание может он опираться как на факт вечного бытия, на реальность; тогда возникает искушение смотреть на все остальное как на попросту явление, возможно, как на ошибку, невежество, иллюзию, потому что они более не кажутся ему прямо реальными. Так Иллюзионист рассматривает их; единственная вещь, которой он придерживается как по-настоящему реальной, это вечное “я”, лежащее позади прямого текущего само-сознания разума. Либо же, подобно Буддистам, можно считать даже это вечное “я” иллюзией, представлением, субъективным образом, простым воображением или ложным ощущением и ложной идеей бытия. Тогда с точки зрения разума он сам становится фантастическим волшебником, причем он сам и его работы становятся одновременно существующими и не-существующими, сохраняющейся реальностью и все же скоротечной ошибкой, которую он объясняет или не объясняет, но в любом случае определенно должен покончить с собой и своими работами, так чтобы он смог успокоиться, раствориться в безвременном покое Вечного, уйти от тщетного представления видимостей.

Но, поистине, наше резкое разграничение на “внутри” и “снаружи”, теперешнее и прошлое само-сознание — трюки ограниченного нестабильного действия разума. За разумом находится стабильное сознание, использующее его в качестве собственной поверхности, сознание, в котором нет связывающего понятийного деления на “я” в настоящем и “я” в прошлом и будущем; и все же это сознание знает себя во Времени, в настоящем, прошлом и будущем, но одновременно, в неделимом взгляде, который охватывает все подвижные выражения Временного-я и держит их на основании подвижного безвременного я. Мы начинаем осознавать это сознание, когда отходим назад от разума и его активностей, или когда те замолкают. Но сначала мы видим этот недвижимый статус, и если мы рассматриваем только неподвижность “я”, то можем сказать, что оно не только безвременно, но и бездейственно, без движения идеи, мысли, воображения, памяти, воли, что оно само-достаточно, само-поглощено и поэтому предстает пустыней всякого действия вселенной. Тогда только то становится реальным для нас, а все остальное — тщетным символизмом в не-существующих формах, — или формах, не соответствующих чему-то по-настоящему существующему, — и потому грезой. Но это само-поглощение является только некоторым актом и результирующим состоянием нашего сознания, точно также, как и само-рассеивание в мышлении и памяти и воле. Настоящее “я” — это вечное, с очевидностью способное как на подвижность во Времени, так и на неподвижность, основывающую Время, — одновременно, иначе они не могли бы оба существовать; а также одно не может существовать, тогда как другое создает видимости. Это верховная Душа, “я” и Существо¹ Гиты, подразумевающее как недвижимое, так и подвижное бытие в качестве “я” и господящего всего сущего. К этому мы приходим, рассматривая разум и память в их отношении, главным образом, к первичному явлению ментального само-сознания во Времени. Но если мы рассмотрим их также по отношению к само-переживанию и переживанию других, то придем к тому же результату с более богатым содержимым и еще более ясным светом на природу Неведения. Теперь давайте подытожим то, что мы увидели — вечное сознательное существо, которое поддерживает мобильное действие разума на стабильном недвижимом само-сознании, свободном от действия Времени и которое со знанием, верховным по отношению к разуму охватывает все движение Времени, пребывает действием разума в этом движении. Как поверхностная ментальная сущность, движущаяся от момента к моменту, не наблюдающая его сущностное “я”, а видящая только его связь с его переживанием движения Времени, удерживающая от себя будущее в том, что кажется пробелом Неведения и не-существования, но является нереализованной полнотой, схватывая знание и переживание существа в настоящем, прячущая его в прошлом, что опять же кажется пробелом Неведения и не-существования, частично сброшенным, частично сохраненным в памяти, это сознательное существо накладывает аспект вещи быстротекущей и сомнительной, охватываемой без стабильности, на вещи быстротекущие и сомнительные. Но на самом деле мы обнаруживаем, что это сознательное существо всегда остается одним и тем же Вечным, навечно стабильным и само-обладающим в Его супраментальном знании и что то, что он охватывает, также навечно устойчиво и вечно; ведь именно самого себя он ментально переживает в последовательности Времени.

Время — это величайший банк сознательного существования, обращенный в ценности переживания и действия: поверхностное ментальное существо черпает из прошлого (и будущего тоже) и непрерывно впечатывает это в настоящее; оно подпитывает и запасает приобретения, собранные в том, что мы называем прошлым, не подозревая, насколько вечно-присутственно прошлое в нас; оно использует его, насколько это требуется, как монету знания и реализованного бытия и разменивает ее на монету ментального, витального и физического действия в коммерции текущего, что на его взгляд создает новое благосостояние будущего. Неведение есть такое использование само-знания Бытия, которое делает его ценным для переживания во Времени и законным для Временной деятельности; то, что мы не знаем, это то, что мы пока еще не вобрали, не впитали и не использовали в нашем ментальном переживании или прекратили впечатывать или использовать. “Позади” все известно и все готово для использования

¹ Пара пуруша, параматман, парабрахман.

в соответствии с волей Я в его обращениях со временем и Пространством и Причинностью. Почти можно было бы сказать, что наше поверхностное существо — это только находящееся более глубоко вечное “я” в нас, выбросившее себя как искатель приключений во времени, игрок и манипулятор бесконечными возможностями, ограничивающий себя последовательностью моментов, так чтобы он мог изведать все сюрпризы и испытать восторг приключения, удерживая позади свое само-знание и полное само-бытие, так что он мог бы отыграть то, что кажется ему потерянным, завоевать всего себя через пестрое разнообразие радости и боли вечных страстей и поисков и приключений.

Глава IX

ПАМЯТЬ, ЭГО И САМО-ПЕРЕЖИВАНИЕ

Здесь этот Бог, Разум, снова и снова в своей грезе переживает то, что уже было пережито, что было видимо и что не было видно, что было слышано и что не было слышано; то, что было пережито и то, что не было пережито, что есть и чего нет, все он видит, он есть все и видит.

Прашна Упанишада (IV.5)

Пребывание в нашем истинном существе есть освобождение; ощущение эго есть выпадение из истины нашего бытия.

Махопанишада (V.2)

Один во многих рождениях, единственный океан, поддерживатель всех потоков движений, видит наши сердца.

Риг Веда (X.5.1)

Прямое само-сознание ментального существа, при помощи которого оно начинает осознавать свое собственное безвременное и бесформенное существование за течением разнообразного само-переживания, осознавать свою вечную субстанцию души за ментальными образованиями той субстанции, осознавать свое “я” позади эго, уходит за ментальность к безвременности вечного настоящего; это то в нем, что навсегда одно и то же и не подвержено ментальному разграничению на прошлое, настоящее и будущее. Это прямое само-сознание также не подвержено разграничениям пространства или обстоятельства; ведь если ментальное существо обычно говорит о себе: “я в теле, “я” здесь, “я” там, “я” буду где-то еще”, все же когда оно учится фиксировать себя в этом прямом само-сознании, то очень скоро воспринимает, что это язык его меняющегося само-переживания, который только выражает связи его поверхностного сознания с окружением и внешностью. Распознав это, открепив себя от этого, ментальное существо начинает воспринимать, что “я”, которое оно непосредственно сознает, ни в коей мере не меняется при этих внешних изменениях, что оно всегда одно и то же, не подвержено мутациям тела или ментальности или того поля, в котором все это движется и действует. Это “я” по своей сути не имеет черт, связей, какого-либо характера, отличного от чистого сознательного существования, само-достаточного и вечно удовлетворенного чистым бытием, само-блаженного. Так мы начинаем осознавать стабильное “я”, вечный “Ом” или неизменное “Есмь” без любого разряда персональности или Времени.

Но это сознание “я”, как оно безвременно, так и способно также свободно рассматривать Время как вещь, отраженную в нем и как либо причину, либо субъективное поле меняющегося опыта. Тогда именно на поверхности “Я Есмь”, неменяющегося сознания встречаются изменения в ходе Времени. Поверхностное сознание постоянно что-то добавляет или отвергает из своего переживания, и при каждом добавлении или отвержении оно модифицируется; хотя то более глубокое “я”, поддерживающее и содержащее все мутации, остается неизменным, но внешнее поверхностное “я” постоянно развивает свое переживание, так что оно никогда не может категорически о себе сказать: “Я такое же, как и мгновение назад”. Те люди, что живут в этом поверхностном Временном “я” и не имеют привычки или навыка внутренне отходить к неизменному я или не имеют способности пребывать в нем, не могут даже помыслить о себе как о чем-то отдельном от этого всегда само-модифицирующегося ментального опыта. Для них это является их “я”, и если они открепленно взглянут на происходящее, то им легко согласиться с выводом Буддистских Нигилистов, что это “я” на самом деле является ничем не большим, как потоком идеи и переживания и ментального действия, негаснущим пламенем, которое все же никогда не остается одним и тем же, и заключить, что нет такой вещи, как настоящее “я”, а есть только поток переживаний, за которым стоит Ничто: есть переживание знания без Познающего, переживание бытия без Существующего; есть просто набор элементов, частей потока без настоящего целого, которые комбинируются с порождением иллюзии Существующего и существования и переживания существования. Либо они могут заключить, что только Время по-настоящему существует, и что они сами -его порождения. Это заключение об иллюзорно существующем в реальном или нереальном мире неизбежно для такого рода отхода, как и противоположное заключение о реальном Существовании, но иллюзорном мире для мыслителя, который, пребывая в недвижимом я, обозревает все остальное как изменчивое не-я; обычно он приходит к тому, что считает последнее обманчивой уловкой сознания.

Но давайте немного посмотрим на это поверхностное сознание без теоретизирования, изучая его только в его фактах. Сначала мы видим его как чисто субъективное явление. Есть постоянное быстрое смещение Временной

точки, что невозможно приостановить хоть на мгновение. Есть постоянное изменение, даже когда нет смещения обстоятельств Пространства, изменение как в теле или форме, в которую непосредственно населяет сознание, так и окружающих тел или форм вещей, в которых оно менее непосредственно живет. Оно равным образом подвержено воздействию того и другого, хотя более живо, более непосредственно воздействию меньшего, чем большего вместилища; воздействию своего собственного тела в большей степени, чем воздействию тела мира, потому что оно непосредственно осознает изменение только собственного тела, и лишь косвенно, через чувства и воздействия макрокосма на микрокосм сознает оно изменение тела мира. Это изменение тела и окружающей обстановки не так настоятельно очевидно или не так очевидно быстро, как скоротечное изменение Времени; и все же оно равным образом реально происходит от одного момента времени к другому, и его равным образом невозможно задержать. Но мы видели, что ментальное существо лишь настолько считается с этим изменением, насколько оно воздействует на его собственное ментальное сознание, насколько оставляет след и вносит изменения в ментальный опыт и ментальное тело, потому что только через разум может оно осознавать свое меняющееся физическое пристанище и изменяющееся переживание мира. Поэтому подобно смещению или изменению Временной точки и Пространственного поля происходит постоянно модифицирующееся изменение суммы обстоятельств, переживаемых во Времени и Пространстве, и в результате происходит постоянная модификация ментальной личности, являющейся формой нашего поверхностного или видимого я. Все это изменение обстоятельств на философском языке называется причинностью; ведь в потоке космического сознания предшествующее состояние кажется причиной последующего состояния, либо это последующее состояние кажется результатом предшествовавшего действия мощностей, объектов или сил: все же на самом деле то, что мы называем причиной, очень даже может быть только обстоятельством. Таким образом, сверх и помимо своего прямого само-сознания, разум имеет более или менее не прямое изменчивое само-переживание, которое он делит на две части, свое субъективное переживание вечно изменчивых ментальных состояний личности и свое объективное переживание вечно меняющегося окружения, которое частично или полностью кажется причиной работ личности и одновременно подвержено влиянию этих работ. Но весь этот опыт в конечном итоге оказывается субъективным; ведь даже объективное и внешнее известно разуму в форме субъективных впечатлений.

Здесь роль Памяти значительно возрастает; ведь тогда как по отношению к прямому само-сознанию разума все то, что она может сделать — это напомнить ему, что оно существовало в прошлом и было таким же, как в настоящем, то в нашем дифференцированном или поверхностном само-переживании память становится важной мощью, связующей вместе прошлое и настоящее переживание, прошлую и настоящую личность, предотвращая наступление хаоса и разобщения и гарантируя непрерывность потока в поверхностном разуме. Все же даже здесь мы не должны преувеличивать назначение памяти или приписывать ей ту часть операций сознания, которая на самом деле принадлежит деятельности других мощностей-аспектов ментального существа. Не только одна память составляет ощущение эго; память — это только посредник между чувство-разумом и координирующим интеллектом: она поставляет интеллекту прошлые данные опыта, которые разум держит где-то внутри, но не может нести их с собой в своей поверхностной текучести от момента к моменту.

Небольшой анализ сделает это очевидным. В операциях ментальности задействованы четыре элемента: объект ментального сознания, акт ментального сознания, обстоятельства и субъект. В само-переживании само-наблюдающего внутреннего существа объектом всегда является некоторое состояние или движение или сознательного бытия, гнев, печаль или другая эмоция, голод или другая витальная страсть, импульс или внутренняя реакция жизни или некоторая форма ощущения, восприятия или мыслительной деятельности. Акт ментального сознания заключается в некоторого рода ментальном наблюдении и понятийной оценке это движения или волны или же его ментального ощущения, в которое наблюдение или оценка могут быть вовлечены или даже затеряться в нем, — так что в этом акте ментальная личность может либо отделить акт от объекта при помощи различающего восприятия, либо неразличимо смешать из вместе. Иными словами, ментальным индивид может либо просто стать движением, например, сознания гнева, может вовсе не стоять позади этой активности, не отражая или наблюдая себя, не контролируя чувство или сопутствующее действие, либо он может наблюдать, чем он становится, и отражать это с видением или восприятием в своем разуме: “Я в гнев”. В предыдущем случае субъект или ментальная личность, акт сознательного само-переживания и сущностный гнев, заполняющий разум и являющийся объектом само-переживания, вместе закручены в одну волну сознательной силы в движении; но в последнем случае есть определенный скорый анализ составляющих, и акт само-переживания частично открепляет себя от объекта. Таким образом, в этом акте частичного открепления мы способны не только переживать самих себя динамически в становлении, в процессе движения самой сознательной силы, но и стоять позади, воспринимать и наблюдать самих себя, и если открепленность достаточная, то и контролировать наши чувства и действия, контролировать до некоторой степени наше становление.

Однако, обычно присутствует некий дефект даже в этом акте само-наблюдения; ведь на самом деле есть частичная открепленность акта от объекта, но не ментальной личности от ментального акта: ментальная личность и ментальное действие включены друг в друга или вместе закручены; а также ментальная личность не достаточно

откреплена от эмоционального становления или отделена от него. “я” осознаю себя охваченным гневом, в этом состоянии становления сознательного вещества моего существа, и осознаю это в мысленном восприятии этого становления: но всякое мысленное восприятие также является становлением и не мной самим, и это “я” еще не достаточно осознаю; “я” отождествляю себя с ментальными активностями или вовлечен в них, не свободен или отделен от них. “я” еще не непосредственно осознаю себя, поодаль от моих становлений и моего восприятия их, поодаль от форм активного сознания, которые “я” присваиваю в волнах моря сознательной силы, которая является веществом моей ментальной и жизненной природы. И только когда “я” полностью открепляю ментальную личность от акта само-переживания, тогда “я” начинаю полностью осознавать сначала явное эго и, в конце, свидетельствующее “я” или мыслящую ментальную Личность, нечто или некто, кто охватывается гневом и наблюдает его, но не ограничен или определяем в своем бытии гневом или восприятием. Напротив, эта Личность являет постоянный фактор, осознающий неограниченную последовательность сознательных движений и сознательных переживаний движений и осознающий свое собственное бытие в той последовательности; но эта Личность может осознавать свое собственное бытие также позади этой последовательности, поддерживая ее, содержа ее, быть всегда одной и той же в факте бытия и силе бытия за пределами меняющихся форм или устройств его сознательной силы. Таким образом, эта Личность есть то “я”, что неизменно, но одновременно и вечно становится чем-то в последовательности Времени.

Очевидно, что на самом деле существует не два “я”, а одно сознательное существо, которое бросает себя в волны сознательной силы, так чтобы пережить себя в последовательности своих меняющихся движений, в ходе которых оно на самом деле не меняется, не увеличивается и не уменьшается, — изменяется ничуть не больше, чем изначальное вещество Материи или Энергии в материальном мире увеличивается или уменьшается в постоянно меняющихся комбинациях элементов, — хотя оно кажется меняющимся для переживающего сознания, пока то живет только в знании явления и не отходит к знанию изначального бытия, субстанции или Силы. Когда это сознательное существо в действительности отходит назад к более глубокому знанию, то оно не признает нереальными наблюдаемые явления, а воспринимает неизменное бытие, энергию или настоящую субстанцию не феноменальными, не подчиненными в себе чувствам; в то же время оно видит становления или реальные явления того бытия, энергии или субстанции. Это становление мы называем явлением, поскольку в действительности как те вещи, которые мы сейчас знаем, это становление проявляется сознанию при условиях чувственного восприятия и чувственной связи и не непосредственно самому сознанию в его чистом и необусловленном охвате и всесторонне охватывающем знании. Так же дело обстоит и с “я”, — оно неизменно для нашего прямого само-сознания; оно проявляет себя изменчиво в разнообразных становлениях для разума-чувства и ментального переживания, — поэтому, в том, как видятся нам сейчас вещи, это “я” проявляет себя не непосредственно чистому необусловленному знанию сознания, а опосредованно в условиях нашей ментальности.

Именно из-за последовательности переживаний и самого факта непрямого или вторичного действия переживающего сознания в условиях нашей ментальности требуется такое приспособление, как Память. Ведь первым условием нашей ментальности является деление на моменты Времени; ментальность не может никак иначе обрести опыт или удержать вместе свои переживания, кроме как при условиях этого само-деления на моменты Времени. В непосредственном ментальном переживании волны становления, сознательного движения бытия нет действия памяти или необходимости в ней; меня охватывает гнев, — это действие ощущения, а не памяти; “я” наблюдаю, как меня охватывает гнев, — это действие восприятия, а не памяти. Память приходит только тогда, когда я начинаю связывать свой опыт в последовательности Времени, когда “я” разделяю свое становление на прошлое, настоящее и будущее, когда “я” говорю: “я был в гневе мгновение назад” или “меня охватил гнев, и еще до сих пор “я” во гневе” или “я был в гневе и опять буду в гневе, если случится то же самое”. Память на самом деле может непосредственно и напрямую приходить в становление, если происшедшее движение сознания само является частично или целиком вещью прошедшего, — например, когда возвратилась эмоция, такая как печаль или страдание, вызванная памятью прошлого, а не чем-то происшедшем в настоящем или же вызванная чем-то непосредственно происшедшем в настоящем, но оживившем память прошлого случая. Так как мы не можем удержать прошлое в нас на поверхности сознания, — хотя оно всегда присутствует позади, внутри, сублиминально и даже часто активно, — поэтому мы должны восстанавливать его как нечто утраченное или более не существующее, и это мы делаем в том повторяющемся и связывающем действии мышления-разума, которое мы называем памятью, — точно также, как мы призываем вещи, не находящиеся внутри действительного поля нашего ограниченного поверхностного переживания разумом, при помощи того действия мыслящего разума, которое мы называем воображением, этой великой мощью в нас и высоким созывателем всех возможностей, реализуемых или нереализуемых в поле нашего неведения.

Память не является сущностью сохраняющегося или непрерывного переживания даже в последовательности Времени, и она вообще бы не требовалась, если наше сознание было бы одним неделимым движением, если бы ему не требовалось пробегать от одного момента времени к другому с потерей прямого охвата прошедшего и с полным неведением или не-обладанием следующим. Все переживание или субстанция становления во Времени — это текущий поток или море, поделенное не в себе, а только в наблюдающем сознании при ограниченном движении Неведе-

ния, которое должно скакать от момента к моменту подобно стремительным броскам стрекозы на поверхности потока: точно также вся субстанция бытия в Пространстве — это текущее море, поделенное не в себе, а только в наблюдающем сознании, потому что наша способность чувствования ограничена в своем охвате, может видеть только часть и поэтому вынуждена наблюдать формы субстанции так, как если бы они были отдельными вещами в себе, не зависящими от одной субстанции. На самом деле существует некое упорядочивание вещей в Пространстве и Времени, но не существует никакой пропасти или разделения, кроме как в нашем неведении, и именно для того, чтобы навести мосты через пропасть и соединить разделенное неведением Разума, мы призываем в помощь разнообразные устройства сознания разума, одним из которых и является память.

Следовательно, через меня проходит текущий поток мирового моря, гнев или печаль или любое другое внутреннее движение может встретиться как долго не спадающая волна непрерывного потока. Эта непрерывность не порождается силой памяти, хотя память может помочь продлить или повторить волну, которая сама по себе затеряется в потоке; волна просто возникает и продолжает свое существование как движение сознательной силы моего существа, как движение, переносимое вперед под действием своего собственного первоначального импульса возмущений. Память приходит, чтобы продлить возмущения путем возвращения думающего разума к случаю гнева или к ощущению разумом первого импульса гнева, благодаря чему память оправдывает себя в повторении возмущения; иначе возмущение растратило бы себя и могло вернуться лишь тогда, когда тот самый случай в действительности повторился бы. Естественная возвращаемость волны при тех же самых или аналогичных условиях, вызывающих то же самое возмущение, является в своем изолированном пришествии не более чем результатом памяти, хотя память может помочь укрепить ее и еще больше подчинить ей разум. Более того, существует та же связь повторного происшествия и повторяющегося результата и движения в более текучей энергии и более изменчивой субстанции разума, что и представленная механически в повторении того же следствия при той же причине в менее изменчивых изменчивых операциях энергии и субстанции материального мира. Мы можем сказать, если угодно, что существует подсознательная память во всей энергии Природы, которая неизменно воспроизводит ту же связь причины и следствия; но такое расширение вряд ли допустимо. На самом деле мы можем установить только закон повторяемости в действии волн сознательной силы, благодаря чему эта сила упорядочивает эти движения своей собственной субстанции. Собственно говоря, Память — это просто устройство, с помощью которого свидетельствующий Разум помогает себе связывать вместе эти движения и их пришествие и повторяемость в последовательностях Времени для переживания во Времени, для лучшего их использования при помощи все более и более координированной воли и для постоянно развивающейся их оценки при помощи все более и более корректирующего рассудка. Это является великим, непреложным, но не единственным фактором процесса, в котором Несознание, с которого мы стартуем, развивает полное само-знания, и в котором Неведение ментального существа развивает сознательное знание о себе в своем становлении. Это развитие продолжается до тех пор, пока координирующий разум знания и разум воли не становятся полностью способными возобладать над всем материалом само-переживания и использовать его. По крайней мере, таким видится процесс эволюции, управляющий развитием Разума из само-поглощенной и кажущейся неразумной энергии материального мира.

Эго-ощущение — это другое устройство ментального Неведения, при помощи которого ментальное существо начинает осознавать себя, — не только объекты, акты и случаи своей деятельности, но и то, что переживает все это. На первый взгляд может показаться, что эго-ощущение в действительности составлено памятью, ведь как будто бы память говорит нам: “я являюсь все тем же ‘я’, что было охвачено гневом некоторое время назад, и сейчас снова или все еще пребывает в гневе”. Но, в действительности, все, что память может сказать нам благодаря своей собственной силе, это то, что то же самое явление встретилось в том же поле сознательной деятельности. Произошел лишь повтор ментального явления, той волны становления в субстанции разума, которую разум-чувство непосредственно осознает; память приходит затем, чтобы связать эти повторы вместе и позволить разуму-чувству понять, что та же самая субстанция разума приняла ту же динамическую форму и что тот же разум-чувство переживает это. Эго-ощущение не является продуктом памяти и не строится памятью, оно уже и всегда существует как точка отсчета или нечто, в чем чувство-разум концентрирует себя, чтобы иметь координированный центр вместо того, чтобы несвязно размазываться по полю переживания; эго-память усиливает эту концентрацию и помогает поддерживать ее, но не основывает ее. Возможно, что в низших животных ощущение эго, ощущение индивидуальности не идет дальше чувственного источника или менее точного осознания непрерывности и тождества и отделенности от других в ходе Времени. Но в человеке к тому же присутствует координирующий разум знания, который, основываясь на объединенном действии чувство-разума и памяти, достигает отчетливой идеи, — сохраняя также при этом первое постоянное интуитивное восприятие, — идеи эго, которое ощущает, чувствует, вспоминает, думает, и которое остается одним и тем же, независимо от того, вспоминает ли оно или не вспоминает. Этот сознательный разум-субстанция всегда представляет одну и ту же сознательную персону, чувствующую, прекращающую чувствовать, вспоминающую, забывающую, полностью сознательную, погруженную в сон из поверхности сознания; эта персона одна и та же до организации памяти и после нее, в младенце и в вышедшем из ума старике, во сне и в бодрствовании, в

кажущемся сознании и кажущемся несознании; эта персона и никто другой делал что-то, о чем уже забыл, как и то, о чем он помнит; эта персона сохраняется той же самой за всеми изменениями ее становления. Это действие знания в человеке, этот координирующий интеллект, эта формулировка само-сознания и само-переживания выше эго-памяти и эго-ощущения животного и поэтому, можно предположить, ближе к настоящему само-знанию. Мы даже можем прийти к осознанию того, если изучим завуалированное, как и неперекрываемое действие Природы, что все то, что эго-ощущение и эго-память имеют позади себя, это на самом деле прагматическое приспособление тайной координирующей мощности или разума знания, присутствующего во вселенской сознательной силе, того вселенского разума, чьей явной формой предстает думающий разум человека, возникший в ходе нашей эволюции — но формой все еще ограниченной и несовершенной в ее модах действия и основывающего принципа. Даже в Несознательном присутствует подсознательное знание, больший внутренне присущий Разум вещей, который накладывает координацию, скажем, определенную рациональность, на наиболее безумные движения вселенского становления.

Вечность Памяти становится наглядной в хорошо наблюдаемых явлениях двойной личности или расщепления личности, когда у человека имеются два последовательных или альтернативных состояния разума, в каждом из которых он помнит и в совершенстве согласовывает лишь то, кем он был и что делал только в этом состоянии разума, а не в другом. Это может быть связано со систематической идеей различной персональности, ведь в одном состоянии человек думает, что является одной личностью, а в другом — совершенно другой личностью с другим именем, жизнью и чувствами. Здесь может показаться, что память составляет целостную субстанцию личности. Но, с другой стороны, мы должны увидеть, что это расщепление памяти происходит и без расщепления личности, как когда человек в состоянии гипноза вбирает в себя некий диапазон памяти и переживаний, которые чужды его пробужденному разуму, но при этом он не считает себя другой личностью, или как когда кто-то забывает свою прошлую жизнь и, возможно, даже свое имя, все еще не меняет свое эго-ощущение и свою личность. Возможно также такое состояние сознания, в котором хотя и нет провала в памяти, но все же после очень скорого развития целостное существо ощущает себя измененным в каждом пункте ментальности, и человек чувствует себя рожденным в новой личности, так что если бы не координирующий разум, то человек вообще бы не принял свое прошлое как принадлежащее той личности, которой он сейчас является, хотя он совершенно точно помнит, что все это происходило в той же форме тела и в том же поле разума-субстанции. Базисом является разум-чувство, а память — это нить, на которую нанизаны переживания разума: но эта координирующая способность разума, связывающая вместе весь материал, который составляет память, и все соединения прошлого, настоящего и будущего, связывает их также с “я”, остающимся тем же самым во все моменты Времени и несмотря на все изменения опыта и личности.

Эго-ощущение является только подготовительным приспособлением и первой основой для развития настоящего само-знания ментального существа. Развивающийся от несознания к само-знанию, от незнания “я” и вещей к знанию “я” и вещей, Разум таким путем приходит к осознанию всего своего поверхностно осознаваемого становления как связанного с “я”, которым он всегда является. Это “я” частично отождествляется с сознательным становлением, частично о нем думается как о нечто отличном от становления и являющемся верховным по отношению к становлению, чем-то даже, возможно, вечным и неизменным. В предельном случае, используя рассудок, различающий для того, чтобы согласовывать, разум может зафиксировать свои само-переживания только на становлении, на постоянно меняющемся “я” и отвергнуть идею о чем-либо другом как фикцию разума; тогда нет бытия, есть только становление. Либо разум может зафиксировать само-переживание на прямом сознании своего собственного вечного бытия и отвергнуть становление, даже когда он призывается осознать это, как фикцию разума и чувств или тщетность временного низшего существования.

Но, очевидно, что само-знание, основанное на разделяющем эго-ощущении, несовершенно и что никакое знание, базирующееся только на нем или первично на нем, не может быть надежным или гарантирующим полноту. Во-первых, это есть знание нашей поверхностной ментальной деятельности и ее переживаний, и по отношению ко всей большей остальной части нашего становления, содержащейся позади, это знание является Неведением. Во-вторых, это есть знание бытия и становления только в качестве ограниченных индивидуальным “я” и его переживаниями; для этого знания весь остальной мир является не-я, является, скажем, чем-то таким, что не осознается как часть собственного бытия, а сознается как некоторое внешнее существование, представленное отдельному сознанию. Это происходит вследствие того, что ментальное сознание не обладает прямым сознательным знанием об этом большем существовании и природе, таким знанием, каким индивид обладает о своем собственном бытии и становлении. Здесь также существует ограниченное знание, утверждающее себя позади обширного Неведения. В-третьих, истинная связь между бытием и становлением еще не выработана на основе совершенного само-знания; пока задействовано скорее Неведение, частичное знание. Как следствие, разум в своем стремлении к окончательному знанию через координирующую и разъединенную волю и рассудок пыгается на основе нашего теперешнего опыта и возможностей прийти к предельно четкому выводу, отрезающему одну сторону существования. Было установлено лишь то, что с одной стороны ментальное существо может абсорбироваться в прямом само-сознании до кажущегося исключения всего становления, и с другой стороны оно может абсорбироваться в становлении до кажущегося исключения всего

стабильного само-сознания. Обе стороны разума, разведенные до антагонизма, клеймят отвергнутое как нереальное или же как всего лишь игру сознательного разума; для той или другой стороны либо Божественное, “я”, либо мир лишь относительно реален, пока разум продолжает создавать их, мир как действительную грезу “я”, либо Бога и Я как ментальное построение или действительную галлюцинацию. истинная связь не охвачена, потому что эти две стороны существования всегда должны казаться разноречивыми и непримиримыми для нашего интеллекта, пока существует только частичное знание. Интегральное знание есть цель сознательной эволюции; четкий раздел знания, отрезающий одну сторону и оставляющий другую, не может быть целостной истиной “я” и вещей. Ведь если недвижимое Я было бы всем, тогда было бы невозможно мировое существование; если Природа была бы всем, тогда мог бы существовать цикл вселенского становления, но не могло бы быть духовного основания для эволюции Сознательного из Несознательного и для сохраняющегося стремления нашего частичного Сознания или Неведения к превышению себя и достижению целостной сознательной Истины своего бытия и интегрального сознательного знания всего Бытия.

Наше поверхностное существование является только поверхностью, и именно там расположено царство Неведения; чтобы знать, должны мы идти внутрь нас самих и смотреть с внутренним знанием. Все то, что сформулировано на поверхности, является малым и уменьшенным представлением нашего тайного большего существования. Недвижимое “я” в нас устанавливается лишь тогда, когда стихает внешняя ментальная и витальная деятельность; ведь поскольку оно расположено глубоко внутри и представлено на поверхности только благодаря интуитивному ощущению само-существования и неверно представлено ментальным, витальным, физическим эго-ощущением, то его истина должна переживаться в молчании разума. Но также и динамические части нашего поверхностного существа аналогично являются уменьшенными образами больших вещей, которые присутствуют в глубинах нашей тайной природы. Сама поверхностная память является фрагментарным и неэффективным действием, вытягивающим детали из внутренней сублиминальной памяти, которая воспринимает и записывает все наше мировое переживание, воспринимает и записывает даже то, что разум не заметил, не наблюдал или не понял. Наше поверхностное воображение сводится к отбору из более обширной, более содержательной и более действенной сублиминальной мощи сознания построения образов. Разум с неизмеримо более широкими и более тонкими восприятиями, жизненная энергия с большим динамизмом, тонко-физическая субстанция с большей и более тонкой восприимчивостью строят из себя нашу поверхностную эволюцию. За всеми этими оккультными действиями стоит психическая сущность, являющаяся истинной поддержкой нашей индивидуализации; эго предстает только внешней ложной заменой: ведь именно эта тайная душа поддерживает и удерживает вместе наше само-переживание и миро-переживание; ментальное, витальное, физическое, внешнее эго является внешним построением Природы. Только когда мы увидим как наше “я”, так и нашу природу как целое, в глубинах, как и на поверхности, только тогда сможем мы обрести настоящий базис знания.

Глава X

**ПОЗНАНИЕ ЧЕРЕЗ ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ И РАЗДЕЛЯЮЩЕЕ
ПОЗНАНИЕ**

Они видят “я” в “я” при помощи Я.

Гита(VI.2)

Где есть двойственность, там другой видит другого, другой слышит, касается, думает о другом, знает другого. Но когда один видит все в качестве “я”, посредством чего он знает это? Именно при помощи “я” один знает все сущее ... Все обманывает того, кто видит все иначе, нежели как в Я; ведь все здесь есть Брахман, все существа и все сущее есть это Я.

Брихадараньяка Упанишада (IV.5,15,7)

Само-Существующее прорвалось наружу сквозь двери чувств, поэтому вещи видятся внешне, и не во внутреннем существе. Мудрец, желающий познать бессмертие, обращает свой взор во внутрь, видит “я” лицом к лицу.

Катха Упанишада (II.1.1)

Не уничтожится видение зрящего, речь говорящего... слух слушающего... познание познающего, ибо они неразрушимы; но нет второго или кого-либо другого и отдельного от него самого, кого он мог бы видеть, с кем говорить, кого слушать, кого познавать.

Брихадараньяка Упанишада (IV.5,15,7)

Наше поверхностное постижение, наш ограниченный и узкий способ смотреть на наше “я”, на наши внутренние движения и на мир снаружи нас и его объекты и происходящее выводится из четырехкратного порядка знания. Изначальный и фундаментальный путь познания, родственный оккультному “я” в вещах, заключается в знании посредством тождества; вторым, выводимым путем является знание посредством прямого контакта, связанное своими корнями с тайным знанием посредством тождества или стартующее с него, но в действительности отделенное от своего источника и поэтому мощное, но неполное в своем постижении; третьим является знание посредством отделения от объекта наблюдения, но все еще с прямым контактом как своей поддержкой или даже частичным тождеством; четвертый путь заключается в полностью отделенном познании, опирающемся на машинерию непрямого контакта, в познании путем приобретения, которое является, без осознания этого, передачей или привнесением предсуществующего внутреннего осознания и знания. Знание посредством отождествления, знание посредством сокровенного прямого контакта, знание посредством отделенного прямого контакта, полностью отделенное знание посредством непрямого контакта составляют четыре метода постижения Природы.

Первый путь познания в его наичистейшей форме иллюстрируется в поверхностном разуме прямым осознанием только нашего собственного сущностного существования: в этом знании нет никакого другого содержимого, кроме чистого факта “я” и существа; ни о чем ином в мире наш поверхностный разум не имеет такого же рода осознания. Но в знание структуры и движений нашего субъективного сознания в действительности входят некоторые элементы осознания посредством тождества; ведь мы можем с определенным отождествлением спроецировать себя в эти движения. Уже отмечалось, как это может произойти в случае приступа ярости, который поглощает нас целиком, так что на мгновение наше сознание кажется волной гнева: другие страсти, любовь, печаль, радость имеют ту же мощь захватывать и занимать нас; мышление также поглощает и занимает, у мыслителя отсутствующий взгляд, он становится мыслью и мышлением. Но обычно происходит скорее двойное движение; некоторая часть нашего “я” становится мыслью или страстью, а другая часть либо сопровождает первую с некоторой приверженностью, либо близко ей следует и знает ее посредством сокровенного прямого контакта, которому недостает отождествления или полного само-забвения в движении.

Это отождествление возможно, возможно также это одновременное отделение и частичное отождествление, потому что эти вещи являются становлениями нашего существа, определителями вещества нашего разума и энергии нашего разума, вещества нашей жизни и энергии нашей жизни; но поскольку они составляют лишь малую часть нас, то мы не обязаны идентифицироваться с ними или быть ими занятыми, — мы можем открепить себя, отделить существо от временного становления, наблюдать его, контролировать его, санкционировать его манифестацию или препятствовать ей: на этом пути мы можем путем внутреннего открепления, ментальной или духовной отделенности,

частично или даже фундаментально освободить себя от контроля природы разума или витальной природы над существом и занять позицию свидетеля, знающего и правителя. Так мы имеем двойное знание субъективного движения: есть сокровенное знание, посредством отождествления, вещества и силы действия, знание более сокровенное, чем мы могли бы иметь посредством любого полностью отдельного и объективного знания, такого, какое мы имеем о вещах вне нас, тех вещах, что для нас являются всецело не-я; в то же время есть и знание посредством открепленного наблюдения, открепленного, но с мощью прямого контакта, которое освобождает нас от всепоглощенности энергией Природы и дает возможность связать это движение с остальным нашим существованием и существованием мира. Не будь у нас этого открепления, мы потеряли бы наше “я” существа и овладевающего знания в природе “я” становления и движения и действия и, хотя мы сокровенно знаем движение, но не знаем его полностью или преобладающе. Этого не происходило бы, если мы приносили бы в наше отождествление с движением наше тождество с остальным нашим субъективным существованием, — если, скажем, мы могли бы погрузиться полностью в волну становления и одновременно быть в самой поглощенности состоянием или актом ментального свидетеля, наблюдателя, контролера; но мы не можем с легкостью это делать, потому что живем в разделенном сознании, в котором наша витальная часть, — наша жизненная природа силы и желаний и страсти и действия, — стремится завладеть разумом или поглотить его, и разум должен избегать этого подчинения и контролировать витальное, но может преуспеть лишь в том, чтобы держать себя отдельно; ведь если он отождествится, то потеряется в движении жизни и унесется в нем. Тем не менее, возможно некоторого рода сбалансированное двойное тождество при отделении, хотя не так легко выдерживать баланс; есть “я” мышления, которое наблюдает и допускает страсть ради переживания, — или под действием некоторого нажима жизни допускает подчинение ей, — и есть “я” жизни, которое позволяет себе унести в движение Природы. Следовательно, здесь, в субъективном переживании, у нас есть поле деятельности сознания, в котором три разновидности постижения могут встретиться вместе: определенный вид знания посредством отождествления, знание благодаря прямому контакту и, зависящее от них, отделяющее знание.

Еще труднее разделение в мышлении на мыслителя и мыслимое. Мыслитель погружен в мышление и потерян в нем, либо увлекается потоком мысли, отождествляясь с ним; обычно не во время или в самом акте мышления может он наблюдать или обзирать свои мысли, — он должен делать это в ретроспективе и с помощью памяти или в критической паузе корректирующего суждения, прежде чем идти дальше: но все же одновременность мышления и сознательного направления действия разума может быть достигнута частично, когда мышление не захватывает целиком, и достигнута полностью, когда мыслитель обретает способность отходить назад в ментальное “я” и стоять там поодаль от ментальной энергии. Вместо того, чтобы быть поглощенным в мышление с по большей части смутным ощущением процесса размышления, мы можем увидеть этот процесс ментальным видением, наблюдать наши мысли по мере их возникновения и движения и, частично в молчаливом видении, частично в процессе размышления над мыслью, судить о них и оценивать их. Но следует заметить, что при любого рода отождествлении знание наших внутренних движений носит двойную природу, отделение и прямой контакт: ведь даже когда мы открепляем себя, этот контакт все еще поддерживается; наше знание всегда базируется на прямом прикосновении, на постижении при помощи прямого осознания, несущего в себе определенный элемент тождества. Более отдаленную позицию представляет обычно способ нашего рассудка наблюдать и познавать наши внутренние движения; более сокровенным является метод нашей динамической части разума, связывающей себя с нашими ощущениями, чувствами и желаниями: но в эту ассоциацию также может вмешиваться рассуждающий разум и вводить отдельное несвязное наблюдение и контроль как над динамической само-связывающей частью разума, так и над витальным или ментальным движением. Все наблюдаемые движения нашего физического существа также известны и контролируются нами обоими этими способами, отделительным и сокровенным; мы чувствуем тело и то, что оно делает сокровенно как часть нас, но разум отделен от него и может вводить открепленный контроль над его движениями. Это придает нашему нормальному знанию о нашем субъективном существе и природе, хотя еще неполному и по большей части поверхностному, все же, до некоторой степени, определенную сокровенность, непосредственность и прямоту. Это отсутствует в нашем знании о мире вне нас и его движений и объектов: ведь там, вещь видимая или переживаемая является не-я, не переживается как часть нас, невозможен никакой прямой контакт сознания с объектом; должен использоваться инструментарий чувства, который снабжает нас не непосредственно сокровенным знанием объекта, а его образом, и служит первыми данными для знания.

В постижении внешних вещей наше знание имеет полностью отделяющий базис; его целостная машинерия и его процесс имеют природу непрямого восприятия. Мы не отождествляем себя с внешними объектами, даже с другими людьми, хотя они существа той же природы; мы не можем войти в их существование, как если бы оно было нашим собственным, не можем узнать их и их движения с прямотой, непосредственностью, сокровенностью, с которыми мы знаем, хотя бы и неполно, — самих себя и свои движения. Но утрачена не только идентификация, отсутствует также прямой контакт; нет прямого соприкосновения нашего сознания с их сознанием, нашей субстанции с их субстанцией, нашего “я” существа с их само-существом. Единственно видимый прямой контакт с ними или единственное свидетельство, которое мы имеем о них, осуществляется через чувства; зрение, слух, прикосновение кажутся некоторо-

го рода зачатками прямой сокровенности с объектом познания: но на самом деле это не так, это не настоящая прямота, не настоящая сокровенность, ведь то, что мы получаем с помощью чувств, является не внутренним или сокровенным касанием вещей, а их образом или вибрацией или первым сообщением в нас самих, благодаря чему мы должны выучиться познавать эти вещи. Эти средства настолько недействительны, настолько крайне бедны, что если бы в этом и заключалась вся машинерия, то мало что или ничего могли бы мы узнать, либо достичь лишь расплывчатой путаницы. Но вмешивается интуиция чувство-разума, которая охватывает предложение образа или вибрацию и приравнивает ее к объекту, вмешивается витальная интуиция, которая охватывает энергию или фигуру объекта через другую разновидность вибрации, созданную чувственным контактом, и вмешивается интуиция воспринимающего разума, которая сразу же формирует правильную идею об объекте из всего этого свидетельства. Все то, что не хватает при интерпретации так построенного образа, дополняется при вмешательстве рассудка или тотального понимающего интеллекта. Если первая составляющая интуиции была бы результатом прямого контакта или если бы она суммировала действие тотального интуитивного мастера ментальных восприятий, тогда не требовалось бы вмешательства рассудка, кроме как в качестве открывателя или организатора знания, не переданного чувством и его предложениями: напротив, задействована интуиция, работающая над образом, чувственным документом, косвенным свидетельствованием, не работающая над прямым контактом сознания с объектом. Но поскольку образ или вибрация недостаточны, и итоговая документация и сама вибрация ограничены и переданы через тусклую среду, действуя в слепом свете, то точность нашего интерпретирующего построения объекта находится под вопросом или, по крайней мере, неполна. Человек волей-неволей должен был развить свой рассудок, чтобы восполнить недостатки своего чувственного инструментария, уменьшить погрешность восприятий своего физического разума и недостаточность своих интерпретаций его данных.

Поэтому наше знание о мире является тяжелой структурой, составленной из несовершенной документации чувственных образов, интуитивной их интерпретации воспринимающим разумом, жизненным разумом и чувственным разумом, и дополнительного пополнения, исправления, добавления дополнительного знания, координации, при помощи рассудка. И даже после этого наше знание о мире, в котором мы живем, все еще узко и несовершенно, наши интерпретации его ценностей сомнительны: воображение, спекуляция, отражение, беспристрастное взвешивание и рассуждение, вывод, измерение, тестирование, дальнейшая корректировка и расширение чувственного свидетельства при помощи Науки, — весь этот аппарат должен быть призван, чтобы восполнить неполноту. И после всего этого результат все еще остается полу-определенным, полу-сомнительным скоплением приобретенного косвенного знания, массой значимых образов и идейных представлений, отвлеченных мысленных расчетов, гипотез, теорий, обобщений, но так же вместе с этим массой сомнений и нескончаемых дебатов и исследований. Со знанием должна прийти мощь, но наше несовершенство знания не оставляет нам какой-либо идеи о верном использовании этой мощи, даже о цели, к которой наше использование знание и мощи должны быть обращены и задействованы. Это усугубляется несовершенством нашего само-знания, которое в том виде, в котором оно сейчас есть, скудно и ничтожно недостаточно, предстоит знанием только о нашей поверхности, о нашем кажущемся феноменальном “я” и природе и не о нашем настоящем “я” и истинном значении нашего существования. Пользователю требуется само-знание и само-мастерство, мудрость и правильная воля в использовании мощи мира и знания мира.

Очевидно, что наше состояние на поверхности в действительности является состоянием знания, насколько это так, но ограниченного знания, обернутого неведением и наводненным им и, по причине своих ограничений, являющегося, в очень большой степени, разновидностью неведения, в лучшем случае смешанным знанием-неведением. Иначе и не могло быть, поскольку наше осознание мира рождено из отделенного и поверхностного наблюдения, в распоряжении которого находятся лишь косвенные методы постижения; наше знание нас самих, хотя и более прямое, сводится на нет своим ограничением к поверхности нашего бытия, неведением о нашем настоящем “я”, об истинных источниках нашей природы, о настоящих мотивах-силах нашего действия. Совершенно очевидно, что наше знание о себе только поверхностно, — источники нашего сознания и мышления составляют мистирию; этого не могло бы быть, если бы мы обладали настоящим само-знанием и настоящим знанием мира.

Если мы поищем причину этого ограничения и несовершенства, то сначала обнаружим, что она кроется в том, что мы сконцентрированы на поверхности; глубины “я”, секреты нашей тотальной природы отгорожены от нас стеной, созданной нашим внешним сознанием, — или созданной для него, так что оно может проводить свою деятельность эгоцентрической индивидуализации разума, жизни и тела, оставляя их незахваченными более глубокой и более широкой истиной нашего большего существования: на наше внутреннее “я” и реальность мы можем смотреть лишь через щели и трещины в этой стене, и мало что мы можем там разглядеть, кроме таинственного тумана. В то же время наше сознание должно защищать свою эго-центрическую индивидуализацию не только от своего собственного более глубокого “я”, но и от космического бесконечного; здесь также оно возводит стену разделения и отгораживает все то, что группируется вокруг эго, исключает это как не-я. Но поскольку оно вынуждено жить с этим не-я, — ведь оно принадлежит ему, зависит от него, живет внутри него, — то должно поддерживать с ним некие средства сообщения; наше сознание также должно делать вылазки из стен своего эго и стен само-ограничения в

пределах тела, чтобы удовлетворить те нужды, которые не-я может поставлять ему: наше сознание должно учиться познавать некоторым путем все свое окружение, так чтобы уметь мастерски его использовать и подлаживать его, насколько это возможно, к служению индивидуальной и коллективной человеческой жизни и эго. Тело снабжает наше сознание воротами чувств, через которые оно может устанавливать требуемое сообщение с миром и не-я вне себя, средства наблюдения над ними и средства воздействия на них; разум использует эти средства и изобретает другие, дополняющие прежние, и он преуспевает в установлении некоторой конструкции, некоторой системы знания, которая служит его непосредственной цели или его общему желанию пристрастно господствовать или использовать это громадное чуждое окружающее существование или иметь с ним дело, если уж он не может покорить его. Но обретаемое им знание объективно; главным образом, это знание поверхности вещей или того, что чуть ниже поверхности, это знание прагматическое, ограниченное и ненадежное. Защита разума от вторжения космической энергии равным образом ненадежна и частична: несмотря на его уведомление не впускать без разрешения, он тонко и невидимо наводнен миром, охвачен не-я и сформирован по его образцу; его мысли, его воля, его эмоциональная и жизненная энергия пронизаны волнами и потоками мысли, воли, страсти, витальных толчков, всевозможных сил, исходящих из “других” и из вселенской Природы. Его стена защиты становится стеною затемнения, препятствующей познанию всего этого взаимодействия; разум знает лишь то, что проходит через ворота чувства или через ментальные восприятия, в которых он не может быть уверен, или через то, что он может вывести или построить из собранных чувственных данных; все остальное для него является пробелом незнания.

Следовательно, именно эта двойная стена само-заключения, само-защиты в пределах поверхностного эго является причиной нашего ограниченного знания или неведения, и если это само-заключение было бы характерно для всего нашего существования, тогда неведение было бы неизлечимо. Но, на самом деле, это постоянное внешнее эго-построение является только временным устройством Сознания-Силы в вещах, так чтобы тайный индивид, дух внутри, мог бы основать свое представительное и инструментальное образование в физической природе, мог бы учредить временную индивидуализацию в природе Неведения, что есть все, что поначалу может быть сделано в мире, возникающем из вселенского Несознания. Наше само-неведение и неведение о мире может расти только к интегральному само-знанию и интегральному знанию о мире, в той мере, в которой наше ограниченное эго и его полу-слепое сознание открыты к большему внутреннему существованию и сознанию и истинному бытию, и в той мере, в которой оно может также осознать не-я вне себя как “я”, — с одной стороны, Природу, составляющую нашу собственную природу, с другой стороны. Существование, которое является безграничным продолжением нашего собственного само-бытия. Наше существо должно разрушить стены эго-сознания, которые оно создало, оно должно расширить себя за пределы своего тела и вселиться в тело вселенной. Вместо знания посредством непрямого контакта, или в дополнении к нему, оно должно достичь знания посредством прямого контакта и перейти к знанию посредством тождества. Его ограниченное конечное “я” должно стать безграничным конечным и бесконечным.

Но первое из двух этих движений, пробуждение к нашим внутренним реальностям, накладывается как более веская необходимость, поскольку именно благодаря внутреннему само-открытию второе, — космическое само-открытие, — может стать полностью возможным: мы должны идти внутрь нашего внутреннего существа и учиться жить в нем и из него; внешний разум и жизнь и тело должны стать для нас только прихожей. Все то, чем мы являемся снаружи, на самом деле обусловлено тем, чем мы являемся внутри, оккультным, в наших внутренних глубинах и укромных уголках; именно оттуда приходят тайные инициативы, само-действенные образования; наши вдохновения, наши интуиции, наши жизненные мотивы, предпочтения нашего разума, выборы нашей воли приводятся в действие оттуда, — настолько, насколько они не формируются или подвержены влиянию настоятельности, равным образом сокрытой, глобальной волны космических коллизий: но то применение, которое мы находим этим внезапно всплывающим силам и влияниям, обусловлены, в большой степени определяются и, помимо всего, значительно ограничены нашей наружной природой. Следовательно, мы должны открыть знание этого внутреннего зачинающего “я” в купе с точным восприятием внешнего инструментального “я” и роль, играемую обоими этими я.

На поверхности мы знаем о нашем “я” лишь столько, сколько там сформулировано, да и то всего лишь часть этого; ведь мы видим наше тотальное поверхностное существо в общей смутности, обозначенной и намеченной точками или контуром точности: даже то, что мы открываем при ментальном само-наблюдении, является только суммой отдельных частей; полный облик и ощущение нашей личной формации ускользает от нашего внимания. Но также есть искажающее действие, которое затмевает и обезображивает даже это ограниченное само-знание; наш само-взгляд портится постоянными толчками и вторжениями со стороны нашего внешнего я-жизни, нашего витального существа, которое всегда стремится сделать думающий разум своим орудием и слугой: ведь наше витальное существо занято не само-познанием, а само-утверждением, желанием, эго. Этим целям и служит постоянное воздействие витального существа на наш разум, что приводит к построению ментальной структуры кажущегося я; наш разум побуждаем к тому, чтобы представлять нам самим и другим частично фиктивный представительный образ нас самих, который поддерживает наше само-утверждение, оправдывает наши желания и действия, питает наше эго. На самом деле, это витальное вмешательство не всегда следует линии само-оправдания и утверждения; иногда оно

обращается к само-умалению и нездоровому и преувеличенному само-критицизму: но это также является эго-структурой, обратным или негативным эгоизмом, положением или позицией витального эго. Ведь в этом витальном эго зачастую присутствует смесь шарлатана и фигляра, позера и актера; оно постоянно избирает роль и играет ее для себя и других, как публике. Так организованный само-обман добавляется к организованному само-неведению; и только уйдя внутрь и видя источник этих вещей сможем мы вырваться из этой темноты и неразберихи.

Ведь внутри нас присутствует большее ментальное существо, большее внутреннее витальное существо, даже большее внутреннее тонко-физическое существо, отличное от нашего поверхностного сознания тела, и входя в это или становясь им, отождествляя себя с ним, можем мы наблюдать причины наших мыслей и чувств, источники и мотивы нашего действия, действующие энергии, которые выстраивают нашу поверхностную личность. Ибо мы открываем и можем познать внутреннее существо, которое тайно думает и воспринимает в нас, витальное существо, которое тайно чувствует и действует на жизнь через нас, тонко-физическое существо, которое тайно получает и отвечает на контакты вещей через наше тело и его органы. Наше поверхностное мышление, чувство, эмоция являют сложность и запутанность побуждений изнутри и толчков снаружи нас; наш рассудок, наш организующий интеллект может наложить на это только несовершенный порядок: но здесь, внутри, мы находим отдельные источники нашей ментальной, нашей витальной и нашей физической энергии и можем ясно видеть чистые операции, отчетливые мощности, составляющие элементы каждой и их взаимную игру в ясном свете само-видения. Мы находим, что противоречия и борьба нашего поверхностного сознания в большой степени происходит из противоположных или взаимно не согласующихся тенденций нашей ментальной, витальной и физической частей, противостоящих друг другу и непримиримых друг с другом, и опять же эта борьба происходит из-за разногласия многих различных внутренних возможностей нашего существа и даже различных личностей на каждом уровне в нас, которые находятся за тесно переплетенными предрасположенностями и отличающимися тенденциями нашей поверхностной природы. Но в то время как на поверхности их действие смешано вместе, запутано и противоречиво, то здесь, в наших глубинах их можно увидеть и работать над ними в их независимой и отдельной природе и действии, и их гармонизация при помощи ментального существа в нас, лидера жизни и тела¹, — или, лучше, при помощи психической сущности, — не столь трудна, при условии, что в своем усилии мы прикладываем правильную психическую и ментальную волю: ведь если бы с мотивом витального эго вошли бы мы в сублиминальное существо, тогда это привело бы к серьезной опасности или несчастью или, по меньшей мере, к раздуванию эго, само-утверждению и желанию, расширенному и более мощному неведению вместо расширенного и более мощного знания. Более того, мы находим в этом внутреннем или сублиминальном существе средства различения того, что поднимается изнутри и что приходит снаружи, от других или от вселенской Природы, и становится возможность осуществлять контроль, делать выбор, прикладывать мощь волевого восприятия, отвержения и отбора, ясную мощь само-построения и гармонизации, чем мы не обладаем или можем задействовать очень несовершенно в нашей составной поверхностной личности, но что является прерогативой нашей внутренней Личности. Ведь при этом вхождении в глубины, внутреннее существо, более не совершенно завуалированное, более не обязанное проявлять лишь фрагментарное влияние на свое внешнее инструментальное сознание, становится способным формулировать себя более ясно в нашей жизни в физической вселенной.

В своей сущности знание внутреннего существа имеет те же элементы, что и поверхностное знание внешнего разума, но разница между ними заключается в разнице между полу-слепотой и большей ясностью сознания и видения вследствие более прямой и мощной оснащенности и лучшему устройству элементов знания. Знание посредством тождества, являющееся на поверхности смутным внутренним ощущением нашего само-существования и частичным отождествлением с нашими внутренними движениями, здесь может углубиться и расшириться от того неотчетливого смутного восприятия и ограниченного ощущения до ясного и прямого сокровенного осознания целостной сущности внутри: мы можем войти в обладание нашим целостным сознательным ментальным существом и существом жизни и достичь тесной близости прямого проникающего и обволакивающего контакта с тотальными движениями нашей ментальной и витальной энергии; мы ясно и близко соприкасаемся со всеми нашим становлениями и становимся, — свободно и с пониманием, — целостным само-выражением Пуруши на теперешних уровнях нашей природы. Но также здесь присутствует или может быть, наряду с этой сокровенностью знания, открепленное наблюдение действий природы через Пурушу и большая возможность, через этот двойной статус сознания, полного контроля и понимания. Все движения поверхностного существа могут быть видены с полной открепленностью, но также и с прямым взглядом в сознание, благодаря которому могут быть развеяны само-заблуждения и ошибки “я” внешнего сознания; существует более острое ментальное видение, более ясное и более точное ментальное чувствование нашего субъективного становления, видение, которое одновременно знает, контролирует целостную природу и командует ею. Если психическая и ментальная части в нас сильны, тогда можно завладеть витальным и распространить свою власть над ним до пределов, вряд ли достижимых при помощи поверхностной ментальности; даже тело и физические энергии могут быть взяты внутренним разумом и волей и обращены в более пластичный инстру-

¹ Маномая пранашариранета — Мундака Упанишада 2.2.7

ментарий души, психического существа. С другой стороны, если ментальная и психическая части слабы, а витальное сильно и неуправляемо, тогда при вхождении во внутреннее витальное возрастает мощь, но пронизательное и открепленное видение явно недостаточно; знание, даже если и увеличенное в силе и охвате, остается туманным и запутанным; само-контроль интеллекта может уступить место обширному бесконтрольному побуждению или жестко подконтрольному, но вводящему в заблуждение эгоистическому действию. Ведь сублиминальное все еще является движением Знания-Неведения; в нем больше знания, но также больше и возможности для неведения, еще более само-утверждающегося. Это так, поскольку хотя здесь обычно увеличение само-знания, но это не является одновременно интегральным знанием: для этого недостаточно осознания посредством прямого контакта, что является принципиальной мощью сублиминального; ведь возможен как контакт с большим становлением и мощностью Знания, так и с большим становлением и мощностью Неведения.

Но сублиминальное существо имеет также более прямой контакт и с миром; оно не ограничено, подобно Разуму, интерпретацией чувственных образов и чувственных вибраций, поставляемых ментальной и витальной интуицией и рассудком. На самом деле в сублиминальной природе заложено тонкое чувство, тонкое чувство видения, слышания, осязания, обоняния и вкуса, но они не ограничены порождением образов вещей, принадлежащих физическому окружению, — они могут представлять сознанию видимые, слуховые, осязательные и иные образы и вибрации вещей за пределами ограниченного диапазона физических чувств или принадлежащие иным планам или сферам существования. Внутреннее чувство может создавать или давать образы, сцены, звуки скорее символические, чем действительные или давать те, что представляют возможности в образовании, внушения, мысли, идеи, намерения других существ, также образные формы мощностей или потенциальностей во вселенской Природе; нет ничего, что оно не могло бы представить в образе или визуализировать или обратить в чувственные формации. В действительности, именно сублиминальное, а не внешний разум обладает мощью телепатии, ясновидения, второго зрения и другими сверхнормальными способностями, которые появляются благодаря щелям или просветам в стене, воздвигнутой невидимым трудом по индивидуализации личности и поставленной между “собой” и внутренней областью нашего существа. Однако, следует отметить, что из-за этой сложности действие сублиминального чувства может быть путанным или вводящим в заблуждение, особенно если оно интерпретируется внешним разумом, которому неведома тайна операций сублиминального и чужды его принципы построения знаков и фигуральный символический язык; для суждения и правильной интерпретации образов и переживаний сублиминального требуется большая внутренняя мощь интуиции, такта, пронизательности. все же факт, что переживания сублиминального безмерно пополняют наш возможный диапазон знания и расширяют узкие границы, в которых обозначено и заключено наше чувство, ограниченное внешним физическим сознанием.

Но более важна мощь сублиминального вступать в прямой контакт сознания с другим сознанием или объектом, действовать без любых других инструментов, при помощи сущностного чувства, присущего его собственной субстанции, путем прямого ментального видения, посредством прямого чувствования вещей, даже близкого охвата и сокровенного проникновения и возвращения с содержимым того, что было охвачено или того, во что оно проникало, путем прямого сообщения или воздействия на субстанцию самого разума, не через внешние знаки или фигуры, — при помощи открывающего намека или само-сообщающегося воздействия мыслей, чувств, сил. Именно благодаря этим средствам внутреннее существо достигает непосредственного, сокровенного и точного спонтанного знания личностей, объектов, оккультных и неуловимых для нас энергий мировой Природы, которые окружают нас и посягают на нашу собственную личность, физичность, силу разума и силу жизни. В нашей поверхностной ментальности мы иногда осознаем сознание, которое может чувствовать или знать мысли и внутренние реакции других или начинать осознавать объекты или происходящее без какого-либо вмешательства чувств или же применять силы, сверхнормальные для наших обычных возможностей; но эти способности случайны, рудиментарны, смутны. Обладание ими свойственно нашему сокровенному сублиминальному “я”, и эти способности приходят при проявлении на поверхности сил или операций сублиминального. Эти внезапно всплывающие операции сублиминального существа или некоторые из них сейчас фрагментарно изучаются под именем психических явлений, — хотя обычно они не имеют ничего общего с психеей, душой, сокровенной сущностью в нас, а относятся только ко внутреннему разуму, внутренней витальной, тонко-физической частям нашего сублиминального существа; но эти результаты не могут быть убедительными или достаточно обильными, потому что они ищутся методами исследования и эксперимента и стандартов, соответствующих поверхностному разуму и его системе знания посредством непрямого контакта. При этих условиях они могут быть исследованы лишь настолько, насколько могут проявить себя в том разуме, по отношению к которому они исключительны, ненормальны или сверхнормальны, и поэтому относительно редки, трудны, неполны в своем явлении. И только если мы сможем раскрыть стену между внешним разумом и внутренним сознанием, для которого такие явления нормальны, или если мы сможем свободно вступить внутрь или пребывать там, лишь тогда это царство знания может быть верно объяснено и добавлено к нашему тотальному сознанию и включено в поле деятельности пробужденной силы нашей природы.

В нашем поверхностном разуме мы не обладаем прямыми средствами познания даже других людей, относящихся к нашему роду и имеющих аналогичную ментальность и витально и физически выкроенных по тому же образцу. Мы можем обрести общее знание человеческого разума и человеческого тела и применять его к ним с помощью многих постоянных и привычных внешних примет человеческих внутренних движений, с которыми мы знакомы; эти суммарные суждения могут быть дальше пополнены нашим переживанием личного характера и характерных черт, при помощи инстинктивного применения того само-знания, которым мы обладаем для понимания и суждения о других, при помощи вывода из речи и поведения, при помощи пронизательного наблюдения и проникающего сочувствия. Но результаты всегда неполны и весьма обманчивы: наши выводы почти всегда являются ошибочными построениями, наша интерпретация внешних знаков предстает заблуждающейся работой догадок, наше применение общего знания или наше само-знание опрокидывается неуловимыми факторами личностной разницы, сама наша пронизательность неопределенна и ненадежна. Поэтому человеческие существа живут как чужаки по отношению друг другу, в лучшем случае их связывает весьма частичная симпатия и взаимное переживание; мы знаем не достаточно, не знаем так, как знаем самих себя, — и даже само это знание мало, — даже самых близких нам. Но в сублиминальном внутреннем сознании становится возможным напрямую осознавать мысли и чувства вокруг нас, чувствовать их воздействие, видеть их движения; читать ум и сердце становится менее трудным, менее неопределенным предприятием. Существует постоянный ментальный, витальный, тонко-физический обмен, происходящий между всеми, кто встречается или живет вместе, что они сами не осознают, кроме как лишь настолько, насколько эти воздействия и взаимопроникновения касаются их самих как ощутимые результаты речи и действия и другого контакта: ведь по большей части этот взаимообмен осуществляется тонко и невидимо; ведь он идет не напрямую, затрагивая сублиминальные части и через них внешнюю природу. Но когда мы сознательно вырастаем в этих сублиминальных частях, то привносим туда также сознание всего этого взаимодействия и субъективного взаимообмена и взаимопереплетения, так что в результате нам больше не нужно невольно подчиняться их воздействию и последствию, и мы можем их принимать или отвергать, защищать себя или изолировать. В то же время, нашему действию на других больше не требуется быть произвольным и зачастую ненамеренно пагубным; возможна сознательная помощь, светлый взаимообмен и плодотворное согласование, возможно приближение к внутреннему пониманию или единству, не такому, как сейчас, являющемуся всего лишь отдельной ассоциацией с ограниченной сокровенностью или единством, во многом ограниченном непониманием и зачастую отягощенным или подверженным опасности неправильного понимания, неверного истолкования и ошибки.

Не менее важным будет и изменение в обращении с безличностными силами мира, окружающего нас. Эти силы мы знаем только по их результатам, по тому малому, что мы можем охватить из их видимого действия и последствия. Среди них встречаются, главным образом, силы физического мира, но мы постоянно живем в гуще невидимых сил разума и сил жизни жизни, о которых мы не знаем ничего, даже не осведомлены об их существовании. Сублиминальное внутреннее сознание может открыть наше осознание всех этих невидимых движений и действий, ведь оно знает их благодаря прямому контакту, посредством прямого видения, через психическую чувствительность; но в настоящее время оно может только расширить нашу бестолковую поверхностность и наружность посредством необъяснимых предупреждений, предчувствий, притяжений и отвержений, идей, догадок, смутных намеков, посредством того малого, что оно может донести до поверхности. Внутреннее существо не только напрямую и конкретно контактирует с непосредственным мотивом и движением этих вселенских сил и ощущает результаты их теперешнего действия, но может до определенной степени и предвидеть их дальнейшее действие или заглянуть вперед; в наших сублиминальных частях присутствует большая мощь, позволяющая преодолеть временной барьер, ощутить или почувствовать вибрацию грядущих событий, отдаленно происходящего, даже заглянуть в будущее. Верно, что знание, свойственное сублиминальному существу, неполно; ведь оно предстает смесью знания и неведения и может воспринимать так же ошибочно, как и правильно, поскольку оно работает не при помощи знания посредством тождества, а при помощи знания через прямой контакт, и это знание также является отделенным знанием, хотя даже в этой отделенности оно более сокровенно, чем что-либо, управляемое нашей поверхностной природой. Но эта смешанная способность внутренней ментальной и внутренней витальной природы на большее неведение, как и большее знание, может быть излечена путем отхода еще дальше, глубже за эту природу к психической сущности, которая поддерживает нашу индивидуальную жизнь и тело. На самом деле существует душа-личность, представитель этой сущности, уже встроена в нас, которая выдвигает вперед, в наше природное существо, тонкий психический элемент: но этот тонкий фактор в нашем нормальном состоянии еще не доминирует и обладает только ограниченным действием. Наша душа не является очевидным ведущим и мастером нашего мышления и наших действий; для само-выражения она должна опираться на ментальные, витальные, физические инструменты, и она постоянно затмевается нашим разумом и жизненной силой: но как только она сможет преуспеть в том, чтобы оставаться в постоянной общности со своей собственной большей оккультной реальностью, — и это может произойти, только когда мы идем глубоко в наши сублиминальные части, — то сразу же перестанет быть зависимой, может стать мощной и суверенной, оснащенной сокровенным духовным восприятием истины вещей и спонтанной пронизательностью, отличающей истину ото

лжи Неведения и Несознания, различающей божественное и небожественное в проявлении, и так может стать светлым лидером остальных частей нашей природы. В действительности, когда это происходит, то может стать поворотной точкой к интегральной трансформации и интегральному знанию.

В этом заключается динамическое функционирование и прагматическая ценность сублиминального постижения; но то, чем заняты мы теперь, это выявить из способа его действия точный характер этого более глубокого и большего постижения и то, как это постижение связано с истинным знанием. Основной его характер заключен в знании посредством прямого контакта сознания с его объектом или сознания с другим сознанием; но в конечном итоге мы открываем, что эта мощь является продуктом тайного знания посредством тождества, переводом его в отдельное осознание вещей. Ведь подобно тому, как в непрямом контакте, свойственном нашему обычному сознанию и поверхностному постижению, именно встреча или трение живущего существа с сознанием снаружи высекает искру сознательного знания, так и здесь именно контакт устанавливает в действие предсуществующее тайное знание и приносит его на поверхность. Ведь сознание составляет одно в субъекте и объекте, и в контакте существования с существованием это тождество выносит на свет или пробуждает в “я” дремлющее знание об этом другом я снаружи него. Но тогда как это предсуществующее знание приходит в поверхностный разум как знание обретенное, то в сублиминальном оно возникает как вещь виденная, схваченная изнутри, подаренная как она была, или, когда это знание интуитивное, то как вещь само-очевидная для внутреннего осознания; или оно вбирается он контактируемого объекта, но с непосредственным откликом как на нечто сокровенно распознаваемое. В поверхностном сознании знание представляет себя как истина, видимая снаружи, брошенная к нам из объекта, или как отклик на прикосновение чувств к этому объекту, воспринимаемое воспроизводство его объективной действительности. Наш поверхностный разум принуждаем отдавать себе отчет об этом знании, потому что стена между “собой” и внешним миром преодолевается через врата чувств, и через эти врата может быть схвачена поверхность наружных объектов, хотя и не то, что внутри этих объектов, но нет такого уже готового прохода между “собой” и своим собственным внутренним существом: поскольку разум не способен увидеть то, что заключено внутри его более глубокого “я”, или наблюдать процесс знания, приходящего изнутри, то он не имеет другого выбора, кроме как принять то, что он на самом деле видит, внешний объект, за источник своего знания. Так все наше ментальное знание вещей представляется объективным, истиной, наложенной на нас снаружи; наше знание предстает отражением или откликающимся построением, воспроизводящим в нас образ или картину или ментальную схему нечто того, чего нет в нашем собственном существе. На самом деле, именно скрытый глубокий отклик на контакт, отклик, приходящий изнутри, выбрасывает оттуда знание об объекте, причем сам объект является частью нашего большего я; но вследствие двойной вуали, вуали между нашим внутренним “я” и нашим невежественным поверхностным “я” и вуали между поверхностным “я” и контактирующим объектом, на поверхности формируется только несовершенный образ или представление внутреннего знания.

Этот источник, этот сокрытый метод нашего познания, затемненный и неочевидный для нашей теперешней ментальности, становится ясным и очевидным, когда сублиминальное внутреннее существо разрушает границы своей индивидуальности и, перенося с собой поверхностный разум, вступает в космическое сознание. Сублиминальное отгорожено от космического тонкими оболочками нашего существа, ментальной, витальной, тонко-физической оболочкой, точно также как поверхностная природа отделена от вселенской Природы грубой физической оболочкой, телом; но стена, окружающая сублиминальное, более прозрачна, на самом деле это скорее ограда, чем стена. Кроме того, сублиминальное имеет образование сознания, которое проецирует себя за пределы всех этих оболочек и образует вокруг-сознательную [circumconscient], окружающую свою часть, через которую оно воспринимает контакты мира и может начать осознавать их и иметь с ними дело до того, как они войдут. Сублиминальное может бесконечно расширять эту вокруг-сознательную оболочку и все более расширять свою само-проекцию в космическое существование вокруг себя. Возникает точка, через которую сублиминальное может полностью прорваться сквозь отделение, объединить, идентифицировать себя с космическим бытием, почувствовать себя универсальным, одним со всем существованием. В этой свободе входа в космическое “я” и космическую природу наступает великое освобождение индивидуального существа; оно надевает космическое сознание, становится вселенским индивидом. Первым результатом этого освобождения, когда оно полно, является реализация космического духа, одного, населяющего вселенную, и это объединение может даже привносить исчезновение ощущения индивидуальности, растворение эго в мировом бытии. Другим общим результатом является полная открытость вселенской Энергии, так что она ощущается действующей через разум и жизнь и тело, и исчезает ощущение индивидуального действия. Но обычно результаты не столь сильны; приходит прямое осознание вселенского бытия и природы, приходит большая открытость разума космическому Разуму и его энергиям, космической Жизни и ее энергиям, космической Материи и ее энергиям. Определенное ощущение единства индивидуального с космическим, восприятие мира, удерживаемое внутри одного сознания, как и собственная сокровенная включенность одного в мировое сознание могут стать частыми или постоянными в этом открытии, и естественным следствием приходит большее ощущение единства с другими существами. Тогда существование космического Бытия становится несомненностью и реальностью и более не воображаемым представлением.

Но космическое сознание вещей основывается на знании посредством тождества; ведь космический Дух знает себя как часть своей природы. Он един со всем, что содержит, и знает это посредством тождества и содержащей близости; ведь существует одновременно тождество и превышение, и, в то время как с точки зрения отождествления есть тождество и полное знание, так с точки зрения превышения есть включенность и проникновение, охватывающее постижение каждой вещи и всех вещей, проникающее ощущение и видение каждой вещи и всех вещей. Ведь космический Дух населяет все и каждое, но является большим, чем все; поэтому в его само-взгляде и взгляде на мир присутствует отделяющая мощь, препятствующая тому, чтобы космическое сознание было заключено в объектах и существах, в которых оно пребывает: оно пребывает внутри них как все-проникающий дух и мощь; имеет место индивидуализация, соответствующая персоне или объекту, но нет связывания космическим Бытием. Дух становится каждой вещью, не прекращая своего собственного большего все-содержащего существования. Следовательно, здесь есть большая вселенская тождественность, содержащая меньшее тождество; ведь какое отделяющее постижение не существовало бы или не входило бы в космическое сознание, оно должно стоять на этой двойной тождественности и не противоречить ей. Если есть какая-либо необходимость отхода назад и необходимость в познании посредством отделения плюс контакт, все же эта отделенность в тождестве, контакт в тождестве; ведь содержащийся объект является частью “я” того, что содержит этот объект. И только когда вмешивается более сильная отделенность, это тождество вуалирует себя и выбрасывает меньшее знание, прямое и не прямое, не осведомленное о своем источнике; все же всегда именно море тождества выбрасывает на поверхность волны или брызги прямого или непрямого знания.

Это со стороны сознания; со стороны действия, космических энергий, видно что они движутся в массе, волнах, постоянно перетекают, составляя и пересоставляя существа и объекты, движения и происходящее, входя в них, проходя через них, формируя себя в них, выбрасывая себя из них на другие существа и объекты. Каждый природный индивид является вместилищем этих космических сил и динамо для их распространения; от каждого к каждому протекает постоянный поток ментальных и витальных энергий, и эти энергии бегут также в космических волнах и течениях не в меньшей степени, чем силы физической Природы. Все это действие завуалировано от нашего прямого ощущения и знания поверхностного разума, но это известно внутреннему существу и ощущается им, хотя только через прямой контакт; когда существо вступает в космическое сознание, то еще более широко, включающе, сокровенно осознает эту игру космических сил. Но хотя тогда знание и более полно, но динамизация его может быть только частичной; ведь тогда как возможно фундаментальное или статическое объединение с космическим “я”, но активное динамическое единение с космической Природой должно быть неполным. На уровне разума и жизни, даже с потерей ощущения отдельного само-существования, этот энергетизм по самой своей природе должен быть отбором через индивидуализацию; действие принадлежит космической Энергии, но индивидуальное образование энергии в живущем динамо остается методом ее работы. Ведь самым назначением динамо индивидуальности является выбирать, концентрировать и формулировать отобранные энергии и бросать их в сформированные и направленные потоки: течение тотальной энергии будет означать, что это динамо больше не нужно, может быть упразднено или выведено из действия; вместо деятельности индивидуального разума, жизни, тела будет только индивидуальный, но безличностный центр или канал, через который вселенские силы будут течь беспрепятственно и неотобранно. Это может произойти, но это будет означать более высокое одухотворение и превышение нормальности ментального уровня. В статическом охвате космического знания при помощи отождествления, универсализированое сублиминальное может чувствовать себя одним с космическим “я” и тайным “я” всего другого; но динамизация этого знания не пойдет дальше передачи этого чувства тождества в большую мощь и сокровенность прямого контакта сознания со всем, в большее, более сокровенное, более мощное и действенное воздействие силы сознания на вещи и личности, а также дальше способности действенной включенности и проникновения, динамизированного сокровенного видения и чувствования и других мощностей постижения и действия, соответствующих этой большей природе.

Поэтому в сублиминальном, даже расширенном в космическое сознание, мы обретаем большее знание, но не полное и изначальное. Для того, чтобы идти дальше и посмотреть, чем знание посредством тождества является в своей чистоте и каким образом и до каких пределов оно порождает, допускает или использует другие мощности знания, должны мы пойти за пределы внутреннего разума и жизни и тонко-физического к двум другим концам сублиминального, спросить подсознательное и вступить в контакт со сверхсознательным или войти в него. Но в подсознательном все слепо, там темный универсализм, такой как видится в массовом сознании [mass consciousness], темный индивидуализм, либо ненормальный для нас, либо плохо-сформированный и инстинктивный: здесь, в подсознательном, темное знание посредством тождества, такое как мы уже нашли в Несознании, является базисом, но не раскрывает себя или свой секрет. Верховные сверхсознательные диапазоны базируются на духовном сознании свободном и светлом, и именно там можем мы проследить изначальную мощь знания и воспринять возникновение и разницу двух отличных порядков, знания посредством тождества и отделяющего знания.

В верховном безвременном Существовании, насколько мы знаем его по отражению в духовном переживании, существование и сознание составляют одно. Мы приучены идентифицировать сознание с определенными операциями

ментальности и ощущения, и о том состоянии бытия, в котором эти операции отсутствуют или затихли, мы говорим как о несознательном. Но сознание может существовать там, где нет открытых операций, нет знаков, обнаруживающих его, даже там, где оно отошло от объектов и поглощено в чистом существовании или вовлечено в видимость несуществования. Оно внутренне присуще бытию, само-существующе, не уничтожимое покоем, бездействием, вуалированием или покрытием, инертным поглощением или инволюцией; сознание присутствует в бытии, даже когда его состояние кажется сном без сновидений или слепым трансом или отменой осознания или его отсутствием. В верховном безвременном статусе, где сознание едино с бытием и недвижимо, оно не составляет отдельную реальность, а является попросту и чисто само-сознанием, внутренне присущим существованию. Нет нужды в знании или в операциях знания. Бытие само-очевидно для себя: ему не требуется глядеть на себя, чтобы познать себя или выучить, чем оно является. Но если это, очевидно, верно для чистого существования, то это также верно для первичного Все-Существования; ведь точно так, как духовное само-существование сокровенно осознает свое “я”, точно также оно сокровенно осознает все то, что находится в его бытии: это происходит не в акте знания, сформулированном в отношении себя, в само-наблюдении, а благодаря тому же внутреннему осознанию; оно сокровенно все-сознает все, чем является благодаря самому факту, что все есть оно само. Так осознающий свое безвременное само-существование, Дух, Бытие осознает тем же образом, — сокровенно, абсолютно, тотально, без какой-либо нужды во взгляде или акте знания, потому что оно есть все, — Время-Существование и все то, что есть во Времени. Это сущностное осознание посредством тождества; будучи примененным к космическому существованию, это будет означать сущностное само-очевидное автоматическое сознание вселенной при помощи Духа, потому что оно есть все и все есть в его бытии.

Но есть другой статус духовного осознания, который кажется нам развитием из этого состояния и мощи чистого само-сознания, возможно даже первым отклонением, но на самом деле нормальным для него и сокровенным ему; ведь осознание посредством тождества всегда составляет само вещество всего само-знания Духа, но допускает внутри себя, без изменения или модификации своей собственной вечной природы, подчиненное и одновременное осознание посредством включения и пребывания внутри. Бытие, само-существующее видит все существования в одном своем существовании; оно содержит их все и знает их как бытие своего бытия, сознание своего сознания, мощь своей мощи, блаженство своего блаженства; оно в то же время, необходимо, является “я” в них и знает все в них при помощи своей проникающе населяющей самости [selfness]: но все же все это сознание существует сокровенно, само-очевидно, автоматически, без необходимости какого-либо акта, отношения или операции знания; ведь знание здесь является не актом, а состоянием чистым, вечным и внутренне присущим. В базисе всего духовного знания лежит это сознание тождества и посредством тождества, которое знает или попросту осознает все как себя. Переведенное на язык нашего восприятия, это становится тройным знанием, сформулированным Упанишадами: “Он, кто видит все существования в Я”, “Он, кто видит “я” во всех существованиях”, “Он, в ком “я” стало всеми существованиями”, — включение, пребывание и тождество: но в фундаментальном сознании это видение является духовным само-чувством, видением, предстоящим само-светом бытия, не отдельным отношением или отношением “я”, повернувшимся к объекту. Но в этом фундаментальном само-переживании может проявиться некий взгляд сознания, который хотя и является внутренне возможной, неизбежно само-содержащейся мощью духа, но не является первым активным элементом поглощенной внутренне присущей само-озаренности и само-очевидности верховного сознания. Этот взгляд принадлежит другому статусу верховного духовного сознания или вводит в него, в тот статус, в котором начинается то знание, каким мы его знаем; существует состояние сознания и в нем существует акт познания, сокровенный ему: Дух рассматривает себя, становится познающим и познанным, некоторого рода субъектом и объектом, — или, скорее, субъектом-объектом в одном, — своего собственного само-знания. Но этот взгляд, это знание все еще внутренне присуще, все еще само-очевидно, все еще акт тождества; нет начала того, что мы переживаем как отдельное знание.

Но когда субъект отходит немного назад от себя как от объекта, тогда определенные третичные мощности духовного знания, знания посредством отождествления, берут свое начало. Существует духовное сокровенное видение, духовное все-проникающее вхождение и проникновение, духовное чувство, в котором один видишь все как себя, чувствуешь все как себя, касаешься всего как себя. Существует мощь духовного восприятия объекта и всего того, что он содержит или чем является, воспринимающая в обволакивающем и проникающем тождестве, которое само составляет восприятие. Существует духовное понимание, являющееся изначальной субстанцией мышления, не того мышления, что открывает неизвестное, а того, которое выносит сокровенно известное из объекта и помещает его в само-пространство [self-space] в расширенном бытии само-осознания, в качестве объекта понятийного само-знания. Существует духовная эмоция, духовное чувство, существует переплетение тождества с тождеством, бытия с бытием, сознания с сознанием, восторга бытия с восторгом бытия. Существует радость сокровенной отдельности в тождестве, радость отношений любви, соединенной с любовью в верховном единстве, существует восторг многих мощностей, истин, существ вечного тождества, форм Бесформенного; вся игра становления в бытии основывает свое само-выражение на этих мощностях сознания Духа. Но по своему духовному происхождению все эти мощности

сущностны, не инструментальны, не организованы, не изобретены или созданы; они суть светлая само-осознающая субстанция духовного Идентичного, сделанного активным на себе и в себе, духа, сделавшего зрение, духа, вибрирующего как чувствование, духа, само-светлого как восприятие и представление. Все это в действительности является знанием посредством тождества, само-мощным, само-движущимся в многообразной самости одного-осознания. Бесконечное само-переживание Духа движется между полнейшим тождеством и многогранным тождеством, восторгом сокровенно дифференцированного единства и поглощающим само-экстазом.

Отделенное знание появляется тогда, когда чувство разницы затмевает чувство тождества; “я” все еще постигает свое тождество с объектом, но доводит до своей крайности игру сокровенной отдельности. Поначалу нет чувства “я” и не-я, а есть только чувство я и другого-я. Определенное знание тождества и посредством тождества все еще присутствует, но оно имеет тенденцию сначала быть более замысловатым, затем притопленным, и затем настолько замещенным знанием через взаимобмен и контакт, что оно рисуется вторичным осознанием, как если бы было результатом, и более не причиной, взаимного контакта, все еще проникающим и охватывающим касанием, взаимопроникающей сокровенностью отдельных я. Наконец, тождество исчезает за вуалью, и возникает игра существа с другими существами, сознания с другим сознанием: все еще присутствует лежащее в основании тождество, но оно не переживается; его место занято прямым охватом и проникающим контактом, взаимопереплетением, взаимобменом. Именно благодаря этому взаимодействию остается возможным более или менее сокровенное знание, взаимное осознание или осознание объекта. Нет чувствования я, встречающего “я”, но есть взаимность; все еще нет полной отделенности, полной “чуждости” [otherness] и неведения. Это преуменьшенное сознание, но оно сохраняет некоторую мощь изначального знания, урезанного разделением, потерей своей первичной и сущностной полноты, управляемого теперь посредством разделения, реализующего близость, но не тождество. Присутствует мощь включения объекта в сознание, обволакивающего осознания и знания; но теперь включение внешне выраженного существования должно быть сделано элементом нашего “я” при помощи достигаемого и восстанавливаемого знания, путем сосредоточения сознания на объекте, путем концентрации, овладения объектом как частью существования. Присутствует мощь проникновения, но она не обладает естественной пронизаемостью и не ведет к тождеству; она собирает то, что может, вбирает приобретенное и передает субъекту содержимое объекта познания. Все еще существует прямой и проникающий контакт сознания с сознанием, создающий живое и сокровенное знание, но это знание ограничено точками или пределами контакта. Все еще есть прямое чувство, сознание-зрение, сознание-чувствование, которое может видеть и чувствовать то, что находится внутри объекта, как то, что снаружи и на поверхности. Все еще есть взаимное проникновение и взаимобмен между бытием и бытием, между сознанием и сознанием, существует взаимобмен и взаимопроникновение волн мышления, чувствования, энергии всех видов, которые могут быть движениями симпатии и единения или противостояния и борьбы. Может быть предпринята попытка объединения путем обладания “другими” или через собственное принятие обладания со стороны другого сознания или другого существа; либо может быть толчок к единению путем обоюдного включения, проникновения, взаимного обладания. Все это действие и взаимодействие осознается познающим при помощи прямого контакта, и именно на этом основании выстраивает он связи с миром вокруг себя. Отсюда берет начало знание путем прямого контакта сознания с объектом, что нормально для нашего внутреннего существа, но чуждо или только несовершенно известно нашей поверхностной природе.

Это первое отделяющее неведение все еще, очевидно, является игрой знания, но знания ограниченного и отдельного, игрой поделенного бытия, работающего над реальностью лежащего в основании единства и достигающего только несовершенного результата или продукта сокрытого тождества. Полное сокровенное осознание тождества и акт знания посредством тождества принадлежат к высшей полусфере существования: это знание путем прямого контакта составляет главный характер высочайших супрафизических ментальных планов сознания, тех, от которых наше поверхностное существо отгорожено стеной неведения; в преуменьшенной и более отделенной форме такое знание является свойством меньших супрафизических планов разума; оно есть или может быть элементом во всем, что супрафизично. Это главный инструментальный наш сублиминальный “я”, его центральные средства осознания; ведь сублиминальное “я” или внутреннее существо является проекцией из этих высших планов, предназначенной для встречи с подсознанием, и оно наследует характер сознания своих родных планов, с которыми оно сокровенно связано и соприкасается благодаря родству. В нашем внешнем существе мы являемся детьми Несознания; наше внутреннее существо делает нас наследниками высочайших высот разума и жизни и духа: чем больше мы открыты внутри, чем дальше мы идем внутрь, чем больше живем внутри, получаем изнутри, тем больше мы отходим от подчинения нашему несознательному началу и движемся ко всему, что сейчас сверхсознательно для нашего неведения.

Неведение становится законченным с полным отделением существа от существа: тогда прямой контакт сознания с сознанием полностью завуалирован или сильно перекрыт, даже если он все еще происходит внутри наших сублиминальных частей, точно также как существует, хотя и полностью сокрытое и не напрямую деятельное, тайное тождество и единство. На поверхности существует полная отделенность, деление на “я” и не-я; есть необходимость иметь

дело с не-я, но нет прямых средств познания его или овладения им. Тогда Природа создает не прямые средства, контакт при помощи физических органов чувств, проникновение толчков извне через нервные токи, устанавливает реакцию разума и его координации как помощь и дополнение к деятельности физических органов, — все это средство непрямого знания; ведь сознание вынуждено опираться на эти инструменты и не может воздействовать непосредственно на объект. К этим средствам добавляется рассудок, интеллект и интуиция, которые охватывают сообщения, так косвенно переданные, расставляют все по местам и используют данные этих сообщений, чтобы приобрести насколько возможно знание и господство и обладание не-я или настолько обрести частичное единство, насколько изначальное разделение позволяет это сделать отделенному существу. Этим средств явно недостаточно, и они зачастую неэффективны, и косвенный базис операции знания поражает знание фундаментальной неопределенностью: но эта начальная недостаточность внутренне присуща самой природе нашего материального существования и все еще невыпущенному существованию, которое возникает из Несознания.

Несознание является обратным воспроизводством верховного сверхсознания: оно имеет ту же абсолютность бытия и автоматического действия, но в обширном инволюционном транс; это бытие, потерянное в себе, погруженное в собственную пучину бесконечности. Вместо светлого поглощения в само-существовании ему присуща мрачная инволюция, тьма, завуалированная внутри тьмы Риг Веды, тама асит тамаса гудхам, делающая выглядящим подобно Не-Существованию; вместо светлого внутренне присущего само-осознания есть сознание, погруженное в пучину само-забвения, сознание, внутренне присущее бытию, но не пробужденное в бытии. Все же это инволюционное сознание все еще является сокрытым знанием посредством тождества; оно несет в себе осознание всех истин существования, скрытых в своем темном бесконечном, и когда оно действует или творит, — но оно действует сначала как Энергия, а не Сознание, — все выстраивается с точностью и совершенством сокровенного знания. Во всех материальных вещах пребывает безмолвная и инволюционная Идея Реальности, субстанциональная и само-действенная интуиция, безглазое точное восприятие, автоматический интеллект, вырабатывающий свои невыраженные и немислимые представления, машинально видящая гарантированность взгляда, немая непогрешимая надежность подавленного чувствования, облаченного в нечувствительность, которая исполняет все, что должно быть исполнено. Все это состояние и действие Несознательного совершенно явно соответствует тому же самому состоянию и действию Сверхсознания, но переведенному в термины само-тьмы вместо изначального само-света. Внутренне присущие материальной форме, эти мощности не поработаны этой формой, но все же работают в ее неомом подсознании.

В этом знании мы можем понять более ясно стадии появления сознания из инволюции до своей развернутой видимости, о чем мы уже имеем некоторое общее представление. Материальное существование имеет только физическую, не ментальную индивидуальность, но в нем есть сублиминальное Присутствие, один Сознательный в несознательных вещах, что определяет оперирование энергий, населяющих материальное существование. Если, как утверждается, материальный объект получает и сохраняет впечатление контактов вещей вокруг него и энергий, испускаемых им, так что оккультное знание может начать осознавать свое прошлое, может делать нас сознательными относительно испускаемых влияний, тогда внутренне присущее неорганизованное Осознание, пронизывающее форму, но еще не освещающее ее, должно быть причиной этой восприимчивости и этих способностей. Снаружи мы видим то, что материальные объекты, подобные растениям и минералам, обладают своими мощностями, свойствами и внутренне присущими воздействиями, но поскольку нет способности или средств сообщения, то эти их воздействия могут стать активными лишь благодаря существу, приведенному в контакт с персоной или объектом или благодаря сознательному использованию живущими существами, — такое использование является практической стороной не одной человеческой науки. Но эти мощности и влияния все еще являются атрибутами Бытия, не простой неопределенной субстанции, они суть силы Духа, всплывающего при помощи Энергии из своего само-поглощенного Несознания. Это первое грубое механическое действие внутренне поглощенной сознательной энергии разворачивается в первичных формах жизни в сублиминальные вибрации жизни, которые подразумевают вовлеченное чувство; есть стремление к росту, свету, воздуху, жизненному пространству, слепому чувствованию, которое все еще является внутренним и ограничено внутри недвижимого существа, неспособно сформулировать свои инстинкты, сообщения, вывести себя наружу. Недвижимость не организована так, чтобы устанавливать живые связи, она терпит и поглощает контакты, произвольно навязывает их, но не может накладывать их по желанию; несознание все еще преобладает, все еще вырабатывает все при помощи тайного вовлеченного знания посредством тождества, оно все еще не развило поверхностные контактные средства сознательного знания. Это дальнейшее развитие начинается с открыто сознательной жизни; то, что мы видим в ней, является заключенным сознанием, выбивающимся к поверхности: именно по принуждению этой борьбы отдельное живущее существо стремится, как бы ни слепо и поначалу внутри узких границ, вступить в сознательные связи с остальным мировым бытием вне себя. Именно благодаря растущему числу контактов, которые живое существо может получить и на которые оно может отвечать, и благодаря растущему числу контактов, которые оно может выпустить из себя или наложить для того, чтобы удовлетворить своим нуждам и побуждениям, существо живой материи развивает свое сознание, растет из несознания или подсознания в ограниченное отдельное знание.

Тогда мы видим все мощности внутренне присущими изначальному само-существующему духовному Осознанию, видим их медленно выдвигающимися и проявляющимися в этом растущем отделенном сознании; эти активности подавлены, но родственны тайному и вовлеченному знанию посредством тождества, и теперь они появляются по ранжиру в форме, странно преуменьшенной и пробной. Сначала появляется грубое или завуалированное ощущение, которое развивается в тонкие чувства, сложенные с витальным инстинктом или со скрытой интуицией; затем восприятие жизне-разума проявляет на своем гребне тусклое сознание-зрение и чувствование вещей; выбрасывается вибрирующая эмоция и ищет взаимообмена с другими; наконец, достигается поверхностное представление, мышление, рассуждение, охватывающее объект и проникающее в него, комбинирующее свои данные знания. Но все является неполным, все еще покалеченным отделяющим неведением и первым затмевающим несознанием; все зависит от внешних средств, не наделено полномочиями действовать по своему собственному праву: сознание не может непосредственно воздействовать на сознание; есть постоянный охват и проникновение в вещи сознанием разума, но нет настоящего обладания, нет знания благодаря тождеству. Только когда сублиминальное способно наложить на фронтальный разум и чувство некоторые из своих тайных активностей, наложить их чистыми и нетранслированными в обычные формы ментального интеллекта, тогда в действительности зачаточное действие более глубоких методов поднимает себя к поверхности; но такие проявления все еще исключения, они внезапно возникают наперекор нашей нормальности приобретаемого и выучиваемого знания с оттенком ненормальности и сверхнормальности. Именно только путем открытия нашего внутреннего существа или входа в него прямое сокровенное осознание может быть добавлено к внешнему непрямому осознанию. Только путем нашего пробуждения к сокровенной душе или сверх-сознательному "я" может быть положено начало духовного знания с тождеством в качестве своего базиса, своей составляющей мощности, своей сокровенной субстанции.

Глава XI

ГРАНИЦЫ НЕВЕДЕНИЯ

Один, кто думает, что есть этот мир и нет другого ...

Катха Упанишада (I.2.6)

Расширенный внутри Бесконечного ... безглавый и безногий, скрывающий два своих конца¹

Риг Веда (IV.1.7,11)

Кто обладает знанием “Я емь Брахман”, тот становится всем сущим; но тот, кто поклоняется другой божественности, не Одному “я”, и думает: “Другой он, и “я” другой”, тот не знает.

Брихадараньяка Упанишада (I.4,10)

Это “я” четырехкратно, — Пробужденное Я [the Self of Waking], имеющее внешний интеллект и наслаждающееся внешними вещами, составляет первую часть; Грезовое “я” [the Self of Dream], имеющее внутренний интеллект и наслаждающееся тонкими вещами, составляет вторую часть; “я” Сна [the Self of Sleep], объединенный, массовый интеллект, блаженный и наслаждающийся блаженством, составляет третью часть ... господь всего, всеведующий, внутренний Контроль. То, что невидимо, неопределимо, само-очевидно в своей одной самости [selfhood], составляет четвертую часть: это “я” [the Self], это то, что должно знать.

Мандукья Упанишада (Стихи 2-7)

Сознательное существо, не более большого пальца человека, находится в центре нашего я; он владыка прошлого и настоящего ... он — сегодня, и он — завтра.

Катха Упанишада (II.1.12,13)

Сейчас можно сделать обозрение основных линий Неведения, или этого отдельного знания, трудящегося к идентичному знанию [identical knowledge], того знания, что составляет нашу человеческую ментальность и, в более тусклой форме, все сознание, развитое ниже нашего уровня. Мы видим, что в нас это знание состоит из последовательности волн бытия и силы, давящих снаружи и поднимающихся изнутри, и становящихся веществом сознания и формулирующихся в ментальном постижении и ментализированном ощущении “я” и вещей во Времени и Пространстве. Время представляется нам потоком динамического движения, Пространство — объективным полем содержания для переживания этого несовершенного и развивающегося осознания. Благодаря непосредственному осознанию, ментальное существо, подвижное во Времени, вечно живет в настоящем; при помощи памяти оно предохраняет определенную часть переживаний своего “я” и вещей от того, чтобы она полностью унеслась от него в потоке времени в прошлое; при помощи мышления и воли и действия, при помощи энергии разума, энергии жизни, энергии тела, ментальное существо использует сохраненную часть переживаний для становления в настоящем и для того, чем оно собирается стать впоследствии; его сила бытия, сделавшая его тем, кем он сейчас есть, работает над тем, чтобы продлить, развить и усилить его становление в будущем. Весь этот ненадежно удержанный материал самовыражения и переживания вещей, это частичное знание, накопленное в последовательности Времени, координируется для человека при помощи восприятия, памяти, интеллекта и воли для того, чтобы быть использованным в вечноновом и вечно-повторяющемся становлении, и в ментальном, витальном, физическом действии, которое помогает ему расти в то, чем он станет, и выразить то, чем он уже является. Теперешняя тотальность всего этого переживания сознания и продукт энергии скоординированы для связи с его бытием, собраны в некую согласованность вокруг ощущения эго, которое формулирует привычку отклика само-переживания на контакты Природы в сохраняющемся ограниченном поле сознательного бытия. Именно эго-ощущение закладывает первую основу связанности того, что иначе могло бы быть вереницей или массой проносащихся впечатлений: все то, что так ощущается, соотносится с неким искусственным центром ментального сознания в понимании, идеей эго. Это эго-ощущение в жизненном веществе и эта эго-идея в разуме поддерживает сконструированный символ “я”, отдельного эго, которое исполняет обязанности спрятанного настоящего “я”, духа или истинного существа. Как следствие, поверхностная ментальная индивидуальность всегда эго-центрична; даже ее альтруизм является расширением ее эго: эго — это ось, изобретен-

¹ Голова и ступни, сверхсознательное и несознательное.

ная для того, чтобы удерживать вместе движение колеса нашей природы. Необходимость централизации вокруг эго длится до тех пор, пока не будет больше нужды в любом таком устройстве или приспособлении, потому что появилось истинное “я”, духовное существо, которое одновременно является колесом и движением и тем, что скрепляет все вместе, центром и окружностью.

Но когда мы изучаем себя, то находим, что само-переживание, которое мы таким образом координируем и сознательно используем для жизни, составляет малую часть даже нашего пробужденного индивидуального сознания. Мы ухватываем только очень ограниченное число ментальных ощущений и восприятий “я” и вещей, которые приходят в наше поверхностное сознание в нашем продолжающемся настоящем: опять же, из этих ощущений и восприятий память предохраняет только скудную часть от забвения в прошлом; из этого запаса памяти наш интеллект использует лишь малую часть для координированного знания, а наша воля использует для действия лишь незначительный процент этого. Узкий отбор, большое отвержение и оставление, скадерно-расточительная система пустых трат материала и незанятость ресурсов и скудная и беспорядочная толика полезного расхода и незначительный баланс полезного кажутся методом Природы в нашем сознательном становлении, что как раз и происходит в поле материальной вселенной. Но это только видимость, ведь будет совершенно неверным сказать, что все, что таким образом не сохранено и не использовано, становится нулем, разрушается и проходит незадействованным и уходит понапрасну. Большая часть всего этого была незаметно использована самой Природой для того, чтобы сформировать нас и привести в действие ту достаточно большую массу нашего роста и становления и действия, за которые не ответственны ни наша сознательная память, ни воля и интеллект. Еще большая часть используется ею как запасник, из которого она черпает и который она использует, тогда как мы сами полностью забыли происхождение и источник этого материала, который мы употребляем с обманчивым чувством творения; ведь мы представляем себе, что это мы создаем этот новый материал нашей работы, тогда как мы только комбинируем результаты из того, что мы забыли, но что Природа в нас все еще помнит. Если мы допустим перевоплощение как часть системы Природы, то осознаем, что всякий опыт не проходит даром; ведь весь опыт учитывается в этом длительном строении, и ничто не отвергается, кроме того, что исчерпало свою полезность и будет бременем на будущее. Суждение, которое мы черпаем сейчас на нашей сознательной поверхности, ошибочно: ведь когда мы изучаем и понимаем, то воспринимаем, что только малое из ее действия и роста сознательно в нас; основная масса выполняется подсознательно, как и в остальной части материальной жизни Природы. Мы являемся не только тем, что мы знаем о себе, но и неизмеримо большим, чего мы не знаем; наша сиюминутная персональность является только пузырьком на поверхности океана нашего существования.

Поверхностное наблюдение над нашим пробужденным сознанием показывает, что мы не ведаем о значительной части нашего индивидуального бытия и становления; это для нас Несознательное, во многом точно так же как жизнь растения, металла, земли, элементов. Но если мы продвинем наше познание дальше, поставив психологический эксперимент и значительно расширив границы наблюдения, то обнаружим, насколько обширна сфера этого предположенного Несознательного или этого подсознательного в нашем тотальном существовании, — подсознательного, таким кажущегося и так называемого нами, потому что это сокрытое сознание, — и насколько малая и фрагментарная часть нашего бытия покрыта нашим пробужденным само-осознанием. Мы приходим к тому знанию, что наш пробужденный разум и эго являются только наложением на погруженное, сублиминальное “я”, — ведь так это “я” видится нам, — или, точнее, на внутреннее существо с гораздо большими возможностями переживания; наш разум и эго подобны венцу и куполу храма, выступающему над поверхностью моря, тогда как основная часть строения погружена под воду.

Это сокрытое “я” и сознание составляют наше настоящее или целостное существо, по отношению к которому внешнее предстает частью и явлением, отобранным образованием для поверхностного использования. Мы воспринимаем лишь малую часть контактов вещей, которые сталкиваются с нами; внутреннее существо воспринимает все то, что входит в нас или касается нас или нашего окружения. Мы воспринимаем лишь часть наработок нашей жизни и существа; внутреннее существо воспринимает так много, что мы почти могли бы предположить, что ничто не ускользает из его обзора. Мы помним лишь малую выборку наших восприятий, и даже большую часть этих восприятий мы держим в запаснике, из которого мы не всегда можем извлечь то, что требуется; внутреннее существо сохраняет все, что оно когда-либо получило, и держит это всегда под рукой. Мы можем оформить в координированное понимание и знание лишь столько из наших восприятий и воспоминаний, сколько наш тренированный интеллект и ментальная способность могут охватить в своем ощущении и оценить в своих связях: интеллекту внутреннего существа не требуется никакого обучения, он сохраняет точную форму и связи всех восприятий и воспоминаний и, — хотя это высказывание может считаться сомнительным или трудно постигаемым в своей полноте, — может сразу же охватить их значение, если он уже не обладал им. И восприятия внутреннего существа не ограничены, как по обыкновению ограничены восприятия пробужденного разума, скудными обрывочными сведениями физических чувств, а далеко превосходят их пределы и используют, как в явлении телепатии, тонкое чувство, границы которого слишком широки для того, чтобы их можно было легко установить. Связи между поверхностной волей или порывом и

сублиминальным побуждением, ошибочно описываемом как несознательным или подсознательным, не были должным образом изучены, кроме как в отношении необычных и неорганизованных проявлений и в отношении паталогически ненормальных явлений большого человеческого разума; но если мы проведем наше наблюдение достаточно далеко, то обнаружим, что понимание и воля или побудительная сила внутреннего существа реально стоит позади целого сознательного становления; сознательное становление представляет лишь часть тайного усилия и достижения, которое успешно поднялось на поверхность нашей жизни. знать наше внутреннее существо — первый шаг к настоящему само-знанию.

Если мы предпримем это само-открытие и расширим наше знание сублиминального “я”, постигая его так, чтобы включить в него нашу нижнюю подсознательную и верхнюю сверхсознательную крайности, то откроем, что именно это сублиминальное существо составляет весь материал нашего видимого существа и что наши восприятия, наши воспоминания, наши исполнения воли и интеллекта являются только выборкой из его восприятий, воспоминаний, действий и связей воли и интеллекта; само наше эго предстает только малым и поверхностным образованием его само-сознания и само-переживания. сублиминальное — это море, из которого возникают волны нашего сознательного становления. Но где его граница? как далеко оно простирается? в чем его фундаментальная природа? Обычно мы говорим о подсознательном существовании и включаем в это понятие все то, что не находится на пробужденной поверхности. Но все или большая часть внутреннего или сублиминального “я” вряд ли может характеризоваться этим эпитетом: ведь когда мы говорим “подсознательное”, то имеем в виду скорее темное несознание или полусознание, либо же погруженное сознание, в известном смысле более низкое и меньшее, чем наше пробужденное организованное осознание или, по крайней мере, менее обладающее собой. Но, идя внутрь, мы обнаруживаем, что где-то в нашей сублиминальной части, хотя не равнопротяженное ей, ведь сублиминальная часть содержит также темные и невежественные области, — существует сознание гораздо более широкое, более светлое, более обладающее собой и вещами, чем то, что бодрствует на поверхности и ведет счет нашим дням; это наше внутреннее существо, и именно его должны мы считать нашим сублиминальным “я” и отделять подсознательное как низкую оккультную часть нашей природы. точно также существует сверхсознательная часть нашего тотального существования, в которой присутствует то, что мы открываем как наше высочайшее “я”, и это тоже мы должны отделить как высшую оккультную часть нашей природы.

Но чем тогда является подсознательное, где оно начинается и как оно связано с нашим поверхностным существом или сублиминальным, частью которого оно имеет склонность казаться? Мы осознаем наше тело и знаем, что имеем физическое существование, даже в большой степени идентифицируем себя с ним, и все же большинство его операций в действительности подсознательны для нашего ментального существа; не только разум не принимает участия в них, а и наше наиболее физическое существо не осознает собственные сокрытые операции или собственное существование; оно знает или, скорее, чувствует в отношении себя лишь столько, насколько оно освещено разумом-чувством и насколько наблюдаемо при помощи интеллекта. Мы осознаем витальность, работающую в этой телесной форме и структуре как в растении или низшем животном, витальное существование, которое также по большей части подсознательно для нас, ведь мы только наблюдаем некоторые из его движений и реакций. Мы частично осознаем операции витальности, но никак уж все их или большинство их, и осознаем скорее те, что ненормальны для витальности, чем то, что нормальны; ее требования воздействуют на нас сильнее, чем ее удовлетворения, ее болезни и расстройства — сильнее, чем ее здоровье и регулярный ритм, ее смерть более впечатляет нас, чем ее жизнь; о витальном мы знаем столько, сколько можем сознательно наблюдать и использовать или насколько оно воздействует на нас болью и удовольствием и другими ощущениями или как причина нервной или физической реакции или возмущения, но не более того. Соответственно, мы предполагаем, что эта витально-физическая часть нас также не осознает собственных операций или имеет только подавленное сознание или не-сознание, подобно дереву, или имеет зачаточное сознание, подобно простейшим животным; она становится сознательной лишь настолько, насколько освещена разумом и наблюдаема интеллектом.

Это преувеличение и путаница происходит вследствие нашей идентификации сознания с ментальностью и ментальным осознанием. Разум отождествляет себя до определенной степени с движениями, свойственными физической жизни и тела, и присоединяет их к своей ментальности, так что все сознание кажется нам ментальным. но если мы отойдем назад, если отделим разум как свидетеля от этих наших частей, то сможем открыть, что жизнь и тело, — даже наиболее физические части жизни, — обладают своего рода сознанием, свойственным более темному витальному и телесному существу, даже таким элементарным осознанием, каким обладают примитивные животные формы, но которое в нас вобрано разумом и до этой степени ментализировано. Все же эта часть нашего существа, в своем независимом движении, не обладает ментальным осознанием, которым мы наслаждаемся; если есть в ней разум, то этот разум вовлеченный и неясный в теле и физической жизни: нет никакого организованного само-сознания, а есть только ощущение действия и реакции, движения, импульса и желания, нужды необходимой деятельности, наложенной Природой, есть голод, инстинкт, боль, нечувствительность и удовольствие. Несмотря на такой низкий ранг, эта часть нашего существа обладает своим осознанием — темным, ограниченным и автоматическим; но

поскольку она в меньшей степени обладает собой, пусто всего того, что для нас является отметкой ментальности, то мы вполне оправданно можем назвать ее субментальной, но не несознательной. Ведь когда мы становимся позади нее, когда мы можем отделить наш разум от ощущений, тогда мы постигаем, что это есть нервная и сенситивная и автоматически динамическая мощь сознания, степень осознания, отличающаяся от разума: она имеет свои собственные отдельные реакции на контакты и чувствительная к ним в своей собственной мощи чувствования; в этом отношении она не зависит от восприятия и отклика разума. Настоящее подсознательное отличается от этого витального или физического субстрата; это Несознательное, вибрирующее на границе сознания, поглощающее в своих глубинах впечатление прошлого опыта в качестве зерен несознательной привычки и возвращающее их постоянно, но часто хаотически, поверхностному сознанию, снаряжая и отправляя наверх пустячное или рискованное вещество, чье происхождение не ясно нам, делая это во сне, в различного рода механических повторениях, в неотслеживаемых побуждениях и мотивах, в ментальных, витальных, физических возмущениях и переворотах, в немых автоматических потребностях наиболее темных частей нашей природы.

Но сублиминальное “я” вовсе не имеет такого подсознательного характера: оно в полном обладании разумом, жизненной силой, ясным тонко-физическим ощущением вещей. Оно обладает теми же способностями, как и наше пробужденное существо, обладает тонким чувством и восприятием, охватывающей расширенной памятью и усиленным отбирающим интеллектом, волей, само-сознанием; но даже если эти способности — того же рода, но они более широкие, более развитые, более суверенные. Сублиминальное обладает и другими способностями, превышающими способности нашего смертного разума благодаря мощи прямого осознания существа, действующей в себе или обращенной на объект, мощи, которая быстрее достигает знания, более действенной воли, более глубокого понимания и удовлетворения импульса. Наш поверхностный разум с трудом можно назвать истинной ментальностью, поскольку он в большой степени ограничен, заторможен, обусловлен телом и телесной жизнью и пределами нервной системы и физических органов. Но сублиминальное “я” обладает истинной ментальностью, не затрагиваемой этими ограничениями; эта ментальность превосходит физический разум и физические органы, хотя она осознает их и их работы и на самом деле является их причиной или творцом. Оно подсознательно только в том смысле, что не выносит всего самого себя или большую свою часть на поверхность, работает всегда за покровом: оно является скорее внутренне-сознательным [intraconscious] и вокругсознательным [circumconscious], чем подсознательным; ведь оно охватывает настолько много, что поддерживает и внешнюю природу. Несомненно, это описание относится к более глубоким частям сублиминального; другим его слоям, находящимся ближе к поверхности, присуще более невежественное действие, и тот, кто, проникая внутрь, останавливается в зонах меньшей связности или в Ничей стране между сублиминальным и поверхностью, тот может впасть в большое заблуждение и сильно запутаться: но и эта часть, хотя и невежественная, также не имеет природу подсознательного; путаница этих промежуточных зон не сродни Несознанию.

Тогда мы могли бы сказать, что в тотальности нашего существа есть три элемента: существует сублиминальное и подсознательное, которое кажется нам несознательным, охватывающее материальный базис и добрую часть нашей жизни и тела; существует сублиминальное, которое охватывает внутреннее существо, вбирающее в свою целостность внутренний разум, внутреннюю жизнь, внутреннее физическое с душой или психической сущностью, поддерживающей их; существует это пробужденное сознание, которое выбрасывается на поверхность сублиминальным и подсознательным как волна их тайного побуждения. Но даже это не составляет полный перечень того, чем мы являемся; ведь существует не только нечто глубоко внутри, позади нашего обычного само-осознания, но и нечто высшее над ним: мы также являемся этим, отличным от нашей поверхностной ментальной личности, но не находящимся вне нашего настоящего я; это также страна нашего духа. Ведь надлежащее сублиминальное является не большим, чем внутренним существом на уровне Знания-Неведения, светлым, мощным и на самом деле расширенным далеко за пределы представлений нашего пробужденного разума, но в нем еще не заключен верховный или целостный смысл нашего бытия, высшая мистерия. При определенных переживаниях мы начинаем осознавать диапазон бытия, сверхсознательный по отношению к этим трем, осознавать также нечто из верховной высочайшей Реальности, поддерживающей и превосходящей их все, что человечество весьма неопределенно называет Дух, Бог, Наддуша [Oversoul]: нас навещают из этих сверхсознательных диапазонов, и в нашем высочайшем существе мы стремимся к ним и к этому верховному Духу. Следовательно, в тотальном диапазоне нашего существования есть сверхсознание, также как и подсознание и несознание, покрывающее и, возможно, охватывающее наше сублиминальное “я” и наше пробужденное “я”, но неизвестное нам, кажущееся недостижимым, с которым нельзя связаться.

Но с расширением нашего знания мы открываем, чем является этот Дух или Наддуша: в конечном итоге это наше собственное высочайшее, глубочайшее, обширнейшее “я”, на своих вершинах или в отражении в нас оно кажется Сатчитанандой, создающей нас и мир мощью Его божественного Знания-Воли, духовного, супраментального, истинно-сознающего, бесконечного. Это настоящее Существо, Господь и Создатель, кто в качестве Космического “я”, завуалированный в Разум и Жизнь и Материю, спустился в то, что мы называем Несознательным, и составляет и направляет подсознательное существование Его супраментальной волей и знанием, кто поднялся из Несознатель-

ного и пребывает во внутреннем существе, составляя и направляя сублиминальное существование той же волей и знанием, кто выбросил из сублиминального наше поверхностное существование и тайно пребывает в нем, обозревая с тем же всевышним светом и мастерством его спотыкающиеся и делаемые наощупь движения. Если сублиминальное и подсознательное можно сравнить с морем, выбрасывающим волны на поверхность нашего ментального существования, то сверхсознание можно сравнить с эфиром, который составляет, содержит, покрывает, населяет и определяет движение моря и его волны. Именно там, в этом высочайшем эфире мы сокровенно и внутренне сознаем наше “я” и дух, не как здесь, внизу, при помощи отражения в спокойном разуме или путем обретения знания о спрятанном Существе внутри нас; именно через него, через этот эфир сверхсознания можем мы перейти к верховному статусу, знанию, переживанию. Об этом сверхсознательном существовании, через которое мы можем достичь высочайшего статуса нашего настоящего, нашего верховного “я”, мы обычно не ведаем еще в большей степени, чем об остальном нашем существе; все же именно в знание этого существования наше существо, возникшее из инволюции в Несознании, стремится в борьбе эволюционировать. Это ограничение нашим поверхностным существованием, это несознание нашего высочайшего или нашего глубинного “я” составляет наше первое, наше капитальное неведение.

Мы существуем поверхностно путем становления во Времени; но здесь опять же, по причине этого становления во Времени, поверхностный разум, которым мы называем себя, не ведает обо всем долгом прошлом и долгом будущем, осознает лишь ту малую жизнь, которую помнит, и даже не всю ее; ведь многое ускользнуло от его наблюдения, многое выпало из его памяти. Мы легко верим в то, — по той простой и вынужденной, но недостаточной причине, что не помним, не воспринимали, не информированы о чем-либо еще, — что сначала мы пришли в существование путем физического рождения в этой жизни и затем прекратим существование по причине смерти этого тела и прекращения этой краткой физической активности. Но тогда как это верно по отношению к нашей физической ментальности и физической витальности, нашей телесной оболочке, ведь они были собраны в нашем рождении и растворятся со смертью, то это неверно по отношению к нашему настоящему становлению во Времени. Ведь наше настоящее “я” в космосе есть Сверхсознательное, которое становится сублиминальным “я” и выбрасывает это видимое поверхностное “я” с целью разыграть краткую ограниченную партию, предписанную ему между рождением и смертью в качестве теперешнего жития и сознательного само-образования существа в веществе мира несознательной Природы. Истинное существо, каким мы являемся, с концом одной жизни умирает ничуть не больше, чем актер прекращает существовать, отыграв одну из своих ролей, или чем поэт, когда он излил нечто из себя в одной из своих поэм; наша смертная личность является всего лишь такой ролью или таким созидательным само-выражением. Принимаем ли мы или нет теорию многих рождений той же самой души или психического существа в различных человеческих телах на земле, несомненно то, что наше становление во Времени уходит далеко назад в прошлое и далеко продолжается в будущем. Ведь ни сверхсознательное, ни сублиминальное не может быть ограничено несколькими моментами Времени: одно — вечно, и Время является только одной из его мод; для другого, для сублиминального, бесконечное поле разнообразного опыта и само существование существа предполагает все прошлое само по себе и равным образом все будущее. Все же из этого прошлого, единственно которое объясняет наше теперешнее бытие, наш разум знает, если это можно назвать знанием, лишь это действительное физическое существование и его воспоминания: о будущем, единственно которое объясняет постоянную тенденцию нашего становления, он не знает ничего. Мы настолько прикреплены к переживанию нашего неведения, что даже настаиваем, что что-либо можно узнать лишь по его доказательствам, и иное узнать нельзя, потому что будущее еще не вошло в существование, а прошлое из него уже вышло; все же они оба присутствуют здесь в нас, прошлое — вовлеченным и действенным, будущее — готовым развиваться в непрерывности тайного духа. Это другое ограничивающее и разочарывающее неведение.

Но само-неведение человека не кончается даже здесь; ведь человек не ведает не только о своем сверхсознательном “я”, своем сублиминальном “я”, но и не ведает о мире, в котором сейчас живет, мире, который постоянно действует на него и через него и на который и через который должен человек действовать. И печатью неведения отмечено то, что человек считает мир чем-то совершенно отдельным от него, не-я, потому что мир есть что-то другое, отличное от его индивидуального природного образования и его эго. Точно также, когда человек сталкивается со своим сверхсознательным “я”, то думает о нем поначалу как о нечто совершенно отличном от себя, внешнем, даже как об экстракосмическом Боге; когда человек сталкивается со своим сублиминальным “я” и начинает его осознавать, тогда оно кажется ему сначала другой большей личностью или другим сознанием, отличным от его собственного, которое может поддерживать и направлять его. В мире он считается с одним лишь мыльным пузырем, своей жизнью и телом, что он считает самым собой. Но когда мы входим в наше сублиминальное сознание, то находим его расширенным до соразмерности с миром; когда мы входим в наше сверхсознательное “я”, то обнаруживаем, что мир является только его проявлением и что все в нем есть Одно, все в нем есть наше я. Мы видим, что существует одна неделимая Материя, по отношению к которой наше тело предстает узлом, одна неделимая Жизнь, по отношению к которой наша жизнь предстает вихрем, один неделимый Разум, по отношению к которому наш разум

предстает принимающей и записывающей, формирующей или транслирующей и передающей станцией, существует один неделимый Дух, по отношению к которому наша душа и индивидуальное существо являются долей или проявлением. И только эго-ощущение, которое производит разделение и из-за которого мы поверхностно барахтаемся в неведении, находит в себе силы поддерживать крепкие, хотя и всегда проницаемые стены, которые оно создало для своего собственного заточения. Эго — это наиболее грандиозный узел, привязывающий нас к Неведению.

И как мы не ведаем о нашем существовании во Времени, за исключением тех малых часов, которые мы помним, точно также мы не ведаем о нас самих в Пространстве, за исключением той пяди, которую мы ментально и чувственно сознаем, за исключением единственного тела, которое движется там, и за исключением разума и жизни, которые мы идентифицируем с телом, и мы рассматриваем окружение как не-я, с которым должны иметь дело и которое мы должны использовать: именно эта идентификация и это представление формирует жизнь эго. В соответствии с одним взглядом, Пространство является только со-существованием вещей или душ; Санкхья утверждает множественность душ и их независимое существование, тогда их со-существование возможно лишь благодаря единству Природной силы, их поля переживания, Пракрити: но, даже приняв это, есть существование, и в конечном итоге это со-существование в одном Бытии. Пространство есть само-зачинающее расширение того одного Бытия; это одно духовное Существование, разворачивающее поле движения своей Сознательной Силы в своем собственном “я” как Пространстве. Поскольку эта Сознательная-Сила концентрируется в многочисленных телах, жизнях, разумах, и душа возвышается над каждым из них, поэтому наша ментальность сосредоточена в этом, и считает это своим “я”, а все остальное — не-я, точно также как она считает свою одну жизнь, на которой сосредоточена в силу аналогичного Неведения, целостным выражением своего существования, отрезанного от прошлого и будущего. Все же, на самом деле, мы не сможем узнать нашу собственную ментальность, не познав один Разум, узнать нашу собственную витальность, не познав одну Жизнь, узнать наше собственное тело, не познав одну Материю; ведь не только природа малого определяется природой большего, но и в каждый момент активности большего воздействуют на меньшее и определяют его. Но, со всем этим морем бытия, накатывающем на нас, мы не разделяем его сознания, а знаем о нем лишь столько, сколько может быть принесено на поверхность наших разумов и быть скоординированным там. Мир живет в нас, думает в нас, формирует себя в нас; но мы воображаем, что именно мы живем, думаем, проходим отдельный процесс становления своими силами и ради себя. И как мы не ведаем о нашем безвременном, нашем сверхсознательном, нашем сублиминальном и подсознательном “я”, точно также мы не ведаем о нашем вселенском я. Единственно эти “я” спасают нас от того, чтобы нашим уделом навсегда не осталось неведение, полное импульсов и непреодолимо, вечно, самим законом своего бытия стремящееся к реализации само-обладания и само-знания. Многостороннее Неведение, стремящееся стать все-охватывающим Знанием — вот суть определение сознания человека, ментального существа, — или, взглянув с другой стороны, мы равным образом можем сказать, что это есть ограниченное отдельное осознание вещей, стремящееся стать интегральным сознанием и интегральным Знанием.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НЕВЕДЕНИЯ

Энергетикой сознания¹ сосредоточен Брахман; из этого рождена Материя, из Материи — Жизнь и из Жизни — Разум и миры.

Мундака Упанишада (I.1.8)

Он пожелал: “Пусть “я” буду Многим”, он сконцентрировался в Тапасе, при помощи Та- паса он создал мир; создавая, он вошел в него; входя, он стал существующим и запредельным существованием, он стал выраженным и невыраженным, он стал знанием и неведением, он стал истиной и ложью: он стал истиной, даже всем этим, что есть. “Та Истина”, — они называют его.

Тайттирия Упанишада (II.6)

Энергетика сознания¹ [energism of consciousness] есть Брахман.

Тайттирия Упанишада (III. 2-5)

Теперь становится возможным и необходимым вплотную рассмотреть проблему Неведения с точки зрения его прагматического происхождения, процесса сознания, принесшего Неведение в существование. Именно на основе интегрального Тожества как истины существования должны мы рассмотреть проблему и увидеть, какие решения приемлимы на этом базисе. Как это многогранное неведение или это узко само-ограниченное и отдельное знание смогло возникнуть или придти в действие или поддержать себя в действии в абсолютном Бытии, которое должно быть абсолютным сознанием и поэтому не может быть подвержено неведению? Как даже видимое разделение эффективно осуществляется и непрерывно удерживается в Неделимом? Существо, интегральное одно, не может не ведать о себе; и поскольку все вещи являются им самим, являются сознательными модификациями, определенностями его бытия, то оно также не может не ведать о вещах, об их истинной природе, об их настоящем действии. Но хотя мы говорим, что мы есть Тот, что Дживатман или индивидуальное “я” не есть нечто другое, чем Параматман, чем Абсолют, то все же мы определенно не ведаем как о самих себе, так и о вещах, из чего и следует то противоречие, что то, что по самому своему естеству должно быть не способным на неведение, все же способно на него, и погрузило себя в него при помощи некоторой воли своего бытия или некоторой необходимости или возможности своей природы. Мы не смягчим трудности, если скажем, что Разум, дающий пристанище неведению, является вещью Майи, является вещью не-существующей, не-Брахманом, и что Брахман, Абсолют, единственное Существование не может ни в какой мере быть затронут неведением разума, являющегося частью иллюзорного бытия, Асата, Не-Существования. Этот путь бегства закрыт для нас, если мы допускаем интегральное Тожество: ведь тогда очевидно, что делая столь радикальное разграничение и в то же время упраздняя его, называя его иллюзорным, мы используем магию или Майю мышления и слова, чтобы скрыть от самих себя тот факт, что мы делим Брахмана и отрицаем его единство; ведь мы возвели две противоположные мощности, Брахмана, неспособного на иллюзию и само-заблуждающуюся Майю, и неожиданно скрепили их невозможным единством. Если Брахман является единственным существованием, то Майя не может быть ничем иным, как мощью Брахмана, силой его сознания или результатом его бытия; и если Дживатман, единый с Брахманом, подчинен своей собственной Майи, тогда Брахман в нем подчинен Майе. Но по сути или фундаментально это невозможно: это подчинение может быть лишь покорностью чего-то в Природе действию Природы, которое является частью сознательного и свободного движения Духа в вещах, игрой своего собственного само-проявляющегося Всеведения. Неведение должно быть частью движения Одного, развитием своего сознания, с пониманием принятого, которому это движение не принудительно подчинено, а которое оно использует для своей космической цели.

Для нас также закрыт путь бегства ото всей трудности, сказав, что Дживатман и Всевышний не суть Одно, что они навечно различны, один подчинен неведению, а другой абсолютен в бытии и сознании, и поэтому — в знании; ведь это противоречит верховному переживанию и всему опыту, переживанию единства в бытии, каким бы различным не было действие Природы. Легче принять факт единства в разнице, факт, совершенно очевидный и пронизывающий все построение вселенной и удовлетворяющий нас самих утверждением, что мы составляем одно, хотя и различны, составляем одно в сущностном бытии и поэтому в сущностной природе, и различны в формах души и поэтому различны в деятельной природе. Но тем самым мы только констатируем факт, оставляя неразрешенным трудный вопрос, порождаемый и этим фактом и заключающийся в том, как то, что по своей сущности бытия принадлежит

¹ Тапас.

единству Абсолюта и потому должно быть единым с ним и всем в сознании, приходит к тому, чтобы быть поделенным в динамической форме “я” и своей деятельностью и быть подчиненным Неведению. Также следует отметить, что это утверждение не совсем верно, поскольку Дживатман может войти в единство с активной природой одного и не только в статическое сущностное тождество. Либо мы можем избежать трудности, сказав, что за пределами или над существованием и его проблемами присутствует Непостижимое, находящееся за пределами нашего опыта или над ним, и что действие Майи уже началось в Непостижимом, прежде чем зародился мир, и поэтому это действие само по себе непостижимо и необъяснимо в своей причине и своем происхождении. Это будет разновидностью идеалистического Агностицизма в противоположность материалистическому. Но любой агностицизм страдает тем недостатком, что он не может быть ничем большим, как нашим отказом познавать, излишней готовностью принять видимое теперешнее ограничение или узость сознания, чувство несостоятельности, что может быть допущено для непосредственных разума, но не для Дживатмана, единого с Всевышним. Всевышнее должно наверняка знать самого себя и знать причину неведения, и поэтому у Дживатмана нет основания терять надежду на любое знание или отрицать свою способность познания интегрального Всевышнего или изначальной причины своего собственного теперешнего неведения.

Непостижимое, если оно вообще существует, может быть верховным состоянием Сатчитананды за пределами наших высочайших представлений о существовании, сознании и блаженстве; вот что очевидно подразумевалось под Асатом, Не-Существующим Тайттири Упанишад, единственно которое было вначале и из которого было рождено существующее, и также возможно, что это может быть сокровенным смыслом Нирваны Будды: ведь растворение нашего теперешнего состояния в Нирване может быть достижением некоторого высочайшего состояния за пределами всякого представления или переживания “я”, невыразимым освобождением из нашего ощущения существования. Либо оно может быть абсолютным и необусловленным блаженством Упанишад, которое лежит за пределами выражения и понимания, потому что превосходит все то, что мы можем постичь или описать как сознание и существование. Это тот смысл, в котором мы уже приняли Непознаваемое; ведь это принятие приводит нас к отказу поставить пределы в подъеме к Бесконечному. Или, если не это, если Не-Существование совершенно отличается от существования, то оно должно быть абсолютным Не-Бытием нигилистического мыслителя.

Но из абсолютного Ничто ничто и не может придти, даже что-либо попросту кажущееся, даже иллюзия; и если абсолютное Не-Существование не это, тогда оно может быть абсолютной вечно нереализованной потенциальностью, таинственным нулем Бесконечного, из которого в любой момент могут возникнуть относительные потенциальности, из которых только часть в действительности преуспевает в появлении в феноменальной видимости. Из такого Не-Существования может возникнуть все, что угодно, и невозможно ответить “как” или “почему”; в практическом отношении получается, что из семени абсолютного хаоса благодаря счастливому, — или, тогда уж, несчастливому, — случаю возник порядок вселенной. Либо мы можем сказать, что нет настоящего порядка во вселенной; то, что мы принимаем за таковой, это сохраняющаяся привычка чувств и жизни и вымысел разума, и бесполезно искать окончательную причину вещей. Абсолютный хаос может породить любой порядок и любой абсурд, и мир есть такой парадокс, мистическая сумма противоположностей и загадок, или может быть, как кто-то чувствовал или думал, мир есть громадная ошибка, чудовищный, бесконечный бред. Источником такой вселенной может быть не абсолютное Сознание и Знание, а абсолютное Несознание и Неведение. Любая вещь может быть истинной в таком космосе: каждая вещь может быть рождена из ничего; думающий разум может быть только заболеванием безрассудной силы или несознательной Материи; доминирующим устройством, которым, как мы предположили, является существование согласно истине вещей, реально может быть механический закон вечного само-неведения, а не самоэволюция верховной само-правляющей сознательной воли; вечное существование может быть постоянным явлением вечного Нуля. Все мнения о происхождении вещей становятся равносильными, поскольку все равным образом справедливо или несправедливо; ведь все становится равно возможным там, где нет надежной начальной точки и где нет установленной цели оборотов становления. Все эти суждения так или иначе были высказаны человеческим разумом, и во всех них была своя польза, даже если мы рассматриваем их как ошибочные; ведь ошибки допустимы для разума, потому что они открывают двери истине — негативно, разрушая противоположные ошибки, — позитивно, подготавливая элементы новой конструктивной гипотезы. Но в дальнейшем своем развитии этот взгляд на вещи ведет к отрицанию всей цели философии, ищущей знания, а не хаоса, цели, которая не может быть достигнута, если последним словом знания является Непознаваемое, и может быть достигнута, если последним словом является нечто, используя слова Упанишад, познав которое, познаешь все [which being known all is known]. Непостижимое, — не абсолютно непостижимое, а находящееся за пределами ментального знания, — может быть только высочайшим уровнем в интенсивности существа того Нечто, уровнем превыше всякого верха, достижимого ментальными существами, и если оно познано так, как оно должно знать себя, то это открытие не разрушит полностью то, что было дано нам посредством наиболее высокого знания, а скорее доведет до высочайшего исполнения и большей истины то, что уже было обретено с помощью само-видения и само-переживания. Следовательно, это Нечто, некий Абсолют, который может быть так познана, что все истины могут уместиться в нем и благодаря ему и найдут там

свое примирение, этот Абсолют мы должны открыть как нашу начальную точку и придерживаться ее как постоянной базы мышления и видения, и найти таким путем решение проблемы; ибо это и есть Тот, единственно который может нести в себе ключ к парадоксам вселенной.

Это нечто есть, как постоянно утверждает Веданта, и как мы всегда утверждали, но своей явной природе Сатчитананда, триединство абсолютного существования, сознания и блаженства. Именно с этой первичной истины должны мы стартовать, подступаясь к проблеме, и тогда очевидно, что решение должно быть найдено в действии сознания, проявляющемся как знание и все же ограничивающего это знание таким образом, чтобы создать явление Неведения, — и поскольку Неведение есть явление динамического действия Силы Сознания, не сущностный факт, а творение, последствие этого действия, то именно аспект Силы Сознания будет полезным рассмотреть. Абсолютное сознание есть по своей природе абсолютная мощь; природой Чита является Шакти: Сила или Шакти, сконцентрированная и побуждаемая к познанию или действию в высвобожденной мощности, действенной или созидательной, мощь сознательного бытия, пребывающая в себе и выносящая тепло инкубации² семя и развивающая все то, что сокрыто внутри него, или, используя язык, более удобный для нашего разума, развивающая все его истины и потенциальности, создала вселенную. Если мы исследуем свое собственное сознание, то увидим, что эта мощь энергии семени, прикладывая себя к своему объекту, является по-настоящему наиболее позитивной динамической силой, которой обладает сознание; этой силой достигается все знание и действие и творение. Но для нас существует два объекта, на которые может воздействовать этот динамизм: мы сами, наш внутренний мир, и другие, будь то творения или вещи, внешний мир вокруг нас. Это разграничение со своими действительными и оперативными последствиями не применимо тем же образом к Сатчитананде, как к нам, потому что все есть Сатчитананда, и все находится внутри нее, и нет такого разделения, которое мы делаем из-за ограничений нашего разума. Во-вторых, только часть силы нашего бытия идентифицируется в нас с нашим добровольным действием, с нашей волей, вовлеченной в ментальную или иную деятельность, остальное же для нашего поверхностного ментального осознания является в своем действии непроизвольным или подсознательным или сверхсознательным, и из этого разделения также возникает большое число важных практических последствий: но в Сатчитананде это разделение и его последствия также не приемлемы, поскольку все есть одно неделимое “я”, и все действия и результаты являются движениями одной неделимой воли, сознательной силы в динамическом оперировании. Тапас также составляет природу деятельности сознания Сатчитананды, как и нашего сознания, но это интегральный Тапас интегрального сознания в неделимом Существовании.

Но здесь может возникнуть вопрос, ведь поскольку помимо активности в Существовании и Природе есть еще и пассивность, недвижимый статус наравне с кинезисом, то каково тогда место и роль этой Силы, этой мощи и ее концентрации по отношению к статусу, где нет игры энергии, где все недвижимо. В нас самих мы по привычке ассоциируем наш Тапас, нашу сознательную силу, с активным сознанием, с энергией в игре и внутреннем или внешнем акте и движении. То, что в нас пассивно, не производит действия или производит только непроизвольное или механическое действие, и мы не связываем это с нашей волей или сознательной силой; все же, поскольку там также есть возможность действия или появления автоматической деятельности, то это должно иметь, по крайней мере, пассивно отвечающую или автоматическую сознательную силу; или в этом присутствует либо тайно позитивный, либо негативный и обратный Тапас. Может так же случиться, что за этим непроизвольным действием стоит большая сознательная сила, мощь или воля, неизвестная нам, — если не воля, то по крайней мере, некоторая разновидность силы, которая сама зачинает действие или отвечает на контакты, предложения, возбуждения вселенской Энергии. Мы знаем, что в Природе вещи стабильные, инертные или пассивные все же также поддерживаются в своей энергии при помощи тайного и нескончаемого движения, поддерживаются энергией в действии, охватывающей видимую неподвижность. Здесь также все поддерживается присутствием Шакти, действием ее мощи в концентрации, Тапасом. Но за пределами этого, за пределами этого относительного аспекта статики и кинетики, мы обнаруживаем, что обладаем мощью достичь того, что кажется нам абсолютной пассивностью или недвижимостью нашего сознания, в чем мы прекращаем всю ментальную и физическую деятельность. Тогда кажется, что существует активное сознание, в котором сознание работает как энергия, выбрасывающая из себя знание и деятельность и характером которого является Тапас, и существует пассивное сознание, в котором сознание не действует как энергия, а только существует как статус и для которого характерно отсутствие Тапаса или силы в действии. Является ли реальным кажущееся

² Тапас буквально означает тепло, и только потом — любую разновидность побуждения, аскезы, строгости сознательной силы, действующей на себя или свой объект. Согласно древнему образному представлению, мир был сотворен Тапасом в форме яйца, скорлупа которого треснула, опять же благодаря Тапасу, под действием тепла инкубации сознательной силы, и появился Пуруша, Душа в Природе, подобно вылупившемуся из яйца птенцу. Можно заметить, что обычно встречающийся в английской литературе перевод слова тапасья как “покаяние” совершенно вводит в заблуждение, — идея покаяния редко когда входила в строгую простоту, практикуемую Индийскими аскетами. А также умерщвление плоти не было сущностью даже наиболее сурового само-сокрушающего аскетизма; целью было скорее превосходение опоры сознания на телесную природу или же сверхнормальное пробуждение сознания и воли для достижения некоторой духовной или иной цели.

отсутствие Тапаса в этом состоянии, или есть ли такое действительное разграничение в Сатчитананде? Тогда это подтвердило бы то, что уже имеется: дуальный статус Брахмана, молчащего и созидательного, в действительности является одним из наиболее важных и плодотворных разграничений в философии Индии; помимо того, это факт духовного опыта.

Давайте сначала заметим, что благодаря этой пассивности в нас самих мы от частного и фрагментарного знания переходим к большему и объединяющему знанию; далее, если, находясь в этом состоянии пассивности, мы полностью откроем себя запредельному, то сможем начать осознавать Мощь, действующую на нас, которая, как мы чувствуем, является не нашей собственной в ограниченном эгоистическом смысле, а вселенской или трансцендентальной, и что эта Мощь работает через нас ради большей игры знания, ради большей игры энергии, действия и результата, которые тоже, как мы чувствуем, являются не нашими собственными, а Божественными, исходящими из Сатчитананды, а мы представляем собой только поле или канал. Это происходит из-за того, что наше индивидуальное сознание отдыхает от невежественного ограниченного действия и открывает себя верховной статике или верховному действию. В последнем, более динамическом открытии, есть мощь и игра знания и действия, и это Тапас; но и в предшествующем, статическом сознании, очевидно, есть мощь познания и концентрация знания или, по крайней мере, концентрация сознания в недвижимости и само-реализации, и это также Тапас. Поэтому будет казаться, что Тапас, концентрация мощи сознания, составляет характер как пассивного, так и активного сознания Брахмана, и что наша собственная пассивность также обладает определенным характером невидимого поддерживающего или инструментализированного Тапаса. Именно концентрация энергии сознания подкрепляет все творение, все действие и кинезис; но также именно концентрация мощи сознания внутренне поддерживает или наполняет всю статику, даже наиболее недвижимую пассивность, даже бесконечный покой вечного молчания.

Но все еще можно сказать, что в конечном итоге существуют две различные вещи, и это видно из разницы их продуктов, кажущихся противоположными; ведь отход в пассивность Брахмана ведет к прекращению этого существования, а отход в активность Брахмана ведет к продолжению этого существования. Но здесь также следует заметить, что это разграничение возникает благодаря движению индивидуальной души от одного положения к другому, от положения Брахмана-сознания в мире, где это сознание есть точка опоры или ось вселенского действия, к или по направлению к положению Брахмана-сознания за пределами мира, где оно есть мощь воздерживания энергии от вселенского действия. Более того, если энергией Тапаса осуществляется распределение силы бытия в мировом действии, то равным образом энергией Тапаса осуществляется отход этой силы бытия. Пассивное сознание Брахмана и его активное сознание не являются двумя различными конфликтующими и несовместимыми вещами; они суть одно и то же сознание, одна и та же энергия, в одной крайности — в состоянии само-отхода, в другой — брошенная в движение само-отдачи и само-развертывания, подобно покоящемуся резервуару с истекающими из него потоками. В действительности, за каждой активностью существует и должна быть пассивная мощь бытия, из которой эта активность возникает, при помощи которой она поддерживается, которая даже, как мы видим в конечном итоге, управляет ею, оставаясь позади и не идентифицируясь с ней полностью, — по крайней мере, в смысле само-бытия, всего вылитого в действие и неотличимого от него. Такое само-исчерпывающееся отождествление невозможно; ведь никакое действие, каким бы обширным оно ни было, не исчерпывает изначальной мощи, из которой оно происходит, не оставляя ничего за собой в запасе. Когда мы отходим в наше собственное сознательное бытие, когда мы становимся позади нашего собственного действия и видим, как оно делается, то обнаруживаем, что именно наше целостное бытие стоит позади любого частного акта или суммы активностей, пассивное в остальных частях своей интегральности, и активное в ограниченном распределении своей энергии; но эта пассивность не есть ни на что не способная инерция, это положение само-сохраняемой энергии. Аналогичная истина должна еще в большей степени быть применимой к сознательному бытию Бесконечного, чья мощь в молчании статики, как и в творении, должна также быть бесконечной.

Сейчас несущественно, является ли та пассивность, откуда все возникает, абсолютной или только относительной по отношению к наблюдаемому действию, от которого она держится в стороне. Достаточно заметить, что хотя ради удобства нашего разума мы делаем разграничение, но на самом деле нет пассивного Брахмана и активного Брахмана, а есть один Брахман, Существование, которое приберегает свой Тапас в том, что мы называем пассивностью, и отдает Себя в том, что мы называем Его активностью. В целях действия есть два полюса одного бытия или двойная мощь, необходимая для творения; действие выходит на круги своя из резервирования и возвращает ему, предположительно, те энергии, что были выведены, чтобы затем снова броситься в новый круг. Пассивность Брахмана есть Тапас или концентрация Его бытия, пребывающая в Себе в само-поглощенной концентрации Его недвижимой энергии; активность есть Тапас Его бытия, испускающий все то, что подспудно зрело, испускающий все это в движение и распространяющий все это в миллионах волн действия, все еще пребывая в них и высвобождая в них истины и потенциальности бытия. Там также есть концентрация, но концентрация множественная, кажущаяся нам распылением. Но на самом деле это не распыление, а развертывание; Брахман не бросает Свою энергию из Себя с тем, чтобы она была потеряна в некоторой нереальной внешней пустыне, а держит ее в работе вокруг Своего бытия,

сохраняя ее неурезанной и непреуменьшенной во всем непрерывном процессе обращения и трансмутации. Пассивность есть величайшее сохранение Шакти, Тапаса, поддерживающее многогранное введенное движение и трансмутации в формах и происходящем; активность есть сохранение Шакти, Тапаса в движении и трансмутации. Как в нас самих, так и в Брахмане, оба эти состояния родственны друг другу, оба одновременно со-существуют, это два полюса в действии одного Существования.

Тогда Реальность не есть ни вечная пассивность недвижимого Бытия, ни вечная активность Бытия в движении, а также не является она чередованием во Времени этих двух вещей. Кроме того, в действительности, Реальность не предстает единственной абсолютной истиной реальности Брахмана; противопоставление верно лишь в связи с активностями Ее сознания. Когда мы воспринимаем Ее разворачивание сознательной энергии Ее бытия во вселенском действии, то говорим о Реальности как о подвижном активном Брахмане; когда мы воспринимаем Ее одновременное разворачивание сознательной энергии при Ее отходе от действия, то говорим о Ней как о недвижимом пассивном Брахмане, — Сагуна и Ниргуна, Кшара и Акшара: иначе эти термины не имеют смысла; ведь есть одна реальность, а не две независимые реальности, одна недвижимая, а другая подвижная. В обычном взгляде на эволюцию души в действии, праврти, и ее инволюцию в пассивность, ниврти, предполагается, что в действии индивидуальная душа становится невежественной, не знающей о своем пассивном бытии, которое предполагается истинным, и в пассивности она окончательно становится незнающей о своем активном бытии, которое предполагается ее ложным или только видимым бытием. Но этот взгляд порождается тем, что эти два движения происходят для нас попеременно, как в нашем сне и пробуждении; при пробуждении мы переходим в незнание об условиях, окружавших нас во сне, во сне мы впадаем в неведение о нашем пробужденном бытии. Но это происходит вследствие того, что только часть нашего существа совершает это попеременное движение, и мы ложно думаем о нас самих как только об этом частичном существовании: но при более глубоком психологическом переживании мы можем обнаружить, что большее существо в нас в совершенстве осознает все то, что произошло даже в том, что для нашего частичного и поверхностного существа является состоянием несознания; это большее существо не ограничивается ни сном, ни бодрствованием. Также обстоит дело и в наших отношениях с Брахманом, являющимся нашим реальным и интегральным бытием. В неведении мы отождествляем себя только с частичным осознанием, ментальным или духовно-ментальным по своей природе, которое в движении становится незнающим о своем статическом я; в этой нашей части, когда мы теряем движение, тогда в то же время теряем и опору на наше “я” действия, вступая в пассивность. В полной пассивности разум впадает в сон или входит в транс или же высвобождается в духовное молчание; но хотя это высвобождение является освобождением от неведения частичного бытия в своем потоке действия, но это высвобождение достигается путем надевания светлого незнания о динамической Реальности или путем светлого отделения от нее: духовно-ментальное существо остается само-поглощенным молчаливым сущностным статусом существования и становится либо неспособным на активное сознание, либо несовместимым со всей активностью; это освобождение молчания есть статус, через который душа переходит к своему путешествию к Абсолюту. Но существует и большее исполнение нашего истинного и интегрального существа, в котором как статическая, так и динамическая сторона “я” освобождены и исполнены в Том, что поддерживает обе стороны и не ограничено ни действием, ни молчанием.

Ведь Брахман не переходит поочередно от пассивности к активности и назад к пассивности при помощи остановки динамической силы бытия Реальности. Если это было бы так для интегральной Реальности, тогда, пока вселенная существует, не может быть пассивного Брахмана, все было бы действием, и если бы наша вселенная растворилась, то не стало бы активного Брахмана, все исчезло бы, и воцарилось бы недвижимое молчание. Но это не так, ведь мы можем осознавать вечную пассивность и само-сконцентрированный покой, пронизывающий и поддерживающий всю космическую активность и все многочисленное сосредоточенное движение, — и этого не могло бы быть, если в то время, пока продолжается какая-либо активность, не существовало бы внутри этой активности сосредоточенной пассивности, поддерживающей ее. Интегральный Брахман обладает одновременно как пассивностью, так и активностью, и не переходит поочередно от одного к другому как ото сна к бодрствованию: лишь некая частичная активность в нас, как видно, делает это, и при отождествлении себя с этой частичной активностью у нас возникает видимость этого чередования одного незнания и другого незнания: но наше истинное, наше интегральное существо не подвержено этим крайностям, и ему не требуется становиться несознающим свое динамическое “я”, чтобы обладать “я” молчания. Когда мы обретаем интегральное знание и интегральное освобождение как души, так и природы, свободных от неспособностей ограниченного частного и невежественного существа, тогда мы также можем обладать одновременно пассивностью и активностью, превышая оба полюса универсальности, не ограниченные никакой мощью “я” в его связи или не-связи с Природой.

Всевышний, как говорится в Гите, превышает как недвижимое я, так и подвижное существо; даже составленные вместе, они не представляют всего, чем он является. Ведь очевидно, что мы не подразумеваем, когда говорим об одновременном обладании, что он представляет собой сумму из пассивности и активности, одно целое, составленное из двух дробей, что на три четверти он пассивен, и активен на одну четверть. В таком случае Брахман мог бы быть

суммой двух незнаний, на три четверти пассивным, не только безразличным к активной части, но и совершенно не ведающим о ее деяниях, на четверть активным, совершенно не осознающим пассивность и неспособным обладать ею, кроме как прекращая действие. Брахман, как сумма двух частей, мог бы представлять собой и нечто совершенно отличное от каждой части, нечто верхнее и отчужденное, не ведающее о том, что некая мистическая Майя настойчиво делает, и не отвечающее за это, он мог бы воздерживаться от делаемого, переходя из одной части своего существования в другую. Но ясно, что Брахман как Верховное Существо должен осознавать как пассивность, так и активность, и считать их не своим абсолютным существом, а противоположными, но все же взаимно удовлетворяющими терминами своих универсальностей. Не может быть так, что Брахман из-за вечной пассивности не осознает свои активности, полностью отделен от них; свободный, он содержит их в себе, поддерживает их своей вечной мощью покоя, зачинает их из своего вечного положения энергии. Равным образом не может быть, чтобы Брахман в своей деятельности не осознавал своей пассивности или был отделен от нее; вездесущий, он из пассивности поддерживает действие, обладает пассивностью, находясь всегда в сердце движения, он извечно спокоен и тих и свободен и блажен во всех круговоротах своих энергий. А также ни в молчании, ни в действии не может он вовсе не осознавать свое абсолютное бытие; он знает, что все, что он выражает через них, выводит свою ценность и мощь из мощи того абсолютного существования. Если в нашем переживании все выглядит иначе, то это происходит из-за того, что мы отождествляем себя с одним аспектом, и в силу этой исключительности не можем открыть себя интегральной Реальности.

Отсюда необходимо следует тот важный первый результат, уже полученный с других точек зрения, что Неведение не может вести свое происхождение или иметь начальную точку своих разделяющих активностей в абсолютном Брахмане или интегральной Сатчитананде; неведение принадлежит только частичному действию существа, с которым мы отождествляем себя, точно также как в теле мы отождествляем себя с тем частным и поверхностным сознанием, которое попеременно переходит ото сна к бодрствованию: в действительности именно эта идентификация, оставляющая в стороне всю остальную Реальность позади нас, составляет причину Неведения. И если Неведение не является элементом или мощью свойственной абсолютной природе Брахмана или Его интегральности, то не может быть изначального и первичного Неведения. Майя, если она является изначальной мощью сознания Вечного, не может сама по себе быть неведением или каким-либо образом быть сродни природе неведения, а должна быть трансцендентной и универсальной мощью само-знания и все-знания; неведение может только вмешиваться как меньшее и подчиненное движение, частное и относительное. Тогда есть ли что-либо подлинное в множестве душ? Приходит ли эта множественность немедленно в бытие, как только Брахман обзревает себя во множественности, и состоит ли эта множественность в сумме душ, связанных, самое большее, благодаря сообщению тела с телом или разума с разумом, но неспособных на единство? Но мы видели, что это нам так кажется в самом поверхностном слое сознания, во внешнем разуме и физическом; когда мы отходим назад в более тонкое, более глубокое, большее действие нашего сознания, то обнаруживаем, что стены разделения становятся тоньше, и в конце концов не ощущаются этих стен, нет Неведения.

Тело является внешним знаком и самым низшим базисом кажущегося деления, которое Природа, погруженная в неведение и само-незнание, делает начальной точкой для восстановления единства при помощи индивидуальных душ, единства посреди наиболее отличающихся форм ее множественного сознания. Тела не могут сообщаться друг с другом, кроме как при помощи внешних средств и через пропасть внешности; не могут проникнуть друг в друга, кроме как при помощи деления тела или воспользовавшись некоторой брешью в теле, некоторым предсуществующим делением; не могут объединиться, кроме как разрушаясь и пожираясь, путем проглатывания и поглощения, путем ассимиляции или, самое большее, путем слияния, в котором исчезают обе формы. Также и разум, отождествляясь с телом, наследует его ограничения; но сам по себе он более тонок, и два разума могут проникнуть друг в друга, не нанося повреждений друг другу и без деления, могут обмениваться субстанцией без взаимных увечий, могут некоторым образом стать частями друг друга: все же разум также имеет свою собственную форму, отделяющую его от других разумов, и разум склонен находить опору в этой разделенности. Когда мы отходим назад к сознанию души, то препятствия все уменьшаются, и наконец полностью исчезают. Душа может отождествиться в своем сознании с другими душами, может содержать их в себе и вступать в них, а также сама может в них содержаться, может реализовать свое единство с ними; и это происходит не в лишенном черт и неразличимом сне, не в Нирване, где теряются все разграничения и индивидуальности души и разума и тела, а в совершенном бодрствовании, которое наблюдает все разграничения, отдает себе в них отчет, но превосходит их.

Поэтому неведение и само-ограничивающее деление не являются внутренне присущими и непреодолимыми во множестве душ, не являются самой природой множественности Брахмана. Брахман, подобно тому, как он превышает пассивности и активности, точно также превышает единства и множественности. Он один в себе, но с само-ограничивающим единством, исключаяющим мощь множественности, таким, каким является отдельное единство тела и разума; он не математическое целое, не единица, не способная содержать в себе сотню и поэтому меньшая, чем сотня. Один в себе, он один во множестве, и множество одно в нем. Другими словами, Брахман в своем единстве духа

осознает множественность душ, и в сознании множества душ осознает единство всех душ. В каждой душе он, имманентный Дух, Господь в каждом сердце, осознает свое тождество, и Дживатман, озаренный им, осознавая свое единство с Одним, осознает также свое единство с множеством. Наше поверхностное сознание, отождествляющееся с телом и отдельной жизнью и делящим разумом, невежественно; но и это сознание может быть озарено и может начать осознавать это. Следовательно, множественность, не является необходимой причиной неведения.

Неведение, как мы установили, приходит на более поздней стадии, как более позднее движение, когда разум отделен от своего духовного и супраментального базиса, и находит свою кульминацию в земной жизни, где индивидуальное сознание во множестве отождествляет себя при помощи делящего разума с формой, являющейся единственно надежной основой деления. Но что есть форма? Она есть, по меньшей мере как это видится нам здесь, образование сознательной энергии, узел силы сознания в движении, узел, поддерживаемый в бытии постоянным круговоротом действия; но какую бы трансцендентную истину или реальность не выражала бы форма или из которых она бы следовала, форма ни в какой своей части в проявлении не является долговременной или вечной. Форма не вечна в своей интегральности, а также в составляющих ее атомах; ведь атомы могут распасться при растворении узла энергии в постоянном концентрированном действии, того узла, который является единственной вещью, поддерживающей кажущуюся стабильность атомов. Именно концентрация Тапаса в движении силы, концентрация на форме, поддерживающая ее в бытии, устанавливает физический базис деления. Но как мы видим, все вещи в активности являются концентрацией Тапаса в движении силы, концентрацией на объекте. Следовательно, происхождение Неведения следует искать в некоторой само-поглощающей концентрации Тапаса, Сознания-Силы в действии, в концентрации на отдельном движении Силы; для нас это принимает видимость разума, отождествляющего себя с отдельным движением и отождествляющего себя также в движении отдельно с каждой формой, вытекающей из него. Так разум строит стену разделения, замыкающую сознание в каждой форме и отгораживающую от осознания своего собственного тотального "я", других воплощенных сознаний и вселенского бытия. Именно здесь должны мы искать тайну кажущегося неведения воплощенного ментального существа, как и великое кажущееся несознание физической Природы. Мы должны спросить себя, в чем состоит природа этого поглощения, этого отделения, этой самозабывающей концентрации, являющейся темным чудом вселенной.

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ КОНЦЕНТРАЦИЯ СОЗНАНИЯ-СИЛЫ и НЕВЕДЕНИЕ

Из зажженного огня Энергии Сознания была рождена Истина и Закон Истины; из этого была рождена Ночь, из Ночи — текущий океан бытия.

Риг Веда (X.190.1.)

Поскольку Брахман в сущности вселенского бытия является единством и множественностью, осознающими друг друга и друг в друге, и поскольку в своей реальности Брахман есть нечто за пределами Одного и Множества, содержащее то и другое, осознающее то и другое, то Неведение может появиться только как подчиненное явление при некоторой концентрации сознания, поглощенного в части знания или части действия единства и исключаящего остальное из своего осознания. Может быть либо концентрация Одного в себе, вплоть до исключения Множества, либо концентрация Множества в собственном действии, вплоть до исключения само-осознания Одного, либо концентрация индивидуального существа в себе, вплоть до исключения как Одного, так и целого Множества, которое представляется тогда индивидуальному существу отдельными единицами, не включенными в его прямое осознание. Или опять же может быть или может вмешаться в определенной точке некоторое общее правило исключительной концентрации, действующей во всех трех направлениях, концентрации отдельного активного сознания в отдельном движении; но это происходит не в истинном “я”, а силе активного бытия, в Пракрити.

Эту гипотезу мы предпочли остальным, потому что никакая другая гипотеза не будет поддерживать или улаживать все факты существования. Интегральный Брахман в своей интегральности не может быть источником Неведения, потому что его интегральность по самой своей природе является все-сознанием. Не может Один в своем интегральном сознательном бытии исключить Множество из себя, потому что тогда Множество вообще не смогло бы существовать; самое большее, Один может встать в своем сознании где-то в стороне от космической игры, так чтобы позволить аналогичное движение в индивидуальном бытии. Множество в своей интегральности или в каждом “я” Множества не может реально не ведать об Одном или в “я” других, поскольку под Множеством мы подразумеваем то же самое божественное “я” во всем, в действительности индивидуализированное, но все еще единое в сознательном бытии со всем в единственной универсальности и единое также с изначальным и трансцендентным Бытием. Поэтому Неведение не является естественным характером сознания души, даже индивидуальной души; Неведение — это продукт некоторого особенного действия в исполнительной Сознательной Силе, когда она поглощена в своих работах и забыла о “я” и тотальной реальности природы. Это действие не может быть характерным для целостного бытия или целостной силы бытия, — ведь для такой полноты характерно целостное, а не частное сознание, — это должно быть поверхностным или частичным движением, поглощенным поверхностным или частичным действием сознания и энергии, сконцентрированным в своих образованиях, не помнящим обо всем том другом, что не включено в образование или не там открыто действенное. Неведение — это целенаправленное Природное забвение “я” и Всего, оставляющее их побоку, помещающее их за себя, чтобы единственно самой делать то, что она должна делать в некоторой внешней игре существования.

В бесконечном бытии и его бесконечном осознании концентрация сознания, Тапас, всегда присутствует в качестве сокровенной мощи Сознания-Силы: это само-поддерживающееся или само-собираемое пребывание или остановка вечного Осознания в себе или на себе или на своем объекте; но объект всегда является некоторым образом им самим, его собственным бытием или проявлением и движением его бытия. Концентрация может быть сущностной; она может быть даже единственным пребыванием или полным поглощением в сущности своего собственного бытия, светлым или же само-забывающим само-погружением. Либо может быть интегральная или же тотально-множественная или частично-множественная концентрация. Либо может быть единственное отдельное соотношение с одним полем бытия или движения, единственно-направленная концентрация в одном центре или поглощенность в одной объективной форме своего само-существования. Первая, сущностная концентрация, является в одной крайности сверхсознательным Молчанием, а в другой — Несознанием; вторая, интегральная, является тотальным сознанием Сатчитананды, супраментальной концентрацией; третья, множественная, составляет метод тотализирующего или глобального надментального осознания; четвертая, отдельная, отражает характерную природу Неведения. Верховная интегральность Абсолюта удерживает все три состояния или мощности сознания вместе как единственное неделимое бытие, взвращающее на всего себя в проявлении с одновременным само-видением.

Тогда можно сказать, что концентрация в смысле само-поддерживающегося пребывания в себе или остановки на себе как на объекте принадлежит самой природе сознательного бытия. Ведь хотя есть бесконечное расширение

сознания и распыление сознания, но это расширение само-поддерживающееся или само-содержащееся или это распыление само-поддерживающееся или само-содержащее. Хотя может показаться, что происходит рассеивание энергии, что на само деле является формой распределения, и это возможно только в поле поверхностного сознания, поскольку это рассеивание поддерживается лежащей в основании само-поддерживающейся концентрацией. Исключительная концентрация на или в единственном субъекте или объекте или области бытия или движении не является отрицанием осознания Духа или отклонением от него, это одна форма само-собираания мощи Тапаса. Но когда эта концентрация исключительная, тогда она приносит с собой удержание позади себя остального самознания. В этом случае сознание может быть осведомлено все время об остальном само-знании, при этом действуя так, как если бы оно не было осведомлено о нем; это не будет состоянием или актом Неведения: но если сознание при помощи концентрации возводит стену исключения, ограничивающую его до определенного поля, области или пребывания в движении, так что оно осознает только определенное поле, область или движение или осознает все остальное как внешнее по отношению к себе, тогда мы имеем принцип само-ограничивающего знания, что может привести к отдельному знанию и достичь кульминации в позитивном и действенном неведении.

Некий проблеск того, что здесь имеется в виду, мы сможем ухватить, насколько это доходит в действии, когда взглянем на природу исключительной концентрации в ментальном человеке, в нашем собственном сознании. Прежде всего, следует заметить, что то, что мы обычно подразумеваем под человеком, есть не его внутреннее “я”, а только совокупность видимого сознательного движения сознания и энергии в прошлом, настоящем и будущем, которое мы так называем. Кажется, что именно эта совокупность делает работу в человеке, продумывает все его мысли, чувствует все его эмоции. Эта энергия является движением Сознания-Силы, сконцентрированной на временном потоке внутренних и внешних работ. Но мы знаем, что за этим потоком энергии существует целостное море сознания, осознающее поток, но которое не осознается потоком; ведь эта совокупность энергии является выборкой, продуктом всего остального, что невидимо. Это море есть сублиминальное “я”, сверхсознательное, подсознательное, интрасознательное и вокругсознательное существо, и удерживает все вместе душа, психическая сущность. Этот поток является природным, поверхностным человеком. В этом поверхностном человеке Тапас, динамическая сила сознания, сконцентрирован на поверхности в определенной массе поверхностных работ; все остальное он поместил позади себя и может смутно осознавать это в неоформленной тыльной стороне своего сознательного существования, но не осознает это в поверхностном поглощающем движении фронта. Тапас не точно не ведает о себе в каком-то сущностном смысле слова, будь то на тыльной стороне или в глубинах, но для целей поверхностного движения и только внутри этого движения он забывает о своем настоящем, величайшем “я”, в результате поглощенности, исключительной концентрации на том, что он поверхностно делает. И все же, на самом деле, именно сокрытое море, а не поверхностный поток производит все действия: именно море является источником этого движения, не сознательная волна выбрасывает это, каким бы ни было сознание волны, поглощенной своим движением, живущей в этом, не видящей ничего иного, кроме этого, не зависимо от того, что она сама думает об этом. И то море, настоящее “я”, интегральное сознательное существо, интегральная сила бытия, не невежественно; даже волна не сущностно невежественна, — ведь она содержит внутри себя все сознание, которое забыла, и никак, кроме как благодаря нему, этому сознанию, волна вообще не может действовать или длиться хоть сколь-нибудь, — но она находится в само-забытии, поглощена своим собственным движением, слишком поглощена, чтобы заметить что-либо иное, кроме этого движения, пока оно продолжает занимать ее. Ограниченное практическое само-забвение, не сущностное и ограничивающее само-неведение составляет природу этой исключительной концентрации, которая все же является корнями того, что работает как Неведение.

Точно так же мы видим, что человек, хотя и являющийся на самом деле неделимым потоком Тапаса, сознательной Энергии во Времени, в настоящем способный действовать лишь при помощи суммы прошлых сил, создающий свое будущее при помощи прошлого и настоящего действия, все же живет поглощенным текущим моментом, живет от момента к моменту, и поэтому в этом поверхностном действии сознания не ведает о своем будущем и своем прошлом, за исключением той малой части, которую он может вспомнить. Однако, человек не живет в прошлом; то, что он вспоминает, есть не само прошлое, а только призрак прошлого, понятийная тень реальности, которая теперь для него мертва, не существует, которой больше нет в бытии. Но все это принадлежит действию поверхностного неведения. Истинное сознание внутри не несознательно о своем прошлом; оно хранит его там, не обязательно в памяти, а в существе, все еще активным, живущим, готовым приносить плоды, и время от времени посылает это прошлое в память или проявляет его в результате прошлого действия или прошлой причины, что более конкретно ощущается поверхностным сознательным существом, — вот по-настоящему верное объяснение тому, что называют Кармой. Истинное сознание осознает или может осознавать также будущее, ведь где-то во внутреннем существе есть поле постижения, открытое будущему знанию, предвидение; как и ретроспективное ощущение Времени, видение Времени, восприятие Времени; нечто в нем неразделимо живет во всех трех временах и содержит их кажущиеся деления, готовит будущее для проявления внутри существа. Следовательно, здесь, в этой привычке жить в настоящем, мы находим вторую поглощенность, вторую исключительную концентрацию, которая усложняет и дальше

ограничивает существо, но упрощает видимый курс действия, связывая его не с целым бесконечным ходом Времени, а с определенной последовательностью моментов.

Поэтому в поверхностном сознании человек динамически, практически представляется себе человеком момента, не человеком прошлого, кто когда-то был, но которого теперь нет в существовании, и не человеком будущего, которого еще нет в бытии; при помощи памяти он связывает себя с одним, благодаря предчувствию — с другим: непрерывное эго-ощущение пробегает через три времени, но это есть централизующее ментальное построение, не сущностное или расширенное существование, содержащее то, что было, что есть и что будет. Интуиция “я” находится позади этого, но она составляет лежащее в основании тождество, незатрагиваемое изменениями личности; в своем поверхностном образовании человек есть не это “я”, а то, чем он является в текущий момент. Все же все время это существование в текущем моменте является не настоящей или целой истиной существа человека, а только практической или прагматической истиной для целей поверхностного движения жизни человека и внутри этих границ. Это истина, не нереальность, но истина только в своей позитивной части; в своих негативных частях это неведение, и это негативное неведение ограничивает и часто искажает даже практическую истину, так что сознательная жизнь человека протекает в соответствии с неведением, это частичное полу-верное полу-ложное знание, не находящееся в соответствии с настоящей истиной человека, которая для него лежит в забвении. Все же истинное я человека по-настоящему определяет все и управляет им тайно, оставаясь позади; в конечном итоге именно знание отсюда по-настоящему определяет формируемый курс существования; поверхностное неведение очерчивает необходимый ограничивающий круг и поставяет факторы, благодаря которым сознанию человека и его действию придается внешняя окраска и повороты, необходимые для его текущей человеческой жизни и в настоящий момент. Аналогичным образом и по той же причине человек идентифицирует себя единственно с именем и формой, которые он носит в своем теперешнем существовании; он не ведает о своем прошлом до рождения, как и о будущем после смерти. Все же то, что он забывает, содержится, присутствующим и действенным, во все-сохраняющем интегральном сознании внутри человека.

Существует и меньшее прагматическое использование исключительной концентрации на поверхности, что также может дать нам некую идентификацию, несмотря на свой временный характер. Поверхностный человек, живущий от момента к моменту, играет несколько ролей в своей теперешней жизни, и пока занят каждой ролью, он способен на исключительную концентрацию, поглощенность этой ролью, из-за чего он забывает остального себя, помещает эту часть на задний план, и до этой степени переходит к само-забвению. Человек на время актер, поэт, солдат или что-либо еще, что он смог составить или сформировать некоторым особенным и характерным действием своей силы существа, своим Тапасом, своей прошлой сознательной энергией и действием, развитым из нее. Человек не только склонен поглощаться в этой исключительной концентрации в части себя для целей временного бытия, но и его успех в действии в очень большой степени зависит от той полноты, с которой он так может отстранить часть себя и жить только в своей непосредственной работе. Все же все время мы видим, что именно целостный человек реально делает действие, а не просто эта его особенная часть; то, что он делает, способ, каким он делает, элементы, которые привносит, отпечаток, накладываемый им на работу, зависит от его целостного характера, разума, осведомленности, одаренности, всего того прошлого, которое сделало его таким, каков он есть сейчас, — и его прошлое не только в теперешней жизни, но и в других жизнях, и опять же не только его прошлое, но вся совокупность прошлого, настоящего и предначертанного будущего как самого человека, так и мира вокруг него, определяет его работу. Теперешний актер, поэт и солдат в нем — это только отдельная определенность его Тапаса; это его сила существа, организованная для особой разновидности действия энергии, отдельного движения Тапаса, способного, — и эта способность является не слабостью, дефектом, а величайшей мощью сознания, -поглотиться в этой частной работе до временного само-забвения всего остального, даже хотя это остальное все время присутствует в задней части сознания и в самой работе, и активно или имеет влияние на оформление работы. Это деятельное само-забвение человека в своей работе и в роли, которую он играет, отличается от другого, более глубокого само-забвения, отличается в том, что стена разделения менее явственна и вовсе не неизменно плотна; разум может растворить свою концентрацию и в любое время отойти назад от своей работы к сознанию большего “я”, по отношению к которому теперешняя концентрация является более частным действием. Поверхностный или видимый человек не может так по желанию отходить назад к настоящему человеку внутри себя; он может делать это до некоторой степени ненормально или сверхнормально в исключительных условиях своей ментальности, или более постоянно и полно как плод длительной и трудной само-тренировки, само-углубления, само-освещения, само-расширения. Все же он может отходить назад; поэтому разница только феноменальна, не сущностна: по существу, в обоих случаях происходит одно и то же движение исключительной концентрации, поглощенности в частном аспекте самого себя, действия, движении силы, хотя с различными обстоятельствами и другой манерой работы.

Эта мощь исключительной концентрации не ограничивается поглощенностью частным характером или типом работы одного большего “я”, а распространяется до полного само-поглощения в частном действии, в которое нам случается быть вовлеченными. Актер в моменты громадной сосредоточенности забывает о том, что он актер, и

становится ролью, которую он играет на сцене; не то, чтобы он на самом деле думал о себе как о Раме или Раване, но он идентифицирует себя на время с формой характера и действия, которое представляет имя, и делает это настолько полно, что забывает реального человека, который играет эту роль. Так и поэт забывает себя; человек, работник забывает себя в своей работе и становится на время только вдохновленной безличностной энергией, которая выбрасывает себя в образование слова и ритма; обо всем остальном он не помнит. Солдат забывает себя в бою и становится воплощенной яростью, зарядом и орудием убийства. Тем же образом, человек, охваченный большим гневом, как говорится, не помнит себя, или как было более ярко и подходяще сказано, становится гневом: и эти слова выражают реальную истину, которая не является всей истиной существа человека, а лишь отражает частный факт его сознательной энергии в действии. Человек на самом деле забывает себя, забывает всего остального себя, забывает другие импульсы само-сдерживания и само-направления, так что он действует попросту как энергия страсти, занимающая его, становится этой энергией на некоторое время. Вот до каких пределов может доходить само-забвение в нормальной человеческой психологии; ведь человек должен вскоре возвращаться к более широкому само-осознающему сознанию, по отношению к которому это само-забвение является лишь временным движением.

Но в большем вселенском сознании мощь этого движения должна быть доведена до абсолютной точки, до крайнего предела, которого может достичь родственное движение, и это точка достигается, но не в человеческом несознании, которое не является длящимся вечно и которое всегда обращается назад к пробужденному сознательному существу, обычно характеризующему человека, а в несознании материальной Природы. Это несознание не более настоящее, чем неведение исключительной концентрации нашего временного существа, что ограничивает пробужденное сознание человека; ведь, как в нас самих, так и в атоме, металле, растении, в каждой форме материальной Природы, в каждой энергии материальной Природы, существует, как мы знаем, тайная душа, тайная воля, тайный интеллект за работой, отличный от немой само-забывшей формы, это Сознательный, — сознательный даже в несознательных вещах, — Упанишад, без чьего присутствия и осведомленности Сознательной Силы или Тапаса никакая работа Природы не могла бы быть проделана. То, что там несознательно, это Пракрити, формальное, подвижное действие энергии, поглощенной работой, отождествившейся с ней до такой степени, чтобы быть ограниченной некоторой разновидностью транса или обморока концентрации, быть неспособной отойти назад, пока она заключена в эту форму, назад к своему настоящему “я”, к интегральному сознательному существу и интегральной силе сознательного существа, которую она поместила позади себя, и о которой она забыла в своем экстаическом трансе простой работы. Пракрити, исполнительная Сила, становится несознающей Пурушу, Сознательное Существо, держит его спрятанным внутри себя и медленно начинает осознавать его только с появлением сознания из обморока Несознания. Пуруша в действительности соглашается принять видимую форму, которую Пракрити строит для него; кажется, что он становится Несознательным, физическим существом, витальным существом, ментальным существом: но и во всех этих формах он все еще на самом деле остается самим собой; свет тайного сознательного Существа поддерживает и осведомляет действие несознательной или всплывающей сознательной энергии Природы.

Это несознание поверхностно подобно неведению пробужденного человеческого разума или несознанию или подсознанию его спящего разума, и внутри несознания есть Все-сознательное; несознание полностью феноменально, но это полное и законченное явление. Это явление настолько полное, что только благодаря побуждению эволюционного сознания, появляющегося в других формах, менее ограниченных несознательным методом работы, может сознание возвратиться к себе, обрести снова в животном частичное осознание, затем в человеке при реализации его высочайших возможностей подойти к первому более полному, хотя еще поверхностному началу поистинне сознательной работы. Но все же, как и в случае с поверхностным и настоящим человеком, где так же есть аналогичная, хотя и меньшая неспособность, разница лишь феноменальна. Сущностно, во вселенском порядке вещей, несознание материальной Природы является той же самой исключительной концентрацией, той же самой поглощенностью в работе и энергии, как в само-ограничении пробужденного человеческого разума, или концентрацией само-забывающего разума в его работе; именно только само-ограничение, доведенное до крайней точки само-забвения, становится не временным действием, а законом действия. Незнание в Природе есть полное само-неведение; частичное знание и общее неведение человека есть частичное само-неведение, отмеченное в ее эволюционном порядке возвращением к само-знанию: но как частичное само-знание, так и частичное само-неведение и все неведение является поверхностно исключительной само-забвенной концентрацией Тапаса, сознательной энергии бытия в частной линии или части движения, единственно которые эта энергия осознает или единственно которые видятся ей на поверхности. Неведение действительно внутри границ своего движения и справедливо для своих целей, но феноменально, частично, поверхностно, не сущностно реально, не интегрально. Здесь мы должны использовать слово “реально” обязательно в крайне ограниченном и не абсолютном смысле; ведь неведение достаточно реально, но оно не представляет целостную истину нашего существа, и даже эта истина, рассматриваемая самим неведением, неверно представляется нашему внешнему осознанию. В своей настоящей истине это вовлеченное Сознание и Знание, эволюционирующее назад к себе, но оно динамически действительно как Несознание и Неведение.

Зная коренную природу Неведения, практическую истину феноменального, но не настоящего деления, ограниченной и отдельной сознательной энергии, поглощенной своей работой до кажущегося забвения своего интегрального и настоящего “я”, мы можем ответить на вопросы “почему”, “где” и “как”, касающиеся этого движения. Причина неведения, его необходимость, становится достаточно ясной, раз уж мы видели, что без Неведения цель манифестации нашего мира была бы невероятной, не могла бы вообще быть достигнута, или не полностью, или не тем путем, которым она должна быть достигнута и достигается. Каждая сторона многогранного Неведения имеет свое оправдание, которое является только частью одной общей необходимости. Человек, живущий во вневременном бытии, не смог бы бросить себя в поток Времени с этим движением подчинения потоку от момента к моменту, что составляет природу его теперешнего жития. Живя в своем сверхсознательном или сублиминальном “я”, человек не смог бы выработать из узла своей индивидуальной ментальности те отношения, которые он должен распутать и завязать с миром вокруг себя, или должен был бы делать это радикально иным образом. Живя во вселенском “я”, а не в эгоистическом отдельном сознании, он не смог бы развить отдельное действие, личность, взгляд из себя как из единственного или начального центра и точки отсчета, что представляет собой вклад ощущения эго в мировые работы. Человек должен был надеть на себя временное, психологическое, эгоистическое неведение, чтобы защитить себя от света бесконечности и громадности вселенной, так чтобы развить за этой недостаточностью свою временную индивидуальность в космосе. Он должен жить так, как если бы жил одну жизнь, и принять неведение о своем бесконечном прошлом и будущем: ведь иначе, если прошлое присутствовало бы в нем, человек не смог бы выработать свои теперешние выбранные связи со своим окружением тем путем, как намеревался; его знание было бы чересчур велико для него, это с необходимостью изменило бы весь дух и баланс и форму его действий. Человек должен жить в разуме, поглощенным этой телесной жизнью, а не в Сверхразуме; ведь иначе все эти защищающие стены неведения, созданные ограничивающей, делящей, различающей мощью разума, не были бы построены или были бы слишком тонки и проницаемы.

Цель, для которой необходима вся эта исключительная концентрация, называемая Неведением, заключается в том, чтобы следовать циклом само-забвения и само-открытия ради радости, предопределенной в Природе тайным духом. Не так, что вся космическая манифестация иначе стала бы невозможной; но это была бы совершенно другая манифестация, отличная от той, в которой мы живем; она была бы ограничена высшими мирами божественного Существования или типичным не-эволюционирующим космосом, где каждое существо жило бы в полном свете своего собственного закона природы, и эта наблюдаемая манифестация, этот эволюционный цикл был бы невозможен. То, что здесь является целью, стало бы там вечным условием; то, что здесь является стадией, стало бы там извечным типом существования. И чтобы найти себя в кажущихся противоположностях своего бытия и своей природы, Сагчитананда спустилась в материальное Незнание и надела феноменальное неведение как поверхностную маску, за которой человек прячет от себя собственную сознательную энергию, живя в само-забвении и поглощенности своими работами и формами. Именно в этих формах медленно пробуждающаяся душа должна принять феноменальное действие неведения, являющегося на самом деле знанием, постепенно пробуждающимся из изначального незнания, и именно в новых условиях, созданных этими работами, должна душа снова открыть себя и божественно трансформировать тем светом свою жизнь, трудясь таким путем к исполнению цели своего спуска в Несознание. Не быстрое возвращение, может быть, к небесам, где совершенный свет и радость вечны, или к супракосмическому блаженству является целью этого космического цикла, не простое повторение бесцельного круга по заезженной колее неведения, ищущего знания и никогда не находящего его в совершенстве, — в таком случае неведение было бы либо необъяснимым грубым просчетом Все-сознательного или болезненной и бесцельной Необходимостью, равным образом необъяснимой, — но высвобождение Анадды “я” в других условиях, нежели чем супракосмических, в космическом бытии, и нахождение небес радости и света даже в противоположностях, назначенных выражениями воплощенного материального существования, кажется истинной целью рождения души в человеческом теле и труда человеческой расы в серии своих циклов. Неведение необходимо, хотя и как всецело подчиненный термин, который вселенское Знание наложило на себя, чтобы эволюционное движение было возможным, — не грубый промах или падение, а целенаправленный спуск, не проклятие, а божественная возможность. Найти и воплотить Все-Восторг в интенсивной совокупности его многогранности, достичь возможности бесконечного Существования, которое не могло бы быть достигнуто при других условиях, создать из Материи храм Божественности — это, по видимому, есть задача, возложенная на дух, рожденный в материальной вселенной.

Мы видим, что неведение присуще не сокрытой душе, а видимой Пракрити; а также оно не принадлежит целостной Пракрити, — так быть не может, ведь Пракрити является действием Все-сознающего, — но возникает при некотором развитии из изначальной интегральности света и мощи. Где это развитие происходит, в каком принципе бытия находит оно свою возможность и начальную точку? Конечно же, не в бесконечном бытии, бесконечном сознании, бесконечном восторге, являющимися верховными планами существования, из которых все иное выводится и спускается в эту темную неоднозначную манифестацию. Там оно не может иметь места. И не в Сверхразуме; ведь в Сверхразуме всегда присутствует бесконечный свет и мощь, даже в наиболее конечных работах, и сознание

единства покрывает сознание разнообразия. И только на плане разума становится возможным этот отход назад от настоящего само-сознания. Ведь разум есть та мощь сознательного бытия, которая разделяет и пробегает вдоль линии разделения с ощущением многообразия, явно выдающегося и характерного, и ощущением единства, не характерного, не являющегося самим веществом работ разума, лежащим позади ощущения многообразия. Если по случаю это поддерживающее ощущение единства могло быть втянутым назад, — им разум обладает не по собственному праву, а поскольку за ним стоит Сверхразум, поскольку разум отражает свет Сверхразума, по отношению к которому разум является выводной и вторичной мощностью, — если смогла бы установиться пелена между разумом и Сверхразумом, отрезающая свет Истины или позволяющая проходить ему только лучами рассеянными, разбросанными, отраженными, но с искажением и делением, то вмешалось бы явление Неведения. Такая пелена существует, говорят Упанишады, она составлена действием самого Разума: в Надразуме есть золотая крышка, скрывающая лицо супраментальной Истины, но отражающая ее образ; в Разуме она переходит в менее прозрачное дымчатое покрытие. Такое действие является обращенным вниз поглощенным взглядом Разума на многообразие, что является характерным движением и находится поодаль от верховного единства, которое выражает это многообразие, пока оно всецело забывает вспоминать о единстве и поддерживать себя им. Но даже тогда единство поддерживает многообразие и делает возможным его активности, однако поглощенная Энергия не осознает собственное происхождение и большее, настоящее я. Поскольку Разум забывает то, откуда он был выведен, из-за поглощенности в работы формирующей энергии, то он настолько отождествляется с этой Энергией, что теряет опору даже на самого себя, становится тотально забывшим в транс работы, которую он все еще поддерживает в сомнамбулическом действии, но что он более уже не осознает. Это последняя стадия спуска сознания, глубокий сон, бездонный транс сознания, являющийся основательным базисом действия материальной Природы.

Однако следует напомнить, что когда мы говорим о частном движении Сознания-Силы, поглощенной в свои формы и действия, в ограниченное поле своей работы, то это не означает какого-либо реального деления интегральности. Оставление всей остальной части позади себя приводит лишь к тому, что это остальное становится оккультным для фронтальной, непосредственно активной энергии в ограниченном поле движения, но не отрезает все остальное от этого поля; в действительности, интегральная Сила присутствует там, хотя она и завуалирована Несознанием, и именно эта интегральная Сила, поддерживаемая интегральным само-бытием, через свою фронтальную энергию проделывает всю работу и населяет все формы, созданный движением. Следует также заметить, что чтобы убрать пелену Неведения, сознательная Сила бытия в нас использует обратное действие своей мощности исключительной концентрации; она успокаивает фронтальное движение Пракрити в индивидуальном сознании и концентрируется исключительно на сокровитном внутреннем существе, — на “я” или на истинном внутреннем, психическом или ментальном или витальном существе, Пуруше, — чтобы растворить исключительную концентрацию. Но когда сознательная Сила должна так делать, ей не требуется оставаться в этой противоположной исключительности; она может вернуться к своему интегральному сознанию или глобальному сознанию, которое включает как бытие Пуруши, так и действие Пракрити, душу и ее инструменты, “я” и динамику Само-Мощи, атматакти: тогда она может охватить свою манифестацию с большим сознанием, свободным от прежнего ограничения, свободным от результатов забвения Природой внутри пребывающего Духа. Либо Сила может приостановить всю работу, которая была проявлена, сконцентрироваться на высшем уровне “я” и Природы, поднять существо до него и привнести вниз мощности высшего уровня для того, чтобы трансформировать предыдущее проявление: все то, что так трансформируется, все еще включается в новое и более значительное само-творение, но как часть высшего динамизма и его высшие ценности. Вот что может произойти, когда Сознание-Сила в нашем существе решит поднять эволюцию с ментального уровня на супраментальный. В каждом случае действителен именно Тапас, но действует он различным образом, в соответствии с предложенным процессом, динамикой, само-развертыванием Бесконечного.

Но все же, даже если таков уж механизм Неведения, можно спросить, разве не мистерией остается то, как Всесознательный мог, хотя бы только в частном действии своей сознательной энергии, преуспеть в достижении даже этого поверхностного неведения и несознания. Если уж это так, то было бы весьма полезно зафиксировать точное действие этой мистерии, ее природу, ее границы, так чтобы не пугаться ее и не быть сбитыми ею с настоящей цели, которой она служит, и не упустить возможности, которую она дает. Но эта мистерия является вымыслом делящего интеллекта, который в силу того, что находит или создает логическое противоречие между двумя представлениями, думает, что существует реальное противоречие двух наблюдаемых фактов, и поэтому между ними невозможно со-существование и единство. Как мы видим, Неведение реально является мощью Знания ограничивать себя, концентрировать себя на той работе, что находится под руками, исключительно концентрироваться на практике, что не препятствует полному существованию и работе целостного сознательного существа позади Неведения, а означает всего лишь работу в выбранных условиях, само-наложенных на природу. Всякое сознательное само-ограничение является мощью для этой специальной цели, не слабостью; всякая концентрация является силой силой сознательного существа, не неспособностью. Верно, что тогда как Сверхразум способен на интегральную, охватывающую, множественную, бесконечную само-концентрацию, концентрация Неведения является разделяющей и ограниченной;

верно и то, что концентрация Неведения порождает извращенные, как и частичные, и поэтому ложные или только полу-истинные ценности вещей: но мы видели цель этого ограничения и этой частичности знания; и если допущена цель, то также должна быть допущена мощь достижения этой цели в абсолютной силе абсолютного Бытия. Эта мощь само-ограничения для частной работы вместо того, чтобы быть несовместимой с абсолютной сознательной силой этого Бытия, в точности составляет одно с теми мощностями, которые мы должны допустить среди многосторонних энергий Бесконечного.

На самом деле Абсолют не ограничивается при помещении впереди себя космоса связей; это естественная игра его абсолютного бытия, сознания, силы, само-восторга. Бесконечное не ограничивается при построении в себе бесконечной серии взаимодействующих конечных явлений; скорее это его естественное само-выражение. Один не ограничивается своей способностью на множественность, в котором он разнообразно наслаждается своим собственным бытием; скорее это является частью верного описания бесконечного единства, в противоположность единству жесткому, конечному и понятийному. Точно также и Неведение, рассматриваемое как мощь многогранно само-поглощенной и само-ограниченной концентрации сознательного бытия, является естественной способностью вариации в само-сознательном знании, одним из возможных способов связи Абсолюта в его проявлениях, Бесконечного в его сериях конечных работ, Одного в его само-наслаждении Многим. Мощь, становящаяся при само-поглощении неосознающей мир, который однако продолжает существовать в бытии, является одной крайностью этой способности сознания; мощь, становящаяся при поглощении в космических работах неведущей о я, которое все время проводит эти работы, является противоположной крайностью. Но ни одна из мощностей реально не ограничивает интегрального само-осознающего существования Сатчитананды, верховной по отношению к этим кажущимся противоположностям; даже в противопоставлении эти мощности помогают выразить и проявить Невыразимое.

Глава XIV

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЛЖИ и ЛЕКАРСТВО от НЕЕ, ОШИБКА, НЕПРАВДА и ЗЛО

Господь не признает грехов и добродетелей; поскольку знание завуалировано Неведением, то смертный человек введен в заблуждение.

Гита (V.15)

Они жили в соответствии с другой идеей “я”, не “я” реальности, жили в заблуждении, прикрепленные, выражая ложь, — как если бы при затмении они видели ложное как истинное.

Майтрайяни Упанишада (VII.10)

Они живут и движутся в Неведении, ходят кругами, запинаясь и спотыкаясь, как слепцы, ведомые слепцом.

Мундака Упанишада (I.2.8)

От того, чье понимание достигло Единства, отлетают как грехи, так и добродетели.

Гита (II.50)

Кто нашел блаженство Вечного, больше не подвержен думам: “Почему “я” не сделал добро? Почему “я” сотворил зло?”. Тот, кто знает “я”, выпутывается из этих вещей.

Тайттирия Упанишада (II.9)

Здесь те, кто сознает большую ложь мира, они растут в доме Истины, они — сильные и непобедимые сыны Бесконечности.

Риг Веда (VII.60.5.)

Первое и высочайшее есть истина; посередине существует ложь, но она обложена истиной с обеих сторон и выводит свое бытие из истины¹.

Брихадараньяка Упанишада (V.5.1)

Если Неведение по своей природе является само-ограничивающимся знанием, забывшем об интегральном само-осознании и ограниченным исключительной концентрацией в единственном поле или на скрывающей поверхности космического движения, тогда что же с этой точки зрения можем мы сделать с проблемой зла, с той проблемой, которая наиболее остро занимает разум человека, когда он обращается к мистерии своего собственного существования и мирового существования? Ограниченное знание, поддерживаемое тайной Все-Мудростью в качестве инструмента для выработки внутри необходимых пределов ограниченного мирового устройства, может быть принято в качестве постижимого хода вселенского Сознания и Энергии; но не так то легко допустить необходимость лжи и ошибки, необходимость заблуждения и зла или их полезность в работах вездесущей Божественной Реальности. И все же, если Реальность такова, какой мы ее предположили, тогда должна быть некоторая необходимость появления этих противоположных явлений, должна существовать их некоторая ценность, некоторое назначение, которому они должны служить в организации вселенной. Ведь в полном и неотчуждаемом само-знании Брахмана, которое обязательно является все-знанием, поскольку все сущее есть Брахман, такие явления не могли прийти как нелепая случайность, произвольное забытие или путаница Сознания-Силы Все-Мудрого в космосе или как роковое несчастье, к которому не был готов все-наполняющий Дух и пленником которого он оказался, запертым в чрезвычайно запутанном лабиринте, из которого крайне сложно убежать. А также это не может быть необъяснимой мистерией бытия, изначальной и вечной, которую Все-Учитель не может объяснить ни самому себе, ни ни нам. За этими явления-

¹ Истина физической реальности и истина духовной и сверхсознательной реальности. В промежуточную область между ними, в область субъективных и ментальных реальностей может вторгнуться ложь, но она вбирает в себя истину либо выше, либо ниже в качестве субстанции, из которой она строит себя, и обе истины давят на нее, чтобы обратить ее неправильные построения в истину жизни и истину духа.

ми должна скрываться некоторая ценность самой Все-Мудрости, мощь Все-Сознания, допускающая и использующая их для некоторого совершенно необходимого назначения в теперешних работах нашего само-переживания и миро-переживания. Теперь требуется более непосредственно изучить этот аспект и определить его происхождение, пределы его реальности и его место в Природе.

Эту проблему можно рассмотреть с трех сторон, — с точки зрения связи с Абсолютом, верховной Реальностью, происхождения и места в космических работах, действия и точки поддержки в индивидуальном бытии. Очевидно, что эти противостоящие явления не имеют прямых корней в самой Реальности, там нет ничего, что имело бы этот характер; они — порождения Неведения и Несознания, не фундаментальные или первичные аспекты Бытия, не родственны Трансценденции или бесконечной мощности Космического Духа. Иногда утверждается, что как Истина и Благо имеют свои абсолюты, так и Ложь и Зло также должны иметь свои абсолюты, а если это не так, тогда и то, и другое должно быть относительным; Знание и Неведение, Истина и Ложь, Добро и Зло существуют лишь в связи друг с другом, и за пределами дуальности они не существуют. Но это не является фундаментальной истиной связи этих противоположностей; ведь, прежде всего, Ложь и Зло, не как Истина и Добро, совершенно ясно являются результатами Неведения и не могут существовать там, где нет Неведения: они не могут иметь само-существования в Божественном Бытии, они не могут быть элементами, родственными Верховной Природе. Следовательно, если ограниченное Знание, являющееся природой Неведения, отвергнет свои ограничения, если Неведение растворится в Знании, тогда зло и ложь не смогут больше существовать: ведь то и другое является плодами несознания и заблудшего сознания, и если истинное или целостное сознание заменит Неведение, тогда более не будет базиса для их существования. Поэтому не может быть абсолюта лжи, абсолюта зла; эти вещи являются сопутствующими продуктами мирового движения: мрачные цветы лжи и страдания и зла произрастают на черной почве Несознательного. С другой стороны, не существует такого внутренне присущего препятствия для абсолюта Истины и Добра: относительность истины и ошибки, добра и зла является фактом нашего опыта, но, аналогично, это сопутствующий продукт, не неизменный фактор, родственный существованию; ведь это верно только для ценностей человеческого сознания, для нашего частичного знания и частичного неведения.

Истина относительна для нас, потому что знание окружено неведением. Наше точное видение ограничивается внешней видимостью, которая не составляет полную истину вещей, и если мы идем глубже, то достигаем озарений, которые являются догадками или следствиями или намеками, а не видением несомненной реальности: наши выводы носят частный характер, они спекулятивны или подогнаны, наша формулировка этих выводов, являющаяся выражением нашего непрямого контакта с реальностью, имеет природу представлений или фигур, слов-образов мысленных восприятий, являющихся образами сами по себе, а не воплощениями самой Истины, они не напрямую реальны или подлинны. Эти фигуры или представления несовершенны и темны и несут с собой тень незнания и ошибки; ведь кажется, что они отрицают другие истины или перекрывают им путь, и даже та истина, которую они выражают, не получает своего полного значения: именно конец или край истины проецируется в форму, а остальное теряется в тени, остается невидимым или становится искаженным или смутно видимым. Почти можно было бы сказать, что никакое ментальное утверждение о вещах не может быть всецело верным; это не воплощенная Истина, чистая и голая, а задрапированная фигура, — часто видна только драпировка. Но не таков характер истины, воспринятой прямым действием сознания, или истины знания посредством отождествления; там наше видение может быть ограничено, но насколько оно распространяется, это знание подлинно, и подлинность является первым шагом к абсолютности: ошибка может прицепиться к прямому или отождествляющемуся видению из-за ментального утверждения, из-за ошибочного или незаконного расширения или из-за неправильных интерпретаций разума, но эта ошибка не входит в саму субстанцию этого видения. Это подлинное или отождествляющее видение или переживание вещей составляет настоящую природу знания, и оно само-существует внутри нашего существа, хотя и передается в наших разумах вторичным образованием, являющемся неподлинным и выводным. По своему происхождению Неведение не имеет этого само-существования или этой подлинности; оно существует из-за ограничения или отсутствия или неопределенности знания, ошибка существует из-за отклонения от истины, фальшь и ложь — из-за искажения истины или противоречия ей и ее отрицания. Но нельзя аналогично сказать о знании, что по самой своей природе оно существует только из-за ограничения или отсутствия или неопределенности неведения: оно в действительности может появиться в человеческом разуме частично в ходе такого ограничения неизвестности, при отступлении тьмы из частичного света, или оно может иметь характер неведения, обратившегося в знание; но на самом деле знание независимо рождается и поднимается из глубин, родственных ей.

Опять же, о добре и зле можно сказать, что одно существует благодаря истинному сознанию, а другое выживает благодаря лишь неправильному сознанию: если существует истинное сознание, то может существовать только добро; оно более не смешано со злом или сформировано в его присутствии. Человеческие ценности, человеческие оценки добра и зла, как истины и ошибки, в действительности неопределенны и относительны: то, что в одном месте или времени имеет силу истины, в другом месте или времени может оказаться ошибкой; что считается добром, где-то в другом месте или в другие времена считается злом. Мы также обнаруживаем, что нередко то, что мы называ-

ем злом, приводит к добру, а что мы называем добром, приводит ко злу. Но эта внешняя видимость добра, приводящего ко злу, возникает вследствие путаницы и смеси знания и неведения, вследствие проникновения неправильного сознания в истинное сознание, так что происходит невежественное или ошибочное применение нашего добра, либо же это происходит из-за вмешательства враждебных сил. В противоположном случае, когда кажется, что зло порождает добро, этот обратный результат возникает благодаря вмешательству некоторого истинного сознания и силы, действующих позади и наперекор неправильному сознанию и неправильной воли или благодаря вмешательству направляющих сил. Эта относительность, эта смесь составляет условие человеческой ментальности и работ Космической Силы в человеческой жизни; это не фундаментальная истина добра и зла. Можно было бы возразить, что физическое зло, такое как боль или телесные страдания, не зависит от знания и неведения, правильного или неправильного сознания, что оно внутренне присуще физической Природе: но, фундаментально, всякая боль и любое страдание является результатом недостаточности сознания-силы в поверхностном существе, что делает его неспособным правильно обращаться с “я” и Природой или неспособным ассимилировать контакты вселенской Энергии и гармонизировать себя с ними; этого не происходило бы, если бы в нас было интегральное присутствие светлого Сознания и божественной Силы или интегрального Бытия. Поэтому связь истины и лжи, добра и зла не является взаимной зависимостью, а по своей природе она сродни такой противоположности, как свет и тень; тень не может существовать без света, но свет может существовать без тени. Связь между Абсолютом и этими противоположностями его некоторых фундаментальных аспектов не является таковой, как если бы эти противоположности были бы противостоящими фундаментальными аспектами Абсолюта; ложь и зло не имеет фундаментальности, не имеет мощи бесконечности или вечного бытия, не имеет само-существования даже из-за скрытности в Само-существующем, не имеет подлинности или изначального внутреннего присутствия.

Несомненно, факт, что с проявлением истины или добра понятие о лжи и зле становится возможным; ведь если ведь если есть некоторое утверждение, то становится возможным и его отрицание. Как проявление существования, сознания и восторга делает возможным проявление не-существования, несознания, бесчувственности, и поскольку возможным, то некоторым образом неизбежным, ведь все возможности проталкиваются к действительности, пока не достигают ее, и точно также обстоит дело с противоположностями аспектов Божественного Существования. На этом основании можно сказать, что эти возможности, поскольку они должны быть непосредственно воспринимаемыми проявляющимся Сознанием в самом начале проявления, могут иметь ранг подразумеваемых абсолютов и поэтому неотделимы от всего космического существования. Но сначала нужно отметить, что только в космическом проявлении эти противоположности становятся возможными; они не могут предсуществовать во вневременном бытии, ведь они несовместимы с единством и блаженством, составляющими его субстанцию. В космосе они также не могут придти в бытие, кроме как путем ограничения истины и блага в частичных и относительных формах и путем разбивания единства существования и сознания на отдельное сознание и отдельное бытие. Ведь там, где есть тождество и полная взаимность сознания-силы даже во множественности разнообразия, там истина само-знания и взаимо-знания автоматична, и невозможны ошибки само-неведения и взаимо-неведения. Точно также туда, где истина существует как целое на основе само-осознающего тождества, не может войти ложь, и зло отрезано исключением неправильного сознания и неправильной воли и их динамизации лжи и ошибки. Как только происходит разделение, появляется возможность возникновения этих вещей; но даже эта одновременность не неизбежна. Если есть достаточная взаимность, даже в отсутствии действенного чувства тождества, и если отдельные существа не отступают или отклоняются от своих норм ограниченного знания, гармония и истина все еще могут быть суверенными, и узла не окажется ворот для входа. Поэтому нет подлинной неизбежной космичности лжи и зла, даже как нет их абсолютности; они представляют собой обстоятельства или результаты, которые появляются только на определенной стадии, когда отделенность достигает своей кульминации противостояния, и неведение доходит до примитивного несознания знания, что приводит к неверному сознанию и неправильному знанию, содержащему дурную волю, ложное чувство, неправильное действие и неверную реакцию. Вопрос состоит в том, в какой момент космической манифестации входят противоположности; ведь это может произойти либо на некоторой стадии нарастающей инволюции сознания в отдельном разуме и жизни, либо только после погружения в несознание. Иначе говоря, существуют ли изначально ложь, ошибки, заблуждения и зло на ментальном и витальном планах и родственны ли они разуму и жизни, или они свойственны только материальной манифестации вследствие навязывания разуму и жизни темноты, появляющейся из Несознания. Также можно спросить, если эти противоположности в действительности существуют в супрафизическом разуме и жизни, то были ли они там изначально и неизбежны; ведь они могли бы войти как последствие или супрафизическое расширение материальной манифестации. Или, если такое описание событий непригодно, то могло бы быть так, что противоположности возникли как дозволительное супрафизическое утверждение во вселенском Разуме и Жизни, и прецедентная необходимость их возникновения в той манифестации появилась бы как неизбежный продукт созидательного Несознания.

То, что долго удерживалось в человеческом разуме как традиционное знание, состоит в том, что когда мы выходим за пределы материального плана, то оказывается, что эти вещи также существуют в запредельном мире.

На этих планах супрафизического переживания существуют мощности и формы витального разума и жизни, которые кажутся пред-физической основой рассогласующих, неисправных или извращенных форм и мощностей жизненного разума и жизненной силы, которые мы встречаем в земном существовании. Существуют силы, и сублиминальное переживание показывает, что существуют супрафизические существа, воплощающие те силы, которые по своей коренной природе прикреплены к неведению, к темноте сознания, неправильному использованию силы, искажению восторга, ко всем тем причинам и следствиям, которые мы называем злом. Эти мощности, существа или силы весьма действенны, так что могут чинить препятствия земным созданиям; склонные поддерживать свое царство в манифестации, они противостоят росту света и истины и добра и, даже более того, антагонистически противостоят развитию души к божественному существованию. Такая картина существования традиционно рисуется в образе конфликта между Силами Света и Тьмы, Добра и Зла, космической Гармонии и космического Хаоса; эта традиция присуща всем древним мифам и религиям и входит во все системы оккультного знания.

Теория этого традиционного знания совершенно рациональна и проверяема внутренним опытом, и она сразу же навязывается, если мы допускаем супрафизическое и не замыкаемся в категориях материального бытия как единственной реальности. Как существует космическое “я” и Дух, пронизывающий и поддерживающий всю вселенную и все существа, точно также существует космическая Сила, которая движет всеми вещами, и от этой изначальной космической Силы зависит множество космических Сил, действующих на ее основе и являющихся мощностями изначальной Силы или появляющихся в качестве форм вселенского действия изначальной космической Силы. Любая вещь, формирующаяся во вселенной, имеет за собой поддерживающую ее Силу или Силы и стремится исполнить эти Силы и продвинуть их дальше; любая вещь находит свое основание в функционировании этих Сил, достигает успеха при успехе этих Сил, при их росте и преобладании; само-исполнение или продление бытия любой вещи зависит от победы этих Сил или их выживания. Как существуют Мощности Знания или Силы Света, также существуют Мощности Неведения и зловещие Силы Тьмы, чья работа — продлить царствование Неведения и Несознания. Как есть Силы Истины, так есть и Силы, живущие за счет Лжи и поддерживающие ее и работающие на ее победу; как существуют мощности, чья жизнь сокровенно связана с существованием, идеей и импульсом Добра, так существуют и Силы, чья жизнь связана с существованием и идеей и импульсом Зла. Именно эта истина космического Невидимого символически выражена в древних поверьях о борьбе между силами Света и Тьмы, Добра и Зла за обладание миром и управление жизнью человека; — в этом смысл состязания между Ведическими Богами и их противниками, сыновьями Тьмы и Разделения, позднее традиционно называемыми Титанами и Гигантами и Демонам, Асурами, Ракшасами, Писачами; та же традиция обнаруживается в Зороастрианском Двойном Принципе и более позднем Семитском противостоянии Бога и его Ангелов с одной стороны, и Сатаны с его войском — с другой, — невидимые Личности и Мощности, которые тянут человека к божественному Свету и Истине и Добру или завлекают его в подчинение небожественному Принципу Тьмы и Лжи и Зла. Современное мышление не признает никаких невидимых сил, кроме обнаруженных или построенных Наукой; оно не верит, что Природа способна создать любые другие существа, отличающиеся от тех, что окружают нас в физическом мире — люди, животные, птицы, рептилии, рыбы, насекомые, микробы и микроорганизмы. Но если существуют невидимые космические силы, физические по своей природе, которые действуют на тело неживых объектов, то нет веского основания для того, почему бы не должны существовать космические силы, ментальные или витальные по своей природе, которые действуют на разум человека и его жизненную силу. И если Разум и Жизнь, безличностные силы, образуют сознательное существо или используют личности для воплощения этих сил в физическом мире и могут воздействовать на Материю и через Материю, то нет ничего невозможного в том, что на собственных планах эти силы должны образовывать сознательные существа, чья более тонкая субстанция невидима для нас, или что они должны быть способными воздействовать с собственных планов на существа физической Природы. Какую бы реальность или мифическую нереальность мы не привязывали бы к традиционным образам прошлой человеческой веры или опыта, но эти образы будут представлениями вещей верных в принципе. В таком случае первый источник добра и зла будет скрываться не в земной жизни или эволюции из Несознания, а в самой Жизни, этот источник будет супрафизическим, и добро и зло здесь будет отражениями из большей супрафизической Природы.

Совершенно очевидно, что когда мы уходим далеко вглубь себя, уходим от поверхностной видимости, то обнаруживаем, что разум, сердце и эмоциональное существо человека движимы силами, не находящимися под его собственным контролем, и что человек может стать инструментом в руках Энергий космического характера, не зная происхождения своих действий. Только при отступлении с физической поверхности в свое внутреннее существо и сублиминальное сознание начинает человек осознавать эти силы и быть способным знать их напрямую и обращаться с их действием на человека. Он все более осознает вмешательства, которые стремятся вести его в том или ином направлении, осознавать намеки и побуждения, которые маскировались под оригинальные действия собственного разума человека и против которых он должен бороться. Человек начинает осознавать, что является не сознательным творением, необъяснимо созданным в несознательном мире из семени бессознательной Материи и блуждающим в темном само-неведении, а воплощенной душой, через чье действие Природа стремится исполнить себя, явля-

ется живой почвой грандиозных споров между темнотой Неведения, из которого он появился здесь, и светом Знания, растущим вверх к невидимым вершинам. Силы, которые стремятся двигать человеком, среди которых есть Силы добра и зла, представляются мощностями вселенской Природы; но, по-видимому, они принадлежат не только физической вселенной, но и планам Жизни и Разума за пределами нее.

Первая вещь, важность которой мы должны отметить для проблемы, занимающей нас, состоит в том, что эти Силы в своем действии, по-видимому, часто превосходят всякую меру человеческой относительности; в своем большем действии они сверхчеловечны, божественны, титанические или демонические, но они могут создавать в человеке свои образования в малом или большом, в величественности человека или в его ничтожестве, они могут завладеть человеком или править им в какой-то момент или длительное время, они могут влиять на побуждения человека или его действия или завладеть его целостной природой. Если случается такое овладение, то человек может доходить до крайностей обычных человеческих представлений о добре и зле; особенно зло принимает такие формы, что шокируют и превосходят всякое ощущение человеческой меры, превышают границы человеческой личности, достигая гигантских, неординарных, невообразимых размеров. Тогда можно усомниться, не будет ли ошибкой отрицать абсолютность зла; ведь как есть в человеке побуждение, стремление, желание достичь абсолютной истины, добра, прекрасного, также и эти движения, — как и выходящие за всякие границы страдание и боль, — кажутся указывающими на попытку само-реализации абсолютного зла. Но неизмеримость не является знаком абсолютности: ведь абсолют сам по себе не является вещью, имеющей величину; он за пределами всякой меры, не только в единственном ощущении обширности, а и в свободе своего сущностного бытия; он может проявляться в бесконечно малом, как и в бесконечно большом. Верно, что когда мы переходим от ментального к духовному, — и это переход по направлению к абсолюту, — то тонкое свидетельство и возрастающая интенсивность света, мощи, мира, экстаза отмечает наш переход из наших ограничений: но это поначалу является лишь знаком свободы, высоты, универсальности, а еще не внутренней абсолютности само-существования, что сейчас является сущностью вопроса. Этой абсолютности не могут достичь боль и зло, они ограничены некими пределами, и они являются выводными вещами. Если боль становится нестерпимой, то она уничтожает саму себя или то, в чем проявляется, или схлопывается в бесчувственность или, при редких обстоятельствах, она может обратиться в экстаз Ананды. Если зло стало бы единственным и неизмеримым, то оно могло бы разрушить мир или разрушить то, что породило и поддерживает его; в ходе дезинтеграции оно перевело бы вещи и самого себя назад в не-существование. Несомненно, Мощности, поддерживающие тьму и зло, пытаются достичь по величине само-нарастания видимости бесконечности, но все, чего они могут достичь, это безмерность, а не бесконечность; или, в крайнем случае, они могут представить свой элемент как разновидность бездонной бесконечной соразмерности с Несознательным, но это ложная бесконечность. Само-существование, в сущности или как вечная внутренняя присущность в Само-сущем, является условием абсолютности: ошибка, ложь, зло являются космическими мощностями, но они относительным по своей природе, не абсолютны, поскольку их существование зависит от искажения или противоречия их противоположностей, они не являются подобно истине и добру само-существующими абсолютными, внутренне присущими аспектами верховного Само-существующего.

Второе сомнение возникает из свидетельствования супрафизического и пред-физического существования этих темных противоположностей: ведь можно предположить, что помимо всего прочего они могли бы быть изначальными космическими принципами. Но следует заметить, что видимость этих противоположностей не простирается выше нижних супрафизических планов жизни; они являются “мощностями Господина Воздуха”, — воздух в древности символизировал принцип жизни и поэтому принцип срединных миров, где витальный принцип преобладает и существенен. Следовательно, враждебные противоположности не являются первичными мощностями космоса, они — порождения Жизни или Разума в жизни. Их супрафизические аспекты и влияние на земную природу могут быть объяснены со-существованием миров спускающейся инволюции с параллельными мирами поднимающейся эволюции, созданным не в точности земным существованием, а как бы присоединением к спускающемуся мировому устройству и подготовленной поддержкой для эволюционирующих земных образований; здесь может возникнуть зло, но не как внутренняя присущность всей жизни, а как возможность и пред-образование, которое делает неизбежным свое образование при эволюционном появлении сознания из Несознательного. Однако, может быть, нам следует лучше рассмотреть продукт Несознания и понять происхождение лжи, ошибки, заблуждения и зла, ведь именно при возвращении от Несознания к Сознанию они могут быть видимы обретшими свои образования, и именно там они кажутся нормальными и даже неизбежными. Первым появлением из Несознательного предстает Материя, и кажется, что в Материи ложь и зло не могут существовать, потому что и то, и другое порождены поделенным и невежественным поверхностным сознанием и его реакциями. В материальных силах или объектах нет такой активной поверхностной организации сознания, нет таких реакций: каким бы ни было населяющее их тайное сознание, оно кажется одним, недифференцированным, немым; инертно внутренне присущее и внутренне свойственное Энергии, составляющей объект, это сознание наделяет силой и поддерживает форму при помощи молчаливой оккультной Идеи, но само сознание само-поймано в форму энергии, созданную им, не имеет средств связи и невыразительно. Даже если это

сознание дифференцировано в соответствии с формой Материи по соответствующим формам само-бытия, рупам рупам пратирупо бабхава², то нет психологической организации, нет системы сознательных действий или реакций. И только при контакте с сознательными существами материальные объекты проявляют мощь или влияния, которые могут быть названы добром или злом; но это зло или добро определяется ощущением контактирующих существ, будь то ощущение помощи или вреда, выгоды или ущерба; эти оценки принадлежат не материальному объекту, а некоторой Силе, использующей ее, либо эти оценки созданы контактирующим сознанием. Огонь согревает человека или обжигает его, но в каждом случае человек либо произвольно касается огня, либо целенаправленно использует его; есть лечебные травы и есть травы, яд которых убивает, но оценка добра или зла дается пользователем: следует также заметить, что яд может и лечить, не только убивать, а медицинские снадобья могут убивать или наносить вред, не только лечить или приносить пользу. Мир чистой Материи нейтрален, не несет ответственности; этих оценок, даваемых человеческим существом, не существует в материальной Природе: как верховная Природа превосходит двойственность добра и зла, так низшая природа выпадает из нее. Этот вопрос может подразумевать другой аспект, если мы выйдем за физическое знание и примем выводы оккультного исследования, — ведь говорится, что существуют сознательные влияния, прикрепившиеся к объектам и могущие быть добрыми или злыми; но это все еще не может поколебать нейтральность объекта, который не действует сообразно с индивидуальным сознанием, а только используется для добра или зла, либо для того и другого вместе: дуальность добра и зла не родственна материальному принципу, ее нет в мире Материи.

Дуальность начинается с сознательной жизни и полностью появляется с развитием разума в жизни; витальный разум, разум желаний и чувства является создателем ощущения зла и факта зла. Более того, в животной жизни присутствует зло страдания и ощущение страдания, зло жестокости и насилия и раздора и обмана, но отсутствует ощущение морального зла; в животной жизни нет дуальности греха и добродетели, все действия нейтральны и допустимы для сохранения жизни и ее поддержания и для удовлетворения жизненных инстинктов. Чувственные оценки добра и зла внутренне присущи в форме боли и удовольствия, витального удовлетворения и витального расстройства, но ментальная идея, моральный отклик разума на эти оценки является порождением человеческого существа. Из этого не следует, как можно было бы поспешно заключить, что эти оценки нереальны, что они всего лишь ментальные построения, и что единственно верный путь восприятия деятельности Природы заключается либо в нейтральной индифферентности или в равном принятии, либо, интеллектуально, в допущении всего того, что она делает, как божественного или в принятии естественного закона, в котором все беспристрастно допустимо. На самом деле, в этом кроется одна сторона истины: существует инфрарациональная истина Жизни и Материи, беспристрастная и нейтральная и допускающая все вещи как факты Природы и служащая для творения, сохранения или разрушения жизни, трех необходимых движений вселенской Энергии, взаимосвязанных и совершенно необходимых друг для друга и имеющих свою ценность. Есть также и истина открепленного рассудка, который может взирать на все то, что так допускается Природой, как на служащее ее процессам в жизни и материи, и наблюдать все сущее с неизменной ментальной беспристрастностью и принятием; так и поступает философский и научный рассудок, свидетельствующий и стремящийся понять, но считающий несерьезным судить деятельность космической Энергии. Здесь также есть и супрарациональная истина, формулирующая себя в духовном переживании, которое может наблюдать игру вселенской возможности, беспристрастно все принимать как истинные и естественные черты и следствия мира неведения и несознания или допускать все со спокойствием и сочувствием как часть божественной работы, но, пока эта супрарациональная истина ждет пробуждения высшего сознания и знания как единственного избегания того, что представляется злом, она готова вмешиваться и помогать там, где это возможно и может на самом деле приносить пользу. Но, тем не менее, существует и другая, срединная истина сознания, которая пробуждает нас к ценностям добра и зла и к оценке их необходимости и важности; это пробуждение, какой бы ни была санкция или законность частного суждения, является одним из совершенно необходимых шагов в процессе эволюционной Природы.

Но откуда идет это пробуждение? что в человеческом существе зарождает и придает свою мощь и дает свое место чувству добра и зла? Если мы рассмотрим только процесс, то можем согласиться с тем, что именно витальный разум делает различие. Его первая оценка чувственна и индивидуальна, — все то, что приятно, полезно, выгодно для эго-жизни, есть добро, все то, что неприятно, вредно, пагубно или разрушительно есть зло. Следующая оценка утилитарна и носит социальный характер: все то, что считается полезным для совместной жизни, все то, что требуется от индивида, чтобы оставаться в обществе и регулировать общество для лучшего поддержания, удовлетворения, развития, хорошего устройства совместной жизни и единиц сообщества, есть добро; все то, что с этой точки зрения оказывает противоположное воздействие на общество, есть зло. Но затем приходит думающий разум со своей собственной оценкой и стремится найти интеллектуальный базис, идею закона или принципа, рационального или космического, возможно, закон Кармы или этическую систему, основанную на рассудке или на эстетическом, эмоциональном или гедонистическом базисе. Религия вносит свои санкции; есть слово Божье или закон Божий,

² Катха Упанишада II.2.9.

который предписывает праведность, даже если Природа допускает или стимулирует противоположность, -или, возможно, Истина и Добродетель есть сам Бог, и нет другой Божественности. Но за всем этим практическим или рациональным давлением человеческого этического инстинкта кроется чувство, что есть нечто более глубокое: все эти стандарты либо слишком узки и жестки, либо сложны и путаны, неопределенны, подвержены изменению с ментальным или витальным изменением или в ходе эволюции; все же чувствуется, что существует постоянная выдерживающая испытание временем истина, и существует нечто внутри нас, что может прозревать эту истину, — другими словами, настоящая санкция является внутренней, духовной и психической. Традиционно этого внутреннего свидетеля считают совестью, мощью восприятия наполовину ментальной, наполовину интуитивной; но это нечто поверхностное, сконструированное, ненадежное: определено, внутри нас есть, хотя не так легко задействуемое, более замаскированное поверхностными элементами, более глубокое духовное чувство, пронизательность души, врожденный свет внутри нашей природы.

Чем же тогда является этот духовный или психический свидетель или какую для него ценность составляет ощущение добра и зла? Можно поддержать ту точку зрения, что единственное использование ощущения греха и зла состоит в том, чтобы воплощенное существо могло начать осознавать природу этого мира несознания и неведения, могло пробудиться к знанию его зла и страдания и относительной природы его добра и счастья и отвернуться от мира, обратившись к тому, что абсолютно. Или же духовное использование ощущения добра и зла может заключаться в том, чтобы очистить природу путем стремления к добру и отрицания зла, пока она не станет готова воспринять всевышнее благо и, отвернувшись от мира, обратиться к Богу, либо, по Буддистскому этическому настоянию, оно может служить подготовкой к растворению невежественного эго-комплекса и к бегству от личности страдания. Но также может быть, что это пробуждение является духовной насущностью самой эволюции, шагом к росту существа из Неведения в истину божественного единства и эволюции божественного сознания и божественного бытия. Ведь существует нечто гораздо большее, чем разум и жизнь, которые могут оборачиваться либо к добру, либо ко злу, существует душа-личность, психическое существо, которое настаивает на различении, на различении в большем смысле, чем простая моральная разница. Именно наша душа всегда обращена к Истине, Добру и Красоте, потому что благодаря этим вещам она всегда растет; остальное, их противоположности, является необходимой частью переживания, но должно быть превзойдено в духовном росте существа. Фундаментальная психическая сущность в нас обладает восторгом жизни и всем переживанием как частью постепенного проявления духа, но самим принципом его восторга является сбор из всех контактов и всего происходящего тайного божественного смысла и сущности, божественного использования и цели, так что путем переживания наш разум и жизнь могут расти из Несознания к верховному сознанию, из делений Неведения к интегрирующему сознанию и знанию. Душа здесь для этого, и она проводит из жизни в жизнь свою вечно-нарастающую тенденцию и настоящее; рост души является ростом из тьмы в свет, из лжи в истину, из страдания в собственную верховную и вселенскую Ананду. Восприятие души, касающееся добра и зла, может не совпадать с искусственными стандартами разума, но оно имеет более глубокий смысл, надежно отличает то, что указывает на высший Свет, от того, что уводит от него. Верно, что подобно тому, как низший свет ниже добра и зла, так и высший духовный свет находится за пределами добра и зла; но не в смысле принятия всех вещей с беспристрастной нейтральностью или равного подчинения импульсам добра и зла, а в том смысле, что вмещается высший закон бытия, в котором более нет места этим ценностям или их использованию. Существует само-закон верховной Истины превыше всех стандартов; существует верховное и универсальное Добро, внутренне присущее, подлинное, само-существующее, само-осознающее, само-движимое и определенное, бесконечно пластичное с чистой пластичностью светлого сознания верховного Бесконечного.

Следовательно, если зло и ложь являются естественными продуктами Несознания, автоматическими результатами эволюции жизни и разума из Несознания в процессе Неведения, то мы должны увидеть, как они возникают, от чего зависят их существование и в чем состоит лекарство от них или бегство. Должен быть найден процесс, в ходе которого эти вещи приходят в бытие при поверхностном всплытии ментального и витального сознания из Несознания. Здесь есть два определяющих фактора, — и именно они являются действенной причиной одновременного возникновения лжи и зла. Во-первых, существует лежащее в основании, все еще оккультное сознание и мощь врожденного знания, и существует также покрывающий его слой, который можно было бы назвать неопределенным или же плохо-сформированным веществом витального и физического сознания; через эту темную тяжелую среду должна прокладывать свой путь возникающая ментальность и накладывать себя на него с помощью построенного и более не врожденного знания, потому что это вещество все еще наполнено незнанием, значительно отягощено и охвачено несознанием Материи. Затем, это возникновение происходит в отдельной форме жизни, которая должна выстоять против принципа неживой материальной инерции и постоянного тяготения этой материальной инерции к дезинтеграции и повторному впадению в изначальное неживое Несознание. Это отдельная жизне-форма, поддерживаемая только ограниченным принципом ассоциации, должна также выстоять в окружении внешнего мира, который если и не враждебен ее существованию, то все же полон опасностей, и на который эта жизне-форма должна наложить себя, завоевать себе жизненное пространство, выразить себя и распространиться, если хочет выжить. Результатом

появления сознания в этих условиях является рост само-утверждающегося витального и физического индивида, построение Природы жизни и материи с сокрытым психическим или настоящим духовным индивидом, скрывающимся за внешним индивидом, для чего Природа и создает эти внешние средства выражения. По мере роста ментальности этот витальный и материальный индивид принимает все более развитую форму постоянно само-утверждающегося ментального, витального и физического эго. Наше поверхностное сознание и тип существования, наше природное существо развило свой теперешний характер под принуждением этих двух начальных и основных фактов эволюционного возникновения.

В своем первом появлении сознание имеет видимость чуда, мощности, чуждой Материи, мощи, которая необъяснимо проявляется в мире несознательной Природы и медленно и трудно растет. Знание добывается, создается “из ничего”, учится, увеличивается, накапливается недолговечным невежественным созданием, в котором оно с рождения отсутствовало или присутствовало, но только не в форме знания, а в форме наследуемой способности, соответствующей стадии развития этого медленно учащегося неведения. Можно было бы заключить, что сознание является только изначальным Несознанием, механически записывающим факты существования в мозговых клетках с рефлексом или откликом в клетках, автоматически считывающим запись и диктующим свой ответ; запись, рефлекс, отклик — все это вместе составляет то, что кажется сознанием. Но, очевидно, в этом еще не заключается вся истина, ведь это могло бы объяснить наблюдение и механические действия, — хотя не ясно, как несознательная запись и отклик могут обратиться в сознательное наблюдение, сознательное ощущение вещей и ощущение “я”, — но это не может служить правдоподобным объяснением формирования идей, воображения, рассуждения, свободной игры интеллекта с наблюдаемым материалом. Эволюция сознания и знания не может быть объяснена до тех пор, пока не будет принято допущение о врожденном существовании сознания в вещах с внутренне присущими и родными мощностями, появляющимися мало-помалу. Далее, факты животной жизни и оперирования возникающего разума в жизни ведут нас к заключению, что в этом сокрытом сознании уже присутствует основополагающее Знание или мощностное знание, которая выходит на поверхность по необходимости жизненных контактов с окружением.

Индивидуальное животное существо в своем первом сознательном само-утверждении должно опираться на два источника знания. Поскольку оно не знает и беспомощно, представляет собой маленький кусочек неинформированного поверхностного сознания в неизвестном ему мире, то тайная Сознание-Сила посылает на эту поверхность минимум интуиции, необходимой для того, чтобы поддержать его существование и прокрутить операции, совершенно необходимые для жизни и выживания. Не само животное обладает интуицией, а наоборот, интуиция завладевает животным и движит им; это нечто, что проявляет себя в крупинке витальной и физической субстанции сознания под давлением нужды и в необходимых случаях: но в то же время результаты этой интуиции накапливаются и приобретают форму автоматического инстинкта, работающего всякий раз, когда встречается подходящий случай; этот инстинкт принадлежит расе и передается при рождении индивидуальным членам расы. Интуиция, когда она случается или повторяется, — безошибочна; инстинкт автоматически правилен, но может ошибаться, потому что терпит фиаско или допускает промах, когда вмешивается поверхностное сознание или плохо развитый интеллект или когда инстинкт продолжает механически действовать, тогда как из-за изменившихся обстоятельств больше нет нужды или необходимых условий для этого действия. Вторым источником знания является поверхностный контакт с миром, находящимся снаружи природного индивидуального существа; именно этот контакт вызывает сначала сознательное ощущение и чувственное восприятие и затем — понимание. Если бы не было лежащего в основании сознания, тогда контакт не смог бы создать какого-либо восприятия или реакции; именно потому что контакт стимулируется в чувство, и поверхностный отклик сублиминального существа уже витализирован подсознательным жизненным принципом и своими первыми нуждами и исканиями, то в силу этого начинает формироваться и развиваться поверхностное осознание. Сокровенным образом возникновение поверхностного сознания под действием силы жизненных контактов происходит вследствие того факта, что как в субъекте, так и в объекте контакта сознание-сила уже присутствует в сублиминальной латентности: когда жизненный принцип достаточно подготовлен, достаточно чувствителен в субъекте, воспринимающем контакт, тогда в отклик на стимул возникает это сублиминальное сознание, которое начинает составлять витальный или жизненный разум, разум животного, и затем, в ходе эволюции, думающий интеллект. Тайное сознание приведено в поверхностное ощущение и восприятие, тайная сила передается поверхностным импульсом.

Если это лежащее в основании сублиминальное сознание вышло бы на поверхность, то это было бы прямой встречей сознания субъекта с сознанием объекта, и результатом этой встречи стало бы прямое знание; но это невозможно, во-первых, из-за вето или блокировки Несознания и, во-вторых, из-за эволюционного намерения развиваться медленно через несовершенное, но растущее поверхностное осознание. Тайное сознание-сила должна была поэтому ограничить себя несовершенной передачей в поверхностной витальной и ментальной вибрации и операции, и из-за отсутствия, удержания или недостаточности прямого осознания вынуждена была развить органы и природное чутье для непрямого познания. Это творение внешнего знания и понимания происходит в уже подготовленной неопределенной сознательной структуре, являющейся наиболее ранним образованием на поверхности. Поначалу эта струк-

тура представляет собой лишь минимум образования сознания со смутным чувственным восприятием и импульсом-откликом; но, по мере появления все более высокоорганизованных форм жизни, эта структура перерастает в жизненный разум и витальный интеллект, поначалу в большой степени механический и автоматический и занятый только практическими нуждами, желаниями и импульсами. Вся эта деятельность в своем начале интуитивна и инстинктивна; лежащее в основании сознание передается в поверхностном слое автоматическими движениями сознательного вещества жизни и тела: движения разума, когда они появляются, вовлечены в этот автоматизм, они случаются как подчиненная ментальная заметка внутри господствующей витальной чувственной записи. Но постепенно разум начинает решать задачу по высвобождению самого себя; он все еще работает для жизненного инстинкта, жизненной нужды и жизненного желанья, но уже начинает проявляться его собственный специфический характер: наблюдение, изобретение, приспособление, намерение, преследование цели, тогда как ощущение и импульс добавляют к себе эмоцию и вносят более тонкое и чистое эмоциональное побуждение и оценку в грубую витальную реакцию. Разум все еще значительно вовлечен в жизнь, и еще не очевидны его высочайшие чисто ментальные операции; в качестве своей поддержки он принимает большой фон инстинкта и витальной интуиции, и интеллект развитый, хотя и всегда растущий по мере роста по животной шкале жизни, являет собой сложносоставленную суперструктуру.

Когда человеческий интеллект добавляется к животному базису, этот базис все еще остается активным и присутствующим, но он в большой степени изменен, облагорожен и возвышен сознательной волей и намерением; приуменьшена автоматическая жизнь инстинкта и витальная интуиция, и они не могут более выдерживать свою преобладающую пропорцию по отношению к само-осознающему ментальному интеллекту. Интуиция становится менее чисто интуитивной: даже когда все еще есть сильная витальная интуиция, ее витальный характер скрыт ментализацией, и ментальная интуиция чаще всего представляет собой смесь, не чистую вещь, так как добавляется примесь, чтобы сделать витальную интуицию ментально протекающей и ментально пригодной. Также в животном поверхностное сознание может препятствовать интуиции или видоизменять ее, но, поскольку оно обладает меньшей способностью, то это поверхностное сознание меньше взаимодействует с автоматическим, механическим или инстинктивным действием Природы: в ментальном человеке интуиция, еще не достигнув поверхности, сразу же захватывается и переводится в термины разума-интеллекта, принимая ментальную видимость или ментальную интерпретацию, которая скрывает происхождение знания. Будучи захваченным и ментализованным, инстинкт также теряет свой интуитивный характер, и в силу этого изменения он становится менее надежным, хотя более наделенным, если не замещенным, гибкой мощью адаптации к вещам и само-адаптации, свойственной интеллекту. Возникновение разума в жизни производит громадное расширение диапазона и возможности эволюционирующей сознательной-силы; но оно также производит и громадное расширение диапазона и возможности ошибки. Ведь за эволюционным разумом неотступно следует ошибка, как тень, которая растет с ростом объема сознания и знания.

Если в ходе эволюции поверхностное сознание было бы всегда открыто действию интуиции, то вмешательство ошибки было бы невозможным. Ведь интуиция является кромкой света, выброшенного тайным Сверхразумом, и следствием явилась бы возникшая Истина-Сознание, какая бы не ограниченная, но все же надежная в своем действии. Инстинкт, если бы он сформировался, был бы гибким по отношению к интуиции и свободно бы адаптировался к эволюционному изменению и смене внутренних и окружающих условий. Интеллект, если бы он сформировался, служил бы интуиции и был бы ее точным ментальным выражением; его блеск, возможно, был бы модулирован, чтобы более соответствовать приуменьшенному действию, служить зеркалом и не нести главную функцию и не составлять, как сейчас, основное движение, и интеллект не ошибался бы из-за отклонения, не впадал бы в ложь или не был бы подвержен ошибкам из-за темности своих частей. Но этого не могло случиться, потому что опора Несознания на материю, поверхностную субстанцию, в которой разум и жизнь должны выражать себя, делает поверхностное сознание темным и невосприимчивым к свету внутри; более того, оно принуждается лелеять этот дефект, все более и более замещать своей собственной неполной, но лучше схватываемой ясностью необъяснимые внутренние намеки, потому что быстрое развитие Истины-Сознания не входит в намерение Природы. Ведь избранный ею метод заключается в медленной и трудной эволюции Несознания, развивающегося в Неведение, и Неведения, формирующегося в смешанное, модифицированное и частичное знание, прежде чем оно может быть готовым для трансформации в высшую Истину-Сознание и Истину-Знание. Наш несовершенный ментальный интеллект является необходимой стадией перехода, без которой не может стать возможной эта высшая трансформация.

В практическом отношении существуют два полюса сознательного бытия, между которыми работает эволюционный процесс, один — это поверхностное незнание, которое должно постепенно обратиться в знание, другой — тайное Сознание-Сила, в котором присутствуют все моды и знания и которое должно медленно проявляться в незнании. Поверхностное незнание, полное непонимания и неведения, должно измениться в знание, потому что знание уже вовлечено в него; если в нем в корне было бы полное отсутствие сознания, то это изменение было бы невозможным: но оно все еще работает как несознание, пытающееся быть сознательным; прежде всего, это есть незнание, принуждаемое потребностью и внешними толчками чувствовать их и отвечать на них, и затем это есть неведение,

трудящееся к познанию. В качестве средства познания используется контакт с внешним миром и его силами и объектами, и этот контакт порождает искру осознания, подобно добыче огня трением; откликом изнутри становятся искры, внезапно появляющиеся в манифестации. Но поверхностное незнание, получая отклик из лежащего в основании источника знания, ослабляет его и превращает его в нечто темное и неполное; происходит несовершенный захват или недооценка интуиции, отвечающей на контакт: все же благодаря этому процессу начинается зарождение откликающегося сознания, происходит первое накопление врожденного или привычного инстинктивного знания, и отсюда возникает сначала примитивная, а затем более развитая способность воспринимающего осознания, понимания, отклика действия, предвиденного зачинания действия, — возникает эволюционирующее сознание, являющееся полу-знанием, полу-неведением. Все неизвестное познается на основе известного; но поскольку это знание несовершенно, поскольку оно несовершенно воспринимает контакты вещей и несовершенно отвечает на них, то возможна ошибочная оценка нового контакта, как и неверная оценка или деформация интуитивного отклика, что составляет двойной источник ошибки.

Очевидно, что в этих условиях Ошибка является обязательным попутчиком, почти необходимым обстоятельством и инструментом, совершенно необходимым шагом или стадией в медленной эволюции к знанию в сознании, берущему начало от незнания и работающему в веществе общего незнания. Эволюционирующее сознание должно приобретать знание при помощи косвенных средств, которые не дают даже фрагментарной уверенности; ведь поначалу есть только фигура или знак, образ или вибрация, физическая по своему характеру и созданная контактом с объектом, и есть результирующее витальное ощущение, которое должно быть интерпретировано разумом и чувством и быть обращенным в соответствующую ментальную идею или фигуру. Так переженные и ментально познанные вещи должны быть еще связаны вместе; неизвестные вещи должны быть исследованы, открыты, пригнаны к уже обретенной сумме переживания и знания. На каждом шаге предлагают себя все возможные объяснения факта, различные оценки, суждения, интерпретации, связи: невозможно изгнать ошибку без ограничения шансов обретения знания. Первым инструментом разума является наблюдение, но само наблюдение — это сложный процесс, открытый на каждом шаге ошибкам невежественного наблюдающего сознания; ошибочная оценка факта чувствами и чувство-разумом, упущение, неправильный отбор и стыковка, несознательные добавления, сделанные личным впечатлением или личной реакцией, создают ложную или несовершенную смешанную картину; к этим ошибкам добавляются ошибки вывода, суждения, интерпретации фактов интеллектом: когда даже исходные данные не надежны или совершенны, тогда выводы, построенные на них, также должны быть ненадежными и несовершенными.

В обретении знания сознание переходит от известного к неизвестному; оно строит структуру приобретенного переживания, воспоминаний, впечатлений, суждений, составной ментальной план вещей, имеющий природу смещаемой и вечно модифицируемой фиксированности. При получении нового знания все приходящее оценивается в свете прошлого знания и пригоняется к уже существующей структуре; если оно должным образом не вписывается, то подгоняется под нее или вообще отбрасывается: но существующее знание и его структуры или стандарты могут быть не применимы к новому объекту или новому полю знания, пригонка может быть неправильной или отвержение может быть ошибочным. К неверной оценке и неправильной интерпретации фактов добавляется неверное применение знания, неверная комбинация, неправильное построение, неверное представление, сложная машинерия ментальной ошибки. Во всей этой озаренной темноте наших ментальных частей присутствует работающая тайная интуиция, присутствует побуждение к истине, исправляющее или заставляющее интеллект исправить то, что ошибочно, заставляющее его трудиться к получению истинной картины вещей и верного интерпретирующего знания. Но в человеческом разуме интуиция сама ограничена ментальной недооценкой ее внушений и не может действовать по собственному праву; ведь будь то физическая, витальная или ментальная интуиция, она должна как-то представлять себя, чтобы быть воспринятой, не голой и чистой, а облаченной в ментальные одежды или полностью наряженной в роскошный ментальный наряд; при такой маскировке не может быть распознана настоящая природа интуиции и ее связи с разумом, место интуиции остается непонятым, и способ ее работы игнорируется поспешным и полу-сознающим человеческим интеллектом. Существует интуиция действительности, возможности, вполне определенной истины позади вещей, но все это перепутано в человеческом разуме. Характерной особенностью человеческого знания является грандиозная путаница полу-схваченного материала и экспериментальных построений на основе этого материала, представление или ментальная структура образа я и вещей, жесткая и все же хаотичная, полу-сформированная и полу-выстроенная, наполовину беспорядочная, наполовину истинная, наполовину ошибочная, но всегда несовершенная.

Однако, сама по себе ошибка не дотягивает до лжи; она является только несовершенством истины, попыткой, испытанием возможностей: ведь когда мы не знаем, тогда должны быть допущены неиспытанные и сомнительные возможности, и даже если в результате выстраивается несовершенная или неподходящая структура мышления, то все же эта структура оправдывает себя тем, что всегда открыта к новому знанию в неожиданных направлениях, и наше понимание или наш опыт может увеличиться либо при растворении и перестройке этой структуры, либо путем открытия некоторой истины, которую она скрывала. Несмотря на смесь, порождаемую ростом сознания, интел-

лект и рассудок могли бы достичь через эту смешанную истину более ясного и более верного образа само-знания и знания мира. Было бы уменьшено препятствие изначального и охватывающего несознания, и растущее ментальное сознание достигло бы ясности и целостности, что позволило бы появиться сокрытым мощностям прямого знания и интуитивного процесса, позволило бы им использовать подготовленные и освещенные инструменты и сделать разум-интеллект своим верным агентом и строителем истины на эволюционной поверхности.

Но здесь вмешивается второе условие или фактор эволюции; ведь этот поиск знания не является безличностным ментальным процессом, стесненным только общими ограничениями разума-интеллекта: существует эго, физическое эго, эго-жизни, направленное не на само-знание и открытие истины вещей и истины жизни, а на витальное само-утверждение; также существует ментальное эго, и оно твердо придерживается своего собственного само-утверждения и в большой степени направляется и используется витальным побуждением для исполнения жизненного желания и достижения жизненной цели. Ведь по мере развития разума развивается и ментальная индивидуальность с персональным водительством наклонностей разума, ментального темперамента, образования разума по собственному усмотрению. Эта поверхностная ментальная индивидуальность эгоцентрична; она взирает на мир и вещи и все происходящее со своей собственной точки зрения и видит их не такими, какими они есть, а в зависимости от того, как они воздействуют на нее: при наблюдении вещей она придает им поворот, подходящий к ее собственной тенденции и темпераменту, выбирает или отвергает, выстраивает истину сообразно собственному ментальному предпочтению и действию; наблюдение, суждение, оценка — все это определяется или подвержено влиянию этой личности-разума и приспособлено к нуждам индивидуальности и эго. Даже когда разум стремится, главным образом, к чистой безличности истины и рассуждения, то все же крайняя безличность невозможна для него; даже самый тренированный, строгий и бдительный интеллект проваливается в своей попытке наблюдать за изгибами и поворотами, придаваемыми истине при восприятии факта и идеи и при построении ментального знания. Здесь мы имеем почти неисчерпаемый источник искажения истины, причину фальсификации, несознательную или полу-сознательную волю к ошибке, принятие идей и фактов не при ясном восприятии истинного и лживого, а в предпочтении, в личном удобстве, в темпераментном выборе, с предубежденностью. Здесь кроется плодоносящее семя для роста лжи или найдутся ворота или много ворот, через которые она может войти украдкой или при захватническом, но приемлимом вторжении. Истина также может войти и обосноваться, но не по собственному праву, а для удовольствия разума.

В терминах психологии Санкхьи мы можем различить три типа ментальной индивидуальности, — тамасический, управляемый принципом темноты и инерции, перво-рожденный из несознания; раджасический, управляемый силой страсти и деятельности, кинетический; третий тип заключен в оболочку саттвического принципа света, гармонии, баланса. Тамасический интеллект обосновался в физическом разуме: он инертен по отношению к идеям, — за исключением тех, которые он получает инертно, слепо, пассивно из физического источника или авторитета, — темен при их восприятии, не желает расширять себя, противится новым стимулам, консервативный и немобильный; он цепляется к полученной структуре знания, и единственной его мощностью является повторяющаяся пракτικότητα, но эта мощь ограничена первичной, очевидной, установленной и известной надежностью; он отмахивается прочь все, что для него ново и может его побеспокоить. Раджасический интеллект обосновался, главным образом, в витальном разуме и бывает двух типов: один тип — защитный с неистовостью и страстью, утверждающий свою ментальную индивидуальность и все то, что согласуется с этой индивидуальностью, все то, что она неистово предпочитает, этот интеллект адаптирован к ментальной индивидуальности, но агрессивен ко всему тому, что противостоит его ментальной эго-структуре или неприемлемо для ее персональной индивидуальности; другой тип — восторженно открытый по отношению к новым вещам, страстный, настоятельный, порывистый, часто подвижный сверх меры, непостоянный и вечно беспокойный, управляемый в своей идее не истиной и светом, а вкусом интеллектуальной битвы и движения и приключения. Саттвический интеллект — это искатель знания, открытый настолько, насколько он может быть открытым, он тщательно все рассматривает и проверяет и уравнивает, согласовывает со своим взглядом и приспособливает к нему все то, что подтверждается как истина, он воспринимает все то, что он может усвоить, он — мастер выстраивать интеллектуальную гармонизированную структуру истины: но, поскольку его свет ограничен, каким и должен быть всякий ментальный свет, то он не способен расширить себя до такой степени, чтобы равным образом воспринимать всю истину и всякое знание; он имеет ментальное эго, даже озаренное эго, и определяется им при своих наблюдениях, суждениях, размышлениях, ментальном выборе и предпочтении. У большинства людей преобладает одно из этих качеств, но также возможна их смесь; один и тот же разум может быть открытым и пластичным и гармоничным в одном направлении, кинетическим и витальным, торопливым и предвзятым — в другом, а в третьем — темным и невосприимчивым. Это ограничение личностью, эта защита личности и отказ воспринимать то, что неусваиваемо, необходимы для индивидуального существа, потому что в своей эволюции, на достигнутой стадии, оно имеет определенное само-выражение, обладает определенным типом опыта и использования опыта, что должно, по крайней мере, по части разума и жизни, управлять природой; в текущий момент это является его законом бытия, его дхармой. Это ограничение сознания разума личностью и ограничение истины ментальным темпераментом и предпочтением должно быть правилом нашей природы, пока индивид не достиг уни-

версальности, пока он еще не готов к превосхождению разума. Но, очевидно, это условие неизбежно является источником ошибки и в любой момент может стать причиной фальсификации знания, несознательного или полусознательного само-обмана, отказа принимать истинное знание, готовности утверждать приемлимое неправильное знание в качестве верного знания.

Это относится к области постижения, но тот же самый закон применим к воле и действию. Из неведения рождается неправильное сознание, которое дает неправильную динамическую реакцию на контакты с личностями, вещами, происходящим: это поверхностное сознание развивает привычку игнорирования, неправильного понимания или отвержения предложений к действию, приходящих из тайного сокровенного сознания, психической сущности; вместо этого оно отвечает на неосвещенные ментальные или витальные предложения, либо действует в соответствии с требованиями и побуждениями витального эго. Здесь выходит на передний план и навязывает свою важность второе из первичных условий эволюции, закон отдельного живого существа, утверждающего себя в мире не-я. Именно здесь поверхностная витальная персональность или “я” жизни утверждает свое господство, и это господство неведжественного витального существа является принципиальным активным источником разногласия и дисгармонии, причиной внутренних и внешних пертурбаций жизни, главной причиной неверного делания и зла. Естественный витальный элемент в нас, насколько он не контролируем или нетренирован или сохраняет свой примитивный характер, не интересуется истиной или правильным сознанием или верным действием: он занят само-утверждением, жизненным ростом, обладанием, удовлетворением импульса, удовлетворением всех желаний. Это главная нужда и потребность жизненного “я” кажется ему наиболее важной; оно бы охотно следовало удовлетворению своей потребности безотносительно к истине или правильности или добру или любому другому принципу: но поскольку есть разум, имеющий эти представления, поскольку есть душа, имеющая эти душевные восприятия, то жизненное “я” пытается установить господство над разумом и под нажимом получить у него санкцию и приказ на исполнение собственной воли само-утверждения, вердикт истины и права и добра для своих собственных витальных утверждений, импульсов, желаний; оно занято само-оправданием, чтобы получить возможность для полного само-утверждения. Но если жизненное “я” может получить согласие разума, то оно совершенно готово игнорировать все эти стандарты и установить только один стандарт — удовлетворение, рост, сила, величие витального эго. Жизненному индивиду требуется место, расширение, обладание своим миром, господство и контроль над вещами и существами; ему нужно жизненное пространство, место под солнцем, само-утверждение, ему приходится выживать. Это требуется ему для себя самого и тех, кто связан с ним, для собственного эго и коллективного эго; это нужно ему для своих представлений, верований, идеалов, интересов, фантазий: ведь он должен утвердить эти формы ячества и “моего” и наложить их на мир вокруг себя или, если он недостаточно силен, чтобы сделать это, то должен по крайней мере защищать их от других и поддерживать их в наилучшей форме. Он может пытаться делать это методами, которые видятся или представляются ему правильными; он может пытаться делать это откровенно насильственными методами, хитростью, обманом, разрушительной агрессией, уничтожая другие жизненные образования: принцип остается тем же самым, независимо от использованных средств или моральной позиции. И не только в сфере интересов, но и в сфере идей и царстве религии витальное существо человека ввело этот дух и эту позицию само-утверждения и борьбы и использования насилия, притеснения и подавления, нетерпимости, агрессии; оно наложило принцип жизненного эгоизма на область интеллектуальной истины и область духа. В это само-утверждение само-отстаивающая жизнь внесла отвращение и неприязнь ко всему тому, что стоит на пути ее расширения или вредит эго; в качестве средства или страсти или реакции жизненной природы она развивает жесткость, вероломство и все виды зла: при удовлетворении желания и импульса принимается во внимание не правильность или неправильность, а исполнение желания и импульса. Ради этого удовлетворения она готова подвергнуться риску разрушения и действительности страдания; ведь то, к чему толкает Природа, это не единственно само-сохранение, а жизненное утверждение и жизненное удовлетворение, оформление жизненной силы и жизненного существа.

Из этого не следует, что это и есть все, что входит в составляющие витальной личности или что зло присуще самой ее природе. Для нее истина и добро не составляет первостепенную важность, но она может иметь страсть к истине и добру, как она имеет более спонтанную страсть к радости и красоте. Во всем том, что развито жизненной силой, присутствует тайный восторг, восторг в добре и восторг в зле, восторг в истине и восторг во лжи, восторг в истине и в притяжении к смерти, восторг в удовольствии и восторг в боли, в чем-либо собственном страдании и страдании других, но также в чьей-то собственной радости и счастья и благе, и счастья и благе других. Ведь сила жизненного утверждения действует не подобно добру и злу: она обладает импульсом помощи и общения, щедрости, привязанности, преданности, само-отдачи; она вбирает в себя альтруизм, как вбирает эгоизм, жертвует собой, как и разрушает других; и во всем, что она делает, присутствует одна и та же страсть жизненного утверждения, та же сила действия и исполнения. Этот характер витального существа и его направленности существования, в котором то, что мы именуем добром и злом, является только пунктами, а не главной пружиной, очевиден в до-человеческой жизни; в человеческом существе, поскольку развито ментальное, моральное и психическое распознавание, это подвержено контролю или камуфляжу, но не меняет своего характера. Витальное существо и его жизненная сила

и их тяга к само-утверждению являются, при отсутствии явного действия мощности души и духовной мощности, Атма-шакти, главными Природными средствами исполнения, и без этой поддержки ни разум, ни тело не могут использовать свои возможности или реализовать здесь свою цель существования. И только если внутреннее или истинное витальное существо замещает внешнюю жизненную персональность, только тогда может быть превзойдена тяга витального эго, и жизненная сила становится слугой души и мощным инструментом действия нашего истинного духовного существа.

Итак, в этом заключается происхождение и природа ошибки, лжи, неправильности и зла в сознании и воле индивида; источником ошибки является ограниченное сознание, вырастающее из незнания, источником лжи является личностная прикреплённость к ограничению и ошибке, рожденной этим ограничением, а источником зла является неправильное сознание, управляемое жизнью эго. Но, очевидно, их относительное существование является только явлением, выброшенным космической Силой в ее преследовании эволюционного само-выражения, и именно там должны мы поискать значение этого явления. Ведь возникновение жизненного эго является, как мы видели, машиной космической Природы для утверждения индивида, для его само-высвобождения из неопределенной массы субстанции подсознательного, для появления сознательного существа на почве, подготовленной Несознанием; принцип жизне-утверждения эго является необходимым следствием. Индивидуальное эго является прагматической и действенной фикцией, переводом тайного “я” в термины поверхностного сознания, или субъективной заменой истинного “я” в нашем поверхностном переживании: из-за неведения оно отделено от других-я и от внутренней Божественности, но оно все еще тайно подталкивается к эволюционному объединению в разнообразии; хотя оно и конечно, но имеет позади себя импульс к бесконечному. Но в терминах невежественного сознания это переводится в волю к расширению, к безграничному конечному, в желание вобрать в себя все, что возможно, войти во все и завладеть всем, даже быть захваченным им, если оно может почувствовать себя удовлетворенным и растущим в других или через других или может посредством подчинения включить в себя существо и мощь других или тем самым получить помощь или импульс для жизне-утверждения, жизне-восторга, обогащения ментального, витального или физического существования.

Но поскольку поверхностное сознание проделывает эти вещи как отдельное эго ради своего отдельного успеха и не путем сознательного взаимобмена и взаимности, не посредством единства, то возникают разногласия жизни, конфликты, дисгармония, и именно продукты жизненных разногласий и дисгармонии мы называем неправильностью и злом. Природа принимает их, поскольку они являются необходимыми обстоятельствами эволюции, они необходимы для роста отдельного существа; они — продукты неведения, поддерживаемые невежественным сознанием, которое базируется на делении, поддерживаемые невежественной волей, которая работает через разделение, поддерживаемые невежественным восторгом существования, который получает удовольствие в разделении. Эволюционное намерение действует как через добро, так и через зло; оно должно использовать все, потому что замкнутость в ограниченном добре стала бы заточением и зажала бы в тиски развертывающуюся эволюцию: в этом кроется причина того, что мы видим зло исходящим из того, что мы называем добром, и добро, исходящее из того, что мы называем злом; и, если мы видим, что то, что казалось злом, оборачивается благом, а что казалось добром, оказывается злом, то это происходит из-за того, что наши стандарты эволюционны, ограничены и изменчивы. Тогда поначалу кажется, что эволюционная Природа, земная космическая Сила не отдает предпочтения ни одной из этих противоположностей и одинаково использует обе для достижения своей цели. И все же та же самая Природа, та же самая Сила нагроулила человека ощущением добра и зла и настаивает на важности этого ощущения: поэтому, очевидно, это ощущение также имеет эволюционную цель; оно также должно быть необходимым, оно должно быть для того, чтобы человек смог оставить позади себя определенные вещи, двигаться к другим, пока из добра и зла он не сможет вырасти в некое Благо, вечное и бесконечное. Но как исполняется это эволюционное намерение Природы, какой мощью, какими средствами, какими импульсами, с помощью какого принципа и процесса отбора и гармонизации? На протяжении веков приемлемым для человеческого разума всегда оставался принцип отбора и отвержения, что принимало формы религиозной санкции, социального или морального правила жизни или этического идеала. Но эти эмпирические средства не затрагивают корня проблемы, потому что не видно причины и происхождения болезни, которую собираются лечить; они имеют дело с симптомами, но обращаются с ними поверхностно, не зная, какому назначению они служат в цели Природы и что в разуме и жизни поддерживает их и удерживает их в бытии. Более того, человеческое добро и зло относительно, и стандарты, возводимые этикой, так же неопределенны, как и относительно: все то, что осуждается той или иной религией, что считается хорошим или плохим в общественном мнении, что думается полезным обществу или вредным ему, что временно допускается и не допускается в человеческом законе, что является или считается полезным или пагубным для себя или других, что согласуется с тем или иным идеалом, что подсказывается или не поощряется инстинктом, который мы называем совестью, — амальгама всех этих точек зрения в определенной разнородной идее составляет сложную субстанцию моральности; во всем этом присутствует постоянная смесь истины и полу-истины и ошибки, которые преследуют всю деятельность нашего ограниченного Знания-Неведения. Ментальный контроль над нашими витальными и физическими желаниями и

инстинктами, над нашим личным и сознательным действием, над нашим обращением с другими совершенно необходимо для нас как человеческих существ, и моральность создает тот стандарт, с помощью которого мы можем вести себя и устанавливая повседневный контроль, но этот контроль всегда несовершенен, и это уловка, а не решение: человек всегда остается тем, кем он есть и кем он был, смесью добра и зла, греха и добродетели, ментальным эго с несовершенным командованием над своей ментальной, витальной и физической природой.

Попытка отбирать, оставлять в нашем сознании и действии все то, что кажется нам добром и отвергать все то, что кажется злом, и так реформировать наше существо, перестраивать и формировать нас самих в образ идеала, является более глубоким этическим мотивом, потому что более подходит к истинному исходу; она покоится на той прочной идее, что наша жизнь является становлением и что существует нечто, чем мы должны стать и быть. Но эти идеалы, сконструированные человеческим разумом, выборочны и относительны; формировать нашу природу в строгом соответствии с ними — значит, ограничивать самих себя и лепить конструкцию там, где должен быть рост в большее существо. Истинный зов к нам исходит из Бесконечного и Всевышнего; как само-утверждение, так и само-умаление, наложенные на нас Природой, являются движениями к этому, и мы должны открыть правильный путь одновременного само-утверждения и само-отрицания, вместо неправильного, в силу невежественности, пути эго и вместо конфликта между “да” и “нет” Природы. Если мы не откроем это, то либо толчок жизни будет слишком силен для нашего узкого идеала совершенства, и его инструментарий будет разрушен и провалится попытка довести все до конца и увековечить себя, либо в лучшем случае будет достигнут половинный результат, либо же толчок ухода от жизни будет представляться единственным лекарством, единственным путем из иначе непобедимого захвата Неведения. Этот путь, в действительности, обычно указывался религией; божественно освещенная моральность, преследование благочестия, праведности и добродетели, как заложено в религиозных правилах поведения, закон Бога, выражаемый в некоем человеческом вдохновении, выдвигается как часть средств, как направление, в котором мы можем прокладывать путь, ведущий к выходу, исходу. Но этот выход оставляет проблему на прежнем месте; это только путь бегства персонального существа из неразрешенной сложности космического существования. В древнем Индийском духовном мышлении было более ясное понимание этой трудности; практика истины, добродетели, правильной воли и верного делания рассматривались как необходимость в приближении к духовной реализации, но в самой реализации существо поднимается к большему сознанию Бесконечного и Вечного и отбрасывает от себя тяжесть греха и добродетели, ведь это принадлежит относительности Неведения. За этим большим более истинным пониманием лежит то интуитивное восприятие, что относительное добро представляет собой упражнение, наложенное Мировой Природой на нас, так чтобы мы могли пройти через него к настоящему Добру, которое абсолютно. Эта проблема относится к разуму и невежественной жизни, и она не сопутствует нам за пределами разума; как дуальность истины и ошибки прекращается в бесконечной Истине-Сознании, так происходит и высвобождение из дуальности добра и зла в бесконечном Добре, существует превосхождение.

Не может быть никакого искусственного бегства от этой проблемы, которая всегда беспокоила человечество и из которой оно должно найти удовлетворительный выход. Дерево познания добра и зла со своими сладкими и горькими плодами тайно коренится в самой природе Несознания, из которой возникло наше существо и на которой оно все еще стоит как на некоей почве или базисе физического существования; это дерево зримо выросло на поверхности в виде многочисленных ветвлений Неведения, которое все еще остается основной и условием нашего сознания в его трудной эволюции к верховному сознанию и интегральному осознанию. Пока есть эта почва с ненайденными в ней корнями и существует этот питательный воздух и климат Неведения, дерево будет расти и распускаться двойственными цветами и производить плоды смешанной природы. Следовательно, не может быть окончательного решения до тех пор, пока мы не обратим наше несознание в большее сознание, не сделаем истину “я” и духа нашим жизненным базисом и не трансформируем наше неведение в высшее знание. Любые другие приемы будут только временным приспособлением или слепыми исходами; полная и радикальная трансформация нашей природы является единственным верным решением. Именно потому что Несознание накладывает свою изначальную темноту на наше осознание “я” и вещей и потому что Неведение основывает это осознание на несовершенном и отдельном сознании и потому что мы живем в этой темноте и разделении, из-за этого становится возможным неверное знание и неправильное действие: без неверного знания не могло бы быть ошибки или лжи в наших динамических частях не могло бы быть неправильной воли в наших членах; без неправильной воли не могло бы быть неправильного действия или зла: пока существуют эти причины, их следствия будут продолжать существовать в нашем действии и нашей природе. Ментальный контроль может быть только контролем, не лекарством; ментальное обучение, правило, стандарт могут проделать только искусственную колею, по которой наше действие вращается механически или с трудом и которое накладывает обуздывающее и ограниченное образование на ход нашей природы. Тотальное изменение сознания, радикальное изменение природы является одним лекарством и единственным выходом.

Но поскольку корень трудности лежит в расщепленном, ограниченном и отдельном существовании, то это изменение должно состоять в интеграции, лечении отдельного сознания нашего существа, и поскольку это деление является комплексным и многосторонним, то никакое частное изменение одной стороны существа не может сойти за

достаточную замену интегральной трансформации. Наше первое деление создано нашим эго и, главным образом, наиболее сильно и наиболее живо нашим жизненным эго, которое отделяет нас от других существ как от не-я и привязывает нас к нашей эго-центричности и закону эгоистического само-утверждения. Именно в ошибках этого само-утверждения раньше всего появляется неправильность и зло: неправильное сознание порождает неправильную волю в членах, в думающем разуме, в сердце, в жизненном разуме и чувственном существе, в самом сознании тела; неправильная воля порождает неправильное действие этих инструментов, множественные ошибки и сильно ветвящиеся изгибы мышления и воли и ощущения и чувства. Также мы не можем правильно обращаться с другими, пока они являются для нас “другими”, чужаками для нас самих, о чьем внутреннем сознании, потребности души, потребности разума, потребности сердца, потребности жизни и потребности тела мы знаем мало или ничего. Малая толика симпатии, знания и доброй воли, которые вызывает закон, потребность и привычка ассоциации, является ничтожной частью того, что требуется для верного действия. Большой разум, большее сердце, более богатая и благородная жизненная сила может как-то и в чем-то помочь нам или другим избежать наихудших проступков, но этого также не достаточно и это не устраним массы ошибок и бед и столкновений предлагаемого нами добра с добром других. По самой природе нашего эго и неведения мы утверждаем себя эгоистически, даже когда больше всего преисполнены гордости от своей самоотверженности, и утверждаемся невежественно, даже когда наиболее гордимся своим пониманием и знанием. Альтруизм, принятый как правило жизни, не освобождает нас; это мощный инструмент само-расширения и коррекции более узкого эго, но он не уничтожает эго и не трансформирует его в истинное “я”, единое со всем; эго альтруиста так же мощно и поглощающе, как эго эгоиста, и часто является более мощным и настоятельным, поскольку это само-праведное и усиленное эго. Будет еще меньше пользы, если мы будем навязывать нашей душе, нашему разуму, жизни или телу идею подчинения нашего “я” я других. Правильно утверждать, не калеча или умаляя, наше существо, так чтобы оно стало единым со всем, — это верный принцип. Само-умаление может быть необходимым, но на время, в исключительных случаях, по некоторому поводу, в ответ на некоторое требование сердца или ради некоторой правильной или высокой цели, но оно не может быть сделано правилом или природой жизни; настолько преувеличенное, оно будет только питать и увеличивать эго других или усиливать некоторое коллективное эго и не будет вести нас или человечество к открытию и утверждению нашего истинного существа. Жертва или само-отдача на самом деле являются верным принципом и духовной насущностью, поскольку мы не можем правильно утверждать наше существо без жертвы или без само-отдачи чему-то большему, чем наше эго; но это также должно быть сделано с правильным сознанием и волей, основывающейся на истинном знании. Развивать саттвическую часть нашей природы, природы света, понимания, баланса, гармонии, сочувствия, доброй воли, благожелательства, товарищества, само-контроля, правильно направляемого и гармонизированного действия, — это лучшее, что мы можем сделать в пределах ментального образования, но это стадия, а не цель роста нашего существа. Это решения по случаю, паллиативы, необходимые средства для того, чтобы иметь дело с коренной трудностью, это временные стандарты и приспособления, данные нам как временная помощь и руководство, потому что настоящее и полное решение находится за пределами нашей теперешней возможности и может придти только тогда, когда мы достаточно развиты, чтобы увидеть его и сделать его нашим главным стремлением.

Настоящее решение может вступить лишь тогда, когда в ходе духовного роста мы сможем стать одним “я” со всеми существами, знать их как часть нашего “я”, обращаться с ними так, как если бы они были нашими другими существами; ведь тогда деление излечено, закон отдельного само-утверждения, сам по себе ведущий к утверждению в пику другими или за счет других, расширяется и высвобождается путем добавления к нему закона нашего само-утверждения для других и нашего само-открытия в их само-раскрытии и само-реализации. Правилom религиозной этики было действовать в духе вселенского сострадания, любить своего ближнего как себя самого, обращаться с другими так, как хотелось бы, чтобы так же обращались с тобой, чувствовать радости и печали других как свои собственные; но ни один человек, живущий в своем эго, не способен верно и совершенно делать эти вещи, он может их принять только как требование своего разума, устремление своего сердца, усилие своей воли жить по высшему стандарту и модифицировать в искреннем стремлении свою грубую эго-природу. Только когда другие знают и чувствуются сокровенно как “я” чувствую и знаю самого себя, только тогда этот идеал может стать естественным и спонтанным правилом нашего жития и может быть как принцип реализован на практике. Но даже тождество с другими не достаточно само по себе, если это тождество с их неведением; ведь тогда будет работать закон неведения, и сохранится ошибка действия и неправильное действие, даже если их степень будет приуменьшена и смягчен их характер и вероятность появления. Наше тождество с другими должно быть фундаментальным, не отождествлением с их разумами, сердцами, витальными “я”, эго, — даже если эти вещи будут включены в наше вселенское сознание, — а тождеством в душе и духе, и это может придти только с нашим освобождением в душе-осознание и само-знание. Быть освобожденным от эго и осознавать наше настоящее “я” — это первая необходимость; все иное может быть достигнуто как светлый результат, необходимое следствие. В этом кроется одна из причин того, почему духовный зов должен быть принят как императивный и почему он должен получить преимущество над всеми другими требованиями, интеллектуальными, этическими, социальными, которые принадлежат об-

ласти Неведения. Ведь ментальный закон добра пребывает в этой области и может быть только модифицирован и смягчен; ничто не может быть достаточной заменой духовному изменению, которое может реализовать настоящее и интегральное добро, потому что через дух мы приходим к корню действия и существования.

В духовном знании “я” существуют три стадии само-достижения, являющиеся в то же время тремя частями одного знания. Первая ступень — открытие души, не внешней души мышления и эмоции и желания, а тайной психической сущности, божественного элемента внутри нас. Когда этот элемент начинает преобладать над нашей природой, когда мы сознательно являемся душами и когда разум, жизнь и тело занимают подобающее им место в качестве инструментов, тогда мы осознаем внутреннего руководителя, который знает истину, добро, настоящий восторг и красоту существования, контролирует сердце и интеллект при помощи своего светлого закона и ведет нашу жизнь и наше существо к духовной полноте. Тогда даже внутри темных работ Неведения мы имеем свидетеля, который различает, имеем живой свет, который озаряет, имеем волю, которая неподвластна заблуждениям и отделяет истину разума от ошибки, отделяет сокровенный отклик сердца от ложного зова и неправильного требования, накладываемого на него, отделяет настоящий пыл сердца и богатство движения от витальной страсти и туманной фальши нашей витальной природы и ее темных само-исканий. Это первый шаг само-реализации — возвести на престол душу, божественный психический элемент вместо эго. Следующий шаг — начать осознавать вечное “я” в нас, нерожденное и единое с “я” всех существ. Эта само-реализация освобождает и универсализирует; даже если наше действие все еще происходит в динамике Неведения, то оно больше не связано или сбивается с пути, потому что наше внутреннее существо расположено в свете само-знания. Третий шаг — узнать Божественное Существо, являющееся одновременно нашим верховным трансцендентным “я”, Космическим Существом, основанием нашей универсальности, и внутренней Божественностью, по отношению к которой наше психическое существо, настоящий развивающийся индивид является порцией, искрой, пламенем, вырастающим в вечное Пламя, из которого он был зажжен, и вечно живущим свидетелем которого он является внутри нас и является сознательным инструментом света и мощи и радости и красоты. Осознавая Божественное как Мастера нашего существа и действия, мы можем учиться становиться каналами Шакти, Божественного Могущества, и действовать в соответствии с ее велениями или ее правилом света и мощи внутри нас. Тогда наше действие не будет подчинено нашему витальному импульсу или управляемым ментальным стандартом, ведь она действует в соответствии с извечной и все же пластичной истиной вещей, — не той, которую конструирует разум, а высшей, более глубокой и тонкой истиной каждого движения и обстоятельства, как она известна верховному знанию и требуется верховной волей во вселенной. За освобождением в знании следует освобождение в воли, что является динамическим следствием; очищает именно знание, освобождает именно истина: зло является плодом духовного неведения и исчезает только с ростом духовного сознания и света духовного знания. Отделение нашего существа от существа других может быть вылечено только путем устранения разъединения нашей природы от внутренней душе-реальности, путем устранения вуали между нашим становлением и нашим само-бытием, путем приближения нашей индивидуальности в Природе к Божественному Существом, являющемуся вездесущей Реальностью в Природе и над Природой.

Но последнее отделение, которое должно быть устранено, это разделение между этой Природой и Сверхприродой, являющейся Само-Мощью Божественного Существования. Даже прежде чем устранено это динамическое Знание-Неведение, пока оно все еще охраняется как неадекватный инструментарий духа, верховная Шакти или Сверхприрода может работать через нас, и мы можем осознавать ее работы; но тогда это достигается за счет модификации ее света и мощи, так чтобы она могла восприниматься и усваиваться нашей низшей природой разума, жизни и тела. Но этого не достаточно; требуется полная переформовка того, что мы собой представляем, по образу и мощи божественной Сверхприроды. Интеграция нашего существа не может быть завершена до тех пор, пока существует это преобразование динамического действия; должен произойти подъем и изменение всей мощи самой Природы и не только некоторое озарение и трансмутация внутренних путей существа. Вечная Истина-Сознание должна возобладать над нами и возвысить все наши природные мощности до собственных мод бытия, знания и действия; тогда спонтанное осознание истины, истины-воли, чувствование истины, истина-движение, истина-действие могут стать интегральным законом нашей природы.

Конец Первой Части Второй Книги

Часть II.

ЗНАНИЕ и ДУХОВНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

Глава XV

РЕАЛЬНОСТЬ И ИНТЕГРАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ

Это “я” должно быть достигнуто Истиной и интегральным знанием.

Мундака Упанишада (III.1.5)

Послушай, как должно знать меня в моей тотальности ... ведь даже из постигших мало кто постиг Меня во всей истине Моего бытия.

Gita (VII.1,3)

В этом состоит происхождение Неведения, в этом его природа, в этом его границы. Происхождение Неведения кроется в ограничении знания, его отличительный признак — отделение существа от своей собственной интегральности и полной реальности; его границы определены этим отдельным развитием сознания, ведь оно закрывает от нас наше истинное “я” и истинное “я” и целостную природу вещей и принуждает нас жить в видимом поверхностном существовании. Возвращение или продвижение к интегральности, исчезновение ограничения, разрушение отделенности, превосхождение границ, восстановление нашей сущностной и целостной реальности должно быть знаком и противоположным отличительным признаком внутреннего обращения к Знанию. Должна произойти замена ограниченного и отдельного сознания на сознание сущностное и интегральное, слившееся с изначальной истиной и целостной истиной “я” и существования. Интегральное Знание есть нечто уже присутствующее в интегральной Реальности: это не новая или еще не-существующая вещь, которая должна быть создана, приобретена, выучена, изобретена или построена разумом; скорее она должна быть открыта или раскрыта, это Истина, само-раскрывающаяся духовному искателю: ибо она присутствует завуалированной в нашем глубочайшем и величайшем я; это само вещество нашего собственного духовного сознания, и именно путем пробуждения к ней даже в нашем поверхностном “я” должны мы завладеть ею. Существует интегральное само-знание, которое мы должны снова обрести и тем самым обрести миро-знание, поскольку “я” мира есть также наше я. Существует и знание, которое может быть выучено или построено разумом, и оно имеет свою ценность, но не это имеется в виду, когда мы говорим о Знании и Неведении.

Интегральное духовное сознание несет в себе знание обо всех терминах бытия: оно связывает высочайшее и низжайшее через все промежуточные термины и составляет неделимое целое. На самом верху вещей оно открыто реальности, невыразимо, потому что сверхсознательно по отношению ко всему, кроме собственного само-осознания, Абсолюта. В самом низу нашего бытия оно воспринимает Несознание, с которого началась наша эволюция; но в то же время оно осознает Одного и Все само-вовлеченным в те глубины, оно раскрывает тайное Сознание в Несознании. Объясняющее, носящее откровение, движущееся между двумя этими крайностями, его видение раскрывает манифестацию Одного во Множестве, тождество Бесконечного в несоразмерности вещей конечных, присутствие безвременного Вечного в вечном Времени; именно это видение проливает свет на смысл вселенной. Это сознание не упраздняет вселенную; оно вбирает ее и трансформирует ее, придавая ей скрытый смысл. Оно не упраздняет индивидуальное существование; оно трансформирует индивидуальное существо и природу, раскрывая для них их истинный смысл и позволяет им превзойти их отделенность от Божественной Реальности и Божественной Природы.

Интегральное знание подразумевает интегральную Реальность; ведь именно через сама мощь Истины-Сознания является сознанием Реальности. Но наше представление О Реальности и ощущение Реальности меняется с нашим статусом и движением сознания, его зрением, его акцентами, его приемом вещей; это зрение или акценты могут быть интегральными или исключительными, либо экстенсивными, включающими и охватывающими. Очень даже возможно, — и это в собственном поле является законным движением для нашего мышления и для высшей линии духовного достижения, — утверждать существование невыразимого Абсолюта, подчеркивать его единственную Реальность и отрицать или упразднять наше “я”, вычеркивать из наших представлений и ощущений реальности индивидуальное существо и космическое творение. Реальность индивида есть Брахман Абсолют; реальность космоса есть Брахман Абсолют: индивид есть явление, временная видимость в космосе; сам космос есть явление, большая и более сложная временная видимость. Два термина, Знание и Неведение, принадлежат только этой видимости;

чтобы достичь абсолютного сверхсознания, нужно превзойти и то, и другое: эго-сознание и космическое сознание угасают при этом верховном превосхождении и остается один лишь Абсолют. Ведь абсолютный Брахман существует только в собственной тождественности и лежит за пределами всякого “знания о других” [otherknowledge]; здесь само представление о познающем и известном и потому о знании, в котором они встречаются и становятся одним, исчезает, превосходится и теряет свою законность, так что для разума и речи абсолютный Брахман должен всегда оставаться недостижимым. В противопоставление к этому взгляду или в дополнение к нему мы выдвинули взгляд на Неведение как на само по себе только ограниченное, либо вовлеченное действие божественного Знания — с точки зрения другой крайности можно было бы сказать, что само Знание есть только высшее Неведение, поскольку оно останавливается перед абсолютной Реальностью, само-очевидной для Себя, но непознаваемой для разума. Этот абсолютизм соответствует некоторой истине мышления и верховного переживания в духовном сознании; но сам по себе он не представляет целостность духовного мышления, полную и исчерпывающую, и не исчерпывает возможностей верховного духовного переживания.

Этот абсолютистский взгляд на реальность, сознание и знание основывается с одной стороны на раннем Ведантическом мышлении, но не составляет все это мышление. В Упанишадах, во вдохновенных писаниях наиболее древней Веданты, мы находим утверждение Абсолюта, переживание-представление о крайней и невыразимой Трансцендентности; но мы также находим, не в противоречие ему, а как его следствие, утверждение космического Божества, переживание-представление о космическом “я” и становлении Брахмана во вселенной. Равным образом мы находим утверждение Божественной Реальности в индивидуе: это также переживание-представление; оно понимается не как видимость, а как действительное становление. Вместо единственного верховного исключительного утверждения, отрицающего все другое, кроме трансцендентного Абсолюта, мы находим всеобъемлющее утверждение, доведенное до крайнего вывода: это представление о Реальности и Знании, покрывающее в одном взгляде космическое и Абсолют, совпадает с нашим собственным; ведь предполагается, что Неведение является также полу-завуалированной частью Знания, и что знание о мире является частью само-знания. Иша Упанишада настаивает на единстве и реальности всех манифестаций Абсолюта; она отказывается ограничивать истину каким-то одним аспектом. Брахман — стабильный и мобильный, внутренний и внешний, все то, что близко и что далеко, будь то духовно или в масштабах Пространства и Времени; это Бытие и все становления, Чистый и Молчаливый, без черт или действия и Провидец и Мыслитель, организующий мир и его объекты; это Один, становящийся всем тем, что мы ощущаем во вселенной, Имманентный и все то, в чем он строит свое жилище. Упанишады утверждают, что совершенным и освобождающим знанием будет то, которое не исключает ни “я”, ни его творения; освобожденный дух видит все эти творения как становления Само-существующего, видит внутренним видением и при помощи сознания, которое воспринимает вселенную внутри себя, вместо того, чтобы взирать на нее извне, подобно ограниченному и эгоистическому разуму, как на вещь, отличную от себя. Жить в космическом Неведении — это слепота, но ограничивать себя в исключительном абсолютизме Знания — также слепота: знать Брахмана как одновременно и вместе Знание и Неведение, достигать верховного статуса одновременно путем Становления и Не-Становления, связывать вместе реализацию трансцендентного и космического “я”, достигать основания в сверхмирском и само-осознающей манифестации в мирском, — это интегральное знание; в этом состоит обладание Бессмертием. Именно целостное сознание со своим полным знанием строит основание Жизни Божественной и делает возможным ее достижение. Следовательно, абсолютная реальность Абсолюта должна быть не жестким неопределимым тождеством, не бесконечностью, свободной от всего того, что не является чистым само-существованием, достижимым только путем исключения множества и конечного, а нечто за пределами этих ограничений, в действительности, за пределами любого описания, будь то позитивного или негативного. Все утверждения и отрицания выражают аспекты Абсолюта, и только через одновременное верховное утверждение и верховное отрицание можем мы достичь Абсолют.

Тогда, с одной стороны, представляющееся нам как Реальность, мы имеем абсолютное Само-Существование, вечное единственное само-бытие, и через переживание молчаливого и неактивного “я” или открепленного недвижимого Пурушу можем мы двигаться к этому лишенному черт и связей Абсолюту, отрицать действия созидательной Мощи, будь то иллюзорной Майи или феноменальной Пракрити, перейти от всякого кружения по космической ошибке в вечный Мир и Молчание, отбросить наше личное существование и найти или потерять себя в этом единственном истинном Существовании. С другой стороны, мы имеем Становление, являющееся настоящим движением Бытия, и как Бытие, так и Становление являются истинами абсолютной Реальности. Первый взгляд базируется на том метафизическом представлении, которое формулирует крайнее восприятие в нашем мышлении, исключительное переживание в нашем сознании Абсолюта как реальности, свободной ото всех связей и определений: как логическое следствие и практическая необходимость отсюда вытекает отрицание относительности как лжи нереального бытия, Не-Существующего (Асат), или, по меньшей мере, как низшего и недолговечного, временного и прагматического само-переживания, и навязывается необходимость выбросить его из сознания, чтобы достичь освобождения духа из ложных восприятий или его низших творений. Второй взгляд базируется на представлении об Абсолюте как не ограничиваемом ни позитивно, ни негативно. Абсолют превыше всех связей в том смысле, что не ограничен

любимыми относительностями или может быть ограничен ими в мощи бытия: он не может быть связан и обусловлен нашими относительными представлениями, высочайшими или низжайшими, позитивными или негативными; он не ограничен ни нашим знанием, ни нашим неведением, ни нашим представлением о существовании, ни нашим представлением о не-существовании. Но также он не может быть ограничен какой-либо неспособностью содержать, поддерживать, созидать или проявлять связи: напротив, мощь проявлять себя в бесконечном единстве и бесконечной множественности может считаться внутренне присущей силой, знаком, продуктом самой абсолютности, и эта возможность сама по себе является достаточным объяснением космического существования. В действительности Абсолют не может быть ограничен по своей природе проявлением космоса связей, но также не может он быть ограничен тем, чтобы не проявлять какой-либо космос. Абсолют сам по себе не является предельной пустотой; ведь пустой Абсолют не является Абсолютом, — наши представления о пустыне или Нуле являются только понятийной отметкой нашей ментальной неспособности узнать Абсолют или охватить его: он несет в себе некоторую невыразимую сущность всего того, что есть и что может быть; и поскольку он держит в себе эту сущность и эту возможность, то также он должен держать в себе в некоторой части своей абсолютности либо вечную истину, либо внутренне присущую, даже если и латентную, реализуемую действительность всего того, что фундаментально для нашего или мирового существования. Именно эту реализуемую действительность или эту извечную истину, разворачивающую свои возможности, мы называем манифестацией и видим в качестве вселенной.

Следовательно, в представлении или реализации или реализации истины Абсолюта нет никакого внутренне неизбежного последствия отвержения или растворения истины вселенной. В основе представления о необъяснимой Мощи иллюзии, представления об Абсолютном Брахмане, не считающемся со вселенной или безучастного по отношению к ней и не воздействующего на нее, как и не затрагиваемого ею, лежит перенос, наложение и приписывание, адхидропа, неспособности нашего сознания охватить То. Наше ментальное сознание, переступая свои пределы, теряет свой собственный путь и методы познания и имеет тенденцию к бездействию или остановке; одновременно оно теряет опору на свои прежние неизменности или имеет тенденцию к этому, обрывается цепочка представлений о реальности того, что ранее для него было самой реальностью: мы приписываем абсолютному Парабрахману, понимаемому как навечно непроявленному, сходную неспособность или отделенность или отчужденность по отношению к тому, что стало или кажется нам сейчас нереальным; тогда он должен, подобно нашему разуму в его остановке или самоугасании, по самой природе чистой абсолютности, лишенной всякой связи с этим миром видимой манифестации, быть неспособным на какое-либо поддерживающее родство или динамическое поддерживание вселенной, что придавало бы ей реальность, — или, если есть такое родство, то оно должно быть природы того “Я Есмь”, которого нет, магической Майи. Однако нет никакого основания для того, что эта пропасть должна существовать; то, на что способно или неспособно наше человеческое сознание, не может быть тестом или стандартом абсолютной способности; представления человеческого сознания не могут быть применены к абсолютному само-осознанию: то, что необходимо для нашего ментального неведения, чтобы убежать от себя, не может требоваться для Абсолюта, у которого нет нужды убегать от самого себя и нет причины отказываться познавать то, что познаваемо.

Существует то непроявленное Непознаваемое; существует это проявленное познаваемое, частично проявленное для нашего неведения, полностью проявленное для божественного Знания, которое держит его в своей собственной бесконечности. Если верно, что ни наше неведение, ни наше высочайшее и наипрочнейшее ментальное знание не может добыть нам Непознаваемое, все же также верно то, что будь то через наше знание или наше неведение, Тот разнообразно проявляет себя; ведь он не может проявлять что-то отличное от себя, потому что ничто другое не может существовать: в этом разнообразии проявления существует Тожество, и через разнообразие мы можем прикоснуться к Тожеству. Но пусть даже и так, даже приняв это со-существование, все еще можно вынести окончательный вердикт и заклеить Становление и настаивать на необходимости отречься от него и возвратиться в абсолютное бытие. Этот вердикт может основываться на различении между настоящей реальностью Абсолюта и частичной и сбивающей с толку реальностью относительной вселенной.

Ведь в этом разворачивании знания мы имеем два термина Одного и Множества, как мы имеем два термина конечного и бесконечного, того, что находится в становлении и существует во веки веков, того, что принимает форму и того, что не принимает форму, Духа и Материи, верховного Сверхсознательного и низжайшего Несознания; чтобы избавиться от этого дуализма, мы можем определить Знание как обладание одним термином, а Неведение — как обладание другим. Тогда вершиной нашей жизни станет отречение от низшей реальности Становления и поворот к большей реальности Бытия, скачок от Неведения к Знанию и отвержение неведения, поворот от множества к Одному, от конечного — к бесконечному, от формы — к бесформенному, от жизни материальной вселенной — к Духу, от захвата несознательным — к сверхсознательному Существованию. В этом решении подразумевается фиксированное противостояние и, в любом случае, окончательная несовместимость двух терминов нашего бытия. Или же, если и то, и другое являются средствами проявления Брахмана, то низшее — ложный или несовершенный ключ, средство, обреченное на провал, система ценностей, не могущая окончательно удовлетворить нас. Неудовлетворенные путаницей множественности, презревшие даже даже тот высочайший свет и мощь и радость, которые она может

обнаружить, должны мы отбыть за пределы этого к абсолютной одно-точечности и одному положению, в котором прекращается всякая само-вариация. Будучи не в состоянии выполнить притязание Бесконечного пребывать навечно в оковах конечного или найти там удовлетворение и обширность и мир, должны мы разрушить все оковы индивидуальной и вселенской Природы, разрушить все ценности, символы, образы, само-толкования, ограничения беспредельного и утратить всю малость и разделения в “я”, которое навечно удовлетворено своей собственной бесконечностью. Разочарованные формами, разочарованные их ложным и преходящим притяжением, утомленные и обескураженные их текущим непостоянством и тщетными кругами возвращаемости, должны мы убежать от циклов Природы в бесформенное и лишенное черт Бытие. Стыдясь Природы и ее грубости, раздраженные бесцельной суетой и затруднениями Жизни, изнуренные бесцельной бегом Разума или убежденные в тщетности всех целей и объектов, должны мы освободить себя в вечном покое и чистоте Духа. Бессознательное — это сон или заключение, сознательное — круг борьбы без окончательного исхода или странствование грезы: мы должны пробудиться в сверхсознательное, где вся тьма и полу-свет исчезают в само-светлом блаженстве Вечного. Вечное — наше прибежище; все остальное обладает ложными ценностями, Неведение и его лабиринты, само-заблуждение души в феноменальной Природе.

Наше представление о Знании и Неведении отвергает это отрицание и то противопоставление, на котором оно зиждется: оно указывает на больший, если не более трудный исход примирения. Ведь мы видим, что эти кажущиеся противоположными терминами Одного и Множества, Формы и Бесформенного, Конечного и Бесконечного не столь противоположны, сколь комплиментарны друг другу; это не чередующиеся ценности Брахмана, который в своем творении вечно теряет тождество, чтобы найти себя во множественности и, неспособный открыть себя во множественности, снова терпит крах в том, чтобы восстановить тождество, а это двойные и действующие совместно ценности, объясняющие друг друга; это не безнадежно несовместимые полюса, а два лица одной Реальности, которые могут вести нас к ней при помощи нашей реализации обоих лиц вместе и не только путем отдельного исследования каждого, — даже если такое отдельное исследование может быть законным или даже неизбежным шагом или частью процесса познания. Без сомнения, Знание является знанием Одного, реализацией Бытия; Неведение является само-забвением Бытия, переживанием отделенности во множественности и пребыванием или петлянием в плохо-понятом лабиринте становлений: но это исправляется душой в Становлении, душой, растущей в знании, в осознании Бытия, становящейся во множественности всеми этими существованиями, и возможно возвращение множественных существований к Одному, потому что их истина уже присутствует в их безвременном существовании. Интегральным знанием Брахмана является сознание в обладании тем и другим вместе, и предпочтительное преследование того или другого закрывает видение одной из сторон истины вездесущей Реальности. Обладание Бытием за пределами всех становлений приносит нам свободу от оков прикрепленности и неведения в космическом существовании и дает в той свободе свободное обладание Становлением и космическим существованием. Знание Становления является частью знания; оно действует как Неведение только из-за того, что мы пребываем заключенными в нем, авидьяйам ангаре, без обладания Тождеством Бытия, являющегося его базой, его веществом, его духом, причиной его манифестации и без которого Неведение было бы невозможным.

В действительности, Брахман един не только в лишенном черт тождестве за пределами всех связей, но и в самой множественности космического существования. Осознающий работы делящего разума, но не ограниченный им, Он также легко находит тождество во множестве, в связях, в становлении, как и в любом отходе от множественности, от связей, от становления. Также и мы, чтобы полностью обладать тождеством, должны завладеть им, — поскольку он там, поскольку все есть он, — в бесконечной само-вариации космоса. Бесконечность множественности становится объяснимой и оправданной только тогда, когда она содержится в бесконечности Одного и завладевается им; но также и бесконечность Одного вливается в бесконечность Множественности и находит там обладание собой. Быть способным на это излияние своих энергий, как и не потерять себя в этом, не отпрянуть побежденным от безграничности и бесконечности превратностей и различий, как и не быть поделенным этими вариациями — в этом заключается божественная сила свободного Пуруши, сознательной Души в ее обладании своим собственным бессмертным само-знанием. Конечные само-вариации “я”, в которых разум, теряющий само-знание, захвачен этими вариациями и разбросан среди них, являются еще не отрицаниями, а безграничным выражением Бесконечного и не имеют другого смысла или причины для существования: так же и Бесконечное, обладая своим восторгом беспредельного бытия, находит также радость той самой беспредельности в своем бесконечном само-определении во вселенной. Божественно Бытие вовсе не неспособно принимать неисчислимые формы, потому что Он за пределами всех форм в Его сущности, а также принимая их, Он не теряет своей божественности, а скорее выливает на них восторг Его бытия и великолепие Его божества; это золото не перестает быть золотом из-за того, что оформляется во все виды окружений и отчеканивается во множество монет и ценностей, а также Мощь Земли, принцип всего этого рисуемого материального существования, не теряет своей неизменной божественности из-за того, что принимает форму обитаемых миров, выбрасывает себя в холмы и долины и позволяет делать из себя кухонную и домашнюю утварь или в виде металла производить оружие и двигатели. Материя, — сама субстанция, тонкая и плотная, ментальная или

материальная, — является формой и телом Духа, и никогда не была бы создана, если не могла бы быть сделана базисом само-выражения Духа. Кажущееся Несознание материальной вселенной темно держит в себе все то, что вечно само-раскрыто в светлом Сверхсознательном; раскрыть это во Времени — это неторопливый и неспешный восторг Природы и цель ее циклов.

Но существуют и другие представления о реальности, другие представления о природе знания. Есть взгляд, что все существующее является субъективным творением Разума, сооружением Сознания, и что идея об объективной реальности само-существующей, независимой от Сознания, есть иллюзия, поскольку мы не имеем доказательства, и не можем его иметь, такому независимому само-существованию вещей. Такой способ рассуждений может вести к утверждению созидательного Сознания в качестве единственной Реальности или к отрицанию всего существования и утверждению Не-Существования или незнающего Нуля в качестве единственной Реальности. Ибо, с одной точки зрения, объекты, порожденные сознанием, не имеют подлинной реальности, они — просто построения; даже само сознание, строящее их является только потоком восприятий, который принимает видимость связи и непрерывности и создает ощущение непрерывного времени, но на самом деле эти вещи не имеют стабильного базиса, поскольку являются только видимостью реальности. Это означало бы то, что реальность является вечным отсутствием одновременно само-сознательного существования и всего того, что составляет движение существования: Знание означало бы возвращение к этому от видимости сконструированной вселенной. Это было бы двойным и полным само-угасанием, исчезновением Пуруши, прекращением или угасанием Пракрити; ведь сознательная Душа и природа составляют два термина нашего бытия и охватывают все то, что мы подразумеваем под существованием, и отрицание того и другого является абсолютной Нирваной. Тогда то, что реально, должно быть либо Несознанием, в котором возникают этот поток и эти построения, либо Сверхсознанием за пределами всех представлений о “я” или существовании. Но этот взгляд на вселенную верен только по отношению к видимости вещей, когда мы считаем наш поверхностный разум всем сознанием; это верно как описание работ Разума; здесь, без сомнения, все выглядит подобно потоку и построению непостоянного Сознания. Но это не может быть целостным описанием существования, если есть большее и более глубокое само-знание и знание о мире, знание посредством тождества, если есть сознание, для которого это знание нормально, и если есть Существо, для которого это сознание является вечным само-осознанием; ведь тогда субъективное и объективное может быть реальным и внутренне присущим этому сознанию и существу, и то и другое могут быть нечто из него самого, сторонами его тождества, достоверными для его существования.

С другой стороны, если конструирующий Разум или Сознание реально и единственно реально, тогда вселенная материальных вещей и объектов может существовать, но это существование будет субъективно построенным, сделанным Сознанием из себя, поддерживаемым им, растворяющимся в нем при своем исчезновении. Ведь если нет ничего иного, нет сущностного Существования или Бытия, поддерживающего созидательную Мошь, и нет подкрепляющей Пустыни или Нуля, тогда это Сознание, создающее все, само должно иметь существование или субстанцию или быть ими; если Сознание делает построения, то они должны быть построениями из его собственной субстанции или форм собственного существования. Сознание, занимающее иное положение по отношению к Существованию, или само не являющееся существованием, должно быть нереальностью, восприимчивой Силой Пустыни или в Пустыне, возводящей там нереальные структуры, сделанные из ничего, -предположение, которое нелегко принять до тех пор, пока не будет доказано, что все иное несправедливо. Тогда станет несомненным, что то, что мы видим как сознание, должно быть Бытием и Существованием, из чьей субстанции сознания все сделано.

Но если таким путем мы отойдем к двуединой или дуальной реальности Бытия и Сознания, то мы можем предположить либо с Ведантой одно изначальное Бытие или с Санкхьей — множественность существ, которым Сознание или некоторая Энергия, которой мы предписываем сознание, представляет свои построения. Если реальна только множественность отдельных изначальных существ, тогда, поскольку каждое существо составляет или создает свой собственный мир в собственном сознании, трудно объяснить их связь в единственной идентичной вселенной; должно быть одно Сознание или одна Энергия, — что в Санкхье соответствует представлению о единственной Пракрити, являющейся полем переживания множества подобных Пуруш, — в которой они встречаются в идентичной вселенной, построенной разумом. Эта теория дает преимущество в объяснении множественности душ и множественности вещей и тождестве в разнообразии их переживания, и в то же время придает реальность отдельному духовному росту и судьбе индивидуального существа. На если мы можем предположить Одно Сознание или Одну Энергию, создающую множественность своих образов и дающую пристанище в своем мире множественности существ, тогда нетрудно предположить одно изначальное Бытие, поддерживающее множественность существ или выражающее себя в них, — душ или духовных мощностей своего одно-существования; отсюда также следует, что все объекты, все образы сознания являются образами Бытия. Тогда можно спросить, являются ли эта множественность и эти образы реальностями одного Реального Существования, либо только представительными персональностями и образами, либо символами и ценностями, созданными Разумом, чтобы представить Его. В большой степени это будет зависеть от того, находится ли в действии только Разум, каким мы его знаем, или большее и более глубокое

Сознание, по отношению к которому Разум является поверхностным инструментом, исполнителем его намерений, средой его проявлений. Если верно первое, тогда вселенная, построенная и видимая Разумом, может обладать лишь субъективной или символической или представительной реальностью; если верно последнее, тогда вселенная и ее природные существа и объекты могут быть настоящими реальностями Одного Существования, формами или мощностями его бытия, проявленными силами этого бытия. Тогда Разум будет только посредником между вселенской Реальностью и проявлениями ее созидательной Сознание-Силы, Шакти, Пракрити, Майи.

Ясно, что Разум, имеющий природу нашего поверхностного интеллекта, может быть лишь вторичной мощью существования. Ведь он несет на себе отпечаток неспособности и неведения как знак того, что он является последующим, а не изначальным творцом; мы видим, что он не знает или не понимает те объекты, которые воспринимает, не обладает автоматическим контролем над ними; он должен приобрести трудно выстраиваемое знание и контролирующую мощь. Этой изначальной неспособностью не могло бы быть, если бы эти объекты были собственными структурами Разума, творениями его само-Мощи. Может быть, так происходит из-за того, что индивидуальный разум обладает только фронтальной или выводной мощностью и знанием, и существует вселенский Разум, являющийся целостным, наделенный всеведением, способный на всемогущество. Но по своей природе Разум, каким мы его знаем. — это Неведение, ищущее знания; это знаток частей и работник над делениями, пытающийся составить сумму, выложить целое, — он не обладает сущностью вещей или их тотальностью; вселенский Разум того же характера мог бы знать сумму делений благодаря силе своей интегральности, но ему все еще не хватило бы сущностного знания, и без сущностного знания не было бы возможным истинное интегральное знание. Сознание, обладающее сущностным и интегральным знанием, идущее от сущности к целому и от целого к частям, уже больше не будет Разумом, а будет Истиной-Сознанием, автоматически обладающим сокровенным само-знанием и знанием мира. Именно с этого базиса должны мы взглянуть на субъективную сторону реальности. Верно, что не существует такой вещи, как объективная реальность, независимая от сознания; но в то же время существует истина объективности и заключается она в том, что реальность вещей покоится на нечто внутри них, и это нечто не зависимо от интерпретаций нашего разума, даваемых этим вещам и не зависимо от структур, которые он выстраивает при своем наблюдении. Эти структуры составляют субъективный образ разума или фигуру вселенной, но вселенная и ее объекты не являются простым образом или фигурой. В сущности они являются творениями сознания, но сознания единого с бытием, чья субстанция является субстанцией Бытия, и чьи творения также имеют ту же субстанцию, и поэтому реальны. С этой точки зрения мир не может быть чисто субъективным порождением Сознания; реальны как субъективная так и объективная истина вещей, они — это две стороны одной и той же Реальности.

В определенном смысле, насколько можно использовать относительную и намекающую фразеологию нашего человеческого языка, все вещи являются символами, через которые мы должны приблизиться и подойти ближе к Тому, благодаря которому существуем мы и вещи. Бесконечность единства — это один символ, бесконечность множественности — другой символ: опять же, поскольку каждая вещь, которую мы называем конечной, есть представительный образ, лик формы, силуэт, отбрасывающий нечто из бесконечного, то все, что определяет себя во вселенной, — все ее объекты, все происходящее, идеи-образования, жизне-образования, — в свою очередь также является ключом и символом. Для нашего субъективного разума бесконечность существования — один символ, бесконечность не-существования — другой символ. Бесконечность Несознательного и бесконечность Сверхсознательного — два полюса манифестации абсолютного Парабрахмана, и наше существование между этими полюсами и переход от одного к другому является постепенным охватом, постоянным раскрытием замысла, субъективным построением в себе этой манифестации Непроявленного. Через такое развертывание нашего само-существования должны мы достичь сознания невыразимого Присутствия и осознания нас самих в мире и всего сущего и всего, чего нет, в качестве раскрытия того, что никогда полностью не раскрывает себя чему-либо другому, отличному от собственного само-света вечного и абсолютного.

Но этот способ видения принадлежит действию разума, интерпретирующему связь между Бытием и вечным Становлением; он справедлив в качестве динамического ментального представления, соответствующего определенной истине проявления, но с той оговоркой, что эти символические значения вещей не делают сами вещи простыми значимыми марками, абстрактными символами, подобными математическим формулам или иным знакам, используемым разумом для познания: ведь форма и происходящее во вселенной — существенные реальности Реальности; они — само-выражения Того, движения и мощности Бытия. Каждая форма находится там из-за того, что выражает некоторую мощь Того, который ее населяет; всякое происшествие — движение в выработке некоторой Истины Бытия в динамическом процессе манифестации. Именно эта значимость придает законность интерпретирующему знанию разума, его субъективной конструкции вселенной; наш разум в первую очередь является получателем и толкователем, и только во вторую — творцом. В действительности ценность всякой ментальной субъективности состоит в том, что в ней отражается некоторая истина Бытия, существующая независимо от отражения, — представляется ли эта независимость как физическая объективность или как супрафизическая реальность, воспринимаемая разумом, но не воспринимаемая физическими чувствами. Следовательно, Разум не является первоначальным кон-

структуром вселенной: это промежуточная мощь, законная для определенных действительностей бытия: будучи агентом, промежуточным звеном, разум актуализирует возможности и принимает в творении некоторое участие, но настоящим творцом является Сознание, Энергия, внутренне присущая трансцендентному и космическому Духу.

Существует и в точности противоположный взгляд на реальность и знание, утверждающий объективную Реальность как единственно полную истину и объективное знание — как единственно полностью надежное знание. Этот взгляд берет начало от представления о физическом существовании как о единственно фундаментальном и от сведения сознания, разума, души или духа к рангу временного продукта физической Энергии в ее космическом действии, — если, конечно, за душой или духом признается некоторое существование. Все то, что не физично и не объективно, обладает меньшей реальностью, зависящей от физического и объективного; оно должно найти себе подтверждение для физического разума путем объективного доказательства или распознаваемой и проверяемой связи с истиной физических и внешних вещей, прежде чем ему будет выдан паспорт реальности. Но, очевидно, это решение не может быть принято в его строгости, поскольку оно не обладает интегральностью и принимает во внимание только одну сторону существования, даже только одну область или участок существования и оставляет все остальное необъясненным, без сокровенной реальности, без значения. Будучи раздутым до крайности, оно придает камню или пудингу большую реальность, а мышлению, любви, духовной отваге, гению, величю, человеческой душе и разуму, встречающемуся лицом к лицу с темным и опасным миром и обретающему господство над ним — меньшую зависящую реальность или даже реальность несущественную и спорную. Ведь с этой точки зрения все вещи, имеющие столь большое значение для нашего субъективного видения, становятся справедливыми только как реакции объективного материального бытия на объективное материальное существование; они законны лишь постольку, поскольку имеют дело с объективными реальностями и задействованы в объективном мире: душа, если она существует, является только условием действия объективно реальной мировой Природы. Но можно придерживаться и противоположной точки зрения: объективное имеет ценность лишь постольку оно имеет связь с душой; это поле, обстоятельство, средство для продвижения души во Времени: объективное создано как почва проявления субъективного. Объективный мир — это только внешняя форма становления Духа; это первая форма, базис, но не сущностная вещь, не главная истина бытия. Субъективное и объективное — две необходимые стороны проявляющейся Реальности и имеют равную ценность, и в поле самой объективности супрафизический объект сознания имеет то же право на принятие, как и физическая объективность; его нельзя априори отбросить как субъективное заблуждение или галлюцинацию.

На самом деле субъективное и объективное — это не независимые реальности, они зависят друг от друга; они составляют Бытие, взирающее на себя так, как субъект взирает на объект, и то же самое Бытие, назначающее себя своему собственному сознанию как объект для субъекта. Более частный взгляд не признает никакой существенной реальности за чем-то, что существует в сознании, или, выражаясь более точно, за чем-то, свидетелем чему является внутреннее сознание или чувство, но что не подтверждается физическими чувствами или что кажется им беспочвенным. Но внешние чувства могут давать надежные показания лишь тогда, когда они предоставляют сознанию свою версию об объекте, и это сознание придает значение их докладу, добавляет его внешности собственную внутреннюю интуитивную интерпретацию и оправдывает его обоснованной приверженностью; ведь доказательство чувств само по себе всегда несовершенно, не всецело надежно и определено, не окончательно, потому что неполно и постоянно подвержено ошибке. На самом деле мы не имеем иных средств познания объективной вселенной за исключением нашего субъективного сознания, для которого физические чувства сами являются инструментами. Если мы отрицаем реальность за фактами вселенского свидетельствования субъективной или супрафизической объективности, тогда нет достаточного основания признавать реальность за фактами физических объективностей; если внутренние или супрафизические объекты сознания нереальны, тогда объективная вселенная имеет все шансы быть нереальной. В каждом случае необходимо понимание, распознавание, проверка; но субъективное и супрафизическое должны иметь другие методы проверки, чем те, что мы успешно применяем к физическому и внешнему объективному. Субъективное переживание нельзя отсылать к доказательству внешних чувств; оно имеет свои собственные стандарты видения и внутренний метод проверки: точно также супрафизические реальности по самой своей природе не могут быть отосланы к суждению физического или чувственного разума за исключением тех случаев, когда они проецируют себя в физическое, и даже тогда это суждение часто некомпетентно или к нему нужно относиться с осторожностью; эти реальности могут быть проверены только другими чувствами и методами исследования и утверждения, применимыми к их собственной реальности, их собственной природе.

Существуют различные порядки реальности; объективное и физическое составляет только один порядок. Этот порядок убедителен для физического или внешнего разума, потому что непосредственно очевиден для чувств, тогда как по отношению к субъективному и супрафизическому разум не имеет средств познания, фрагментарных знаков и данных и следствий, подверженных ошибке на каждом шагу. Наши субъективные движения и внутренние переживания составляют область происходящего столь же реальную, как физические происшествя; но если инди-

видуальный разум может знать нечто из собственных явлений благодаря прямому переживанию, то он не ведаёт о том, что происходит в сознании других, кроме как по аналогии со своими собственными или подобными знаками, данными, выводами, которые ему может поставить внешнее наблюдение. Поэтому “я” внутренне реален для самого себя, но невидимая жизнь других имеет для меня только непрямую реальность, кроме того, насколько они воздействуют на мой собственный разум, жизнь и чувства. Это является ограничением физического разума человека, и оно порождает в нем привычку полагаться полностью только на физическое и сомневаться во всем том и оспаривать все то, что не приходит в согласие с его собственным переживанием и не вписывается в его собственные пределы понимания или не укладывается в его собственный стандарт или сумму установленного знания.

В последнее время это эго-центрическая позиция была возведена в ранг законного стандарта познания; явно или неявно подразумевается та аксиома, что всякая истина должна отсылаться к суждению персонального разума, рассудка и переживанию каждого человека или же она должны проверяться или, во всяком случае, быть проверяема общим или универсальным переживанием, чтобы быть законной. Но, очевидно, это ложный стандарт реальности и знания, поскольку это означает верховную власть обычного или среднего разума и его ограниченной способности и переживания, исключение того, что сверхнормально по отношению к среднему интеллекту или находится за его пределами. В своей крайности, это требование того, чтобы индивид судил все, является эгоцентрической иллюзией, предрассудком физического разума, в своей массе грубой и вульгарной ошибкой. За этим стоит та истина, что человек должен сам думать, познавать в соответствии со своей способностью, но его суждение может быть законно лишь при условии, что человек готов учиться и всегда открыт к большему знанию. Утверждалось, что отход от физического стандарта и принципа личной или универсальной проверки приведет большому заблуждению и допущению непроверенной истины и возведение субъективной фантазии в ранг знания. Но в ходе исследования всегда возможна ошибка, заблуждение и внесение персональности и собственной субъективности, и физические и объективные стандарты и методы не исключают такой возможности. Возможность внесения ошибки не является основанием для того, чтобы отказаться предпринять исследование, и субъективное исследование должно выполняться субъективным методом исследования, наблюдения и проверки; исследование супрафизического должно включать, принимать и опробовать соответствующие средства и методы, отличные от тех, что применяются при изучении физических объектов и Энергетических процессов в материальной Природе.

Отказ проводить исследование на основе какой-либо предвзятости и априори является таким же обскуратизмом по отношению к расширению знания, каким являлся религиозный обскуратизм в Европе по отношению к расширению научного исследования. Величайшие внутренние открытия, переживание само-бытия, космического сознания, внутренний покой освобожденного духа, прямое воздействие разума на разум, познание вещей при помощи сознания в прямом контакте с другим сознанием или его объектами, большинство духовных переживаний разной ценности не могут быть представлены перед трибуналом общей ментальности, не имеющей переживания этих вещей и принимающей собственное отсутствие или неспособность на данное переживание как доказательство их несправедливости или их не-существования. Так можно поступать с физической истиной формул, обобщений, открытий, основывающихся на физическом наблюдении, но даже там необходима тренировка способности, прежде чем можно будет верно понимать и судить; не каждый нетренированный разум может проследить за математикой теории относительности или других трудных научных истин или судить об их справедливости либо их результате или о ходе рассуждений. В действительности всякая реальность, всякий опыт должен быть проверен тем же или аналогичным опытом, чтобы его можно было считать истинным; так, на самом деле, все люди могут иметь духовное переживание и следовать ему и проверять его на себе, но это возможно только тогда, когда они приобрели соответствующую способность или могут следовать внутренним методам. Следует поподробнее остановиться на этих очевидных и элементарных истинах, потому что противоположные идеи стали господствовать в недавний период человеческой ментальности, — теперь они только несколько отступили, — и стояли на пути развития обширной области человеческого знания. Для человеческого духа чрезвычайно важно быть свободным, чтобы зондировать глубины внутренней или сублиминальной реальности, духовной реальности и той реальности, что еще остается сверхсознательной, и не заточать себя в физическом разуме и его узком диапазоне объективных внешних надежд; ведь только на этом пути может произойти освобождение от Неведения, в котором пребывает наша ментальность, и только так можем мы высвободиться в полное сознание, истинную и интегральную само-реализацию и само-знание.

Интегральное знание требует дальнейшей разработки, раскрытия всех возможных областей сознания и переживания. Ведь существуют субъективные области нашего существа, которые лежат за видимой поверхностью; они должны быть постигнуты, и все, что выяснено, должно быть принято внутри границ тотальной реальности. Внутренний диапазон духовного переживания составляет одну очень большую область человеческого сознания; в него нужно вникать до глубочайших глубин и самых дальних пределов. Супрафизическое настолько же реально, как и физическое; его знание составляет часть полного знания. Знание супрафизического связывалось с мистицизмом и оккультизмом, а оккультизм был заклеен как предрассудок и фантастическая ошибка. Но оккультное составляет часть существования; настоящий оккультизм означает ни что иное, как исследование супрафизических реаль-

ностей и раскрытие скрытых законов существа и Природы, всего того, что не очевидно на поверхности. Оккультизм пытается открыть тайные законы разума и ментальной энергии, тайные законы жизни и жизненной энергии, тайные законы тонко-физического и его энергий, — всего того, что Природа не облекла в видимые операции на поверхности; оккультизм также пытается применить эти спрятанные истины и мощности Природы, так чтобы расширить господство человеческого духа за пределы обычных операций разума, обычных операций жизни, обычных операций человеческого существования. В духовной области, оккультной по отношению к поверхностному разуму в том, насколько она выходит за пределы обычного и вступает в сверхобычное переживание, существует возможность открытия не только я и духа, но и поднимающего, сообщающего и направляющего света духовного сознания и мощности духа, духовного пути познания, духовного пути действия. Знать эти вещи и приносить их истины и силы в жизнь человечества — необходимая часть эволюции. Сама наука некоторым образом является оккультизмом; ведь она выносит на свет формулы, спрятанные Природой, и использует свое знание так, чтобы высвободить операции ее энергий, которые она не включила в свои обычные операции, и организовать и поставить на службу человека ее оккультные мощности и процессы, обширную систему физической магии, — ведь не существует и не может существовать иной магии, чем использование тайных истин бытия, тайных мощностей и процессов Природы. Может даже обнаружиться, что супрафизическое знание необходимо для полноты физического знания, потому что процессы физической Природы имеют за собой супрафизический фактор, мощностность и действие ментального, витального или духовного характера, что недоступно схватить любыми другими средствами познания.

Настояние на единственной или фундаментальной законности объективно реального основывается на ощущении базисной реальности Материи. Но сейчас очевидно, что Материя никоим образом не является фундаментально реальной; это структура Энергии: даже все меньше остается сомнений в том, что можно ли объяснить действия и творения этой Энергии иначе, кроме как движения мощности тайного Разума или Сознания, по отношению к которому процессы и шаги построения предстоят формулами. Поэтому более невозможно считать Материю единственной реальностью. Материальное толкование существования было результатом исключительной концентрации, поглощенностью одним движением Существования, и такая исключительная концентрация имеет свою пользу и потому допустима; в последнее время она оправдывала себя многими грандиозными и неисчислимыми мелкими открытиями физической Науки. Но решение всей проблемы существования не может быть основано на исключительном одностороннем знании; мы должны знать не только то, что представляет собой Материя и каковы ее процессы, но и то, что представляет собой разум и жизнь и каковы их процессы, а также нужно знать дух и душу и все то, что находится за материальной поверхностью: только тогда можем мы иметь знание, достаточно интегральное для решения проблемы. По той же причине недостаточно широкий базис для принятия имеют и те взгляды на существование, которые возникают из-за исключительной концентрации или преобладающей поглощенности Разумом или Жизнью и в которых Разум или Жизнь считается единственной фундаментальной реальностью. Такая исключительная концентрация может привести к полезному тщательному исследованию, которое прольет много света на Разум и Жизнь, но не может привести к полному решению проблемы. Очень даже может быть, что исключительная или преобладающая концентрация на сублиминальном существе, считающая поверхностное существование простой системой символов для выражения единственной реальности, могла бы в большой степени осветить сублиминальное и его процессы и существенно расширить мощности человеческого существа, но само по себе это не будет интегральным решением и не приведет нас к интегральному знанию Реальности. С нашей точки зрения Дух, “я” является фундаментальной реальностью существования; но исключительная концентрация на этой фундаментальной реальности до исключения всякой реальности Разума, Жизни или Материи, кроме как наложения на “я” или несущественных теней, отбрасываемых Духом, могла бы помочь независимой и радикальной духовной реализации, но не привела бы к интегральному и верному решению истины космического и индивидуального существования.

Поэтому интегральное знание должно быть знанием истин всех сторон существования как по-отдельности, так и в связи каждой со всеми, и связь всех с истиной Духа. Наше теперешнее состояние является Неведением и многосторонним поиском; оно ищет истину всех вещей, но, — как очевидно из настоящего и разнообразия рассуждений человеческого разума, касающихся фундаментальной Истины, объясняющей все остальное, касающихся Реальности в основе всех вещей, — фундаментальная истина вещей, их базисная реальность должна быть найдена в чем-то фундаментальном и одновременно вселенски Реальном; это то, что будучи открытым, должно охватить и объяснить все, — “То, познав которое, познаешь все”: фундаментально Реальное с необходимостью должно быть и содержать истину всего существования, истину индивида, истину вселенной, истину всего того, что находится за пределами вселенной. Разум, ищущий такой Реальности и проверяющий каждую вещь, начиная с Материи и выше, чтобы найти То, не ведом неправильной интуицией. Все, что требуется, — это довести исследование до конца и проверить высочайшие и окончательные уровни опыта.

Но поскольку именно из Неведения мы ищем Знания, то должны мы сначала раскрыть тайную природу и пределы распространенности Неведения. Если мы взглянем на это Неведение, в котором обычно мы живем из-за самого обстоятельства нашего отдельного существования в материальной, пространственной и временной вселенной, мы

видим, что на темной своей стороне оно сводится, куда не кинь взгляд, к многостороннему само-неведению. Мы не ведаем об Абсолюте, являющимся источником всего бытия и становления; мы принимаем частные факты бытия, временные связи становления за полную истину существования, — это первое, изначальное неведение. Мы не ведаем о беспространственном, безвременном, недвижимом и неизменном Я; мы принимаем постоянную подвижность и изменчивость космического становления во Времени и Пространстве за целостную истину существования, — это второе, космическое неведение. Мы не ведаем о нашем вселенском “я”, космическом существовании, космическом сознании, нашем бесконечном единстве со всем бытием и становлением; мы принимаем нашу ограниченную эгоистическую ментальность, витальность, телесность за наше настоящее “я” и считаем все иное не-я — это третье, эгоистическое неведение. Мы не ведаем о нашем вечном становлении во Времени; мы принимаем эту маленькую жизнь в краткий промежуток Времени, в крошечном поле Пространства за наше начало, середину и конец, — это четвертое, временное неведение. Даже в пределах этого краткого временного становления мы не ведаем о нашем большом и комплексном существе, о той его части в нас, что сверхсознательна, подсознательна, интросознательна, вокругсознательна по отношению к нашему поверхностному становлению: мы принимаем это поверхностное становление с его малым отбором явно ментализированного переживания за наше целостное существование, — это пятое, психологическое неведение. Мы не ведаем об истинном строении нашего становления; мы принимаем разум или жизнь или тело или любые два из этих принципов или все три за наш настоящий принцип и полное описание того, чем мы являемся, упуская из виду то, что составляет их и определяет своим оккультным присутствием и предназначено определять суверенно своим появлением их операции — это шестое неведение, неведение строения. В результате всего этого неведения мы упускаем настоящее знание, управление нашей жизнью и наслаждение ею в мире; мы невежественны в наших мыслях, воле, ощущениях, действиях, возвращаем неправильные или несовершенные отклики каждый раз при вопрошении мира, блуждаем по лабиринту ошибок и желаний, страстей и падений, боли и удовольствия, греха и сомнений, следуем извилистой дорогой, слепо ищем меняющуюся цель, — это седьмое, практическое неведение.

Наше представление о Неведении будет обязательно определять и наше представление о Знании и определять также, поскольку наша жизнь есть Неведение, одновременно отрицающее Знание и ищущее его, цель человеческого усилия и цель космической попытки. Тогда интегральное знание будет означать прекращение семикратного Неведения путем открытия того, что оно упускает и игнорирует, семи-кратное само-откровение внутри нашего сознания: оно будет означать знание Абсолюта как источника происхождения всех вещей; знание “я”, Духа, Бытия и космоса как становления “я”, становления Бытия, манифестации Духа; знание мира как единого с нами в сознании нашего настоящего “я”, уничтожающего таким образом наше отделение от него из-за отдельного представления и жизни эго; знание нашей психической сущности и ее бессмертного выживания во Времени за пределами смерти и земного существования; знание нашего большего и внутреннего существования за поверхностью; знание нашего разума, жизни и тела в верной связи с я внутри и сверхсознательном духовном и супраментальном существе над нами; наконец, знание настоящей гармонии и верного использования нашего мышления, воли и действия и изменение всей нашей природы до сознательного выражения истины Духа, “я”, Божественности, интегральной духовной Реальности.

Но это не интеллектуальное знание, которое можно выучить и завершить в нашей теперешней оболочке сознания; должен быть накоплен некоторый опыт, произойти становление, изменение сознания, изменение существа. Это вносит эволюционный характер Становления и тот факт, что наше ментальное неведение является лишь стадией в нашей эволюции. Следовательно, интегральное знание может придти только в ходе эволюции нашего существа и нашей природы, и это потребует, по-видимому, медленного процесса во Времени, такого, какой сопровождал другие эволюционные трансформации. Но в противовес этому утверждению можно привести тот факт, что эволюция теперь стала сознательной, и ее методам и шагам вовсе не требуется иметь тот же характер, как тогда, когда процесс эволюции шел подсознательно. Интегральное знание, поскольку оно должно следовать за изменением сознания, может быть обретоено в ходе процесса, в котором принимают участие наша воля и наши старания, в котором они могут открывать и применять собственные методы и предпринимать свои шаги: рост интегрального знания может идти и за счет сознательного само-преобразования. Тогда необходимо увидеть, что вероятнее всего будет принципом этого нового процесса эволюции и в чем будут заключаться движения интегрального знания, которые необходимо возникнут в нем, — или, другими словами, в чем состоит природа сознания, которое должно быть основой божественной жизни, и как жизнь будет сформирована или будет формировать себя, материализовывать или, если угодно, “реализовывать”.

Глава XVI

ИНТЕГРАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ и ЦЕЛЬ ЖИЗНИ; ЧЕТЫРЕ ТЕОРИИ СУЩЕСТВОВАНИЯ

Когда все желания, прицепившиеся к сердцу, отлетают от него прочь, тогда смертный становится бессмертным, и даже здесь он завладевает Вечным.

Брихадараньяка Упанишада (IV.4.7)

Он становится Вечным и отправляется в Вечное.

Брихадараньяка Упанишада (IV.4.6)

Эта бестелесная и бессмертная Жизнь и Свет есть Брахман.

Брихадараньяка Упанишада (IV.4.7)

Длинен и узок древний Путь, — “я” прикасался к нему, “я” нашел его, — Путь, по которому мудрые, знатоки Вечного, достигнув освобождения, направляются в высший мир Рая.

Брихадараньяка Упанишада (IV.4.8)

“я” — сын земли, почва — моя мать ... Пусть одарит она меня своими многогранными богатствами, ее тайными достижениями ... Поговорим о красоте этого, О Земля, о том, что в селах и лесах и в собрании и войне и сражении.

Атхарва Веда (XII.1.12,44,56) .

Пусть Земля, повелитель прошлого и будущего, сделает для нас широкий мир ... Земля, бывшая водой в Океане и чей курс проследили мудрецы с помощью магии их знания, она, имеющая сердце бессмертия, покрытое Истиной в верховном эфире, пусть она установит для нас свет и мощь в том наиболее высоком царстве.

Атхарва Веда (XII.1.1,8)

О Пламя, ты основываешь смертное в верховном бессмертии для увеличения вдохновенного Знания день за днем; для провидца, который жаждал дуального рождения, ты создаешь божественное блаженство и человеческую радость.

Риг Веда (I.31.7)

О Божество, защити для нас Бесконечное и окружи заботой конечное.

Риг Веда (IV.2.11)

Но прежде чем мы исследуем принципы и процессы эволюционного подъема Сознания, необходимо вновь сформулировать то, что наша теория интегрального знания утверждает в качестве фундаментальных истин Реальности и ее манифестации, и что она допускает как действенные стороны и динамические аспекты, но не может принять как достаточные для полного объяснения существования и вселенной. Ведь истина знания должна закладывать истину жизни и определять цель жизни; сам эволюционный процесс является развитием Истины существования, скрытой здесь в изначальном Несознании и выявляемой из него при помощи всплывающего Сознания, которое поднимается от ступени к ступени своего само-развертывания, пока оно не сможет проявить в себе интегральную реальность вещей и полное само-знание. От природы этой Истины, с которой стартует Несознание и которую оно должно проявить, должен зависеть ход эволюционного развития, — шаги этого процесса и их значение.

Во-первых, мы утверждаем Абсолют в качестве начала и поддержки тайной реальности всех вещей. Реальность Абсолюта неопределима и невыразима при помощи ментального мышления и ментального языка; она само-существует и само-очевидна для себя, как всякая абсолютность само-очевидна, но наши ментальные утверждения и отрицания, порознь или все вместе, не могут ограничить или определить ее. Но в то же время существует духовное сознание, духовное знание, знание посредством тождества, которое может охватить Реальность в ее фундаменталь-

ных аспектах и ее проявленных мощностях и образах. Все сущее подходит под это описание и, если видится этим знанием в его собственной истине или в своем оккультном значении, может считаться выражением Реальности и само быть реальностью. Эта проявленная реальность само-существует в этих фундаментальных аспектах; ведь все базисные реальности являются началами из нечего, что вечно и сокровенно истинно в Абсолюте; но все то, что не фундаментально, что временно, является феноменальным, формой и мощностью, зависящей от реальности, которую выражает, и реально этим и собственной истиной значения, истиной того, что несет в себе, поскольку оно есть это и не что-либо случайное, не беспочвенное, не иллюзорное, не тщетно сконструированный образ. Даже то, что деформирует и доводит до неузнаваемости, как ложь искажает и маскирует истину, зло искажает и скрывает добро, имеет временную реальность как настоящее следствие Несознания; но все эти противоположные фигуры, хотя и реальные в их собственном поле, не сущностны, а только дополнительные к манифестации и служат в качестве временной формы или мощности ее движения. Тогда вселенское реально благодаря Абсолюту, по отношению к которому оно является само-манифестацией, и все ее содержимое реально благодаря вселенскому, которому оно придает форму и образ.

Абсолютное проявляется в двух выражениях, в Бытии и в Становлении. Бытие есть фундаментальная реальность; Становление — это действенная реальность; это динамическая мощь и продукт, созидательная энергия и выработка Бытия, постоянно выживающая и все же изменяемая форма, процесс, продукт неизменяемой бесформенной сущности. Поэтому все теории, делающие Становление достаточным самим по себе, являются полу-истинами, справедливыми для некоторого познания манифестации, знания, обретаемого в ходе исключительной концентрации на том, что эти теории утверждают и предвидят, и эти теории справедливы лишь постольку, поскольку Бытие не отделимо от Становления, а присутствует в нем, составляет его, внутренне присутствует в каждом мельчайшем атоме и безграничном расширении и бескрайней протяженности. Становление может знать себя полностью лишь тогда, когда знает себя как Бытие; душа в Становлении достигает само-знания и бессмертности, когда узнает Верховное и Абсолютное и обладает природой Бесконечного и Вечного. Делать это — верховная цель нашего существования; ведь в этом заключена истина нашего бытия, и поэтому это должно быть сокровенной целью, необходимым продуктом нашего становления: эта истина нашего существа становится в душе необходимостью манифестации, в материи — тайной энергией, в жизни — позывом и тенденцией, желанием и поиском, в разуме — волей, целью, попыткой, смыслом; проявить то, что поначалу сокрыто внутри — вот полностью спрятанное намерение эволюционной Природы.

Поэтому мы принимаем истину, на которой базируются философии супракосмического Абсолюта; сам Иллюзионизм, даже если мы оспариваем его окончательные заключения, может все еще быть принят как способ, каким душа в разуме, ментальном существе, должна видеть вещи в духовно-прагматическом переживании, когда она отрезает себя от Становления, для того чтобы приблизиться к Абсолюту и войти в него. Но опять же, поскольку Становление реально и неизбежно в самой само-мощи Бесконечного и Вечного, то эта философия существования не является полной. Душа в Становлении может знать себя как Бытие и обладать Становлением, знать себя как Бесконечное в сущности, но также и как Бесконечное, само-выраженное в конечном, безвременное Вечное, рассматривающее себя и свои работы в основополагающем статусе и развивающемся движении Временной вечности. Эта реализация является кульминацией Становления; это исполнение Бытия в динамической реальности. Тогда это также должно являться частью тотальной истины вещей, ведь единственно это придает полную духовную важность вселенной и оправдывает душу в манифестации; объяснение вещей, лишаящее всякой важности космическое и индивидуальное существование, не может быть целостным объяснением или же решением, предлагаемое им, не может быть единственно верным исходом.

Следующее утверждение, сделанное нами, заключается в том, что фундаментальная реальность Абсолюта является для нашего духовного восприятия Божественным Существованием, Сознанием и Восторгом Бытия, что составляет супракосмическую Реальность, само-существующее, но также и тайную истину, лежащую в основании всей манифестации; ведь фундаментальная истина Бытия должна с необходимостью быть фундаментальной истиной Становления. Все есть проявление Того; ведь то пребывает даже во всем том, что кажется его противоположностями, и причиной эволюции является его давление на них с целью раскрыть его, давление на Несознание с целью развить из себя его тайное сознание, давление на кажущееся Не-Бытие с целью обнаружить в себе оккультное духовное существование, давление на нечувствительную нейтральность Материи с целью развить разнообразный восторг бытия, который должен расти, сделать себя свободным от своих младших членов, своих противоположных дуальностей боли и удовольствия, должен вырасти в сущностный восторг существования, в духовную Ананду.

Бытие одно, но это тождество бесконечно и содержит в себе бесконечную плюральность или множественность самого себя: Один есть Все; это не только сущностное Существование, а и Все-Существование. Бесконечная множественность Одного и вечное единство Множества — две реальности или два аспекта одной реальности, на которых базируется манифестация. По причине этой фундаментальной истинности манифестации Бытие представляет себя нашему космическому переживанию в трех положениях — супракосмическое Существование, космический Дух и

индивидуальное “я” во Множестве. Но множественность допускает феноменальное деление сознания, действенное Неведение, в котором Множество, индивиды, перестают осознавать вечное само-существующее Тожество и забывают о тождестве космического “я”, в котором и благодаря которому они живут, движутся и имеют свое существо. Но под действием силы тайного Единства душа в становлении побуждается собственной невиденной реальностью и под давлением эволюционной Природы выйти из этого состояния Неведения и в конечном итоге восстановить знание одного Божественного Бытия и свое тождество с ним и в то же время восстановить свое духовное единство со всеми индивидуальными существами и всей вселенной. Она должна начать осознавать не только себя во вселенной, но и вселенную в себе и Бытие космоса как свое величайшее я; индивид должен универсализировать себя и в том же самом движении начать осознавать свою супракосмическую трансцендентность. Этот тройной аспект реальности должен быть включен в полную истину души и космической манифестации, и эта необходимость должна определять конечную направленность хода эволюционной Природы.

Все взгляды на существование, останавливающиеся перед Трансцендентностью и игнорирующие ее, не могут служить полным объяснением истины бытия. Пантеистический взгляд на тождество Божественного и Вселенной передает некоторую истину, ведь все сущее есть Брахман: но этот взгляд останавливается перед полной истиной, когда пропускает и опускает супракосмическую Реальность. С другой стороны, всякий взгляд, утверждающий только космос и отклоняющий индивида как побочный продукт космической Энергии, вносит ошибку, уделяя преувеличенное внимание одному из видимых действительных аспектов мирового действия; это верно только по отношению к природному индивиду и даже не составляет его полной истины: ведь природный индивид, природное существо, в самом деле является продуктом вселенской Энергии, но в то же время он является природной персональностью души, выразительным образованием внутреннего существа и личности, и эта душа не является тленной клеткой или растворимой порцией космического Духа, а имеет свою изначальную бессмертную реальность в Трансцендентности. Факт, что космическое Бытие выражает себя через индивидуальное существо, но также истинно и то, что Трансцендентная Реальность выражает себя через индивидуальное существование, как и через Космос; душа является вечной частью Всевышнего, а не частичкой Природы. Но равным образом любой взгляд, видящий вселенную существующей только в индивидуальном сознании, должен с очевидностью представлять только фрагментарную истину: этот взгляд оправдан восприятием универсальности духовного индивида и его мощи охватывать целую вселенную в своем сознании; но ни космос, ни индивидуальное сознание не представляет фундаментальной истины существования; ведь и то и другое зависит от трансцендентного Божественного Бытия и существует благодаря ему.

Божественное Бытие, Сатчитананда, является одновременно безличностным и личностным: это Существование и начало и основание всех истин, сил, мощностей, существований, но это также одно трансцендентное Сознательное Существо, Все-Персона, которой принадлежат все сознательные существа — “я” и личности; ибо Он есть их высочайшее “я” и универсальное населяющее Присутствие. Душе во вселенной необходимо, — и поэтому это предстает внутренним направлением эволюционной Энергии и ее конечным намерением, — знать и расти в истину себя, становиться одним с Божественным Бытием, поднимать природу к Божественной Природе, существование — до Божественного Существования, сознание — до Божественного Сознания, восторг бытия — до божественного Восторга Бытия, и получать все это в становлении, делать становление выражением той высочайшей Истины, внутренне обладать Божественным “я” и стать Мастером существования и в то же время быть захваченным Им и движимым Его Божественной Энергией, и жить и действовать в полной само-отдаче и сдаче. С этой стороны дуалистические и теистические взгляды на существование, утверждающие вечное реальное существование Бога и Души и вечное реальное существование и космическое действие Божественной Энергии, также выражают истину интегрального существования; но из их формулировки выпадает целостная истина, если отрицается сущностное единство Бога и Души или их способность на предельное тождество или если игнорируется то, что лежит в основе высочайшего переживания слияния души в Божественном Единстве через любовь, через объединение сознания, через расплавление существования в существовании.

Манифестация Бытия в нашей вселенной принимает форму инволюции, являющейся начальной точкой эволюции, — Материя — самая низшая ступень, Дух — вершина. В нисхождении в инволюцию можно выделить семь принципов проявленного бытия, семь ступеней проявляющегося Сознания, о которых мы можем здесь получить лишь представление или конкретную реализацию их присутствия и имманентности или отраженное переживание. Первые три являются изначальными и фундаментальными принципами, и они формируют вселенские состояния сознания, к которым мы можем подняться; когда мы так делаем, то можем начать осознавать верховные планы или уровни фундаментального проявления или само-формулировки духовной реальности, в которой впереди помещены единство Божественного Существования, мощь Божественного Сознания, блаженство Божественного Восторга Существования, — не сокрытыми и завуалированными, как здесь, ведь мы можем обладать ими в их полной независимой реальности. Четвертый принцип супраментальной Истины-Сознания связан с ними; именно проявленное единство в бесконечной множественности является характерной мощью само-определения Бесконечного. Четырехкратная мощь верховного существования, сознания и восторга составляет верхнюю полусферу манифестации, основан-

ной на вечном само-знании Духа. Если мы войдем в эти принципы или в любой план бытия, на котором есть чистое присутствие Реальности, то найдем там полную свободу и знание. Три другие мощности и планы бытия, которые мы осознаем даже теперь, образуют низшую полусферу манифестации, полусферу Разума, Жизни и Материи. Они содержат в себе мощности более высоких принципов; но где бы они не проявлялись в отрыве от своих духовных источников, в результате динамического упущения они претерпевают переход в поделенное вместо настоящего неразделенного существования: это упущение, это отделение порождает состояние ограниченного знания, исключительно сконцентрированного на своем собственном мировом порядке и забывшего все то, что находится за ним и лежащем в основании единстве, и поэтому порождает состояние космического и индивидуального Неведения.

При спуске на материальный план, продуктом которого является наша природная жизнь, это упущение завершается в полном Несознании, из которого вовлеченное Бытие и Сознание должны возникнуть в ходе постепенной эволюции. Неминуемая эволюция сначала развивает Материю и материальную вселенную; в Материи возникает Жизнь и живые физические существа; в Жизни проявляется Разум и воплощенные думающие и живущие существа; в Разуме, неизмеримо увеличивая мощности и деятельность форм Материи, должен появиться Сверхразум или Истина-Сознание, и это неизбежно должно произойти под действием той самой силы, которая содержится в Несознании, и под действием необходимости в Природе вынести это в манифестацию. Возникающий Сверхразум проявляет само-знание Духа и целостное знание в супраментальном живущем существе, и должен принести в силу того же закона, под действием внутренней необходимости и неизбежности, динамическую манифестацию божественного Существования, Сознания и Восторга существования. Именно в этом заключается план и порядок земной эволюции; именно эта необходимость должна определять все ее шаги и градации, ее принцип и ее процесс. Разум, Жизнь и Материя — реализованные мощности эволюции и хорошо известны нам; Сверхразум и триединые аспекты Сагчитанды — тайные принципы, которые еще не выведены на передний план и все еще должны быть реализованы в формах манифестации, и мы знаем их только по намекам и частичному и фрагментарному действию, еще не высвобожденному из низшего движения и потому не легко распознаваемому. Но их эволюция также представляет часть судьбы души в Становлении — должна произойти реализация и динамизация в земной жизни и Материи не только Разума, но и всего того, что выше него, что на самом деле было спущено, но все еще сокрыто в земной природе и Материи.

Наша теория интегрального знания допускает Разум в качестве созидательного принципа, мощности Бытия, и уделяет ему свое место в манифестации; аналогично она приемлет Жизнь и Материю в качестве мощностей Духа и так же признает в них созидательную Энергию. Но все взгляды на вещи, делающие Разум единственным или верховным созидательным принципом, и философии, считающие Жизнь или Материю единственной реальностью или отдающие им предпочтение, выражают полу-истину, а не интегральное знание. Верно, что когда сначала появляется Материя, она становится главенствующим принципом; она кажется и является внутри собственного поля базисом всех вещей, составляющей всех вещей, концом всех вещей: но оказывается, что сама Материя является продуктом нечего, не являющегося Материей, продуктом Энергии, и эта Энергия не может быть нечто само-существующим и действующим в Пустыне, но может оказаться, и при более глубоком исследовании это кажется наиболее вероятным, что и сама Энергия является действием тайного Сознания и Бытия: когда появляется духовное знание и переживание, это становится уверенностью — видится, что созидательная Энергия в Материи является движением мощи Духа. Сама Материя не может быть изначальной и окончательной реальностью. В то же время неприемлем взгляд, разлучающий Материю и Дух и считающий их противоположностями; Материя есть форма Духа, место жительства Духа, и здесь, в самой материи может быть реализация Духа.

Опять же верно, что и Жизнь при своем появлении становится доминирующей, обращает Материю в инструмент своей манифестации, и начинает казаться, что сама Жизнь является тайным изначальным принципом, который прорвался в творение и завуалировал себя в формы Материи; в этой видимости есть своя истина, и эта истина должна быть принята как часть интегрального знания. Хотя Жизнь и не является изначальной реальностью, но она является формой, мощностью Реальности, посланной в качестве созидательного позыва в Материи. Поэтому Жизнь должна быть принята как средство нашей деятельности и динамическая оболочка, в которую мы должны здесь вылить Божественное Существование; но она может быть принята так только потому, что является формой Божественной Энергии, большей, чем Жизненная Сила. Жизненный принцип не составляет полное основание и начало вещей; созидательная работа жизни не может быть совершенной и совершенно исполненной или даже она не может найти свое настоящее движение, пока не узнает себя как энергию Божественного Бытия и не возвысит и не облагородит свое действие так, чтобы стать свободным каналом для излияния верховной Природы.

В свою очередь Разум при своем появлении становится доминирующим; он использует Жизнь и Материю в качестве средств своего выражения, поля для своего собственного роста и верховенства, и он начинает работать так, как если бы он был истинной реальностью и созидателем, как свидетелем существования. Но Разум также является ограниченной и выводной мощностью; он является продуктом Надразума или же светлой тенью, отброшенной здесь божественным Сверхразумом: разум может достичь собственного совершенства только допуская свет большего знания; он должен собственные более невежественные, несовершенные и конфликтующие мощности и ценности в

божественно действенные могущества и гармоничные ценности супраментальной Истины-Сознания. Все мощности низшей полусферы с их структурами Неведения могут обрести свое настоящее “я” только путем трансформации в свете, спускающемся к нам с высшей полусферы вечного само-знания.

Все эти три нижние мощности бытия построены на Несознательном и кажутся начинающимися из него и поддерживаемыми им: черный дракон Несознания распростер свои широкие крылья и хвост темноты над целостной структурой материальной вселенной; его энергии запустили поток вещей, его темные указания кажутся начальной точкой самого сознания и источником жизненного импульса. Теперь Несознательное, вследствие его изначальности и преобладания, взято в определенной линии исследования в качестве настоящего начала и творца. В действительности было принято, что несознательная сила, несознательная субстанция является начальной точкой эволюции, но в ходе эволюции всплывает именно сознательный Дух, а не несознательное Бытие. Несознательное и его первые работы пронизаны последовательностью все более высоких мощностей бытия и сделаны подчиненными Сознанию, так что препятствия, чинимые ими эволюции, круги ограничения медленно прорываются, кольца Питона их затемнения простреливаются стрелами Бога-Солнца; так и ограничения нашей материальной субстанции уменьшаются, пока они не могут быть превзойдены, и разум, жизнь и тело не смогут трансформироваться через их обладание при помощи большего закона божественного Сознания, Энергии и Духа. Интегральное знание допускает законные истины всех взглядов на существование, справедливые в их собственном поле, но стремится оставить их ограничения и отрицания и гармонизировать и примерить их настоящие истины в большей истине, которая исполнит все многочисленные стороны нашего бытия в одном вездесущем Существовании.

С этого места мы должны сделать следующий шаг и начать рассматривать метафизическую истину, сформулированную нами, в качестве определителя не только мышления и внутренних движений, но и нашего жизненного направления, проводника для динамического решения нашего само-переживания и миро-переживания, Наше метафизическое знание, наш взгляд на фундаментальную истину вселенной и смысл существования должен естественным образом определять всю нашу концепцию жизни и отношение к ней; цель жизни, как мы постигаем ее, должна быть определена на этой основе. Метафизическая философия является попыткой зафиксировать фундаментальные реальности и принципы бытия в отличии от его процессов и явлений, следующих из этих процессов. Но процессы зависят от фундаментальных реальностей: наш собственный процесс жизни, ее цель и метод должны находиться в соответствии с истиной бытия, какой мы ее видим; иначе наша метафизическая истина может быть только игрой интеллекта без какого-либо динамического значения. Верно, что интеллект должен искать истину саму по себе, без какой-либо недопустимой ссылки на предпочитаемую идею о жизненной полезности. Но все же если уж истина открыта, то она должна быть реализуемой в нашем внутреннем существе и нашей внешней деятельности: если это не так, то эта истина может иметь лишь интеллектуальную, а не интегральную важность; такая истина будет не более чем решением головоломки или абстрактной нереальностью или мертвым письмом. Истина бытия должна управлять истиной жизни; не может быть так, чтобы эти две истины не имели связи или внутренней зависимости. Высочайшее значение жизни для нас, фундаментальная истина существования должна быть также приемлемым смыслом нашего собственного жития, нашей целью, нашим идеалом.

С этой точки зрения, грубо говоря, существуют четыре главные теории или четыре категории теорий в зависимости от занимаемых ими ментальных положений и разделяемых ими идеалов, соответствующим четырем различным концепциям истин существования. Их можно назвать супракосмическими, космическими и земными, супраземными или апеллирующими к иным мирам, и интегральными или синтетическими или композитными, пытающимися примирить три фактора, — или любые два из них, — которые другие взгляды стремятся изолировать. В последнюю категорию подпадает и наш взгляд на наше существование здесь как на Становление с Божественным Бытием в качестве своего начала и своей цели, как на последовательную манифестацию, духовную эволюцию с супракосмическим в качестве своего источника и опоры, с ино-мировым в качестве условия и связующего звена и космическим и земным в качестве своего поля, и с человеческим разумом и жизнью в качестве узла и поворотной точки высвобождения в сторону высшего и высочайшего совершенства. Тогда нам следует рассмотреть первые три теории, чтобы увидеть, где они отходят от интегрирующего взгляда на жизнь и насколько истины, на которых они основываются, в ее структуру.

С супракосмической точки зрения на вещи единственно полностью реальна только верховная Реальность. Определенная иллюзорность, ощущение тщетности космического существования и индивидуального бытия характеризует это видение вещей, но это не сущностный, не совершенно необходимый придаток к его главному принципу мышления. В крайних формах этого видения мира человеческое существование не имеет никакого реального значения; это ошибка души или бредовое состояние воли жить, ошибка неведения, которая каким-то образом наложилась на абсолютную Реальность. Единственно верная истина супракосмична; или, в любом случае, Абсолют, Парабрахман является началом и целью всего существования, а иначе все — это интерлюдия без какого-либо значения, выдерживающего испытание временем. Если это так, тогда единственная вещь, которую надлежит сделать, один единственный и насущный путь нашего бытия — это уйти прочь от всякой жизни, будь то земной или небесной, как

только это станет возможным в ходе нашей внутренней эволюции или позволит это сделать некоторый сокрытый закон духа. Верно, иллюзия реальна для самой себя, тщетность претендует на полную цель; ее законы и факты, — это только факты, а не истины, эмпирические и не настоящие реальности, — связывают нас, пока мы пребываем в ошибке. Но с любой точки зрения настоящего знания, в любом взгляде настоящей истины вещей, все это самозамурение покажется ничуть не лучшим, чем законы космического сумасшедшего дома; пока мы сошли с ума и должны оставаться в сумасшедшем доме, мы волей-неволей подчиняемся его правилам и должны выполнять, в соответствии с наши темпераментом, самые лучшие и самые худшие из них, но всегда нашей целью будет вылечиться от нашего безумия и отойти в свет и истину и свободу. Какое бы смягчение жесткости этой логики не могло бы быть сделано, какие бы ни были сделаны уступки, оправдывающие жизнь и персональность для временного бытия, все же с этой точки зрения настоящим законом жития должно быть сделано любое правило, которое поможет нам скорее вернуть само-знание и которое приведет нас в Нирвану самой прямой дорогой; настоящим идеалом должно быть угасание индивида и вселенной, само-уничтожение в Абсолюте. Идеал само-угасания, отчетливо и ясно заявленный Буддистами, является в Ведантическом мышлении само-обретением: но само-обретение индивида путем вращивания в свое настоящее существо Абсолюта будет возможным, если и то и другое являются внутренне-связанными реальностями; оно не могло бы быть применимым к конечному миро-отрицающему само-утверждению Абсолюта в нереальном или временном индивиде путем аннулирования ложного персонального существа и путем разрушения всего индивидуального и космического существования для того индивидуального сознания, — насколько далеко ни могли бы зайти эти ошибки, беспомощно неизбежные, в мире Неведения, допускаемом Абсолютом, во вселенской, вечной и неразрушимой Авидьи.

Но эта идея тщетности жизни не является всецело неизбежным следствием супракосмической теории существования. В Веданте Упанишад Становление Брахмана допускается как реальность; поэтому там есть место для истины Становления: есть в этой истине правильный закон жизни, допустимое удовлетворение гедонистического элемента в нашем существе, есть восторг временного существования, действительное использование практической энергии, исполнительной силы сознания в нем; но, как только исполнена эта истина и закон временного становления, душа должна обратиться назад к окончательной само-реализации, ведь ее естественным высочайшим исполнением является освобождение, высвобождение в свое изначальное бытие, в свое вечное “я”, свою безвременную реальность. Существует цикл становления, стартующий из вечного Бытия и заканчивающийся в нем; или, с точки зрения Верховного как личностной или сверхличностной Реальности, существует временная игра, игра становления и жития во вселенной. Здесь, очевидно, не существует другого значения жизни, чем воли Бытия “становиться”, воли сознания и стремления его силы к становлению, своему восторгу становления; для индивида, когда это отошло от него или выполнено в нем и более не действенно, становление прекращается: но вселенная, напротив, продолжает существовать или всегда возвращается к манифестации, потому что воля “становиться” вечна и должна быть таковой, поскольку она внутренне присуща воле вечного Существования. Можно сказать, что одним дефектом этого взгляда на вещи является отсутствие какой-либо фундаментальной реальности индивида, какой-либо сохраняющейся ценности и важности его естественной или духовной деятельности: но можно возразить, что это требование постоянной личностной важности, личной выгоды является ошибкой нашего невежественного поверхностного сознания; индивид есть временное становление Бытия, и это само по себе обладает достаточной ценностью и значением. Можно добавить, что в чистом или абсолютном Существовании не может быть ценностей или значений: во вселенной ценности существуют и они там совершенно необходимы, но только как относительные и временные построения; не может быть абсолютных ценностей, вечных и само-существующих значений в структуре Времени. Это звучит достаточно убедительно, и кажется, что ничего больше нельзя сказать по этому поводу. И все же вопрос остается открытым; ведь напряжение нашего индивидуального существа, требования от него, значение, придаваемое индивидуальному совершенству и освобождению, слишком велико, чтобы можно было низвести его до ранга второстепенной операции, свертывания и развертывания незначительной спирали среди обширных кружений Вечного становления во вселенной.

Космически-небесный взгляд, который мы затем можем принять как точную противоположность супракосмическому, считает космическое существование реальным; он идет дальше и принимает его в качестве единственной реальности, и этот взгляд обычно ограничен жизнью материальной вселенной. Бог, если Бог существует, есть вечное Становление; если же Бога нет, тогда Природа, -какой взгляд мы бы ни приняли по отношению к Природе, считая ли ее игрой Силы с Материей или великой космической Жизнью или даже допуская вселенский безличностный Разум в Жизни и Материи, — есть вечное Становление. Земля есть поле или одно из временных полей, человек есть высочайше возможная форма или только одна из временных форм Становления. Индивидуальный человек может быть смертным; человечество также может выжить лишь в определенный короткий период земного существования; сама земля может нести жизнь только в несколько больший период существования солнечной системы; сама эта система может однажды подойти к концу или, по крайней мере, прекратить быть деятельным или продуктивным фактором Становления; сама вселенная, в которой мы живем, может раствориться или снова сжаться в

состояние семени Энергии: но принцип Становления вечен, — или, по меньшей мере, настолько же вечен, насколько что-либо может быть вечно в темной неоднозначности существования. В действительности можно предположить выживание человеческого индивида как психологической сущности во Времени, предположить сознательное земное или космическое рождение души или реинкарнацию без какой-либо жизни после смерти или иной жизни где бы то ни было: в этом случае можно предположить в качестве цели нескончаемого Становления либо идеал постоянно возрастающего совершенства, либо приближение к совершенству, либо рост к бессмертному счастью где-то во вселенной. Но в крайнем земном взгляде это с трудом приемлемо. В человеческом мышлении были некоторые рассуждения такого рода, но они не переросли во что-либо ощутимо существенное. Вечное выживание в Становлении обычно связано с принятием большего супраземного существования.

В обычном взгляде, утверждающем единственную земную жизнь или ограниченный краткий переход в материальной вселенной, — ведь возможны думающие живые существа на других планетах, — единственно возможным выбором становится принятие человеческой смертности и пассивной ее длительности или активное обращение с ограниченной личной или коллективной жизнью и жизненной целью. Единственно высокий и разумный курс для индивидуального человеческого существа, — в действительности, пока человек удовлетворен преследованием личных целей или как-то проживает свою жизнь, пока та не уйдет от него, — состоит в том, чтобы изучать законы Становления и извлекать из них все лучшее, чтобы реализовывать, рационально или интуитивно, внутренне или в динамизме жизни, потенциальности в себе или для себя или для расы, членом которой он является; его дело — реализовать как можно больше таких актуальностей и охватить все возможности или стремиться к высочайшим возможностям, которые могут быть развиты здесь или которые находятся в процессе делания. Только человечество в целом может сделать это с полным эффектом, при помощи массы индивидов и коллективного действия, с течением времени, в эволюции опыта расы: но индивидуальный человек может помочь сделать это в своих собственных пределах, может сделать все эти вещи ради себя, до определенной степени, в краткий период жизни, отпущенный ему; но, в особенности, именно его мышление и действие могут внести свой вклад в теперешнее интеллектуальное, моральное и витальное благосостояние и в будущий прогресс расы. Человек способен на определенное благородство существа; принятие своей неизбежной и ранней кончины не мешает ему извлекать наивысшую пользу из воли и мышления, развитых в нем, и не отвращает его от великих целей, которые будут или могут быть выработаны человечеством. Даже временный характер коллективного бытия человека не играет такой уж большой роли, — за исключением наиболее материалистических взглядов на существование; ведь пока вселенское Становление принимает форму человеческого тела и разума, все это время мышление, воля, развитые в человеческом создании, будут сами вырабатывать себя, и следовать этому с пониманием — естественный закон и наилучшее правило человеческой жизни. Человечество и его благосостояние и прогресс в течение его существования на земле дают наибольшее поле и устанавливают естественные пределы человеческой цели нашего бытия; высшее выживание расы и величие и важность коллективной жизни будут определять природу и диапазон наших идеалов. Но если исключить прогресс или благосостояние человечества как не наше дело, то индивид все еще останется; тогда смыслом жизни будет достичь максимально возможного совершенства или сделать в жизни все возможное, что требует природа.

Супраземный взгляд допускает реальность материального космоса и принимает временную длительность земли и человеческой жизни как первый факт, с которого мы должны стартовать; но этот взгляд добавляет восприятие иных миров или планов существования, которые должны быть вечны или, по меньшей мере, более длительны; он распознает за смертностью телесной жизни человека бессмертие его души. Вера в бессмертие, в вечное выживание индивидуального человеческого духа порознь от тела — вот ключевые слова этой концепции жизни. Это само собой вызывает веру в более высокие планы существования, чем материальный или земной, поскольку для развоплощенного духа не может быть места в том мире, где каждая операция зависит от некоторой игры силы, будь то духовной, ментальной, витальной или материальной, в формах и с формами Материи. Отсюда возникает та идея, что настоящий дом человека находится где-то за пределами земного плана, и что земная жизнь тем или иным образом является только эпизодом его бессмертности или отклонением от небесного и духовного существования и впадением в существование материальное.

Но каков тогда характер, начало и конец этого отклонения? Прежде всего, в определенных религиях долго существовала, но сейчас основательно поколеблена идея о том, что человек есть существо, первично созданное как материальное живущее на земле тело, существо, в которое всемогущий Создатель вдохнул вновь рожденную душу или же с которым он связал душу своим указом. Жизнь человека на земле — единичный эпизод, дающий ему возможность отправиться либо в мир блаженства, либо в мир вечных страданий либо в соответствии с балансом добрых и злых дел, либо в соответствии с тем, приемлет ли он или отвергает определенную веру, знает или не знает какой-то определенный способ моления, знаком ли с божественным посредником, либо в соответствии с произвольным предопределенным капризом своего Создателя. Но это наименее рациональная форма веры или догмы в русле супраземной теории жизни. Взяв в качестве начальной точки идею создания души в ходе психического рождения, мы все еще можем предположить, что благодаря естественному закону, общему для всех, остальное существование

души должно продолжаться после того, как она освободится от пут материнской среды или материи, подобно бабочке, вылупившейся из куколки и взлетевшей в воздух света и радужного парения. Или же мы можем предпочтительно предполагать предземное существование души, падение или спуск в материю и возвращение в небесное бытие. Если мы предположим предсуществование души, тогда нет причины исключать эту последнюю возможность как происходящее духовное явление, — существо из другого плана существования может по той или иной причине принять человеческое тело и природу: но, невероятно, чтобы это было универсальным принципом земного существования или достаточным основанием для творения материальной вселенной.

Также иногда предполагают, что единичная жизнь на земле является только стадией и развитием существа на пути к триумфу, что происходит в последовательности миров, являющихся многочисленными стадиями его роста, этапами его путешествия. Материальная вселенная или земля, в особенности, будут тогда казаться дорогостоящим назначенным полем, созданным божественной мощью, мудростью или капризом для введения в действие этой интерлюдии. В соответствии с выбранным нами взглядом мы будем считать материю либо местом испытания, либо полем развития, либо местом духовного падения и изгнания. Есть также и Индийский взгляд, считающий мир садом божественной Лилы, игры божественного Бытия с условиями космического существования в этом мире низшей Природы; душа человека принимает участие в Лиле через череду рождений, но ей предначертано в конце концов вновь подняться до соответствующего плана Божественного Бытия и насладиться там вечным родством и сообществом: это дает определенные объяснения созидательному процессу и духовному приключению, которое отсутствует, либо неясно указывается в других объяснениях подобно рода движений души или цикла души. Во всех этих разнообразных формулировках общего принципа присутствуют три сущностные характеристики: во-первых, вера в бессмертие индивидуального человеческого духа; во-вторых, как необходимое следствие, представление о его временном пребывании на земле как в месте временного перехода или месте отхода от его высочайшей вечной природы и представление о небесах за пределами земли как о надлежащем местожительстве; в третьих, упор на развитие этического и духовного существа как средства возвышения и поэтому как единственно стоящего дела жизни в этом мире Материи.

Вот три фундаментальные пути видения, каждый из которых занимает свою ментальную позицию по отношению к жизни, которая может быть принята для нашего существования; все остальное — это обычно промежуточные положения или же вариации и композиции, стремящиеся более свободно приспособиться к сложности проблемы. Ведь для человека, как для расы (хотя отдельные индивиды могут преуспеть в этом), практически невозможно постоянно или полностью придерживаться в своей жизни ведущего мотива одного из этих трех положений, равным образом исключая другие требования своей природы. Путаная смесь из двух или более мотивов, конфликт или деление жизненных мотивов или некая попытка синтеза — вот способ обращения с разнообразными импульсами сложного человеческого существа и с прозрениями разума, к которым эти импульсы взывают для своей санкции. Почти все люди обычно посвящают большую часть своей энергии жизни на земле, земным нуждам, интересам, желаниям, идеалам индивида и расы. Иначе и не могло бы быть; ведь забота о теле, о достаточном развитии и удовлетворении витального и ментального существа человека, преследование высоких индивидуальных и больших коллективных идеалов, стартующих с представления о достижимом человеческом совершенстве или более близкого приближения к совершенству через нормальное развитие, наложены на нас самим характером нашего земного существа; они — часть его закона, его естественного импульса и правила, его условия роста, и без этих вещей отдельный человек не смог бы достичь общего уровня человечества. Поэтому все другие взгляды на наше существование, отрицающие или чрезмерно умаляющие или нетерпимо осуждающие эти мотивы, самим своим фактом, несут ли они в себе другую истину или выгоду или пользу, или как бы они ни были пригодны для индивидов определенного темперамента или на определенной стадии духовной эволюции, не годятся для того, чтобы быть общим и полным правилом человеческого жития. Природа хорошо заботится о том, чтобы раса не пренебрегала этими целями, составляющими необходимую часть ее эволюции; ибо они подпадают под метод и стадии божественной игры в нас, и бдительность за ее первыми шагами и за поддержанием их ментальной и материальной почвы является тем занятием, которому она не позволит отойти на задний план, поскольку эти вещи принадлежат основанию и телу ее структуры.

Но также Природа вживила в нас ощущение того, что в нашем строении существует нечто выводящее за пределы этой первой земной природы человечества. По этой причине раса не может принимать или длительно следовать любому взгляду на бытие, игнорирующему это высшее и более тонкое чувство и стремящемуся ограничить нас полностью чисто земным способом жизни. Прозрение запредельного, представление и чувство души и духа в нас, отличных от разума, жизни и тела или больших, не ограниченных их формулой, возвращается к нам и вновь нами завладевает. Обычный человек достаточно легко удовлетворяет это чувство, отводя ему только редкие моменты своей жизни или самую позднюю ее часть, когда годы притупляют вкус земной природы, или считая его нечто за и превыше его нормального действия, к которому человек может более или менее несовершенно направить свое природное существо: редкий человек принимает супраземное как одну цель и закон бытия и преуменьшает или

умерщвляет насколько это возможно свои земные части в надежде развить небесную природу. Были эпохи, когда супраземной взгляд обретал очень мощную поддержку, и были шатания между несовершенным человеческим житием, которое не может получить свое большое естественное расширение, и болезненной аскетической жадной небесной жизни, которая также не достигается, кроме как в редких чистых и счастливых движениях. Это знак порождения некоторой ложной войны в существе путем установления стандарта или устройства, игнорирующего закон эволюционной возможности или слишком подчеркивающего огрехи примиряющего выравнивания, которое должно существовать где-то в божьем промысле нашей природы.

Но, наконец, по мере углубления нашей ментальной жизни и развития более тонкого знания, должно в нас открыться восприятие того, что земное и супраземное не являются единственными терминами бытия; существует нечто супракосмическое и существует наиболее удаленное начало нашего существования. Это восприятие легко вызывается духовным энтузиазмом, высотой и рвением стремления души, философской отстраненностью или прямой логической нетерпимостью нашего интеллекта, тягой нашей воли или болезненным разочарованием в нашем витальном существе, обескураженным трудностями или неудовлетворенным результатами жизни, — какой-либо или всеми этими мотивирующими силами, — с ощущением полной тщетности и нереальности всего иного, кроме отдаленного Верховного, тщетности человеческой жизни, нереальности космического существования, горькой безобразностью и грубостью земли, недостаточностью небес, беспечностью повторения рождения в теле. Опять же, на самом деле обычный человек не может жить с этими идеями; для него они могут лишь усилить серость и придать беспокойную неудовлетворенность жизни, которую он все еще должен продолжать: но редкий человек бросает все, чтобы следовать истине, которую он увидел, и для него эти идеи могут быть необходимой пищей его духовного импульса или стимулом к одному достижению, которое для него является теперь единственно стоящей вещью. Были периоды и страны, где этот взгляд на бытие становился очень мощным; значительная часть расы сворачивала в сторону жизни аскета, — не всегда из-за настоящей нужды в ней, — остальная часть оставалась верной обычной жизни, но основательной верой в ее нереальность, той верой, которая при слишком многократном повторении и настоянии может вызвать расстройство жизненного импульса и нарастание малости ее мотивов, или даже, в ходе более тонкой реакции, может вызвать поглощенность в обычном узком житии, когда упускается наш естественный отклик на большее удовольствие Божественного Бытия в космическом существовании, и может вызвать падение прогрессивного человеческого идеализма, благодаря которому мы подстегиваемся к коллективному само-развитию и благородному охвату сражения и труда. Здесь опять же присутствует знак некоторой недостаточности в утверждении супракосмической Реальности, возможно, чрезмерное утверждение или ошибочное противостояние, пропуск божественного выравнивания, полного смысла творения и полной воли Творца.

Это выравнивание может быть найдено, только если мы распознаем намерение нашей целостной сложной человеческой природы и правильно определим ее место в космическом движении; все, что требуется, — это придать полное законное значение каждой части нашего существа и многостороннего стремления и найти ключ к их единству как и к их разнице. Это обретение должно быть синтезом или интеграцией и, поскольку развитие с очевидностью является законом развития человеческой души, то наиболее вероятно, что оно будет достигнуто в ходе эволюционного синтеза. Синтез этого рода был предпринят в древней Индийской культуре. Он принимал четыре законных мотива человеческого жития, — человеческие витальные интересы и нужды, его желания, его этические и религиозные стремления, его окончательную духовную цель и назначение, — другими словами, требования его витального, физического и эмоционального существа, требования его этического и религиозного существа, управляемого знанием закона Бога и Природы и человека, и требования его духовной жажды Запредельного, для которого он ищет удовлетворения путем окончательного освобождения из невежественного мирского существования. В этот синтез входил период образования и подготовки, основанный на идее жизни, период нормального жития для удовлетворения человеческих желаний и интересов под умеренным правилом этической и религиозной части в нас, период отхода и духовной подготовки и последний период отвержения жизни и освобождения в духе. Очевидно, что применяемая как универсальное правило, эта предписанная норма, эта вычерченная кривая нашего путешествия, упустила бы тот факт, что невозможно всем за единичное краткое время жизни пройти полный круг развития; но это было подправлено теорией полной эволюции, проходящей через долгую череду возрождений, прежде чем человек становится готовым для духовного освобождения. Этот синтез с духовным прозрением, эта широта взгляда, симметрия, полнота сделали многое для того, чтобы поднять тон человеческой жизни; но обычно этот синтез сжимался: его место занимало преувеличение импульса отречения, который разрушал симметрию системы и разрезал ее на два движения в противопоставлении друг к другу: на обычную жизнь интересов и желаний с этической и религиозной окраской и ненормальную или сверхнормальную внутреннюю жизнь, основанную на отречении. На самом деле старый синтез заключал в себе семя этого преувеличения и не мог не быть захвачен им: ведь если мы считаем бегство от жизни нашим желанным концом, если мы пренебрегаем тем, чтобы поднять на должную высоту цель жизненного исполнения, если жизнь не несет в себе божественного значения, тогда должен быть положен конец нетерпению человеческого интеллекта и воли, тогда надо оборвать эту нудную и отсрочивающую деятельность и

отбросить ее прочь; если человек не может сделать это, тогда он остается со своим эго и его удовлетворением, и нет ничего большего, что могло бы быть достигнуто здесь. Жизнь разделяется на духовную и мирскую, и может быть только резкий переход, не гармония или примирение этих частей нашей природы.

Духовная эволюция, развертывающая здесь Бытие внутри от рождения к рождению, центральным инструментом которой становится человек, и человеческая жизнь на самой своей вершине становится критической поворотной точкой, тогда есть связующее звено, необходимое для примирения жизни и духа; ибо это связующее звено позволяет нам принять во внимание полную природу человека и расставить по своим законным местам тройное притяжение человека: к земле, к небесам и к верховной Реальности. Но полное разрешение противостояний может быть достигнуто только на том базисе, что низшее сознание разума, жизни и тела не может обрести своего полного смысла до тех пор, пока оно не захвачено, не переформулировано, трансформировано светом и мощью и радостью высшего духовного сознания, пока высшее не встало на полностью правильную позицию отвержения низшего, а не допущения его и его доминирования, до этих пор не получает должно ценности это захват, эта переформулировка, эта трансформация, — одухотворение и супраментализация ментальной, витальной и физической природы. Земной идеал, бывший столь мощным в современном разуме, вернул человека и его жизнь на земле и коллективную надежду расы на видное место и создал настоятельное требование разрешения; это то добро, которое он принес. Но из-за переработки и исключительности он слепо ограничил диапазон человека, он игнорировал то, что является в нем высочайшей и в конечном итоге наибольшей вещью, и из-за этого ограничения была упущена собственная цель, которую следует достичь. Если разум был бы высочайшей вещью в человеке и Природе, тогда в действительности этого крушения надежд могло бы не последовать; все же было бы ограничение диапазона, узкая возможность, ограничение перспективы. Но если разум является только частным развертыванием сознания и существуют запредельные мощности, на которые способна Природа в нашей расе, тогда не только наша надежда на земле, если оставить запредельное, зависит от развития этих мощностей, но это становится единственной стоящей дорогой нашей эволюции.

Сами разум и жизнь не могут вырасти до своей полноты никак иначе, кроме как открывшись большему и более великому сознанию, к которому разум только приближается. Такое большее и более великое сознание является духовным, поскольку духовное сознание не только высшее по отношению к ним, но и более охватывающее. Универсальное, как и трансцендентное, оно может поднять разум и жизнь в свой свет и дать им настоящую и крайнюю реализацию всего, что они ищут: ибо оно обладает большим инструментарием познания, фонтаном более глубокой мощности и воли, неограниченной достигаемостью и интенсивностью любви и радости и прекрасного. Это те вещи, которые ищет наш разум, жизнь и тело, это знание, мощь и радость, и отвергнуть то, благодаря чему разум, жизнь и тело достигают своего предельного великолепия — значит, отрезать им дорогу к их собственному высочайшему осуществлению. Противоположное преувеличение, требующее только бесцветную чистоту духовного существования, сводит к нулю созидательное действие духа и исключает для нас все то, что Божественное проявляет в своем существе: оно оставляет место только для эволюции без смысла или исполнения, — ведь единственной кульминацией тогда будет отвержение всего того, что ранее было развито; оно обращает ход развития нашего существа в бессмысленную кривую погружения в Неведения и возвращения из него или воздвигает колесо космического Становления с единственным выходом — бегством. Промежуточное, супраземное стремление ограничивает свыше исполнение существа, не следуя до высочайшей реализации тождества, и уменьшает его снизу, не придавая должного смысла присутствию в материальной вселенной и принятию жизни в земном теле. Большая связь единства, интеграция, восстанавливает этот баланс, освещает целостную истину существа и связывает вместе шаги Природы.

В этой интеграции супракосмическая Реальность предстает верховной истиной существа; реализовать ее — высочайшая достижимость нашего сознания. Но именно эта высочайшая Реальность является также космическим бытием, космическим сознанием, космической волей и жизнью: она выдвинула вперед эти вещи, не вне себя, а в собственном бытии, не как противоположный принцип, а как собственное само-развертывание и само-выражение. Космическое бытие — это не бессмысленная причуда или фантазия или случайная ошибка; в нем есть божественный смысл и истина: многогранное само-выражение духа является его высочайшим смыслом, само Божественное есть ключ к своей загадке. Совершенное само-выражение духа есть цель земного существования. Это не может быть достигнуто, если мы сознательно не вырастим до верховной Реальности; ведь только благодаря прикосновению Абсолюта можем мы достичь своего собственного абсолюта. Но также нельзя это сделать при исключении космической Реальности: мы должны стать универсальными, ведь без открытия в универсальности индивид остается неполным. Индивид, отделяющий себя от Всего, чтобы достичь Высочайшего, теряется во всевышних высотах; включая в себя космическое сознание, он восстанавливает полноту своего “я” и все еще удерживает свое высшее обретение трансцендентного; он исполняет его и себя в космической полноте. Реализованное единство трансцендентного, универсального и индивидуального является неременным условием для полноты само-выражающегося духа: ведь вселенная является полем тотальности само-выражения, тогда как именно через индивида эволюционное само-развертывание подходит к своей кульминации. Но это предполагает не только настоящее бытие индивида, но и рас-

крытие нашего тайного вечного тождества с Верховным и со всем космическим существованием. В само-интеграции душа индивида должна пробудиться к универсальности и трансцендентности.

Супраземное существование также является истиной бытия; ведь материалом является не только план нашего существования; существуют и другие планы сознания, которых мы можем достичь и которые уже имеют сокрытые с нами связи: для нас открыты величественные области души, которых мы можем достичь, мы можем переживать их, познать их и проявить их законы в себе — все это составляет высочайшие вершины и полноту нашего бытия. Но миры высшего сознания не являются единственно возможной сценой и местом обитания совершенной души; а также не можем мы ни в каком неменяющемся типическом мире найти конечную или полную сцену само-выражения Духа в космосе: материальный мир, эта земля, эта человеческая жизнь составляют часть само-выражения Духа и обладают их божественной возможностью; эта возможность эволюционна и содержит в себе возможности всех остальных миров, возможности нереализованные, но реализуемые. Земная жизнь не является падением в трясиину чего-то небожественного, тщетного и грязного, назначенного некоей Мощью в качестве спектакля для самой себя или служащего тем местом, где воплощенная душа должна страдать, а затем уходить прочь с него: это сцена эволюционного развертывания бытия, которое движется к раскрытию верховного духовного света и мощи и радости и тождества, но включает в себя также многогранное разнообразие само-достигающего духа. Существует предвиденная цель земного творения; божественный план вырабатывается через его противоречия и превратности, являющиеся отменной много-стороннего достижения, к которому существо ведомо посредством роста души и приключения Природы.

Верно, что душа может подниматься в миры большего сознания за пределами земли, но также верно, что мощь этих миров, мощь большего сознания должна развить себя здесь; воплощение души является средством этого воплощения. Все высшие мощности Сознания существуют в силу того, что они являются мощностями Верховной Реальности. Наше земное бытие также обладает той же истиной; это становление Одной Реальности, которое должно воплотить в себе эти высшие мощности. Его теперешнее явление предстает завуалированной и частной фигурой, и ограничить себя этой первой фигурой, теперешней формулой несовершенного человечества, — значит, исключить наши божественные потенциальности; мы должны принести более широкий смысл в нашу человеческую жизнь и проявить в ней гораздо большее, то, чем мы тайно являемся. Наша смертность оправдана только в свете нашего бессмертия; наша земля может познать все и сама быть всем только благодаря открытости небесам; индивид может правильно увидеть себя и использовать свой мир божественно, только когда он войдет в большие планы бытия и увидит свет Верховного и будет жить в бытии и мощи Божественного и Вечного.

Интеграция этого вида была бы невозможной, если духовная эволюция не была бы смыслом нашего рождения и земного существования; эволюция разума, жизни и духа в Материи является знаком этой интеграции, эта полная манифестация тайного “я”, содержащегося в ней, является ее смыслом. Полная инволюция всего того, чем является Дух, и его эволюционное само-развертывание является двойным термином нашего материального существования. Существует возможность само-выражения путем незавуалированного светлого развития существа, существует также возможность разнообразного выражения в совершенных типах, фиксированных и полных в их собственной природе: это принцип становления в высших мирах; они типические и не эволюционные в их жизненном принципе; каждый из них существует в собственном совершенстве, в пределах стационарной формулы мира. Но существует также возможность само-выражения посредством само-открытия, развертывания, которое принимает форму и идет через последовательность само-вуалирования и приключения само-восстановления: это принцип становления в этой вселенной, где инволюция сознания и заключение духа в Материи предстанут первым явлением.

Инволюция духа в Несознании есть начало; эволюция в Неведении с его игрой возможностей частично развитого знания есть середина, и причина аномалий нашей теперешней природы, — наше несовершенство, — является знаком переходного состояния, еще не завершеного роста, усилением поиска своего пути; завершение в развертывании само-знания духа и само-мощи его божественного бытия и сознания является кульминацией: это три стадии цикла последовательного само-выражения духа в жизни. На первый взгляд кажется, что те первые две стадии, которые уже сыграли свое, отрицают возможность последней завершающей стадии цикла, но логически они подразумевают ее появление; ведь если несознание развило сознание, то уже частично развитое сознание должно наверняка развиться в полное сознание. Земная природа ищет этой совершенной и обожествленной жизни, и этот поиск является знаком Божественной Воли в Природе. Там есть и другие поиски, и они также находят средства своего само-исполнения; отход в верховный мир или экстаз, отход в блаженство Божественного Присутствия открыт для души в земном существовании: ведь Бесконечное в своем проявлении обладает многими возможностями и не ограничено своими формулировками. Но ни один из этих отходов не может быть фундаментальным намерением в самом Становлении здесь; ведь тогда эволюционное продвижение не могло бы быть предпринятым, — такое продвижение здесь может иметь своей целью только само-исполнение здесь: последовательная манифестация этого рода может иметь единственное значение — раскрытие Бытия в совершенном Становлении.

ПРОЦЕСС ПОЗНАНИЯ - БОГ, ЧЕЛОВЕК и ПРИРОДА

Ты есть То, О Шветакету.

Чхандогья Упанишада (VI.8.7)

Живущие существа есть ни что иное, как Брахман, весь мир есть Брахман.

Вивекачудамани (Стих 479)

Моя верховная Природа стала живым бытием и этот мир поддерживается ею ... здесь источник рождения всех существ.

Гита (VII.5,6)

Ты мужчина и женщина, мальчик и девочка; старик и немощный, опирающийся на клюку; ты голубая птица и зеленая с алыми глазами...

Шветаиватара Упанишада (IV.3,4)

Весь мир наполнен существами — его членами.

Шветаиватара Упанишада (IV.10)

Инволюция Божественного Существования, духовной Реальности, в кажущемся несознании Материи является начальной точкой эволюции. Но эта Реальность по своей природе является вечным существованием, Сознанием, Восторгом Существования: тогда эволюция должна быть появлением этого Существования, Сознания, Восторга Существования, поначалу не в его сущности или тотальности, а в эволюционных формах, которые выражают или маскируют его. Из Несознательного возникает Существование в первой эволюционной форме как субстанция Материи, созданная несознательной Энергией. Сознание, инволюционное и не очевидное в Материи, сначала возникает под маской витальных вибраций, оживленным, но подсознательным; затем, в несовершенных формулировках сознательной жизни, оно борется к само-обретению через последовательные формы этой материальной субстанции, формы, все более и более приспособленные к собственному более полному выражению. Сознание в жизни, сбрасывая первичную нечувствительность материальной безжизненности и незнания, работает к тому, чтобы найти себя все более и более полно в Неведении, являющемся его первой неизбежной формулировкой; но поначалу оно достигает только первичного ментального восприятия и витального осознания я и вещей, жизне-восприятия, которое в его первых формах зависит от внутреннего ощущения, отвечающего на контакты другой жизни в Материи. Сознание трудится к тому, чтобы проявить собственный восторг бытия наилучшим образом, насколько это возможно сделать через неадекватность ощущения; но оно может сформулировать только частную боль и удовольствие. В человеке активизирующее сознание появляется как Разум, более отчетливо осознающий себя и вещи; это все еще частная и ограниченная, не интегральная мощь, а первая зачинающая потенциальность, и обещание интегрального появления становится видимым. Это интегральное появление — цель развивающейся Природы.

Человек находится здесь, чтобы утверждать себя во вселенной, это его первое дело, но также и для того, чтобы развить себя и в конечном итоге превзойти самого себя: он должен расширить свое частное существо до полного существа, свое частичное сознание до интегрального сознания; он должен достичь господства над своим окружением, но также и мирового единства и мировой гармонии; он должен реализовать свою индивидуальность, но также и расширить ее до космического “я” и вселенского и духовного восторга существования. Трансформация, очищение и исправление всего того, что темно, ошибочно и невежественно в ментальности человека, окончательное достижение свободной и широкой гармонии и ясности знания и воли и чувства и действия и характера являются очевидными намерениями природы человека; это тот идеал, который созидательная Энергия наложила на его интеллект, это необходимость, вживленная в его витальную и ментальную субстанцию. Но это может быть сделано лишь путем вращивания человека в большее существо и большее сознание: целью его творения является само-расширение, само-наполнение, само-эволюция из того, чем он частно и временно является в своей действительной и видимой природе, до того, чем он полностью является в своем тайном “я” и духе и чем поэтому он может стать даже в своем проявленном существовании. Эта надежда является оправданием жизни человека на земле посреди явления космоса. Внешний видимый человек, эфемерное существо, подверженное принуждением своего материального воплощения, должен стать внутренним настоящим Человеком, господином самого себя и своего бытия и быть универсальным в

своем существе. Выражаясь более живым и менее метафизическим языком, природный человек должен развиваться до божественного Человека; сыны Смерти должны узнать себя в качестве детей Бессмертия. На этом основании человеческое рождение может быть описано как поворотная точка в эволюции, критическая стадия в земной природе.

Отсюда сразу же следует, что знание, которого мы должны достичь, не является истиной интеллекта; это не правильная вера, правильное мнение, верная информация о ком-то и о вещах, - все это только представление поверхностного разума о знании. Достичь некоторого ментального представления о Боге и о нас самих и о мире — эта цель хороша для интеллекта, но не достаточно большая для Духа; это не сделает нас сознательными сыновьями Бесконечности. Древнее Индийское мышление подразумевало под знанием сознание, обладающее высочайшей Истиной в прямом восприятии и само-переживании; стать, быть тем Высочайшим, которое мы знаем, — вот знак того, что мы действительно обладаем знанием. По той же причине, сформировать нашу практическую жизнь, наши действия как можно более в согласии с нашими интеллектуальными представлениями об истине и правильности или с преуспевающим прагматическим знанием, — этическое или витальное исполнение, — не есть конечная цель нашей жизни и не может быть ею; нашей целью должен быть рост в наше истинное существо, наше существо Духа, существо верховного и универсального Существования, Сознания, Восторга, Сатчитананды.

Все наше существование зависит от того Существования, это то, что развивается в нас; мы представляем собой бытие того Существования, состояние сознания того Сознания, энергию той сознательной Энергии, волно-к-восторгу бытия, восторг сознания, восторг энергии, рожденный из того Восторга: это коренной принцип нашего существования. Но наша поверхностная формулировка этих вещей не такова, это неправильная трансляция в термины Неведения. Наше “я” — это не то духовное существо, которое может взглянуть на Божественное Существование и сказать “То есть Я”; наша ментальность — это не то духовное сознание; наша воля - это не та сила сознания; наши боли и удовольствия, даже наши высочайшие радости и экстазы — это не тот восторг бытия. На поверхности мы все еще являемся эго, изображающим “я”, неведением, обращаемся в знание, волей, стремящейся к истинной силе, желанием, ищущим восторг существования. Стать сами собой, превзойдя самого себя, — так мы можем перефразировать вдохновенное изречение полу-слепого провидца, который знал не то “я”, о котором мы говорим, — это трудная и опасная необходимость, крест, увенчанный невидимой короной, возложенной на нас, загадка истинной природы существа человека, заданной ему темным Сфинксом Несознания снизу, и изнутри и свыше — светлым завуалированным Сфинксом бесконечного Сознания и вечной Мудрости, поставленной перед ним как загадочная божественная Майя. Поэтому превзойти эго и быть настоящим “я”, осознать наше настоящее бытие, обладать им, обладать настоящим восторгом бытия есть окончательный смысл нашей жизни здесь; это скрытый смысл нашего индивидуального и земного существования.

Интеллектуальное знание и практическое действие являются устройством Природы, при помощи которых мы способны выразить так много из нашего существа, сознания, энергии, мощи наслаждения, сколько мы способны задействовать в нашей видимой природе, и при помощи которых мы пытаемся узнать больше, выразить и задействовать больше, всегда и дальше расти в то многое, что мы еще должны задействовать. Но наш интеллект и ментальное знание и воля действия — не единственные средства, не все инструменты нашего сознания и энергии: наша природа, как мы называем Силу бытия в нас в ее действенной и потенциальной игре и мощности, многогранна в своей организации сознания, комплексна в своем инструментарии силы. Каждый открытый или открываемый термин и обстоятельство той комплексной организации, которую мы можем привести в рабочий порядок, должны мы задействовать в высочайших и тончайших значениях, возможных для нас, и использовать их в их широчайших и богатейших мощностях ради одной цели. Эта цель — стать, быть сознательным, непрерывно расти в нашем реализованном существе и осознании “я” и вещей, в нашей задействованной силе и радости бытия, и выражать это становление динамически в таком действии на мир и на нас самих, что мы и он будем все более и более расти к высочайше возможному достижению, самой большой широте универсальности и бесконечности. Все многовековые усилия человека, его действия, общество, искусство, этика, наука, религия, вся многогранная деятельность, при помощи которых человек выражает и увеличивает свое ментальное, витальное, физическое, духовное существование, являются эпизодами в обширной драме этой попытки Природы и не имеют за их ограниченными видимыми целями никакого другого истинного смысла или основания. Достичь индивиду божественной универсальности и верховной бесконечности, жить в ней, обладать ею, быть, знать, чувствовать и выражать только это во всем своем существе, сознании, энергии, восторге бытия — вот то, что древние провидцы Вед подразумевали под Знанием; это было то Бессмертие, которое они поставили перед человеком в качестве его божественной кульминации.

Но по самой природе ментальности, по своему взгляду внутрь себя и взгляду на мир, по своему начальному ограничению как в ощущении, так и теле, ограничению относительным, очевидным и кажущимся, человек должен двигаться постепенно, шаг за шагом и поначалу наощупь и невежественно в этом грандиозном эволюционном движении. Человек не может поначалу исследовать бытие в полноте его единства: оно представляется ему через разнообразие, и его поиски знания ведутся по трем принципиальным направлениям, которые подытоживают для него все

разнообразие: он сам, — человек или индивидуальная душа, — Бог и Природа. Первое есть то, что он единственно напрямую осознает в своем обычном невежественном бытии; оно видит себя, индивида, видимо отделенным в своем существовании, но все же всегда неотделимом от остального бытия, в существовании, пытающемся быть достаточным, и все же всегда недостаточным для себя, поскольку никогда и нигде нет чего-то, что пришло в существование или существует или достигает верхней точки своего существования отдельно от остального, без их помощи и независимо от вселенского бытия и универсальной природы. Во-вторых, существует нечто, что человек знает только косвенно, при помощи своего разума и телесных чувств и его воздействий на них, и что он должен всегда познавать все более и более полно: ведь он видит также и остальную часть бытия, с которой он так близко отождествлен и все же от которой он так отдален, — космос, мир, Природа, другие индивидуальные существования, кого он всегда воспринимает подобно себе и все же всегда не подобно; ведь они всегда те же самые по природе, даже дерево и животное, и все же различны в природе. Кажется, что каждое следует своим путем, является отдельным существом, и все же каждое побуждается одним и тем же движением и следует на своем уровне той же самой обширной кривой эволюции, как и сам человек. Наконец, человек видит или скорее обожествляет нечто иное, что он не знает вообще, кроме как совершенно косвенно; ведь он знает это только через себя и через то, на что нацелено его существо, через мир и через то, на что, как кажется, он указывает и что он либо пытается смутно достичь и выразить своим несовершенным образом, либо, по меньшей мере, основывает все это, без знания, на их тайной связи с этой невидимой Реальностью и оккультным Бесконечным.

Третье и неизвестное, *tertium quid*, он называет Богом; и под этим словом он подразумевает нечто или некто, кто есть Верховное, Божественное, Причина, Все, одна из этих вещей или все разом, совершенство или тотальность всего, что здесь частично или несовершенно, абсолютом всего мирада относительностей, Неизвестное, выучив которое, настоящая тайна известного может стать для человека все более и более постижимой. Человек пытался отрицать все эти категории, — он пытался отрицать собственное реальное существование, он пытался отрицать реальное существование космоса, он пытался отрицать реальное существование Бога. Но за всеми этими отрицаниями мы видим одну и ту же постоянную необходимость достичь знания; ведь человек ощущает нужду достичь единство этих трех терминов, даже если это может быть сделано лишь путем подавления двух из них или слияния в третьем. Делая это, человек либо утверждает себя как причину всего, а все остальное считает порождением своего разума, либо он утверждает только Природу, а все остальное считает ничуть не большим, чем явлением Природной энергии, либо он утверждает только Бога, Абсолют, а все остальное считает не более, чем иллюзией, которую тот набросил на себя или на нас при помощи необъяснимой Майи. Ни одно из этих отрицаний не может полностью удовлетворить, ни одно не решает полной проблемы или может быть бесспорным и определенным, — и менее всего то, к которому наиболее склонен интеллект, управляемый чувством, но в котором он не может долго удерживаться; отрицание Бога есть отрицание его поиска и его собственного верховного Окончательного. Века натуралистического атеизма всегда были краткими, потому что они никогда не могут удовлетворить тайное знание в человеке: это не может быть конечной Ведой, потому что это не соотносится с той Ведой, что всякое ментальное знание является трудом по выявлению; временами, когда ощущается потеря этого соответствия, решение, каким бы мастерским и логически полным оно бы ни было, предстает перед судом вечного Свидетеля в человеке и приговаривается; оно не может быть последним словом Знания.

Человек, каким он является, не достаточен для самого себя, а также не отделен и не является Вечным и Всем; поэтому сам по себе он не может служить объяснением космоса, по отношению к которому его разум, жизнь и тело с очевидностью являются бесконечно малыми деталями. Человек также находит, что и видимый космос не достаточен для себя, а также космос не объясняется даже с помощью невидимых материальных сил; ведь существует слишком многое, что человек обнаруживает как в мире, так и в себе, что находится за их пределами, по отношению к чему они кажутся лишь лицевой стороной, эпидермой или даже маской. Ни интеллект человека, ни его интуиция, ни его чувство не могут ничего поделать с Одним или Тожеством, по отношению к кому или к которому эти мировые силы и сам человек могут находиться в некоторой связи, поддерживающей их и придающей им значение. Человек чувствует, что должно существовать Бесконечное, которое поддерживает это конечное, находится во всем этом видимом космосе, за ним и вокруг него, основывает гармонию и взаимосвязь и сущностное тождество многочисленных вещей. Мышлению человека нужен Абсолют, от которого зависит существование этих бесчисленных и конечных относительностей, нужна окончательная Истина вещей, созидательная Мощь или Сила или Существо, зачинающее и поддерживающее все эти неисчислимы существа во вселенной. Пусть человек называет это как хочет, пусть это будет Всевышнее, Божественное, Причина, Бесконечное и Вечное, Постоянное, Совершенство, к которому все стремится и направляется, или Все, до которого вечно и невидимо доходит каждая вещь и без чего она не могла бы существовать.

И все же на самом деле человек не может утвердить этот Абсолют сам по себе, исключая две другие категории; ведь тогда он делает только насильственный скачок прочь от проблемы, из-за которой он находится здесь и которую он должен решить, и сам человек и космос остаются необъяснимой мистификацией или бесцельной мистерией.

Определенная часть интеллекта человека и его страстное желание покоя может умиротвориться таким решением, подобно тому, как его физический интеллект легко удовлетворяется отрицанием Запредельного и обожествлением материальной Природы; но сердце человека, его воля, наиболее сильные и мощные части не могут найти себе при этом места, они лишаются цели или оправдания, либо становятся просто беспорядочной глупостью, возбуждающей себя подобно тщетной и беспокойной тени против вечного чистого Существования или посреди вечного несознания вселенной. Что касается космоса, то при этом он носит исключительно особый характер тщательно сконструированной лжи Бесконечного, чудовищно настойчивой и все же не-существующей аномалии, болезненного и жалкого парадокса с фальшивой демонстрацией чудес и красоты и восторга. Или же космос — это грандиозная игра слепо организованной Энергии без смысла, а его временное бытие — это временно проходящая аномалия, непостижимо встречающаяся в бессмысленной обширности. На этом пути не находится удовлетворительного исполнения для сознания, энергии, проявившей себя в мире и человеке: разуму необходимо найти нечто, что связывает все вместе, нечто, при помощи которого Природа исполняется в человеке, а человек — в Природе, и то и другое находит себя в Боге, потому что Божественное окончательно само-раскрывается как в человеке, так и Природе.

Принятие, восприятие единства этих трех категорий существенно для Знания; именно к их единству, равно как к интегральности открыто растущее само-сознание индивида, и именно этого должен он достичь, чтобы удовлетвориться собой и быть полным. Ведь без реализации единства Знание ни одной из трех частей не может быть полным; их единство является для каждой части условием собственной интегральности. Опять же, при познании каждой части в ее полноте все три встречаются в нашем сознании и становятся одним; именно в тотальном знании все познанное становится одним и неделимым. Иначе только путем деления и отвержения двух из них могли бы мы обрести некое подобие тождества. Поэтому человек должен расширить свое знание о себе, знание о мире и знание о Боге, так чтобы в их тотальности он начал осознавать их взаимную присущность и тождество. Ведь до тех пор, пока человек знает их только по частям, будет неполнота, ведущая к делению, и пока он не реализовал их в примиряющем единстве, человек не найдет их тотальную истину или фундаментальное значение существования.

Нельзя сказать, что Верховный не само-существующ и само-достаточен; Бог существует в Себе и не благодаря космосу или человеку, тогда как человек и космос существуют благодаря Богу и не в себе, за исключением того, насколько их бытие едино с бытием Бога. Но все же человек и космос являются проявлением мощи Бога, и даже в Его вечном существовании их духовная реальность должна некоторым образом присутствовать или предполагаться, поскольку иначе не было бы возможности их проявления или, если они проявились, то не имели бы никакого значения. Что проявляется здесь в качестве человека, является индивидуальным существом Божественного; Божественное, расширенное во множественности, есть “я” всех индивидуальных существований. Более того, именно через знание “я” и мира достигает человек знания Бога и не может это сделать никак иначе. Не отвергая манифестацию Бога, а отвергая собственное неведение и результаты своего неведения, может он наилучшим образом приподнять и нацелить все свое существо и сознание и энергию и радость существа в Божественное Существование. Он может делать это через самого себя, одну манифестацию, или через вселенную, другую манифестацию. Достигая Божественное Существование исключительно через себя самого, человек может ввергнуться в индивидуальное погружение или поглощение в Невыразимом и потерять вселенную. Достигая Божественное Существование исключительно через вселенную, человек может утопить свою индивидуальность либо в безличностном вселенском бытии или в динамическом “я” вселенской Сознание-Силы; он сливается со вселенским “я” или становится безличностным каналом космической Энергии. Достигая Божественное Существование через равную интегральность того и другого и охватывая через них и за пределами них все аспекты Божественного, человек превышает вселенское и индивидуальное и исполняет их в этом превосхождении: он обладает Божественным в своем существе, точно также как он обволакивается, пронизан, наводнен и захвачен Божественным Бытием, Сознанием, Светом, Мощью, Восторгом, Знанием; он обладает Богом в себе и Богом во вселенной. Все-Знание оправдывает для него творение его самого и оправдывает при помощи совершенного человека творение мира. Все это становится полностью реальным и действенным благодаря подъему в супраментальную и верховную сверхприроду и благодаря спуску ее мощностей в манифестацию; и даже хотя это свершение все еще трудно и удалено, но истинное знание может быть сделано субъективно реальным при помощи духовного отражения или восприятия в разуме-жизни-теле Природы.

Но этой духовной истине и настоящей цели бытия человека дозволяется появиться лишь на позднем этапе его путешествия: ведь ранним подготовительным занятием человека в эволюционных шагах Природы является утверждать, делать отчетливой и богатой свою индивидуальность, обладать ею твердо, мощно и полно. Как следствие человек поначалу занят преимущественно своим эго. В этой эгоистической фазе эволюции для человека мир и “другие” менее важны, чем он сам, и в действительности важны лишь как помощники и повод для само-утверждения. На этой стадии Бог для человека менее важен, чем он сам, и поэтому в ранних формациях, на низших уровнях религиозного развития, Бог и боги трактуются так, как если бы они существовали для человека, как верховные инструменты для удовлетворения его желаний, как помощники в его задаче добиваться того, чтобы мир, в котором живет человек, удовлетворял бы его нуждам и желаниям и амбициям. Это первичное эгоистическое развитие со

всеми его грехами и насилием и грубостью никоим образом не должно считаться злом или ошибкой Природы; оно необходимо для первой работы человека, для обретения его собственной индивидуальности и совершенного высвобождения из низшего подсознательного, в котором человек подавлен массовым сознанием [mass-consciousness] мира и полностью подчинен механическим работам Природы. Человек как индивид должен утверждать, выделять свою личность вопреки Природе, могущественно быть самим собой, развивать все свои человеческие способности силы и знания и наслаждения, так чтобы он мог направить их на Природу и на мир со все большим и большим мастерством и силой; его само-разборчивый эгоизм был дан человеку в качестве средства для исполнения этой первичной цели. До тех пор, пока человек так не разовьет свою индивидуальность, свою персональность, свою отдельную способность, он не может быть пригоден для большей работы, открывающейся перед ним или не сможет успешно обратить свои способности на высшие, большие и более божественные цели. Человек должен утвердить себя в Неведении, прежде чем он сможет совершенствовать себя в Знании.

Ведь эволюционное появление из Несознательного вырабатывается под действием двух сил, тайного космического сознания и индивидуального сознания, проявленного на поверхности. Тайное космическое сознание остается тайным и сублиминальным по отношению к поверхностному индивиду; оно организуется на поверхности посредством создания отдельных объектов и существ. Но в то время как оно организует отдельный объект и тело и разум индивидуального существа, оно также создает коллективные мощности сознания, которые являются субъективными образованиями космической Природы; но оно не снабжает их организованным разумом и телом, оно базирует их на группе индивидов, развивает для них групповой разум, меняющееся и все же непрерывное групповое тело. Следовательно, только по мере того как индивиды становятся все более и более сознательными, может также и групповое существо становиться все более сознательным; рост индивида является совершенно необходимым средством для этого внутреннего роста, в отличие от роста внешней силы и экспансии коллективного существа. Двойная важность индивида заключается как раз в том, что именно через него космический дух организует свои коллективные единицы и делает их само-выражающими и последовательно развивающимися, и именно через индивида космический дух поднимает Природу из Несознания к Сверхсознанию и возвышает ее, чтобы встретить Трансцендентное. В своей массе коллективное сознание ближе к Несознательному; оно имеет подсознательное, темное и немое движение, которому требуется индивид, чтобы выразить его, принести его к свету, организовать его и сделать его действенным. Массовое сознание само по себе движимо смутным, полу-оформленным или неформленным сублиминальным и обычно подсознательным импульсом, поднимающимся к поверхности; оно склонно к слепому или полувидящему единодушию, которое подавляет индивида в общем движении: если оно думает, то делает это при помощи лозунгов, девизов, призывов, общей грубой или внешней идеи, традиционного и повсеместно принятого представления; оно действует, если не по инстинкту или импульсу, то по правилу массы, стадной ментальности, типового закона. Это массовое сознание, жизнь, действие может быть чрезвычайно действенным, если оно найдет индивида или несколько мощных индивидов для того, чтобы воплотить его, выразить, провести, организовать; внезапные массовые движения временами могут быть непреодолимыми, подобно движению лавины или порыву бури. Подавление или полное подчинение индивида массовому сознанию может придать большую практическую эффективность нации или сообществу, если сублиминальное коллективное существо сможет построить крепкие традиции или найти группу, класс, главу для воплощения своего духа и направления; сила мощных милитаристских государств, сообществ со строгой и суровой культурой, жестко наложенной на индивидов, успех великих завоевателей мира имели за собой этот секрет Природы. Но все это эффективно для внешней жизни, и эта жизнь не является высочайшим или последним выражением бытия. В нас есть разум, есть душа и дух, и наша жизнь не имела бы настоящей ценности, если не содержала бы в себе растущего сознания, развивающегося разума, и если жизнь и разум не являлись бы выражением, инструментами, средствами освобождения и исполнения души, внутреннее пребывающего Духа.

Но успехи разума, рост души, даже рост разума и души коллективности, зависят от индивида, от его достаточной свободы и независимости, от его отдельной мощности выражать и приносить в бытие то, что еще не выражено в массе, все еще не развито из подсознания или еще не вынесено изнутри или не спущено из Сверхсознания. Коллектив — это масса, поле формирования; индивид — это прорицатель истины, делатель формы, творец. В толпе индивид теряет свое внутреннее направление и становится клеткой массового тела, движимого коллективной волей или идеей или массовым импульсом. Индивид должен отстраняться, утверждать свою отдельную реальность в целом, свой собственный разум, всплывающий из общей ментальности, свою собственную жизнь, отличающую себя в общем жизненном единообразии, подобно тому как иногда он развивает уникальное тело, резко выдающееся на фоне общей физичности. Индивид даже должен в конце концов отойти в себя, чтобы найти себя, и только тогда, когда он обрел себя, может индивид стать духовно одним со всем; если он пытается достичь этого тождества в разуме, в витальном, в физическом, и еще не имеет достаточно сильной индивидуальности, то может быть задавлен массовым сознанием и упустить свое исполнение души, исполнение разума, исполнение жизни, стать только клеткой массового тела. Тогда коллективное существо может стать сильным и доминирующим, но скорее всего оно потеряет свою пластичность, свое эволюционное движение: великие эволюционные периоды человечества приходились на

сообщества, в которых индивид становится активным, ментально, витально или духовно живым. По этой причине Природа изобрела эго, чтобы индивид смог высвободить себя из несознания или подсознания массы и стать независимым живущим разумом, жизненной мощью, душой, духом, мог координировать себя с миром вокруг себя, но не быть втянутым в него и не быть отдельно несуществующим и недееспособным. Ведь на самом деле индивид составляет часть космического существа, но он также есть нечто большее, он — это душа, которая спустилась из Трансценденции. Все это индивид не может проявить сразу же, потому что он слишком близок к космическому Несознанию, а также недостаточно близок к изначальному Сверхсознанию; он должен обрести себя как ментальное и витальное эго, прежде чем сможет обрести себя как душу или дух.

Все же, обрести свою эгоистическую индивидуальность не означает узнать себя; настоящий духовный индивид — это не разум-эго, не жизнь-эго, не тело-эго: это первое движение является преимущественно работой воли, мощи, эгоистического само-задействия, и лишь во вторую очередь — работой знания. Поэтому должно прийти время, когда человек должен заглянуть под темную поверхность своего эгоистического существа и попытаться поднять себя; он должен поставить себе целью найти в себе настоящего человека: без этого он навсегда останется в первом классе школы Природы и никогда не приступит к ее более глубоким и большим учениям; какими бы великими не были его практическое знание и эффективность, человек будет лишь чуть выше животного. Прежде всего, человек должен обратить свой взор на собственную психологию и различит свои природные элементы — эго, разум и его инструменты, жизнь, тело — прежде чем он не откроет, что его полному существованию требуется иное объяснение, чем работа природных элементов, и цель их деятельности иная, нежели чем эгоистическое само-утверждение и удовлетворение. Человек может искать эту цель в Природе и человечестве и таким образом стать на путь открытия своего единства с остальным миром: он может искать ее в сверхприроде, в Боге, и таким образом стать на путь открытия своего единства с Божественным. Практически человек пробует оба пути и, непрестанно колеблясь, стремится зафиксировать себя в последовательных решениях, наилучшим образом соответствующих тем разнообразным частным открытиям, которые он сделал на своем двойном пути поисков и обретений.

Но то, что человек постоянно стремится на этой стадии открыть, познать, исполнить — это он сам; его познание Природы, его познание Бога — только вспомогательные ступеньки к само-знанию, к совершенствованию своего бытия, к достижению верховной цели своего индивидуального само-существования. Это стремление, направленное к Природе и космосу, может принять форму само-познания, само-мастерства, — в ментальном и витальном смысле, — и господства над миром, в котором мы находим себя: направленное к Богу, он также может принять эту форму, но в высшем духовном смысле мира и “я”, или же это стремление может вылиться в форму, хорошо известную и решающую для религиозного разума, — в стремление к индивидуальному освобождению, будь то на запредельных небесах или путем отдельного погружения в верховное “я” или верховное не-Я, — блаженство или Нирвану. Однако везде здесь именно индивид ищет индивидуального само-знания и цели своего отдельного существования, и на это нацелено все остальное: даже альтруизм и любовь и служба человечеству, само-умаление или само-уничтожение добавляются, — с какой бы ни было тонкой маскировкой, — как помощники и средства к этому одному великому занятию реализуемой индивидуальности. Этот процесс может казаться только расширением эгоизма, и тогда отдельное эго покажется истиной существа человека, выживаемым до конца или до тех пор, пока человек не освободится от него путем само-угасания в лишенной черт вечности Бесконечного. Но за всем этим кроется более глубокая тайна, которая оправдывает индивидуальность и ее требования, тайна духовного и вечно индивидуального, Пуруши.

Именно благодаря духовной Персоне, Божественности в индивиде, это совершенство или освобождение, — спасение, как говорят на Западе, — должно быть индивидуальным, а не коллективным; ведь какое бы совершенство коллектива ни искалось, оно может прийти лишь с совершенством индивидов, составляющих коллектив. Именно потому что индивид есть Тот, найти себя — его великая необходимость. В своей полной сдаче и само-отдаче Верховному именно индивид находит свое совершенное само-обретение и само-назначение. При уничтожении ментального, витального, физического эго, даже духовного эго именно бесформенный и беспредельный Индивид завладевает покоем и радостью своего ухода в собственную бесконечность. В переживании того, что он есть ничто и никто, или все и каждый, или Один за пределами всех вещей и абсолютный, именно Брахман в индивиде осуществляет Йогу, это грандиозное слияние или это изумительное соединение своей вечной единицы бытия со своим обширным все-охватывающим или верховным все-превосходящим единством вечного существования. Выйти за пределы эго — императив, но никто не может выйти за пределы я, — кроме как обретя его верховно, универсально. Ведь “я” — это не эго, “я” одно со Всем и Одним и, находя его, мы открываем Все и Одно в нашем я: исчезает противоречие, отделение, но остается “я”, духовная реальность, объединенная с Одним и Всем в ходе этого освобождающего исчезновения.

Поэтому высшее само-познание начинается тогда, когда человек выходит за пределы своего занятия связью между Природой и Богом со своим поверхностным существом, своим наиболее видимым я. Один шаг — это узнать, что эта жизнь — еще не все, получить представление о своей собственной временной вечности, реализовать, конкретно осознать субъективное выживание, которое называется бессмертием души. Когда человек знает, что существу-

ют состояния за пределами материального и что были уже прожитые жизни и будут следующие, то есть, во всяком случае, есть пред-существование и последующее существование, тогда человек подготавливается к тому, чтобы отбросить свое временное неведение путем расширения себя за пределы текущих моментов Времени в обладание собственной вечностью. Другой шаг вперед — это понять, что поверхностное пробужденное состояние человека — только малая часть его бытия, это начать зондировать пучины Несознательного и глубины подсознательного и сублиминального и взбираться на высоты сверхсознательного; так человек начинает устранять психологическое само-неведение. Третий шаг — это обнаружить, что существует нечто в человеке, что отлично от его инструментального разума, жизни и тела, что существует не только бессмертная вечно развивающаяся душа, поддерживающая природу человека, но существует и вечное неизменное “я” и дух, это познать категории своего духовного существа, пока человек не откроет, что все в нем является выражением духа и не распознает между низшим и высшим существованием; таким образом человек начинает устранять свое конституционное само-неведение. Открывая я и дух, он открывает Бога; он находит, что существует “я” за пределами временного: человек приходит к видению этого “я” в космическом сознании в качестве божественной Реальности за природой и этим миром существ; его разум открывается к мышлению или ощущению Абсолюта, чьи многочисленные миры составляет “я” и индивид и космос; космическое, эгоистическое, изначальное неведение начинает терять твердую опору в таком человеке. При стремлении человека отлить свое существование в форму этого расширенного знания постепенно модифицируется и трансформируется его полный взгляд и мотив жизни, мышления и действия; уменьшается его практическое неведение о себе, о своей природе и о своей цели: человек сделал свой первый шаг по пути, ведущему из лжи и страдания ограниченного и частного в совершенное обладание и наслаждение истинного и полного существования.

В ходе этого продвижения человек шаг за шагом открывает единство тех трех категорий, с которых он стартовал. Ведь сначала он находит, что его проявленное существо едино с космосом и Природой; разум, жизнь и тело, душа в последовательности Времени, сознательное, подсознательное, сверхсознательное, — все это в своих разнообразных связях и результатах этих связей составляет космос и Природу. Но человек также обнаруживает, что во всем, что стоит за этим или на чем это базируется, он един с Богом; ведь Абсолют, Дух, “я” внепространственное и безвременное, Я, проявленное в космосе и Господь Природы, — все это есть то, что подразумевается под Богом, и во всем этом собственное существо человека уходит назад в Бога и выводится из него; это Абсолют, “я”, Дух, самоспроецированный во множественности самого себя в космос и завуалированный в Природе. Во всех этих реализациях человек находит свое единство со всеми другими душами и существами, — относительное единство в Природе, поскольку он един с ними в разуме, витальности, материи, душе, каждом космическом принципе и результате, какое бы ни было разнообразие в энергии и действии энергии, каким бы ни было положение принципа и распределение результата, но абсолютное единство — в Боге, потому что один Абсолют, одно “я”, один Дух является навечно Я всего, и является источником, обладателем и наслаждающимся их многочисленным разнообразием. Единство Бога и Природы не может потерпеть неудачу в том, чтобы проявить себя для человека: ведь человек в конечном итоге обнаруживает, что он и есть Абсолют, ставший всеми этими относительностями; он видит, что по отношению к Духу любой другой принцип является проявлением; человек открывает, что именно “я” стало всеми этими становлениями; человек чувствует, что именно Шакти или Мошь бытия и сознания Господа всех существ является Природой и действует в космосе. Таким путем, увеличивая наше само-знание, мы достигаем то, открыв которое все становится известным как единое с нашим “я” и, обладая которым, мы обладаем всем и наслаждаемся всем в нашем собственном само-существовании.

Равным образом, благодаря этому же единству, знание вселенной должно вести разум к тому же самому большему откровению. Ведь человек не может познать Природу в качестве Материи и Силы и Жизни без того, чтобы тщательно не исследовать связь ментального сознания с этими принципами, и раз уж человек знает настоящую природу разума, то он неизбежно должен идти за пределы любой поверхностной видимости. Он должен найти волю и интеллект, тайно сокрытые в работах Силы и действующие в материальных и витальных явлениях; человек должен воспринять это как одно в пробужденном сознании, в подсознательном и сверхсознательном: он должен найти душу в теле материальной вселенной. Исследуя природу через эти категории, в которых он распознает свое единство с остальным космосом, человек распознает Сверхразум за всем тем, что видится, находит верховную мощь Духа во Времени и за пределами Времени, в Пространстве и за пределами Пространства, распознает сознательную Мошь “я”, кто при помощи Природы становится всеми становлениями, находит Мошь Абсолюта, который благодаря Природе проявляет все относительности. Другими словами, человек познает Природу, не только как материальную Энергию, Жизненную Силу, Энергию Разума, многие лики Природы, но и как мощь Знания-Воли Божественного Господа бытия, как Сознательную Силу само-существующего Вечного и Бесконечного.

Поиск человеком Бога, который в конце концов становится наиболее захватывающим и увлекающим из всех поисков, начинается с первых смутных вопросов, задаваемых Природе, и с ощущения чего-то невидимого как в самом человеке, так и в ней. Пусть даже, как утверждает Наука, религия начинается с анимизма, поклонения духам, поклонения демонам и обожествления природных сил, но все эти первые формы только воплощают в примитивных

образах сокрытую интуицию в подсознательном, темное и невежественное ощущение сокрытых влияний и непредсказуемых сил, или же смутное ощущение существа, воли, интеллекта в том, что кажется несознательным, ощущение невидимого за видимым, ощущение тайно сознательного духа в вещах, распределяющего себя в каждой работе энергии. Темная и примитивная неадекватность первых восприятий не снижает ценности или истины этого великого поиска человеческого сердца и разума, поскольку все наши поиски, — включая саму Науку, — должны стартовать с темного и невежественного восприятия сокрытых реальностей и должны далее проследовать ко все более и более светлому видению Истины, которая поначалу приходит к нам замаскированной, задрапированной, завуалированной туманом Неведения. Антропоморфизм — это образное распознавание той истины, что человек, такой, какой он есть потому, что Бог такой, какой Он есть, и что существует одна душа и одно тело вещей, и что человечество, даже в его неполноте является наиболее полной манифестацией, достигнутой здесь и до сих пор. То, что он видит везде себя самого и поклоняется этому как Богу — также верно; но и здесь также человек начинает путаться, ведомый наощупь рукою Неведения, — то, что его бытие и Бытие едино, является частным отражением Того, и что найти свое величайшее “я” повсюду — это найти Бога и подойти ближе к Реальности в вещах, Реальности всего существования.

Единство за разнообразием и разногласием — это тайна множественности человеческих религий и философий; ведь все они воспринимают некоторый образ или находят некий побочный ключ, воспринимают прикосновение некоторой части одной Истины или постигают один из мировых ее аспектов. Видят ли они смутно материальный мир как тело Божественного, или видят жизнь как великую пульсацию дыхания Божественного Существования, или видят все вещи как мысли космического Разума, или постигают, что существует Дух, больший, чем эти вещи, что он — их более тонкий и все же более чудесный источник и творец, — находят ли они Бога только в Несознательном или как одного Сознательного в несознательных вещах или как невыразимое сверхсознательное Существование, для того чтобы достичь которое должны мы покинуть наше земное бытие и аннулировать разум и жизнь и тело, или, превосходя разделения, видят они, что Он есть все это сразу и принимают мужественно большие последствия этого видения, — поклоняются ли они Ему с универсальностью как космическому Существу или ограничивают Его и себя, подобно Позитивистам, только человечеством, или, напротив, уносясь видением безвременного и беспространственного Неизменного, отказываются Ему в Природе и Космосе, — поклоняются ли они Ему в разнообразных странных или прекрасных или преувеличенных формах человеческого эго или за Его совершенное обладание качествами, к которым человек устремляется, поклоняются ли его Божественности, обнаруживаемой ими как верховная Мощь, Любовь, Красота, Истина, Правильность, Мудрость, — воспринимают ли они Его как Господина Природы, Отца и Создателя, или как саму Природу и вселенскую Мать, преследуют ли Его как Возлюбленного и притягателя душ или следуют Ему как сокрытому Мастеру всех работ, падают ли ниц перед одним Богом или многогранным Божеством, одним божественным Человеком или одним Божественным во все людях, или, более широко, открывают ли Одного, чье присутствие позволяет нам становиться едиными в сознании или в работах или в жизни со всеми существами, объединяться со всеми вещами во Времени и Пространстве, объединяться с Природой и ее влияниями и даже с ее неживыми силами, — за всем эти всегда должна стоять одна и та же истина, потому что все есть одно Божественное Бесконечное, которого все ищут. Поскольку все есть тот Один, то должно быть бесчисленное разнообразие в человеческих подходах к его обладанию; было необходимо, что человек должен был находить Бога так разнообразно, чтобы он смог подойти к тому, чтобы познать Его полностью. Но только когда знание достигает своих высочайших перспектив, только тогда становится возможным достичь величайшего единства. Наиболее широкое и высокое знание является наимудрейшим; ведь тогда все знание объединяется в одном охватывающем значении. Все религии видятся как приближения к единственной Истине, все философии — как расходящиеся точки зрения, взирающие на различные стороны единственной Реальности, все науки сливаются вместе в одну верховную Науку. Ведь все то, что ищут в познании разум и чувство, обретается наиболее интегрально в единстве Бога и человека и Природы и все это находится в Природе.

Брахман, Абсолют есть Дух, безвременное “я”, “я”, обладающее Временем, Господь Природы, создатель космоса, составляющий его и имманентно присутствующий во все существованиях, Душа, из которой вышли все души и куда они отходят, — эта истина Бытия видится высочайшей в человеческих представлениях о Боге. Тот же самый Абсолют обнаруживается во всех относительностях, Дух, воплощающий Его самого в космическом Разуме и Жизни и Материи, чьим энергетическим “я” является Природа, так что все, что кажется созданным ею, является “я” и Духом, разнообразно проявленным в Его собственном бытии Его собственной сознательной силой ради восторга Его разнообразного существования, — к этой истине бытия ведет человека его познание Природы и космоса, и этой истины человек достигает, когда его знание Природы объединяется со знанием Бога. Эта истина Абсолюта является оправданием мировых циклов; это не их отрицание. Это Само-Бытие, ставшее всеми этими становлениями; “я” есть вечное единство всех этих существований, — “я” есмь Он. Космическая энергия является ни чем иным, как сознательной силой того Само-сущего: при помощи этой энергии он принимает свои неисчислимые формы через вселенскую природу; через свою божественную природу он может, охватывая вселенское, но оставаясь трансцендентным по отношению к нему, достичь в них индивидуального обладания своим полным существованием, когда его

присутствие и мощь чувствуются в одном, во всем и в связях одного со всем; — к этой истине бытия поднимается и расширяется человеческое знание о себе в Боге и Природе. Трединое знание, полное знание Бога, полное знание себя, полное знание Природы дает человеку его высочайшую цель; оно придает обширный и полный смысл труду и усилию человечества. Сознательное единство трех, Бога, души и Природы в собственном сознании человека является надежным основанием его совершенства и его реализации всех гармоний: это будет его высочайшим и широчайшим состоянием, статусом божественного сознания и божественной жизни и подходом к поворотной точке полной эволюции человеческого само-знания, знания мира и знания Бога.

ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС - ВОСХОЖДЕНИЕ и ИНТЕГРАЦИЯ

По мере того, как он поднимался от вершины к вершине ... Индра осведомлял его о цели движения.

Риг Веда (I.10.2)

Сын двух Матерей, он достиг королевского сана в познании, он пришел на самый верх, он пребывает в своем высочайшем основании.

Риг Веда (III.55.7)

“я” поднялся с земли в срединный мир, я поднялся с срединного мира в небеса, с уровня небес “я” отправился в высочайший мир, Свет¹.

Яджар Веда (17.67)

Теперь возможно и необходимо, поскольку мы сформировали достаточно ясную идею о важности эволюционной манифестации в земной природе и важности окончательного поворота, который происходит или которому суждено произойти, уделить больше внимания принципам того процесса, благодаря которому манифестация достигла теперешнего уровня, и в ходе которого, предположительно, с какими-то модификациями, произойдет окончательное развитие, переход от нашего все еще преобладающего ментального неведения к супраментальному сознанию и интегральному знанию. Ведь мы находим, что космическая Природа неизменна по части общего закона действия, поскольку это действие зависит от Истины вещей, неизменной в принципе, но обильно изменчивой в деталях осуществления. Вначале, мы можем легко увидеть, что, поскольку эволюция происходит из материального Несознания в духовное сознание, происходит эволюционное само-построение Духа на базе Материи, то этот процесс развития должен иметь тройной характер. Совершенно обязательным физическим основанием является эволюция форм Материи, становящихся все более и более тонко и сложно-организованными, так чтобы допустить действие растущей, все более и более сложной и тонкой организации сознания, становящейся все более способной. Восходящее вверх эволюционное продвижение самого сознания от одной ступени к другой, более высокой ступени, восхождение, очерчивает явно различимые витки спирали, которые, на этом основании, должны описывать эволюцию. Чтобы эволюция была действенной, на каждой более высокой ступени она должна вбирать все то, что было ранее развито, трансформировать это более или менее полно, так чтобы сделать доступной тотально измененную работу целостного существа и природы, и осуществлять интеграцию.

Концом этого тройного процесса должно быть радикальное преобразование действия Неведения в действие Знания, преобразование нашего базиса несознания в базис полного сознания, — эта полнота существует сейчас лишь в том, что для нас сверхсознательно. Каждое восхождение будет нести с собой частное изменение и модификацию старой природы, захваченной и подчиненной новому фундаментальному принципу; несознание будет обращено в частичное сознание, неведение, ищущее все больше и больше знания и мастерства; но в некоторой точке должно произойти такое восхождение, которое заменит несознание и неведение на принцип знания, фундаментально истинное сознание, сознание Духа. Эволюция в Несознании — это начало, эволюция в Неведении — середина, но в конце — высвобождение духа в свое истинное сознание и эволюция в Знании. Вот в действительности что мы находим законом и методом того процесса, которого до сих пор придерживалась эволюционная Природа, и есть все признаки того, что и в дальнейшем она будет следовать им же. Первое инволюционное основание, в котором берет начало все то, что должно эволюционировать, появление и действие инволюционных мощностей в или на том основании в восходящем ряде, и кульминационное появление высочайшей мощности всего в качестве агента верховной манифестации — все составляет необходимые стадии путешествия эволюционной Природы.

В некотором перво-учрежденном базисном принципе бытия или субстанции эволюционный процесс должен быть развитием нечто такого, что это принцип уже держит в себе в инволюционном состоянии или же допускает со стороны и модифицирует в ходе этого допущения; ведь он неизбежно должен модифицировать собственным законом природы все то, что входит в него и еще не является частью его собственной природы. Это должно быть так, даже если именно созидательная эволюция в смысле появления всегда новых мощностей существования не родственна первому основанию, а введена в него, принята в изначальную субстанцию. Если, напротив, уже присутствует в инво-

¹ Четыре плана: Материя, Жизнь, чистый Разум и Сверхразум.

люции, — присутствует в первом основании, но еще не проявленным или еще не организованным, — новый принцип мощи существования, который должен быть развит, тогда, при своем появлении, он все еще должен будет принять модификацию, накладываемую природой и законом базисной субстанции: но также и он будет модифицировать ту субстанцию собственной мощью, собственным законом природы. Далее, если нисходит новый принцип, уже установленный в свою полную силу над полем эволюции, и давит на то поле, чтобы завладеть им, тогда новая мощь может утвердиться даже как доминирующий элемент и существенно или радикально изменить сознание и действие мира, в котором она появляется или в который она вступает. Но сила этой мощи модифицировать или изменять или революционизировать закон и работу изначальной субстанции, выбранной в качестве эволюционной матрицы, будет зависеть от ее собственного могущества. Невероятно, что она будет способной произвести полную трансформацию, если сама по себе она не является изначальным Принципом Существования, если она — только выводимая, инструментальная мощь, а не первое могущество.

Здесь эволюция происходит в материальной вселенной; основанием, изначальной субстанцией, первым все-обуславливающим статусом служит Материя. Разум и Жизнь развиты в Материи, но их действие там ограничено и модифицировано обязательством использовать субстанцию Материи в качестве своего инструмента и подчинением закону материальной Природы, даже если они модифицируют то, что они используют. Ведь на самом деле они трансформируют субстанцию Материи, сначала — в живую субстанцию и затем - в сознательную субстанцию; они преуспевают в том, чтобы преобразовать ее инерцию, недвижимость и несознание в движение сознания, чувствования и жизни. Но они не преуспевают в том, чтобы полностью ее трансформировать; они не могут сделать ее всецело живой и всецело сознательной: развивающаяся живая природа ограничена смертью; развивающийся разум материализован, как и витализован; он находит, что его корни уходят в несознание, что он ограничен неведением: он движим неконтролируемыми жизненными силами, которые управляют им и используют его, он механизирован физическими силами, от которых зависит его само-выражение. Это знак того, что ни Разум, ни Жизнь не являются изначальной созидательной Мощью; они, подобно Материи, посредники, последовательные и серийные инструменты эволюционного процесса. Если материальная энергия не является той изначальной Мощью, то мы должны поискать ее в нечто над Разумом и Жизнью; должна существовать более глубокая оккультная Реальность, которая еще должна раскрыть себя в Природе.

Должна существовать изначальная созидательная или эволюционная Мощь; но, хотя Материя и является первой субстанцией, но изначальная и окончательная Мощь — это не несознательная материальная Энергия; ведь тогда отсутствовали бы жизнь и сознание, поскольку Несознание не может развить сознание, а также неоживленная Сила не может развить жизнь. Поэтому, поскольку Разум и Жизнь также не могут быть этим, то должно существовать тайное Сознание, большее, чем Сознание Жизни или Сознание Разума, Энергия, более сущностная, чем материальная Энергия. Поскольку это есть нечто большее, чем Разум, то это должно быть супраментальное Сознание-Сила; поскольку это мощь сущностной субстанции, отличной от Материи, то она должна быть мощью того, что является верховной сущностью и субстанцией всех вещей, мощью Духа. Существует созидательная энергия Разума и созидательная Жизненная Сила, но они инструментальны и частичны, не изначальные и не решающие: Разум и Жизнь в действительности модифицируют материальную субстанцию, которую они населяют, и модифицируют ее энергии и не просто определяются ими, но пределы и способ этой материальной модификации и определения зафиксированы населяющим и все-содержащим Духом через тайно пребывающий свет и силу Сверхразума, оккультного гнозиса, — невидимое само-знание и все-знание. Если суждено быть полной трансформации, то она может быть проделана путем полного появления закона Духа; мощь Сверхразума или гнозиса должна войти в Материю и развиваться там. Она должна преобразовать ментальное существо в супраментальное, сделать несознательное в нас сознательным, одухотворить нашу материальную субстанцию, учредить закон гностического сознания в нашем целостном эволюционном существе и природе. Это должно быть вершающее появление или, по меньшей мере, это та стадия в появлении, которая впервые решительно преобразует природу эволюции путем трансформации действия Неведения и базиса Несознания.

Это движение эволюции, постепенной само-манifestации Духа в материальной вселенной, должно на каждом шагу считаться с фактом инволюции сознания и силы в форме и деятельности материальной субстанции. Ведь эволюция следует путем пробуждения инволюционного сознания и силы путем восхождения от принципа к принципу, от ступени к ступени, от мощи к мощи тайного Духа, но это не свободный переход к более высокому статусу. Закон действия, сила действия каждой ступени или мощности в ее возникновении определяется не только собственным свободным, полным и чистым законом природы или напором энергии, но частично и материальной организацией, представленной этой энергией, и частично собственным статусом, достигнутой степенью, завершенным фактом сознания, которое оно было способно наложить на Материю. Действенность этой энергии некоторым образом определяется балансом между достигнутым размахом эволюционного появления и противодействующим размахом, до которого возникающая мощность все еще охвачена, пронизана, преуменьшена преобладанием и сохраняющейся хваткой Несознания. Как мы видим, разум — это не чистый и свободный разум, а разум, затемненный и преуменьшен-

ный охватывающим незнанием, разум, трудящийся и сражающийся за извлечение знания из этого незнания. Все зависит от более или менее вовлеченного или более или менее развитого окружения сознания, -совершенно инволюционного в несознательной материи, балансирующего на грани инволюции и сознательной эволюции в первых неживотных формах жизни в материи, сознательного развитого, но чрезвычайно ограниченного и стесненного в разуме, населяющем живое тело, предначертанном быть полностью развитым путем пробуждения Сверхразума в воплощенном ментальном существе и природе.

Каждой ступени в этом ряду достигнутого развивающимся Сознанием принадлежит соответствующий класс существования, — одна за другой появляются материальные формы и силы, растительная жизнь, животные и полуживотный человек, развитые человеческие существа, несовершенно развитые или более развитые духовные существа: но вследствие непрерывности эволюционного процесса нет твердого разделения между ними: каждое новое достижение или образование вбирает то, что было прежде. Животное вбирает в себя живую и неживотную Материю; человек вбирает и то и другое вместе с животным существованием. Существуют разделяющие полосы, оставленные переходным процессом или отделяющие разграничения, установленные фиксированной привычкой Природы: но эти разграничители отличают один ряд от другого, служат, возможно, тому, чтобы препятствовать выпадению того, что было развито, они не прерывают и не обрывают непрерывность эволюции. Развивающееся Сознание переходит от одной ступени к другой или от одного ряда шагов к другому либо в ходе неуправляемого процесса, либо с помощью некоторого скачка или кризиса; либо, возможно, при помощи вмешательства свыше, — некоторое нисхождение или воодушевление или влияние с высших планов Природы. Но, какими угодно средствами, Сознание, тайно населяющее Материю, оккультный Обитатель, может таким способом проложить себе путь наверх от низших к более высоким градациям, вбирая то, чем оно было, в то, чем оно сейчас является и готовясь вобрать и то и другое в то, чем оно будет. Таким образом, заложив сначала фундамент материального бытия, материальных форм, сил, существований, в которых оно кажется лежащим несознательным, хотя на самом деле, как мы теперь знаем, оно всегда там подсознательно за работой, Сознание способно проявить жизнь и живых существ, проявить разум и ментальных существ в материальном мире и должно поэтому быть способным проявить там и Сверхразум и супраментальных существ. Так был достигнут современный статус эволюции, в котором человек теперь является видимой кульминацией, но не настоящим окончательным верхом; ведь человек сам является переходным существом и стоит в поворотной точке целостного движения. Эволюция, являясь сознательной, должна в каждый данный момент иметь прошлое с фундаментальными результатами, которые все еще ясно видны, должна иметь настоящее, в котором вырабатываемые результаты находятся в процессе становления, и должна иметь будущее, в котором должны появиться еще неразвитые мощности и силы бытия и развиться до своей полной и совершенной манифестации. Прошлое заключает в себе историю медленной и трудной подсознательной работы с результатами, представленными на поверхности, — это была подсознательная эволюция; настоящее — это срединная стадия, неопределенная спираль, в которой тайная эволюционная Сила бытия использует человеческий интеллект для своего действия, в котором то принимает участие, до конца не понимая того, что же он на самом деле делает — это эволюция, медленно начинающая осознавать самую себя; будущее должно быть все более и более сознательной эволюцией духовного существа, пока оно наконец не будет выпущено в само-сознающее действие благодаря появившемуся гностическому принципу.

Первое основание в этом появлении, создание форм Материи, сначала несознательных и неживотных, затем форм живой и думающей Материи, появление все более и более организованных тел, приспособленных выражать все большую мощь сознания, было изучено Наукой с физической точки зрения, со стороны построения формы; но очень малый свет был пролит на внутреннюю сторону, на сторону сознания, и то малое, что было увидено, относится скорее к физическому базису и инструментарию, чем к последовательным операциям Сознания в его собственной природе. В этой эволюции, насколько она была увидена, хотя и присутствует непрерывность, — ведь Жизнь включает в себя Материю и Разум вбирает субментальную Жизнь, Разум интеллекта вбирает разум жизни и ощущения, — скачок от одной ступени сознания к другой кажется нам грандиозным, кажется невозможным пересечь эту пропасть будь то по мосту или перепрыгнув ее; нам не удастся открыть какое-либо осязаемое или удовлетворительное доказательство достижений эволюции в прошлом или найти путь, которым это было достигнуто. Даже во внешней эволюции, даже в развитии внешних форм, где данные легко видны, есть пропущенные звенья, которых всегда недостает; но в эволюции сознания этот переход еще труднее объяснить, поскольку он кажется скорее трансформацией, чем переходом. Однако, может быть, что из-за нашей неспособности проникнуть в подсознательное, прозондировать субментальное или достаточно понять низшую ментальность, отличную от нашей, мы не можем увидеть маленькие ступеньки, не только в пределах одного уровня сознания, но и на границе между ними: ученые, которые на самом деле тщательно исследовали физические данные, пришли к вере в непрерывность эволюции, несмотря на пропасти и утерянные звенья; если мы аналогично сможем исследовать внутреннюю эволюцию, то, без сомнения, откроем возможность и способ этих грандиозных переходов. Но все же существует реальная, радикальная разница между одной ступенью и другой, разница настолько большая, что переход от одной к другой кажется новым творе-

нием, скорее чудом метаморфоз, чем естественным предсказуемым развитием или спокойным переходом от одного состояния бытия к другому с ясно отмеченными шагами, легко выстраиваемыми в одну последовательность.

Эти пропасти кажутся более глубокими, но менее широкими, если мы поднимаемся по шкале Природы. Если есть рудименты жизненной реакции в металле, как недавно было заявлено, то она по своей сущности может быть идентична жизненной реакции в растении, но то, что может быть названо витально-физической разницей, настолько значительно, что одно кажется нам неживленным, а другое, хотя и не являющееся видимо сознательным, может быть названо живым созданием. Между высшими формами растений и низшими формами животных пропасть кажется еще глубже, ведь это разница между разумом и полным отсутствием какого-либо видимого или даже зачаточного движения разума: в одном веществе ментального сознания не пробуждено, хотя присутствует жизнь витальных реакций, подавленная или подсознательная или, возможно, только субментальная вибрация ощущения; в другом, хотя жизнь поначалу менее автоматична и надежна в подсознательном способе жизни и на своем пути неперекрытого сознания несовершенно определена, но все же разум пробужден, — есть сознательная жизнь, сделан значительный переход. Но общность явлений жизни растения и животного, какой бы разной ни была их организация, сужает пропасть, даже если она и не наполняет ее глубину. При переходе от высшего животного к низшему человеку должна быть преодолена еще более глубокая пропасть, это пропасть между чувственным разумом [sense-mind] и интеллектом: ведь как бы мы ни настаивали на примитивной природе дикаря, но мы не можем изменить тот факт, что наиболее примитивное человеческое существо имеет над и за пределами чувственного разума, эмоциональной витальности и первичного практического интеллекта, которые мы связываем с животными, человеческий интеллект и способен, — хотя бы в каких-то пределах, — на рефлексивную, идеи, сознательное изобретение, религиозное и этическое мышление и чувство, на любую фундаментальную вещь, на которую способно человечество и раса; дикарь имеет тот же самый тип интеллекта, а различие состоит только в прошлом наставлении и формирующем общении и степени развития тот или иной способности, силы и активности. Все же, несмотря на разделяющие борозды, мы более не можем предполагать, что Бог или некий Демиург наштамповал уже готовые виды и породы, наделил их телом и сознанием и оставил все так, как получилось, взглянул на свою работу и сказал, что она удалась. Становится очевидным, что тайно сознательная или несознательная Энергия творения вызвала быстрый или медленный переход, какими бы то ни было средствами, с помощью каких угодно приспособлений, биологической, физической или психологической машинерии, — возможно, делая это, она не заботилась о сохранении тех форм, которые были лишь переходными ступенями и больше не несут какого-либо назначения, а также не служат какой-либо цели эволюционной Природы. Но это объяснение скачков является лишь чуть большим, чем гипотеза, которую мы не можем достаточно обосновать. В любом случае, вероятно, что причину этих радикальных различий следует искать в работе внутренней силы, а не во внешнем процессе эволюционного перехода; если мы взглянем на него более глубоко с этой внутренней стороны, то исчезнет трудность понимания, и эти переходы станут постижимыми и, в действительности, неизбежными из-за самой природы эволюционного процесса и его принципа.

Ведь если мы посмотрим не научные или физические аспекты, а на психологическую сторону вопроса и исследуем, в чем собственно состоит различие, то увидим, что оно заключается в подъеме сознания к другому принципу бытия. Металл фиксирован несознательным и неживленным принципом материи; даже если мы можем предположить, что он несет в себе некоторые реакции, напоминающие жизнь и предположительно жизненные или, по меньшей мере, зачаточные вибрации, которые в растении развиваются в жизнь, то все же это не типичная форма жизни и это не характеризует ее; это типичная форма материи. Растение фиксировано в подсознательном действии принципа жизни, — не то чтобы оно не подчинено материи или лишено реакций, которые находят свое полное значение только в разуме, ведь, по-видимому, растение имеет субментальные реакции, являющиеся в нас основой удовольствия и боли или притяжения и отвержения; но все же это форма жизни, не простой материи, а также, насколько мы знаем, это вовсе не разумно-сознательное существо. Человек и животное — ментально сознательные существа; но животное фиксировано витальным разумом и разумом-чувством и не может преодолеть своих ограничений, тогда как человек воспринимает в чувство-разуме свет другого принципа, имеет интеллект, который на самом деле является одновременно отражением и преуменьшением Сверхразума, лучом гнозиса, схваченным чувство-ментальностью и трансформированным в нечто иное, чем его источник: ведь интеллект — это агностик, подобно чувство-разуму, в котором и для которого он работает, это не гностик; он ищет опору в знании, потому что не обладает им, он не держит знание в себе, подобно Сверхразуму, для которого это является естественной преогативой. Другими словами, в каждой из этих форм существования вселенское бытие зафиксировало свое действие сознания в различных принципах или, как в случае разницы между человеком и животным, в модификации низшего при помощи высшего, хотя еще не самого высокого принципа. Именно эти шаги от одного принципа бытия к совершенно другому принципу создают эти переходы, эти пропасти, четкие разграничительные линии и порождают хотя и не полную разницу, но все же радикальное характерное различие между одним существом и другим существом в их природе.

Но следует заметить, что это восхождение, эта последовательная фиксация во все более высоких принципах, не несет с собой отказ от низших ступеней, как и статус существования на низших ступенях не подразумевает полное

отсутствие высших принципов. Это снимает возражение против эволюционной теории, порожденное этими разграничительными линиями; ведь если рудименты высшего присутствуют в низшем творении, и низшие качества вбираются в высшее развивающееся существо, то это само по себе составляет несомненный эволюционный процесс. То, что необходимо — это работа, которая доведет низшую градацию бытия до той точки, в которой высшее может появиться в ней; в этой точке давление с некоторого превосходящего плана, где доминирует новая мощь, может содействовать более или менее быстрому и решающему переходу путем скачка или серии скачков, — после медленного, еле продвигающегося или даже оккультного действия следует разбег и прыжок через границу. Примерно таким видится переход от низших к высшим ступеням сознания в Природе.

В действительности жизнь, разум, Сверхразум присутствуют в атоме, находятся там за работой, но невидимы, оккультны, латентны в подсознательном или кажущемся несознательном действии Энергии; есть одушевляющий Дух, но внешняя сила и рисунок бытия, что мы могли бы назвать формальным существованием или существованием формы в отличие от имманентного или тайно управляющего сознания, потеряны в динамическом действии, настолько поглощены в нем, что фиксированы в стереотипном само-забвении, не осознающем то, что оно есть и что оно делает. С этой точки зрения электрон и атом являются вечными сомнамбулами; каждый материальный объект содержит внешнее сознание или сознание формы, но сознание инволюционное, поглощенное в форму, спящее, кажущееся несознанием, управляемым неизвестным и нечувствующимся внутренним Существованием, — тем, кто пробужден в спящем, вселенским Обитателем Упанишад, — внешнее, поглощенное сознание формы, которое, в отличие от человека-сомнамбулы, никогда не было пробуждено и никто не подходит к точке пробуждения. В растении это внешнее сознание формы [outer form-consciousness] все еще находится в состоянии сна, но сна, полного нервных грез, всегда в точке пробуждения, но пробуждение никогда не наступает. Возникла жизнь; иными словами, сила сокровитного сознания бытия должна была в своем напряжении дойти до такой точки, подняться до такой высоты, чтобы развить и стать способной на новый принцип действия, такой, какой мы видим как витальность, жизненную силу. Сила стала витально реагировать на существование, хотя и без ментального осознания, и выдвинула вперед новую ступень деятельности более высоких и более тонких ценностей, чем любое чисто физическое действие. В то же время, эта сила стала способной воспринимать и обращать в эти новые жизненные ценности, в движения и явления вибраций витальности, контакты жизни и физические контакты от других форм, отличных от своей собственной, и от вселенской Природы. Это те вещи, которые не могут делать формы простой материи; они не могут перевести контакты на шкалу жизненных ценностей или приписать им какую-либо ценность, частично из-за того, что их мощь восприятия, — хотя она существует, если можно доверять оккультной очевидности, — недостаточно пробудилась, чтобы сделать что-нибудь, а только тупо воспринимает и несовершенно реагирует, частично из-за того, что энергии, передаваемые в этих контактах, слишком тонки для того, чтобы они могли быть использованы грубой невежественной плотностью, сформированной Материей. Жизнь дерева определяется физическим телом, но эта жизнь поднимает физическое существование и придает ему новую ценность или систему ценностей — жизненную ценность.

Тем же образом осуществляется переход к разуму и чувству, появляющемуся в животном существе, к тому, что мы называем сознательной жизнью. Сила существа доходит до такой интенсивности, поднимается на такую высоту, что допускает или развивает новый принцип существования, — кажущийся новым, по крайней мере, в мире Материи, — ментальность. Животное существо ментально осознает существование, свое собственное и существование других, выводит вперед более высокий и более тонкий уровень деятельности, воспринимает более широкий диапазон контактов, ментальных, витальных, физических, от форм, отличных от своей собственной, поднимает физическое и витальное существование и обращает все, что может получить от них, в смысловые ценности и ценности витального разума. Оно ощущает тело, ощущает жизнь, но ощущает также и разум; ведь оно имеет не только первые слепые реакции, но и сознательные ощущения, память, импульсы, волю, эмоции, ментальные ассоциации, вещество чувствования и мышления и воли. Животное обладает также практическим интеллектом, основанным на памяти, ассоциации, стимулирующей нужде, наблюдении, мощности изобретений или приспособлений; оно способно на хитрость, стратегию, планирование; оно может изобретать, до некоторой степени приспособлять свои изобретения, встречаясь с изменениями окружающей обстановки в той или иной детали. Все это — не полу-сознательный инстинкт; животное подготавливает человеческий интеллект.

Но когда мы переходим к человеку, то видим целостное развертывание сознания; мир, который он изображает в миниатюре, начинает в нем раскрывать для себя свою собственную природу. Высшее животное — это не сомнамбула, — которой, как правило, являются самые низшие животные формы, — но оно имеет только ограниченный пробужденный разум, способный непосредственно лишь на то, что требуется для его витального существования: в человеке сознательная ментальность расширяет свою пробужденность и, хотя поначалу не полностью само-сознательна, хотя сознательна все еще только на поверхности, но может все более и более открываться к своему внутреннему и интегральному существу. Как и в двух предыдущих восхождениях, есть подъем силы сознательного существования к новой мощи и новому диапазону тонких действий; осуществляется переход от витального разума к разуму рефлексивному и думающему, развита высшая мощь наблюдения и изобретения, сбора и связывания дан-

ных, осознание процесса и результата, развита сила воображения и эстетического творения, высшая, более пластичная чувствительность, координирующий и интерпретирующий рассудок, превзойдены ценности рефлекса или реагирующего интеллекта, и на их место пришли ценности мастерового, понимающего, само-открепленного интеллекта. Как и в низших восхождениях, здесь также есть расширение диапазона сознания; человек способен принять в себя большую часть мира и самого себя, как и придать этому знанию более высокий и более полный рисунок сознательного переживания. Здесь также присутствует и третий постоянный элемент восхождения; разум поднимает низшие уровни и придает их действию и реакции ценности интеллекта. Человек не только имеет ощущение своего тела и жизни, подобно животному, но и ощущение интеллекта и идею жизни и сознательное и наблюдаемое восприятие тела. Он также поднимает ментальную жизнь животного, как и материал и телесность; хотя человек что-то теряет в этом процессе, но придает высшую ценность тому, что осталось; он имеет ощущение интеллекта и идею своих ощущений, эмоций, волеизлияний, импульсов, ментальных ассоциаций; то, что было грубым веществом мышления и чувства и воли, способным только на грубые определения, он обращает в законченную работу и артистизм. Ведь животное тоже думает, но автоматическим образом, основываясь, главным образом, на механическом ряде воспоминаний и ментальных ассоциаций, принимая быстро или медленно предложения Природы и пробуждаясь к индивидуальному более сознательному действию только тогда, когда есть необходимость в более тесном наблюдении и приспособлении; оно имеет некоторое первоначальное грубое вещество практического рассуждения, но не оформленную идейную и рефлексивную способность. Пробужденное сознание животного — это необученный примитивный ремесленник разума, а сознание человека — это обученный мастер, который может стать, — но человек не достиг этого в достаточной степени, — не только виртуозом, но и господином и экспертом.

Но здесь следует обратить внимание на две особенности этого человеческого и на сегодняшний день высочайшего развития, что подводит нас к сердцу проблемы. Во-первых, это подъем низших частей жизни раскрывается как обращение вниз мастерского ока тайного развивающегося духа или вселенского Существа в индивиде с той высоты, которая сейчас достигнута, на все то, что лежит ниже, как пристальное взглядывание вниз с двойной или близнячной мощью сознательной силы бытия, — с мощью воли, мощью знания, — с тем, чтобы понять с этого нового, другого и более широкого диапазона сознания и восприятия и природы низшую жизнь и ее возможности и поднять ее также на более высокий уровень, придать ей более высокое значение, расширить ее высшие потенциальности. И дух делает это, потому что он, очевидно, не намеревается убить или разрушить низшую жизнь, а поскольку восторг существования является его вечным занятием, и стилем его музыки является гармония разнообразных нот, а не сладкая и монотонная мелодия, то он желает включить и низшие ноты, наделив их более глубоким и тонким значением, извлечь из них больше восторга, чем это было возможно в более грубых формулировках. Все же в конечном итоге дух полагается на них как на условие постоянного принятия их согласия допустить высшие ценности и, до тех пор, пока они на самом деле не согласятся, он может обращаться с ними достаточно грубо, даже использовать их в качестве подпорки для ног, когда сам дух склонен к совершенству, а они восстали. И в этом на самом деле заключена настоящая сокровенная цель и смысл этики, дисциплины и аскезы, — научить и приручить, очистить и подготовить к тому, чтобы быть подходящими инструментами витальную и физическую и низшую ментальную жизнь, так чтобы они могли бы быть трансформированы в тон высшей ментальной и, в конечном счете, супраментальной гармонии, но не для того, чтобы увечить или убить их. Восхождение — это первая необходимость, но интеграция — сопутствующее намерение духа в Природе.

Это направленное вниз око знания и воли с точки зрения все-определяющего поднятия, углубления и более тонкого, более прекрасного и более богатого усиления является с самого начала тайным путем Духа. Душа дерева принимает, можно сказать, нервно-материальный взгляд на свое целостное физическое существование, так чтобы извлечь из этого максимально возможную витально-физическую интенсивность; ведь, по-видимому, в нем присутствуют весьма значительные возбуждения немой вибрации жизни, -возможно, хотя это нам трудно представить, гораздо более интенсивные по нижней рудиментарной шкале чем могли бы выдержать животный разум и тело на своей высшей и более мощной шкале. Животное существо принимает ментализированный взгляд-ощущение на свое витальное и физическое существование, с тем чтобы извлечь из него максимально возможную смысловую ценность, и этот взгляд более пронизателен во многих аспектах, чем человеческий в качестве простого ощущения или чувство-эмоции или удовлетворения витального желания и удовольствия. Человек, глядя вниз с плана воли и интеллекта, оставляет эти низшие интенсивности, но для того, чтобы извлечь из разума и жизни и ощущения более высокую интенсивность в других ценностях, интеллектуальных, эстетических, моральных, духовных, ментально динамических или практических, — как он называет их; при помощи этих высших элементов человек расширяет, утончает и поднимает на более высокий уровень свое использование жизненных ценностей. Он не оставляет животных реакций и наслаждений, а более ясно, тонко и чувствительнее ментализирует их. Человек делает это даже на своем обычном и низшем уровне, но по мере развития он подвергает свое низшее существо более строгим проверкам, начинает через боль отвержения проводить нечто подобное трансформации: это путь разума для подготовки духовной жизни, находящейся все еще за пределами разума.

Но человек направляет свой взгляд не только вниз и вокруг себя, но и при достижении высшего уровня — вверх, к тому, что над ним, и внутрь, к тому, что оккультно внутри него. В нем не только стал сознательным направленный вниз взгляд вселенского Существа в эволюции, но и развивается также сознательный взгляд, направленный вверх и вовнутрь. Животное живет так, как будто бы оно было удовлетворено тем, что Природа делает для него; если есть какой-либо направленный вверх взгляд тайного духа внутри животного существа, то оно ничего не делает сознательно с ним, это занятие Природы: именно человек впервые сознательно делает собственным делом обращенный вверх взгляд. Ведь уже благодаря обладанию разумной волей, хотя это и деформированный луч гнозиса, человек начинает продвигать вперед двойную природу Сатчитананды; он уже не является, подобно животному, неразвитым сознательным существом, полностью ведомым Пракрити, рабом исполнительной Силы, играющей с ним посредством механических энергий Природы, но он уже начал быть развивающейся сознательной душой или Пурушей, вмешивающимся в то, что ранее было единственно ее делом, желающим сказать свое слово и в конечном счете стать мастером и господином. Человек еще не может эффективно делать это, он еще опутан ее сетями, слишком вовлечен в ее работающий механизм: но он чувствует, — хотя пока еще слишком смутно и неопределенно, — что дух внутри него хочет подняться к еще большим вершинам, расширить свои границы; нечто внутри него, нечто оккультное, знает, что намерением более глубокой сознательной Души-Природы, Пуруши-Пракрити отнюдь не является быть удовлетворенным своей теперешней низостью и ограничениями. Покорять все более высокие вершины, расширять свой диапазон, трансформировать свою низшую природу, — это всегда было естественным импульсом человека, как только он сделал для себя место в физическом и витальном мире земли и получил небольшой досуг для того, чтобы рассмотреть свои дальнейшие возможности. Так и должно быть, но не из-за какой-либо ложной и жалкой воображаемой иллюзии в нем, а, во-первых, из-за того, что он — несовершенное, все еще развивающееся ментальное существо и должен трудиться ради большего развития, ради совершенства, и, более того, так происходит из-за того, что человек способен, не в примет другим земным созданиям, становиться сознательным по отношению к тому, что глубже разума, осознавать душу внутри себя и то, что выше разума, сверхразум, способен осознавать дух, открываться ему, допускать его, подниматься к нему, находить в нем опору. Это лежит в человеческой природе, во всей человеческой природе — превосходить самого себя в ходе сознательной эволюции, взбираться за пределы того, чем он является. Не только отдельные индивиды, но временами и раса, по общему правилу бытия и жизни, если не во всех своих членах, может надеяться, если разовьет достаточную волю, на то, чтобы выйти за пределы несовершенств нашей теперешней весьма небожественной природы и подняться, по крайней мере, до уровня верховного человечества, подняться ближе, если даже нельзя достичь этого абсолютно, к божественному человечеству или сверхчеловечеству. В любом случае, это принуждение эволюционной Природы в нем — бороться к развитию вверх, возводить идеал, делать попытку.

Но где пределы осуществления эволюционного само-становления путем само-превосхождения? В самом разуме есть градации, и в каждой градации есть свой ряд; существуют последовательные уровни, которые мы можем договориться называть планами и под-планами ментального сознания и ментального существа. Развитие нашего ментального “я” есть подъем по этим ступенькам; мы можем обосноваться на любой из них, в то же время все еще поддерживая зависимость от более низких ступеней и от мощи отклика на влияния из более высоких слоев нашего существа. Сейчас мы обычно находим свое первое надежное основание в низшем под-плане интеллекта, который можно назвать физически-ментальным, потому что интеллект самим фактом своего существования и ощущением реальности зависит от физического мозга, физического чувство-разума, физических органов чувств; в этом отношении мы все еще физические люди, придающие наибольшее значение объективным вещам и своей внешней жизни, люди, обладающие весьма скромным субъективным или внутренним существованием и подчиняющие это существование требованиям внешней реальности. Физический человек имеет витальную часть, но она сделана, главным образом, из более мелких инстинктивных и импульсных образований жизненного сознания, возникшего из подсознательного, наряду с обычным роем или кругом ощущений, желаний, надежд, чувств, удовлетворений, которые зависят от внешних вещей и внешних контактов и заняты практическим, немедленно реализуемым и возможным, привычным, общим и средним. Физический человек имеет и ментальную часть, но она также обычна, традиционна, практична, объективна и почитает то, что принадлежит области разума, главным образом, за его полезность для поддержки, комфорта, использования, удовлетворения и развлечения его физического и чувственного существования. Ведь физический разум базируется на материи и материальном мире, на теле и телесной жизни, на чувственном переживании и на обычной практической ментальности и ее переживании. Все то, что не входит в этот порядок, физический разум выстраивает как ограниченную суперструктуру, зависящую от внешней чувственной ментальности. Даже и так, физический разум считает высшее содержание жизни либо полезным приложением, либо чрезмерной, но приятной роскошью воображений чувств и мысленных абстракций, не внутренней реальностью; или, даже если он воспринимает это как реальность, то не чувствует это содержание конкретно и существенно в его собственной надлежащей субстанции, более тонкой, чем физическая субстанция и ее грубая конкретность, — он считает его субъективным, менее сущностным расширением физических реальностей. неизбежно, человеческое существо долж-

но было таким образом сделать свое первое основание в Материи и придать внешнему факту и внешнему существованию надлежащую важность; ведь это первое условие Природы для нашего существования, условие, на котором она величайше настаивает: физический человек подчеркнут в нас и обильно размножен в мире как ее сила для сохранения надежного, если и в чем-то инертного, материального базиса, на котором она может поддерживать себя, пока пытается развить высшее человечество; но в этом ментальном образовании нет мощи для прогресса. Это наш первый ментальный статус, но ментальное существо не может вечно оставаться на этой низшей ступеньке человеческой эволюционной лестницы.

Над физическим разумом и глубже внутри, чем физическое ощущение, существует то, что мы можем назвать смысленностью жизненного разума, динамического, витального, нервного, более открытого, хотя все еще тускло, психическому, разума, способного на первое душе-образование, хотя и более темной жизне-души, не психического существа, а фронтального образования витального Пуруши. Это жизне-душа конкретно ощущает вещи жизне-мира и контактирует с ними, и пытается реализовать их здесь; она придает громадное значение удовлетворению и исполнению жизненного существа, жизненной силы, витальной природы: она смотрит на физическое существование как на поле само-исполнения жизненных импульсов, поле игры амбиций, мощи, сильного характера, любви, страсти, приключения, поле для индивидуального, коллективного, общего человеческого поиска и шанса и рискованного начинания, поле для различного рода жизненных экспериментов и нового жизненного переживания, и если бы не этот сохраняющийся элемент, если бы не эта большая мощь, интерес, важность, то физическое существование не имело бы никакой ценности. Эта жизне-ментальность поддерживается нашим тайным сублиминальным витальным существом и находится в завуалированном контакте с жизненным миром, которому она может легко открыться и так чувствовать невидимые динамические силы и реальности за материальной вселенной. Существует внутренний жизне-разум, который не нуждается для своих восприятий в показаниях физических чувств, не ограничен ими; ведь на этом уровне наша внутренняя жизнь и внутренняя жизнь мира становится реальной для нас независимо от тела и символов физического мира, единственно который мы называем природным явлением, как если бы Природа не имела бы больших явлений и больших реальностей, чем принадлежащих грубой Материи. Витальный человек, окруженный сознательно или несознательно этими влияниями — это человек желания и чувства, человек силы и действия, человек страсти и эмоции, очень подвижный индивид: он может делать и в действительности делает большой упор на материальное существование, но это существование дает ему, даже когда витальный человек наиболее захвачен текущими действительностями, толчок для жизне-переживания, для силы реализации, для жизненного расширения, для жизненной мощи, для жизненного утверждения и жизненного расширения, что является первым побуждением Природы к расширению существа; при высочайшем накале этого жизненного побуждения витальный человек становится разрушителем границ, искателем новых горизонтов, возбудителем прошлого и настоящего в интересах будущего. Витальный человек имеет ментальную жизнь, которая часто порабощена витальной силой и ее желаниями и страстями, и именно эти желания и страсти он стремится удовлетворить через разум: но когда он интересуется строго ментальными вещами, то может стать ментальным искателем приключений, открывающим пути к новым образованиям разума или борцом за идею, чувственным типом артиста, динамическим поэтом жизни или проповедником или правозащитником. Витальный человек очень подвижен и деятелен и поэтому является великой силой в работе эволюционной Природы.

Над этим уровнем витальности и еще более глубоко расширенный, находится план разума, план чистого мышления и понимания, для которого наибольшей реальностью являются вещи ментального плана; все, кто находятся под его влиянием, философы, мыслители, ученые, интеллектуальные творцы, люди идеи, люди писанного и разговорного слова, идеалисты и мечтатели — являются ментальными существами, достигшими в настоящий момент наибольших высот. Этот ментальный человек имеет жизненную часть, жизнь страстей и желаний и амбиций и жизненных надежд всех видов и имеет низшее чувственное и физическое существование, и эта низшая часть зачастую может уравновесить или принизить его наиболее благородных элемент, так что, хотя это и наиболее высокая его часть, но она не становится доминирующей и формирующей в его целостной природе: но это не типично для ментального человека в его наибольшем развитии, ведь витальная и физическая части контролируются думающей волей и интеллектом и подчинены им. Ментальный человек не может трансформировать свою природу, но он может контролировать и гармонизировать ее и наложить на нее закон ментального идеала, достичь некоторого баланса и наложить возвышающее и очищающее влияние, и привести в высокую согласованность многоличностную путаницу и конфликт или суммарную мешанину нашего поделенного и полу-сконструированного существа. Ментальный человек может быть наблюдателем и правителем своего собственного разума и жизни, может сознательно развить их и стать до этой степени человеком, сделавшим самого себя.

Этот разум чистого интеллекта имеет за собой внутренний или сублиминальный разум, который непосредственно ощущает вещи плана разума, открыт действию мира ментальных сил и может чувствовать идейные и другие влияния, не ощущаемые физическими органами, влияния, которые действуют на материальный мир и план жизни, но которые мы сейчас можем лишь предполагать, а не переживать их напрямую: эти неуловимости и невесомости

реальны и весомы для ментального человека, и он считает их истинами, которые требуют своей реализации в нашей или земной природе. На внутреннем плане разум и душа разума [mind-soul] независимо от тела могут стать для нас полной реальностью, и мы можем сознательно жить в них, как и в теле. Таким образом, жить в разуме и вещах разума, осознавать нечто большее, чем жизнь и тело, есть наше высочайшее место, наиболее близко расположенное к духовности в шкале Природы. Ментальный человек, человек само-преобладающего и само-формулирующего разума и воли, осознающий идеал и повернутый к его реализации, высочайший интеллеktуал, мыслитель, провидец, менее подвижен и не так скор на действие, чем витальный человек, человек действия и высшего скорого жизнеисполнения, но настолько же мощный и обычно даже более мощный в деле открытия новых перспектив для расы, является нормальным верхом Природного эволюционного образования на человеческом уровне. Эти три степени ментальности, ясные сами по себе, но чаще всего смешанные в разных соотношениях, являются для обычного интеллекта лишь психологическими типами, которым случается быть развитыми, и мы не распознаем в них другого значения; но в действительности они наполнены значением, поскольку являются ступенями Природной эволюции ментального существа к своему само-превосхождению, и, как думающий разум есть высочайшая ступень, которой Природа сейчас достигла, так и совершенный ментальный человек является редчайшим и высочайшим типом человеческих созданий. Чтобы идти дальше, природа должна принести в разум духовный принцип и сделать его активным в разуме, жизни и теле.

Ведь человеческие творения являются ее эволюционными образованиями, построенными ментальности; чтобы делать большее, природа должна более полно использовать невидимый материал, скрытый ниже нашей поверхности, погружаться вовнутрь и находить тайную душу, психею, или подниматься над нашим обычным ментальным уровнем в планы интуитивного сознания, наполненного светом, пришедшим из духовного гнозиса, подниматься в восходящие планы чистого духовного разума, в которых мы оказываемся в прямом контакте с бесконечным, в соприкосновении с “я” и высочайшей реальностью вещей, Сатчитанандой. В нас самих, за нашим поверхностным природным существом, есть душа, внутренний разум, внутренняя жизненная часть, которые могут открыться к этим высотам, как и к оккультному духу внутри нас, и это двойное открытие является тайной новой эволюции; путем этого разрушения крышек и стен и границ сознание поднимается к большим высотам и большей интеграции, что одухотворит в новой эволюции все мощности нашей природы, как они были ментализированы в ходе эволюции разума. Ведь ментальный человек не был последним усилием Природы или ее высочайшим пределом, — хотя он был, в общем, более полно развитым по своей природе, чем те, кто достиг более низких уровней или устремлялся к уровню над ментальным человеком; природа указывала человеку на еще более высокие и более трудные уровни, вдохновляла его идеалом духовной жизни, начала в нем эволюцию духовного существа. Духовный человек является ее верховным сверхнормальным усилием человеческого творения; ведь, развив ментального творца, мыслителя, провидца, проповедника идеала, само-контролируемое, само-дисциплинированное, гармонизированное ментальное существо, природа пыталась идти выше и глубже внутрь и призывала выйти вперед душу и внутренний разум и сердце, призывала спуститься силы духовного разума и высшего разума и надразума и создать под действием их света и под их влиянием духовного мудреца, провидца, пророка, любящего Бога, Йогина, гностика, Суфи, мистика.

Это единственный путь человека к настоящему само-превосхождению: ведь пока мы живем в поверхностном существе или основываем себя полностью на Материи, будет невозможно идти выше и будет тщетно ожидать, что может быть какой-либо новый переход радикального характера в нашем эволюционном существе. Витальный человек, ментальный человек имели громадное воздействие на земную жизнь, они продвинули человечество вперед от простого человеческого животного к тому, чем он является сейчас. Но они могут действовать лишь в пределах уже установленной эволюционной формулы человеческого существа; они могут расширить человеческий круг, но не изменить или трансформировать принцип сознания или его характерное действие. любая попытка неординарно поднять ментального человека или неординарно усилить витального человека, — к примеру, Ницшианское сверхчеловечество, — может лишь раздуть до громадных размеров человеческое создание, но она не может трансформировать или обожествить его. Открывается другая возможность, если мы сможем жить внутри внутреннего существа и сделать его прямым правителем жизни или поставим себя на духовный и интуитивный планы бытия и оттуда и их мощностями будем трансмутировать нашу природу.

Духовный человек является знаком этой новой эволюции, этой новой и высшей попытки Природы. Но новая эволюция отличается в двух отношениях от прошлого процесса развертывания эволюционной Энергии: она проводится сознательным усилием человеческого разума и не ограничена сознательным прогрессом поверхностной природы, а сопровождается попыткой разрушить стены неведения и расширить нас внутренне в тайный принцип нашего теперешнего бытия и расширить вовне в космическое бытие, как и поднять вверх к высшему принципу, То, чего Природа достигла до сих пор — это расширение нашего поверхностного Знания-Неведения; духовная попытка нацелена на устранение Неведения, на то, чтобы идти вовнутрь и открыть душу и объединиться в сознании с Богом и всем существованием. Это конечная цель ментальной стадии эволюционной Природы в человеке; это начальная ступень к радикальной трансмутации Неведения в Знание. Духовное изменение начинается с влияния внутреннего существа и

высшего духовного разума, с действия, ощущаемого и принимаемого на поверхности, но это само по себе может привести только к озаренному ментальному идеализму или к росту религиозного разума, религиозного темперамента и некоторой набожности в сердце и благочестия в поведении; это первое приближение разума к духу, но оно не может сделать радикального изменения; должно быть сделано большее, мы должны жить глубже внутри, мы должны превзойти наше теперешнее сознание и наш теперешний статус Природы.

Очевидно, что если мы сможем жить так глубоко внутри и постоянно вызывать внутренние силы и накладывать их на внешний поверхностный инструментарий или поднимать себя к тому, чтобы пребывать на высших и более широких уровнях и терпеливо накладывать их мощности на физическое существование, не просто воспринимать влияния, спускающиеся с них (это то, что мы можем сейчас делать), тогда может начаться возвышение нашей силы сознательного бытия, так чтобы создать новый принцип сознания, новый диапазон деятельности, новые ценности всех вещей, может начаться расширение нашего сознания и жизни, подъем и трансформация низших градаций нашего существования, — короче говоря, может начаться целостный эволюционный процесс, в ходе которого Дух в Природе создает высший тип бытия. Тогда каждый шаг может означать маленькую ступеньку, как бы ни удаленную от конечной цели, или близкое приближение, ведущее к большему и более божественному бытию, большей и более божественной силе и сознанию, знанию и воле, ощущению существования и восторгу в существовании; тогда могло бы начаться начальное разворачивание к божественной жизни. Вся религия, все оккультное знание, весь сверхнормальный (в противоположность ненормальному) психологический опыт, вся Йога, всякое психическое переживание и дисциплина являются указательными вехами, направляющими нас на дорогу прогресса оккультного само-развивающегося духа.

Но человеческая раса все еще отягощена определенным притяжением к физическому, она все еще подчиняется тяге еще непокоренной земной материи; преобладает материальный разум [brain-mind], физический интеллект: удерживаемая многими узами, раса боится сделать решающий шаг или отступает перед слишком напряженным требованием духовного усилия. Так же имеется еще большая возможность для скептической глупости, громадной праздности или лени, безмерной интеллектуальной и духовной робости и консерватизма, когда человек пытается вырваться из круга привычек: хотя сама жизнь неизменно доказывает, что выбранное для покорения может быть покорено, — свидетельством тому служат чудеса весьма малой мощности, физической Науки, — но это не устраняет всевозможных сомнений расы; раса в целом отклоняет зов и предоставляет откликаться на него малому числу индивидов. Но этого не достаточно, если шаг вперед суждено сделать человечеству; ведь если только вся раса существенно продвинется вперед, только тогда победа Духа может быть надежной. Ведь тогда, если происходит упущение Природы, падение ее усилия, тогда Дух внутри, использующий тайную память, — иногда представленная на низшей стороне, как притяжение к низшему уровню, атавистическая сила расы, но на самом деле сила сохраняющейся памяти в Природе, которая может тянуть либо вверх, либо вниз, — будет снова тянуть вверх, и следующий подъем будет более легким и более продолжительным, в силу прошлых попыток; ведь те попытки и их импульс и их результат не могут не сохраниться в подсознательном разуме человечества. Кто может сказать, сколько побед такого рода могло быть одержано в прошлых человеческих циклах и как близко подошли мы к новому подъему? В действительности вовсе не необходимо, чтобы вся раса трансформировалась из ментальных в духовных существ, но общее допущение идеала, широкораспространенное старание, сознательная концентрация необходима, чтобы донести поток стремления до определенного достижения. Иначе то, что будет совершено в конечном итоге — это достижение несколькими индивидами нового порядка существ, тогда как человечество в целом вынесет себе приговор в непригодности и может впасть в эволюционный закат или стационарную недвижимость; ведь именно постоянное направленное вверх усилие оживляет человечество и сохраняет за ним место на переднем плане творения.

Принципом процесса эволюции является основание, из того основания — подъем, в том подъеме — обращение сознания, и действие с тех обретенных высот и широт, действие изменения и новой интеграции целой природы. Первым основанием является Материя; подъем осуществляется в Природе; интеграция — это поначалу несознательное или полу-сознательное автоматическое изменение Природы при помощи Природы. Но как скоро в этих работах Природы существо приняло более полное сознательное участие, тогда изменение в ходе процесса неизбежно. Физическое основание Материи остается, но Материя не может больше оставаться основанием сознания; само сознание не может более уподобляться потоку воды, поднимающемуся из глубокого колодца Несознательного, или уподобляться скрытому течению из оккультной внутренней сублиминальной силы под давлением контактов из вселенной. Основанием развивающегося существования станет новый духовный статус свыше или раскрытый статус души внутри нас: именно поток света и знания и воли свыше и восприятие изнутри будет определять реакцию существа на космическое переживание. Вся концентрация существа будет смещена снизу вверх и снаружи вовнутрь; наше высшее и внутреннее существо, неизвестное нам сейчас, станет нами самими, и внешнее или поверхностное существо, которое мы сейчас принимаем за самих себя, будет только открытым передним планом или придатком, через который истинное существо будет встречать вселенную. Сам внешний мир станет внутренним для духовного осознания,

частью нас самих, станет сокровенно охватываемым в знании и чувстве единства и тождества, пронизанным интуитивным отношением разума, отвечающему на прямые контакты сознания с сознанием, взятым в достигнутой интегральности. Само старое несознательное основание будет сделано сознательным в нас путем притока света и осознания свыше, и его глубины будут присоединены к высотам духа. Интегральное сознание станет базисом полной гармонизации жизни через тотальную трансформацию, унификацию, интеграцию существа и природы.

ОТ СЕМИКРАТНОГО НЕВЕДЕНИЯ к СЕМИКРАТНОМУ ЗНАНИЮ

Семь ступеней на почве Неведения, семь ступеней на почве Знания.

Махопанишада (V.1)

Он нашел обширное Мышление с семью головами, рожденными из Истины; он создал некий четвертый мир и стал универсальным ... Сыны Небес, Герои Всемогущего, мыслящие напрямую, дающие голос Истине, основали план озарения и постигли первый план над Жертвой ... Мастер Мудрости поверг каменную крепость и призвал Табуны Света, ... Табуны, стоящие в секрете на мосту над Фальшью меж двух миров, нижнего и верхнего; желая Света во тьме, он послал вверх Табуны Лучей и раскрыл из-за вуали три мира; он разрушил город, таящийся в засаде и вызволил три мира из Океана, и открыл Зарю и Солнце и Свет и Мир Света.

Риг Веда (X.67.1-5)

Мастер Мудрости в своем первом пришествии к рождению в верховном эфире великого Света, — множество его рождений, семь уст у его Слова, семь у него Лучей, — пронзил тьму своим криком.

Риг Веда (IV.50.4)

Вся эволюция в сущности является поднятием силы сознания в проявленном существе, так чтобы оно могло подниматься в более великую силу того, что еще не проявлено, из материи — в жизнь, из жизни — в разум, из разума — в дух. Именно это должно быть способом роста из ментальной в духовную и супраментальную манифестацию, из все еще полуживотного человечества в божественное существо и божественное житие. Должна быть достигнута новая духовная высота, широта, глубина, тонкость, яркость нашего сознания, его субстанции, его силы, его чувствительности, должен произойти подъем, расширение нашего существа, должна увеличиться его пластичность и интегральная способность, и должно произойти принятие разума и всего, что находится ниже него, в большее существование. В будущей трансформации характер эволюции, принцип эволюционного процесса не изменится фундаментально, хотя и модифицируется, но будет по-королевски продолжаться на более широкой шкале и в освобожденном движении. Изменение в высшее сознание или состояние бытия является не только всей целью и ходом религии, всей высшей аскезы, Йоги, но это также сама тенденция самой нашей жизни, тайная цель, находящаяся в итоге работ. Принцип жизни в нас неизменно стремится утвердить и усовершенствовать себя на планах разума, витальности и тела, которыми он уже обладает; но он также само-направляем идти за пределы и трансформировать эти принципы в средства для развертывания сознательного духа в Природе. Если бы только и просто некоторые наши части, интеллект, сердце, воля или витальное я-желание [desire-stiff], неудовлетворенные собственным несовершенством и миром, боролись бы за то, чтобы отбросить эти несовершенства и перейти к большим высотам существования, согласные предоставить остальные части природы заботиться о самом себе или погибнуть, тогда полная трансформация не могла бы произойти, — или, по крайней мере, произойти здесь. Но это не интегральная тенденция нашего существования; природа трудится к тому, чтобы поднять нас в высший принцип бытия, высший по отношению к тому, что был развит здесь, но ее полной целью в этом подъеме отнюдь не является разрушить саму себя с тем, чтобы этот высший принцип мог исключительно утвердиться путем отвержения и угасания Природы. Поднимать силу сознания до тех пор, пока она не перейдет от ментального, витального и физического инструментария в сущность и мощь духа — это совершенно необходимая вещь, но это не единственная цель или вся вещь, которая должна быть сделана.

Нашим призывом должно быть жить на новой высоте во всем нашем существе: чтобы достичь этой высоты, нам не следует вновь растворить наши динамические части в неопределенном веществе Природы и благодаря этой освобождающей потере пребывать в блаженном покое Духа; это всегда можно сделать, и это приносит великий покой и свободу, но то, что сама Природа требует от нас, это то, чтобы мы в целом, какими мы сейчас являемся, были подняты в духовное сознание и стали проявленной и многогранной мощью духа. Интегральная трансформация является интегральной целью Существа в Природе; это внутренне присущий смысл ее вселенского порыва самопревосхождения. Именно по этой причине ход Природы не ограничен ее возвышениями до нового принципа; новая высота — это не узкая остроконечная башня, она приносит с собой расширение и устанавливает большее поле энергии, в котором мощь нового принципа может получить достаточную игру и место для возникновения. Это

действие подъема и расширения не ограничено крайне возможной широтой в сущностной игре самого нового принципа; оно включает в себя подъем того, что было низшим, в высшие ценности: божественная или духовная жизнь будет не только подразумевать ментальную, витальную, физическую жизнь, преобразованную и одухотворенную, но она придаст им более широкую и более полную игру, чем та, что была открыта для них, пока они находились на собственном уровне. Нашему ментальному, физическому, витальному существованию не требуется быть разрушенными в ходе нашего само-превышения, а также им не нужно преуменьшиться или ослабиться в одухотворенном существе; они могут стать и в действительности становятся богаче, более мощными и более совершенными; в их божественном изменении они прорвутся в те возможности, которые в неодухотворенных условиях невообразимы или практически неосуществимы.

Эта эволюция, этот процесс возвышения и расширения и интеграции является по своей природе ростом и подъемом из семикратного неведения в семикратное знание. Затруднение этого неведения — конституционное; оно ведет к многократному неведению о настоящем характере нашего становления, к несознанию нашего тотального “я”, и ключом этого неведения является ограничение тем планом, в котором мы живем, и теперешним преобладающим принципом нашей природы. План, в котором мы живем, это план Материи; теперешний преобладающий принцип нашей природы — это ментальный интеллект с чувство-разумом, который зависит от Материи как от своей поддержки и опоры. Как следствие, преобладание ментального интеллекта и его мощностей с материальным существованием, как оно видится через чувство, и с жизнью, как она сформирована в компромиссе между жизнью и материей, является особенным штампом конституционного Неведения. Этот природный материализм или материализованный витализм, этот зажим нашими началами является формой само-ограничения, сужающего диапазон нашего существования, которое упорно настаивает на человеческом бытии. Это первая необходимость его физического существования, но впоследствии под действием первичного неведения она обращается в цепь, которая сковывает каждый шаг при движении человека вверх: попытка вырасти из этого ограничения полноты, мощи и истины духа, ограничения, накладываемого материализованным ментальным интеллектом, и вырасти из подчинения души материальной Природе есть первый шаг к настоящему прогрессу человечества. Ведь наше неведение не полное; это ограничение сознания, — это неполное незнание, которое является штампом того же самого Неведения в чисто материальных существованиях, в чей план материя не просто включена, а является доминирующим принципом. Это частичное, ограничивающее, разграничивающее и, по большому счету, фальсифицированное знание; из этого ограничения и фальсификации должны мы вырасти в истину нашего духовного бытия.

Это преимущественное занятие жизнью и материей является поначалу правильным и необходимым, потому что первый шаг, который человек должен предпринять — это познать физическое существование и овладеть им, насколько он это может, применяя свое мышление и интеллект к такому переживанию этого существования, насколько чувство-разум может дать ему; но это только предварительный шаг, и если мы остановимся здесь, то не сделаем настоящего прогресса: мы все там же, где и были, и приобрели лишь больше физического простора, где можем двигаться, и лишь больше мощи для нашего разума для того, чтобы основать относительное знание и недостаточное и сомнительное мастерство, приобрели лишь больше мощи для нашего жизненного желания, чтобы перемещать вещи и толкаться и суетиться посреди массы физических сил и существований. Крайнее расширение физического объективного знания, даже если оно охватывает наиболее удаленные солнечные системы и глубочайшие слои земли и моря и наиболее тонкие мощности материальной субстанции и энергии, не является сущностным обретением для нас, не является той одной вещью, которую нам крайне необходимо обрести. Вот почему евангелие материализма, несмотря на ослепительные триумфы физической Науки, всегда оказывается в конце тщетной и бесполезной верой, и вот почему сама физическая Наука со всеми ее достижениями, хотя она и может обеспечить комфорт, никогда не может принести счастья и полноту бытия для человеческой расы. Наше настоящее счастье лежит в истинном росте нашего целостного существа, в повсеместной победе в тотальном диапазоне нашего существования, в мастерстве внутренней, как и более чем внешней, сокрытой, как и явной природы; наша истинная полнота приходит не с описыванием все более широких кругов на том плане, где мы начали, а с превосхождением этого плана. Именно по этой причине, после первого необходимого основания в жизни и материи, должны мы поднять нашу силу сознания, углубить, расширить, утончить ее; сначала мы должны освободить наше ментальное “я” и вступить в более свободную, более тонкую и благородную игру нашего ментального существования: ведь ментальное гораздо в большей степени, чем физическое, является нашим истинным существованием, потому что мы даже в нашей инструментальной или выражающей природе являемся в большей степени разумом, чем материей, являемся скорее ментальными, чем физическими существами. Этот рост в полное ментальное существование является первым переходным движением к человеческому совершенству и свободе; оно по-настоящему не совершенствует, не освобождает душу, но поднимает нас на одну ступень выше из материального и витального поглощения и подготавливает потерю опоры Неведения.

Наше приобретение в становлении более совершенными ментальными существами заключается в том, что мы получаем возможность более тонкого, более высокого и широкого существования, сознания, силы, счастья и

восторга бытия; пропорционально тому, как мы поднимаемся по шкале разума, к нам приходят все большие мощности этих вещей: в то же время наше ментальное сознание обретает для себя большее видение и мощь и большую тонкость и пластичность, и мы можем охватить больше из самого витального и физического существования, познать его лучше, использовать его лучше, придать ему более благородные ценности, более широкий диапазон, более возвышенное действие, — расширенную шкалу, высший исход. По своей характерной мощности человек — ментальное существо, но на первых шагах появления он больше ментализированное животное, занятое подобно животному своим телесным существованием; он использует свой разум для пользы, интересов, желаний жизни и тела, и делает это как слуга и распорядитель, и еще не как господин и мастер. Именно по мере того, как человек растет в разуме, и в той пропорции, в какой разум утверждает свой авторитет, растет в силе и сам человек. С одной стороны, разум благодаря своей эмансипации контролирует и освещает жизнь и физичность; с другой стороны, начинают приобретать ценность чисто ментальные цели, занятия, преследование знания. Разум высвобождается из низшего контроля и начинает вводить в жизнь управление, поднятие, очищение, более тонкий баланс и гармонию; витальные и физические движения направляются и приводятся в порядок, даже трансформируются, насколько это возможно, ментальным действием; они приучаются быть инструментами рассудка и подчиняться озаренной воле, этическому восприятию и эстетическому интеллекту: чем больше это может быть осуществлено, тем больше раса становится поистине человеческой, становится расой ментальных существ.

Именно это восприятие жизни было выдвинуто Греческими мыслителями, и именно живой расцвет в солнечном свете этого идеала придал такое очарование Эллинской жизни и культуре. Позднее это восприятие было потеряно, а когда возвращалось, то возвращалось значительно уменьшенным, смешанным с путанными элементами: искажение духовного идеала, несовершенно схваченного пониманием и вовсе не реализованного в жизненной практике, а только оказывающего свои позитивные и негативные ментальные и моральные влияния, и давление доминирующего, неординарного витального противодействующего побуждения, которое не могло обрести своего само-удовлетворенного движения, стояли на пути этого суверенитета разума и гармонии жизни, ее ее реализованной красоты и баланса. Была обретена открытость к высшим идеалам, к большему диапазону жизни, но эти элементы нового идеализма, введенные в действие лишь как влияния, не могли доминировать в жизни и трансформировать ее, и, в конечном итоге, эта духовная попытка, так плохо понятая и нереализованная, была отброшена: ее моральные последствия остались, однако лишеными поддерживающего духовного элемента, вырожденными до неэффективности; витальное побуждение, сопровождающееся громадным развитием физического интеллекта, стало преобладать в расе. Первым результатом было увеличение определенного рода знания и эффективности; впоследствии это породило опасное духовное нездоровье и внесло обширный беспорядок.

Ведь разума самого по себе недостаточно; даже наибольшая игра интеллекта порождает только характерный полу-свет. Поверхностное ментальное знание физической вселенной является еще менее совершенным проводником; для думающего животного этого может быть достаточно, но не для расы ментальных существ в труде духовной эволюции. Даже истина физических вещей не может быть полностью познана, а также верное использование нашего материального существования не может быть открыто физической Наукой и единственно внешним познанием или может стать возможным благодаря господству единственно физического и механического процесса: чтобы знать, верно использовать, должны мы идти за пределы истины физического явления и процесса, должны мы знать то, что находится внутри него и за ним. Ведь мы — не просто воплощенные разумы; есть и духовное существо, духовный принцип, духовный план Природы. До этого плана должны мы поднять нашу силу сознания, расширить при помощи него еще больше, даже универсально и бесконечно, наш диапазон бытия и наше поле действия, поднять при помощи него нашу низшую жизнь и использовать ее для более высоких целей и на большем плане, в свете духовной истины существования. Наша работа разума и борьба жизни не может придти к какому-либо решению, пока мы не вышли за пределы преследующего нас ведения низшей Природы, не интегрировали наше природное существование в бытии и сознании, пока мы не научились использовать наши природные инструменты силой Духа и на радость Духа. Только тогда конституционное неведение, неведение о реальном строении нашего сознания, от чего мы страдаем, может преобразоваться в истинное и действенное знание нашего бытия и становления. Ведь то, чем мы являемся, это дух, — сейчас использующий предпочтительно разум, а жизнь и тело — подчиненно, с материей для нашего изначального поля, но не единственного нашего поля переживания; но это только сейчас. Наша несовершенная ментальная инструментация — это не последнее слово наших возможностей; ведь в нас существуют, дремлющие или невидимо и несовершенно действующие, другие принципы за пределами разума и более близкие к духовной природе, существуют более прямые мощности и светлые инструменты, существует высший статус, существуют большие диапазоны динамического действия, чем принадлежащие нашему теперешнему физическому, витальному и ментальному существованию. Они могут стать нашим собственным статусом, частью нашего бытия, они могут быть принципами, мощностями и инструментами нашей собственной расширенной природы. Но для этого недостаточно удовлетвориться смутным или исступленным подъемом в дух или бесформенную экзальтацию через прикосновение бесконечности; должны развиваться соответствующие принципы, подобно тому как развился разум, развилась

жизнь, и организовать свой собственный инструментарий, свое собственное удовлетворение. Тогда мы завладеем настоящим строением нашего существа и покорим Неведение.

Покорение нашего конституционного неведения не может быть полным, не может стать интегрально динамическим, если мы не покорили наше поверхностное неведение; ведь эти два связаны вместе. Наше психологическое неведение заключается в ограничении нашего само-знания той малой волной поверхностного потока нашего существа, которая является сознательно пробужденным я. Эта часть нашего существа является изначальным потоком бесформенных или только плохо-оформленных движений, несущихся в автоматической непрерывности, поддерживаемых и связываемых вместе активной поверхностной памятью и пассивным лежащим в основании сознанием, связываемых вместе в их течении от одного момента времени к другому, движений, организованных и интерпретируемых нашим рассудком и нашим свидетельствующим и принимающим участие интеллектом. за этим стоит оккультное существование и энергия нашего тайного существа, без чего поверхностное сознание и его активности не могли бы существовать или действовать. В Материи проявлена только деятельность, — несознательная в наружности вещей, что есть все, что мы знаем; ведь населяющее Материю Сознание — тайное, сублиминальное, не проявленное в несознательной форме и вовлеченной энергии: но в нас сознание стало частично проявленным, частично пробужденным. Но это сознание частично и несовершенно; оно связано привычным само-ограничением и движется по повторяющемуся кругу, — кроме тех случаев, когда бывают вспышки, намеки или поднимаются волны из потаенных мест внутри нас, что разрушает границы образования или выходит за его пределы или расширяет круг. Но эти случайные посещения не могут расширить нас далеко за пределы наших теперешних способностей, не достаточны для того, чтобы коренным образом преобразовать наш статус. Это может быть сделано только в том случае, если мы принесем в наш статус еще неразвитые высшие мощности и их свет, потенциально в нас присутствующие, и сознательно и обыденно введем их в игру; мы должны быть способными свободно вытягивать эти мощности из тех диапазонов нашего существа, которым они родственны, но которые сейчас для нас несознательны или скорее тайно внутри-сознательны [intraconscient] и вокруг-сознательны [circumconscient] или же сверхсознательны. Или, — возможно даже большее, — мы должны войти в эти внутренние и высшие части нас самих посредством внутреннего погружения или тренированного проникновения и принести назад с собой на поверхность их секреты. Или, достигнув еще более радикального изменения нашего сознания, мы должны приучиться жить внутри и более не на поверхности и быть и действовать из внутренних глубин и из души, которая стала бы господином над природой.

Та наша часть, которую мы прямо называем подсознательной, потому что она ниже уровня разума и сознательной жизни, самая нижняя и темная, покрывает чисто физические и витальные элементы нашего телесного существа, элементы нементализированные, не обозреваемые разумом и неподконтрольные ему в их действии. Сюда же можно причислить немое оккультное сознание, динамическое, но не ощущаемое нами, которое оперирует в клетках и нервах и во всем телесном материале и налаживает их жизненный процесс и автоматические отклики. Подсознательное покрывает также те самые низшие работы погруженного чувство-разума, которые более оперативны в животной жизни и жизни растений; в нашей эволюции мы превзошли нужду в каком-либо большом организованном действии этого элемента, но он остается погруженным и тайно работающим ниже нашей сознательной природы. Эта темная деятельность распространяется до скрытого и закрытого ментального слоя, в котором потонули прошлые впечатления и все то, что было отвергнуто с поверхности, и в котором они дремлют и из которого они могут подняться во время сна или при некотором отсутствии разума, принимая форму грез, формы механического действия разума или внушения, формы автоматической витальной реакции или импульса, формы физической ненормальности или нервного возбуждения, формы заболеваемости, расстройства, неуравновешенности. Из подсознательного мы обычно выносим на поверхность столько, сколько нужно нашему пробужденному чувство-разуму и интеллекту для их целей; принося так элементы подсознательного, мы не осознаем их природу, происхождение, действие и не охватываем их собственные ценности, а только переводим их в ценности пробужденного человеческого чувства и интеллекта. Но подъемы подсознательного, его воздействия на разум и тело, происходят по большей части автоматически, незванно и произвольно; ведь у нас нет знания подсознательного, и поэтому мы не контролируем его. И только в ходе переживаний, ненормальных для нас, чаще всего во время заболевания или некоторого нарушения баланса, можем мы начать непосредственно осознавать нечто в немом мире, немом, но очень, активном, осознавать наше телесное существо и витальность или сознательно раскрывать тайные движения механического субчеловеческого физического и витального разума, лежащего в основании нашей поверхности, — сознания, являющегося нашим, но кажущегося нашим, потому что оно не составляет часть нашей познанной ментальности. Это и многое другое лежит сокрытым в подсознании.

Спуск в подсознательное не поможет нам исследовать эту область, поскольку это было бы погружением в бессвязность или в сон или в тупой транс или в коматозное оцепенение. Ментальное исследование или ментальный взгляд могут дать нам некоторое непрямое и выстроенное представление об этих скрытых активностях; но только отойдя в сублиминальное или поднявшись в сверхсознательное и обозревая оттуда, либо расширяя себя до этих темных глубин можем мы напрямую и тотально осознать тайны нашей подсознательной физической, витальной и

ментальной природы. Это осознание, этот контроль крайне важны. Ведь подсознательное — это Несознательное в процессе становления сознательным; это опора и даже корень наших низших частей существа и их движений. Оно поддерживает и подпитывает все то в нас, что наиболее цепко и что отказывается изменяться, нашу механическую повторяемость невежественного мышления, наше сохраняющееся упрямство чувствования, ощущений, импульсов, пристрастий, наши неконтролируемые фиксированности характера. Животное в нас, — дьявольское тоже, — обосновало свое логово в плотных джунглях подсознания. Проникнуть туда, принести свет и установить контроль — совершенно необходимая вещь для полноты какой-либо высшей жизни, для любой интегральной трансформации природы.

Та наша часть, которую мы охарактеризовали как интрасознательную [intraconscious] и вокругсознательную [circumconscious] является еще более могущественным и гораздо более ценным элементом в строении нашего существа. Эта часть включает в себя большое действие внутреннего интеллекта и внутреннего чувства-разума, внутреннего витального, даже внутреннего тонко-физического существа, которое поддерживает и охватывает наше пробужденное сознание, но которое не выведено на передний план, которое сублиминально, выражаясь современным языком. Но когда мы сможем войти в это спрятанное “я” и исследовать его, то обнаружим, что наше пробужденное чувство и разумение являются по большей части отбором того, чем мы тайно являемся или можем быть, внешне выраженной и во многом искаженной и вульгаризованной редакцией нашего настоящего, нашего сокрытого существа или выбросом из его глубин. Наше поверхностное существо было сформировано с этой сублиминальной помощью в ходе эволюции из Несознательного ради полезности нашей теперешней ментальной и физической жизни на земле; за этим кроется некоторое образование, находящееся между Несознательным и большими планами Жизни и Разума, образование, созданное в ходе эволюционного спуска и чье давление помогло начаться эволюции Разума и Жизни в Материи. Наши поверхностные отклики на физическое существование поддерживаются деятельностью в этих сокрытых частях, и часто являются откликами оттуда, модифицированными поверхностным ментальным переводом. Но также и та большая часть нашей ментальности и витальности, не являющаяся откликом на внешний мир, а живущая ради себя или выбрасывающая себя в материальное существование с тем, чтобы использовать его и завладеть им, наша личность, является продуктом, объединенной формулировкой мощностей, влияний, мотивов, происходящих из этой могущественной интрасознательной потаенности.

Опять же, сублиминальное распространяется до охватывающего сознания [enveloping consciousness], через которое оно воспринимает встряску потоков и волновых круговоротов, льющихся на нас из вселенского Разума, вселенской Жизни, вселенских тонких Материальных сил. Эти токи, невоспринимаемые нами на поверхности, воспринимаются и допускаются нашим сублиминальным “я” и обращаются в формации, которые могут мощно воздействовать на наше существование без нашего о том знания. Если бы стена, отделяющая это внутреннее существование от внешнего “я”, была проницаемой, то мы могли бы знать и иметь дело с источниками наших теперешних энергий разума и жизненного действия и могли бы их контролировать, вместо того, чтобы подвергаться результату их воздействия. И хотя большая часть сознания может обозреваться сквозь стену или благодаря более свободному сообщению, но только уходя внутрь за вуаль поверхностного разума, и живя внутри, во внутреннем разуме, внутренней жизни, сокровенной душе нашего существа можем мы быть полностью само-сознательными, — при помощи этого и благодаря подъему к высшему плану разума, более высокому, чем тот, который населяет наше пробужденное сознание. Результатом такого внутреннего жития будет расширение и завершение нашего теперешнего эволюционного статуса, сейчас еще слишком стесненного и усеченного; но эволюция за пределы этого статуса может прийти только с нашим становлением сознательными в том, что сейчас сверхсознательно для нас, путем подъема к родным высотам Духа.

В сверхсознание за пределами нашего теперешнего уровня осознания включены высшие планы ментального бытия, как и родственные высоты супраментального и чистого духовного бытия. Первым совершенно необходимым шагом в направленной вверх эволюции будет подъем нашей силы сознания в эти высшие части Разума, из которых мы уже получаем, но не зная источника, большинство широких ментальных движений, особенно тех, которые приходят с большей мощностью и светом, несущих откровение, вдохновляющих, интуитивных. На этих ментальных высотах, в этой обширности, если сознание сможет преуспеть в том, чтобы достичь их или удержаться там и обосноваться там, нечто из прямого присутствия и мощности Духа, нечто даже, — как бы ни вторично или косвенно, — из Сверхразума могло бы получить первое выражение, смогло бы сделать первое проявление, смогло бы вмешаться в управление нашим низшим существом и помочь переформировать его. Затем, благодаря силе переформированного сознания мог бы подняться ход нашей эволюции, и она перешла бы из ментальной в супраментальную и верховную духовную природу. Можно и без действительного восхождения на эти высшие ментальные планы, остающиеся для нас сверхсознательными, или без постоянного или неизменного жития в них, благодаря открытости им, благодаря восприятию их знания и влияний, можно до определенной степени избавиться от нашего конституционного и психологического неведения; можно осознавать себя как духовных существ и одухотворять, сколь бы ни несовершенно, нашу обычную человеческую жизнь и сознание. Могла бы быть установлена сознательная связь и водительство с

этой большей, более светлой ментальности и могло бы осуществляться восприятие ее освещенных и трансформирующих сил. Все это находится в пределах достижимого для высокоразвитого или духовно пробужденного человеческого существа; но это будет не более чем предварительной стадией. Чтобы достичь интегрального самознания, полного сознания и мощности бытия, необходимо восхождение за пределы плана нашего обычного разума. Такое восхождение сейчас возможно в поглощающем сверхсознании; но сейчас это может привести ко входу на высшие уровни только в состоянии недвижимого или экстатического транса. Если контроль этого высочайшего духовного бытия привнести в нашу пробужденную жизнь, тогда началось бы сознательное возвышение и расширение в грандиозные диапазоны нового бытия, нового сознания, новых потенциальностей действия, началось бы поднятие, — столь интегральное, насколько возможно, — нашего теперешнего бытия, сознания, действий и их трансмутация в божественные ценности, что вызвало бы преобразование нашего человеческого существования. Ведь где бы ни должен был произойти радикальный переход, всегда присутствует это тройное движение, — восхождение, расширение поля и базы, интеграция, — в Природном способе само-превосхождения.

Любое такое эволюционное изменение обязательно должно быть связано с отвержением нашего теперешнего сужающего временного неведения. Ведь на самом деле мы сейчас не только живем от одного момента времени к другому, но и весь наш взгляд ограничен нашей жизнью в теперешнем теле между единичным рождением и смертью. Как наш взгляд не распространяется далеко в прошлое, так же он не распространяется далеко в будущее; так мы ограничены нашей физической памятью и осознанием теперешней жизни в преходящем телесном образовании. Но это ограничение нашего временного сознания сокровенно зависит от преобладающего занятия нашей ментальности материальным планом и жизнью, в которой она сейчас действует; это ограничение является не законом духа, а временным условием для намеченной первой работы нашей проявляющейся природы. Если это предпочтение стихнет или будет остановлено, если будет задействовано расширение разума, открытие его в сублиминальное и сверхсознательное, во внутреннее и высшее бытие, тогда станет возможным понять наше сохраняющееся существование во времени, как и наше вечное существование за его пределами. Это существенно, если мы хотим собрать наше самознание в правильный фокус; ведь сейчас наше целостное сознание и действие искажены ошибкой духовной перспективы, что мешает нам увидеть в правильной пропорции и связи природу, цель и условия нашего бытия. Вера в бессмертие сделана такой жизненной точкой в большинстве религий из-за того, что это само-очевидная необходимость, если нам должно подняться над отождествлением с телом и предпочтительным занятием материальным уровнем. Но одной веры недостаточно для того, чтобы радикально исправить эту ошибку перспективы: настоящее само-знание нашего бытия во времени может прийти к нам лишь тогда, когда мы начнем жить в сознании нашего бессмертия; мы должны пробудиться к конкретному ощущению нашего вечного бытия во Времени и нашего вневременного существования.

Ведь бессмертие в фундаментальной смысле не означает просто некоторую разновидность личного выживания после смерти тела; мы бессмертны благодаря вечности нашего само-существования без начала или конца, за пределами всей последовательности физических рождений и смертей, через которые мы проходим, за пределами чередований нашего существования в этом мире и иных мирах: вневременное существование духа есть истинная бессмертность. У этого слова есть, без сомнения, и другой смысл, имеющий свою истину; ведь, как результат этой настоящей бессмертности, есть вечная непрерывность нашего временного существования и переживания из жизни в жизнь, из мира — в мир, после растворения физического тела: но это естественное следствие нашей вневременности, которая выражает себя здесь как вечность в вечном Времени. Понимание вневременной бессмертности приходит со знанием я в Не-рождении и Не-становлении и со знанием неизменного духа внутри нас: понимание временной бессмертности приходит со знанием “я” в рождении и Становлении и транслируется в чувство вечной тождественности души через все изменения разума и жизни и тела; это также не простое выживание, а вневременность, транслированная в манифестацию Времени. Благодаря первой реализации мы освобождаемся от темного подчинения цепям рождения и смерти, это верховная цель почти всех Индийских дисциплин; благодаря второй реализации, добавленной к первой, мы способны обладать свободно, с верным знанием, без неведения, без зависимости от целей наших действий, переживаниями духа в последовательности временной вечности. Сама по себе реализация безвременного существования может и не включать истину переживания сохраняющегося “я” в вечном Времени; сама по себе реализация выживания после смерти может уживаться с представлением о начале или конце нашего существования. Но если обе реализации постигнуты как две стороны одной истины, тогда сознательное существование в вечности, а не в рабстве часа и последовательности моментов является самой субстанцией изменения: существовать таким образом — это первое условие божественного сознания и божественной жизни. Завладеть и управлять из той внутренней реальности существа ходом и процессом становления — это второе, динамическое условие, продуктом которого может стать духовное само-обладание и само-мастерство. Эти изменения возможны лишь при отходе от поглощающего занятия материальными делами, — но отсюда не следует необходимость отвержения или пренебрежения жизнью в теле, — и при постоянном жизни на внутреннем и высшем планах разума и духа. Ибо возвышение нашего сознания до духовного принципа осуществляется при восхождении и отступлении внутрь — оба движения существенны — из

нашей преходящей жизни от момента к моменту в вечную жизнь нашего бессмертного сознания; но с этим также приходит расширение нашего диапазона сознания и поля действия во времени и вбирание и высшее использование нашего ментального, нашего витального, нашего телесного существования. Тогда приходит знание нашего существа, более не как сознания, зависящего от тела, но как вечного духа, который использует все миры и все жизни для разнообразного само-переживания; мы видим наше существо как духовную сущность, обладающую непрерывной жизнью души, вечно развивающей свои действия в чреде последовательных физических существований, как существо, определяющее наше собственное становление. В этом знании, теперь уже не на уровне идей, а ощущаемом в самой нашей субстанции, становится возможным жить не как рабам слепого Кармического побуждения, а как мастерам — подчиненным только Божественному внутри нас -нашего существа и природы.

В то же время мы избавляемся от эгоистического неведения; ведь пока мы хоть сколь-нибудь связаны им, божественная жизнь остается либо недостижимой, либо несовершенной в своем само-выражении. Ведь это является фальсификацией нашей настоящей индивидуальности из-за его ограничивающего само-отождествления с этой жизнью, этим разумом, этим телом: именно отделение от остальных душ запирает нас в нашем собственном индивидуальном переживании и препятствует нам жить как вселенским индивидам: это отделение от Бога, нашего величайшего “я”, кто есть одно “я” во всех существованиях и божественный Житель внутри нас. Эго не может пережить изменение нашего сознания в высоте и глубине и широте духа: оно слишком мало и ничтожно, чтобы жить в той обширности, и поэтому растворяется в ней; ведь эго существует за счет своих ограничений и погибает с потерей границ. Существо вырывается из заточения в отдельную индивидуальность, становится универсальным, принимает космическое сознание, в котором оно отождествляет себя с “я” и духом, жизнью, разумом и телом всех существ. Или же оно прорывается вверх, на самую вершину и бесконечность и вечность само-существования, независящего от космического или индивидуального существования. Эго терпит полный крах в космической безбрежности, теряя свою стену ограничения; или же оно проваливается в ничто, неспособное дышать на высотах духовного эфира. Если нечто из движений эго остается в силу привычки Природы, то все же и это постепенно выпадает и замещается новым безличностно-личностным видением, чувствованием, действием. Это исчезновение эго не приносит с собой разрушения нашей настоящей индивидуальности, нашего духовного существования, ведь это существование всегда было универсальным и единым с Трансцендентностью: но происходит трансформация, которая замещает отдельное эго Пурушей, сознательным лицом и образом вселенского бытия и “я” и мощи трансцендентного Божественного в космической Природе.

В том же движении, благодаря самому пробуждению в духе, происходит растворение космического неведения; ведь мы знаем самих себя в качестве безвременного неизменного “я”, обладающего собой в космосе и за пределами космоса: это знание становится базисом Божественной Игры во времени, примиряет одно и множество, вечное единство и вечную множественность, воссоединяет душу с Богом и открывает Божественное во вселенной. Именно благодаря этой реализации можем мы достичь Абсолют как источник всех обстоятельств и связей, можем завладеть миром в нас самих в крайне предельной широте и в сознательной зависимости от источника, и занимая его так, поднять его и реализовать через него абсолютные ценности, которые сходятся в Абсолюте. Если таким путем наше знание станет полным во всех сущностных направлениях, то наше практическое неведение, которое в своих крайних формах как неправильное делание, страдание, ложь, ошибка является причиной всех жизненных путаниц и разногласий, уступит свое место правильной воли само-знания, и его ложные или несовершенные ценности отступят перед божественными ценностями истинной Сознательной-Силы и Ананды. Для правильного сознания, правильного действия и правильного бытия, не в несовершенном человеческом смысле нашей бедной моральности, а в большом и светлом движении божественного жития, условиями являются единение с Богом, единение со всеми существами, жизнь, управляемая и формируемая изнутри — наружу, в которой источником всего мышления, воли и действия будет работа Духа через истину и божественный закон, которые не будут построены и сконструированы разумом Неведения, а будут само-существующими и спонтанными в их само-исполнении, будут не столько законом, сколько истиной, действующей в своем собственном сознании и в светлом пластическом автоматическом процессе познания.

По-видимому, таким будет ход и результат сознательной духовной эволюции; преобразование жизни Неведения в божественную жизнь истинно-сознательного духа, переход из ментального в духовный и супраментальный способ бытия, само-расширенного из семикратного неведения в семикратное знание. Эта трансформация будет естественным завершением направленного вверх хода Природы, по мере того, как она поднимает силы сознания от одного принципа к другому, более высокому, до тех пор пока высочайший, духовный принцип не станет выраженным и преобладающим в ней, пока он не поднимет космическое и индивидуальное существование низших планов до их истины и не трансформирует все в сознательную манифестацию Духа. Возникнет настоящий индивид, духовное существо, индивидуальное, и все же вселенское, вселенское и все же само-превосходящее: жизнь больше не будет образованием вещей и действием существа, созданного разделяющим Неведением.

ФИЛОСОФИЯ ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЯ

Имеют конец эти тела, в коих воплощается вечная душа; ... она не рождается, не умирает, а также в следующий раз уже не будет там, где была ранее. Она не рождена, она непреходяща; она не умирает со смертью тела. Подобно тому, как человек снимает износившиеся одежды и надевает новые, так и воплощенное существо сбрасывает свои тела и соединяется с новыми. Несомненна смерть того, что было рождено, и несомненно рождение того, что умирает...

Гита (II.18,20,22,27)

Существует рождение и рост Зя. В соответствии с его действиями воплощенное существо последовательно принимает формы во многих местах; многие формы, грубые и тонкие, примет это Зя благодаря силе собственных характерных качеств...

Шветашиватара Упанишада (V.11,12)

Рождение является первой духовной тайной физической вселенной, смерть — второй, прибавляющей еще одну загадку к тайне рождения; ибо жизнь, которая иначе была бы само-очевидным фактом существования, сама становится тайной под действием этих двух факторов, кажущихся ее началом и ее концом, но тысячами способов выдающих, что они являются не этими вещами, а скорее промежуточными ступенями в оккультном процессе жизни. На первый взгляд рождение может показаться постоянным выбросом жизни во всеобщую смерть, сохраняющееся обстоятельство вселенской безжизненности Материи. При более близком рассмотрении начинает казаться более вероятным, что жизнь — это нечто вовлеченное в Материю или что она даже является внутренне присущей мощью Энергии, создающей Материю, но сама она способна появиться только тогда, когда обретет необходимые условия для утверждения своих характерных явлений или для надлежащей само-организации. Но в самом рождении жизни присутствует нечто большее, — некий элемент, более не материальный, это внезапное и сильное зажжение пламени души, первая ясная вибрация духа.

Предполагается, что обстоятельства и следствия рождения неизвестны заранее, и существует предположение об универсальности жизни, о ее воле к возобновлению, о незавершенности в смерти, что однако не дает никаких указаний на то, что будет после смерти. Чем мы были до рождения и чем мы будем после смерти — вот вопросы, ответ на один из которых зависит от ответа на другой; это те вопросы, которые интеллект человека поставил перед собой с самого начала, но и поныне не пришел к окончательному решению. На самом деле интеллект вряд ли сможет дать окончательный ответ: поскольку этот ответ по самой своей природе лежит за пределами данных физического сознания и памяти, будь то сознание и память расы или индивида; и все же эти данные являются единственными данными, которым привык доверять интеллект. Он постоянно вертится в этой скудности материала, переходя от одной гипотезы к другой, пытаясь прийти к какому-то заключению. Более того, это решение зависит от природы, источника и объекта космического движения, и коль скоро мы их определим, тогда и сможем сделать вывод о рождении и жизни и смерти, о том, что было “до” и о том, что будет “после”.

Первый вопрос состоит в том, является ли “до” и “после” нечто чисто физическим и витальным или преимущественно ментальным и духовным. Если принцип Материи был бы первым и последним принципом вселенной, как утверждают материалисты, если истину вещей можно было бы отыскать в первой формуле, к которой пришел Бхригу¹, сын Варуны, когда он медитировал с целью познать сущность Брахмана, “Материя есть Вечное, ибо из Материи рождены все существа, благодаря ней они существуют, и в Материю все существа возвращаются”, тогда никакие дальнейшие изыскания невозможны. Тогда рождению наших тел предшествовал бы только сбор разнообразных физических элементов при помощи инструментария семени и пищи и под воздействием, возможно оккультных, но всегда материальных энергий; и появление нашего сознательного существа подготавливалось бы только механизмом наследственности или другими физически витальными или физически ментальными механизмами вселенской Материи, механизмами, специализирующимися на построении индивида из тел наших родителей при помощи семени, генов и хромосом. Тогда после смерти происходило бы только разложение тела на материальные элементы, и сознательное существо снова впадало бы в Материю, а выживали бы только последствия деятельности существа, сохраняясь в общечеловеческом разуме и жизни человечества: это довольно сомнительное и иллюзорное выживание было бы нашим единственным шансом на бессмертие. Но поскольку универсальность Материи не может больше считаться достаточным объяснением существования Разума, — и на самом деле сама Материя не может более

¹ Мудрец из Упанишад, который под руководством своего отца постигает сущность Брахмана. — прим. перев.

объясняться единственно Материей, ибо она не кажется само-существующей, — то следует отказаться от этого легкого и очевидного решения и поискать другие гипотезы.

Одной из таких гипотез является религиозный миф и догматическая мистерия о Боге, постоянно созидающем бессмертные души из своего собственного существа или же “вдыхающим” жизненной силы в материальную Природу или, тогда уж, в материальные тела, наделяя их духовным принципом. Эта гипотеза может считаться тайной веры, и тогда не следует пытаться ее проверить, ибо тайны веры не подлежат сомнению и выше всяческих вопросов; но такой подход не приемлем для разума и философии, и такое представление не вписывается в известное устройство вещей. Ведь в этой гипотезе подразумеваются два парадокса, которые требуется как-то подтвердить, прежде чем они вообще могут быть приняты к рассмотрению; первый парадокс — постоянное творение существ, имеющих начало во времени, но не имеющих там конца и, более того, рожденных с рождением тела, но не умирающих с его смертью; второй парадокс заключается в предположении об уже готовой массе скомбинированных качеств, добродетелей, пороков, способностей, дефектов, темпераментов и других достоинств и недостатков, вовсе не произведенных этими существами в процессе роста, а сделанных для них по произвольному выбору, — если не по закону наследования, — и все же за которые и за надлежащие использование которых существа несут ответственность перед своим Создателем.

Мы можем поддержать, — по крайней мере, условно, — определенные вещи как законные предположения философского разума и переложить ношу их опровержения на плечи тех, кто их отрицает. Среди таких постулатов есть принцип, утверждающий, что все, что не имеет конца, должно не иметь и начала; все, что начинается или было создано, должно закончиться с остановкой процесса, в ходе которого была создана и поддерживалась эта вещь, или с разложением материалов, составляющих вещь, или с окончанием назначения, ради чего эта вещь пришла в бытие. Если бы не этот закон, то нисхождение духа в материю должно было бы наполнить ее божественностью или придать ей бессмертие духа; однако сам спускающийся дух бессмертен, не сделан и не создан. Если душа была бы сотворена с целью оживить тело, если ее приход в существование зависел бы от тела, то у нее не было бы причины или основания существовать после исчезновения тела. Естественно предположить, что дыхание или мощь, приданная для оживления тела, должна возвращаться к своему Творцу после разложения тела. Если же, напротив, душа все еще существует как бессмертное воплощенное существо, то должно существовать тонкое или психическое тело, в котором она продолжала бы свое существование, и совершенно определенно, что это психическое тело и его обитатель должны пред-существовать по отношению к материальному носителю: было бы иррациональным предположить, что изначально они были сотворены для того, чтобы населить эту краткую и тленную форму; бессмертное существо не может быть продуктом такого эфемерного эпизода в творении. Если душа остается, но в развоплощенном состоянии, то ее существование не должно изначально зависеть от тела, она должна продолжать существование в качестве невоплощенного духа перед рождением тела, как она продолжает существовать в качестве развоплощенной духовной сущности после смерти тела.

Опять же, мы можем предположить, что там, где наблюдается определенная стадия развития во Времени, должно быть прошлое этого развития. Поэтому, если душа вступает в эту жизнь с определенной развитой персональностью, то она должна была подготовить эту персональность в предшествующих жизнях на земле или где-то еще. Иначе, если душа принимает уже подготовленную жизнь, и личность была сформирована не ею, а возможно, физической, витальной и ментальной наследственностью, то душа сама должна быть чем-то совершенно независимым от этой жизни и личности, чем-то только по прихоти фортуны соединенным с разумом и телом и поэтому не могущим реально быть подверженным влиянию того, что было сделано или развито в ментальной или телесной жизни. Если душа реальна и бессмертна, не является сконструированным существом или рисунком существа, то она должна быть также вечной, не имеющей начала в прошлом и конца в будущем; но будучи вечной, душа должна быть либо неизменным “я”, неподверженным влиянию жизни и ее выражений, либо безвременным Пурушей, вечной и духовной Личностью, проявляющей или вызывающей во времени вереницу меняющихся личностей. Если душа является такой Личностью, то она может проявлять эту вереницу личностей в мире рождения и смерти только последовательно принимая тела, — одним словом, постоянно или повторно перевоплощаясь в Природных формах.

Но бессмертие или вечность души само по себе ниоткуда не следует, даже если мы отвергли объяснение всех вещей при помощи вечной Материи. Ведь можно принять гипотезу о порождении временной или видимой души некоторой мощью первозданного Единства, из которого все вещи берут начало, благодаря которому они живут и в котором они исчезают. С одной стороны, на базе некоторых современных идей или открытий можно выдвинуть теорию космического Бессознательного, создающего временную душу, сознание, которое после недолгой игры угасает и возвращается в Бессознательное. Или можно предположить, что существует вечное Становление, проявляющееся в космической Жизненной силе, на одном объективном конце которой видится Материя, а на другом субъективном конце видится Разум, и взаимодействие этих двух явлений Жизненной силы и порождает наше человеческое существование. С другой стороны, имеется теория единственно существующего Сверхсознательного, вечного, неподверженного изменениям Бытия, которое допускает или творит при помощи Майи иллюзию индивидуальной

жизни души в этом мире феноменального Разума и Материи, нереальных в конечном итоге, — даже если они обладают временной феноменальной реальностью или предполагают ее, — поскольку единственной сущностью является неизменное и вечное “я” или Дух. Кроме того, существует Буддистская теория Нуля или Нирваны и наложенного на нее вечного действия энергии последовательного становления, Кармы, которая порождает иллюзию сохраняющегося я или души путем постоянной непрерывности связей, идей, памяти, ощущений, образов. Но по отношению к проблеме жизни все три объяснения приводят практически к одному и тому же; ибо для целей вселенского действия даже Сверхсознательное эквивалентно Бессознательному; оно может осознавать только свое собственное неизменное само-существование: творение мира индивидуальных существ при помощи Майи является наложением на это само-существование; возможно, это происходит в некотором само-поглощающем сне сознания, сущности², из которого все же всплывает все активное сознание и видоизменения феноменального существования, точно также как в современной теории наше сознание является мимолетным развитием из Бессознательного. Во всех трех теориях кажущаяся душа или духовная индивидуальность сознания не бессмертна в смысле вечности, а имеет начало и конец во Времени, является творением Майи или Природной Силы или космического Действия из Бессознательного или Сверхсознательного, и поэтому преходяща в своем существовании. Во всех теориях перевоплощение либо необязательно, либо иллюзорно; оно является либо повторным продлением иллюзии, либо добавочным вращающимся колесом среди многих колес сложной машинерии Становления, либо перевоплощение вообще исключается, поскольку единичное рождение есть все то, о чем может попросить сознательное существо, случайно порожденное как часть несознательного творения.

С точки зрения этих теорий, предполагаем ли мы, что одно Вечное Существование является витальным Становлением или неизменным и не подлежащим изменению духовным Бытием или безымянным и бесформенным Небытием, вывод будет один: то, что мы называем душой, может быть только меняющейся массой или временной вереницей явлений сознания, которое было вызвано в существование в море реального или иллюзорного становления и прекратит там свое существование — или, быть может, душа есть временный духовный субстрат, сознательное отражение Сверхсознательного Вечного, которое своим присутствием поддерживает эту массу явлений. Душа не вечна, и ее единственная бессмертность заключается лишь в большей или меньшей непрерывности в Становлении. Она не является настоящей и всегда существующей Личностью, поддерживающей и переживающей поток или массу явлений. То, что поддерживает их, что реально и всегда существует, является либо одним вечным Становлением, либо одним вечным и безличностным Бытием или непрерывным потоком Энергии в своих работах. Ибо в теории такого рода вовсе не требуется предполагать, что психическая сущность, всегда одна и та же, должна сохраняться и принимать тело за телом, форму за формой, пока она наконец не растворится в ходе некоторого процесса, всецело аннулирующего первоначальный толчок, породивший этот цикл. Вполне можно предположить, что по мере развития каждой формы сознание также развивается в соответствии с формой, и как только растворяется форма, с ней растворяется и соответствующее сознание; только Один, формирующий все, навсегда вечен. Либо, подобно тому, как тело собирается из общих элементов Материи и начинает свою жизнь с рождения и прекращает ее со смертью, так и сознание может развиваться из общих элементов разума и также начинаться с рождения и заканчиваться смертью. Здесь также лишь Один, кто поддерживает все при помощи Майи, или же сила, создающая элементы, является единственной реальностью, переживающей века. Ни в одной из этих теорий существование перевоплощения не становится абсолютной необходимостью или неизбежным выводом³.

Однако, в сущности, есть и большое различие; потому что древние теории утверждают, а современные отрицают перевоплощение как часть вселенского процесса. Современное мышление стартует с физического тела как базиса нашего существования и не распознает реальности иных миров, кроме этой материальной вселенной. То, что видно здесь, является ментальным сознанием, связанным с жизнью тела, сознанием, не получающим при своем рождении ни малейшего намека на предшествующее индивидуальное существование и не оставляющим в конце отметки о своем последующем индивидуальном существовании. То, что было до рождения, это материальная энергия со своим семенем жизни, или в лучшем случае, энергия жизненной силы, которая сохраняется в семени, переданном родителями, и при помощи мистического впавления прошлого в этот никудышный носитель накладывает особенный ментальный и физический отпечаток на готовые индивидуальный разум и тело, так странно созданные. То, что остается после смерти, это та же самая материальная энергия или жизненная сила, сохранившаяся в семени и передаваемая детям по части дальнейшего развития ментальной и физической жизни, переносимой ею. От нас не остается ничего, за исключением того, что мы таким путем передали другим, или того, что Энергия, сформировавшая индивида своим пред-существующим и своим окружающим действием, рождением и обстоятельствами, может

² Преджана из Мандукья Упанишады, “я” в глубоком сне, являющееся господином и творцом вещей.

³ В Буддистской теории перевоплощение императивно требуется лишь постольку, поскольку его вызывает Карма; не душа, а Карма является связующим звеном сознания, кажущегося непрерывным — так как сознание меняется от момента к моменту: есть эта видимая непрерывность сознания, но нет настоящей бессмертной души, принимающей рождение и проходящей через смерть тела, чтобы возродиться в другом теле.

вобрать в себя как результат жизни индивида и воплотить в своем последующем действии; может хоть как-то выжить лишь то, что каким-либо образом, по случаю или под действием физического закона, может построить ментальную и витальную составляющие и окружение других индивидов. Возможно, что за ментальными и физическими явлениями стоит вселенская Жизнь, по отношению к которой мы предстаем индивидуализированными, эволюционирующими и феноменальными становлениями. Эта вселенская Жизнь творит реальный мир и реальные существа, но сознательная личность в этих существах не является, или по крайней мере ей не требуется быть таковой, знаком или формой сознания вечной или даже сохраняющейся души или супрафизической Личности: в этой формуле существования нет ничего, что заставляло бы нас верить в психическую сущность, переживающую смерть тела. Здесь нет причины и мало возможности для того, чтобы допустить перевоплощение как часть системы вещей.

Но, что если бы по мере роста нашего знания было бы найдено (на что и указывают некоторые исследования и открытия), что зависимость ментального существа или психической сущности от тела не столь полна, как поначалу мы заключаем из изучения данных физического существования и единственно физической вселенной? Что тогда, если было бы найдено, что человеческая личность переживает смерть тела и движется между другими планами и этой материальной вселенной? Преобладающая сейчас идея о временном сознательном существовании должна тогда расширяться и допустить Жизнь, имеющую более широкий диапазон, чем физическая вселенная, и также допустить существование личностной индивидуальности, не зависящей от материального тела. Тогда могла бы практически возродиться древняя наука о тонкой форме или тонком теле, населенном психической сущностью. Психическая сущность или сущность души, перенося с собой ментальное сознание, или если нет такой изначальной души, то развивающийся ментальный индивид мог бы сохраниться после смерти в этой тонкой форме, которая должна быть создана для него либо до рождения, либо самим рождением, либо в течение жизни. Ибо или психическая сущность пред-существует в иных мирах в тонкой форме и приходит оттуда с ней в свое краткое земное житие, или душа развивается здесь, в самом материальном мире, и вместе с ней развивается психическое тело, развивается в ходе Природного процесса и сохраняется после смерти, уходя в другие миры или перевоплощаясь здесь. Это означало бы две возможности.

Эволюционирующая вселенская Жизнь могла развить на земле персональность, которая некоторое время бы росла, прежде чем войти в человеческое тело и стать человеком; наша душа могла развиваться в низших формах природы, прежде чем создан был человек. В этом случае наша персональность прежде населяла животные формы, и тонкое тело должно быть гибким образованием, переносимым от рождения к рождению, но адаптирующимся к любой физической форме, в которую вселяется душа. Либо эволюционирующая Жизнь могла бы быть способной строить персональность, которая может выжить, но только в человеческой форме, когда таковая была создана. Это могло бы произойти при внезапном росте ментального сознания, и одновременно могла бы развиться оболочка тонкой субстанции разума, которая могла бы помочь индивидуализировать это ментальное сознание и затем исполнять роль тонкого тела, подобно тому как грубая физическая форма одновременно индивидуализирует животный разум и жизнь и служит им домом. Приняв предыдущее предположение, мы должны допустить, что животное также переживает разложение физического тела и обладает каким-то образованием души, которое после смерти занимает на земле другие животные формы, и наконец, человеческое тело. Ибо маловероятно, что душа животного выходит за пределы земли и входит в иные планы жизни, отличные от физического, и постоянно возвращается сюда, пока не будет готова для воплощения в человеческой форме; сознательная индивидуализация животного вряд ли достаточна для того, чтобы выдержать такое перемещение или приспособиться к существованию в иных мирах. Второй взгляд предполагает, что мощност, достаточная для того, чтобы пережить в иных мирах смерть физического тела, стала достижимой только с появлением человеческой стадии эволюции. Если, в действительности, душа является не так построенной личностью, развивающейся в ходе Жизни, а сохраняющейся неэволюционирующей реальностью, использующей земную жизнь и тело в качестве необходимого поля, то тогда следует отдать предпочтение теории перевоплощения в смысле Пифагорейского переселения. Но если душа является выживающей эволюционирующей сущностью, способной выходить за пределы земного уровня, тогда становится возможной и весьма вероятной Индийская идея о переходе в иные миры и возвращении к земному рождению. Но такой вывод не неизбежен, поскольку можно предположить, что человеческая личность, однажды достигнувшая иных планов, может не иметь необходимости уходить с них: было бы естественно, что в отсутствии некоторой сильной побуждающей причины она продолжила бы свое существование на том высшем плане, которого достигла; она бы покончила с земной эволюцией. Только при столкновении с настоящей непреложной очевидностью возвращения на землю станет совершенно обязательным и неизбежным предположение о повторном воплощении в человеческих формах.

Но даже тогда не требуется замены виталистической теории развития на духовную, не требуется допустить реальность существования души или допустить ее бессмертие или вечность. Все еще можно считать личность феноменальным творением вселенской Жизни посредством взаимодействия сознания жизни с физической формой и силой, хотя это взаимодействие и становится более широким, более разнообразным и более тонким и имеющим другую историю, чем это может показаться с первого взгляда. Можно даже прийти к некоторой разновидности

виталистического Буддизма, приняв Карму, но допустив ее только в качестве действия вселенской силы Жизни; эта теория может допускать в качестве следствия непрерывность потока персональности в перевоплощении при помощи ментальной связи, но в то же время может отрицать какое-либо реальное “я” индивида или любое вечное существо, отличное от этого вечно активного витального Становления. С другой стороны, можно было бы, подчинившись повороту мысли, который начинает сейчас обретать все большую силу, допустить вселенское “я” или космический Дух в качестве первичной реальности и Жизнь в качестве мощи или агента, и таким путем достичь некоторого рода одухотворенного витального Монизма. В этой теории закон перевоплощения также был бы возможен, но не обязателен; он мог бы быть феноменальным фактом, действенным законом жизни, но не логическим выводом этой теории бытия и ее неизбежным следствием.

Адвайта Майявады, подобно Буддизму, стартует с уже принятой веры, — части полученного запаса древнего знания, — в супрафизические планы и миры и связь между ними и нашим миром, связь, определяющую переход с земли и, даже если это кажется менее примитивным открытием, возвращение на землю человеческой личности. В любом случае позади мышления Майявады стояло древнее восприятие и даже переживание, или по крайней мере традиция, того, что было “до” и будет “после” для личности, не ограниченной переживанием физической вселенной; поскольку Майявада основывалась на том взгляде на “я” и мир, в котором супрафизическое сознание считается даже первичным явлением, а физическое существо — только вторичным и зависимым. На базе именно этих данных Майявада пыталась определить природу вечной Реальности и происхождение феноменального становления. Поэтому она допускала переход личности из этого мира в иные миры и возвращение в форму жизни на земле, но с точки зрения Буддизма такое перевоплощение не является реальным перевоплощением реальной Личности в формах материального существования. С точки зрения более поздней Адвайты духовная реальность существует, но ее кажущиеся индивидуальность и, как следствие, рождение и перевоплощение индивидуальности являются частями космической иллюзии, обманчивым, но действенным построением вселенской Майи.

В Буддистском мышлении отрицалось существование “я”, а перевоплощение могло быть только средством поддержки непрерывности идей, ощущений и действий, которая составляет фиктивное индивидуальное движение между различными мирами, — скажем, между по-разному организованными планами идеи и ощущения; поскольку, конечно же, только сознательная непрерывность потока создает феномен “я” и явление личности. В Адвайте Майявады был также принят Дживатман, индивидуальное “я”, и даже реальное “я” индивида⁴; но эта уступка — только видимость. Ибо оказывается, что не существует реального и вечного индивида, нет “я” или “ты”, и поэтому не может быть настоящего “я” индивида, даже не может быть настоящего вселенского “я”, а существует только “я” поодаль от вселенной, навсегда не рожденное, навечно не подверженное изменениям, навсегда незатрагиваемое мутациями явлений. Рождение, жизнь, смерть, вся масса индивидуального и космического переживания становится в конечном итоге не более чем иллюзией или временным явлением; даже рабство и освобождение могут быть только такой иллюзией, частью временных явлений: они попросту равнозначны сознательной непрерывности иллюзорных переживаний эго, самого являющегося порождением великой Иллюзии; то же относится и к угасанию непрерывности и сознания в сверхсознании Того, кто единственно был, есть и будет, или скорее, кому нечего делать со временем, кто навечно нерожден, безвременен и невыразим.

Таким образом, в то время как в виталистическом взгляде на вещи существует реальная вселенная и реальное, хотя и временное, становление индивидуальной жизни, что даже при отсутствии все-переживающего Пуруши придает немаловажную значимость нашему духовному опыту и действиям, — поскольку они по-настоящему действительны в реальном становлении, — то в теории Майявады эти вещи не имеют реального значения и не производят настоящего эффекта, а являются только подобием последовательности картинок сна. Ибо даже освобождение наступает в космическом сновидении или галлюцинации путем распознавания иллюзии и с концом индивидуального разума и тела; на самом деле, никто не связан, и никто не освобождается, потому что единственно существующее “я” незатрагиваемо иллюзиями эго. Чтобы убежать от все-нивелирующей стерильности, которая была бы логическим итогом, мы должны придать практическую реальность, какой бы ложной она не оказалась в конечном итоге, этой последовательности картинок сна, и придать безмерное значение нашему рабству и индивидуальному освобождению, даже если жизнь индивида только феноменальна, а для одного реального “я” как рабство, так и освобождение являются вещами несуществующими и не могут быть ничем иным. В условиях этой обязательной уступки тиранической лжи Майи жизнь и опыт важны лишь в той мере, в какой они подготавливают к отрицанию жизни, к самоуничтожению индивида, к окончанию космической иллюзии.

Однако, это крайний взгляд и крайнее последствие монистического тезиса, а более древняя Веданга, берущая начало с Упанишад, не заходит так далеко. Эта Адвайта допускает настоящее и временное становление Вечного, и поэтому допускает реальную вселенную; также предполагается достаточная реальность индивида, поскольку каж-

⁴ В этом взгляде “я” одно и не может быть многим или множественным; поэтому не может быть никакого настоящего индивида, а в лучшем случае может быть только одно “я”, вездесущее и оживляющее каждый разум и тело идеей “Я”.

дый индивид являет в себе Вечное, принявшее имя и форму и поддерживающее через индивида переживания жизни, запустив вечно вращающееся колесо рождений в манифестации. Движение колеса поддерживается желанием индивида, что становится действенной причиной перевоплощения, а также тем, что разум отвернулся от знания вечного “я” и погряз во временном становлении. С прекращением этого желания и этого неведения Вечное в индивиде отходит от превратностей индивидуальной личности и познает свое безвременное, безличностное и неизменное бытие.

Но эта реальность индивида преходяща; она не обладает ни основанием, выдерживающим испытание Временем, ни даже извечной возвращаемостью во Времени. Хотя в таком взгляде на вселенную перевоплощение является очень важной действительностью, но все же оно не возникает как неизбежное следствие связи между индивидуальностью и целью манифестации. Ибо тогда кажется, что манифестация не имеет никакой цели, кроме целеустремленности Вечного к созиданию мира, и манифестация может прекратиться посредством всего лишь волевого отхода: космическая воля могла бы осуществляться без какой-либо машинерии перевоплощения и желания индивида, поддерживающего эту волю; поскольку его желание может быть только некоторой пружиной машинерии, и не может быть причиной или необходимым условием космического существования, потому что с этой точки зрения сам индивид является результатом творения и не существует до Становления. Тогда воля к созиданию могла бы осуществляться через временное принятие индивидуальности в каждом имени и форме, в единственной жизни многих недолговечных индивидов. Происходило бы само-формирование одного сознания в соответствии с типом каждого созданного существа, но оно очень даже могло начинаться в каждом индивидуальном теле с появлением физической формы и прекращаться с кончиной физической формы. Индивид сменял бы индивида подобно тому, как волна сменяет волну, а море остается тем же самым⁵; каждое образование сознательного существа поднималось бы из вселенского, крутилось бы отведенное ему время и втягивалось бы назад в Молчание. Для этой цели нет необходимости того, чтобы индивидуальное сознание сохраняло свою непрерывность, принимая имя за именем и форму за формой и двигаясь между различными планами туда-обратно, и даже как возможность это не кажется весьма вероятным; и еще менее оправдано предположение об эволюционном развитии, происходящем при переходе к более высокой форме, как это должно предполагаться в теории перевоплощения, утверждающей инволюцию и эволюцию Духа в Материи в качестве сущностной формулы нашего земного существования.

Можно предположить, что Вечное могло выбрать такой способ проявиться в теле, или скорее, сокрыть себя в нем; оно могло пожелать появиться в качестве индивида, проходящего от рождения к смерти, и от смерти к новой жизни в цикле сохраняющегося и возвращающегося человеческого и животного существования. Одно Бытие проходило бы через разнообразные формы становления, будь то по прихоти или в соответствии с некоторым законом последствия действий, пока в конце концов путем озарения не подходило бы к возвращению в Тожество, отводу Единственного и Идентичного из этой частной индивидуализации. Но такой цикл не имел бы никакой изначальной или конечной определяющей Истины, которая придала бы ему какое-то значение. Нет ничего, что вызывало бы необходимость этого цикла; он был бы чистой игрой, Лилой. Но если только допустить, что Дух заключил себя в Бессознание и проявляет себя через индивидуальное существо при помощи эволюционного перехода, тогда весь процесс обретает смысл и становится логичным; последовательное восхождение индивида становится лейтмотивом космического значения, и перевоплощение души в теле становится естественным и неизбежным следствием истины Становления и ее внутренним законом. Перевоплощение является совершенно необходимым механизмом для выработки духовной эволюции; оно является единственно возможным действенным условием, обеспечивающим динамический процесс такой манифестации в материальной вселенной.

Наше объяснение эволюции в Материи состоит в том, что вселенная являет само-созидательный процесс верховной Реальности, чье присутствие делает дух субстанцией вещей, — все вещи являют мощности духа и средства и формы манифестации. Бесконечное существование, бесконечное сознание, бесконечная сила и воля, бесконечный восторг бытия есть Реальность, скрытая за видимостью вселенной; ее божественный Сверхразум или Гнозис установил этот порядок, но устроил его косвенно через три подчиненные и ограниченные выражения, которые мы здесь осознаем — Разум, Жизнь, Материю. Материальная вселенная является наинизшей ступенью погружения манифестации, инволюции проявленного существа этой триединой Реальности в кажущееся незнание о себе, что мы сейчас называем Несознательным; но с самого начала была неизбежной эволюция этого проявленного существа из незнания к восстанавливающему само-осознанию. Это неизбежно, поскольку то, что инволюционировало, должно эво-

⁵ Д-р Шнайдер в своей книге о мышлении Индии утверждает, что это и было настоящим смыслом учения Упанишад, а идея о перевоплощении была введена значительно позднее. Но можно привести множество важнейших отрывков из почти всех Упанишад, в которых позитивно говорится о перевоплощении, и в любом случае, Упанишады допускают выживание личности после смерти и переход в иные миры, что несовместимо с подобной интерпретацией. Если существует выживание в иных мирах, а также существует конечная цель освобождения в Брахмане для душ, воплощенных здесь, то никак уж не обойтись без перевоплощения, и нет причины для того, чтобы предполагать, что идея перевоплощения была введена позднее. Очевидно, что представления Западной философии заставили автора увидеть простой пантеистический смысл в более тонком и сложном мышлении древней Веданты.

люцинировать; ибо это присутствует там не как существование, сила, спрятанная в своей кажущейся противоположности, и каждая такая сила должна в своей глубочайшей природе побуждаться к тому, чтобы искать себя, реализовывать себя, выпускать себя в игру, но это и представляет реальность того, что его скрывает, именно это “я” утратило Незнание, и это “я” наполнено всем потаенным смыслом, и как раз оно и является постоянной целью поисков и обретений. Именно через сознательное индивидуальное существо возможно это обретение; именно в нем эволюционирующее сознание становится организованным и способным пробудиться к своей собственной Реальности. Безмерная важность индивидуального существа, растущего по мере подъема по шкале эволюции, представляет наиболее замечательный и значительный факт вселенной, стартующей с отсутствия сознания и индивидуальности в недифференцированном Незнании. Эта важность может быть подтверждена лишь в том случае, если “я” в качестве индивида не менее реально, чем “я” в качестве космического Бытия или Духа, и если оба аспекта “я” являются мощностями Вечного. Только так может быть объяснена необходимость роста индивида и его открытия себя в качестве условия для открытия космического Я и Сознания и верховной Реальности. Если мы примем это решение, то первым же следствием будет признание реальности сохраняющегося индивида; но отсюда сразу же вытекает, что перевоплощение уже не следует считать только возможным механизмом, который может быть, а может и не быть, то есть перевоплощение становится необходимостью, неизбежным продуктом коренной природы нашего существования.

Теперь невозможно ограничиться предположением об иллюзорности или временности индивида, сотворенного в каждой форме игрой сознания; индивидуальность не может больше представляться сопровождением игры сознания в облике тела, того сознания, которое может пережить, а может и не пережить форму, может продлить, а может и не продлить ложную непрерывность своего “я” от формы к форме, от жизни к жизни, но которому вовсе не требуется делать это. В этом мире мы поначалу видим, что индивид сменяет индивида без какой-либо неразрывности, форма растворяется, и ложная или преходящая индивидуальность растворяется вместе с ней, тогда как навечно остается только вселенская Энергия или некоторое вселенское Бытие; это очень даже может быть целостным принципом космической манифестации. Но если индивид является сохраняющейся реальностью, вечной частью или мощностью Вечного, если его рост сознания является средством, при помощи которого Дух в вещах раскрывает свое бытие, тогда космос раскрывает себя в качестве обусловленной манифестации игры вечного Одного с вечным Многим в бытии Сатчитананды. Следовательно, за всеми изменениями нашей персональности должна стоять настоящая Личность, реальный духовный Индивид, истинный Пуруша, который поддерживал бы поток этих мутаций. Один, вселенски расширившийся, присутствует в каждом существе и утверждает себя в каждой своей индивидуальности. В индивиде раскрывает он свое тотальное существование посредством тождества со всем в универсальности. В индивиде он также раскрывает свою трансцендентность в качестве Вечного, в котором основано все вселенское единство. Это триединство само-манифестации, эта изумительная Лила многогранной Идентичности, эта магия Майи или многообразное чудо сознательной истины бытия Бесконечного является светлым откровением, всплывающим в медленной эволюции из изначального Несознания.

Если бы не было нужды в само-обретении, а было бы только вечное наслаждение игрой бытия Сатчитананды, — а такое вечное наслаждение является природой определенных верховных состояний сознательного существования, — тогда не требовалось бы задействования эволюции и перевоплощения. Но произошла инволюция этого единства в разделяющий Разум, произошло погружение в само-забвение, из-за чего утрачено извечно присутствующее ощущение полного тождества, и игра разделяющего различия, — феноменального, потому что настоящее единство в разнице всегда остается непоколебимым позади явления, — выступает на передний план в качестве преобладающей реальности. Эта игра разделения достигает своей кульминации при низвержении делящего Разума в форму тела, в котором он начинает осознавать себя в качестве отдельного эго. Прочный и плотный базис этой игры разделения был заложен в мире отдельных форм Материи инволюцией деятельного само-сознания Сатчитананды в феноменальное Незнание. Именно это основание в Незнании обеспечивает разделение, поскольку оно императивно противостоит возвращению к сознанию единства; и все же хотя это основание чинит действительные препятствия, но оно феноменально и не фундаментально вечно, поскольку внутри него, над ним присутствует все-составляющий Дух, поддерживающий его, и кажущееся Неведение оказывается только концентрацией, исключительным действием сознания, впавшего в само-бытие путем бездонного погружения в поглощенность формирующего и созидательного материального процесса. В так созданной феноменальной вселенной именно отдельная форма становится основанием и начальной точкой всей своей жизненной деятельности; поэтому индивидуальный Пуруша в выработке космических связей с Одним должен в этом физическом мире отправляться от формы, должен принять тело; именно тело должен он сделать своим основанием и начальной точкой для развития жизни и разума и духа в физическом существовании. Это принятие тела мы называем рождением, и только в нем может происходить развитие “я” и игра связей между индивидом и вселенной и другими индивидами; только в нем может происходить рост путем последовательного развития нашего сознательного существа к верховному восстановлению единства с Богом и со всем в Боге: вся та сумма, которую мы называем Жизнью в физическом мире, составляет достижение души и возобновляется при

рождении в теле, получая его в качестве своей точки опоры, условия действия и условия эволюционной сохраняемости.

Следовательно, рождение необходимо для манифестации Пуруши на физическом плане; но это рождение, будь то в человеческой или любой другой форме, при таком устройстве мира не может быть делом случая или внезапно предпринятым путешествием души в физический мир без какой-либо предварительной подготовки или какого-то ожидаемого исполнения. В мире инволюции и эволюции, причем не только физической формы, а сознательного существа через жизнь и разум к духу, предположение об изолированной жизни в человеческом теле не может быть правилом существования души индивида; это было бы совершенно бессмысленным и нелогичным устройством, причудой, для которой нет места в природе и системе вещей, было бы грубым вмешательством, могло бы разрушить ритм само-манифестации Духа. Вторжение такого правила индивидуальной жизни души в эволюционное духовное продвижение было бы следствием без причины и порождало бы причину без следствия; оно было бы фрагментарным настоящим без прошлого или будущего. Жизнь индивида должна иметь соразмерное значение, тот же самый закон продвижения, как и космическая жизнь; местом индивида в космическом ритме не может быть блуждающее бесцельное вмешательство, жизнь индивида должна работать на постоянное осуществление космической цели. В такой порядок не вписывается представление об одном отдельном приходе, одном рождении души в человеческом теле, что явилось бы первым и последним ее переживанием такого рода, с предшествующим существованием в иных мирах и с будущим, разворачивающимся в совсем других областях переживания. Ибо жизнь здесь, на земле, жизнь в физической вселенной не является и не может являться случайной вехой в странствиях души от мира к миру; для эволюции души, как мы теперь знаем, требуется величайшее и медленное развитие, требуются неисчислимые промежутки Времени. Сама человеческая жизнь является только звеном в ранжированной цепочке, через которую тайный Дух во вселенной постоянно развивает свой успех и в конечном итоге вырабатывает свое намерение через расширение и подъем индивидуального сознания души в теле. Этот подъем может происходить только путем рождения в пределах этого восходящего порядка; индивидуальное вклинивание в это ранжированное восхождение и переход на произвольный уровень бытия не может вписаться в эту систему эволюционного существования.

А также человеческая душа, человеческий индивид не является свободным странником, своенравно или беспечно блуждающим от поля к полю, в соответствии со своим вольным выбором или свободным и спонтанно меняющимся действием и результатом действия. Это представляется сияющим намерением чистой духовной свободы, которое может иметь свою истину в запредельных планах или при возможном освобождении, но поначалу в земной жизни, в жизни физической вселенной, все происходит не так. С духовной точки зрения человеческое рождение в этом мире привносит совокупность двух элементов, духовную Личность и душу личности; предыдущая представляет вечное существо человека, последняя является его космическим меняющимся существом. В качестве духовной безличностной личности человек объединен в своей природе и существе со свободой Сатчитананды, он является тем, кто согласился или пожелал инволюционировать в Незнание, чтобы пройти определенный цикл переживания души, что иначе было бы невозможно, и скрыто возвышаться над своей эволюцией. В качестве духа он един с Трансцендентностью, имманентен в мире и охватывает его; в качестве души он одновременно един с универсальностью Сатчитананды, само-выражающейся в мире, и составляет ее часть: его само-выражение должно пройти через стадию космического выражения, переживания его души следуют оборотом колеса Брахмана во вселенной.

Вселенский Дух в вещах, вовлеченный в Незнание физической вселенной, развивает свое природное “я” в последовательности физических форм восходящего ряда Материи, Жизни, Разума и Духа. Поначалу он возникает в качестве скрытой души в материальных формах, совершенно подчиненных на поверхности незнанию; он развивается в качестве души, все еще скрытой, но почти готовой появиться в витальных формах, стоящих на границе между незнанием и частичным светом сознания, являющимся нашим неведением; он развивается еще дальше в качестве изначально сознательной души в животном разуме, и наконец, в качестве более внешне сознательной, но все еще не полностью сознательной души в человеке: сознание присутствует повсеместно в наших оккультных частях, идет развитие в проявляющейся Природе. Это эволюционное развитие наряду с индивидуальным аспектом обладает и вселенским аспектом: Вселенское развивает ранги своего бытия и строит упорядоченную вариацию своей универсальности в чреде развивающихся форм бытия; индивидуальная душа следует линии этого космического ряда и проявляет то, что было подготовлено в универсальности Духа. Вселенский Человек, космический Пуруша человечества развивает в человеческой расе ту мощь, что пришла к человеку со стороны низших созданий и еще будет развиваться к Сверхразуму и Духу и станет Божеством в человеке, который будет осознавать свое истинное и интегральное “я” и божественную универсальность своей природы. Индивидуальное должно следовать этой линии развития; оно должно было возвышаться над переживаниями души в низших формах жизни, пока не стала задействованной человеческая стадия эволюции: подобно тому, как Один был способен принять в своей универсальности низшие формы растений и животных, так же и индивид, теперь человек, должен был быть способным вобрать в себя эти формы на предыдущих ступенях эволюции. Теперь индивид появляется как человеческая душа, Дух, принимающий внешнюю и внутреннюю форму человечества, но он не ограничен этой формой ни сколь не больше, чем был

ограничен формами растений и животных, ранее принятыми им; оно может перейти от человеческой формы к величайшему само-выражению на высшей ступени Природы.

Предположить иное — значит предположить, что дух, который сейчас руководит переживаниями души в человеческом теле, изначально был сформирован человеческой ментальностью и человеческим телом, существует тем и не может существовать поодаль от этого, никогда не может пойти выше или ниже. Тогда можно было бы вполне обоснованно предположить, что дух не бессмертен, а пришел в существование с появлением человеческого разума и человеческого тела и исчезнет с их исчезновением. Не разум и тело порождают дух, а дух создает разум и тело; он развивает эти принципы из своего бытия, и не был развит из бытия разума и тела, не составлен из их элементов и не получается благодаря встречи этих элементов. Если кажется, что дух развивается из разума и тела, то это происходит вследствие того, что он постепенно проявляет себя в них, а не потому что порожден ими или существует за счет них; по мере проявления духа разум и тело раскрываются как подчиненные выражения его бытия, и в конечном итоге должны быть подняты из теперешнего несовершенства и трансформированы в видимые формы и инструменты духа. Согласно нашим представлениям, дух есть не нечто, составленное именем и формой, а нечто, что принимает разнообразные формы тела и разума в соответствии с различными манифестациями существа души. Он делает это в ходе последовательной эволюции; дух развивает последовательные формы и последовательные слои сознания: ибо он не ограничен тем, чтобы всегда принимать одну и ту же форму и никакую другую или обладать одним видом ментальности, являющимся единственно возможным субъективным проявлением. Душа не ограничена формулой ментального человечества: она не начинается с нее и ею не заканчивается; она имеет предчеловеческое прошлое, имеет и сверхчеловеческое будущее.

Все то, что мы видим в Природе и человеческом естестве, подтверждает этот взгляд на последовательное рождение индивидуальной души, переходящей от формы к форме до тех пор, пока она не достигнет человеческого уровня проявленного сознания, являющегося ее инструментом для восхождения на еще более высокие уровни. Мы видим это в том, как Природа развивается от уровня к уровню, и на каждом уровне вбирает свое прошлое и трансформирует его в материал для последующего развития. Мы видим, что и человеческая природа устроена так же; все прошлое земли присутствует в ней. Она содержит элемент материи, взятой жизнью, элемент жизни, взятый разумом, элемент разума, взятый духом: животное все еще присутствует в человечестве; сама природа человеческого существа предполагает материальную и витальную стадию, подготовившие его возникновение в разуме, и животное прошлое, которое составило первый элемент в комплексе человека. И давайте не будем говорить, что лишь после того, как Природа в ходе эволюции развила жизнь человека, построила надлежащее тело и сотворила животный разум, лишь после этого душа спустилась в приготовленное тело: за этой идеей есть определенная истина, но не та, что предполагается в этой формуле. Ибо эта формула предполагает пропасть между душой и телом, душой и жизнью, душой и разумом, чего на самом деле нет; не существует тела без души, не существует тела, которое само по себе не было бы формой души: сама Материя является субстанцией и мощностью духа и не могла бы существовать, если бы являлась чем-то иным, поскольку ничто не может существовать, что не является субстанцией и мощью Брахмана; и если это верно по отношению к Материи, то тем более верно по отношению к Жизни и Разуму: они должны быть пропитаны присутствием Духа. Если Материя и Жизнь не были бы так одушевлены, то человек не смог бы появиться или появился бы только случайно или по какому-то вмешательству, а не как часть эволюционного устройства.

Тогда мы однозначно приходим к заключению, что рождение в человеческом облике составляет тот этап, которого душа должна достичь в ходе длинной серии перевоплощений, и что низшие формы жизни на земле представляют предшествующие подготовительные стадии; душа должна пройти всю цепочку, которую жизнь протянула в физической вселенной, взяв за основу тело, физический принцип. Тогда возникает вопрос, будет ли продолжена серия перевоплощений после достижения человеческой стадии, и если это так, то как она будет продолжена, в каком направлении и в какой последовательности. И сначала мы должны спросить себя, может ли душа, достигшая человеческой стадии, отойти назад к животной жизни и телу, может ли произойти регрессия, которую считают обычным делом старые популярные теории перевоплощения, а по сути, теории простого переселения души. Кажется невозможным, что душа может так отойти с какой-либо целостностью, и причина кроется в том, что переход от животной жизни к человеческой подразумевает решительное обращение сознания, столь же радикальное, как обращение витального сознания растения в ментальное сознание животного. Совершенно невероятно, чтобы это обращение, сделанное Природой, должно быть повернуто вспять душой, и что поступательному движению Природы уготовано быть сведенным на нет при помощи духа. Может быть, это возможно для тех человеческих душ, если таковые есть, в которых обращение было не столь решительным, для душ, достаточно развитых, чтобы подготовить, занять или принять человеческое тело, но недостаточно развитых, чтобы гарантировать сохранность этого принятия, чтобы надежно сохранить свое достижение и остаться верным человеческому типу сознания. Или, в крайнем случае, это может произойти, если предположить, что определенные качества так неистовы, что требуют своего собственного отдельного удовлетворения, так что происходит частичное перевоплощение, волюнтаристское удержание животной формы человеческой душой, после чего происходит немедленное возвращение к нормальному развитию. Движение

Природы всегда достаточно сложное, и оно может показаться нам причудливым, поэтому не следует догматически отвергать такую возможность, и если это так, то может быть некоторая крупница истины за раздутой популярной верой в то, что воплощение человеческой души в животное тело так же возможно и естественно, как в человеческое. Но в любом случае нормальным законом должно быть возобновление рождения в новых человеческих формах той души, которая однажды уже достигла человеческого уровня.

Но почему цепочка перевоплощений должна обрываться на человеческой форме? Ибо причина, сделавшая человеческое рождение кульминационной точкой прошлого ряда, предшествующего восхождения, должна быть самой насущностью духовной эволюции. Ведь душе не завершила того, что намеревалась сделать, достигнув только человеческого уровня; она еще должна развить человечество до высших возможностей. Очевидно, что душа, вселившаяся в карива или невежественного дикаря или парижского апаша или в американского гангстера, далеко еще не исчерпала возможностей человеческого рождения, еще не развила всех возможностей или всех ценностей человечества, еще не выработала все значение Сагчитананды во вселенском Человеке; а также еще не сделала этого душа, вселившаяся в виталистического Европейца, поглощенного динамическим производством и витальными удовольствиями, или в Азиатского крестьянина, задавленного невежественной рутинной домашней и экономической жизни. Разумно даже усомниться в том, являются ли Платон или Шекспир венцом и поэтому верхом расцвета духа в человеке. Мы склонны предположить, что это может быть пределом, поскольку эти люди и подобные им кажутся высочайшей точкой, которую может достичь разум и душа человека, но это может быть иллюзией нашей теперешней возможности. Может существовать более высокая или, по крайней мере, более широкая возможность, которую Божественное все еще намеревается реализовать в человеке, и если это так, то именно эти ступеньки, построенные этими высочайшими душами, были необходимы, чтобы проложить путь к этой возможности и открыть ворота. В любом случае, должна быть достигнута, по крайней мере, эта высочайшая точка, прежде чем мы сможем написать “конец” на возобновляемости человеческого рождения индивида. Человек существует для того, чтобы двигаться от неведения и малой жизни, которую он являет в своем разуме и теле, к знанию и большей божественной жизни, которой он может достичь при развертывании духа. Требуется достичь, по меньшей мере, открытия духа в человеке, знания его настоящего я, ведущей роли духовной жизни, прежде чем мы сможем двигаться определенно и куда-либо еще. За пределами этой начальной кульминации может открываться еще больший расцвет духа в человеческой жизни, о чем мы пока только смутно догадываемся; совершенство Человека не является последним словом Природы, но его совершенство также не является последним пиком Духа.

Эти предположения перерастают в уверенность, если теперешний ведущий принцип разума в том виде, в котором человек развил его, интеллект, не является высочайшим принципом. Если сам разум имеет другие мощности, еще только несовершенно схваченные высочайшими типами человеческих индивидов, то становится неизбежным продолжение линии эволюции, и следовательно, восходящей линии перевоплощений. Если Сверхразум также является мощью сознания, сокрытой здесь в эволюции, то линия перевоплощений не может оборваться на уровне разума; она не может исчезнуть, прежде чем ментальная природа будет заменена супраментальной, и воплощенное супраментальное существо станет лидером земного существования.

Итак, в этом заключается рациональное и философское основание для веры в перевоплощение; это заключение логически неизбежно, если существует эволюционный принцип в Природе Земли, и реальна индивидуальная душа, рождающаяся в эволюционной Природе. Если бы не было души, то эволюция обрела бы механический характер без необходимости и значимости, а рождение явилось бы только частью этой курьезной и бессмысленной машинерии. Если индивид был бы только временным образованием, начинающимся с тела и кончающимся им, то эволюция могла бы быть игрой Все-Души или Космического Существования, взбирающегося через развитие все более и более высоких видов к своей собственной крайней возможности в этом Становлении или к своему высочайшему сознательному принципу; тогда перевоплощения не существует, и оно и не требуется в качестве механизма такой эволюции. Или если Все-Существование выражает себя в сохраняющейся, но иллюзорной индивидуальности, то перевоплощение становится возможностью или иллюзорным фактом, но и тогда за ним не стоит эволюционная необходимость или духовная насущность; это только средство подчеркивания и продления иллюзии до крайних пределов во времени. Если существует индивидуальная душа или Пуруша, не зависящий от тела, тогда перевоплощение становится возможным, но не необходимым, если нет эволюции души в Природе: присутствие индивидуальной души в индивидуальном теле может быть преходящим явлением, единичным переживанием без прошлого и будущего; его прошлое и будущее может быть где угодно, только не здесь, на земле. Но если есть эволюция сознания в эволюционирующем теле, и существует душа, населяющая тело, существует реальный и сознательный индивид, тогда становится очевидным, что именно постепенно накапливаемые переживания души в Природе принимают форму этой эволюции сознания: перевоплощение становится само-очевидной и необходимой частью, единственно возможным механизмом такой эволюции. Перевоплощение также необходимо, как само рождение; поскольку без него рождение явилось бы начальным шагом без последствия, началом путешествия без маршрута и места прибытия. Именно перевоплощение сулит полноту рождению несовершенного существа в теле и придает ему духовное значение.

ПОРЯДОК МИРОВ

Есть семь миров, в которых движутся жизненные силы, сокрытые внутри тайного сердца, а за семью следуют еще семь.

Мундака Упанишада (II.1.8.)

Пусть Люди пяти Рождений примут мою жертву, те Люди, что были рождены из Света и достойны поклонения; пусть Земля защитит нас от земного зла и Серединный Мир от бедствия богов. Следуй сияющей нити, натянутой через серединный мир, защищай светлые пути, построенные мыслью; сплети неразрушимую работу, становись человеческим существом, создавай божественную расу ... Вы, провидцы истины, оттачивайте сверкающие копья, с которыми вы сократите путь к тому, что Бессмертно; знающие тайные планы, формируйте ступени, которыми боги достигли бессмертия.

Риг Веда (X.53.5,6,10)

Это вечное Дерево с корнями наверху и побегами, растущими вниз; это Брахман, это Бессмертие; в него погружены все миры, и ни один не выходит за его пределы. Это и То суть одно.

Катха Упанишада (II.3.1)

Если принята эволюция сознания в материальном мире и постоянное или повторяющееся воплощение индивида в земном теле, то следующий вопрос заключается в том, является ли это эволюционное движение чем-то отдельным и полным в себе, или же оно составляет часть гораздо большей вселенской тотальности, по отношению к которой материальный мир предстает только одной областью. Ответ на этот вопрос уже заключен в градации инволюции, предшествовавшей эволюции и породившей ее; поскольку, если это предшествование есть факт, то должны существовать миры или, по крайней мере, планы высшего бытия, и они должны иметь некоторую связь с эволюцией, которая стала возможной благодаря самому факту существования высших миров. Может статься, что все то, что они делают для нас, это своим фактом присутствия или давления на сознание земли высвобождают вовлеченные принципы жизни и разума и духа и помогают им проявиться и утвердить их царство в материальной Природе. Но в высшей степени невероятно, что это связь и вмешательство должны ограничиваться только этим; вполне вероятно допустить сообщение, хотя бы завуалированное, между материальной жизнью и жизнью на других планах существования. Теперь необходимо более пристально посмотреть на проблему и рассмотреть ее не только саму по себе, но и определить природу и пределы связи и сообщения миров, в той степени, в которой они влияют на теорию эволюции и перевоплощения в материальной Природе.

О спуске Души в Неведение можно думать как о стремительном низвержении или прямом падении чистого духовного существа из сверхсознательной духовной Реальности в первое несознание и последующую эволюционирующую феноменальную жизнь материальной Природы. Если это было бы так, то где-то там наверху существовал бы только Абсолют, а внизу — Несознание с порожденным из него материальным миром, и выход, возвращение назад было бы тоже резким или стремительным переходом из материала, воплощающего мировое бытие, в трансцендентное Молчание. Не могло бы быть промежуточных мощностей или реальностей, отличных от Материи и Духа, никаких других планов, кроме материального, никаких иных миров, кроме мира Материи. Но эта идея отражает слишком жесткое и простое построение, и не может устоять при широком взгляде на сложную природу существования.

Несомненно, существует несколько возможных объяснений порождению такого космического существования, вызывающего такую крайнюю и жесткую балансировку мира. Это можно было бы объяснить неким указом Все-Воли или идеей, движением души к эгоистической материальной жизни Неведения. Можно предположить, что вечная индивидуальная душа, побуждаемая некоторым необъяснимым желанием, возникшим у нее, решила поискать приключение во тьме и погрузилась из родственного ей Света в глубины Незнания, из которого появился этот мир Неведения; или это могло предпринять некоторое сообщество душ, Множество: ведь индивидуальное существо не может составлять космос; космос должен быть либо безличностным, либо многочисленным или быть творением или само-выражением вселенского или бесконечного Бытия. Это желание могло бы втянуть душу в строительство мира, основанного на мощи Несознания. Если это не так, то тогда сама всеведущая Все-Душа могла бы внезапно погрузить свое все-знание в тьму Несознания, перенося с собой индивидуальные души, чтобы началась эволюция

вверх через восходящую шкалу жизни и сознания. Или если индивид не предсуществует, если мы являемся только порождением Все-сознания или вымыслом феноменального Неведения, то в замысле сотворения мира могло быть заложено зачатие всех этих мириад индивидуальных существ при помощи эволюции имен и форм из изначальной Пракрити, не делающей различий; душа явилась бы временным продуктом вещества несознательной силы-субстанции, что стало бы первым явлением вещей в материальной вселенной.

В этом предположении, как и любом другом, подобном ему, может быть только два плана существования: с одной стороны, существует материальная вселенная, созданная из Несознательного под воздействием слепого незнания Силы или Природы, послушной, возможно, некоторому внутреннему неощущаемому “я”, которое управляет ее сомнамбулической деятельностью; с другой стороны, существует сверхсознательный Один, к которому мы возвращаемся из Несознания и Неведения. Или же мы можем вообразить, что существует только один план, материальное существование; нет ничего сверхсознательного помимо Души материальной вселенной. Если мы обнаружим, что существуют другие планы сознательного бытия и что уже существуют иные миры, отличные от материальной вселенной, то станет трудно в дальнейшем поддерживать эти идеи; однако можно предположить, что эти миры были последовательно сотворены эволюционным Духом или для него, в ходе его подъема из Несознания. Во всех этих взглядах целостный космос предстает эволюцией из Несознательного, в которой либо единственной и достаточной стадией и сценой оказывается материальная вселенная, либо существует восходящая шкала миров, эволюционирующих друг из друга, помогающих осуществить наше постепенное возвращение к первоначальной Реальности. На наш взгляд, космос является само-ранжированной эволюцией из сверхсознательной Сатчитанды; но вкупе с идеей простого внезапного падения Души в Несознание, совершенного, возможно, по прихоти, целью эволюции оказывается только обретение знания, достаточного для того, чтобы путем уничтожения первичного неведения или первоначального желания, позволить неверно рожденной душе угаснуть или убежать из опрометчиво предпринятого приключения-путешествия в этом мире.

Но такие теории явно или неявно подразумевают первичную важность и порождающую мощь разума или первичную важность индивидуального существа; на самом деле, и тому и другому отводится значительное место, но только вечный Дух является зачинающей мощью и первоначальным существованием. Идея, зачинающе созидательная, — Не Реальность-Идея, то есть Бытие, осознающее то, чем оно является в себе и автоматически само-созидающее силой этого осознания Истины, — является движением разума; желание является движением жизни в разуме; следовательно, жизнь и разум должны быть предсуществующими мощностями и должны были являться некоторыми определяющими силами при сотворении материального мира, и в таком случае они равным образом могли породить миры собственной супрафизической природы. Или иначе мы должны предположить, что то, что действовало, было не желанием в индивидуальном или вселенском Разуме или Жизни, а волей в Духе — волей Бытия, разворачивающего нечто из себя или волей Сознания, реализующего созидательную идею или само-знание или побуждение своей само-действующей Силы или обращение к определенным формулировкам своего восторга существования. Но если мир был сотворен не вселенским Восторгом существования, а по желанию индивидуальной души, по ее прихоти невежественного эгоистического наслаждения, тогда ментальный Индивид, а не Космическое Бытие или Трансцендентная Божественность должен быть создателем и свидетелем вселенной. В прошлых направлениях человеческой мысли чрезмерно раздувалось значение индивидуального существа, и оно всегда выдвигалось на передний план вещей; подобный взгляд оправдан тем, что воля к жизни Неведения или согласие на нее индивидуального Пуруши на самом деле должны являться частью действительного движения Сознания в инволюционном спуске Духа в материальную Природу. Но мир не может быть порождением индивидуального разума или театром, построенным им ради собственной игры сознания; а также не мог он быть создан единственно ради игры и удовольствия или разочарования эго. Как только мы пробуждаемся к ощущению первостепенной важности вселенского и ощущению зависимости индивидуального от него, то наш интеллект уже не может принять теорию такого рода. Мировое движение слишком обширно, чтобы было правдоподобным такое объяснение движения мира; только космическая Мощь или космическое Бытие может быть создателем космоса и его поддержкой, и мир должен иметь реальность, значение или цель не только индивидуального, но и вселенского характера.

Соответственно, это миро-сотворение или участвующий Индивид и его желание или согласие на Неведение должны были быть пробуждены до того, как мир вообще начал существовать; это уже должно было быть заложенным там в качестве элемента в некотором супракосмическом Сверхсознательном, из которого оно пришло и куда оно возвращается из жизни эго: мы должны предположить некоторую изначальную имманентность Множества в Одном. Затем становится понятно, что некая воля или побуждение или духовная насущность могли бы быть возбуждены в некотором трансмирском Бесконечном, в некотором Множестве, которое низвергло их вниз и вынудило создать этот мир Неведения. Но поскольку Одно есть первичный факт существования, поскольку Множество зависит от Одного, Множество суть души Одного, существа Бытия, то эта истина должна также определять фундаментальный принцип космического существования. Мы видим, что вселенское предшествует индивидуальному, дает ему свое поле, является тем, в чем индивидуальное существует космически, несмотря на то, что его корни кроются

в Трансцендентном. Индивидуальная душа живет благодаря Все-Душе и зависит от нее; совершенно очевидно, что Все-Душа существует не благодаря индивидуальному и не зависит от него: она не является суммой индивидуальных существ, плюралистической тотальностью, созданной сознательной жизнью индивидов; если Все-Душа существует, то она должна быть одним космическим Духом, поддерживающим одну космическую Силу в ее работах, и она воспроизводит здесь в терминах космического существования то первичное отношение зависимости Множества от Одного. Непостижимо, чтобы Множество могло бы независимо, или уклоняясь от Одной Воли, возжаждать космического существования и своим желанием принудить Сатчитананду вопреки ее желанию или вынужденно спуститься в Незнание; это полностью перевернуло бы истинную зависимость вещей. Если мир был непосредственно зачат волей или духовным импульсом Множества, что возможно и даже вероятно в определенном смысле, то все же поначалу должна существовать Воля к этому в Сатчитананде; иначе этот импульс, — переводимый здесь Все-Волей в желание, поскольку то, что становится желанием эго, является Волей Духа, — не смог бы никогда возникнуть. Один, Все-Душа, кем только определяется сознание Индивида, должен сначала принять вуаль несознательной Природы, прежде чем Индивид также смог надеть вуаль Неведения материальной вселенной.

Но раз уж мы допустили эту Волю верховного и космического Существа в качестве неперемennого условия существования материальной вселенной, то более невозможно считать Желание созидательным принципом; ведь нет места желанию в Верховном или Все-бытии. Оно ничего не может пожелать; желание появляется как результат неполноты, недостаточности чего-то, что неподвластно или чего не хватает для наслаждения и что существо ищет ради обладания или наслаждения. Верховное и вселенское Бытие может обладать восторгом своего все-существования, но желание должно быть чуждо тому восторгу — желание может быть атрибутом только неполного эволюционирующего эго, являющегося продуктом космического действия. Более того, если Все-сознание Духа пожелало погрузиться в несознание Материи, то это могло произойти вследствие того, что была такая возможность самотворения или проявления. Но единственно материальная вселенная и эволюция из несознания в духовное сознание не могут быть одной изолированной и единственно отпущенной возможностью манифестации Все-бытия. Это могло быть только в том случае, если бы Материя была изначальной мощью, и если бы форме проявленного существа и духу не оставалось иного выбора, кроме как проявляться через Несознание, проявляться в Материи как в базисе. Это привело бы нас к материалистическому эволюционному Пантеизму; тогда мы должны были бы считать существа, населяющие вселенную в качестве душ Одного, душами, рожденными здесь в Нем и эволюционирующими через неживые, оживленные и ментально развитые формы до восстановления их полной и неотделенной жизни в сверхсознательном Пантеозе, и космическое Тожество считалось бы концом и целью эволюции душ. В таком случае, все уже было бы развито здесь; жизнь, разум, душа возникли из Одного в этой материальной вселенной под действием силы ее скрытого бытия, и все будет исполняться здесь, в материальной вселенной. Тогда нет отдельного плана Сверхсознания, поскольку Сверхсознательное присутствует только здесь и больше нигде; не существует супрафизических миров; нет действия супрафизических принципов, внешних по отношению к Материи, нет давления уже существующих Разума и Жизни на материальный план.

Тогда следует задаться вопросом, что же представляют из себя Разум и Жизнь, и можно ответить, что они являются продуктами Материи или Энергией в Материи. Либо можно заявить, что они являются формами сознания, возникающими как результат эволюции из Несознания к Сверхсознанию: само сознание есть только переходной мост; именно дух начинает частично осознавать себя, прежде чем погрузиться в свой нормальный транс светлого сверхсознания. Даже если обнаружатся планы более обширной Жизни и Разума, то они могут быть только субъективными построениями этого промежуточного сознания, возведенными на пути к духовной кульминации. Но загвоздка в том, что Разум и Жизнь слишком уж отличаются от Материи, чтобы быть ее продуктами; сама Материя является продуктом Энергии, и разум и жизнь должны считаться высшими продуктами той же самой Энергии. Если мы допускаем существование космического Духа, то Энергия должна быть духовной; жизнь и разум должны быть независимыми продуктами духовной энергии и самими мощностями проявления Духа. Тогда становится иррациональным предположить, что существуют только Дух и Материя, что они являются двумя противостоящими реальностями, и что Материя есть единственно возможный базис манифестации Духа; идея о единственности материального мира тотчас же становится непригодной. Дух должен быть способен основывать свое проявление на принципе Разума или принципе Жизни и не только на принципе Материи; следовательно, могут существовать, и логически должны существовать миры Разума и миры Жизни; даже могут существовать миры, основанные на более тонком и более пластичном, более сознательном принципе Материи.

Тогда возникают три вопроса, внутренне связанных или внутренне зависимых: есть ли какое-нибудь доказательство или настоящее указание на существование иных миров; если они существуют, то имеют ли они ту природу, какой мы ее описали, и существует ли некий порядок возникновения или нисхождения этих миров, и образует ли этот порядок иерархический ряд между Материей и Духом; и если есть такая шкала бытия, то не являются ли эти миры во всех других отношениях независимыми и несвязанными, или существует связь высших миров и их воздействие на мир Материи? Ведь известно, что человечество почти с момента своего возникновения или с тех древнейших времен,

след которых можно отыскать в преданиях, верило в существование иных миров и в возможность сообщения их сил и существ с человеческой расой. В последний рационалистический период, детьми которого мы являемся, эта вера была отброшена как предрассудок, тянущийся из глубины веков; всякие доказательства или указания на истину этой веры отвергались а priori как фундаментально ложные и не заслуживающие внимания, поскольку они несовместимы с той аксиоматической истиной, что реальна только Материя и материальный мир и его переживания; любой другой опыт, претендующий на реальность, должен быть либо галлюцинацией, либо обманом, или субъективным итогом суеверного легковерия и воображения, или если этот опыт признан фактом, то должен объясняться физической причиной: опыт не может стать достоверным фактом до тех пор, пока не будет установлена его объективность и физичность его характера; даже если совершенно очевидно, что факт имеет супрафизическую природу, то он не может быть принят как таковой до тех пор, пока полностью не будут исчерпаны все мыслимые гипотезы и предположения.

Должно стать очевидным, что это требование физически обоснованного доказательства супрафизического факта само по себе иррационально и алогично; в этом кроется неуместность позиции физического разума, предполагающего, что только объективное и физическое фундаментально реально, и отбрасывающего все остальное как попросту субъективное. Супрафизический факт может вторгнуться в физический мир и произвести физический результат; он может воздействовать даже на наши физические чувства и стать проявленным для них, что однако не может быть неизменным его действием или составлять обычный ход вещей. Обычно такой супрафизический факт может непосредственно воздействовать или оказывать осязаемое влияние на наш разум и наше жизненное существо, то есть на те части, которые имеют тот же порядок, что и сам факт, и он может, если вообще может, лишь косвенно и через эти части влиять на физический мир и физическую жизнь. Если супрафизический факт объективизирует себя, то только по отношению к некоему тонкому чувству и лишь как производный для внешнего физического чувства. Конечно, возможна производная объективизация; если налажена связь действия тонкого тела и его организации чувств с действием материально тела и его физическими органами, тогда супрафизическое может стать внешне осязаемым для нас. Этим и объясняется, например, способность, называемая вторым зрением; в этом русле протекают все те психические феномены, которые, как кажется, воспринимаются внешними органами зрения и слуха и не ощущаются внутренне через представительные или интерпретирующие или символичные образы, несущие печать внутреннего переживания или имеющие явный характер формаций тонкой субстанции. Следовательно, могут существовать разного рода доказательства существования иных планов бытия и связи с ними: объективизация для внешнего чувства, контакты тонкого чувства, контакты разума, контакты жизни, контакты через сублиминальное в специальных состояниях сознания, выходящих за рамки обычного диапазона. Наш физический разум — это далеко еще не все, чем мы располагаем, а также он отнюдь не является нашей лучшей или самой значительной частью, даже если он и господствует в нашем поверхностном сознании; реальность не может быть сужена исключительно до его сжатого поля или быть замкнутой в измерениях его четко обозначенной сферы.

Если заявить, что субъективные переживания или образы тонких чувств могут быть обманчивы, так как не разработана методика их проверки или эталон их подлинности, и слишком велика склонность принимать за чистую монету все экстраординарное и чудодейственное или сверхъестественное — что же, все это так, но ошибка не является прерогативой только внутренней субъективной или сублиминальной нашей части, она также свойственна физическому разуму и его объективным методам и эталонам, и такая подверженность ошибке не может служить основанием для того, чтобы перечеркивать значительную и важную часть опыта; скорее есть смысл тщательно исследовать этот опыт и выявлять его собственные подлинные эталоны и соответствующие законные средства проверки. Наше субъективное существо является базисом наше объективного переживания, и не вероятно, что подлинны только физические переживания, а все остальное — эфемерно. Если правильно спросить сублиминальное существо, то оно будет свидетельствовать об истине, и его показания будут раз за разом подтверждаться даже в физическом и объективном поле; поэтому не стоит игнорировать эти показания, когда они направляют наше внимание на вещи внутри нас или вещи, принадлежащие мирам или планам супрафизического опыта. В то же время вера сама по себе не может служить доказательством реальности; она должна основываться на чем-то более веском, прежде чем можно будет принять эту веру. Очевидно, что верования прошлого не дают достаточного базиса для знания, даже если ими нельзя полностью пренебрегать: поскольку вера является ментальной конструкцией и может оказаться неправильно построенной; часто она может отвечать некоторому внутреннему указанию, и тогда она имеет ценность, но не менее часто она уродует указание, и обычно делает это, переводя эти намеки в выражения, известные нашему физическому или объективному переживанию, как например, она переводит иерархию планов в физическую иерархию или географическое расширение пространства, обращает разреженные высоты тонкой субстанции в материальные высоты и помещает жилище богов на физические вершины гор. Всякая супрафизическая или физическая идея должна базироваться не только на ментальной вере, но и на опыте — но в каждом случае опыт должен быть того же рода, физического, сублиминального или духовного, соответствующего порядку истины, в который мы уполномочены войти; справедливость и значимость этих истин должны быть тщательно проверены, но в соответст-

вии с их собственным законом и при помощи сознания, которое может проникать в них, а не в соответствии с законом другой области или при помощи сознания, могущего проникать только в истины другого порядка; только так мы можем надежно ступать и прочно расширять сферу нашего знания.

Если мы тщательно исследуем намеки реальностей супрафизического мира, которые мы обретаем в нашем внутреннем опыте, и сравним их с записями подобных намеков, которые продолжают поступать к нам из глубины веков, с момента зарождения человеческого знания, и если мы осторожно приведем все в порядок и подведем итоги, то обнаружим, что этот внутренний опыт наиболее сокровенно уведомляет нас о существовании иных планов бытия и сознания и об их влиянии на нас, планов, более широких, чем чисто материальный план с его ограниченным существованием и действием, только о котором мы осведомлены в нашей узкой земной формуле. Эти области более широкого бытия не всецело отделены и удалены от нашего собственного бытия и сознания; поскольку, хотя они и существуют в себе, ведут собственную игру, в них протекают свои процессы и оформляется собственное существование и переживание, но в то же время они проникают на физический план и обволакивают его своим невидимым влиянием и давлением, и их силы, по-видимому, присутствуют здесь, в самом материальном мире, за его действиями и объектами. Контакт с этими областями приводит к переживаниям двух различных порядков; одни переживания чисто субъективны, хотя в своей субъективности они достаточно ярки и весомы, другие — более объективны. В субъективном порядке опыта мы обнаруживаем, что то, что оформляется для нас в виде жизненных намеков, жизненных импульсов, жизненных формулировок уже существует в большем, более тонком, более пластичном диапазоне возможностей, и эти предсуществующие силы и образования оказывают давление на нас, чтобы реализоваться в физическом мире; но лишь некоторая часть сил преуспевает в этом, прорвавшись в физический мир и даже частично появившись, но в той форме и при тех условиях, которые более соответствуют земному своду законов и последствий. Как правило, это низвержение сил происходит без нашего о том знания; мы не осознаем действия этих сил, мощностей, их влияния на нас, а принимаем их как образования нашей собственной жизни и разума, даже когда наш разум или воля отрекаются от них и стараются их преодолеть: но когда мы идем внутрь, прочь от ограниченно-поверхностного сознания и развиваем более тонкие чувства и более глубокое осознание, то начинаем получать намеки о происхождении этих движений и становимся способными наблюдать за их действием и процессом, принимать их или отвергать их или модифицировать, позволять им прийти и использовать наш разум и волю и нашу жизнь и наши части, либо не позволять им это делать. Таким же путем мы начинаем осознавать большие области разума, игру, переживание, образование большей пластичности, насыщенное избытком всех возможных ментальных формулировок, и мы ощущаем их контакты с нами, их мощности и влияния, действующие на части нашего разума тем же оккультным образом, как и на части нашей жизни. Первоначально переживания этого рода носят чисто субъективный характер, это давление идей, предположений, эмоциональных образований, побуждения к чувству, действию, динамическому переживанию. Сколь большой ни оказалась бы та часть этого движения, что может быть приписана нашему собственному сублиминальному “я” или осаде вил Разума или сил Жизни, принадлежащих нашему собственному миру, но всегда присутствует тот элемент, который оставляет печать иного происхождения, настоятельно супраземного характера.

Но контакты этим не ограничиваются: так как части нашего разума и наши жизненные части могут открываться грандиозному диапазону субъективно-объективных переживаний, в которых супрафизические планы представляются более не расширениями субъективного бытия и сознания, а мирами; ибо эти переживания организованы в нашем собственном мире, но на другом плане, с другим законом действия и с другим ходом процесса и в субстанции, принадлежащей супрафизической Природе. Как и на нашей земле, в супрафизическом мире есть свои существа, имеющие или принявшие форму, проявляющие себя или естественно проявленные в воплощающей субстанции, но в иной субстанции, отличной от нашей, тонкой субстанции, уловимой только для тонкого чувства, в супрафизической форме материи. Эти миры и существа могут и не иметь ни малейшего отношения к нам и к нашей жизни, они могут не воздействовать на нас; но зачастую они вступают в тайное сообщение с земным существованием, подчиняясь космическим силам и влияниям или воплощая их и являясь их посредниками и инструментами, что мы субъективно переживаем, либо действуя по собственному усмотрению и таким путем влияя на земную жизнь, земные мотивы и происходящее на земле. От этих существ можно получать помощь или руководство, они могут морочить нас или наносить нам вред; можно даже серьезно подпасть под их влияние, полное или частичное, и стать инструментом осуществления их добрых или злых замыслов. Временами земная жизнь становится грандиозным полем битвы супрафизических сил какого угодно характера, битвы между силами, стремящимися поднять, вдохновить и озарить, и силами, стремящимися отклонить, подавить или препятствовать или даже разрушить эволюцию или самовыражение души в материальной вселенной. Некоторые из этих Существ, Мощностей или Сил таковы, что мы считаем их божественными; они светлы, милостливы или оказывают могучую поддержку; существуют и другие, Титанические, исполинские или демонические, чрезмерно влиятельные — подстрекатели или творцы зачастую обширных и грандиозных внутренних переворотов или действий, превосходящих обычную человеческую меру. Можно так же осознать влияние, присутствие существ, которые, по-видимому, не принадлежат к иным мирам за предела-

ми нас, а присутствую здесь в качестве скрытых элементов за оболочкой земной природы. Подобно тому, как возможен контакт с супрафизическим, также возможен субъективный или объективный, — или, по крайней мере, объективизированный, — контакт между нашим собственным сознанием и сознанием и сознанием других, когда-то воплощенных существ, которые перешли в супрафизический статус в этих иных регионах существования. Также можно выйти за пределы субъективного контакта или тонко-чувственного восприятия, и, в определенных сублиминальных состояниях сознания, на самом деле войти в иные миры и выведать некоторые их тайны. Существует более объективный порядок переживания иных миров, чем это представлялось человечеству в прошлом, но в распространенных верованиях он был сведен к грубо объективным утверждениям, незаконно уподобляющим эти явления явлениям физического мира, с которыми мы знакомы; ведь обычно наш разум обращает все в формы или символы, соответствующие его собственной природе или его средствам выражения.

В самых общих чертах, таким всегда и был характер и масштаб веры в иные миры, и примерно таким было переживание этих миров, идущее к нам из прошлых периодов человеческой расы; имена и формы менялись, но общие черты были поразительно схожи во все времена и во всех странах. Какую ценность можем мы извлечь из этих сохранившихся верований или из массы сверхнормальных переживаний? Никто, кто имел эти тесные контакты и не только в исключительном случае, не может отместить их как простые предрассудки или галлюцинации; ибо они слишком постоянны, слишком реальны, действительны, органичны в своем давлении, неизменно подтверждаются своим действием и результатами, чтобы можно было так просто отмахнуться от них: совершенно необходима оценка, интерпретация, ментальная организация этой стороны наших возможностей.

Одно из объяснений видится в том, что человек сам творит супрафизические миры, которые сам же населяет или думает, что населяет, после смерти, создает богов, как гласит древнее выражение — даже утверждается, что сам Бог был сотворен человеком, был вымыслом его сознания, а теперь уничтожен самим же человеком! Все это может быть некоторого рода мифом развивающегося сознания, в котором оно способно пребывать, будучи взятым в плен собственными построениями, и посредством некоей реализующейся динамизации поддерживать себя в рамках собственных воображений. Но это не является чистым вымыслом, это может считаться таковым лишь до тех пор, пока те вещи, которые они представляют, хотя бы некорректно, не станут частью нашего собственного переживания. И все же можно представить, что существуют мифы и воображения, используемые мощью Сознания-Силы для материализации своих собственных идейных сил [idea-forces]; эти могучие образы могут принимать форму и тело, сохраняться в некотором тонко материализованном мире мысли и воздействовать на своего создателя: если это так, то мы могли бы предположить, что иные миры являются построениями этого характера. Но если это было бы так, если субъективное сознание могло бы таким путем творить миры и существа, то с равным успехом и объективный мир мог бы являться выдумкой Сознания или даже нашего сознания, или само то Сознание могло бы быть вымыслом изначального Незнания. Рассуждая подобным образом, мы возвращаемся к тому взгляду на вселенную, в котором всем вещам придается некий оттенок нереальности, за исключением все-производящего Бессознания, из которого они созданы, Неведения, которое сотворило их, и, быть может, сверхсознательного или несознательного безличностного Бытия, в чьей индифферентности все в конечном итоге растворяется или куда все отходит и прекращает свое существование.

Но у нас нет доказательств тому, что разум человека может таким путем создать мир, где ничего не было бы прежде, созидать *in vacuo* без субстанции, из которой или в которой можно строить, хотя разум вполне может добавлять нечто в уже созданный мир. Разум, на самом деле, является могущественным агентом, даже более могущественным, чем мы готовы вообразить; он может делать формации, исполняющиеся в нашем собственном сознании или сознании других и даже воздействующие на несознательную Материю; но полностью первозданное творение в пустыне лежит за пределами его возможностей. То, что мы скорее можем допустить, это то, что по мере своего роста человеческий разум вступает в связь с новыми диапазонами бытия и сознания, совсем не созданные им, новые для него, уже предсуществующие во Все-Существовании. По мере накопления внутреннего опыта он открывает в себе новые планы бытия; по мере того, как рассасываются узелки на тайных центрах его сознания, человек становится способным воспринимать через эти центры те более широкие царства, ощущать их непосредственное влияние, отображать их в своем земном разуме и внутреннем чувстве. Человек на самом деле создает образы, символичные формы, отражения, с которыми может иметь дело его разум; в этом смысле он творит Божественный Образ, которому поклоняется, творит формы богов, создает внутри себя новые имена и миры, и реальные миры и мощности, возвышающиеся над нашим существованием, через эти образы могут завладеть сознанием в физическом мире, пролить на него свои потенции, трансформировать его светом высшего бытия. Но все это не является настоящим порождением высших миров бытия; это — откровение, даваемое сознанию нашей души на материальном плане, по мере того как она развивается из Незнания. Это — всего лишь созидание их форм здесь, благодаря восприятию их мощностей; возможно расширение нашей субъективной жизни на этом плане путем открытия ее истинной связи с высшими планами собственного существа, от которых она была отгорожена вуалью материального Незнания. Эта вуаль существует, потому что душа поместила за телом величайшие возможности, с тем что бы

она могла сконцентрировать свое сознание и силу исключительно на первичной работе в этом физическом мире; но эта работа может иметь последствия только в том случае, если вуаль, обволакивающая существо, немного откинута или сделана проницаемой, так что высшие планы Разума, Жизни и Духа могли бы пролить свой свет на человеческое существование.

Можно предположить, что эти высшие планы и миры были последовательно созданы для проявления материального космоса, чтобы помочь эволюции, или явились как некоторого рода продукт материального космоса. Это то представление, которое физический разум, стартующий во всех своих идеях с материальной вселенной как с единственной вещи, известной им, может иметь склонность принять и начать более или менее успешно развивать это представление, если он вынужден допустить существование супрафизического; тогда он мог бы сохранить материальное. Несознание в качестве начальной точки и поддержки всего бытия, тем более что материальное, несомненно, является для нас начальной точкой эволюционного движения, сценой для которого служит материальный мир. Тогда наш разум смог бы по-прежнему придерживаться представления о материи и материальной силе как первичном существовании, — взлелеянного им представления, поскольку материя есть первая вещь, которую знает разум, единственная вещь, которая всегда гарантированно присутствует и познаваема, — и поддерживать духовное и супрафизическое в зависимости от надежного основания в Материи¹. Но тогда как же были созданы иные миры, какой силой, какими инструментами? Могло бы стать, что Жизнь и Разум, развившиеся из Несознательного, одновременно сами бы развили эти иные миры или планы в сублиминальном сознании живых существ. Для сублиминального существа в жизни и после смерти, — ведь именно внутренне существо выживает после смерти тела, — эти миры могли бы быть реальными, поскольку они ощутимы в более широком диапазоне сознания; внутреннее существо двигалось бы в этих мирах с ощущением реальности, возможно, производной реальности, но убедительной, и посылало бы свои переживания поверхностному существу, в котором они трансформировались бы в веру и ментальные образы. Такое объяснение возможно, если мы примем Сознание в качестве реальной созидательной Мощности или агента, а все вещи — в качестве образований сознания; но супрафизическим планам бытия это не придаст несущественности или менее осязаемой реальности, что склонен приписывать им физический разум; иные миры сами по себе обладали бы такой же реальностью, что и физический мир или план физического опыта на своем собственном уровне.

Если этим или подобным путем были развиты высшие миры, развиты последовательно для порождения материального мира, первичного творения, путем большей тайной эволюции из Несознательного, то это должно было быть сделано некоторой Все-Душой при ее возникновении, в процессе, о котором мы ничего не знаем, и с целью эволюции здесь, в качестве дополнения к эволюции или в качестве ее дальнейших последствий, так что жизнь и разум и дух могли бы двигаться в полях более свободного размаха с отзвуком этих больших мощностей и переживаний в материальном само-выражении. Но против этой гипотезы находится возражение в том обнаруживаемом нами факте, что эти высшие миры в нашем видении и опыте никоим образом не базируются на материальной вселенной, никоим образом не являются ее продуктами, а скорее являются большими терминами бытия, более широкими и свободными диапазонами сознания, и все действие материального плана больше походит на результат, а не на источник этих больших терминов, является выводимым из них термином, даже частично от них зависящим в своем эволюционном усилии. Необъятный диапазон мощностей, влияний, явлений завуалированно нисходит на нас из Над-разума и высших ментальных и витальных областей, но только избранная их часть или ограниченное количество может организовать себя и реализоваться в устройстве физического мира; остальная часть ожидает своего времени и надлежащих условий для раскрытия в физическом выражении и форме, ожидают своего участия в земной² эволюции, являющейся одновременно эволюцией всех мощностей Духа.

Характер этих миров не дает нам возможности принять первичную важность нашему собственному плану бытия и нашей собственной части мирского проявления. Мы не выдумываем Бога в своем сознании, а сами являемся инструментами постепенной манифестации Божественного в материальном бытии. Мы не творим богов, их мощности, а скорее такая божественность, какую мы проявляем, является частичным отражением и оформлением здесь вечных божеств. Мы не создаем высшие планы, а сами являемся посредниками, через которые они раскрывают свой свет, мощь, красоту в какой угодно форме и каком-либо охвате, которые могут быть им приданы силой Природы на материальном плане. Именно давление мира Жизни позволяет жизни эволюционировать и развиваться здесь в тех формах, которые мы знаем; именно нарастающее давление побуждает жизнь устремляться в нас к большему своему раскрытию, и наступит день, когда она освободит смертного от его подчинения узким ограничениям его несведущей и ограниченной физичности. Именно давление мира Разума развернуло и развило здесь разум и помогает нам найти способ для нашего ментального само-поднятия и расширения, так что мы можем надеяться непрерывно

¹ В Риг Веде есть выражения, которые, как кажется, отражают этот взгляд. О Земле (материальном принципе) говорится как об основании всех миров, либо семь миров описываются как семь планов Земли.

² Конечно, под “земным” мы не подразумеваем исключительно одну эту землю в периоде ее существования; мы используем слово “земля” в более широком коренном смысле Ведантической Притхиви, земного принципа, создающего для души обиталища физической формы.

расширять наше “я” интеллекта и даже разрушить стены заключения нашей физической ментальности, связанной материей. Именно давление супраментального и духовного миров подготавливает здесь развитие явной мощи Духа и посредством него открывает наше существо на физическом плане к свободе и бесконечности сверхсознательного Божественного; только этот контакт, это давление может освободить нас из видимого Несознания, бывшего нашей начальной точкой, все-составляющим Божеством, сокрытым в нас. В этом устройстве вещей наше человеческое сознание является инструментом, посредником; оно предстает той точкой в развитии света и мощи из Несознания, когда становится возможным освобождение: большую роль, чем эта, мы не можем приписать нашему сознанию, но и эта роль достаточно велика, поскольку человечество обретает все-значимость для верховной цели эволюционной Природы.

В то же время в нашем сублиминальном переживании найдутся некие элементы, которые ставят под сомнение какой-либо неизменный приоритет иных миров по отношению к материальному существованию. На это указывает то, что в видении переживания “после смерти” присутствует сохраняющаяся традиция представлений об условиях нового места пребывания, которые кажутся супрафизическим продлением земных условий, земной природы, земного опыта. Кроме того, и особенно в мирах Жизни, мы находим образования, напоминающие низшие движения земного существования; там уже воплощены принципы тьмы, лжи, неспособности и зла, которые, как мы предположили, сопровождают эволюцию из материального Несознания. Даже кажется фактом то, что витальные миры являются природным домом тех Мощностей, которые наиболее сильно будоражат человеческую жизнь; это на самом деле логично, поскольку они раскачивают нас именно через витальное существо, и поэтому они должны быть силами большего и более мощного жизненного существования. Совсем не обязательно, чтобы спуск Разума и Жизни в эволюцию порождал бы такие неблагоприятные обстоятельства ограничения бытия и сознания: ведь этот спуск является по своей природе ограничением сознания; существование и постижение и восторг бытия ограничивают себя в меньшей истине, благе и красоте и в более низкой гармонии, и движутся в соответствии с этим законом более узкого света, однако такому движению совсем не обязательно присущи явления тьмы, страдания и зла. Если обнаруживается их существование в мирах другого разума и другой жизни, даже если и не пропитывающее эти миры, а только занимающее в них свои отдельные области, то мы должны заключить, что либо они возникли при выбросе из низшей эволюции, благодаря чему-то в сублиминальных частях Природы, прорывающемуся там и всплывающему здесь в виде созданных образований зла, либо они уже были созданы как часть параллельной градации инволюционного спуска, как переходная ступенька для эволюционного подъема к Духу, подобно тому, как они уже послужили ступенькой при нисхождении Духа. В последней гипотезе подъем по этим ступенькам мог бы преследовать двойную цель. Ведь в этом случае уже предсуществовали бы формации добра и зла, которые должны развернуться на земле как часть борьбы, необходимой для эволюционного роста Души в Природе; эти формации были бы формациями, существующими ради самих себя, ради собственного независимого удовлетворения, они представляли бы полный тип этих вещей, каждую — в ее отдельной природе, и в то же время они упражнялись бы на эволюционирующих существах по части своего влияния.

Тогда эти миры большей Жизни держали бы в себе как более светлые, так и более темные образования нашей мирской жизни, содержали бы их в собственной среде, в которой они могли бы более свободно достичь независимого выражения, полной свободы собственного типа и естественной полноты и гармонии для добра или для зла, — если такое разграничение применимо в этих диапазонах, — полноты и независимости, невозможных здесь в нашем существовании, где все смешано в сложном взаимодействии, необходимом для поля многосторонней эволюции, идущей к окончательной интеграции. Ибо мы обнаруживаем, что то, что мы называем ложным, темным или злым, обладает там, по-видимому, собственной истиной и полностью согласуется с собственным типом, поскольку в полном выражении завладевает тем, что создает в нем ощущение удовлетворенной мощи собственного бытия, ощущение согласования, полной адаптации всех обстоятельств к его принципу существования; там оно наслаждается собственным сознанием, собственной само-мощью, собственным восторгом бытия, противным нашему разуму, а для него полным радости удовлетворенного желания. Жизненные принципы, неумеренные и чрезмерные для земной природы и возникающие здесь в качестве искажающих и ненормальных, в своих собственных областях бытия находят независимое осуществление и неограниченную игру собственной типа и принципа. То, что для нас является божественным или титаническим, Ракшасическим, демоническим и потому сверхъестественным, нормально в их собственных областях и придает существам, воплощающим эти вещи, ощущение родной стихии и гармонии их собственного принципа. Само разногласие, борьба, неспособность, страдание входят в определенного рода удовлетворение жизни, которая ощущала бы себя без них неполной и в чем-то обделенной. Когда эти силы видимы в их изолированной работе, строящими свои собственные сооружения жизни, как они делают это в тех тайных мирах, где они господствуют, тогда мы более ясно воспринимаем их происхождение, смысл их существования, а также причину их власти в человеческой жизни, причину прикреплённости человека к собственным несовершенствам, причину жизненных драм побед и поражений, счастья и страдания, смеха и слез, греха и добродетели. Здесь, на земле, эти вещи существуют в неудовлетворенном и поэтому неудовлетворительном и смутном состоянии борьбы

и смешения, но там они раскрывают свою тайну и мотив бытия, потому что там они находятся в родной стихии и полной природе собственного мира и своей исключительной атмосферы. Человеческие представления о рае и аде или мирах света и мирах тьмы, коль далекими от реальности они бы ни были, проистекают из восприятия этих сил, существующих в собственной первопричине и оказывающих влияние на человека из мира запредельной жизни, снабжающих человека элементами эволюционного продвижения.

Подобно тому, как силы Жизни основываются, совершенны и полны в большей Жизни за пределами нас, так и силы Разума, его идеи и принципы, воздействующие на наше земное бытие, имеют в большем мире Разума свое поле полноты собственной природы, тогда как сюда, в человеческое существование, они выбрасывают только частные образования, которым здесь нелегко приспособиться и отыскать свое место, поскольку они встречаются и смешиваются с другими силами и принципами; эти встречи, это смешения не дают им возможности развернуться на полную мощь, замутняют их чистоту, противятся их влияниям и разрушают их намерения. Следовательно, иные миры являются не эволюционными, а типическими; одна, хотя и не единственная причина их существования заключается в том, что эти миры поставляют те вещи, которые должны возникнуть в инволюционном проявлении, как и вещами, брошенными в эволюцию с полем удовлетворения их собственной значимости, где они могут существовать по собственному праву; это учрежденное условие составляет тот базис, из которого их наработки и операции могут быть брошены в качестве элементов в сложный процесс эволюционной Природы.

Если с этой точки зрения мы оценим традиционные человеческие взгляды на существование иных миров, то обнаружим, что по большей части они указывают на миры большей Жизни, освобожденной от ограничений и несовершенств или неполноты Жизни в земной природе. Эти взгляды основываются, в основном, на воображении, но в них присутствует и элемент интуиции и прозрения, ощущение того, чем Жизнь может быть и чем она, несомненно, является в некоторых областях своей проявленной или реализуемой природы; в этих взглядах также присутствует элемент настоящего сублиминального контакта и переживания. Но человеческий разум преобразует то, что он видит или воспринимает, или с чем он соприкасается в иных мирах, в образы, соответствующие его собственному сознанию; эти образы являются переводами супрафизических реальностей в его собственные значимые формы и образы, и через эти формы и образы человек вступает в связь с этими реальностями и может до некоторой степени задействовать эти реальности. Предчувствие продолжения земной жизни в измененном виде после смерти может объясняться как следствие такого рода переводов; но жизнь после смерти можно представить отчасти как порождение послесмертного субъективного состояния, в котором человек все еще живет в присутствии образов привычного переживания, прежде чем вступит в реальности иного мира, а отчасти как переход через миры Жизни, где типичные вещи выражаются в тех или сходных с ними образованиях, к которым человек был прикреплен в своем земном теле, и поэтому витальное существо человека испытывает естественную к ним тягу после выхода из тела. Но помимо более тонких состояний Жизни традиционно упоминается, хотя как и реже встречающийся, но более возвышенный элемент, более высокая ступень состояний существования, имеющих отчетливо ментальный и не витальный характер, а также и другие состояния, основанные на некотором духовно-ментальном принципе; эти высшие принципы заложены в состояниях бытия, до которых может подняться наш внутренний опыт или в которые может войти душа. Этим оправдывается принятый нами принцип градации, хотя не следует забывать, что предложенная градация составляет всего лишь один из возможных путей организации нашего опыта и что возможны и иные пути, с других точек зрения. Ведь классификация всегда может быть законна с точки зрения принятого принципа, тогда как равным образом справедлива и любая другая классификация тех же вещей, но основанная на ином принципе. Но для нашей цели выбранная нами система обладает величайшей ценностью, поскольку она фундаментальна и отвечает истине манифестации, имеющей крайнюю практическую важность; она помогает нам понять наше собственное продолжающееся существование и ход инволюции и эволюционного движения Природы. В то же время мы видим, что иные миры не являются чем-то находящимся поодаль от материальной вселенной и земной природы, что они проникают в нее и обволакивают ее своими влияниями и делают ее сферой действия формирующей и направляющей силы, не так легко предсказуемой. Организация нашего знания и переживания иных миров дает нам ключ к природе и направлениям действия этой силы.

Существование и влияние иных миров является фактом первостепенной важности для возможностей и сферы действия нашей эволюции в земной Природе. Если физическая вселенная была бы единственным полем проявления бесконечной Реальности и одновременно полем ее полного проявления, то мы должны были бы предположить, что поскольку все принципы бытия от Материи к Духу полностью вовлечены в кажущуюся несознательной Силу, являющуюся базисом первых работ этой вселенной, то они будут развернуты здесь полностью и только здесь, причем без какой-либо другой помощи или давления, за исключением давления тайного Сверхсознания изнутри Материи. Тогда в этом устройстве вещей принцип Материи должен оставаться всегда первым принципом, сущностным и изначальным определяющим условием проявленного существования. Тогда, на самом деле, Дух смог бы в конце концов достичь своего естественного господства, хотя бы ограниченного размаха; он смог бы сделать свой базис физической материи более податливым инструментом, не всецело запрещающим действие его высочайшего

закона и природы или противящимся этому действию, как это происходит сейчас. Однако Дух всегда бы зависел от Материи как от своего поля и своего проявления; он не мог бы иметь другого поля: он не мог бы выйти за пределы этого поля для другого рода проявления; и внутри этого поля он не смог бы полностью высвободить любой другой принцип своего бытия, чтобы тот возобладали над материальным основанием; Материя оставалась бы одним неизменным определителем его проявления. Жизнь не смогла бы стать господствующей и определяющей, Разум не смог бы стать господином и творцом; границы их возможностей были бы фиксированы возможностью Материи, которую они могли бы расширять или модифицировать, но не были бы способными радикально ее трансформировать или освободить. Не было бы места для какого-либо свободного и полного проявления любой мощности бытия, все было бы навсегда ограничено условиями темного материального образования. Ни Дух, ни Разум, ни Жизнь не имели бы тогда своего родного поля или полной сферы деятельности собственных характерных сил и принципов. Нелегко поверить в неизбежность этого само-ограничения, если Дух является создателем, и если эти принципы имеют независимое существование и не являются продуктами, результатами или явлениями энергии Материи.

Но, приняв тот факт, что бесконечная Реальность свободна в игре своего сознания, можно заключить, что это сознание не обязано полностью заключить себя в незнание Материи, прежде чем оно вообще сможет проявиться. Сознание могло бы сотворить как раз обратный порядок вещей, создать мир, в котором единство духовного бытия является первоосновой любого образования или действия, работающая Энергия является само-осознающим духовным существованием в движении, и все ее имена и формы являются само-сознательной игрой духовного единства. Либо устройство мира могло бы быть таковым, что сокровенная духовная мощь сознательной Силы или Воли реализовывала бы свои собственные возможности свободно и напрямую, а не через ограничивающую среду Жизненной Силы в материи; эта реализация была бы одновременно первым принципом проявления и целью всякого свободного и блаженного действия. Опять же, устройство вещей могло бы быть таким, что целью являлась бы свободная игра бесконечного взаимного само-восторга во множественности существ, осознающих не только свое сокровенное или базисное вечное единство, но и сиюминутную радость тождества; в такой системе первым принципом и вселенским условием было бы действие принципа само-существующего Блаженства. Кроме того, мир мог бы быть устроен так, что его господствующим принципом с самого начала был бы Сверхразум; тогда природой проявления стала бы множественность существ, находящихся через свободную и светлую игру своих божественных индивидуальностей всю многократную радость их разницы в тождестве.

И совсем не обязательно, чтобы ряд обрывался здесь: ведь мы видим, что Разум заторможен Жизнью в Материи, и мы обнаруживаем все возможные трудности в преобладании сопротивления этих двух различных мощностей, и что сама Жизнь аналогично ограничена смертностью, инерцией и нестабильностью Материи; но, очевидно, что мир мог бы быть устроен так, что ни одна из этих неспособностей не была бы частью первых условий существования. Мог бы существовать мир, в котором изначально бы преобладал, был свободен в работе над своей собственной субстанцией или над материей как совершенно пластичным материалом, или в котором Материя явилась бы совершенно явным результатом действия вселенской Силы Разума, вырабатывающейся в жизни. Даже в нашем мире все обстоит именно так; однако здесь Сила Разума с самого начала завуалирована, длительное время подсознательна, и даже когда появляется, то всегда лишена свободного само-обладания и подчинена упаковочному материалу, тогда как в том мире она полностью бы обладала собой и господствовала бы над материалом, который был бы гораздо более тонким и податливым, чем в по преимуществу физической вселенной. Точно также Жизнь могла бы иметь свой собственный миро-порядок, в котором она была бы господином, способным развешивать более податливые и свободно изменяемые желания и склонности, которым всякий раз не угрожали бы дезинтегрирующие силы, и поэтому жизнь не была бы занята, главным образом, заботой о само-сохранении и не была бы ограничена в своей игре этим состоянием опасного напряжения, которое ограничивает ее намерение свободного формирования, свободного само-удовлетворения и свободного приключения. Отдельное преобладание каждого принципа бытия является вечной возможностью в проявлении бытия — хотя эти принципы совершенно различаются по динамической мощи и модам работы, даже если они составляют одно в изначальной субстанции.

Но это ничего бы не меняло, если все это было бы только философской возможностью или потенциальностью бытия Сагчитананды, никогда не реализуемой или еще не реализованной, а если и реализованной, то не вошедшей в диапазон сознания существ, живущих в физической вселенной. Но весь наш духовный и психический опыт утверждает существование высших миров, более свободных планов существования и приводит постоянные и неизменные, в главных принципах, доказательства тому. Не ограничивая себя, как в современном мышлении, той догмой, что верен только физический опыт или опыт, основанный на физическом чувстве, что проверяем только анализ физического переживания, даваемый рассудком, а все остальное является только результатом физического переживания и физического существования, и что-либо за пределами этого есть ошибка, само-заблуждение и галлюцинация, мы становимся достаточно свободными, чтобы принять эти доказательства и допустить реальность высших планов. Мы видим, что практически они являются другими гармониями, отличными от гармонии физической вселенной; они занимают, как это предполагает слово “план”, другой уровень в шкале бытия и допускают иную систему и порядок

принципов. Сейчас для наших целей не требуется исследовать, совпадают ли эти миры в пространстве и времени с нашим собственным миром или движутся в другом пространственном поле и в другом временном потоке — в любом случае, они являют более тонкую субстанцию, обладающую другими движениями. То, что непосредственно затрагивает нас, это узнать, составляют ли они различные вселенные, каждая из которых полна в себе, и которые никоим образом не встречаются, не пересекаются и не воздействуют друг на друга, или же скорее они являются различными шкалами одной ранжированной и переплетенной системы бытия, и поэтому составляют части одной комплексной вселенской системы. Тот факт, что они могут входить в поле нашего ментального сознания, естественно предполагает справедливость второй гипотезы, но сам по себе этот факт окончательно еще ничего не доказывает. Ведь мы обнаруживаем лишь то, что эти высшие планы действительно в каждый момент действуют на наш собственный план бытия и находятся с ним в сообщении, хотя это действие естественно не ощущается нашим обычным пробужденным или внешним сознанием, потому что оно по большей части ограничено восприятием и использованием контактов физического мира: но в то время, когда мы либо отходим в наше сублиминальное существо или расширяем наше пробужденное состояние за пределы физических контактов, в это время мы начинаем осознавать нечто из этого высшего действия. Мы даже обнаруживаем, что при определенных условиях человеческое существо может частично проецировать себя в эти высшие планы, находясь при этом в теле: а fortiori он должен способен делать это, находясь вне тела, и тогда делать это полностью, поскольку больше нет связывающего условия физической жизни, притягивающей к телу. Следствия из этой связи и из этой способности переживания чрезвычайно важны. С одной стороны, это сразу же подтверждает, по крайней мере, как действительную возможность, древнее традиционное представление о временном пребывании человеческого сознательного существа в иных мирах после смерти физического тела. С другой стороны, это открывает возможность действия высших планов на материальное существование, что может высвободить силы жизни, разума и духа для эволюционного намерения, внутренне присущего Природе, благодаря самому факту воплощения этих сил в Материи.

В первозданном творении высшие миры были созданы не после физической вселенной, а до нее — и если не во времени, то в логической последовательности. Ведь даже если существует восходящая, как и нисходящая градация миров, то эта восходящая градация должна в первую очередь обеспечивать эволюционное появление в Материи, должна служить формирующей мощью для эволюционной попытки, предоставляя ей вспомогающие и враждебные элементы, и не являться простым следствием земной эволюции; поскольку последний случай невероятен с рациональной точки зрения и не несет духовного или динамического и прагматического смысла. Другими словами, высшие миры не пришли в бытие под давлением низшей физической вселенной — скажем, под давлением Сатчитананды в физическом Несознании или под требованием его бытия по мере того, как оно поднимается из Несознания до Жизни и Разума и Духа и ощущает необходимость создания миров или планов, в которых эти принципы имели бы более свободную игру и в которых человеческая душа может укрепить свои витальные, ментальные или духовные стремления. Еще менее вероятно, что высшие миры являются порождением самой человеческой души, будь то в грезах или в результате постоянного само-проецирования человечества в свое динамическое и созидательное существо за пределами человеческого сознания. Единственная вещь, которую человек строит таким путем, это отраженные образы этих планов в его воплощенном сознании; кроме того, таким путем человек подготавливает собственную душу к тому, чтобы отвечать этим планам, осознавать их, принимать сознательное участие в сплетении их воздействий с действием физического плана. Человек в действительности может внести свой вклад, спроецировав или добавив собственные высшие витальные и ментальные действия к действию этих планов: но, даже если это и так, то в конечном итоге эти проекции являются только возвратным воздействием этих планов на самих себя, возвращением с земли сил, низошедших с высших миров в разум земли, поскольку сами высшие витальные и ментальные действия являются результатом влияний, переданных свыше. Человек также может соорудить определенного рода субъективную пристройку к этим супрафизическим планам или, по крайней мере, к низшему из них, создать окружение полу-нереального характера, которое является скорее само-сотворенной оболочкой его сознательного разума и жизни, чем подлинным миром; эти пристройки являются отражениями собственного бытия человека, искусственным окружением, соответствующим его попытке представить на земле эти миры — небесами и адом, спроецированными образно созидательной способностью человеческого сознательного существа. Но это ни в коем случае не означает сотворения настоящего плана бытия, основанного и действующего на своем собственном отдельном принципе.

Следовательно, эти планы или системы, по крайней мере сосуществуют с тем планом, который представляется нам как физическая вселенная. Мы подошли к тому выводу, что развитие Жизни, Разума и Духа в физическом бытии предполагает существование высших миров; ведь высшие мощности развиты здесь двумя сотрудничающими силами, силой, устремленной снизу вверх и силой, действующей свыше и вытягивающих наверх и давящей на низ. Ведь в Несознательном присутствует потребность вынесения наружу того, что сокрыто в нем, и также существует давление высших принципов с высших планов, которое не только помогает реализоваться этой общей потребности, но и может очень во многом определять те специфические пути, по которым эта потребность обычно реализуется.

Именно этой тянущей наверх силой и этим давлением, этим настоянием свыше объясняется постоянное влияние духовного, ментального и витального миров на физический план. Очевидно, что в такой комплексной вселенной с вплетенными в каждую часть системы семью принципами и поэтому призванными воздействовать друг на друга и отвечать друг другу, насколько возможно, такое действие, такое постоянное давление и влияние является неизбежным следствием, оно должно быть внутренне присущим природе проявленной вселенной.

Важные последствия должно иметь это непрекращающееся воздействие внешних мощностей и принципов с их собственных планов на земное бытие и природу через сублиминальное “я”, которое само является проекцией тех планов в мир, рожденный из Несознания. Первым следствием явилось освобождение Жизни и Разума из Материи; самым последним стало содействие появлению духовного сознания божественной воли и духовного ощущения существования в земном бытии, так что человек больше не занят единственно внешней жизнью или преследованием витальных и ментальных целей и интересов, а научился вглядываться вовнутрь, открывать свое внутреннее существо, свое духовное “я”, начал стремиться превзойти землю и ее ограничения. По мере внутреннего роста человека начинают расширяться его ментальные, витальные, духовные границы, утрачиваются или рвутся те узы, что помогли первоначальному возникновению Жизни, Разума и Духа, и до человека, ментального существа, начинают доходить проблески из более грандиозного царства “я” и из мира, лежащего вплотную к земной жизни. Несомненно, пока человек живет преимущественно на поверхности, он может на основе своего обычного узкого существования только выстраивать разного рода идеальные, воображаемые и идейные суперструктуры. Но если он предпринимает внутренние движения, на которые указывает его внутреннее видение как на высочайшую духовную сущность, тогда он обнаруживает во внутреннем существе большее Сознание, большую Жизнь. Действие изнутри и свыше может преодолеть господство материальной формулы, существенно преуменьшить и в итоге свести на нет мощь Несознания, обратить порядок сознания, заменить Материю Духом в качестве сознательного основания бытия и высвободить высшие мощности до их полного характерного выражения в жизни души, воплощенной в Природе.

ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ И ИНЫЕ МИРЫ; КАРМА, ДУША И БЕССМЕРТИЕ

Из этого мира он отправился в физическое Я; он перешел к “я” жизни; он перешел к Я разума; он перешел к “я” знания; он перешел к “я” блаженства; он путешествовал через эти миры по желанию.

Тайттирия Упанишада (III.10.5)

Они говорят, что на самом деле сознательное существо сделано из желания. Но к какому бы желанию он ни пришел, оно приходит той волей, и какая бы воля ни пришла, он делает то действие, а каково действие, таков и результат... Прикрепленный к своей Карме¹, он в тонком теле идет к тому, к чему тяготеет его разум, затем, подойдя к концу своей Кармы, выработав всякое действие, он возвращается из того мира в этот мир Кармы.

Брихадараньяка Упанишада (IV.4.5,6)

Наделенный качествами, делатель работ и творец их последствий, он пожинает плоды своих действий; он правитель жизни и путешествует в соответствии с собственными деяниями; у него есть идея и эго, и он познается качествами интеллекта и качествами я. Меньше, чем сотая часть толщины волоса, душа живущего существа способна на бесконечность. Он не мужчина и не женщина и не бесполой, а присоединяется к любому телу, которое он принимает за свое собственное.

Шветашватара Упанишада (V.7-10)

Смертные, они достигли бессмертия.

Риг Веда (I.110.4)

Наш первый вывод относительно реинкарнации заключается в том, что перевоплощение души в последовательных земных телах является следствием первостепенной важности, составляющим процесс манифестации в земной природе; но этот вывод приводит к дальнейшим проблемам и следствиям, которые необходимо исследовать. Первый вопрос касается процесса перевоплощения; если этот процесс не скоротечен, если за смертью тела не следует немедленно новое рождение, чтобы поддержать непрерывающийся ряд жизней одной и той же личности, если между смертью и новым рождением есть некоторый промежуток, то тогда сразу же возникает вопрос о принципе и процесс перехода к иным мирам, в которых душа должна находиться перед новым воплощением, и возникает вопрос о возвращении к земной жизни. Третий вопрос касается самого процесса духовной эволюции и тех изменений, которые душа претерпевает при своем переходе от рождения к рождению по этапам своего приключения.

Если физическая вселенная была бы единственным проявленным миром или была бы совершенно обособленным миром, тогда перевоплощение как часть эволюционного процесса было бы ограничено постоянной последовательностью прямых перемещений из одного тела в другое; за смертью сразу же бы следовало очередное рождение, без какого-либо промежутка — этот переход явился бы духовным обстоятельством в непрекращающейся последовательности принудительного, механического, материального образа действия. Душа не смогла бы высвободиться из Материи; она была бы навечно ограничена своим инструментом, телом, и зависимостью от него для непрерывности проявленного существования. Но мы обнаружили, что существует жизнь и на других планах после смерти и перед очередным воплощением, следующая за предыдущим земным существованием и подготавливающая к новой стадии земной жизни. Иные планы сосуществуют с нашим, являются частью одной комплексной системы и непрерывно воздействуют на физический план, являющийся их собственным конечным и низшим выражением, воспринимают его реакции, допускают тайную связь и сообщение. Человек может стать сознательным на этих планах, в определенных состояниях может даже спроецировать свое сознательное существование на эти планы, но при жизни может

¹ Действие, карма. С точки зрения Упанишад Карма или действие этой жизни исчерпывается жизнью в запредельном мире, в котором исполняются результаты этого действия, и душа возвращается на землю за новой Кармой. Причиной рождения в этом мире, причиной Кармы, причиной перехода души к существованию в ином мире и возвращения души здесь, повсеместно, является собственное сознание души, ее воля и желание.

сделать это только частично, а после растворения тела, возможно, и со всей полнотой. Следовательно, такая возможность проецирования в иные миры или планы бытия становится достаточно актуальной для того, чтобы практически вынуждать свою собственную реализацию, непосредственно и, возможно, устойчиво сходящую в человеческую земную природу, если человек с самого начала наделен такой мощью само-перемещения, и сходящую от случая к случаю, если человек еще только дорастает до этой мощи в ходе постепенного прогресса. Ведь, возможно, что в самом начале человек недостаточно развит для того, чтобы переносить свою жизнь или свой разум в большие миры Жизни или миры Разума и принуждаем принять перемещение из одного земного тела в другое, что является его единственной теперешней возможностью выживания.

Необходимость такого промежутка между смертью и рождением и переход к иным мирам вызывается двойной причиной: существует притяжение к иным мирам со стороны ментального и витального существ человека, и существует полезность или даже необходимость такого промежутка для усвоения законченного жизненного переживания, выработки того, что должно быть выработано, подготовки нового воплощения и нового жизненного переживания. Но необходимость периода усвоения и притяжение к иным мирам могут возникнуть только тогда, когда ментальная и витальная индивидуальности становятся достаточно развитыми в полу-животном физическом человеке; до этих пор таких периодов может и не быть или они могут быть не эффективными: накопленный жизненный опыт может быть слишком простым и элементарным, так что почти не требуется времени для его усвоения, и естественное существо может быть слишком грубым, так что не может идти комплексный процесс усвоения; высшие части могут быть недостаточно развиты, чтобы поднимать себя к высшим планам существования. Тогда, при отсутствии связи с иными мирами, можно строить теории перевоплощения, допускающие только постоянное перемещение; тогда существование иных миров не является актуальным, и временное пребывание души на иных планах не является действенной или, во всяком случае, необходимой частью системы. Можно построить и другую теорию, в которой переход к иным мирам становится обязательным правилом для всех душ, так что нет немедленного перевоплощения; душе требуется некоторый промежуток времени для подготовки к новому воплощению и новому опыту. Также возможен компромисс между этими крайними теориями; простое перемещение может быть первым преобладающим правилом, пока душа еще недостаточно зрела для того, чтобы переходить к существованию в иных мирах; тогда переход к иным планам стал бы законом и задерживался бы лишь позднее. Как иногда предполагают, душа может достичь даже третьей стадии, когда она настолько сильно развита, ее природные части настолько духовного оживлены, что душе больше не требуется промежутков, и она может без задержки сразу же воплотиться для более быстрой эволюции.

В популярных представлениях, которые берут начало от религий, допускающих реинкарнацию, существует некоторая несовместимость, которую они не могут преодолеть. С одной стороны, широко распространена вера, довольно грубая, в то, что за смертью тела сразу же или почти сразу следует воплощение в новом теле. С другой стороны, есть старая религиозная догма о жизни после смерти на небесах или в аду или, быть может, в иных мирах или на иных уровнях бытия, в зависимости от того, чего заслужила душа в физическом существовании; и час возвращения на землю приходит тогда, когда исчерпываются заслуги или заканчивается наказание, после чего существо готово к другой земной жизни. Эта несовместимость исчезнет, если мы примем, что может происходить по-разному в зависимости от того, какой стадии эволюции достигла душа в ходе своей манифестации в Природе; тогда все будет зависеть от степени способности души вступить в статус, более высокий, чем земная жизнь. Но в обычной концепции реинкарнации идея о духовной эволюции не выражена явно, она только подразумевается в том факте, что душа должна достичь той точки, когда она станет способной превзойти необходимость перевоплощения и возвращения к своему вечному источнику; но если нет постепенной и последовательной эволюции, тогда эта точка может быть достигнута только в хаотическом извилистом движении, закон которого нелегко определить. Чтобы определенно ответить на этот вопрос, следует предпринять некоторое психическое исследование и решать на основе конкретных переживаний; здесь мы можем заняться только более частным вопросом и посмотреть, заложена ли в природу вещей или логику эволюционного процесса какая-либо видимая или внутренне присущая необходимость для каждого способа перевоплощения: для немедленного перехода от тела к телу и для задержки на некоторое время перед новой инкарнацией само-воплощающегося психического принципа.

Некоторого рода необходимость жизни в иных мирах, необходимость скорее динамическая и практическая, чем сущностная, возникает из самого того факта, что различные мировые принципы внутренне переплетены друг с другом и некоторым образом взаимозависимы, и из-за того воздействия, которое этот факт должен оказывать на процесс духовной эволюции. Но на время эта необходимость может нейтрализоваться большим притяжением к земле или преобладающей физичностью эволюционирующей природы. Наша вера в рождение возвышающейся души в человеческой форме и ее возрождение в этой форме, без которой она не может заверить свою человеческую стадию эволюции, покоится, с точки зрения рассуждающего интеллекта, на той основе, что постепенный переход души на все более и более высокие уровни земного существования образует последовательность, необходимую для роста природы; одной краткой человеческой жизни на земле явно недостаточно для эволюционной цели. На ранней

стадии, когда человечество еще только зарождалось, реализовывалась, по-видимому, схема частого немедленного переноса души, — повторного принятия новой человеческой формы в следующем теле, сразу же после того, как прежнее тело прекратило свое существование при прекращении действия Жизненной энергии и последующей дезинтеграции, которую мы называем смертью. Но что с точки зрения эволюционного процесса вызывало серию немедленных перевоплощений? Очевидно, что необходимость немедленного перевоплощения могла бы быть императивной лишь пока психическая индивидуальность, — не сама тайная душа-сущность, а образование души в природном существе, — слабо раскрыта, недостаточно развита и неудовлетворительно сформирована, так что она не может больше никак выжить, кроме как благодаря сохранению ментальной, витальной и физической индивидуальностей, выработанных в этой жизни: психическая индивидуальность, все еще неспособная выжить сама по себе, сбросить прошлые образования Разума и Жизни и затем построить новые, была бы вынуждена сразу же переносить свою зачаточную грубую индивидуальность в новое тело. Сомнительно, что нам следует приписывать подобную неспособность настолько сильно индивидуализированному существу, как воплощающему человеческое сознание. Даже самый обыденный человеческий индивид представляет душу, действующую через явно различимое ментальное существо, насколько бы плохо ни был сформирован разум человека, каким бы ограниченным и приниженным он ни был, насколько бы он ни был вовлечен и закован в физическое и витальное сознание и был бы не способен или не желал бы открепиться от своих низших образований. Все же мы можем предположить, что существует направленное вниз притяжение, причем настолько сильное, что принуждает существо поторопиться сразу же возобновить физическую жизнь, поскольку его природное образование на самом деле не подходит для чего-либо еще или для жизни на высшем плане. Либо же жизненный опыт может быть настолько кратким и неполным, что принуждает душу сразу же воплотиться для продолжения этого опыта. Могут быть и другие потребности, воздействия или причины в сложном Природном процессе, такие как сильная воля земного желания, неистово ищущая исполнения, что может повлечь немедленное перевоплощение той же самой сохранившейся формы личности в новое тело. Но все же нормальной линией, которой придерживается психическая сущность, раз уж она достигла человеческой стадии эволюционного цикла, будет альтернативный процесс перевоплощения, возрождение Личности не только в новом теле, но и в новом образовании персональности.

Ведь персональность души по мере своего развития должна обрести достаточную власть над своим природным образованием и построить достаточную само-выразительную ментальную и витальную индивидуальность, чтобы иметь возможность продолжить существование без поддержки материального тела, как и превзойти любую избыточную сдерживающую прикрепленность к физическому плану и физической жизни: она должна быть достаточно развитой для того, чтобы продолжить существование в тонком теле, которое, как мы знаем, является характерным контейнером или оболочкой и надлежащей тонко-физической поддержкой внутреннего существа. Именно душа-личность, психическое существо выживает после смерти тела и берет с собой в свое путешествие разум и жизнь, и именно в тонкое тело она переходит из материальной жизни; следовательно, как душа, так и тонкое тело должны быть достаточно развитыми для этого перехода. Но переход к планам существования Разума или Жизни также предполагает, что разум и жизненная часть достаточно сформированы и развиты, чтобы перейти без дезинтеграции и какое-то время существовать на этих высших уровнях. Если эти условия выполнены, то есть достаточно развиты как психическая личность и тонкое тело, так и ментальная и витальная личности, тогда будет гарантировано выживание души-личности без немедленного нового рождения, и притяжение к иным мирам станет действенным. Но если бы все этим и ограничивалось, тогда душа возвращалась бы на землю с той же самой ментальной и витальной личностью, и не было бы свободной эволюции при новом рождении. Сама психическая личность должна быть достаточно индивидуализирована для того, чтобы больше не зависеть от своих прошлых образований разума и жизни, как она не зависит от тела, и поэтому она должна также со временем сбросить их и перейти к новому образованию для нового опыта. Для сбрасывания старых и подготовки новых форм душа должна на время между двумя рождениями пребывать где-то еще, не на полностью материальном плане, в котором мы сейчас движемся; потому что здесь нет подходящего места для развоплощенного духа. На самом деле возможна краткая остановка, если существуют тонкие оболочки земного существования, принадлежащие земле, но носящие витальный или ментальный характер: но даже тогда нет причины для того, чтобы душа надолго задерживалась здесь, если она не обременена непреодолимой прикрепленностью к земной жизни. Выживание личности после смерти материального тела подразумевает супрафизическое существование, и оно возможно только на некотором плане бытия, соответствующем эволюционной стадии сознания или, если нет эволюции, во временном втором доме духа, который был бы естественным местом его пребывания между двумя жизнями — если только оно не является его изначальным миром, из которого дух возвращается в материальную Природу.

Где же тогда будет это временное супрафизическое местопребывания? какой будет другая естественная среда обитания души? Могло бы показаться, что это должен быть ментальный план, ментальные миры, потому что человек является ментальным существом, и притяжение к этому плану, уже действенное при жизни, должно преобладать, когда нет сдерживающего прикрепления к телу, и поскольку ментальный план должен являться,

очевидно, родным и естественным местопребыванием ментального существа. Но так автоматически не происходит из-за сложности человеческого существа; человек обладает не только ментальным, но и витальным существованием, — его витальная часть зачастую сильнее и более ярко выражена, чем ментальная, — и к тому же за ментальным существом стоит душа, представителем которой оно является. Кроме того, существует множество планов или уровней мирового существования, и душа должна пройти через них, прежде чем достичь своего естественного дома. На самом физическом плане или близко к нему существуют, по-видимому, все более и более тонкие слои, которые могут считаться подпланами физического, носящими витальный и ментальный характер; они являются одновременно обволакивающей и проникающей прослойкой, через которую происходит обмен между высшими мирами и физическим миром. Поэтому если ментальное существо недостаточно развито, пока ментальность ограничена преимущественно физическими формами деятельности разума и жизни, тогда ментальное существо может быть захвачено и удержано в этих средах. Оно может даже вынужденно оставаться там на все время между рождениями; но это невероятно, и это могло бы произойти, только если и поскольку его прикрепленность к земным формам деятельности была так велика, чтобы предотвратить естественное движение вверх или препятствовать ему. Ибо посмертное состояние души должно некоторым образом соответствовать уровню развития существа на земле, поскольку жизнь после смерти является не свободным возвращением вверх от падшей смертности, а обычным возобновляющимся обстоятельством, которое вмешивается с целью помочь ходу трудной духовной эволюции в физическом существовании. Есть некая связь с высшими мирами существования, которую развивает человеческое существо в своей эволюции на земле, и это должно оказывать преобладающее влияние на промежуточное проживание на этих планах; после смерти оно должно определять свое направление, а также место, длительность и характер само-переживания там.

Может также случиться, что человеческое существо задержится на время в одной из тех пристроек к иным мирам, что были созданы его привычной верой или типом его стремлений в смертном теле. Мы знаем, что человек создает образы высших планов, которые часто являются ментальной транскрипцией их определенных элементов, и возводит свои образы в систему, придавая им форму настоящих миров; он также строит разнообразные миры желаний, к которым прикрепляет сильное ощущение внутренней реальности: эти построения могут быть настолько сильными, что создадут для него после-смертное окружение, в котором он может задержаться. Ведь мощь человеческого разума создавать образы, мощь его воображения, являющаяся в физической жизни неоценимой помощью в обретении знания и построении жизни, в этом высшем диапазоне может стать созидательной силой, которая позволит ментальному существу временно жить среди собственных образов, пока те не растворятся под давлением души. Все эти построения имеют природу большей Жизни; в них разум человека транслирует некоторые из реальных условий больших ментальных и витальных миров в термины физического переживания, усиленного, продолженного и расширенного за пределы условий физичности: при помощи этой трансляции он переносит витальную радость и витальное страдание физического существа в супрафизические условия, в которых они имеют больший охват, полноту и длительность. Эти сконструированные условия должны поэтому рассматриваться, раз уж они предостоят неким супрафизическим местопребыванием, как пристройки к витальному или низшему ментальному плану существования.

Но существуют также настоящие витальные миры — изначальные построения, организованные разработки, родные места пребывания вселенского принципа Жизни, космической витальной Души, действующей в своем собственном поле и своей собственной природе. В своем сокровенном путешествии человек может быть задержан там на некоторое время силами преимущественно витального характера, которые вылепили его земное существование — поскольку эти силы родственны витальному миру, и их влияние может удерживать человека какое-то время в сфере их действия: человек может быть захвачен тем, что захватывало его даже в физическом бытии. Любое пребывание души в пристройках или своих собственных построениях могло бы быть только промежуточной ступенью при переходе сознания из физического состояния в супрафизическое; душа должна перейти из этих структур в настоящие миры супрафизической Природы. Она может вступить сразу же в миры другой жизни или она может остановиться сначала ненадолго в некоторой области тонко-физического переживания, чья обстановка может казаться ей продлением обстоятельств физической жизни, но в более свободных условиях, соответствующих более тонкой среде и некоторого рода счастливому совершенству разума или жизни или более тонкого телесного существования. За пределами этих тонко-физических планов переживания и миров жизни существуют также ментальные или духовно-ментальные планы, к которым душа имеет, по-видимому, внутренний доступ и в которые она может продолжить свое внутреннее путешествие; но маловероятно, что она может сознательно там жить, если не было достаточного ментального развития или развития души в этой жизни. Ведь эти условия обычно должны быть высочайшими, в которых может поселиться развивающееся существо, потому что не пройдя ментальной ступеньки, невозможно подняться в какое-либо супраментальное или надментальное состояние; а если существо настолько развито, что превосходит ментальный уровень и может забраться еще выше, то оно не может возвратиться до тех пор, пока в ходе физической эволюции не будет развита на земле организация надментальной или супраментальной жизни в Материи.

Однако, даже если это и так, то маловероятно, что ментальные миры являются последней нормальной стадией перехода после смерти; ведь человек не полностью ментален; именно душа, психическое существо, а не разум путешествует между смертью и рождением, и ментальное существо является только преобладающим элементом в рисунке само-выражения. Следовательно, последнее пристанище должно быть на плане чистого психического существования, где душа ожидала бы перевоплощения; там она могла бы усвоить прошлый опыт прошлой жизни и подготовить свое будущее. Можно ожидать, что нормально развитое человеческое существо, обрешенное достаточную мощью ментальности, обычно последовательно проходит через все эти планы, тонкий физический, витальный и ментальный на пути к своему психическому прибежищу. На каждой стадии оно будет исчерпывать и оставлять части сформированной структуры личности, временной и поверхностной, принадлежащей прошлой жизни; психическое существо сбросит свою оболочку разума и оболочку жизни подобно тому, как оно уже сбросило оболочку тела: но сущность личности и ее ментального, витального и физического опыта сохранится в скрытой памяти или как динамический потенциал на будущее. Но если разум был недостаточно развит, то возможно, что человеческое существо не сможет сознательно выйти за пределы витального уровня и либо сорвется оттуда, возвратясь на землю из своего витального рая или чистилища, либо, что кажется более логичным, сразу же впадет в состояние психического ассимилирующего сна; вполне определенный уровень развития совершенно необходим для того, чтобы пробудиться на высочайших планах.

Однако, все это скорее указывает на динамическую возможность, и само по себе не кажется достаточно убедительным для рассуждающего разума, хотя все это практически важно и подтверждается определенными фактами сублиминального переживания. Мы должны задаться вопросом, есть ли насущная необходимость в этих внутренних интервалах или, по крайней мере, настолько ли велика динамическая мощь, что мы приходим к непреложному заключению. Мы уже обнаружили одну такую необходимость в решающем участии, принимаемом высшими планами в земной эволюции, и в той связи, что была создана между этими планами и развивающимся сознанием души. Наше развитие происходит по большей части под их верховным, но скрытым давлением на земной план. Все содержится в несознательном или подсознательном, но в потенциальности; именно действие свыше помогает добиться появления. Постоянство этого действия необходимо для того, чтобы оформить и определить процесс развития ментальных и витальных форм в материальной природе; ибо эти постепенные эволюционные движения не могут набрать полную силу или достаточно развить свою причастность при сопротивлении бессознательной или инертной и невежественной материальной Природы, кроме как под постоянным, хотя и оккультным воздействием высших супрафизических сил. Это воздействие, действие этого скрытого союзника происходит преимущественно в нашем сублиминальном существе и не на поверхности: именно оттуда появляется активная мощь нашего сознания, и все то, что она реализует, она непрерывно посылает назад в сублиминальное существо, чтобы накопить это, развить и позднее проявить в более сильных формах. Это взаимодействие нашего большего сокровища и нашей поверхностной личности является главным секретом быстрого развития, происходящего в человеке, как только он переступает за пределы низших сознаний Разума, погруженного в Материю.

Это воздействие должно продолжаться после физической смерти тела; ведь новое рождение, новая жизнь не возобновляется в точности в той точке, где она была прекращена в прошлом, не происходит простого повторения и продолжения нашей прошлой поверхностной личности и природного образования. Происходит усвоение, сбрасывание и усиление и переориентация старых особенностей и мотивов, новое упорядочивание прошлых движений и их отбор для целей будущего, без чего новый старт не может быть плодотворным или привести к дальнейшей эволюции. Ведь каждое рождение — это новый старт; на само деле оно вытекает из прошлого, но не является его механическим продолжением: перевоплощение является не повторной попыткой, а продвижением, в нем заключен механизм эволюционного процесса. Часть этой переориентации, особенно сбрасывание прошлых сильных вибраций, может быть осуществлена только с исчерпанием толчка предыдущих ментальных, витальных, физических мотивов после смерти, и это внутреннее освобождение или освещение багажа должно происходить на планах, соответствующих мотивам, которые должны быть сброшены или которые следует отработать, на планах, имеющих ту же природу; ведь только там душа все еще может продолжать свою деятельность, которая должна быть исчерпана и выброшена из сознания, так что после этого душа может перейти к новому образованию. Также вероятно, что на плане психического покоя, в родном месте пребывания души завершится интегрирующий позитивный процесс подготовки и будет предreshен характер новой жизни; на этом плане душа втянет все назад в себя и будет ожидать новой стадии эволюции. Это означает последовательный переход души через тонко-физический, витальный и ментальный миры к психическому местопребыванию, из которого она возвратится к своему земному паломничеству. Следствием этого промежуточного пребывания явится земной сбор и развитие подготовленных материалов, их выработка в земной жизни, и новое рождение будет новым полем для новой подготовленной деятельности, новой стадией или новым витком спирали в индивидуальной эволюции воплощенного Духа.

Ибо когда мы говорим, что душа на земле последовательно развивает физическое, витальное, ментальное, духовное существо, то не имеем в виду, что она создает их и что они ранее не существовали. Напротив, то, что она

делает, это проявляет эти принципы своей духовной сущности в условиях мира физической Природы; это проявление принимает форму структуры фронтальной личности, являющейся переводом внутреннего “я” в выражение и возможности физического существования. В действительности мы должны принять ту древнюю идею, что у человека имеется не только физическая душа или Пуруша соответствующей природы, но и витальное, ментальное, психическое, супраментальное, верховное духовное существо (Тайттирия Упанишада); и либо все, либо большая часть этого присутствия или силы сокрыта в его сублиминальных частях или не проявлена и несформулирована в его сверхсознательных частях. Человек должен вынести эту часть вперед, в свое активное сознание и пробудиться к их знанию. Но каждая из этих мощностей бытия человека находится в связи с соответствующим ей планом существования, их корни там. Именно благодаря этим мощностям организуется сублиминальное прибежище существа для того, чтобы оформлять воздействие свыше, и по мере нашего развития это прибежище может становиться все более сознательным. Следовательно, в соответствии с развитием мощностей в нашей сознательной эволюции должно формироваться это сокровенное прибежище, которое требуется природой нашего рождения и эволюционной целью. Обстоятельства и арена этого прибежища должны быть весьма и сложными и не должны носить такого грубого и примитивного характера, как предполагают популярные религии: но само по себе существование этого прибежища должно быть принято как неизбежное следствие самого происхождения и природы жизни души в теле. Все тесно переплетено, эволюция и взаимодействие с иными планами, что было создано Сознанием-Силой, выводящей истины собственных намерений в соответствии с динамической логикой этих конечных работ Бесконечного.

Если верен этот взгляд на перевоплощение и временный переход души на иные планы существования, тогда значение как перевоплощения, так и жизни после смерти принимает совсем другую окраску, чем та, что была наложена тянущейся из глубин веков верой в реинкарнацию и в пребывание в запредельных мирах после смерти. Обычно предполагается, что реинкарнация имеет два аспекта, метафизический и моральный, аспект духовной сущности, аспект космического правосудия и этической дисциплины. Душа, -а в этом взгляде или с этой целью предполагается, что она имеет настоящее индивидуальное существование, — попадает на землю в результате желания и неведения: она всегда должна оставаться на земле или возвращаться на землю, откуда не сбросит свои желания и не пробудится к факту своего неведения и к истинному знанию. Это желание всегда принуждает ее возвращаться в новое тело; она должна вращаться в колесе перевоплощения до тех пор, пока не будет озарена и освобождена. Однако она не всегда остается на земле, а чередует жизнь на земле с жизнью в иных мирах, небесных и адских, где она исчерпывает накопленный запас достоинств и недостатков в силу закона греха или добродетели, и затем возвращается на землю в какое-то земное тело, может быть, человеческое, может быть животное, возможно даже растительное. Природа этой новой инкарнации и ее судьба автоматически уготованы прошлыми деяниями души, Кармой; если итог прошлых действий был благим, то новое рождение происходит в более высокой форме, жизнь становится счастливой или успешно и необъяснимо удачной; если итог плох, то душа может вселиться в низшие формы Природы или жизнь будет несчастливой, неудачной, полной страданий и бед. Если в прошлых наших деяниях было намешано как доброе, так и плохое, тогда Природа, как хороший аптекарь, отвесит нам, в соответствии с прошлым поведением, тщательно вымеренную смесь счастья и страдания, успехов и неудач, счастливого случая и фатального рока. В то же время сильная личная воля или желание в прошлом также может определять наше следующее воплощение. В этих воздаяниях Природы присутствует математический расчет, поскольку по предположению мы подвергаемся наказанию за наши злодеяния, и к нам возвращается копия или эквивалент того, что мы учинили или посеяли; неумолимое правило “зуб за зуб” является обычным принципом действия Закона Кармы: этот Закон предстает счетоводом или судьей с его сводом наказаний за проступки и преступления, совершенные в далеком прошлом. Также следует отметить, что в такой схеме существует двойное наказание за грехи и двойное вознаграждение за добродетели; ведь грешник сначала страдает в аду и затем наказывается за те же грехи в другой жизни здесь, а праведник или пуританин вкушает небесные радости и затем снова тешится за те же добродетели и добрые дела в новом земном существовании.

В общем и целом, бытуют примерно такие представления, и они не дают твердой почвы для философского рассуждения и не отвечают поискам настоящего значения жизни. Грандиозная мировая система, только поддерживающая бесперывное вращение колеса Неведения без какого-либо исхода, за исключением шанса выйти из этого колеса, лишена какого-либо настоящего смысла существования. Ничуть не более привлекателен для нашего интеллекта и мир, служащий только школой греха и добродетели и действующий по принципу “кнута и пряника”. Душа или дух внутри нас, если она божественна, бессмертна или небесна, не может быть послана сюда единственно ради того, чтобы пройти школу грубого и примитивного морального воспитания; если она вступает в Неведение, то должно быть вследствие того, что существует более весомый принцип или возможность для ее существа, та возможность, что может реализоваться при работе в Неведении. С другой стороны, если она является существом Бесконечного, погруженным ради некоторой космической цели в темноту Материи и растущим внутри нее, то ее жизнь здесь и значение этой жизни должны быть нечто большим, чему у ребенка, балуемого и направляемого на добродетельный путь; должен быть рост из принятого неведения к собственному полному духовному росту и

окончательному переходу в бессмертное сознание, знание, силу, красоту, божественную чистоту и мощь, и для такого духовного роста подобный закон Кармы слишком наивен. Даже если душа является нечто создающимся, зарождающимся существом, которое должно получить урок от Природы и вырасти в бессмертие, то закон его роста должен быть более широким и не должен сводиться к кодексу примитивного варварского правосудия. Идея Кармы является построением маленькой части человеческого витального разума, занятого своими мелочными правилами жизни и своими желаниями, радостями и печалью, и возводящего свои ничтожные стандарты в закон и цель космоса. Эти построения не могут быть приемлемыми для думающего разума; на них отчетливо просматривается печать построения, вылепленного человеческим неведением.

Но это решение можно поднять на более высокий уровень и придать ему большую пластичность и яркость космического принципа. Во-первых, несомненно, что действия Природных энергий должны иметь свои естественные последствия; если какие-то действия не принесли видимого результата в теперешней жизни, то, возможно, что эти последствия попросту задерживаются, а не удержаны навсегда. Каждое существо пожинает плоды своих работ и деяний, ростки посеянного неминуемо всходят под действием природной энергии, и если что-то, как кажется, не дало всходов в теперешней жизни, то должно быть перенесено в следующую жизнь. Верно, что последствия действий индивида могут возвратиться не к нему самому, а к кому-то другому, после того как этот индивид ушел; ведь мы видим что так без конца и происходит, — на самом деле еще при жизни случается так, что плоды его деяний пожинаются другими; но так случается потому, что существует некая солидарность и непрерывность жизни в природе, и индивид не может, даже если захочет, жить исключительно для себя. Но если жизнь индивида непрерывно продолжается благодаря перевоплощению, и сохраняется не только совокупность жизни и космическая жизнь, если индивид имеет всегда-развивающееся “я”, природу и переживание, то неизбежно, что он не может быть полностью отрезан от результатов своих прошлых действий, и когда-либо они дойдут до него в его непрерывно развивающемся существовании. Существо человека, его природа, обстоятельства его жизни являются результатом его собственной внутренней и внешней деятельности, а не чем-то случайным и необъяснимым: человек есть то, кем он сделал себя; тот человек, каким он был в прошлом, является прародителем того человека, каким он предстоит сейчас, а теперешний человек является прародителем того человека, каким он будет. Каждое существо пожинает то, что сеет; в чем оно ищет выгоду, от того и страдает. В этом состоит закон и цепь Кармы, Действия, работы Природной Энергии, и это придает смысл тотальной силе нашего существования, природе, характеру, действию, что отсутствует в других теориях жизни. На основе этого принципа становится очевидно, что прошлая и теперешняя Карма человека должна определять его будущее рождение, его окружение и происходящее; ведь это также составляет плоды его деяний: все то, чем он был и что он делал в прошлом, должно породить все то, чем он является сейчас и что он переживает теперь, и все то, чем он является и что он делает сейчас, должно породить то, кем он будет и что будет переживать в будущем. Человек — творец самого себя; он также творец своей судьбы. Все это совершенно рационально и неизбежно постольку, поскольку так оно и происходит, и закон Кармы может быть принят как факт, как часть космического механизма; ведь это так очевидно, — раз уж принята гипотеза о перевоплощении, — как и практически неоспоримо.

Однако встречаются еще два дополнения к первому предположению о законе Кармы; они менее общи, менее достоверны и накладывают сомнительную печать; ведь хотя в них может быть какая-то доля истины, но эти добавления сильно преувеличены и создают ложный вид, потому что часто выдвигаются в качестве полного смысла Кармы. Первое состоит в том, что какова природа действия, такова и природа результата — благое должно приносить благие результаты, а дурное — дурные; второе заключается в том, что главным словом Кармы является правосудие, и поэтому благие дела должны приносить плоды счастья и благоприятной судьбы, а злые дела должны приносить плоды печали, горя и злого рока. Поскольку должно существовать космическое правосудие, которое взирает на непосредственные и видимые операции Природы и некоторым образом контролирует их, но это правосудие не явно для нас в жизненных фактах, как мы их видим, то оно должно присутствовать и быть очевидным в тотальности невидимых Природных дел; должна существовать тонкая и с трудом видимая, но сильная и прочная тайная нить, что удерживает вместе несвязные детали работ Природы с ее созданиями. На вопрос, почему только действия, благие или дурные, должны приносить результаты, можно ответить, что добрые или злые мысли, чувства так же приводят к соответствующим результатам, но поскольку действие является большей частью жизни и тестом и оформленной мощью человеческих ценностей бытия, поскольку человек также не всегда ответственен за свои мысли и чувства, так как те зачастую произвольны, но человек должен отвечать за свои дела, так как он совершает их по выбору, то именно действия человека должны закладывать его судьбу; именно они являются главными и наиболее сильными составляющими, определяющими бытие человека и его будущее. В этом заключается полный закон Кармы.

Но мы должны сразу же увидеть, что закон или цепь Кармы является только внешним механизмом, и этот закон не может быть возведен в ранг единственного и абсолютного определителя жизненных работ космоса, если сам космос по своему характеру не полностью механистичен. В действительности, многие придерживаются того пред-

ставления, что все определяется Законом и Процессом и что нет сознательного Существа или сознательной Воли в космосе или за ним; если это так, тогда Карма и являет собой тот Закон и Процесс, который удовлетворит нашему человеческому разумению и нашим ментальным стандартам права и правосудия; этот закон красив, обладает истинной совершенной симметрией и математической точностью работы. Но не все определяется Законом и Процессом, есть также Существо и Сознание; вещи не механистичны, в них присутствует Дух; существует не только природа и космический закон, но и космический Дух; в природных творениях присутствует не только разум, жизнь и тело, но и душа. Если бы это было не так, то не могло бы быть перевоплощения души и поля для закона Кармы. Но если фундаментальная истина нашего существа духовная и не механическая, тогда именно мы сами, наша душа коренным образом определяет нашу эволюцию, и закон кармы может быть только одним из законов, которые душа использует для этой цели: наш Дух, наше “я” должны превосходить свою Карму. Существует Закон, но существует также и духовная свобода. Закон и Процесс составляют только одну сторону нашего существования, и их власть распространяется на наш внешний разум, жизнь и тело, потому что они наиболее подчинены механизму Природы. Но даже здесь механическая мощь Закона и Процесса господствует только над телом и Материей; ведь Закон становится более сложным и менее жестким, Процесс становится более пластичным и менее механистическим, когда они попадают в поле явлений Жизни, и эта тенденция еще более усиливается при вмешательстве Разума с его тонкостью; уже начинает ощущаться внутренняя свобода, и чем дальше мы идем вовнутрь, тем более чувствуется нарастающая мощь выбора души; ведь Пракрити является полем действия закона и процесса, но душа, Пуруша, является тем, кто дает санкцию, ануманта, и даже если обычно Пуруша предпочитает оставаться наблюдателем и автоматически дает санкцию, но он может, если захочет, стать господином своей природы, стать Ишварой.

Непостижимо, чтобы Дух внутри являлся автоматом в руках Кармы, рабом прошлых действий; истина должна быть менее жесткой и более пластичной. Если определенные результаты Кармы сказываются в теперешней жизни, то это происходит с согласия психического существа, которое осуществляет контроль над новым образованием земного переживания и соглашается не с попросту внешним принудительным процессом, а с тайной Волей и Руководством. Эта тайная Воля не механическая, а духовная; руководство приходит от Интеллекта, который может использовать механический процесс, но не подпадает под его воздействие. При рождении в новом теле душа ищет самовыражения и переживания; все то, что необходимо для этого самовыражения и переживания в этой жизни, вмешивается ли оно как автоматический результат прошлых жизней или как свободный выбор плодов прошлых жизней, будь то в продолжении развития или в новом рождении, все то, что служит средством сотворения будущего, только это будет оформлено: потому что в принципе заложена не выработка механизма Закона, а развитие природы через космическое переживание, так что в конечном итоге она может вырасти из Неведения. Поэтому необходимы два элемента, Карма в качестве инструмента, но также и тайное Сознание и Воля внутри, работающая через разум, жизнь и тело, в качестве пользователя этого инструмента. Судьба, будь то чисто механическая или созданная нами, цепь нашего собственного производства, является только одним фактором существования; Существо и его сознание и воля являются еще более важным фактором. В Индийской астрологии, рассматривающей все жизненные обстоятельства как Карму, по большей части предопределенную расположением звезд или управляемую ими, все же определенная свобода отводится существу, которое может своими силами изменить или вычеркнуть большую или меньшую часть того, что написано звездами, за исключением императивных и мощных ограничений Кармы. Это здравое толкование, но к нему следует добавить, что судьба не столь проста, она комплексна; судьба, связывающая наше физическое существо, связывает его лишь постольку, поскольку или до тех пор, пока не вмешивается больший закон. Действие принадлежит к нашей физической части, оно является физическим продуктом нашего существа; но за поверхностью присутствует более свободная мощь Жизни, более свободная мощь Разума, имеющие другую энергию и творящие иную судьбу и вносящие свои изменения в первоначальный план, и когда проявляется “я” и душа, когда мы становимся сознательно духовными существами, эти изменения могут перечеркнуть или полностью переделать рисунок нашей физической судьбы. Следовательно, Карма, — или, по крайней мере, механический закон Кармы, — не может быть принята в качестве единственно определяющего обстоятельства и полного механизма перевоплощения и нашей будущей эволюции.

Но это еще не все; ведь утверждение Закона трактуется слишком упрощенно и по произвольному выбору ограниченного принципа. Действие является продуктом энергии существа, но эта энергия не исключительно одного рода; Сознание-Сила Духа проявляется во многих видах энергии: существует внутренняя деятельность разума, деятельность жизни, существуют желания, страсти, побуждения, характер, деятельность чувств и тела, поиски истины и знания, стремление к прекрасному, преследование этического добра и зла, погоня за мощью, любовью, радостью, счастьем, фортуной, удачей, удовольствием, жизненными удовлетворениями всех видов, существует стремление жизни расширяться, существует преследование индивидуальных или коллективных целей, стремление к здоровью, силе, способности, удовлетворению тела. Все это порождает чрезвычайно сложную сумму многогранного переживания и многостороннего действия Духа в жизни, и это разнообразие не может быть отброшено в угоду единственному принципу, а также не может оно быть прикреплено к единственной дуальности добра и зла; поэтому этика,

поддержание человеческих стандартов моральности не могут быть единственным занятием космического Закона или единственным принципом определения работы Кармы. Верно, что природа приложенной энергии должна определять природу результата или продукта, что должны быть учтены все различия в природе энергии, и каждая энергия должна приводить к соответствующему следствию. Энергия искателя истины и знания должна иметь естественный исход, — если угодно, получить вознаграждение или компенсацию, — рост в истину, возрастание знания; энергия лжи должна приводить к увеличению лжи в природе и ко все более глубокому погружению в Неведение. Энергия стремящегося к прекрасному должна приводить к увеличению чувства прекрасного, наслаждению прекрасным и, в дальнейшем, к красоте и гармонии жизни и природы. Погоня за физическим здоровьем, силой и крепкостью тела должна творить сильного человека или атлета. Энергия, затраченная на преследование этического блага, должна иметь продуктом или вознаграждением или компенсацией увеличение добродетели, счастье этического роста или солнечную удачливость и чистоту простой и естественной доброты, тогда как наказанием за противоположные деяния будет все большее погружение во зло, большую дисгармонию и извращенность природы, что в своей крайности ведет к духовной гибели, махати винашти. Энергия, испущенная ради мощи и иных витальных целей, должна привести к возрастанию способности распорядиться этими продуктами или к развитию витальной силы и витального изобилия. Это обычная расстановка вещей в Природе, и если можно требовать от нее правосудия, то, конечно же, будет справедливым, если приложенная энергия и мощность должны найти с ее стороны подобающий отклик. Приз в гонке достается самому быстрому, победа в сражении — храброму и сильному и умелому, награда знанием — одаренному интеллекту и искреннему искателю: эти вещи природа не даст доброму человеку просто за то, что он праведный или порядочный, если этот человек вялый или слабый или неумелый или глупый; если он жаждет получить эти мощности жизни, то должен быть подготовлен на должном уровне и прикладывать надлежащую энергию. Если Природа поступала бы не так, тогда можно было бы обвинить ее в несправедливости; нет причины обвинять ее в несправедливости за это совершенно правильное и естественное устройство или требовать с нее выправления баланса в будущей жизни, так что добрый человек смог бы получить в качестве естественного вознаграждения за свои добродетели высокий пост или большой счет в банке или счастливую, легкую и хорошо обставленную жизнь. В этом не может заключаться значение перевоплощения или достаточный базис для космического закона Кармы.

Конечно же, в нашей жизни найдется многое из того, что можно было бы назвать удачей или фортуной, когда мы пожинаем плоды без малейших усилий с нашей стороны или затрачивая малую энергию, либо же нас преследует полоса фатальных неудач, когда усилия были затрачены понапрасну: тайную причину этих капризов Судьбы, — или причины, поскольку Фортуна многогранна, — следует, несомненно, искать частично в нашем сокрытом прошлом; однако трудно принять то простое решение, что добрая фортуна — это награда за забытое добродетельное деяние в прошлой жизни, а злой рок — это наказание за прошлый грех или преступление. Если мы видим страдающего благочестивого человека, то трудно поверить что этот образец добродетели был негодяем в прошлой жизни, и теперь, даже после образцового поведения в новой жизни, платит за прошлые грехи; а также, если злодей торжествует, то нелегко согласиться с тем, что в прошлой жизни он был святым, который внезапно перешел на неправедный путь, но продолжает получать по векселям за предыдущие добродетели. Такие тотальные изменения по сравнению с прошлой жизнью возможны, хотя они и не так часты, но взваливание на новую совершенно изменившуюся личность старых наказаний или наград выглядит как бесцельная и во многом механическая процедура. Возникают и другие трудности, и слишком простая логика взаимосвязи не так сильна, как представляется поначалу; идея о воздаянии Кармы в качестве компенсации за несправедливость жизни и Природы является слабым базисом для теории, потому что она выдвигает вперед мелкое и поверхностное человеческое чувство и стандарт в качестве смысла космического Закона и базируется на шатком рассуждении; для закона Кармы должно существовать несколько другое и более сильное основание.

Здесь, как часто это бывает, ошибка возникает из-за привязывания стандарта, порожденного человеческим разумом, к более обширным, более свободным и более охватывающим путям космического Интеллекта. В действительности, приписываемое закону Кармы, включены всего лишь две ценности из многих, порождаемых Природой, моральное добро и зло, грех и добродетель, витально-физическое благо и зло, внешнее счастье и страдание, внешняя добрая фортуна и злой рок, и предполагается, что одно должно выправлять другое, одно должно быть вознаграждением или наказанием за другое, что должна существовать некая мера одобрения и неодобрения в тайном правосудии Природы. Очевидно, что эта расстановка сделана с точки зрения общего витально-физического желания в наших членах: ведь счастье и добрая фортуна есть то, чего наиболее желает низшая часть нашего витального существа, а злой рок и страдание есть то, что она больше всего ненавидит и чего страшится, и поэтому она, принимая моральное требование ради обуздания страстей, ради само-удерживания от творения зла и само-поощрения к деланию добра, начинает совершать сделку, возводить космический Закон, который вознаградит ее за это само-сжатие и поможет ей под страхом наказания твердо держаться трудного пути само-отрицания. Но по-настоящему этическому существу не требуется система наказаний и поощрений, чтобы следовать пути добра и не сбиваться на путь зла; для

него сама по себе добродетель уже является наградой, и просто сам факт греха уже является наказанием из-за отклонения от собственного естественного закона: в этом заключается настоящий этический стандарт. Напротив, метод кнута и пряника сразу же снижает этическую ценность добра, превращает добродетель в самоцель, в коммерческую сделку ради собственных интересов и заменяет правильный мотив отказа от зла низшим мотивом. Человеческие существа возвели правило наказания и вознаграждения как социальную необходимость, чтобы удерживаться от делания вещей, губительных для сообщества, и поощрять то, что полезно сообществу; но весьма сомнительно возводить это человеческое изобретение в ранг закона космической Природы или закона верховного Бытия или верховный закон существования. Это по-человечески, но и легкомысленно, налагать недостаточные и узкие стандарты нашего собственного Неведения на большие и более замысловатые операции космической Природы или на действие верховной Мудрости и верховного Блага, которое втягивает нас или поднимает нас к себе духовной мощью, медленно работающей в нас через наше внутреннее существо и не по закону искушения и принуждения нашей внешней витальной природы. Если душа совершает эволюцию благодаря многостороннему и комплексному переживанию, то любой закон Кармы или возвращения действия и результата приложенной Энергии, если он должен вписываться в этот опыт, также должен быть сложным и не может иметь такую простую и скудную структуру или быть частичным и односторонним в своем охвате.

В то же время, за этой доктриной может быть допущена частичная истина факта, но не в качестве фундаментального или общего принципа; ведь хотя линии действия энергии совершенно определены и независимы, но они могут действовать друг на друга, хотя и не в рамках твердо фиксированного закона соответствия. Возможно, что в общий метод воздаяния в Природе вплетается нить связи или, скорее, взаимодействия между витально-физическим добром и злом и этическим добром и злом, существует некоторая ограниченная связь и точка пересечения расходящихся дуальностей, не дотягивающая до неразделимой связности. Наши собственные меняющиеся энергии, желания, движения смешаны вместе в своей работе и могут приводить к смешанному результату: наша витальная часть в действительности требует существенного внешнего вознаграждения за добродетели, за знание, за каждое интеллектуальное, эстетическое, моральное или физическое усилие; она твердо верит в наказание за грех или даже за неведение. Это может порождать соответствующее космическое действие или отвечать ему; ведь Природа принимает нас такими, какими мы есть, и до некоторой степени подстраивает свои движения к нашим потребностям и нашим требованиям от нее. Если мы допускаем действие на нас невидимых сил, то в Жизненной Природе могут найтись невидимые Силы, принадлежащие к тому же плану Сознания-Силы, как эта часть нашего существа, Силы, которые движутся в соответствии с тем же планом или с тем же мотивом, как и наша нижняя витальная природа. Часто можно наблюдать, как само-утверждающийся витальный эгоизм, пытающийся необузданно или без сомнения подавить на своем пути все, что противостоит его воле или его желанию, поднимает против себя огромную волну противодействия, волны ненависти, антагонизма, неугомонности, и сразу же или в последствии вздымает еще более громадную волну противодействия со стороны вселенской Природы. Это выглядит так, как будто бы исчерпывается терпение Природы, ее благосклонность; восстанут и оборачиваются против человека как раз те силы, которые его сильное витальное эго захватило и удерживает для своих целей, силы, которые были подавлены и благодаря низвержению которых эго обрело мощь: неистовая витальная мила Человека борется против ярма Необходимости и терпит полный крах, либо костяная нога Наказания в конце концов настигает удачливого завоевателя. Это возмездие может наступить в другой жизни и не сразу, оно может всплыть как бремя последствий при возвращении человека в поле тех Сил; оно может быть как мелкомасштабным, так и крупномасштабным, оно может настигнуть как маленькое витальное существо за его мелкие ошибки, так и существо более высоких планов за его, возможно, широкомасштабные деяния. Ведь принцип будет тем же; наше ментальное существо, ищущее успеха при неправильном использовании ментальной силы, что Природа допускает, но чему она в конечном счете противодействует, получает отклик под видом поражения и страдания и неудачи. Но незаконно возведение этой второстепенной цепочки причин и следствий в ранг неизменного абсолютного Закона или целостного космического правила действия верховного существа; эта цепочка принадлежит промежуточной области, лежащей между сокровенной или верховной Истиной вещей и беспристрастностью материальной Природы.

В любом случае воздействия Природы не означают наказания или вознаграждения; их фундаментальная ценность не в этом, они скорее демонстрируют значение природных связей, и их ценность с точки зрения духовной эволюции заключается в тех уроках, которые душа извлекает в своем космическом обучении. Если мы прикоснемся к огню, он обожжет, но не заложено никакого принципа наказания в этой связи причины и следствия, это только урок взаимосвязи и урок обретения опыта; так что во всех обращениях Природы с нами присутствует связь вещей и обретается соответствующий опыт. Действие космической Энергии комплексно, и одна и та же Сила может действовать различными путями в соответствии с обстоятельствами, с потребностью существа, с намерением космической Мощи в ее действии; на нашу жизнь влияют не только наши собственные деяния, но и действия других существ и вселенских Сил, и результат всего этого обширного взаимодействия не может определяться единственно одним фактором все-правящего морального закона и его исключительным акцентом на достоинства и недостатки, грехи и

добродетели индивидуальных человеческих существ. А также добрая фортуна и злой рок, удовольствие и боль, счастье и невзгоды и страдания не могут рассматриваться так, как если бы они существовали просто как стимулы творить добро и воздерживаться ото зла. Именно ради обретения опыта, ради роста индивидуального существа входит душа в цикл перевоплощений; радость и печаль, боль и страдание, добрая фортуна и злой рок составляют части этого опыта, являются средствами этого роста: даже душа сама может принять или выбрать бедность, нищету и страдание в качестве помощников для своего роста, в качестве стимулов к быстрому развитию, и отвергнуть богатство и процветание и успех как опасные и ведущие к ослаблению духовного усилия. Счастье и успех, приносящий счастье, являются, без сомнения, законными требованиями человечества; они отражают попытку Жизни и Материи схватить тусклое отражение или грубый образ блаженства: но поверхностное счастье и материальный успех, какими бы желательными они не представлялись нашей витальной природе, не являются главной целью нашего существования; если намерение было бы таким, то жизнь была бы по-иному космически организована. Все тайна обстоятельств перевоплощения группируется вокруг одной капитальной потребности души, потребности роста, потребности обретения опыта; именно это направляет эволюцию, а все остальное второстепенно. Космическое существование не является глобальной административной системой вселенского правосудия с космическим Законом компенсации и воздаяния в качестве механизма или божественного Законодателя и Судьи в центре мира. Поначалу оно видится нам как великое автоматическое движение энергии Природы, в котором появляется само-развивающееся движение сознания, движение Духа, вырабатывающего собственное существо в движении энергии Природы. В этом движении существует цикл перевоплощения, и в этом цикле душа, психическое существо, подготавливает для себя, — или это делает для нее и через ее действия Божественная Мудрость или космическое Сознание-Сила, — все то, что требуется для следующего шага эволюции, подготавливает следующую формацию личности, грядущее звено необходимых переживаний, постоянно снабжаемых и организуемых из непрерывного потока прошлых, настоящих и будущих энергий для каждого нового рождения, для каждого нового шага Духа вперед или назад или по кругу, но всегда для роста существа к предначертанному само-развертыванию в Природе.

Достаточно широко распространено и другое заблуждение, касающееся перевоплощения, заблуждение, являющееся очевидной ошибкой физического разума — представление о душе как об ограниченной личности, которая переходит неизменной от одного рождения к другому. Это слишком простое и поверхностное представление зиждется на неспособности физического разума выглянуть за пределы собственного видимого само-образования в этом единичном существовании. Согласно этому представлению, то, что возвращается при реинкарнации, должно быть не только тем же самым духовным существом, той же психической сущностью, но и тем же самым природным образованием, что населяло тело в последнем рождении; меняется тело, обстоятельства уже другие, но форма существа, разум, характер, предрасположенность, темперамент, склонности остаются теми же: Джон Смит в новой жизни остается все тем же Джоном Смитом, каким он был в своем последнем воплощении. Но если это было бы так, тогда вообще не было бы духовной полезности и смысла в перевоплощении; ведь было бы бесконечное повторение одной и той же маленькой личности, того же маленького ментального и витального образования. Ибо для роста воплощенного существа до полных возможностей его реальности требуется не только новый опыт, но и новая персональность; повторение той же персональности будет полезно лишь в том случае, если что-то было незавершено в ходе накопления опыта, который следует выработать в том же остовае “я”, в том же строении разума и с той же способностью действовать. Но, как правило, это будет совершенно бесполезно: душа, бывшая Джоном Смитом, не может что-либо приобрести или исполнить себя, оставаясь навеки Джоном Смитом; она не может расти или достичь совершенства, вечно воспроизводя тот же характер, те же интересы, занятия, типы внутреннего и внешнего движения. Наша жизнь и перевоплощение навечно уподобились бы периодической десятичной дроби: была бы не эволюция, а бессмысленное постоянство вечного повторения. Наша прикрепленность к теперешней личности требует такого постоянства, такого повторения; Джон Смит хочет навсегда остаться Джоном Смитом: но, очевидно, что эта потребность невежественна, и она привела бы к краху, а не к исполнению. Только сменой внешнего “я”, постоянным прогрессом природы, ростом в духе можем мы оправдать наше существование.

Персональность является только временным ментальным, витальным, физическим образованием, которую существо, настоящая Личность, психическая сущность выдвигает на поверхность — это не “я” в его реальности, выдерживающей испытание временем. При каждом возвращении на землю Личность, Пуруша делает новое образование, строит новый личностный квант, пригодный для нового переживания, для нового роста существа. После выхода из тела эта Личность на некоторое время еще удерживает при себе витальную и ментальную формы или оболочки, которые затем растворяются, а сохраняются только сущностные элементы прошлого опыта, из которых некоторые будут, а некоторые не могут быть использованы в следующей инкарнации. Сущностная форма прошлой персональности может остаться как один элемент среди многих прочих, одна персональность среди многих персональностей одной и той же Личности, однако остаться на заднем плане, в сублиминальном, за вуалью поверхностного разума, жизни и тела, поставляя оттуда все, что требуется для нового образования; но сама эта персональность не будет составлять нового образования или строить заново старый неизменный природный тип. Может даже

статься, что новый личностный квант или структура существа будет обладать совершенно противоположным характером и темпераментом, совершенно другими способностями, иными самыми различными наклонностями; ведь скрытые потенциалы могут быть готовы к тому, чтобы всплыть на поверхность, либо нечто уже бывшее задействованным, но только зачаточное, могло быть задержано в прошлой жизни и дожидаться более подходящей комбинации природных условий. На самом деле, где-то за вуалью сохраняется все прошлое, с его ускоряющими импульсами и потенциалами для формирования будущего, но не все прошлое явно присутствует и активно. Чем больше разнообразие образований, существовавших в прошлом и могущих быть использованными, чем богаче и многообразнее накопленные построения переживаний, чем больше возможностей для того, чтобы способности к познанию, к обретению силы, самые разнообразные действия, характеры, многократные отклики на явления вселенной могли бы быть вынесены вперед и гармонизированы в новом рождении, чем многочисленнее завуалированные персональности ментального, витального, тонко-физического характера, комбинирующиеся с тем, чтобы обогатить новую личность на поверхности, тем более значительной и состоятельной будет эта личность и тем ближе будет возможный переход из законченной ментальной стадии эволюции к чему-то за ее пределами. Такая комплексность и набор многих персональностей в одной личности может быть знаком далеко продвинутой стадии индивидуальной эволюции, когда существует сильное центральное существо, скрепляющее все вместе и работающее по направлению к гармонизации и интеграции всего многостороннего движения природы. Но это богатое проявление прошлого не будет повторением личности; будет новое образование и большее свершение. Перевоплощение служит не механизмом сохраняющегося возобновления или продления неменяющейся личности, а средством эволюции духовного существа в Природе.

Сразу же становится очевидной несостоятельность той ложной значимости, которую наш разум приписывает памяти о прошлых жизнях в общей схеме перевоплощения. Если перевоплощение на самом бы деле управлялось системой наказаний и награждений, если всем намерением жизни было бы научить воплощенный дух добру и морали, — предположим, что в том и состоит замысел освобождения от кармы, — тогда, очевидно, величайшей глупостью и несправедливостью является отсутствие в новом воплощении памяти разума о своих прошлых рождениях и деяниях. Ведь это лишает возродившееся существо всякого шанса осознать, почему оно наказано или вознаграждено, или извлечь хотя бы какой-нибудь урок о пользе добродетели и вреде греха, навязанных ему или удостоивших его. И поскольку жизнь, как кажется, часто преподносит обратный урок, — ведь существо видит, что добро страдает за свою доброту, а грешник процветает благодаря злым делам, — то существо скорее склонно превратить это понять, потому что у него нет памяти о надежном и постоянном результате опыта, которая показала бы ему, что страдания доброго человека возникают из-за его прошлых прегрешений, а процветание грешника обеспечивается великолепием его прошлых добродетелей, так что добродетельность является наилучшей политикой в долгом пути для благоразумной и предусмотрительной души, понявшей божий промысел Природы. Можно было бы сказать, что помнит психическое существо; но какой прок от этой тайной памяти, на поверхности она не ценится или оказывает слабое влияние. Или можно заявить, что после выхода из тела психическое существо осознает то, что произошло, и извлекает должный урок, обзревая и ассимилируя свои переживания: но эта промежуточная память не оказывает заметной помощи в новом рождении; ведь большинство из нас пребывает в грехе и заблуждении и не выказывает ощутимых признаков того, что извлекло пользу из уроков прошлого опыта.

Но если замысел состоит в постоянном развитии существа при помощи разворачивающегося космического переживания, а способом осуществления этого замысла является построение новой личности при новом рождении, тогда какая-либо сохранившаяся или полная память о прошлой жизни или жизнях могла бы стать цепью и серьезным препятствием: она явилась бы силой продления старого темперамента, характера, занятости, и стала бы громадным бременем, отягощающим свободное развитие новой личности о оформление нового переживания. Ясная и детальная память о прошлых жизнях, о прошлой ненависти, затаенной вражде, привязанностях, знакомствах равным образом вносила бы громадные затруднения; ведь это связало бы возрожденное существо бесполезным повторением или принудительным продолжением его поверхностного прошлого и серьезно затормозило бы привнесение новых возможностей из глубин духа. Если ментальное обучение было бы сутью проблемы, если в этом и заключался бы процесс нашего развития, то память была чрезвычайно важна: но то, что происходит — это рост личности души и развитие природы при помощи ассимиляции в субстанции нашего существа, созидательное и действенное впитывание сущностных результатов прошлой деятельности; сознательная память не важна в этом процессе. Как дерево растет путем подсознательной или несознательного усвоения воздействий солнца, дождя и ветра и поглощения элементов из почвы, так и существо растет путем сублиминального интрасознательного [intraconscious] поглощения и усвоения результатов прошлого становления и развертывания потенциальностей в будущем становлении. Закон, лишаящий нас памяти о прошлых жизнях, является законом космической Мудрости и служит эволюционной цели, а не препятствует ей.

Отсутствие памяти о прошлом существовании неправильно и весьма невежественно считается доказательством того, что на самом деле перевоплощения не существует; ведь даже если в этой жизни трудно удержать в памяти все

наше прошлое, если оно часто расплывается на общем фоне или полностью увядает, если не остается воспоминаний о нашем младенчестве, и все же с этими провалами памяти мы можем расти и существовать, если разум может даже полностью утратить память о прошлых событиях и забыть, кем он сам является, а само существо никуда не делось, это все то же существо, и однажды память может вернуться, то, очевидно, что такое радикальное изменение, как переход в иные миры с последующим рождением в новом теле, должно полностью стирать поверхностную или ментальную память, и все же оно не уничтожит идентификацию души и не перечеркнет рост природы. Это стирание поверхностной ментальной памяти тем более станет совершенно неизбежным и определенным, если на место старой личности приходит новая личность той же самой личности, но с новыми инструментами, с новым разумом, новой жизнью, новым телом: абсурдно ожидать, что новые мозги будут нести в себе образы, удержанные старыми мозгами; нелепо требовать от новой жизни или нового разума того, чтобы они сберегли удаленные впечатления старого разума и жизни, которые были растворены и которые более не существуют. Несомненно, сублиминальное существо может помнить, поскольку не страдает бессилием поверхностного существа; однако поверхностный разум отрезан от сублиминальной памяти, единственно в которой могли сохраниться некоторые ясные воспоминания или отчетливые впечатления из прошлых жизней. Это отделение необходимо, потому что новая личность должна быть построена на поверхности без сознательной ссылки на то, что содержится внутри; как все поверхностное существо, так и поверхностная личность на самом деле также формируется действием изнутри, но она не осознает это действие, она кажется самой себе личностью, само-сформированной или уже готовой или сформированной некоторым плохо познанным действием вселенской Природы. И все же отрывочные воспоминания о прошлых рождениях иногда сохраняются, несмотря на эти почти непреодолимые препятствия; зарегистрировано даже несколько случаев поразительно точной и полной памяти в разуме ребенка. Наконец, на определенной стадии развития, когда внутренне существо начинает преобладать над внешним и выходит на передний план, тогда в действительности память о прошлых жизнях начинает всплывать как будто бы из некоторого затопленного слоя, но скорее в форме восприятия тех материалов и сил прошлых личностей, которые были задействованы при составлении теперешнего существа, чем в каких-либо точных и ясных деталях окружения и происходившего, хотя и эти детали могут быть восстановлены, возможно частично, при помощи концентрации сублиминального видения, извлечены из некоторой тайной памяти или из субстанции нашего внутреннего сознания. Но эта детальная память имеет второстепенное значение в обычных работах Природы, и Природа уделяет мало или почти не уделяет внимания этой памяти: она занята формированием будущей эволюции существа; прошлое отложено назад, держится за вуалью и используется только в качестве оккультного источника, поставляющего материалы для настоящего и будущего.

Это представление о Личности и Личностности, будучи принятым, должно модифицировать современные идеи о бессмертии души; ведь, обычно, когда мы настаиваем на бессмертном существовании души, то подразумеваем выживание после смерти определенной неизменной личности, которая была и будет оставаться той же самой на веки вечные. Но это первостепенное право на выживание и бессмертие мы закрепляем на несовершенном поверхностным текущим “Я”, которое Природа считает временной формой, не стоящей сохранения. Это нелепость, которая не может быть допущена; текущее “Я” может удостоиться выживания лишь в том случае, если оно согласится измениться, быть больше не тем, кем оно есть сейчас, а быть нечто иным, большим, лучшим, более озаренным знанием, отлитым в образ вечной внутренней красоты, приближенным к божественности тайного Духа. Именно этот тайный Дух или божественность “я” в нас выдерживает испытание временем, поскольку оно не рождено и вечно. Психическая сущность, его представитель, духовный индивид в нас есть та Личность, коей мы на самом деле являемся; но сиюминутное “Я”, “Я” этой жизни является только образованием, временной персональностью этой внутренней Личности: это только один шаг из многих шагов эволюционного изменения, и он исполняет свою настоящую миссию только тогда, когда мы переходим от этого шага к следующему, подводящему ближе к высшей ступени сознания и бытия. Именно внутренняя Личность переживает смерть, как раз она предсуществует рождению; ведь это постоянное является передачей вечности нашего безвременного Духа в терминах Времени.

Обычно мы требуем аналогичного выживания для нашего разума, нашей жизни, даже для нашего тела; догма о воскресении тела свидетельствует об этом последнем требовании, — как раз она явилась корнем вековых усилий человека открыть эликсир бессмертия или отыскать магические, алхимические или научные средства для победы над физической смертью тела. Но эти усилия могли бы увенчаться успехом лишь в том случае, если разум, жизнь или тело были бы надеты на нечто бессмертное и божественное, относящееся к вечно живущему Духу. Существуют определенные обстоятельства, при которых стало бы возможным выживание внешней ментальной персональности, представляющей внутреннего ментального Пурушу. Это могло бы произойти в том случае, если наше ментальное существо было бы так мощно индивидуализировано на поверхности и настолько объединено с внутренним разумом, а внутренний ментальный Пуруша в то же время был бы настолько пластически открыт прогрессивному действию бесконечного, что душе больше бы не требовалось растворять старую форму разума и создавать новую для дальнейшей эволюции. И только подобная индивидуализация, интеграция и открытость витального существа на поверхности сделала бы возможным аналогичное выживание нашей жизненной части, внешней витальной личности,

представляющей внутреннее жизненное существо, витального Пурушу. Тогда реально случится то, что будет разрушена стена между внутренним “я” и внешним человеком, и жизнью будет править изнутри долговременное ментальное и витальное существо, ментальный и витальный представители бессмертной психической сущности. Тогда наш природный разум и наша природная жизнь явятся непрерывным прогрессивным выражением души, а не цепью последовательных образований, сохраняющихся только в их сущности. Тогда наши ментальная и витальная личности будут сохраняться от рождения к рождению; в этом смысле они станут бессмертными, неизменно выживающими, непрерывными в смысле их идентификации. Очевидно, что это будет колоссальная победа души и разума и жизни над Несознанием и ограничениями материальной Природы.

Но такое выживание могло бы произойти только в тонком теле; существу все еще требовалось бы сбросить свою физическую форму, перейти в мир иной, и по возвращении принять новое тело. Пробужденные ментальный Пуруша и витальный Пуруша, сохраняя в тонком теле оболочки разума и жизни, обычно сбрасываемые, возвратились бы с ними к новому рождению и поддерживали бы живое и выдержанное ощущение перманентного существа разума и жизни, сформированных в прошлом и сохраняющихся в настоящем и будущем; но базис физического существования, материальное тело не смогло бы сохраниться даже при этом изменении. Физическое существо только тогда смогло бы выдержать испытание временем, если каким-то путем были бы превзойдены физические причины увядания и дезинтеграции, и в то же время существо смогло бы сделаться настолько пластичным и прогрессивным по части своей структуры и функционирования, что отвечало бы каждому изменению, требуемому от него в ходе развития внутренней Личности²; тело должно соизмерять свои шаги с движением души при формировании само-выражающейся личности, при длительном разворачивании тайной духовной божественности и медленной трансформации ментального существования в существование божественно ментальное или духовное. Это достижение тройного бессмертия, — бессмертие природы, дополняющее сущностное бессмертие Духа и психическое переживание смерти, — могло бы явиться венцом перевоплощения и важным знаком покорения материального Несознания и Неведения даже в самом основании царства Материи. Но настоящим бессмертием все еще будет вечность Духа; физическое выживание может стать лишь лишь относительной, временной отметкой победы Духа над Смертью и Материей.

² Если Наука, — физическая или оккультная, — открыла бы необходимые условия или средства для бесконечного поддержания тела, то все же, если тело не могло бы так адаптироваться, чтобы стать подходящим инструментом выражения внутреннего роста, тогда душа нашла бы какой-то способ оставить прежнее тело и перейти в новое. Материальные или физические причины смерти тела не являются единственными или настоящими причинами; настоящая причина кроется в необходимости дальнейшей эволюции существа.

ЧЕЛОВЕК И ЭВОЛЮЦИЯ

Одно Божество, тайное во всех существах, все-проникающее, внутреннее “я” всего, возвышающееся надо всем действием и контролирующее его, свидетель, сознательный знающий и абсолютный ... Один контролирует множество, пассивный по отношению к Природе, многими способами придает форму одному зерну.

Шветашватара Упанишада (VI.11,12)

Божество движется в этом Поле, модифицируя многими способами каждое сплетение вещей ... Один, он возвышается над всеми переплетениями и природами; он сам сплетения всего, он то, что доводит до зрелости природу существа, и он одаривает все, что должно созреть, плодами развития и определяет все качество их работ.

Шветашватара Упанишада (V.3-5)

Он лепит одну форму вещей на разные лады.

Катха Упанишада (II.2.12)

Тот, кто проник в эту оккультную истину, кто он, как не Ребенок, дающий рождение собственным Матерям благодаря работе своей природы? Продукт струения многих Вод, он выдвинул из них провидца, обладающего полным законом природы. Проявленный, он вырос в брызгах их собренности и стал высоким, прекрасным и великолепным.

Риг Веда (I.95.4,5)

Из не-бытия в настоящее бытие, из тьмы в Свет, из смерти в Бессмертие.

Брихадараньяка Упанишада (I.3.28)

Духовная эволюция, эволюция сознания в Материи в постоянно развивающемся само-образовании, до тех пор, пока форма не сможет раскрыть пребывающий в ней Дух, является лейтмотивом, основным значимым принципом земного существования. Поначалу этот смысл скрыт инволюцией Духа, Божественной Реальности, в плотном материальном Несознании; вуаль Несознания, вуаль нечувствительности Материи скрывает вселенскую Созидательную Силу, работающую внутри нее, так что Энергия, являющаяся первой формой Силы творения, принятой в физической вселенной, кажется самой себе несознательной, и все же в действительности является работами обширного оккультного Интеллекта. Темная мистическая загадка в действительности исчезает с освобождением тайного сознания из своего плотного и мрачного заточения; но Сила освобождает его медленно, мало-помалу, мизерными капельками, тончайшими струйками, малыми вибрирующими сгустками энергии и субстанции, жизни, разума, как если бы это и было все, что она может высвободить из грубого препятствия, тупой сопротивляющейся среды несознательной субстанции существования. Сначала Сила поселяется в формах Материи, которые кажутся всецело несознательными, затем борется по направлению к ментальности под маской живой Материи и несовершенно ее достигает в сознательном животном. Сначала это сознание рудиментарно, это по большей части полу-подсознательный или только что ставший сознательным интеллект; ментальность медленно развивается, пока в более организованных формах живой Материи не достигает верха интеллекта и не превосходит себя в Человеке, думающем животном, который развился в рассуждающее ментальное существо, но несет с собой даже на своем высочайшем подъеме шаблон изначальной животности, мертвый груз подсознания тела, притяжение к изначальной Инерции и Несознанию, контроль несознательной материальной Природы над своей сознательной эволюцией, свою мощь ограничения свой закон трудного развития, свою грандиозную силу замедления и разочарования. Этот контроль изначального Несознания над сознанием принимает общую форму ментальности, борющейся к знанию, однако ментальности, которая сама по себе является Неведением. Так отягощенный и нагруженный, ментальный человек все еще должен развить из себя полностью сознательное существо, божественное человечество или духовное и супраментальное сверхчеловечество, которое является следующим продуктом эволюции. Этот переход отметит переход от эволюции в Неведении к большей эволюции в Знании, основанной и происходящей в свете Сверхсознательного и более не во тьме Неведения и Несознания.

Эта земная эволюционная работа Природы от Материи к Разуму и за его пределы составляет двойной процесс: есть внешне видимый процесс физической эволюции с рождением в качестве механизма, — ведь каждая развивающаяся форма тела, дающая пристанище собственной развивающейся мощи сознания, поддерживается и непрерывно сохраняется с помощью наследственности; в то же время происходит невидимый процесс эволюции души благодаря перевоплощению в более высоких формах на более высоком уровне сознания. Первый процесс сам по себе подразумевает только космическую эволюцию; ведь индивид является быстро гибнущим инструментом, а раса, более долговечное коллективное образование, является настоящим шагом вперед в последовательном проявлении космического Обитателя, вселенского Духа: возрождение является совершенно необходимым условием для сколь-нибудь длительной жизни и эволюции индивидуального существа в земном существовании. Каждая ступень космической манифестации, каждый тип формы, способный приютить вселяющийся Дух, благодаря перевоплощению обращается в средство, при помощи которого индивидуальная душа, психическое существо проявляет все больше и больше из своего сокрытого сознания; каждая жизнь становится шагом в победе над Материей благодаря дальнейшему продвижению сознания в ней, что делает в конечном итоге саму Материю средством полной манифестации Духа.

Но это представление о ходе и смысле земного творения всякий раз подвергается сомнению в разуме самого человека, потому что эволюция все еще находится на полпути своего путешествия, все еще идет в Неведении, все еще ищет в разуме полу-развитого человечества своей собственной цели и значения. Теорию эволюции можно подвергать сомнению на том основании, что она недостаточно обоснована и что она чрезмерна в качестве объяснения хода земного существования. Даже если допустить эволюцию, то все еще можно сомневаться, обладает ли человек способностью развиться в высшее эволюционное существо. Также можно сомневаться, может ли эволюция продвигаться сколь-нибудь дальше с того уровня, которого она достигла или насколько вообще возможна супраментальная эволюция, появление вершающей Истины-Сознания, существа Знания, в фундаментальном Неведении земной Природы. Можно строить и другие теории, не телеологические и не эволюционные, чтобы попытаться объяснить смысл работ Духа в манифестации здесь, и сейчас мы вкратце проследим за ходом такого рода рассуждений.

Даже при допущении творения как манифестации Безвременной вечности в Вечности Времени, при допущении того, что существует семь ступеней Сознания и что материальное Несознание было положено в качестве базиса восхождения Духа, при допущении перевоплощения как факта, неотъемлемой части земного устройства, духовная эволюция индивидуального существа не будет неизбежным следствием. Можно принять и другой взгляд на духовный смысл и внутренний ход земного существования. Если каждая созданная вещь является формой проявления Божественного Существования, тогда каждая вещь уже божественна сама по себе, благодаря духовному присутствию в ней, какой бы ни была ее внешняя видимость, ее образ или характер в Природе. В каждой форме манифестации Божественное получает восторг существования, и нет необходимости в изменении или прогрессе внутри этой формы. Каким бы ни было ранжированное проявление или иерархия действенных возможностей, вызываемых природой Божественного Бытия, все это достаточно обеспечено бесчисленными вариациями, изобилующей множественностью форм, типов сознания, тех природ, что мы видим повсюду вокруг нас. Тогда можно сказать, что нет телеологической цели в творении, и ее не может быть, поскольку все уже есть в Бесконечном: Божественному не требуется что-либо обретать, оно уже содержит в себе все; если есть творение и проявление, то это ради восторга творения, проявления, и ни для чего другого. Тогда нет причины для эволюционного движения, вершащегося в некой кульминации, или для цели, которая должна быть выработана и задействована, или для побуждения к окончательному совершенству.

В действительности мы видим, что принципы творения постоянны и не меняются: каждый тип существа остается самим собой и не пытается и не имеет какую-либо потребность стать чем-то иным; допуская, что некоторые типы существования исчезают, а другие появляются, это можно объяснить тем, что Сознательная-Сила во вселенной отводит свой жизненный восторг от гибнущих типов и направляет его на создание других типов ради собственного удовольствия. Но каждый тип жизни, пока он длится, имеет свой собственный образец и верно придерживается этого образца, допуская лишь незначительные вариации: он ограничен своим типом сознания и не может перейти в другое сознание; ограниченный собственной природой, он не может перейти эти границы и вступить в другую природу. Если Сознательная Сила Бесконечного проявила Жизнь после манифестации Материи и проявила Разум после манифестации Жизни, то отсюда еще не следует, что в дальнейшем она проявит Сверхразум. Ведь Разум и Сверхразум принадлежат к совершенно различным полусферам, Разум — к низшему статусу Неведения, Сверхразум — к высшему статусу Божественного Знания. Этот мир является миром Неведения и намерен таким и оставаться; ему не нужно намерение спустить вниз мощности высшей полусферы в низшую половину существования или проявить здесь их сокрытое присутствие; ведь, если эти мощности вообще существуют здесь, то только в виде непередаваемого присутствия и лишь затем, чтобы поддержать творение, а не совершенствовать его. Человек является верхом невественного творения; он достиг предела возможного сознания и знания, на которые он только способен: если он пытается идти дальше, то начинает лишь вращаться по большим кругам собственной ментальности. Ведь такова

кривая существования здесь, конечное кружение Разума, возвращение всегда в точку старта; Разум не может выйти за пределы собственного цикла, — всякая идея о прямой линии движения или прогресса, бесконечно идущего вверх или необъятно расширяющегося в Бесконечное, есть заблуждение. Если душе человека суждено выйти за пределы человечества, достичь либо супраментального, либо более высокого статуса, то она должна выйти из этого космического существования, перейти либо в план или мир Блаженства и Знания, либо в непроявленное Вечное и Бесконечное.

Верно, наука сейчас утверждает эволюционное земное существование, но если факты, с которыми имеет дело Наука, надежны, то обобщения, на которые она отваживается весьма коротко-живущие; они держатся в течение нескольких десятилетий или веков, затем сменяются другими обобщениями, другой теорией. Это происходит даже в физической Науке, где факты твердо устанавливаются и проверяются экспериментом в психологии, — что уместно здесь, когда мы рассматриваем эволюцию сознания, — но все же шаткость представлений еще большая: наука переходит от одной теории к другой, прежде чем первая достаточно хорошо обоснуется; в действительности, обычно вместе уживается несколько конфликтующих теорий. На этих зыбких песках не может быть воздвигнуто прочное метафизическое строение. Наследственность, на которой Наука строит свою концепцию эволюции жизни, определенно является мощью, машинерией для поддержания видов в неизменном бытии: демонстрация того, что наследственность также является инструментом для сохраняющихся и прогрессирующих изменений, очень сомнительна; тенденция наследственности скорее консервативная, чем эволюционная, — скорее наследственность с трудом приемлет тот новый характер, который Жизненная Сила пытается навязать ей. Все факты указывают на то, что подвиды могут меняться в пределах собственного вида, но ничто не указывает на то, что виды могут выходить за свои пределы. По-настоящему даже не было установлено, что человек произошел от обезьяно-подобного вида; более вероятно, что некий вид, похожий на обезьян, но в чем-то принципиально от них отличный, развивался по собственным природным законам и стал тем, что мы знаем как человека, стал сегодняшним человеческим существом. Даже не установлено, что высшие человеческие расы произошли от низших; вымерли расы с низшей организацией и низшими способностями, но не было показано, что сегодняшние человеческие расы являются их потомками: но такое развитие в пределах вида вообразимо. Можно признать продвижение Природы от Материи к Жизни, от Жизни к Разуму: но нет даже доказательств, что Материя развилась в Жизнь или Жизненную энергию или энергию Разума; можно признать лишь то, что Жизнь проявилась в Материи, а Разум — в живой Материи. Ведь нет достаточных доказательств тому, что какие-либо растительные формы развились в животные виды, или что какая-то организация неживой Материи развилась в живой организм. Даже если впоследствии будет открыто, что при определенных химических или иных условиях возникает явление Жизни, то будет установлено лишь то, что при определенных физических обстоятельствах проявляется Жизнь, а не то, что определенные химические комбинации составляют Жизнь, не то, что они являются элементами Жизни или эволюционной причиной трансформации неживой Материи в живую Материю. Здесь, как и везде, каждая ступень бытия существует в себе и благодаря себе, проявляется в соответствии с собственным характером благодаря собственной надлежащей энергии, и что ступени, находящиеся выше или ниже нее, являются не началами и следствиями, а только степенями в непрерывной шкале земной природы.

Если спросить, как все эти ступени и типы бытия пришли в существование, то можно ответить, что они были проявлены в Материи Сознанием-Силой, мощью Реальности-Идеи, строящей собственные значимые формы и типы для космического существования Духа: практический или физический метод мог бы значительно меняться в различных классах или ступенях, хотя базисное подобие линии может хорошо прослеживаться; сознательная Мощь могла бы использовать не один, а множество процессов или направлять множество сил для совместного действия. В Материи этот процесс заключается в создании элементарных частиц, наделенных громадной энергией, в их группировке в определенных сочетаниях, проявлении атомов и молекул на этом первичной базисе, группировании и связи атомов и молекул, с тем чтобы проявлялись внешне осязаемые объекты, земля, вода, минералы, металлы, все материальное царство. В Жизни Сознательная Сила начинает также с элементарных форм растительной жизни и мельчайших микроорганизмов; она создает изначальную протоплазму и размножает ее, создает живые клетки как элементарные единицы, создает тончайшие биологические инструменты, как семя или гены, всегда использует тот же метод группирования и связи, так чтобы строить при помощи разнообразных операций разнообразные живые организмы. Видимо постоянное творение различных видов, но нет безусловного доказательства эволюции. Виды в чем-то далеки друг от друга, в чем то они близки и подобны, а иногда идентичны в своей основе, но различны в деталях; все представляют собой образцы, и такая вариация образцов с идентичным рудиментарным базисом является знаком того, что Сознательная Сила играет со своей собственной Идеей и развивает с ее помощью все возможности творения. Эмбрионы животных видов проявляют фундаментальные образцы, в их развитии можно увидеть много аналогичного, что напоминало бы развитые формы взрослых особей низших ступеней; существуют также виды-амфибии, промежуточные звенья между видами, но все это еще не означает, что виды развились друг от друга в эволюционном ряду. Работа других сил, отличных от вариаций наследственности, вызвала новые характерные

черты; существуют физические силы, такие как пища, световые лучи и т.п., которые мы только начинаем понимать, существуют, которые мы еще не знаем; также работают невидимые жизненные силы и темные физиологические силы. Ведь следует допустить существование этих более тонких сил даже в физической эволюционной теории, чтобы объяснить естественный отбор; если оккультная или подсознательная энергия в некоторых типах отвечает необходимости окружающей среды, а в других типах она не откликается на эту необходимость или неспособна обеспечить выживание, то это явно указывает на варьирующуюся жизненную энергию и психологию, сознание и силу, отличные от физических, служащие целям изменения в Природе. Проблема метода осуществления таких операций также все еще полна неясностей, и слишком много неизвестных факторов, чтобы можно было сейчас построить какую-либо определенную теорию.

Человек является одним из типов среди так построенных прочих, одним из образцов среди множества образцов в манифестации в Материи. Человек наиболее сложен из всего того, что было создано, наиболее богат в содержании сознания и искусности изобретательности его построения; он глава земного творения, но он не превосходит его. Как и прочие, человек также имеет собственный присущий ему закон, имеет свои ограничения, свой особенный тип существования, свахава, свадхарма; он расширяться и развиваться внутри этих пределов, но не может выйти за эти границы. Если существует совершенство, которого должен достичь человек, то это должно быть совершенство на его собственный лад, в пределах его собственного закона бытия, — полная игра этого бытия, но под надзором собственной моды и в отведенной мере, не путем превосхождения. Превзойти самого себя, вырасти в сверхчеловека, наложить бога на свою природу и способности будет противоречием само-закона человека, практически невыполнимым и невозможным. Каждая форма и способ бытия имеют собственный соответствующий восторг бытия; искать через разум наилучшего господства над окружающей средой и использования окружающей среды и такого наслаждения, какое только возможно, — вот поистине цель человека как ментального существа: не вглядываться за пределы этого, преследовать скрытую удаленную цель существования, устремляться к тому, чтобы превзойти ментальный статус — значит, привносит в существование некий телеологический элемент, которого не видно в космической структуре. Если супраментальному существу суждено появиться в земном творении, это должна быть новая и независимая манифестация; точно также, как Жизнь и Разум проявились в Материи, так и Сверхразум должен проявиться там, и тайная Сознательная Энергия должна создать необходимые образцы для этой новой ступени своих возможностей. Но нет никакого знака такому намерению в операциях Природы.

Но если все же суждено быть новому творению, тогда, определенно, не из человека может быть развита эта новая ступень, вид или образец; ведь в таком случае должна бы существовать некая раса или класс или разновидность человеческих существ, которые уже имеют в себе материю сверхчеловека, как и то особенное животное существо, которое развилось в человека, уже обладало сущностными элементами человеческой природы в наличности или в потенциальности: но нет такой расы, класса или типа, самое большее есть только одухотворенные ментальные существа, ищущие бегства из земного творения. Если все же благодаря какому-то оккультному закону Природы все же планируется развитие супраментального существа из человека, то это могла бы быть весьма незначительная часть человечества, открепившая себя от расы, так чтобы стать первым основанием для нового типа бытия. Нет причины предполагать, что вся раса должна развить это совершенство; это не может быть возможностью, повсеместно распространенной в человеческом творении. Если в действительности человек произошел в Природе от животного, то все же сейчас мы видим, что никакой животный вид не подает признаков эволюции за пределы самого себя; следовательно, если и было это эволюционное напряжение в животном царстве, то оно сошло на нет, как только цель была достигнута с приходом человека: точно также, если есть какое-либо подобное напряжение для нового шага эволюции, для само-превосхождения, то вероятно, оно так же стихнет с появлением супраментальных существ. Но на самом деле нет такого напряжения: очень даже вероятно, что сама идея о человеческом прогрессе является иллюзией, ведь нет никаких знаков того, что человек, однажды возникший из животной стадии, радикально продвинется за исторический период жизни расы; самое большее, человек преуспел в познании физического мира, в Науке, в обращении с окружающей средой, в своем чисто внешнем утилитарном использовании тайных законов Природы. Напротив, он остается тем, кем и был с момента зарождения цивилизации: человек продолжает проявлять одни и те же способности, те же качества и дефекты, те же усилия, ту же слепоту, те же достижения, ту же неудовлетворенность. Если продвижение и было, то это движение по кругу, самое большее, возможно, по расширяющемуся кругу. Сейчас человек не мудрее древних провидцев и мудрецов и мыслителей, не более духовен, чем великие искатели прошлого, первые могущественные мистики, не превосходит в искусстве и ремесле древних артистов и художников; исчезнувшие древние народы могущественно продемонстрировали сокровенную оригинальность, изобретательность, способность верно обращаться с жизнью, и если современный человек продвинулся в этом отношении чуть дальше, не существенно, а в степени, охвате, богатстве, то это потому что он унаследовал достижения своих предшественников. Ничто не подтверждает то представление, что человек когда-либо вырвется из этого полу-знания полу-неведения или, если он разовьет высшее знание, то сможет прорваться за крайнюю черту ментального круга.

Заманчиво и не нелогично считать перевоплощение мощным средством духовной эволюции, тем фактором, который делает возможной эту эволюцию, но даже приняв перевоплощение как факт, еще не будет достаточной уверенности в том, что в этом и заключается смысл перевоплощения. Все древние теории реинкарнации предполагают постоянное переселение душ из человека в животное: в индийском представлении добавляется объяснение кармы, возвращение содеянного добра или зла, результатов прошлой воли и усилия; но не было предположения о последовательной эволюции от вида к виду, и уж тем более о рождении в новом типе существа, которого никогда не было, но которое еще возникнет в будущем. Если есть эволюция, то человек является последней стадией, потому что через человека может произойти отвержение земной или воплощенной жизни и бегство на некие небеса или в Нирвану. Это было концом, предрекаемым древними теориями и, поскольку этот мир фундаментально и неизменно является миром Неведения, — даже если все космическое существование не является по своей природе состоянием Неведения, — это бегство, вероятнее всего, является истинным концом цикла.

Эта линия рассуждений обладает значительной убедительностью и важностью, и было необходимо хотя бы вкратце воспроизвести ее, чтобы затем ее опровергнуть. Хотя некоторые предположения и верны, но этот взгляд на вещи неполон, и выводы не окончательны. И сначала мы можем без особой трудности отвергнуть возражение против телеологического элемента, который вносит в структуру земного существования представление о predetermined эволюции от несознания к сверхсознанию, развитие восходящего порядка существ с кульминирующим переходом от жизни в Неведении к жизни в Знании. Возражение против телеологического космоса может базироваться на двух совершенно разных основаниях, — научном рассуждении, отталкиваемом от предположения о том, что все есть работа несознательной Энергии, которая действует автоматически в ходе механического процесса и поэтому не может содержать в себе никакой цели, и на метафизическом рассуждении, отправляющемся от того восприятия, что Бесконечное и Вселенское уже содержит все в себе, что в нем не может быть нечего незавершенного, что следует завершить, нечего, что оно могло бы добавить к себе, выработать, реализовать, и поэтому не может содержать в себе никакого элемента прогресса, изначальной или возникающей цели.

Научное или метафизическое возражение не может оставаться законным, если присутствует тайное Сознание в или за видимой несознательной Энергией в Материи. Даже в Несознательном наблюдается, по меньшей мере, побуждение сокровенной необходимости производить эволюцию форм, а в формах — развивающееся Сознание, и равным образом можно поддержать утверждение, что это побуждение является эволюционной волей тайного Сознательного Бытия и что давление последовательной манифестации является доказательством врожденного намерения в эволюции. Это телеологический элемент, и не будет иррациональным допустить его: ведь сознательное или даже несознательное усилие возникает из истины сознательного бытия, которая стала динамической и намеревается исполнить себя в автоматическом процессе материальной Природы; телеология, элемент цели в этом усилии является переводом само-деятельной Истины Бытия в термины само-действенной Воли-Мощи этого Бытия, и, если там присутствует сознание, то и такая Воля-Мощь также должна быть там, и этот перевод является нормальным и неизбежным. Истина Бытия, неизбежно исполняющая себя, была бы фундаментальным фактом эволюции, и Воля и ее цель должны быть там как часть инструментария, как элемент в движущем принципе.

Метафизическое возражение более серьезно; ведь кажется само-очевидным, что Абсолют не может иметь никакой цели в манифестации, кроме как восторга собственной манифестации: эволюционное движение в Материи как часть манифестации должно подпадать под это универсальное утверждение; это движение может быть только ради восторга развертывания, последовательного выполнения, бесцельного серийного само-раскрытия. Вселенскую тотальность можно также рассматривать как нечто полное в себе; в качестве тотальности ему нечего обретать или добавлять к полноте своего бытия. Но материальный мир здесь не является интегральной тотальностью, это часть целого, ступень в градации; поэтому можно допустить в нем не только присутствие неразвитых нематериальных принципов или мощностей, принадлежащих целому и которые были вовлечены в Материю, но также и спуск в материальный мир тех мощностей с высших ступеней системы, чтобы освободить родственные движения от зажатости материальным ограничением. Манифестация высших мощностей Существования, пока все само бытие не проявится в материальном мире в терминах высшего, духовного творения, может считаться телеологией эволюции. Эта телеология не вносит какой-либо фактор, который не принадлежал бы тотальности; она нацелена только на реализацию целого в части. Не может быть возражения против допущения телеологического фактора в часть движения вселенской тотальности, если цель, — цель не в человеческом смысле, а как побуждение внутренне присущей Истины-необходимости, сознательной в воле населяющего Духа, — состоит в совершенной манифестации там всех возможностей, присущих тотальному движению. Несомненно, все здесь существует ради восторга существования, все является игрой или Лилой; но игра также имеет свою цель, которую следует достичь, и без исполнения этой цели не будет полноты значения. Драма без развязки допустима как артистическая возможность, — существующая только ради удовольствия наблюдения за персонажами и удовольствия в постановке проблемы без решения или навечно подвешенным колеблющимся балансом решения; драма земной эволюции могла бы иметь тот же характер, но намеренная или внутренне predetermined развязка также, и возможно даже скорее, допустима.

Ананда является тайным принципом всего бытия и поддержкой всей активности бытия: но Ананда не исключает восторга в выработке Истины, внутренне присущей бытию, имманентной в Силе или Воле бытия, поддерживаемой в скрытом само-осознании Сознательной Силы, являющейся динамическим и исполнительным агентом всей деятельности и знающей ее смысл.

Теория духовной эволюции не тождественна научной теории эволюции форм и физической эволюции жизни; она должна базироваться на собственном внутреннем подтверждении: она может принимать научное объяснение физической эволюции в качестве поддержки или в качестве элемента, но поддержки не совершенно необходимой. Научная теория занята только внешним и видимым механизмом и процессом, с деталями исполнения Природой, с физическим развитием вещей в Материи и законом развития Жизни и Разума в Материи; ее объяснение процесса может существенно меняться или всецело разрушаться в свете нового открытия, но это не влияет на само-очевидный факт духовной эволюции, эволюции Сознания, последовательного проявления души в материальном существовании. Во внешних аспектах теория приходит к тому, что существует шкала земного существования, есть развитие форм, тел, последовательно усложняющаяся и более комплексная организация Материи, Жизни в Материи, Сознания в живой Материи; в этой шкале, чем лучше организована форма, тем более она способна приютить лучше организованную, более сложную, но более способную, более развитую или эволюционирующую Жизнь и Сознание. Раз уж выдвинута эволюционная гипотеза и выстроены факты, ее поддерживающие, то этот аспект земного существования становится настолько поражающим, что кажется безоговорочным. Точный механизм, посредством которого это делается, или точная генеалогия или хронологическая последовательность типов бытия — это второй вопрос, хотя вопрос интересный и важный; можно принимать или не принимать развитие одних форм жизни из предшествующих менее развитых форм, естественный отбор, борьбу за выживание, сохранение благоприобретенных признаков, но факт последовательного творения по развивающемуся плану является выводом первостепенной важности. Другой само-очевидный вывод состоит в том, что в этой эволюции есть необходимо ранжированная последовательность, сначала эволюция Материи, затем эволюция Жизни в Материи, затем эволюция Разума в живой Материи, и на последней стадии — животная эволюция, за которой следует эволюция человека. Первые три термина этой последовательности слишком очевидны, чтобы их обсуждать. Можно спорить о том, последовал ли человек за животными или развивались они одновременно, а человек опередил животных в эволюции Разума; даже выдвигалась такая теория, что человек был не последним, а первым и старейшим из животных видов. Этот приоритет человека составлял древнее представление, но не был универсальным; он рожден из ощущения явного превосходства человека над другими земными творениями: но в эволюции превосходящий является не предшественником, а последователем, менее развитые предшествуют более развитым и подготавливают их появление.

В действительности, идея о приоритете низших форм Жизни не всецело чужда древнему мышлению. Помимо мифических объяснений творению, мы находим уже в древней и средневековой мысли Индии те высказывания, которые говорят в пользу более раннего появления животных по отношению к человеку в том смысле, который соответствует современным эволюционным представлениям. Упанишады говорят, что “я” или Дух после принятия решения на земное творение сначала создал животные виды, как коровы и лошади, но боги, — которые в мышлении Упанишад являются мощностями Сознания и мощностями Природы, — нашли, что они являются недостаточными носителями, и Дух наконец создал человека, который удовлетворил богов, и они возложили на человека космические функции. Это ясное иносказание о творении все более и более развитых форм, пока не было найдено, что одна из них способна приютить развивающееся сознание. В Пуранах утверждается, что тамасичные животные создания были первыми. Тамас — это индийское слово для обозначения принципа инерции сознания и силы: сознание тупое и вялое и некомпетентное в своей игре называется тамасическим; сила, Жизненная энергия, ленивая и вялая и ограниченная в своей способности, связанная узким диапазоном инстинктивных импульсов, не развивающаяся, не ищущая, не побуждаемая на более подвижное действие или на более сознательное действие, может быть причислена к той же категории. Животное, в котором присутствует менее развитая сила сознания, первично в творении; более развитое человеческое сознание, в котором присутствует большая сила подвижной энергии Разума и больший свет восприятия, является более поздним творением. Тантры говорят о душе, выпавшей из своего статуса и проходящей через тысячи рождений в растительных и животных формах, пока она не достигнет человеческого уровня и не будет готова к освобождению. Здесь, опять же, подразумевается, что растения и животные являются низшими ступеньками эволюционной лестницы, а человечество представляет последнее или вершающее развитие сознательного существа, форму, в которую должна вселиться душа, чтобы приобрести духовный мотив и стать способной на духовный выход из ментальности, жизни и физичности. Это в действительности обычное представление, и оно столь сильно как для рассудка, так и интуиции, что его с трудом можно оспаривать — вывод почти неизбежен.

На этом фоне разворачивающегося эволюционного процесса должны мы взглянуть на человека, на его происхождение и первое появление, на его статус в манифестации. Здесь есть две возможности; либо произошло внезапное появление человеческого тела и сознания в земной природе, внезапное творение или независимая автоматическая манифестация рассуждающей ментальности в материальном мире, наложившаяся на прежнюю аналогичную мани-

фестацию подсознательных живых форм и живых сознательных тел в Материи, либо произошла эволюция человечества из животного существа, возможно, медленная в своем приготовлении и стадиях развития, но со значительным скачком в решающей точке перехода. Последняя теория не приносит каких-либо затруднений: ведь, определенно, изменение характеристик в типе, хотя и не самого фундаментального типа, могло осуществляться в породах или генах, — в действительности это уже проделывал сам человек, и эти возможности замечательно разрабатывались экспериментальной Наукой на малом масштабе, — и можно справедливо предположить, что тайно сознательная Энергия в Природе могла бы вызвать широко-масштабные операции этого рода и осуществить значительное и решающее развитие посредством собственных сознательных усилий. Необходимым условием для смены обычного животного на человеческий характер существования было бы развитие такой организации, которая была бы способна на быстрое развитие, обращение или поворот сознания, на достижение новой высоты и взгляд вниз с этой высоты на низшие ступени, на возвышение и расширение той способности, которая позволила бы существу поднять старые животные способности благодаря большему и более пластическому, человеческому пониманию, и в то же время или позднее развить большие и более тонкие мощности, соответствующие новому типу бытия, развить мощности рассуждения, рефлексии, комплексного наблюдения, организованного изобретения, размышления и открытия. Если существует проявляющаяся Сознательная-Сила, тогда не будет трудности в этом переходе при наличии инструмента, не будет трудности за исключением трудности заграждения и сопротивления материального Несознания. Животное уже обладает некоторыми такими качествами в ограниченном масштабе, только для действия, в зачаточной организации, грубой или простой, с весьма низким охватом и пластичностью, с более узким и весьма нерегулярным управлением способностями; но особенностью является то, что выработка этих способностей более механистична, менее свободна, отмечена автоматизмом Природной Энергии, правящей операцией примитивного сознания и не, как в человеке, сознательной Энергии, наблюдающей и до некоторой степени направляющей и управляющей и произвольно меняющей или модифицирующей собственные операции. Другие животные привычки сознания фундаментально не отличаются от человеческих; все что он смог сделать — это развить и расширить их до высшего ментального уровня и, насколько возможно, ментализировать, рафинировать, утончать, — короче говоря, привнести в них озарение своего нового понимания и интеллектуальной способности и мощи разумного контроля, отсутствующего в животном. Раз уж это изменение или обращение достигнуто, мощь человеческого разума работать над собой и вещами, творить, познавать, рассуждать, будет развиваться в ходе эволюции человека, даже если вначале эти способности были весьма ограничены, близки к животным, были относительно простыми и грубыми в их действии. Такое обращение осуществлялось при каждом радикальном переходе Природы: возникающая Жизненная Сила поворачивается к Материи, накладывает витальную сущность сознания на операции Материи, и в то же время развивает также собственное действие и свои возможности; новое большее возникновение и обращение, появление человечества продолжает цель прецедентов Природы; это новое применение того же самого принципа.

Поэтому легко принять эту теорию: ее выработки постижимы. Но другая гипотеза создает значительные трудности. Со стороны сознания эта новая манифестация, человеческая, могла бы быть объяснена подъемом скрытого Сознания из инволюции во вселенской Природе. Но в этом случае сознание должно было бы уже иметь существующую материальную форму в качестве своего носителя, адаптированного силой проявления к нуждам нового внутреннего творения; или же быстрое отклонение от предыдущих физических типов или образцов могло привести в существование новое существо. Но какая бы гипотеза не была принята, это означает эволюционный процесс, — разница существует только в методе и машинерии отклонения или перехода. Или же, напротив, мог бы произойти не подъем, а нисхождение ментальности с плана Разума над нами, возможно, спуск души или ментального существа в земную Природу. Тогда трудность заключалась бы в возникновении человеческого тела, слишком сложного и трудного, чтобы его можно было внезапно создать или проявить; ведь такая чудесная скорость, хотя и вполне возможная на супрафизическом плане бытия, вряд ли представима как обычная возможность или потенциальность материальной Энергии. Это могло бы произойти лишь при вмешательстве супрафизической силы или закона Природы или при помощи созидательного Разума, действующего с прямой мощью и непосредственно на Материю. Действие супрафизической Силы и создателя можно признать в каждом новом появлении в Материи; каждое такое появление поначалу предстает чудом, приведенным в действие тайным Сознанием, поддерживаемым завуалированной Энергией Разума или Энергией Жизни: но это действие нигде не видится прямым, явно открытым, само-достаточным; оно всегда накладывается на уже реализованный физический базис и действует посредством расширения некоторого уже установленного Природного процесса. Скорее всего, было открытие некоторого уже существующего тела некоторому супрафизическому притоку, так что это тело было трансформировано в новое тело; но не так легко предположить, что такое событие произошло в прошлом материальной Природы: для этого, по-видимому, требуется либо сознательное вторжение невидимого ментального существа, чтобы сформировать то тело, которое оно намерено населить, либо же требуется предыдущее развитие ментального существа в самой Материи, существа, которое было бы уже способно воспринять супрафизическую мощь и наложить ее на жесткие и узкие формулы своего физического существования. Иначе мы должны предположить, что некоторое предсуществующее тело

было уже настолько развитым, что оказалось способным на восприятие обширного ментального потока или на сговорчивый отклик на спуск в него ментального существа. Но это подразумевает предшествующую эволюцию разума в теле до той точки, в которой такое восприятие стало бы возможным. Вполне вероятно, что одновременно происходила такая эволюция снизу и такой спуск сверху, что при их совместном действии появилось человечество в земной природе. Тайная психическая сущность, уже присутствующая в животном, могла бы сама призвать ментальное существо, Пурушу Разума, спуститься вниз в царство живой Материи, чтобы вобрать витально-ментальную энергию, уже работающую, и поднять ее до уровня высшей ментальности. Но все же это был бы процесс эволюции, а высший план вмешивался бы лишь для содействия появлению и расширению собственного принципа в земной Природе.

Далее, можно допустить, что каждый тип или образец сознания и бытия в теле, раз уж он установился, должен верно следовать закону бытия этого типа, собственному устройству и правилу природы. Но также очень даже может быть, что часть закона человеческого типа заключается в импульсе к само-превосхождению, что средства для сознательного перехода были даны человеку среди духовных мощностей; обладание такой способностью может составлять часть плана, по которому сознательная Энергия построила человека. Можно согласиться с тем, что то, что человек в принципе сделал до сего дня — это действовал в пределах круга своей природы, по спирали природного движения, то по восходящему витку, то по нисходящему витку, — не было прямой линии прогресса, не было безусловного, фундаментального или радикального превышения его прошлой природы: то, что человек сделал — это заострил, утончил, достиг более комплексного и пластического использования своих возможностей. Будет неверным сказать, что не было такой вещи, как человеческий прогресс, со времен появления человека или даже в его недавней установленной истории; ведь ведь сколь великими не были бы древние, сколь высочайшими не были бы их достижения и творения, сколь впечатляющей не была бы их мощь духовности, интеллекта или характера, но в более позднюю эпоху обнаруживается нарастание тонкости, сложности, многогранное развитие знания и возможности в человеческих достижениях, в политике, общественном устройстве, общественной жизни, в науке, метафизике, всевозможном знании, искусстве, литературе; даже в духовном усилении, хотя и менее возвышенном и менее грандиозном в мощи духовности, чем в древности, была та же нарастающая утонченность, пластичность, зондирование глубин, расширение поиска. Было выпадение из высокого типа культуры, резкий временный спуск в определенный обскуратизм, было угасание духовного побуждения, погружение в вульгарный материализм; но все это — временное явление, в худшем случае нисходящий вниз виток спирали прогресса. В действительности этот прогресс не перенес расу за пределы самой себя, в само-расширение, не привел к трансформации ментального существа. Но это и не ожидалось; ведь первое дело эволюционной Природы в типе существа и сознания — это развивать этот тип до его крайней возможности путем такой утонченности и нарастания сложности, пока он не станет готовым прожечь оболочку, не станет готовым на зрелое решительное появление, образование, поворот сознания на себя, что составляет новую стадию в эволюции. Если предположить, что следующим шагом природы является духовное и супраментальное существо, тогда напряжение духовности в расе можно рассматривать как знак намерения Природы, также как и знак способности человека работать в себе самом или помогать природе свершить переход. Если появление в животном существе типа аналогичного в некоторых отношениях обезьяно-подобному, но изначально наделенного элементами человека, то появление в человеческом существе духовного типа, похожего на ментально-животное человечество, но уже с печатью духовного устремления будет очевидным методом Природы для эволюционного производства духовного и супраментального существа.

Уместно предположить, что если намеревается осуществление такой духовной кульминации, и человек является ее средой, то только несколько особо развитых человеческих существ образуют новый тип и будут двигаться к новой жизни; и когда это произойдет, то у остальной части человечество угаснет духовное стремление, более не необходимое для целей природы, и человечество успокоится в своем обычном статусе. Равным образом можно рассудить, что человеческая ступень должна сохраниться, если на самом деле существует восхождение души путем реинкарнации через эволюционные ступени к духовному верху, ведь иначе будет утрачена самая необходимая из всех промежуточных ступеней. Сразу же можно признать, что нет ни малейшей возможности или вероятности того, что вся человеческая раса поднимется массой на супраментальный уровень; то, что предполагается, это не нечто столь уж революционное или ошеломляющее, а только способность человеческой ментальности при достижении определенного уровня или определенной точки напряжения эволюционного побуждения прорваться на высший план сознания и продвигать воплощение этого сознания в существе. При этом воплощении существо обязательно претерпит изменение обычного строения своей природы, а также изменение своего ментального и эмоционального и чувственного строения и, в большой степени, изменение сознания тела и физического обуславливания нашей жизни и энергетики; но изменение сознания будет главным фактором, начальным движением, а физическая модификация станет подчиненным фактором, следствием. Это трансмутация сознания будет всегда оставаться возможной для человеческого существа, когда пламя души, психическое горение, станет могущественным в сердце и разуме, и природа будет готова. Духовное стремление внутренне присуще человеку; ведь он, не в пример животному, осознает

свое несовершенство и ограничения и чувствует, что существует нечто, что следует достичь за пределами того, чем он сейчас является: невероятно, что этот позыв к само-превосхождению когда-либо угаснет в человеческой расе. Человеческий ментальный статус всегда будет оставаться, и не только как ступень в шкале в шкале возродений, а как открытая ступень к духовному и супраментальному статусу.

Следует отметить, что появление на земле человеческого разума и тела знаменует решительный шаг, решительную смену в курсе и ходе эволюции; это не просто продолжение прежних линий. До прихода развитого мыслящего разума в Материю эволюция осуществлялась не посредством само-осознанного стремления, намерения, воли или поиска живого существа, а подсознательно или сублиминально посредством автоматической операции Природы. Так происходило из-за того, что эволюция началась с Несознания, и тайное Сознание еще не достаточно всплыло из него, чтобы действовать через само-осознающую индивидуальную волю живого создания. Но в человеке необходимое изменение было сделано, — существо пробудилось и осознает себя; проявилась в Разуме его воля развиваться, познавать, углублять внутреннее и расширять внешнее существование, наращивать способности природы. Человек увидел, что может быть более высокое состояние сознания, чем его собственное; эволюционное побуждение присутствует в разуме и теле, стремление превзойти самого себя выпущено и подчеркнуто внутри человека: он начал осознавать душу, открывать “я” и Дух. Следовательно, в человеке стала возможной и осуществимой замена подсознательной эволюции на сознательную, и равным образом можно заключить, что стремление, позыв, сохраняющееся усилие в нем является надежным знаком воли Природы пройти по высшему пути исполнения, проявить более высокий статус.

На предыдущих ступенях эволюции первая забота и усилие Природы было направлено к изменению физической организации, ведь только таким путем могло произойти изменением сознания; это было необходимостью, наложенной недостаточностью силы сознания, уже находящейся в формировании, чтобы вызвать изменение тела. Но в человеке обращение возможно, в действительности, неизбежно; ведь именно через его сознание, через трансмутацию сознания, и более не через новый телесный организм в качестве первого инструмента, может и должна осуществляться эволюция. Во внутренней реальности вещей изменение сознания всегда было главным фактором, эволюция всегда имела духовное значение, а физическое изменение было только инструментальным; но эта связь сокрыта первым ненормальным балансом этих двух факторов, тело внешнего Несознания перевешивало и затмевало в значимости духовный элемент, сознательное существо. Но раз уж баланс восстановлен, то более не требуется, чтобы изменение тела предшествовало изменению сознания, само сознание благодаря своей мутации будет вызывать и осуществлять любую мутацию, необходимую для тела. Следует заметить, что человеческий разум уже продемонстрировал свою способность помогать Природе в эволюции новых видов растений и животных; он создал новые формы своего окружения, путем познания вызвал значительные изменения в своей ментальности. И не будет невозможным, что человек должен также сознательно помочь Природе в собственной духовной и физической эволюции и трансформации. Побуждение к этому уже присутствует и частично задействовано, хотя еще не полностью понято и принято поверхностной ментальностью; но однажды это может быть понято, человек пойдет глубоко внутрь себя и откроет средства, тайную энергию, намеренное оперирование Сознательной-Силы, внутри которой кроется реальность того, что мы называем Природой.

Все эти выводы можно сделать даже из наблюдения внешних явлений развития Природы, ее поверхностной эволюции существа и сознания при физическом рождении в теле. Но существует и другой невидимый фактор; существует перевоплощение, развитие души путем подъема от одной ступени к другой на шкале развивающегося существования, и на этих ступенях — ко все более и более высоким типам телесных и ментальных инструментов. В этом развитии психическая сущность все еще завуалирована, даже в человеке, сознательном ментальном существе, сокрыта ее инструментами, разумом, жизнью и телом; она еще не способна проявиться полностью, удерживается от того, чтобы выйти на передний план, где она могла бы утвердиться как господин своей природы, она еще обязана подчиняться определенной детерминации, накладываемой ее инструментами, подчиняться доминированию Пракрити над Пурушей. Но в человеке психическая часть его личности способна развиваться гораздо быстрее, чем в низшем творении, и может придти время, когда душа-сущность приблизится к той точке, в которой она появится из-за вуали и станет господином своих инструментов в Природе. Но это будет означать, что тайно пребывающий дух, Даймон, внутреннее Божество находится в точке появления; и когда оно появится, то вряд ли стоит усомниться, какими будут его требования, как это в действительности уже происходит в самом Разуме, когда он подпадает под внутреннее психическое влияние, нацеливается на более божественное, более духовное существование. В природе земной жизни, где Разум является инструментом Неведения, это может осуществиться лишь через изменение сознания, переход от основания в Неведении к основанию в Знании, от ментального к супраментальному сознанию, супраментальному инструментарию Природы.

Нет убедительной доказательности в тех рассуждениях, что поскольку этот мир является миром Неведения, то такая трансформация может быть достигнута только на запредельных небесах или вообще не может быть достигнута, и требование психической сущности само по себе является невежественным и должно быть заменено на слияние

души в Абсолюте. Это заключение могло бы быть справедливым лишь в том случае, если Неведение было бы полным смыслом, субстанцией и мощью мира-манифестации или же если бы в самой Мировой Природе не было бы элемента, через который могло бы осуществляться превосходение невежественной ментальности, которая все еще отягощает наш теперешний статус бытия. Но Неведение составляет лишь часть Мировой Природы; это не вся Природа, не изначальная мощь и создатель: на своем высшем конце это само-ограниченное Знание, и даже на низшем конце, при возникновении из полнейшего материального Несознания, это подавленное Сознание, трудящееся для того, чтобы находить, открывать себя, проявлять Знание, являющееся его истинным характером, в качестве основания существования. В самом вселенском Разуме существуют диапазоны над нашей ментальностью, которые являются инструментами космического постижения истины, и конечно же, в эти диапазоны может подняться ментальное существо; ведь оно уже поднимается до них в сверхнормальных условиях или воспринимает с них, не зная об этом, интуицию, духовные указания, большие потоки озарения или духовную способность. Все эти диапазоны осведомлены о том, что находится выше них, и высочайший непосредственно открыт Сверхразуму, осознает Истину-Сознание, которая превосходит его. Более того, в самом развивающемся существе уже присутствует та высшая мощь сознания, поддерживая истину Разума, находясь в основании его действия, которое заслоняет эти мощности; этот Сверхразум и те мощности Истины поддерживают Природу своим тайным присутствием: как раз Истины Разума являются их результатом, приуменьшенной операцией, представлением в частных образах. Поэтому кажется не только естественным, но и неизбежным, что эти высшие мощности Существования должны проявиться здесь в Разуме, как сам Разум проявился в Жизни и Материи.

Побуждение человека к духовности является внутренним водительством духа внутри него к появлению, настоящим Сознательной-Силы существа сделать следующий шаг манифестации. Верно, что духовное побуждение было в большой степени не от мира сего или оборачивалось в своей крайности духовным отрицанием и само-растворением ментального индивида; но это только одна сторона тенденции, поддержанной и сделанной необходимостью совершить переход из царства фундаментального Несознания, преодолеть препятствие тела, отбросить темный витал, избавиться от невежественной ментальности, необходимостью раз и навсегда достичь духовного бытия, духовного статуса путем отвержения всех этих помех. Но присутствовала и другая, динамическая сторона духовного побуждения, — стремление к духовному господству и изменению Природы, к духовному совершенству существа, обожевлению разума, сердца и самого тела: были даже грезы или психическое предвидение исполнения, превосходящего индивидуальную трансформацию, предвидение новой земли и небес, города Бога, божественного нисхождения на землю, царствования духовного совершенства, королевства Бога, не только внутри нас, но и снаружи, в коллективной человеческой жизни. Какими туманными не были бы некоторые формы, принимаемые этим стремлением, но безошибочно содержащееся в них указание на побуждение оккультного духовного существа к появлению в земной природе.

Если духовное развертывание на земле является скрытой истиной нашего рождения в Материи, если фундаментально именно эволюция сознания происходит в Природе, тогда человек, как он есть, не может быть последним словом эволюции: он слишком несовершенно выражает Дух, сам Разум — это слишком ограниченная форма и инструмент; Разум — это только средний термин сознания, ментальное существо может быть лишь переходным существом. Следовательно, если человек неспособен превзойти ментальность, то он должен быть превзойден, и должны проявиться Сверхразум и сверхчеловек, которые возьмут лидерство в творении. Но если разум способен открыться тому, что превосходит его, тогда нет причины, почему бы сам человек не мог бы достичь Сверхразума и сверхчеловечества или, по меньшей мере, подвести свою ментальность, жизнь и тело к эволюции большего выражения Духа, проявляющегося в Природе.

ЭВОЛЮЦИЯ ДУХОВНОГО ЧЕЛОВЕКА

Как только люди приходят ко мне, “я” принимаю их. Моему пути люди следуют со всех сторон... Какую бы форму поклонения не избрал верующий, “я” устанавливаю в нем твердую веру в это, и с этой верой он вкладывает свои чаяния в свое поклонение, и обретает свое пожелание, отпущенное Мною. Но ограничен тот плод. Те, чья жертва направлена богам, элементарным духам, достигают богов, достигают элементарных духов, но те, чья жертва направлена мне, приходят ко Мне.

Гита (IV.11; VII.21-23; IX.25)

Во всем этом нет Чуда и Могущества; оккультные истины существуют не для разума невеждения.

Риг Веда (VII.61.5)

Как провидец, вырабатывающий оккультные истины и открывающий знание, он привнес в бытие семь Мастеров небес, и при свете дня они говорили и ковали свою мудрость.

Риг Веда (IV.16.3)

Тайные миры, наполненные мудростью, раскрывают свой смысл провидцу.

Риг Веда (IV.3.16)

Никто не знает рождения этого; они знают только путь рождения друг друга: но Мудрый постигает эти скрытые мистерии, даже те, которые великая Богиня, многоликая Мать, держит как сердцевину знания.

Риг Веда (VII.56.2,4)

Прояснившие смысл высочайшего духовного знания, очистившие свое существо.

Мундака Упанишада (II.2.6)

Он усердствовал в этих средствах и обрел знание: в нем этот дух вступил в верховный статус... Удовлетворенные в знании, построившие свое духовное существо, Мудрые, в единении с духовным “я”, достигают Вездесущего везде и вступают во Все.

Мундака Упанишада (III.2.4,5)

На ранних стадиях эволюционирующей Природы мы сталкиваемся с нею скрытностью ее несознания; нет указания на какое-либо значение или цель ее работ, нет намек на какой-либо иной принцип бытия, чем та первая формулировка, являющаяся ее непосредственным занятием и кажущаяся навечно ее единственным делом: ведь в первичных работах Природы появляется единственно Материя, единственная немая и застывшая космическая реальность. Свидетель творения, если был бы таковой сознательный, но не осведомленный, увидел бы только появляющуюся из кажущегося не-существования Энергию, занятую творением Материи, материального мира и материальных объектов, организующую бесконечность Несознательного по схеме безграничной вселенной или системе несчетных вселенных, которые протянулись вокруг него в Пространстве без какого-либо определенного конца или предела, увидел бы неустанное творение туманностей и звездных скоплений и солнц и планет, существующих лишь ради себя, без смысла, заложенного в них, не содержащих причины или цели. Это могло бы показаться ему глупой машинерией без пользы, могущественным бессмысленным движением, эпохальным спектаклем без зрителя, космическим сооружением без обитателя; ведь он не увидел бы ни малейшего знака населяющего Духа, не увидел бы существа, ради восторга которого все это было сделано. Творение этого рода могло бы быть лишь продуктом несознательной Энергии или кинематографом, театром теней или марионеточной игрой форм, брошенных на сверхсознательный безразличный Абсолют. Свидетель не увидел бы никаких признаков души и ни малейшего намека на Разум или Жизнь в этом неизмеримом и нескончаемом показе Материи. Ему не могло бы показаться возможным или воображимым, что в этой пустынной вселенной, навеки неоживленной и нечувствительной, мог бы случиться

выброс теплящейся жизни, первая вибрация чего-то оккультного и невычислимого, живого и сознательного, тайной духовной сущности, прокладывающей свой путь к поверхности.

Но спустя несколько эпох, взглянув еще раз на эту пустынную панораму, но мог бы заметить по крайней мере в одном маленьком углу вселенной это явление, углу, где была подготовлена Материя, а ее операции были достаточно зафиксированы, организованы, сделаны устойчивыми, адаптированными как сцена нового развития, — явление живой Материи, Жизни в вещах, которая появилась и стала видимой: но Свидетель все еще не понял бы ничего, ведь эволюционная Природа продолжает хранить свой секрет. Он увидел бы Природу, занятую лишь утверждением этого выброса Жизни, этого нового творения, но Жизни, живущей самой по себе, без какого-либо значения, — беспричинное и кишасщее порождение, занятое разбросом семени ее новой мощи и устанавливающее массу форм в прекрасном и пышном изобилии или, позднее, бесконечно множась гены и виды ради чистого удовольствия творения: легкое касание живого цвета и движения было бы брошено в грандиозную космическую пустыню, и ничего более. Свидетель не смог бы вообразить, что на этом крошечном островке жизни появится думающий разум, что сознание сможет пробудиться в Несознательном, что новая и более тонкая вибрация поднимется на поверхность и более явственно проявит существование погруженного Духа. Поначалу Свидетелю могло бы показаться, что Жизнь как-то осознала саму себя, и это все; ведь этот скудный новорожденный разум казался бы только слугою жизни, приспособлением, помогающим выжить, машинерией для поддержания жизни, для атаки и обороны, для определенных нужд и витальных удовлетворений, для освобождения жизненного инстинкта и жизненного импульса. Ему не показалось бы возможным, что в этой маленькой жизни, столь незаметной посреди громадности, в одном единственном виде из этой маловажной множественности, сможет появиться ментальное существо, Разум, обслуживающий Жизнь, но также и делающий Жизнь и Материю своими слугами, использующий их для исполнения своих собственных идей, желаний, своей воли, — ментальное существо, которое создает из Материи всевозможную утварь, орудия, инструменты для собственной пользы, воздвигнет города, дома, храмы, театры, лаборатории, фабрики, высечет примитивные фигурки и выдолбит наскальные изображения, изобретет архитектуру, скульптуру, живопись, поэзию и тысячи ремесел и искусств, откроет математику и физику вселенной как и скрытую тайну ее структуры, будет жить ради Разума и его интересов, ради мышления и знания, разовьется в мыслителя, философа и ученого, и как высшее неповиновение царству Материи, пробудится к скрытому Божеству в себе, станет охотиться за невидимым, мистическим и станет духовным искателем.

Но если спустя несколько веков или циклов Свидетель снова бы взглянул и увидел бы чудо полного процесса, то, возможно, даже тогда, затуманенный своим первоначальным переживанием единственной реальности Материи во вселенной, он все еще ничего бы не понял; ему все еще казалось бы невозможным, что тайный Дух может полностью проявиться, полным в своем сознании, и сможет жить на земле как само-познающий и миро-познающий правитель Природы и ее владыка. “Невозможно”, — мог бы сказать Свидетель, — “все, что произошло, это не более чем легкое пузырение чувствительного серого вещества мозга, странное чудачество в кусочке неживленной Материи, кружащемся вокруг маленькой точки во Вселенной”. Напротив, новый Свидетель, вмешавшийся в самом конце истории и информированный о прошлом развитии, но не преследуемый обманом начала, мог бы воскликнуть: “А, это же было запланированным чудом, последним из многих, — Дух, который был погружен в Несознание, вырвался из него и теперь населяет, незавуалированный, форму вещей, которую, будучи завуалированным, он создал в качестве места проживания и сцены своего появления”. Но в действительности более сознательный Свидетель мог бы открыть ключ на раннем периоде развертывания, даже на каждом шаге процесса; ведь на каждой стадии безмолвная скрытность Природы хотя еще и присутствует, но все уменьшается; делается намек на следующий шаг, более явно видимо значимое приготовление. Уже в том, что кажется несознательным в Жизни, становятся видимыми знаки ощущения, приходящие к поверхности; в движущейся и дышащей Жизни видимо появление чувственного Разума, и подготовка думающего Разума не полностью сокрыта, тогда как в думающем Разуме, по мере его развития, на ранней стадии появляются рудиментарные стремления, и впоследствии — более развитые поиски духовного сознания. Как жизнь растения содержит в себе тусклую возможность развития сознательного животного, как разум животного возбужден движением чувства и восприятия и рудиментами понимания, что является первой почвой для человека-мыслителя, так и человек — ментальное существо возвышаем попыткой эволюционной Энергии развить из себя духовного человека, полностью сознательное существо, человека, превосходящего свое первое материальное “я” и открывающего свое высочайшее “я” и высочайшую природу.

Но если и принять это в качестве намерения в Природе, то все равно сразу же возникают два вопроса, которые требуют определенного ответа, — во-первых, точная природа перехода от ментального к духовному существу и, затем, процесс и метод эволюции духовного человека из человека ментального. На первый взгляд покажется очевидным, что как каждая ступень возникает не только из предшествующей ступени, но и в ней, как Жизнь возникает в Материи и в большой степени ограничена и определена в своем само-выражении материальными условиями, как разум возникает в Жизни-в-Материи и аналогично ограничен и определен в своем само-выражении условиями жизни и материальными условиями, так же и Дух должен возникнуть в Разуме, воплощенном в Жизни-в-Материи, и

должен быть в значительной степени ограничен и определен ментальными условиями, в которых кроются его корни, а также жизненными и материальными условиями существования здесь. Можно даже поддержать тот взгляд, что если была какая-то эволюция духовности в нас, то только как часть ментальной эволюции, специальная операция человеческой ментальности; духовный элемент не является отчетливой или отдельной сущностью и не может иметь независимого появления или супраментального будущего. Ментальное существо может развить духовный интерес или преобладающее занятие духовностью и, возможно, как следствие, духовную ментальность, как оно развило интеллектуальную ментальность, прекрасный цветок души своей ментальной жизни. Духовное может стать преобладающим направлением в некоторых людях, точно также как в других развита преобладающая артистическая или прагматическая наклонность; но может и не быть такой вещи, как духовное существо, вбирающее и трансформирующее ментальную природу в природу духовную. Нет эволюции духовного человека; есть только эволюция нового и, возможно, более тонкого и более редкого элемента в ментальном существе. Поэтому то, что следует выяснить, это ясное различие между духовностью и ментальностью, природу духовной эволюции и факторы, делающие возможным и неизбежным это появление Духа в его истинно отчетливом характере, не остающегося, как сейчас, в большей части процесса или в способе появления, подчиненной или доминирующей чертой нашей ментальности, но отчетливо утверждающего себя как новая мощност, которая окончательно возьмет верх над ментальной частью и заместит ее в качестве лидера жизни и природы.

Совершенно верно, что для поверхностного взгляда Жизнь кажется только операцией Материи, а Разум — активностью Жизни, и следуя этой линии, можно было бы заключить, что то, что мы называем душой или духом, является лишь мощью ментальности, что душа есть только форма Разума, духовность есть высшая активность воплощенного ментального существа. Но этот поверхностный взгляд на вещи появляется вследствие концентрации мышления на видимости и на процессе, не зирая ни на что, стоящее за процессом. Следуя тому же ходу рассуждений, можно было бы заключить, что электричество является только продуктом или операцией воды и облаков, потому что в такой среде возникает молния; но более глубокое исследование показало, что напротив, как облако, так и вода имеют в своем основании энергию электричества, имеют ее в качестве составляющей мощности или энергии-субстанции: то, что кажется результатом, является, — в своей реальности, хотя и не в своей форме, — началом; что следствие по своей сущности предшествует видимой причине, и принцип возникающего действия предшествует своему теперешнему полю действия. И так повсеместно происходит в эволюционной Природе; Материя не смогла бы ожить, если принцип Жизни не содержался бы в Материи, и не возникла бы как явление Жизни-в-Материи; Жизнь-в-Материи не смогла бы начать чувствовать, воспринимать, думать, рассуждать, если принцип Разума не присутствовал бы за жизнью и субстанцией, содержа их как свое поле деятельности и появляясь в явлениях думающей жизни и тела: точно также духовность, возникающая в Разуме, является знаком мощности, которая сама лежит в основании и составляет жизнь, разум и тело, и сейчас появляется как духовное существо в живом и думающем теле. Насколько далеко зайдет это появление, станет ли оно доминирующим и трансформирует ли свой инструмент — это следующий вопрос; но то, что следует сначала отметить, это существование Духа как нечто отличного от Разума и большего, чем Разум, существование духовности как нечто отличного от ментальности, и поэтому существование духовного существа как нечто отличного от ментального существа: Дух есть конечное эволюционное появление, потому что он есть изначальный инволюционный элемент и фактор. Эволюция есть обратное действие по отношению к инволюции: то, что является окончательным и последним выводом в инволюции, предстает первым в эволюции; то, что было изначальным и первичным в инволюции, является в эволюции последним и верховным появлением.

Опять же, верно, что для для разума и человека трудно полностью отделить душу или “я” или какой-либо духовный элемент от ментального и витального образования, в котором он появляется; но так обстоит дело лишь до тех пор, пока появление не полное. В животном разум не полностью отделен от собственной матрицы жизни и жизни в материи; его движения настолько вовлечены в движения жизни, что не могут отделить себя от них, не могут отделиться и наблюдать их; но в человеке разум отделился, он стал осознавать свои ментальные операции как отличные от своих жизненных операций, его мышление и воля смогли высвободить себя от ощущений и импульсов, желаний и эмоциональных реакций, смогли открепиться от них, наблюдать и контролировать их, санкционировать и прекращать их действие: человек еще не знает тайн своего существа достаточно хорошо, чтобы определенно и уверенно осознавать себя в качестве ментального существа в жизни и теле, но он имеет это ощущение и может внутренне занять эту позицию. Точно также поначалу душа в человеке не появляется как нечто отчетливо отдельное от разума и ментализированной жизни; ее движения вовлечены в движения разума, ее операции кажутся ментальными и эмоциональными действиями, ментальное человеческое существо не осознает в себе душу, стоящую за разумом и жизнью и телом, открепляющую себя, следящую и контролирующую и формирующую их действия и образования, но в ходе внутренней эволюции именно это может и должно произойти, и в действительности происходит, — этот длительный, но неизбежный следующий шаг в нашей эволюционной судьбе. Может произойти решающее появление, при котором существо отделяет себя от мышления и видит себя во внутренней тишине как дух в

разуме или отделяет себя от жизненных движений, желаний, чувств, двигательных импульсов, и осознает себя как дух, поддерживающий жизнь, или отделяет себя от телесных чувств и познает себя как дух, воодушевляющий материю: это открытие нас самих в качестве Пуруши, ментального существа или жизне-души или тонкого “я”, поддерживающего тело. Уже одно это многие считают достаточным открытием истинного “я”, и в определенном смысле они правы; ведь именно “я” или Дух так представляет себя по отношению к действиям Природы, и этого откровения присутствия достаточно, чтобы высвободить духовный элемент: но само-открытие может идти дальше, оно может даже оставить всякую связь с формой или действием Природы. Ведь эти “я” являются представителями божественной Сущности, для которой разум, жизнь и тело являются только формами и инструментами: тогда мы становимся Душой, взвращающей на Природу, знающей всю ее динамику в нас, и не благодаря ментальному восприятию и наблюдению, а благодаря сокровенному сознанию и ее прямому ощущению вещей и сокровенному точному видению, способной поэтому путем своего появления установить близкий контроль над нашей природой и изменить ее. Когда есть полная тишина в существе, будь то покой всего существа или покой позади, незатрагиваемый поверхностными движениями, тогда мы можем начать осознавать “я”, духовную субстанцию нашего существования, превышающее даже нашу душу-индивидуальность, расширяющееся в универсальности, превосходящее всякую зависимость от какой-либо природной формы или действия, расширяющееся вверх в трансцендентность, границы которой не видимы. Именно это освобождение духовной части в нас является решительным шагом духовной эволюции Природы.

Только через эти решительные движения становится видимым истинный характер эволюции; ведь до этого есть только подготовительные движения, давление духовной Сущности на разум, жизнь и тело, с тем, чтобы развить настоящее действие души; давление Духа или “я” с тем, чтобы освободиться от эго, от поверхностного неведения, повернуть разум и жизнь к некоторой оккультной Реальности, — предварительные переживания, частичные формулировки одухотворенного разума, одухотворенной жизни, но нет полного изменения, нет полного раскрытия души или “я” при радикальной трансформации природы. Когда происходит решительное появление, то знаком его является состояние или действие в нас внутренне присущего, сокровенного, само-существующего сознания, которое знает себя благодаря простому факту бытия, знает все, что в себе, тем же образом, благодаря тождеству с ним, начинает даже аналогично видеть все то, что нашему разуму кажется внешним, благодаря движению отождествления или благодаря внутренне присущему прямому сознанию, которое обволакивает, проникает, вступает в свой объект, открывает себя в объекте, осознает в нем нечто, что не является разумом или жизнью или телом. Тогда, очевидно, это есть духовное сознание, отличное от ментального, и оно свидетельствует о существовании духовного существа в нас, отличного от нашей поверхностной ментальной персональности. Но поначалу это сознание может ограничиваться состоянием бытия, отдельным от действия нашей невежественной поверхностной природы, наблюдающим ее, ограничивающим себя в знании, видением вещей с духовным чувством и видением существования. По части действия оно может все еще зависеть от ментальных, витальных, телесных инструментов, или же оно может позволять им действовать в соответствии с их собственной природой, а само по себе оставаться удовлетворенным само-переживанием и само-знанием, внутренним освобождением, известной свободой: но оно может также упражняться, и в действительности делает это, по части определенной автономии, управления, влияния на мышление, жизненные движения, физические действия, очищающий поднимающий контроль, принуждающий их двигаться в высшую и более чистую истину их самих, подчиняться или быть инструментарием притока некоторой более божественной Мощности или светлого направления, являющегося не ментальным, а духовным и которое может быть распознано как носящее определенный божественный характер, — вдохновение большего Духа или команды Правителя всего бытия, Ишвары. Или природа может подчиниться внушениям психической сущности, двигаться во внутреннем свете, следовать внутреннему руководству. Уже это является значительной эволюцией и относится к началу, по крайней мере, психической и духовной трансформации. Но можно идти и дальше; ведь духовное существо, будучи внутренне освобожденным, может развить в разуме высшие состояния бытия, носящие его собственную естественную атмосферу, и принести вниз супраментальную энергию и действие, соответствующее Истине-Сознанию; обычный ментальный инструмент, жизненный инструмент, даже физический инструмент сможет тогда быть полностью преобразован и перестать быть частью неведения, сколь бы ни озаренного, стать супраментальным творением, которое станет истинным действием духовной Истины-Сознания и Знания.

Поначалу эта истина духа и духовность не само-очевидны для разума; человек начинает ментально осознавать свою душу как нечто отличное от своего тела, высшее по отношению к своему обычному разуму и жизни, но он не имеет ясного чувства этого, а имеет лишь ощущение воздействия души на свою природу. Пока это воздействие принимает ментальную форму или форму жизни, то разница вырисовывается не твердо и явно, и восприятие души не обретает ясной и гарантированной независимости. В действительности, очень часто встречается сложное сплетение полу-воздействий психического давления на ментальные и витальные части, образование, смешанное с ментальным стремлением и витальными желаниями, ошибочно принимается за душу, подобно тому, как отдельное эго принимается за “я”, хотя “я” в его истинном существе также универсально, как и индивидуально в своей сущности, — или

подобно тому, как смесь ментального стремления и витальный энтузиазм и пыл, поднимаемый некоторой разновидностью сильной или высшей веры или само-посвящения или альтруистическим рвением, ошибочно принимается за духовность. Но эта смутность и эта путаница неизбежны как временная стадия эволюции, которая, из-за того, что неведение является стартовой точкой и полным отпечатком нашей первой природы, необходимо должна начаться с несовершенного интуитивного восприятия и инстинктивного позыва или искания без какого-либо обретенного опыта или ясного знания. Даже образования, являющиеся первыми воздействиями или позывом или первыми указателями духовной эволюции, неизбежно должны иметь эту неполную и пробную природу. Но так порожденная ошибка очень часто приходит на пути верного понимания, и поэтому следует подчеркнуть, что духовность не является высшей интеллектуальностью, не является идеализмом, не этическим поворотом разума или моральной чистотой и строгостью, не религиозностью или пылким и экзальтированным эмоциональным стремлением, даже не смесью из всех этих превосходных вещей; ментальная вера или догма, эмоциональное стремление, регулирование поведения в соответствии с религиозной или этической формулой не являются духовным достижением и духовным переживанием. Эти вещи чрезвычайно ценны для рассудка и жизни, они ценны для самой духовной эволюции как подготовительные движения, дисциплинирующие, очищающие или утончающие природу; но они все еще относятся к ментальной эволюции, — начало духовной реализации, переживание, изменение еще не здесь. Духовность по своей сущности является пробуждением ко внутренней реальности нашего существа, к духу, к “я”, душе, отличной от нашего разума, жизни и тела, внутренним стремлением знать, чувствовать, быть тем, вступать в контакт с большей запредельной Реальностью, пропитывающей вселенную и населяющей также наше существо, быть в связи с Ней и в единении с Ней, и духовность является поворотом, обращением, трансформацией всего нашего существа в результате этого стремления, контакта, единения, роста и пробуждения в новое становление или новое бытие, новое “я”, новую природу.

В действительности, созидательная Сознательная Сила в нашем земном существовании должна вести вперед, что должно сопровождаться почти одновременным процессом развития низших элементов, со значительным приоритетом и большим упором на эти элементы, то есть должна идти двойная эволюция. Существует эволюция нашей наружной природы, природы ментального существа в жизни и теле, и внутри этой эволюции происходит, прокладывая себе путь вперед для само-откровения, поскольку с появлением разума это откровение становится возможным, происходит, по меньшей мере, подготовка, даже начало эволюции нашего внутреннего существа, нашей оккультной сублиминальной и духовной природы. Но основным занятием Природы должно все еще оставаться, и на долгое время, эволюция разума до его максимально возможных диапазонов, высоты, утонченности; ведь только так может быть подготовлено раскрытие полностью интуитивного интеллекта, Надразума, Сверхразума, только так может быть совершен переход к высшему инструментарию Духа. Если единственным намерением было бы откровение сущностной духовной Реальности и угасание нашего существа в ее чистом существовании, тогда это настояние на ментальной эволюции не имело бы никакой цели: ведь в каждой точке эволюции природы возможен был бы прорыв Духа и поглощение нашего существа в нем; интенсивности в сердце, полного молчания разума, единственной поглощающей страсти воли было бы достаточно, чтобы привести кульминационное движение. Если конечным намерением Природы был бы переход к иным мирам, тогда опять же справедливы те же рассуждения; ведь где угодно, в любой точке эволюции, можно было бы обрести достаточную мощь позыва к иным мирам, чтобы прорваться и выйти из земного действия и вступить в духовное. Но если намерением Природы является всеохватывающее изменение существа, тогда постижима эта двойная эволюция, и она оправдывает саму себя, ибо она совершенно необходима для этой цели.

Однако это подразумевает трудное и медленное духовное продвижение, ведь, во-первых, на каждом шаге духовное появление должно ждать готовности своих инструментов; затем, по мере того, как возникает духовное образование, оно смешивается и запутывается с мощностями, мотивами, импульсами несовершенного разума, жизни и тела, — есть тяга к тому, чтобы принять и обслуживать эти мощности, мотивы и импульсы, есть притягивающее и опасное смешивание, постоянный соблазн к падению или отклонению; по меньшей мере, есть пути, груз, задержка; есть необходимость вернуться к обретенной ступеньке, чтобы поднять нечто в природе, что связывает и не дает сделать следующий шаг; наконец, по самому характеру разума, в котором работает духовность, существует ограничение появляющегося духовного света и мощи и принуждение двигаться сообразно движениям разума, следовать той или иной линии и всецело осуществлять или “оставлять на потом” достижение своей собственной тотальности. Это торможение, это препятствие разума, жизни и тела, — тяжелая инерция и настояние тела, мутные страсти жизненной части, туманность и сомнительная неопределенность, отрицания и всякие другие формулировки разума, — является столь значительным препятствием и таким неуживчивым препятствием, что духовное побуждение выходит из равновесия и пытается сурово подавить своих противников, отвергнуть жизнь, умертвить плоть, утихомирить разум и достичь собственного отдельного спасения, дух стремится отойти в чистый дух и всецело отвергнуть от себя небожественную и темную Природу. Помимо этого всевышнего зова естественный толчок духовной части в нас вернуться к своему высочайшему элементу и статусу, этот аспект витальной и физической Природы как препятствие к чистой духовности, является вынужденной причиной для аскетизма, иллюзиониз-

ма, для стремления к иным мирам, для позыва к отходу от жизни, страстного желания чистого и несмешанного Абсолюта. Чистый духовный абсолютизм является движением “я” к собственной верховной самости, но он также совершенно необходим для собственной цели Природы; ведь без него смешение, тянущее вниз притяжение сделало бы невозможным духовное появление. Экстремист этого абсолютизма, отшельник, аскет обычно притягивается этим духом, его оранжевая одежда является знаменем, знаком отказа от всякого компромисса, — как в действительности борьба появления не может закончиться в компромиссе, а может закончиться лишь с полной духовной победой и полной сдачей низшей природы. Если это невозможно здесь, тогда в действительности это достижимо где-то еще; если Природа отказывается в подчинении к возникающему духу, тогда душа должна отойти от нее. Таким образом, в духовном появлении существует двойная тенденция, с одной стороны — это побуждение к установлению любой ценой духовного сознания в существе, вплоть до отвержения Природы, с другой стороны — это толчок к расширению духовности на наши природные части. Но пока первое не полностью достигнуто, второе может быть лишь несовершенным и стопорящимся. Именно основание чистого духовного сознания является первой целью в эволюции духовного человека, и именно это, как и позыв того сознания к контакту с Реальностью, с “я” или Божественным Существом должен оставаться первым и самым главным или даже, пока цель не будет в совершенстве достигнута, единственным занятием духовного искателя. Именно эта вещь в действительности необходима для духовного искателя, какой бы линии он ни придерживался, в соответствии с духовной способностью, развитой в его природе.

При рассмотрении достигнутого курса эволюции духовного существа мы должны принимать во внимание две стороны, — рассматривать средства, линии развития, использованные природой и смотреть на действительные результаты, достигнутые в человеческом индивиде. Существует четыре основные линии, которых придерживалась Природа в своей попытке открыть внутреннее существо, — религия, оккультизм, духовное размышление и внутренняя духовная реализация и переживание: первые три являются первыми приближениями, последняя — решающий поворот и широкий вход. Все эти четыре способа работали одновременно, более или менее связано, иногда в изменчивом сотрудничестве, иногда споря друг с другом, иногда независимо. Религия допускала оккультный элемент в свой ритуал, церемонию, в свои таинства; она опиралась на духовное размышление, выводя из него иногда веру или телеологию, иногда поддерживающую духовную философию, — предыдущее обычно свойственно для Запада, последнее — для Востока: но духовное переживание является конечной целью и достижением религии, ее небом и верхом. Но временами религия также проклинала оккультизм или сводила к минимуму собственный оккультный элемент; она отметала прочь философский разум как сухого интеллектуального чужака, наваливалась всем своим весом на веру и догму, благочестивую эмоцию и усердие, моральное поведение; она сводила к минимуму или обходилась вовсе без духовной реализации и переживания. Оккультизм иногда выдвигал духовную цель в качестве своей задачи, и следовал оккультному знанию и переживанию как средству достижения этого, формулировал нечто подобное мистической философии: но чаще всего он ограничивался оккультным знанием и оккультной практикой без какой-либо духовной перспективы; он обращался к чудотворству или простой магии или даже уходил в колдовство. Духовная философия часто опиралась на религию как на поддержку или путь переживания; она была продуктом реализации и переживания или строила свои структуры как средство приближения к этому: но она также часто отвергала всякую помощь, — или все препятствия, — религии и следовала своей собственной силе, либо удовлетворялась ментальным знанием, либо впадая в самонадеянность по части открытия собственного пути переживания и действенной дисциплины. Духовное переживание использовало все три средства в качестве начальной точки, но она также часто обходилась без всех них, полагаясь на собственную чистую силу: развенчивая оккультное знание и оккультные силы как опасный соблазн и ловушки, оно искало только чистую истину духа; обходясь без философии, оно часто достигало цели через стремление сердца или мистическую внутреннюю одухотворенность; оставляя позади всяческую религиозную веру, поклонение и практику и считая их низшей стадией или первым приближением, оно переходило, оставляя позади все споры, все ловушки, к остро-отчетливому контакту с духовной Реальностью. Все эти вариации были необходимы; эволюционное усилие Природы экспериментировало по всем линиям, чтобы найти свой настоящий путь и свой полный путь к всевышнему сознанию и интегральному знанию.

Ведь каждое из этих средств или приближений соответствует чему-то в нашем тотальном существе и поэтому — чему-то необходимому для тотальной цели эволюции Природы. Есть четыре необходимости само-расширения человека, если ему не суждено оставаться этим существом поверхностного неведения, наощупь ищущим истину вещей и собирающим и систематизирующим фрагменты и кусочки знания, если ему не суждено оставаться маленьким ограниченным и полу-компетентным творением космической Силы, чем он сейчас является в своей феноменальной природе. Он должен знать себя и открывать и использовать все свои потенциальности: но чтобы полностью знать себя и мир, он должен идти за самого себя и свои внешности, он должен нырять глубоко за свою ментальную поверхность и физическую поверхность Природы. Он может это сделать лишь при знании своего внутреннего ментального, витального, физического и психического существа и его мощностей и движений и при знании вселенских законов и процессов оккультного Разума и Жизни, что стоит за материальным фронтом вселенной: это поле оккультизма,

если использовать это слово в его широчайшем значении. Он должен также знать скрытую Мощь или Мощности, контролирующие мир: если существует Космическое “я” или Дух или Творец, то он должен быть способным вступить в связь с Ним и быть способным оставаться в контакте или связи с Ним, какие только возможны, вступать в гармонию с мастерским Существом вселенной или со вселенской волей или с верховным Существом и Его верховной волей, следовать даваемому ему закону и назначать или раскрывать цель своей жизни и поведения, подниматься к самой большой высоте, которую Он требует от человека в его жизни сейчас или в его существовании впоследствии; если нет такого вселенского или верховного Существа или Духа, то человек должен знать, что же есть, и как поднять себя к нему из теперешнего несовершенства и неспособности. Этот подход является целью религии: ее задача — связывать человеческое с Божественным и, делая так, очищать мышление и жизнь и плоть, так чтобы они могли допустить правление души и духа. Но это знание должно быть нечто большим, чем верой или мистическим откровением; думающий разум человека должен быть способным принять это, связать это с принципом вещей и наблюдаемой истиной вселенной: это работа философии, и в поле истины духа это может быть сделано лишь с помощью духовной философии, будь то интеллектуальной или интуитивной в своем методе. Но всякое знание и усилие может принести свои плоды, только если оно обращается в опыт и становится часть сознания и его установленных операций; в духовном поле все это религиозное, оккультное или философское знание и усилие должно, принося плоды, привести к открытию духовного сознания, кончиться в переживаниях, непрерывно возвышающихся, должно расширять и обогащать сознание и должно завершиться в построении жизни и действия в соответствии с истиной духа: это работа духовной реализации и переживания.

По самой природе вещей всякая духовная эволюция должна начинаться с медленного развертывания; ведь каждый новый принцип, развивающий свои мощности, должен прокладывать свой путь из инволюции Несознания и Неведения. Перед ним стоит трудная задача протолкнуться из инволюции, из основания темноты изначальной среды, вопреки тяге и напряжениям, вопреки инстинктивному противостоянию и препятствиям Несознания и стесняющей смеси и слепых упорных помех Неведения. Поначалу Природа утверждает смутный зов и тенденцию, являющиеся знаком толчка оккультной, сублиминальной, погруженной реальности, пробивающейся к поверхности; затем появляются полу-подавленные намеки на вещи, которым суждено произойти, несовершенные начинания, грубые элементы, рудиментарные явления, появляются малыми, незначительными, с трудом распознаваемыми квантами. Впоследствии появляются малые или большие образования; начинает показываться более характерное и распознаваемое качество, сначала частично, то здесь, то там или с малой интенсивностью, затем более живо, более созидательно; наконец, происходит решительное появление, обращение сознания, зачатие возможности радикальной перемены: но все еще многое должно быть сделано в каждом направлении, длительный и трудный рост по направлению к совершенству лежит перед духовным стремлением. Прделанная вещь не только должна быть подтверждена, гарантирована от рецидива и тянущего вниз притяжения, от падения и угасания, но и открыта во всю мощь своих возможностей, своей тотальности полного само-достижения, своей предельной высоты, тонкости, богатства, широты; она должна стать доминирующей, все-охватывающей, исчерпывающей. Таков повсеместный ход Природы, и игнорировать его — значит, пропустить намерение в ее работах и потеряться в лабиринте ее образа действия.

Именно это происходило при эволюции религии в человеческом разуме и сознании; прделанная при этом работа не может быть понята или надлежащим образом оценена, если мы игнорируем условия этого процесса и их необходимость. Очевидно, что первые формы религии должны быть грубыми и несовершенными, ее развитие должно быть затруднено смешением, ошибками, уступками человеческому разуму и витальной части, что очень часто может носить резко недуховный характер. Невежественные и вредные и даже губительные элементы могут закрасться и приводить к ошибкам и злу; догматизм человеческого разума, его само-уверенная узость, его нетерпящий и претенциозный эгоизм, его прикрепленность к своим ограниченным истинам и еще большая прикрепленность к своим ошибкам, или неистовство, фанатизм, воинствующее и подавляющее само-утверждение витала, его вероломное воздействие на разум, чтобы получить санкцию на собственные желания и пристрастия, могут очень легко наводнять религиозное поле и сбивать религию с ее высшей духовной цели и характера; под именем религии может притаиться много неведения, может быть допущено множество ошибок и далеко идущих неправильных построений, может быть совершено множество преступлений и нападков на дух. Но столь изменчивая история характерна для всего человеческого усилия, и если отрицать истину и необходимость религии, тогда уж следует отрицать истину и необходимость всякой другой линии человеческого усилия, любого другого действия человека, его идей, его мышления, его искусства, его науки.

Религия оказалась в уязвимом положении из-за своего требования определять истину божественным авторитетом, вдохновением, священным и непоколебимым суверенитетом, даваемой ей свыше; она пыталась навязать себя человеческому мышлению, чувству, поведению без обсуждений или вопросов. Это требование чрезмерно и преждевременно, хотя оно и продиктовано императивом и абсолютным характером вдохновений и озарений, которые являются его гарантом и оправданием, а также продиктовано необходимостью веры в качестве оккультного света и мощи, исходящей из души, находящейся посреди неведения разума, его сомнений, его слабости, его неопределенно-

стей. Вера совершенно необходима для человека, ведь без нее он не смог бы продвигаться вперед в своем путешествии через Неизвестное; но вера не должна навязываться, она должна придти как чистое принятие или императивное ведение, исходящее от внутреннего духа. Требование безусловного принятия может быть оправданным и полномочным лишь в случае, если духовное усилие привело к тотальности и интегральному продвижению человека на пути к Истине-Сознанию, если человек избавился от всякой невежественной ментальной и витальной смеси. Это конечная цель, поставленная перед ним, но она еще не достигнута, и преждевременное требование затуманивало настоящую работу религиозного инстинкта в человеке, которая заключается в том, чтобы вести его к Божественной Реальности, формулировать все то, что человек уже достиг в этом направлении и давать каждому человеческому существу оболочку духовной дисциплины, путь исканий, прикосновений, приближений к Божественной Истине, путь, соотносящийся с потенциальностями природы человека.

Широкий и гибкий метод эволюционной Природы, дающий самый пространственный диапазон и сохраняющий истинное намерение религиозных поисков человеческого существа можно увидеть в Индии, где допускалось сколько угодно религиозных формулировок, культов и дисциплин, даже поощрялось их сосуществование “бок о бок”, и каждый человек был свободен принимать то и следовать тому, что было ближе его мышлению, чувству, темпераменту, его природе. И правильно и разумно именно то, что в религии должна быть эта пластичность, соотносящаяся с экспериментирующей эволюцией: ведь настоящее дело религии заключается в том, чтобы подготавливать разум человека, его жизнь и телесное существование к тому, чтобы он мог вместить духовное сознание; религия должна вести человека к той точке, где его внутренний духовный свет начинает полностью проявляться. Религия должна учиться отходить на второй план именно в этой точке, не настаивать на своем внешнем характере и давать полный простор внутреннему духу, чтобы он мог развить собственную истину и реальность. В то же время религия должна вбирать по возможности большее из ментальности человека, его витальности и физичности, насколько она может, и поворачивать всю деятельность человека к духовному направлению, к откровению духовного содержания в человеке, к запечатлению духовной утонченности, к начинаниям духовного характера. Именно при этой попытке входят в религию ошибки, ведь они вызываются самой природой того предмета, с которым она имеет дело, — то низшее вещество наводит те формы, которым предназначено служить промежуточным звеном между между духовным и ментальным, витальным или физическим сознанием, и часто это низшее преуменьшает их, размывает и искажает их: но именно в этой попытке и заключается величайшая полезность религии как точки пересечения духа и природы. Истина и ошибка всегда живут вместе в человеческой эволюции, и не следует отбрасывать истину из-за сопутствующих ей ошибок, хотя ошибки должны быть устранены, — часто это трудное дело, а будучи грубо проделанным, ведет к травматическому ущербу, наносимому телу религии; ведь то, что мы видим как ошибку, очень часто является символом или маской или искажением или неправильным образованием истины, которая теряется при грубой радикальной операции, — истина отрезается вместе с ошибкой. Очень часто сама Природа допускает, чтобы хлеба и плевла и сорняки росли вместе долгое время, потому что только так становится возможным ее собственный рост, ее свободная эволюция.

Эволюционная Природа в ее пробуждении человека к зачаточному духовному сознанию должна начинать со смутного ощущения Бесконечного и Невидимого, окружающего физическое существо, с ощущения ограничения и немощности человеческого разума и воли, и с ощущения нечто большего, чем человек, сокрытого в мире, с ощущения Могуществ благодетельных и пагубных, которые определяют результат действий человека, с ощущения Мощности, скрытой за физическим миром, в котором живет человек, Мощности, которая, возможно, создала мир и человека, или с ощущения Мощностей, которые осведомляют и направляют движения Природы, тогда как они сами, возможны, ведомы величайшим Неизвестным, находящимся за их пределами. Человек должен определить, чем являются эти Мощности, и найти средства связи с ними, так чтобы он мог умилоствивить их или призвать их в помощь; человек искал также средства, с помощью которых он мог бы обнаружить и контролировать пружины скрытых движений Природы. Человек не может сделать это сразу же при помощи своего рассудка, поскольку его рассудок может поначалу иметь дело лишь с физическими фактами, а все то является областью Невидимого и требует супрафизического видения и знания; он должен был сделать это путем расширения способности интуиции и инстинкта, который уже присутствовал в животном. Эта способность, продолжающаяся в думающем существе и ментализированная, должна быть более чувственной и активной в первом человеке, хотя еще по большей части на низшем уровне, ведь он должен был в большой степени полагаться на нее во всех своих первых необходимых открытиях: он должен был также полагаться на помощь сублиминального переживания; ведь сублиминальное также должно было быть более активным, более готовым к тому, чтобы подняться в нем, более способным на формулирование своих явлений на поверхности, прежде чем человек научится полностью зависеть от своего интеллекта и чувств. Разум человека систематизировал те зачаточные прозрения, которые были получены при контакте с Природой, и создал ранние формы религии. Деятельная и подготовленная мощь интуиции также давала человеку ощущение супрафизических сил, лежащих за физическими, и его инстинкт и определенное сублиминальное или сверхнормальное переживание супрафизических существ, с которыми он мог как-то связываться, поворачивали

человека к открытию эффективных и направленных по определенному руслу средств динамической утилизации этого знания; так была создана магия и другие ранние формы оккультизма. Когда-то человека должно было осенить, что в нем есть нечто не физическое, душа, которая переживает смерть тела; определенные сверхнормальные переживания, ставшие активными из-за давления к познанию невидимого, должны были помочь ему сформулировать свои грубые представления о сущности внутри себя. И только позднее человек начал осознавать, что то, что он воспринимал в действии вселенной, заключалось также в некоторой форме в нем самом, и что в самом человеке также есть элементы, отвечающие невидимым силам добра и зла; так зарождались первые религиозно-этические образования и возможности духовного переживания. Амальгама примитивных прозрений, оккультных ритуалов, религиозно-социальной этики, мистического знания или переживания, символизированных в мифах, но со смыслом, сохраненным благодаря тайной интуиции и дисциплине, представляет раннюю, поначалу весьма поверхностную и внешнюю стадию человеческой религии. Несомненно, в самом начале эти элементы были грубыми и бедными и ущербными, но они постепенно обретали глубину и широту и окончательно усилились в некоторых культурах до небывалых размеров и приобрели величайшую значимость.

Но по мере дальнейшего развития ментальности и жизни, -ведь это является первым занятием Природы в человеке, и она должна не колеблясь продвигать это развитие вперед даже за счет других элементов, которые должны быть полностью подняты впоследствии, — утверждается тенденция к интеллектуализации, и первые необходимые интуитивные, инстинктивные и сублиминальные образования перекрываются структурами, воздвигаемыми растущей силой разума и ментального интеллекта. По мере раскрытия секретов и процессов физической Природы человек все более и более отдаляется от своего раннего обращения к оккультизму и магии; присутствие и ощущаемое влияние богов и невидимых сил все чаще объясняется природными работами, механической процедурой Природы: но человек все еще чувствует потребность в духовном элементе и в духовных факторах в своей жизни, и поэтому в течение некоторого времени оба представления удерживаются вместе. Но постепенно оккультный элемент религии теряет свою важность и убывает, хотя все еще и удерживается и сохраняется как вера, но оказывается погребенным в ритуалах и мифах, и нарастает интеллектуальный элемент; наконец, там и где интеллектуальная тенденция оказывается наиболее сильной, отрезается все, кроме вероучения, религиозных институтов, формальной практики и этики. Вырождается даже элемент духовного переживания и считается достаточным полагаться только на веру, эмоциональное рвение и моральное поведение; разрывается первая амальгама религии, оккультизма и мистического переживания и намечается тенденция, никоим образом не универсальная или полная, но все же явно выраженная и видимая, к тому, чтобы каждая мощь своим путем к достижению собственной цели в своем отдельном и свободном характере. Полное отрицание религии, оккультизма и всего того, что супрафизично, является последней точкой на этой стадии, тяжелым и сухим пароксизмом поверхностного интеллекта, разбрасывающего структуры, давшие пристанище наиболее глубоким частям нашей природы. Но все же Природа поддерживает живыми свои скрытые намерения в разумах немногих людей и использует высшую ментальную эволюцию человека, чтобы поднять этих немногих на высший план и подвести их к более глубокому исходу. В настоящее время, после века триумфальной интеллектуальности и материализма, мы видим признаки этого природного процесса, — начинается поворот ко внутреннему само-открытию, внутреннему поиску и размышлению, новой попытке мистического переживания, к поискам внутреннего “я”, происходит повторное пробуждение к некоторому ощущению истины и мощности духа; человеческий поиск своего “я” и души и более глубокой истины вещей стремится оживиться и восстановить утраченную силу и придать новую жизнь старым верованиям, утвердить новую веру или независимость сектантских религий. Сам интеллект, подойдя вплотную к естественным пределам возможности физического открытия, дойдя до его дна и обнаружив, что он объясняет ничуть не большее, чем внешний процесс Природы, начал направлять взор исследования, хотя еще пробно и нерешительно, на более глубокие тайны разума и жизненной силы и на области оккультного, что он отвергал а priori, чтобы разобраться, какая истина может в них быть. Сама религия продемонстрировала мощь выживать и переносить повороты эволюции, конечный смысл которой для нее все еще не ясен. В этой новой фазе развития разума, начала которой мы видим, какими грубыми и нерешительными они бы ни были, может быть обнаружена возможность давления к некоторому решительному повороту и продвижению духовной эволюции в Природе. Религия, богатая, но с некоторой темнотой своей первой инфрарациональной стадии, имела склонность под весом интеллекта перейти в ясное, но бесплодное рациональное промежуточное пространство; но в конце концов религия должна проследовать за идущей вверх кривой человеческого разума и более полно подняться на свои вершины, по направлению к своему истинному или величайшему полю в сфере супрарационального сознания и знания.

Если мы заглянем в прошлое, то сможем увидеть доказательства хода по этой линии природной эволюции, хотя большинство ее ранних ступеней сокрыты от нас на ненаписанных страницах предьстории. Обычно соглашались с тем представлением, что религия в самом своем начале представляла собой ни что иное, как массу анимизма, фетишизма, магии, тотемизма, табу, мифов, суеверных символов, с шаманами в качестве жрецов, ментальную плесень примитивного человеческого неведения, — а позднее, в лучшем случае, форму поклонения Природе. Так

могло бы быть в примитивном разуме, хотя мы должны сделать оговорку, что за большей частью верований и практик может стоять истина некоторого низшего, но очень эффективного типа, которую мы утратили в нашем самодовольном развитии. Примитивный человек жил, главным образом, в низшей и малой области своего жизненного существа, и на оккультном плане это соответствует невидимой Природе, имеющей тот же характер, и чьи оккультные мощности могут быть призваны в действие при помощи знания и методов, доступ к которым может открыть низшая витальная интуиция и инстинкты. Это могло бы быть сформулировано на первой стадии религиозной веры и практики, и по своему характеру и интересам это отражало бы зачаточную и очень грубую форму оккультизма, а не духовности; главным элементом этой практики было созывание малых жизненных мощностей и элементарных существ в помощь маленьким жизненным желаниям и грубому физическому благосостоянию.

Но эта примитивная стадия, — если она на самом деле такова и не является, что можно заподозрить, выпадением или остатком, рецидивом высшего знания, принадлежавшего предыдущему циклу цивилизации, или обесцененным следом мертвой или отмирающей культуры, — могла быть лишь самым началом. За этим последовал, возможно, через несколько стадий, более развитый тип религии, свидетельство о котором мы находим в литературе или сохранившихся документах первых цивилизованных людей. Этот тип, составленный из политической веры и поклонения, космологии, мифологии, сложного сплетения церемоний, практик, ритуальных и этических обязанностей, вплетенных иногда глубоко в социальную систему, был обычно национальной или племенной религией, сокровенно выражающей стадию эволюции мышления и жизни, достигнутую этим сообществом. Во внешней структуре мы все еще не находим поддержки глубокого духовного значения, но этот разрыв был заполнен в более развитых культурах благодаря сильному фону оккультного знания и практик или же благодаря бережно сохраненным мистериям с первым элементом духовной мудрости и дисциплины. Оккультизм чаще встречается как добавление или суперструктура, но он не всегда присутствует; поклонение божественным мощностям, жертвоприношения, поверхностная набожность и социальная этика являются главными факторами. Поначалу кажется, что отсутствует духовная философия или идея о смысле жизни, но их зачатки часто содержатся в мифах и мистериях, и в одном или двух случаях полностью появляются из них, так что обретают отдельное сильное существование.

В действительности, возможно, что именно мистики или зарождающиеся оккультисты были везде творцами религии и выражали свои тайные открытия в форме веры, мифа и практики, таким образом накладывая их на массовый человеческий разум; ведь всегда именно индивид воспринимает прозрения Природы и делает шаг вперед, оставляя позади себя остальную часть человечества. Но даже если мы припишем часть этого нового творения подсознательному массовому разуму, то все же именно оккультный и мистический элемент в этом разуме сотворил это, и должны были найтись индивиды, через которых могла бы появиться религия; ведь массовый опыт или открытие или выражение не является первым методом Природы; ведь только в одной или нескольких немногих точках зарождается огонь и передается от сердца к сердцу, от алтаря к алтарю. Но духовное стремление и переживание мистиков обычно было заключено в тайных формулах и передавалось только нескольким посвященным; остальным оно сообщалось или, скорее, сохранялось для них в массе религиозных или традиционных символов. Именно эти символы составляли сердцевину религии в разуме раннего человечества.

Из этой второй стадии вышла третья, которая пыталась высвободить тайное духовное переживание и знание и предоставить его в распоряжение всех людей в качестве истины, которая могла бы иметь общую привлекательность и должна бы стать универсально достижимой. Преобладала тенденция не только сделать духовный элемент самым ядром религии, но и сделать его достижимым для всех поклоняющихся при помощи экзотерического обучения; как каждая экзотерическая школа имела свою систему знания и дисциплины, так же теперь каждая религия имела свою систему знания, свое вероучение и духовную дисциплину. Здесь, в этих двух формах духовной эволюции, экзотерической и экзотерической, в пути мистика и в пути религиозного человека, мы видим двойной принцип эволюционной природы, принцип интенсивной и концентрированной эволюции в малом пространстве и принцип расширения и распространения, так чтобы новое творение могло бы быть обобщено в насколько возможно большем поле. Первый принцип включает в себе концентрированное динамическое и действенное движение; второй имеет тенденцию к распылению и затуханию. В результате этого нового поворота развития духовное стремление, поначалу тщательно накопленное немногими людьми, все более распространялось среди всего человечества, но теряло свою чистоту, высоту и интенсивность. Стремление мистиков основывалось на мощи супрационального познания, интуитивного, вдохновляющего, открывающего, и на силе и способности внутреннего существа входить в оккультную истину и переживание: но люди в массе не обладают этими силами или обладают лишь в грубой, неразвитой и фрагментарно зачаточной форме, на которой ничто не может быть уверено основано; так что для них духовная истина была заключена в интеллектуальные формы вероучения и доктрины, эмоциональные формы поклонения и в простой, но важный ритуал. В то же время сильное духовное ядро становилось смешанным, замутненным, сплавленным; оно наводнялось и подменялось низшими элементами разума и жизни и физической природы. Именно этой смеси и сплава и наводнения подделками, этой профанации мистерий и потери их истины и их значения, как и неверного использования оккультной мощности, которая пришла из-за сообщения с невидимыми силами, более всего опасая-

лись ранние мистики и препятствовали этому благодаря скрытности, строгой дисциплине, ограниченности малого числа посвященных, пригодных для этого. Другим результатом или опасностью расплывающегося движения и последующего наводнения была интеллектуальная формализация духовного знания в догму и материализация живой практики в мертвую массу культа и церемонии и ритуала, механистичность, из-за которой дух стал отделенным на некоторое время от основного тела религии. Но этот риск должен был быть допущен, ведь расширяющее движение было насущной необходимостью духовного побуждения в эволюционной Природе.

Так пришли в бытие религии, которые главным образом или в массе основываются на вероучении и ритуале, ставя целью достичь некоторого духовного результата, и они все еще содержат, благодаря той истине переживания, той фундаментальной внутренней реальности, которая изначально была заложена в них и которая сохраняет, пока есть люди, поддерживающие или возобновляющие ее, средства для тех, кто под действием духовного импульса прикоснулся к реализации Божественного и освобождению духа. Дальше последовало разделение на две тенденции, католическую и протестантскую, на тенденцию к некоторой консервативности изначально пластического характера религии, ее многосторонности и притягательности к целостной природе человеческого существа, и на другую тенденцию — раскола с католицизмом и настояния на чистое полагание на веру, поклонение и поведение, упрощенные настолько, чтобы они сразу же были притягательны для общего рассудка, сердца и этической воли. Этот поворот имел тенденцию породить избыточный рационализм, дискредитацию и осуждение большей части оккультных элементов, которые стремились установить связь с тем, что невидимо, создать опору на поверхностный разум в качестве достаточного носителя духовного стремления; последствием этого зачастую являлось определенная сухость и узость и недостаточность духовной жизни. Более того, интеллект, отрицающий столь много, выбрасывающий столь много, нашел для себя место и возможность отрицать все больше, пока он не отринет все, отринет духовный опыт и отбросит духовность и религию, оставив только сам интеллект как единственно выжившую мощь. Но интеллект без духа может только нагромождать внешнее знание и машинерию и кончиться в высушивании тайных побудительных сил витальности и в закате без какой-либо мощи спасти жизнь или породить новую жизнь или найти какой-либо иной выход, чем смерть и распад, и не может найти начало нового выхода из старого Неведения.

Эволюционный принцип мог бы сохранить свою изначальную целостность движения, увеличивая давление, при помощи расширения, а не разрыва мудрой древней гармонии, путем расширения к большему синтезу принципа концентрации и принципа распространения. Мы видим, что в Индии сохранилась изначальная интуиция и тотальное движение эволюционной Природы. Ведь религия в Индии не ограничивалась одним вероучением или догмой; она не только допускала обширное число разнообразных формулировок, но и успешно содержала внутри себя все элементы, которые выросли в ходе эволюции религии и которые не были ни запрещены, ни отменены: она развила оккультизм до его крайних пределов, приняла духовную философию всех видов, следовала своему высочайшему, глубочайшему или самому большому продукту каждой возможной линии духовной реализации, духовного переживания, духовной само-дисциплины. Ее метод был самым методом эволюционной Природы: допустить все способы развития, все средства связи и действия на свои члены, допустить все пути сообщения между человеком и Всевышним или Божественным, следовать всем возможным способам продвижения к цели и испробовать их до крайних пределов. Все стадии духовной эволюции присутствовали в человеке, и каждой дозволялось и каждая поставляла свои средства приближения к духу, приближения, соизмеримого со способностью, адхикара. Даже выжившие примитивные формы не были запрещены, а были подняты до их наибольшей значимости, тогда как все еще было давление к высочайшему духовному зениту в редко встречающемся духовном эфире. Даже не был исключен исключительный тип догматической религии; при условии, что этот тип сохранял ясное подобие общей цели и принципа, он был допущен в бесконечное разнообразие общего порядка. Но эта пластичность стремилась обосноваться на фиксированной религиозно-социальной системе, которую она допускала наряду с принципом ранжированной выработки человеческой природы, обращенной на своей вершине к верховному духовному усилию; эта социальная фиксированность, которая, возможно, была необходима одно время для единства жизни, если не для учрежденного и надежного базиса духовной свободы, являла собой как мощь сохранения, но так же и препятствие для врожденного духа полного католицизма, поставляла элемент исключительной концентрации и ограничения. Фиксированный базис может быть совершенно необходим, но если он установлен по своей сущности, то по своей форме он должен быть способным на пластичность, эволюционное изменение; должен быть порядок, но развивающийся порядок.

Тем не менее, принцип этой великой и многосторонней религиозной эволюции был правилен и надежен, и путем вбирания в себя целостной жизни и всей человеческой природы, благодаря поощрению роста интеллекта и никогда не противостоя ему, не накладывая ограничений на его свободу, а скорее призывая интеллект в помощь духовному исканию, был предотвращен конфликт или чрезмерное преобладание, которое на Западе привело к ограничению и высушиванию религиозного инстинкта и к погружению в чистый материализм и секуляризм. Подобный метод пластичного и универсального типа, допускающий, но превосходящий все веры и формы и допускающий любую разновидность этих элементов, может иметь многочисленные последствия, которые могут быть встречены “в штyki” пуританами, но великим и оправдывающим результатом этого подхода было беспримерное многократное богатство

и более чем тысячелетнее процветание и стойкая долговечность, общность, универсальность, высота, тонкость и многосторонность широты духовного достижения и искания и усилия. Индивид хочет при помощи религии найти дверь, открывающуюся в духовное переживание, или найти средства обращения к этому, общения с Богом или определенного света и водительства по этому пути, обещания на будущее или средств более счастливого супраземного будущего; эти потребности могут быть удовлетворены на более узком базисе веры и сектантского культа. Но в Природе существует и более широкая цель подготовки и дальнейшей духовной эволюции человека и обращения его в духовное существо; религия служит средством, указующим на это усилие и идеал человека в этом направлении, предоставляющим возможность каждому, кто готов к этому, сделать шаг на пути к этому. Этой цели служит грандиозное разнообразие культов, порожденных религиями, некоторые из которых костны, стандартизованы и определены, другие — более пластичны, разнообразны и много-сторонны. Религия, которая сама является скоплением и которая в то же время подводит каждого человека к открытию его собственного внутреннего переживания, более всего будет созвучна с этой целью Природы: она будет богатым рассадником духовного роста и расцвета, широкой многообразной школой дисциплины души, стремления, само-реализации. Каких бы ошибок не допустила Религия, но именно в этом состоит ее назначение и ее великая и совершенно необходимая полезность и служба - подъем растущего света, ведущего через неведение разума к полному сознанию Духа и само-знанию.

Оккультизм по своей сути является усилием человека достичь знания тайных истин и потенциальностей Природы, что поднимает его из рабства и подчиненности физическим границам существа, является, в частности, попыткой завладеть и организовать мистические, оккультные, все еще неразвитые прямые мощности воздействия Разума на Жизнь и, как Разум, так и Жизнь — на Материю. В то же время предпринималась попытка установить связь с мирами и сущностями, принадлежащими супрафизическим высотам, глубинам и промежуточным уровням космического Бытия и использовать эту связь для овладения высшей Истиной и для получения помощи в стремлении человека сделать себя господином над Природными силами. Это человеческое стремление основывается на той вере, прозрении или интуитивном восприятии, что мы не являемся просто тварями из плоти, а душами, разумами, волями, которые могут познать мистерию этого и любого мира и стать не только воспитанниками Природы, но и ее знатоками и мастерами. Оккультизм стремился познать тайны и физических вещей, и в этом усилии он продвинул астрономию, создал химию, дал импульс к развитию других наук, ведь он так же использовал геометрию и арифметику; но еще больше он стремился постичь тайны сверхприроды. В этом смысле оккультизм может быть описан как наука сверхъестественного; но в действительности это только открытие супрафизического, превосхождение материального предела, — сердцем оккультизма является не невозможная химера, в которой надеются выйти за пределы или вне всех Природных сил и сделать всемогуще действенным чистую фантазию и творение произвольных чудес. То, что кажется нам сверхъестественным, в действительности является либо спонтанным вторжением явлений Природы иных миров в физическую Природу, либо, при работе оккультизма, обладанием знанием и мощью высших порядков или градаций космического Бытия и Энергии и направлением их сил и процессов к производству воздействий в физическом мире путем охвата возможностей внутренней взаимосвязи и средств материального задействования. Существуют мощности разума и жизненной силы, которые не были включены в теперешнюю Природную систематизацию разума и жизни в материи, а находятся в потенциальности и могут быть распростерты на материальные вещи и события, или даже быть добавленными к теперешней систематизации, так чтобы увеличить контроль разума над нашей жизнью и телом или воздействовать на разумы, жизни, тела других или на движения космических Сил. Современное допущение гипноза является примером такого открытия и систематизированного приложения, — хотя все еще узким и ограниченным, ограниченным своим методом и формулой, — оккультных мощностей, которые иначе затрагивают нас лишь по случаю или несовершенно схвачены немногими; ведь мы постоянно подвергаемся воздействию внушений, мысленных внушений, внушений-побуждений, волевых внушений, эмоциональных и чувственных внушений, мысленной воли, жизненной воли, приходящих к нам или в нас от других или из вселенской Энергии, но действующих и производящих свои воздействия без нашего о том знания. Систематическое усилие познать эти движения и их закон и возможности, обладать и использовать мощь или Природную силу, стоящую за ними, или защититься от них, подпадает под одну из областей оккультизма: но это весьма малая его часть; ведь широки и многообразны возможные поля, приложения, процессы этого обширного диапазона мало-освоенного Знания.

В современные времена, по мере того, как Наука расширяла свои открытия и испускала в действие тайные материальные силы Природы, в действие, управляемое человеческим знанием на благо человека, оккультизм постепенно отодвигался в сторону, пока в конечном итоге не был отброшен на том основании, что реально только физическое, а Разум и Жизнь — всего лишь отдельные подчиненные действия Материи. На этом основании, веря, что материальная Энергия является ключом всех вещей, Наука пыталась продвинуться к контролю над разумом и жизненным процессом при помощи знания материального инструментария и хода нормального и ненормального функционирования и деятельности разума; духовное игнорировалось как всего лишь одна из форм ментального. В ретроспекции можно увидеть, что если эта попытка продвинулась, то не без опасности для существования челове-

ской расы, как сейчас некоторые научные открытия неправильно или грубо используются человечеством, ментально и морально не готовым, чтобы обращаться с мощностями столь большими и рискованными; ведь это будет искусственный контроль, накладываемый безо всякого знания о тайных силах, которые лежат в основании нашего существования и поддерживают его. На Западе оккультизм мог быть так легко отстранен, потому что он никогда не достигал главенства, никогда не достигал зрелости и не получал философского или прочного систематического основания. Он слишком свободно потакал поискам сверхъестественного или совершал ошибку, концентрируя свое основное усилие на открытии формул и заклинаний для овладения сверхъестественными силами. Он отклонялся в магию, черную и белую, или в романтические или волшебные принадлежности оккультного мистицизма и в преувеличение того, что в конечном итоге оказалось ограниченным и скудным знанием. Эта тенденция и эта необеспеченность ментальным основанием сделали оккультизм легкой и уязвимой мишенью, которую трудно защитить и легко дискредитировать. В Египте и на Востоке мистицизм достиг гораздо большего: его достаточная зрелость не тронута в замечательной системе Тантр; это была не только многосторонняя наука о сверхъестественном, но она и подводила базу подо все оккультные элементы религии и даже развила великую и мощную систему духовной дисциплины и само-реализации. Ведь высший оккультизм — это тот, который открывает тайное движение и динамические сверхъестественные возможности Разума и Жизни и Духа и использует их в их естественной силе или как-то находит им применение для большей действенности нашего ментального, витального и духовного существа.

В расхожем представлении оккультизм связывается с магией и магическими заклинаниями и предполагаемым механизмом сверхъестественного. Но это только одна сторона, и она не является всецело предрассудком, как это представляется тем, кто глубоко или вовсе не вглядывался в эту скрытую сторону тайной Природной Силы или не экспериментировал с ее возможностями. Заклинания и их применения, механизация латентных сил могут быть потрясающе действительны при оккультном использовании мощностей разума и сил жизни, как это происходит в физической Науке, но это только подчиненный способ и ограниченное направление. Ведь силы разума и жизни пластичны, тонки и изменчивы в их действии и ходе и в их применении, — даже в интерпретации и действии установленных формул. Чрезмерный упор на механизацию и жесткое формулирование чаще всего ведет к выхолащиванию или формализованному ограничению знания и, с прагматической точки зрения, к громадной ошибке, невежественному обычаю, неверному использованию и провалу. Сейчас, когда мы освобождаемся от предрассудка единственной истины Материи, становится возможен, и частично он уже виден, поворот к старому оккультизму и новому формулированию, как и к научному исследованию все еще сокрытых тайн и мощностей Разума и к близкому изучению психических и необычных или сверхобычных психологических явлений. Но чтобы это свершилось, должно быть переоткрыто истинное основание, настоящая цель и направление, необходимые ограничения и предосторожности этой линии исследования; наиболее значимой целью должно стать открытие старых истин и мощностей силы разума и жизненной силы и больших сил сокрытого духа. Оккультная наука по своей сущности является наукой сублиминального, сублиминального в нас самих и в мировой природе, и всего того, что находится в связи с сублиминальным, включая подсознательное и сверхсознательное, и использование этого как части само-знания и знания мира, и в целях правильной динамизации этого знания.

Интеллектуальный подход к высочайшему знанию, обладание разумом эти подходом, составляет неоценимую помощь для этого движения Природы в человеческом существе. Обычно, на поверхности, главным инструментом мышления и действия человека является рассудок, наблюдающий, понимающий и выстраивающий интеллект. В любом тотальном продвижении или эволюции Духа должны быть развиты не только интуиция, внутренне зрение, внутреннее чувство, преданность сердца, глубокое и прямое жизненное переживание вещей Духа, но и интеллект должен быть освещен и удовлетворен; наш рассуждающий и рефлексирующий разум должен помочь нам понять, сформулировать разумное и систематизированное представление о цели, методе, принципах этого высочайшего развития и деятельности нашей природы и истины всего того, что лежит за ней. Духовная реализация и переживание, интуитивное и прямое знание, рост внутреннего сознания, рост души и сокровенное восприятие души, видение души и ощущение души в действительности являются надлежащими средствами этой эволюции: но поддержка рефлексирующего и критического разума также чрезвычайно важна; если кто-то может обойтись без этого, потому что имеет живой и прямой контакт со внутренними реальностями и удовлетворен переживанием и видением, то все же в целостном движении это совершенно необходимо. Если верховной истиной является духовная Реальность, то интеллекту человека требуется знать, чем является природа той изначальной истины и принцип ее связей с остальной частью существования, с нами самими и со вселенной. Сам по себе интеллект не способен привести на в соприкосновение с конкретной духовной реальностью, но он может помочь благодаря ментальному формулированию истины Духа, которая объясняет ее для разума и может быть использована даже в более непосредственных исканиях: эта помощь первостепенна.

Наш думающий разум занят, главным образом, утверждением общей духовной истины, логикой ее абсолюта и логикой ее относительностей, как они соотносятся друг с другом или как одно ведет к другому, и каковы ментальные следствия духовной теоремы существования. Но помимо этого понимания и интеллектуального утверждения,

в чем заключается главное его право и участие, интеллект стремится осуществить критический контроль; он может допустить любое конкретное духовное переживание, но он требует узнать, на какой надежной и хорошо-предписанной истине бытия они основываются. В действительности, без такой истины, узнанной и проверяемой, наш рассудок может найти эти переживания ненадежными и непостижимыми, может отшатнуться от них как от возможно не основанных на истине или же разрушить их в их форме, если не в самой основе, как подверженные ошибке, даже аберрации фантазирующего витального разума, эмоций, нервов и чувств; ведь это может завести, при прохождении или передаче от физического и осязаемого к невидимому, в поиски блуждающих огней или, по меньшей мере, привести к неверному восприятию вещей, верных самим по себе, но связанных неправильной или несовершенной интерпретацией того, что переживается, или привести к путанице и беспорядку истинных духовных ценностей. Если рассудок захочет подчиниться динамике оккультизма, то и здесь также он будет занят, главным образом, истиной и правильной системой и реальным значением сил, которые он видит брошенными в игру; он должен исследовать, таково ли значение этих сил, которое оккультизм присваивает им, или же это значение другое и, возможно, более глубокое, которое было неправильно интерпретировано в ее сущностных связях и ценностях, или которому не нашлось его истинного места в целостном переживании. Ведь главным действием нашего интеллекта является понимание, и лишь во вторую очередь - критика и окончательная организация, контроль и формирование.

То средство, благодаря которому удовлетворяется эта потребность и которым снабжена природа нашего разума, состоит в философии, а в духовной области — в духовной философии. Такие системы возникали на Востоке; почти всегда, когда достигалось значительное духовное развитие, из этого возникала философия, объединяющая это духовное достижение для интеллекта. Поначалу метода заключался в интуитивных поисках и интуитивных выражениях, как в бездонном мышлении и глубоком языке Упанишад, но затем был развит критический метод, прочная система диалектики, логическая организация. Более поздние философии (* например, Гита) явились интеллектуальным отчетом или логическим оправданием того, что было найдено в ходе внутренней реализации; или же они самим себе давали ментальное основание или систематический метод для реализации и переживания¹. На Западе эта синкретическая тенденция сознания была замещена аналитической и разделяющей, почти с самого начала были отделены друг от друга духовное побуждение и интеллектуальный рассудок; с самого начала философия сделала поворот в сторону чисто интеллектуального и рационалистического объяснения вещей. Тем не менее, были системы, такие как Пифагорейская, Стоическая и Эпикурейская, которые повлияли не только на мышление, но и на жизненное поведение и развили дисциплину, усилие внутреннего совершенства существа; это достигло более высокого духовного плана знания в позднем Христианстве или Ново-языческом мышлении, где встретились Запад и Восток. Но позднее интеллектуализация стала полной, и связь философии с жизнью и ее энергией или духом и его динамизмом была либо оборвана, либо ограничена тем малым, что метафизическая идея может предложить жизни и действию путем абстрактного и вторичного влияния. На Западе религия поддерживалась не философией, а верующей теологией; иногда духовная философия появлялась благодаря острой силе индивидуальных гениев, но это не было, как на Востоке, необходимым дополнением к каждой существенной линии духовного переживания и исследования. Верно, что философское развитие духовного мышления не является совершенно обязательным; ведь истины духа могут быть достигнуты более непосредственно и полно при помощи интуиции и конкретного внутреннего контакта. Следует также сказать, что критический контроль интеллекта над духовным переживанием может быть препятствующим и ненадежным, ведь это низший свет, поворачиваемый к полю высшего озарения; истинная контролирующая мощь заключается в внутреннем отборе, психическом чувстве и такте, превосходящем вмешательстве свыше или во врожденном и освещающем внутреннем водительстве. Но все же и эта линия развития необходима; потому что должен быть выстроен мост между духом и интеллектуальным разумом: свет духовного или, по меньшей мере, одухотворенного интеллекта необходим для полноты нашей тотальной внутренней эволюции, ведь без него, если другое, более глубокое водительство потеряно, внутреннее движение может быть ошибочным и недисциплинированным, замутненным и смешанным с недуховными элементами, или односторонним или неполным в его всеобщности. Для трансформации Неведения в интегральное Знание рост в нас духовного интеллекта, готового воспринять высший свет и направить его во все части нашей природы, является промежуточной необходимостью величайшей важности.

Но ни одна из этих трех линий не может сама по себе осуществить величайшее и предельное намерение Природы; они не могут создать в ментальном человеке духовное существо, пока и до тех пор, пока откроют двери духовному переживанию. И только путем внутренней реализации того, что ищут эти подходы, путем преобладающего переживания или при помощи многих переживаний, выстраивающих внутреннее изменение, путем трансмутации сознания, путем высвобождения духа из-под теперешней вуали разума, жизни и тела может возникнуть духовное существо. Это финальная линия продвижения души, на которую указывают другие линии, и, когда душа готова освободиться от предварительных подходов, тогда начинается настоящая работа, и поворотная точка перемены уже не за горами.

¹ Например, философия Йоги Патанжалли

До этих пор, все, чего достигло человеческое ментальное существо — это знакомство с представлением о вещах за пределами него, с возможностью движения иных миров, с идеалом некоторого этического совершенства; человек также мог установить некий контакт с величайшими Мощностями или Реальностями, которые помогают его разуму или сердцу или жизни. Может быть изменение, но не трансмутация ментального существа в существо духовное. Религия и ее мышление и этика и оккультный мистицизм в древние времена творили священников и магов, добродетельных людей, справедливых людей, мудрых людей, множестве высших точек ментального человечества; но только после духовного переживания через сердце и разум начинают появляться святые люди, пророки, Риши, Йоги, провидцы, духовные мудрецы и мистики, и именно религии, в которых возникли эти типы духовного человечества, покрыли земной шар и придали человечеству все его духовное стремление и культуру.

Когда духовность высвобождается в сознании и приобретает свой отчетливый характер, то поначалу это только маленькое ядро, нарастающая тенденция, исключительный свет переживания посреди большой массы обычного неосвященного человеческого разума, витальности, физичности, которые формируют внешнее “я” и поглощают наше естественное занятие. Самая ранняя, первая предварительная форма духовности создает определенный тип религиозности, который отражает не чисто духовный темперамент, а природу разума или жизни, ищущей или находящей в себе духовную поддержку или силу; на этой стадии человек занят, главным образом, использованием таких контактов, которые он может обрести или построить, с тем, что за пределами его самого, чтобы помочь ему или служить его ментальным идеям или моральным идеалам или его витальным и физическим интересам; настоящий поворот к некоторому духовному изменению еще не наступает. Первые настоящие образования принимают форму одухотворенности нашей естественной деятельности, допущения влияния на нее или ее направления: есть подготовительное влияние или приток в некоторые части или тенденция разума или жизни, — одухотворенный поворот мышления с поднимающими озарениями, или одухотворенный поворот эмоционального или эстетического существа, одухотворенная этическая формация характера, одухотворенное побуждение в некотором жизненном действии или в другом динамическом витальном движении природы. Возможно, приходит осознание внутреннего света, водительства или сообщения, Контроля, большего, чем разум и воля, чему подчиняется нечто в нас; но все не отлито еще в матрицу того переживания. Но когда эти интуитивные прозрения и озарения растут в настоянии и направляют себя через определенные каналы, делают сильное внутреннее образование и претендуют на управление всей жизнью и овладевают природой, тогда начинается духовное образование существа; появляется святой, духовный мудрец, провидец, прорицатель, служитель Бога, почитатель Бога, солдат духа. Все это находит свою основу в одной части природного существа, поднятого духовным светом, мощью или экстазом. Мудрец и провидец живут в духовном разуме, их мышление или видение направляется и обволакивается внутренним и большим духовным светом знания; преданный Богу живет в духовном стремлении сердца, своем само-посвящении и своем поиске; святой движим пробужденным психическим существом во внутреннем сердце, выросшим настолько мощно, чтобы управлять эмоциональным и витальным существом; другие остаются в витальной кинетической природе, подвижной высшей духовной энергией и поворачиваются ею ко вдохновленному действию, к Богом данной работе или миссии, к служению некоторой божественной Мощности, к служению идее или идеалу. Последнее и высочайшее появление — это освобожденный человек, который реализовал “я” и Дух внутри себя, вступил в космическое сознание, вступил в единение с Вечным и, насколько он еще принимает жизнь и действие, действует при помощи света и энергии Мощности внутри него, работающей через этот человеческий инструмент Природы. Самая большая формулировка духовного изменения и достижения заключается в тотальном освобождении души, разума, сердца и действия, облачение всех их в значение космического Я и Божественной Реальности ². Тогда духовная эволюция индивида находит свой путь и быстро достигает высот Гималайских гор и своих пиков высочайшей природы. За этой высотой и обширностью открывается только супраментальный подъем или непередаваемая Трансцендентность.

Все это происходило до сих пор в ходе Природной эволюции духовного человека в человеческом ментальном существе, и можно задаться вопросом, в чем заключается точная сумма достижения и его действительное значение. В недавней точке зрения на жизнь разума в Материи это великое направление и это резкое изменение было заклеено как не истинная эволюция сознания, и рассматривалось скорее как возвышенная грубость неведения, отклоняющегося от истинной человеческой эволюции, которая должна быть единственно эволюцией жизненной мощи, практического физического разума, рассудка, управляющего мышлением и поведением, и эволюцией открывающего и организующего интеллекта. В эту эпоху религия была отброшена прочь как отживший свой век предрассудок, и духовная реализация и переживание описывались как призрачный мистицизм; с этой точки зрения мистик является человеком, отвернувшимся в нереальные, оккультные области само-сконструированной страны химер и потерявшим там свой путь. Это суждение проистекает от той точки зрения на вещи, которая сама себя дискредитирует, поскольку в конечном итоге она базируется на ложном восприятии материального как единственно реального и внешней жизни — как единственно важной. Но помимо этого крайнего материалистического взгляда на

² В этом сущность духовного идеала и реализации, предложенных нам Гитой

вещи, это суждение может удерживаться и все еще удерживается интеллектом и физическим разумом, нетерпеливо жаждущим человеческого жизненного свершения, — и это преваляющая ментальность, доминирующая современная склонность, — ведь духовная тенденция в человечестве подвела к очень немногому; она не решила проблему жизни, а также ни одну из проблем, которые завладели вниманием человечества. Мистик либо отходит от жизни как аскет, грезящий об иных мирах или как отстраненный наблюдатель, и поэтому он не может помочь жизни, либо он не дает лучшего решения и не достигает большего результата, чем практический человек или человек интеллекта и рассудка: своим вмешательством он скорее расстраивает человеческие ценности, искажает их своим чуждым и непроверяемым светом, неясным для человеческого понимания, и запутывает ясные практические витальные проблемы, которые жизнь ставит перед нами.

Но это не та точка зрения, с которой может быть дана верная оценка истинной значимости духовной эволюции человека или оценена духовность; ведь настоящая работа духовной эволюции заключается не в том, чтобы решать человеческие проблемы на прошлом или теперешнем ментальном базисе, а создать новое основание нашего бытия и нашей жизни и знания. Аскетическая или потусторонняя тенденция мистика является крайним утверждением его отказа принять ограничения, накладываемые материальной Природой: ведь он должен идти за ее пределы; если он не может трансформировать Природу, то должен оставить ее. В то же время духовный человек не всецело отстранялся от жизни человечества; ведь ощущение единения со всеми существами, напряжение вселенской любви и сострадания, желание расходувать энергию на благо всех творений³ являются центральными для динамического расцвета духа: поэтому духовный человек поворачивался к тому, чтобы помогать, он был ведом, как древние Риши или пророки, или снисходил до творения и, где он так поступал с применением отчасти прямой мощи Духа, результаты были изумительными. Но решение проблемы, решение, которое предлагает духовность, не есть решение при помощи внешних средств, хотя и эти средства также должны быть использованы, но путем внутреннего изменения, трансформации сознания и природы.

И если не были достигнуты решающие результаты, и произошел лишь прирост некоторых новых элементов в общую сумму сознания, не произошла трансформация жизни, то это потому что человек в своей массе всегда отклонял духовный импульс, отрекался от духовного идеала или придерживался его лишь по форме и отвергал внутреннее изменение. Духовность не может быть призвана для того, чтобы обращаться с жизнью не-духовным методом или пытаться лечить ее болезни с помощью панацей, политических, социальных или других механических лекарств, которые разум постоянно пытается применить и которые всегда оказывались несостоятельными и всегда будут не в состоянии решить что-либо. Наиболее грандиозные изменения, предпринятые таким образом, в действительности не изменили ничего; ведь старые болезни продолжают существовать в новой форме: меняется внешнее окружение, но человек остается тем, кем он и был; он все еще невежественное ментальное существо, неверно или неэффективно использующее свое знание, движим эго и управляем витальным желанием и страстями и потребностями тела, недуховен и поверхностен в своем взгляде, невежествен в собственном “я” и силах, которые управляют им. Его жизненные построения имеют ценность как выражения его индивидуального и коллективного бытия на стадии, которой они достигли, или как машинерия для удобства и благосостояния его витальной и физической частей и поле и среда для его ментального роста, но они не могут поднять человека за пределы его теперешнего “я” или служить в качестве механизма трансформации человека; совершенство человека и их совершенство могут прийти лишь лишь в ходе его дальнейшей эволюции. Только духовное изменение, эволюция существа человека от поверхностного ментального к более глубокому духовному сознанию может осуществить настоящую и действительную перемену. Открыть духовное существо в себе — вот главное дело духовного человека, а помочь остальным в этой эволюции — настоящее служение расе; до тех пор, пока это не сделано, внешняя помощь может лишь чуть облегчить и способствовать, но вряд ли возможно что-либо еще или возможно очень немногое.

Верно, что духовная тенденция была направлена скорее за пределы жизни, чем к жизни. Также верно, что духовное изменение было индивидуальным, а не коллективным; духовные результаты достигались лишь отдельными людьми и никогда или лишь очень опосредовано становились достоянием человеческой массы. Духовная эволюция Природы еще только разворачивается и неполна, — пожалуй, можно сказать, что находится лишь в самом своем начале, — и ее главным занятием было утвердить и развить базис духовного сознания и знания и создать все большее основание или образование для видения того, что важно в истине духа. И только когда Природа полностью укоренит свою интенсивную эволюцию и формирование через индивида, только тогда может ожидать что-либо радикальное распространяющегося или динамически расширяющегося характера, или станет успешной какая-либо попытка утвердить коллективную духовную жизнь, — такие попытки предпринимались, но, главным образом, как поле защиты для роста индивидуальной духовности. Ведь до тех пор индивид должен быть занят своей собственной

³ Гита. Буддистское возвеличивание вселенского сострадания, каруна, и симпатии (вся земля — моя семья), провозглашается высочайшим принципом действия, Христианский упор на любовь указывает на эту динамическую сторону духовного бытия

задачей по полному изменению своего разума и жизни в соответствии с истиной духа, которой он достигает или которую он уже достиг в своем внутреннем существе и знании. Любая преждевременная попытка построить широкомасштабную коллективную духовную жизнь подвержена опасности искажения и порчи из-за некоторой неполноты духовного знания с динамической стороны, из-за несовершенств индивидуальных искателей вследствие вторжения обычного разума и витального и физического сознания, претендующих на обладание истиной и механизмирующих, затемняющих или искажающих ее. Ментальный человек с его основной мощью рассуждения не может изменить принцип и сохраняющийся характер человеческой жизни, он может лишь вводить разнообразные механизации, осуществлять манипуляции, делать разработки и формулировки. Но также и разум в его полноте, даже одухотворенный, не может изменить характер жизни; духовность освобождает и озаряет внутреннее существо, она помогает разуму установить связь с тем, что превышает его, убежать даже от самого себя; она может очистить и возвысить путем внутреннего влияния внешнюю природу индивидуальных человеческих существ: но пока ей суждено работать в человеческой массе через разум в качестве своего инструмента, она может лишь упражняться по части влияния на земную жизнь, но не осуществлять трансформацию этой жизни. По этой причине преобладала тенденция духовного разума удовлетворяться также влиянием, и в основном искать исполнения где-то в иной жизни или всецело оставить такую попытку и сконцентрироваться единственно на индивидуальном духовном спасении или совершенстве. Требуется более высокий инструмент, чем разум, чтобы тотально трансформировать природу, созданную Неведением.

Выставляется и другое возражение мистику и его знанию, но по поводу его воздействия на жизнь, а по поводу его метода открытия Истины и той Истины, которую он открывает. Одно из возражений заключается в том, что метод мистика чисто субъективный, не независим от личного сознания и его построений, не проверяем. Но это возражение беспочвенно: ведь целью мистика является само-знание и знание Бога, а этого можно достичь лишь внутренним, а не внешним видением. Или же мистик ищет верховную Истину вещей, а этого также нельзя достичь путем внешнего исследования через чувства или путем какого-либо критического рассмотрения или исследования, которое базируется на ненадежных данных косвенных средств познания. Это знание может прийти лишь путем прямого видения или контакта сознания с душой и телом самой Истины или путем познания через отождествление, при помощи “я”, которое становится одним с “я” вещей и с их истиной мощи и их истиной сущности. Но выставляется то возражение, что действительным результатом этого метода не является одна истина, общая для всех, что есть большие различия; предполагается, что это знание — вообще не истина, а субъективное ментальное образование. Но это возражение основывается на неправильном понимании природы духовного знания. Духовная истина есть истина духа, а не истина интеллекта, не математическая теория или логическая формула. Это истина Бесконечного, она в бесконечном разнообразии, и можно предположить бесконечное разнообразие аспектов и образований; неизбежно, что в духовной эволюции должны быть многосторонние подходы и достижения одной Истины, многосторонние охваты ее; эта многосторонность является знаком приближения духа к живой реальности, а не к абстракции или к сконструированному образу вещей, который может быть отлит в мертвую или каменную формулу. Тяжелое логическое или интеллектуальное представление об истине как о единственной идее, которую все должны принять, об одной идее или системе идей, отбрасывающей все другие идеи или системы, или как о единственном ограниченном факте или единственной формуле фактов, которая все должна распознавать, является недопустимым переносом ограниченной истины из физического поля в гораздо более сложное и пластичное поле жизни и разума и духа.

Этот перенос нанес большой ущерб; он принес в мышление узость, ограничение, нетерпимость к необходимым вариациям и множественности точек зрения, без чего не могло бы быть тотальности отыскания истины, и из-за узости и ограничения внес упрямство ошибки. Он завел философию в бесконечный лабиринт стерильных диспутов; религия была наводнена этим ложным представлением и заражена верующим догматизмом, предубежденностью и нетерпимостью. Истина духа есть истина бытия и сознания, а не истина мышления: ментальные идеи могут только представлять или формулировать некоторые грани, некоторые принципы или мощности, переводимые на язык разума, или перечислять ее стороны, но чтобы узнать истину духа, следует вырасти в нее и быть ею; без вращивания в истину невозможно настоящее духовное познание. Фундаментальная истина духовного переживания одна, ее сознание — одно, везде она следует одним и тем же общим линиям и тенденциям пробуждения и вращивания в духовное существо; ведь это императивы духовного сознания. Но также существуют, основанные на этих императивах, бесчисленные возможности вариации переживания и выражения: централизация и гармонизация этих возможностей, но также и мощь следования единственной из этих линий переживания равным образом являются необходимыми движениями появляющейся духовной Сознательной Силы внутри нас. Более того, согласование разума и жизни с духовной истиной, выражение ее ими, должно меняться с изменением ментальности искателя, до тех пор, пока он не поднимется над всякой необходимостью такого согласования или такого ограниченного выражения. Именно ментальный и витальный элемент создал то противопоставление, которое все еще разделяет духовных искателей или приводит к их различным утверждениям истины, которую они выражают. Это различие и вариация необходимы для свободы духовного поиска и духовного роста: совершенно невозможно превзойти различие, но легче всего это сделать в чистом переживании; в ментальной формулировке разница должна оставаться до тех пор, пока не будет

всецело превзойден разум, и в высочайшем сознании не будет интегрирована, объединена и гармонизирована многосторонняя истина Духа.

В эволюции духовного человека обязательно должно быть много ступеней, и на каждой ступени — великое разнообразие индивидуальных образований существа, сознания, жизни, темперамента, идей, характера. Природа инструментального разума и необходимость обращаться с жизнью сами по себе должны порождать бесконечное разнообразие в соответствии со ступенью развития и индивидуальностью искателя. Но, помимо всего, даже области чистой духовной само-реализации и само-выражения не требуется быть единственно белой и монотонной, здесь может быть грандиозное разнообразие в фундаментальном единстве; верховное “я” одно, но душ “я” множество, и какова душевная формация природы, таким и будет ее духовное само-выражение. Разнообразие в тождестве есть закон манифестации; супраментальная унификация и интеграция должна гармонизировать эти разнообразия, но уничтожение их не входит в намерение Духа в Природе.

ТРОЙНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

Сознательное существо в центре я, которое правит прошлым и будущим; оно подобно огню без дыма... Его надо терпеливо высвободить из собственного тела.

Катха Упанишада¹

Интуиция в сердце видит эту истину.

Риг Веда²

Я пребываю в духовном существе и оттуда разрушаю тюрьму, рожденную неведением, с помощью сияющей лампы знания.

Гита³

Эти лучи направлены вниз, их основание находится наверху: пусть они глубоко установятся в нас... О, Варуна, пробуди здесь, сделай широким свое царство; позволь нам следовать закону твоих работ и быть безупречными перед Бесконечной Матерью.

Риг Веда⁴

Лебедь, который поселяется в чистоте... рожденный из Истины — это сама Истина, Необъятность.

Катха Упанишада⁵

Если бы единственное намерение Природы в эволюции духовного человека состояло бы лишь в том, чтобы пробудить его к высочайшей Реальности и освободить его от себя самой или от Неведения, в котором она как Сила Вечного замаскировала себя, освободить путем ухода в высший статус бытия где-то в другом месте, если бы этот шаг эволюции был бы концом и завершением, тогда, по сути, ее работа была бы выполнена, и ничего больше не надо было бы делать. Пути были проложены, развиты способности, чтобы следовать этим путям, была бы проявлена цель или последняя высота творения; осталось бы только каждой душе индивидуально достичь верной стадии поворота своего развития, вступить на духовный путь и выйти собственно избранным путем из этого низшего существования. Но мы предположили, что есть более далекое намерение — не только высвобождение Духа, но и радикальная и интегральная трансформация Природы. В ней есть воля осуществить истинную манифестацию воплощенной жизни Духа, завершить то, что она начала путем перехода от Неведения к Знанию, сбросить свою маску и освободить себя как светлую Силу Сознания, несущую в себе вечное Существование и универсальный Восторг бытия. Тогда становится очевидно, что есть нечто еще невыполненное, что надо ясно осмотреть то, что еще предстоит сделать, *bhurt aspasta kartvam*; есть высота, которую еще надо достичь, есть широта, которая еще должна быть охвачена глазом видения, крылом воли, само-утверждением Духа в материальной вселенной. Все, что до сих пор сделала эволюционная Сила, это заставила немногих индивидов осознать свои души, осознать свое я, осознать вечное существование, которым они являются, привела их в соприкосновение с Божественностью или Реальностью, которая сокрыта ее видимостями: определенное изменение природы подготавливает, сопровождает или следует за этим озарением, но это не полное и не радикальное изменение, которое установило бы надежный и укоренившийся новый принцип, новое творение, постоянный новый порядок бытия в поле земной Природы. Был развит духовный человек, но не супраментальное существо, которое станет в дальнейшем лидером той Природы.

Это из-за того, что принцип духовности еще не утвердился в собственном полном праве и суверенитете; он представлялся до сих пор силой ментального существа убежать от себя или очистить и поднять себя до духовного парения; он помогал высвободить Дух из разума и расширить существо в одухотворенный разум и сердце, но не был полезен — или, скорее, был пока что недостаточно полезен — для само-утверждения Духа в его собственном

¹ П. 1. 12, 13; П. 3. 17

² I. 24. 12

³ X. 11

⁴ I. 24. 7, 11, 15

⁵ П. 2. 2

динамическом и суверенном господстве, свободном от ограничений разума и ментального инструментария. Началось развитие другого инструментария, но ему еще предстоит стать тотальным и эффективным: кроме того, этот инструментарий должен перестать быть чисто индивидуальным само-творением в изначальном Неведении, перестать быть чем-то сверхнормальным по отношению к земной природе, что всегда должно обретаться как индивидуальное достижение с помощью трудного усилия. Духовная природа должна стать нормальной природой нового типа бытия; как Разум был установлен здесь на базисе Неведения, ищущего Знания и растущего в Знание, так и Сверхразум должен быть установлен здесь на базисе Знания, растущего в собственный большой Свет. Но этого не может быть до тех пор, пока духовно-ментальное существо не поднялось полностью к Сверхразуму и не спустило его силы вниз, в земное существование. Ибо должна быть преодолена пропасть между Разумом и Сверхразумом, должны быть открыты закрытые проходы и созданы дороги восхождения и спуска там, где сейчас царит пустота и молчание. Это может быть сделано лишь путем тройной трансформации, которую мы уже мимоходом упоминали: сначала должно произойти психическое изменение, превращение всей нашей сегодняшней природы в инструментарий души; на этом фоне или наряду с этим должно произойти духовное изменение, нисхождение высшего Света, Знания, Мощи, Силы, Блаженства, Чистоты во все существо, даже в самые низкие потайные уголки жизни и тела, даже во тьму нашего подсознания; наконец, за всем этим должно последовать супраментальное преображение — как вершающее движение должен произойти подъем в Сверхприроду и трансформирующее нисхождение супраментального Сознания в наше целостное существо и природу.

Поначалу душа в Природе, психическая сущность, чье развертывание означает первый шаг на пути к духовному изменению, является полностью завуалированной частью нас, хотя именно благодаря ей мы существуем и продолжаем существовать как индивидуальные существа в Природе. Другие части нашего природного состава не только переменчивы, но и бренны; но психическая сущность в нас всегда сохраняется и остается всегда в корне одной и той же: она содержит все сущностные возможности нашей манифестации, но не составлена ими; она не ограничена тем, что проявляет, не сдерживается неполными формами манифестации, не пятнается несовершенствами и нечистотой, дефектами и испорченностью поверхностного существа. Это вечно чистое пламя божественности в вещах, и ничто, что приходит к нему, ничто, что входит в наш опыт, не сможет загрязнить его чистоту или потушить это пламя. Духовное вещество безупречное и светлое, и благодаря своей безупречной светлости оно непосредственно, сокровенно, напрямую осознает истину существа и истину природы; оно глубоко сознает истину, добро и красоту, потому что истина, добро и красота родственны ее собственному внутреннему характеру, это формы нечто, что внутренне присуще его собственной субстанции. Оно также осознает все, что противоречит этим вещам, все то, что отклоняется от его собственного врожденного характера, осознает ложь и зло, безобразие и недостойность; но оно не становится этим и не затрагивается им, а также не изменяется этими противоположностями, которые столь сильно воздействуют на его внешний инструментарий разума, жизни и тела. Ведь душа, постоянное существо в нас, выводит вперед и использует разум, жизнь и тело в качестве своих инструментов, терпит окружающие их условия, но является нечто другими и большим, чем ее члены.

Если бы психическая сущность в нас не была с самого начала завуалированной и неизвестной своим исполнителям, не была бы уединенным Королем в скрытой палате, тогда человеческая эволюция предстала бы быстрым роспуском души, а не трудным, перемежающимся и искаженным развитием, каким она является сейчас; но вуаль толста, и мы не знаем тайного Света внутри нас, света в потайных склепах самого сокровенного святилища сердца. Указания поднимаются из психического на нашу поверхность, но наш разум не видит их источника; он принимает их за собственную деятельность, потому что, прежде чем подняться на поверхность, они облекаются в ментальную субстанцию: разум, не ведающий о полномочии этих указаний, следует или не следует им в соответствии со своей склонностью или поворотом в данный момент. Если разум подчиняется побуждению витального эго, тогда вообще малы шансы психического контролировать природу или проявлять в нас нечто из своего тайного духовного материала и своих врожденных движений; или, если разум самоуверенно действует в собственном маленьком свете, будучи прикрепленным к собственному суждению, воле и действию знания, тогда душа тоже будет оставаться завуалированной и беззвучной и ждать дальнейшей эволюции разума. Ведь психическая часть находится внутри, чтобы поддерживать природную эволюцию, и первой природной эволюцией должно быть развитие тела, жизни и разума, последовательно, и они должны действовать каждый на свой лад или вместе в неслаженном партнерстве, чтобы расти, иметь опыт и развиваться. Душа вбирает сущность всего нашего ментального, витального и телесного опыта и усваивает ее для дальнейшей эволюции нашего существования в Природе; но это действие оккультно и не показывается на поверхности. На ранней материальной и витальной стадиях в действительности нет сознания души; есть психическая деятельность, но инструментарий, форма этой деятельности является витальной и физической, — или ментальной, когда разум активен. Ведь даже разум, пока он примитивен или развит, но все еще слишком внешний, не распознает более глубокого характера психической деятельности. Легко считать себя физическим существом, или существом жизни, либо ментальным существом, использующим жизнь и тело, и всецело игнорировать существование души: ведь единственное определенное представление, которое мы имеем о душе, заключается в том, что душа — это

нечто, что переживает смерть наших тел; но что это такое, мы не знаем, потому что даже если мы иногда сознаем какое-то присутствие души, но мы обычно не осознаем ее ярко выраженной реальности и не чувствуем ясно ее прямое действие в нашей природе.

По мере продвижения эволюции Природа начинает медленно и неуверенно проявлять наши оккультные части; она ведет нас к тому, чтобы мы все больше и больше смотрели внутрь самих себя, или начинает выводить на поверхность более ясно различимые указания и формации. Душа в нас, психический принцип, уже начала обретать свою тайную форму; этот принцип выдвигает вперед и развивает душу-персональность, особое психическое существо, представляющее его. Это психическое существо все еще остается за вуалью в нашей сублиминальной части, подобно истинному ментальному, истинному витальному или истинному физическому существу в нас: но, подобно им, оно воздействует на поверхностную жизнь с помощью влияний и указаний, которые оно выбрасывает на поверхность; эти влияния и указания составляют часть поверхностной совокупности, являющейся сборным результатом внутренних влияний и подъемов, видимым образованием и суперструктурой, которую мы обычно переживаем и отождествляем с самими собой. На этой невежественной поверхности мы начинаем смутно осознавать нечто, что может быть названо душой, отличной от разума, жизни или тела; мы чувствуем ее не как всего лишь ментальную идею или смутный инстинкт, а как осязаемое влияние на нашу жизнь, характер и действие. Верное чувственное восприятие того, что является истинным, добрым и красивым, тонким, чистым и благородным, отклик на это, потребность в этом, давление, оказываемое на разум и жизнь, чтобы они приняли и сформулировали это в нашем мышлении, чувствах, поведении, характере — все это является чаще всего распознаваемым, наиболее общим и характерным, хотя и не единственным знаком влияния психического. Человека, не имеющего этого элемента в себе или совсем не откликающегося на этот позыв, мы называем бездушным. Ведь именно это влияние мы можем легче всего распознать как более тонкую или даже более божественную часть в нас и самую мощную для медленного поворота к некоторой цели совершенства в нашей природе.

Но это психическое влияние или действие приходит на поверхность не вполне чистым или не остается ясно различимым в своей чистоте; если бы это было так, мы могли бы ясно различить элемент души в нас и сознательно и полно следовать его велениям. Вмешивается оккультное ментальное, витальное и тонкое физическое действие, смешивается с ним, пытается использовать его и обернуть его на собственную выгоду, мешает росту его божественности, искажает или ослабляет его само-выражение, даже заставляет его отклоняться или спотыкаться, либо пятнает его своей загрязненностью, малостью и ошибкой разума, жизни и тела. После того, как влияние души достигает поверхности, настолько смешанное и ослабленное, оно охватывается поверхностной природой в смутном восприятии и в невежественной формации, и в этом причина его дальнейшего отклонения и смешения. Так возникает изгиб, неверное направление, неправильное приложение, неверное образование, ошибочный результат того, что является в себе чистым веществом и действием нашего духовного существа; в соответствии с этим делается формация сознания, являющаяся смесью психического влияния и его намеков, перемешанных с ментальными идеями и мнениями, витальными желаниями и побуждениями, привычными физическими тенденциями. К затемненному влиянию души примешиваются невежественные, хотя и с хорошим намерением, усилия этих внешних частей к высшему направлению; ментальный идеализм самого смешанного характера, часто темный даже в своем идеализме, иногда даже опасно ошибочный, рвение и страсть эмоционального существа, разбрасывающего свои брызги и пену чувств и настроений, сентиментальность, динамический энтузиазм жизненных частей, нетерпеливые отклики физического, трепет и возбуждение нервов и тела — все эти влияния смешиваются в составную формацию, которая часто принимается за душу, а ее смешанное и путанное действие — за движение души, за психическое развитие и действие или реализованное внутреннее влияние. Психическая сущность сама по себе свободна от грязи и смеси, но то, что приходит от нее, не защищено этим иммунитетом, поэтому становится возможным это смешение.

Более того, психическое существо, душа-персональность в нас, не появляется полностью выросшей и ярко светящейся; она эволюционирует, проходит через медленное развитие и образование; воплощение ее существа может быть поначалу неотчетливым и оставаться затем на долгое время слабым и неразвитым, не чистым, а несовершенным: ведь она основывает свою формацию, свое динамическое само-построение на мощи души, которая фактически и более или менее успешно, вопреки сопротивлению Неведения и Несознания, была выдвинута вперед в эволюцию на поверхность. Появление психической формации является знаком появления души в Природе, и если это появление все еще маленькое и ущербное, то и психическая персональность тоже будет чахлой и хилой. Из-за темноты нашего сознания психическая персональность также отделена от своей внутренней реальности, она несовершенно сообщается с собственным источником в глубинах существа; ведь дорога все еще плохо проложена, легко преграждается, линии связи часто перерезаются или забиваются сообщениями другого рода, исходящими из другого источника: ее сила запечатлевать все воспринимаемое во внешних инструментах тоже несовершенна; по своей бедности она вынуждена по большей части полагаться на эти инструменты, и она формирует свое побуждение к выражению и действию также и на основании их данных, а не только на безошибочных восприятиях психической сущности. В этих условиях невозможно предотвратить того, чтобы психический свет не ослабевал и не искажался в

разуме, превращаясь в простую идею или мнение, чтобы психическое чувство в сердце не превращалось в ошибочную эмоцию или простое настроение, чтобы психическая воля к действию не превращалась в жизненных частях в слепой витальный энтузиазм или пылкое возбуждение: психическая персональность даже принимает эти неправильные переводы за потребность нечто лучшего и пытается исполнить себя через них. Ведь это часть работы души — влиять на разум, сердце и витальное существо и поворачивать их идеи, чувства, энтузиазм и динамизм в направлении того, что божественно и светло; но поначалу это должно делаться несовершенно, медленно и с примесью. По мере того, как психическая персональность становится сильнее, она начинает наращивать свою общность с психической сущностью, стоящей за собой, и улучшать свое сообщение с поверхностью: она может передавать свои указания разуму, сердцу и жизни с большей чистотой и силой; ведь она становится способной устанавливать более сильный контроль и реагировать на ложное смещение; она начинает все более и более отчетливо ощущаться как сила в природе. Но даже и при таких условиях эволюция была бы медленной и трудной, если была бы предоставлена исключительно автоматическому трудному действию эволюционной Энергии; и только когда человек пробуждается к знанию и души и чувствует необходимость вынести ее на передний план и сделать ее хозяином своей жизни и действия, только тогда вступает в силу более быстрый сознательный метод эволюции, и становится возможной психическая трансформация.

Этому трудному развитию можно помочь ясным восприятием разума и настоянием на нечто внутри, что переживает смерть тела, и усилием узнать свою природу. Но поначалу это познание затрудняется тем фактом, что в нас много элементов, много формаций, которые представляются элементами души и которые можно спутать с психическим. Описание, даваемое в ранней греческой и других традициях, очень ясно показывает, что то, что ошибочно принимали за душу, было подсознательной формацией, субфизическим отпечатком или теневой формой существа, либо приведением или призраком. Этот призрак, который ошибочно называют духом, иногда является витальной формацией, воспроизводящей характеристики человека, его поверхностные манеры жизни, иногда — тонко-физическим продолжением поверхностной формы оболочки разума: в лучшем случае, это оболочка личностной жизни, которая еще остается некоторое время после выхода из тела. Помимо этой путаницы, рожденной из посмертных контактов со сброшенными фантомами или остатками оболочек личности, трудность вызывается еще и нашим неведением о сублиминальных частях нашей природы и о форме и силах сознательного существа или Пуруши, который возвышается над их действием; из-за этой неопытности мы можем принять за психическое нечто из внутреннего разума или витального я. Ведь как Бытие едино и все же множественно, тот же самый закон преобладает в нас самих и в наших членах; Дух, Пуруша един, но он приспособливается к формациям Природы. Над каждой градацией нашего существа возвышается мощь Духа; мы имеем внутри себя я разума, я жизни, физическое я, и мы открываем их, когда идем достаточно глубоко вовнутрь; есть существо разума, ментальный Пуруша, выражающий какую-то часть себя в мыслях, восприятиях, действиях природы нашего разума, есть существо жизни, выражающее какую-то часть себя в импульсах, чувствах, ощущениях, желаниях, внешних действиях нашей витальной природы, есть физическое существо, существо тела, которое выражает какую-то свою часть в инстинктах, привычках, сформулированных действиях нашей физической природы. Эти существа или частичные я общего я в нас являются силами Духа и поэтому не ограничены своим временным выражением, ведь таким образом формулируется лишь фрагмент их возможностей; но это выражение порождает временную ментальную, витальную или физическую личность, которая растет и развивается по мере роста и развития психического существа или души-персональности в нас. Каждая из этих личностей имеет свою явно выраженную природу, свое влияние, свое воздействие на нас; но все эти влияния и все их действия, выходя на поверхность, смешиваются и порождают сложное поверхностное существо, являющееся смесью, амальгамой всех их, внешней стойкой и все же меняющейся мобильной формацией, созданной для целей этой жизни и ее ограниченного опыта.

Но из-за своего состава эта совокупность является разнородной смесью, не единым гармоничным и однородным целым. В этом кроется причина того, почему есть постоянная путаница и даже конфликт в наших частях, которые наш ментальный рассудок и воля стремятся гармонизировать и зачастую наталкиваются на огромную трудность в создании из этой путаницы или конфликта какого-то порядка и руководящего принципа; обычно мы уносимся потоком нашей природы и действия, исходя из чего угодно, что окажется на время преобладающим и охватит инструменты мышления и действия — даже наш кажущийся взвешенным выбор диктуется в большей степени автоматизмом; наша координация с помощью рассудка наших разнообразных элементов и следующих из них мыслей, чувств, импульсов и действий неполна и является полумерой. В животном существе Природа действует при помощи собственной ментальной и витальной интуиции; она вырабатывает порядок под принуждением привычки и инстинкта, которым безоговорочно подчиняется животное, так что перемены его сознания не играют никакой роли. Но человек не может всецело действовать таким же образом, не потеряв своей человеческой прерогативы; он не может отдать свое существо хаосу инстинктов и импульсов, регулируемому автоматизмом Природы: в человеке разум стал сознательным, и поэтому человек сам вынужден делать некую попытку, какой бы элементарной она ни была во многих, увидеть и взять под контроль и, в конце концов, более совершенно гармонизировать разнородные компоненты,

различные конфликтующие тенденции, составляющие его поверхностное существо. Человек действительно преуспел в том, чтобы установить в себе некий регулируемый хаос или организованную путаницу, либо, по меньшей мере, преуспел в мысли, что это он направляет себя с помощью своего разума и воли, даже если на самом деле это направление лишь частично; ведь не только несоразмерный консорциум привычных мотивирующих сил, но и заново появляющиеся витальные и физические тенденции и импульсы, не всегда вычислимые или контролируемые, и многие несвязные и негармоничные ментальные элементы используют разум и волю человека, входят и определяют его само-построение, развитие его природы, действие его жизни. Человек в своем *я* является уникальной Личностью, но в своей манифестации он предстает также *я* многоликости; он никогда не сможет стать господином и мастером самого себя, пока Личность не наложит себя на эту многоликость и не станет управлять ею: но с помощью поверхностной ментальной воли и разума это можно сделать лишь несовершенно; это может быть сделано совершенно лишь в том случае, если человек пойдет внутрь себя и найдет, какое же центральное стоит во главе всего его выражения и действия. В глубочайшей истине именно душа является центральным существом человека, но во внешнем факте зачастую правит тот или иное частичное существо, и этого представителя души, это заменяющее *я* можем мы по ошибке принять за сокровенный принцип души.

Это правление различных *я* в нас лежит в корне всех стадий развития человеческой личности, о которых мы уже раньше говорили, и мы можем снова рассмотреть их сейчас с точки зрения управления природой внутренним принципом. В некоторых человеческих существах физический Пуруша, существо тела, доминирует над разумом, волей и действием; так порождается физический человек, занятый, главным образом, своей телесной жизнью и привычными потребностями, импульсами, жизненными привычками, привычками разума, привычками тела, очень мало смотрящий или вовсе не смотрящий за пределы всего этого, подчиняющий все свои прочие склонности и возможности этой узкой формации и ограниченный ею. Но даже в физическом человеке есть и другие элементы, и он не может жить полностью как животный человек, занятый рождением и смертью, производством потомства и удовлетворением общих импульсов и желаний, поддержанием жизни и тела: это нормальный тип его личности, но через него проходят, сколь бы слабыми они ни были, и другие влияния, с помощью которых он может перейти к более высокой человеческой эволюции. При настаивании тонко-физического Пуруши физический человек может придти к идее более тонкой, более красивой и совершенной физической жизни и надеяться или пытаться реализовать ее в своем собственном, либо в коллективном или групповом существовании. В других людях это витальное *я*, существо жизни, господствует и правит разумом, волей, действием; так порождается витальный человек, занятый самоутверждением, само-возвеличиванием, само-расширением, удовлетворением амбиций и страстей, импульсов и желаний, требований эго, господством, властью, возбуждением, борьбой и битвой, внутренним и внешним приключением: все прочее происходит побочно или подчинено этому движению и построению и выражению витального эго. Но все же в витальном человеке тоже есть или могут быть другие элементы растущего ментального или духовного характера, даже если они менее развиты, чем его жизненная личность и сила жизни. Природа витального человека более деятельна, более сильная и более мобильная, более бурная и хаотическая, часто почти до степени нерегулируемости, чем природа физического человека, который держится за почву и обладает определенным материальным равновесием и балансом, но природа витального человека более подвижна и более созидательна: ведь элементом витального существа является не земля, а воздух; витальная природа имеет больше движения и меньше статики. Энергичный витальный разум и воля могут завладеть и править кинетическими витальными энергиями, но они делают это в большей степени путем силового принуждения, чем путем гармонизации существа. Если, однако, сильной витальной личности, разуму и воли удастся обрести рассуждающий интеллект, дать ему надлежащую опору и быть его слугой, тогда может быть создана довольно мощная формация, более или менее сбалансированная, но всегда сильная, успешная и эффективная, могущая наложить себя на природу и окружение и достичь сильного само-утверждения в жизни и действии. Это второй шаг гармонизированной формулировки, возможной в восходящей природе.

На более высокой стадии эволюции личности может править существо разума; тогда возникает ментальный человек, живущий преимущественно в разуме, как другие живут в витальной или физической природе. Ментальный человек склонен подчинять остальные части своего существа своему ментальному само-выражению, ментальным целям, ментальным интересам или ментальной идее или идеалу: из-за трудности этого подчинения и его могущественности, когда это подчинение достигнуто, ментальному человеку одновременно труднее и легче достичь гармонии своей природы. Легче, потому что ментальная воля, как только достигнут ее контроль, может убеждать силой своего рассуждающего интеллекта и в то же время сдерживать, сжимать или подавлять жизнь и тело и их требования, улаживать и гармонизировать их, заставляя их быть ее инструментом, даже сводить их к минимуму, так чтобы они не возмущали ментальную жизнь и не тянули ее вниз с ее идейного и идеализированного движения. Труднее, потому что жизнь и тело являются первейшими силами и, если они хоть немного сильны, могут навязываться ментальному правителю с почти непреодолимой настойчивостью. Человек является ментальным существом, и разум — лидер его жизни и тела; но этот лидер во многом ведом своими последователями и иногда не имеет другой

воли, кроме той, что навязывают ему. Разум, несмотря на свою силу, часто немошен перед несознательным и подсознательным, которые затмевают его ясность и уносят его на волне инстинкта или импульса; несмотря на свою ясность разум вводится в заблуждение витальными и эмоциональными внушениями, давая санкцию на неведение и ошибку, неверную мысль и неправильное движение, либо разум вынужден просто наблюдать, как природа следует неправильному, опасному или злему. Даже будучи сильным, ясным и господствующим, Разум, хотя и накладывает определенную, существенную ментализированную гармонию, не может интегрировать все существо и природу. Эти гармонизации с помощью низшего контроля являются, помимо того, незавершенными, потому что при этом господствует и осуществляет себя лишь одна часть природы, тогда как другие части вынуждены замолчать и не могут достичь своей полноты. Такие гармонизации могут быть шагами на пути, но они не окончательны; поэтому в большинстве людей нет единственной доминанты и осуществленной частичной гармонии, и есть лишь преобладание принципа разума, а по части всего остального — неустойчивое равновесие личности, наполовину сформулированной и наполовину находящейся в процессе формирования, иногда есть неустойчивость или разбалансировка из-за нехватки центрального правления или возмущения ранее достигнутого частичного равновесия. Все должно быть переходным, пока первая, хотя и не окончательная, истинная гармонизация не будет достигнута благодаря открытию нашего настоящего центра. Ведь истинным центральным существом является душа, но это существо стоит позади, и в большинстве человеческих природ является лишь тайным свидетелем или, можно сказать, конституционным правителем, который позволяет своим министрам править за него, предоставляет им свою империю, молча соглашается с их решениями и лишь потом вставляет свое слово, которое они могут отвергнуть и действовать по-другому. Но так происходит лишь до тех пор, пока душа-персональность, выдвинутая вперед психическим существом, еще не достаточно развита; когда же она достаточно сильна для того, чтобы внутренняя сущность наложила себя через нас, тогда душа может выйти вперед и взять под контроль природу. Именно благодаря этому выходу вперед истинного монарха и взятия им правления в свои руки может произойти настоящая гармонизация нашего существа и нашей жизни. Первым условием полного появления души является прямой контакт в поверхностном существе с духовной Реальностью. Из-за того, что психический элемент приходит оттуда, он всегда повернут ко всему в феноменальной Природе, что кажется принадлежащим высшей Реальности и может быть принято как ее знак и свойство. Поначалу психический элемент ищет эту Реальность через добро, истину, красоту, через все чистое и прекрасное, высокое и благородное: но хотя такое касание через внешние знаки и достоинства может модифицировать и подготовить природу, но оно не может полностью или самым внутренним и глубоким образом изменить ее. Для такого глубочайшего изменения необходим прямой контакт с самой Реальностью, потому что ничто иное не может так глубоко затронуть основание нашего существа и встряхнуть его или благодаря этой встряске бросить природу в брожение трансмутации. Ментальные представления, эмоциональные и динамические образы имеют свою пользу и ценность; Истина, Добро и Красота сами по себе являются первичным и могущественным образом Реальности, и даже в их формах, как видится разумом, как чувствуется сердцем, как реализуется в жизни, могут находиться линии восхождения: но именно в духовной субстанции и в существе их и себя То, что они представляют, пришло в наш опыт.

Душа может пытаться достичь этого контакта главным образом через думающий разум как через посредника и инструмент; она накладывает психический отпечаток на интеллект и на больший разум проницательности и интуиции и поворачивает их в том направлении. На своем высочайшем верхе думающий разум всегда тянется к безличностному; в это поиске он начинает сознавать духовную сущность, безличностную Реальность, которая выражается во всех этих внешних знаках и достоинствах, но является чем-то большим, чем любое образование или проявленный образ. Он чувствует нечто, что начинает сокровенно и невидимо осознавать — всевышнюю Истину, всевышнее Добро, всевышнюю Красоту, всевышнюю Чистоту, всевышнее Блаженство; он переносит нарастающее касание, все более и более осязаемое и все менее абстрактное, все более и более духовно реальное и конкретное, прикосновение и давление Вечности и Бесконечности, что является всем этим и большим. Есть давление этой Бесконечности, которая стремится отлить весь разум в форму себя: одновременно становится все более видимой безличностная тайна и закон вещей. Разум развивается в ум мудреца, поначалу высшего ментального мыслителя, затем духовного мудреца, который вышел далеко за пределы абстрактного мышления к началам прямого переживания. В результате разум становится чистым, большим, спокойным, безличностным; есть аналогичное успокаивающее влияние на части жизни: но в других отношениях результат может оставаться неполным, ведь ментальное изменение ведет более естественно ко внутренней статике и внешнему спокойствию, и, установившийся в этом очищающем спокойствии, не притягиваемый как витальные части к открытию новых энергий жизни, разум не добивается полного динамического воздействия на природу.

Более высокая попытка разума не меняет этого баланса; ведь одухотворенный разум склонен идти вверх и, поскольку поднимаясь выше себя, разум теряет опору на формы, то он входит в необъятную бесформенную безличностность, лишённую всяких черт. Он начинает осознавать неизменное Я, сущий Дух, чистую обнаженность сущностного Существования, бесформенное Бесконечное и безымянный Абсолют. Этой кульминации можно скорее достичь, стремясь преимущественно за пределы всех форм и образов, за пределы всех представлений о добре и

зле, истинном и ложном, прекрасном и отвратительном, к Тому, что превосходит все эти дуальности, к переживанию всевышнего тождества, бесконечности, вечности или к другому невыразимому возвышению к окончательному и крайнему восприятию разумом Я и Духа. При этом достигается одухотворенное сознание, и жизнь стихает, тело перестает требовать и поднимать шум, сама душа вливается в духовное молчание. Но эта трансформация через разум не дает нам интегральной трансформации; психическая трансмутация заменяется духовным изменением на разрезанных и высочайших вершинах, но это не полная божественная динамизация Природы.

Второй подход души установить контакт с Реальностью проходит через сердце: это ее собственный более близкий и более быстрый путь, поскольку оккультное место души находится здесь, сразу же за сердечным центром, в близком контакте с эмоциональным существом в нас; следовательно, именно через эмоции душа может наилучшим образом воздействовать в самом начале, действуя со своей родственной силой, со своей живой силой конкретного переживания. Именно через любовь и поклонение Все-Прекрасному и Все-Блаженному, Все-Благу, Истине, духовной реальности любви делается этот подход; эстетическая и эмоциональная части объединяются вместе, чтобы служить душе, жизни, всей природе, которой они поклоняются. Это приближение через поклонение может обрести свою полную силу и толчок только в том случае, когда разум выходит за пределы безличности к осознанию всевышнего Личностного Существа: тогда все становится интенсивным, живым, конкретным; эмоции сердца, чувства, одухотворенные ощущения достигают своего абсолюта; полная самоотдача становится возможной и императивной. Зарождающийся духовный человек видится в своей эмоциональной природе как поклоняющийся, бхакта; если, в дополнение к этому, он начинает напрямую осознавать свою душу и ее веления, объединяет свою эмоциональную личность со своей психической личностью и преобразует свою жизнь и витальные части благодаря чистоте, самозабвенному порыву Бога, любви к Богу, к людям и ко всем творениям, в явление духовной красоты, полное божественного света и добра, тогда он развивается в святого и достигает высочайшего внутреннего переживания и наиболее значительного изменения природы, соответствующего его пути приближения к Божественному Существо. Но для цели интегральной трансформации этого тоже не достаточно; должна произойти трансмутация думающего разума и всех витальных и физических частей сознания в их собственном характере.

Это большее изменение может быть частично достигнуто путем добавления к переживаниям сердца посвящения прагматической воли, которая должна суметь нести вместе с этим изменением — ведь иначе оно не может быть эффективным — преданность динамической витальной части, которая поддерживает ментальную динамику и является нашим первым инструментом внешнего действия. Это посвящение воли в работах происходит путем постепенного устранения эго-воли и его мотивирующей силы желания; эго подчиняет себя некоему высшему закону и, в конце концов, стирает самого себя, кажется несуществующим или существует только для того, чтобы служить высшей Силе или высшей Истине, либо чтобы предоставить Божественному Существо свою волю и действие в качестве его инструментов. Этот закон бытия и действия или свет Истины, который затем направляет искателя, может быть прозрачностью, силой и принципом, который он воспринимает на высочайшей вершине, на которую только способен его разум; либо это может быть истиной божественной Воли, которую он чувствует присутствующей и работающей внутри него, или направляющим его Светом или Голосом, Силой или божественной Личностью или Присутствием. В конце этого пути искатель достигает сознания, в котором он чувствует Силу или Присутствие, действующее внутри и движущее или управляющее всеми действиями, в котором личностная воля полностью сдалась большей Воле Истины, Силе Истины или Присутствию Истины, либо отождествилась с ними. Комбинация всех этих трех подходов — подхода разума, подхода воли, подхода сердца — создает такое духовное или психическое условие для поверхностного существа и природы, в котором есть большее и более комплексное открытие психическому свету внутри нас и духовному Я или Ишваре, Реальности, ощущающейся сейчас выше нас и обволакивающей и пронизывающей нас. В природе может произойти более сильное и многостороннее изменение, духовное построение и самотворение, появление составного совершенства святого, неэгоистического работника и человека духовного знания.

Но чтобы достичь этого изменения в его широчайшей тотальности и глубокой полноте, сознание должно сместить свой центр, свою статическую и динамическую позиции с поверхности к внутреннему существу; именно там должны мы найти основание для нашего мышления, жизни и действия. Для трансформации недостаточно просто оставаться снаружи на поверхности, получать там указания от внутреннего существа и следовать им; надо перестать быть поверхностной личностью и стать внутренней Личностью, Пурушей. Но это трудно, в первую очередь из-за того, что природа противится этому движению и цепляется за свое обычное привычное положение и внешний способ существования и, в добавок этому, из-за того, что от поверхности к глубине лежит долгий путь, на котором психическая сущность завуалирована от нас, и это промежуточное пространство заполнено сублимированной природой и природными движениями, из которых отнюдь не все благоприятны для завершения внутреннего движения. Внешняя природа должна изменить свое положение, стихнуть, очиститься, претерпеть тонкую мутацию своей субстанции и энергии, благодаря чему многие препятствия в ней становятся менее жесткими, отпадают или исчезают каким угодно образом; тогда становится возможным пройти к глубинам нашего существа, и из этих глубин может быть сформировано новое сознание, как за внешним я, так и в нем самом, соединяя тем самым глубины с поверхностью.

Внутри нас должно расти или проявляться сознание все более открытое к более глубокому и более высокому бытию, все более раскрытое для космического Я и Силы и для того, что исходит из Трансцендентного, сознание, повернутое к высочайшему Миру-Покою, пронизанное для большего света, силы и энергии, сознание, которое превосходит маленькую личность и ограниченный свет и переживание поверхностного разума, превосходит ограниченную силу и стремление обычного сознания жизни, темную и ограниченную чувствительность тела.

Даже до того, как будет достигнуто или станет достаточным успокаивающее очищение внешней природы, можно все еще разрушить стену, экранирующую наше внутреннее существо от нашего внешнего осознания, сделать это с помощью крепкой силы зова и стремления, горячей воли или отчаянного усилия, либо с помощью действенной дисциплины; но это может оказаться преждевременным движением, причем не лишенным серьезной опасности. Войдя вовнутрь, можно оказаться в хаосе неизвестных и сверхнормальных переживаний, к которым не имеешь ключа, либо попасть под давление сублиминальных или космических сил, подсознательных, ментальных, витальных, тонко-физических, которые могут неправильно раскачивать существо или хаотически управлять им, окружать его пещерой тьмы или удерживать его блуждающим в дикой местности колдовства, соблазна и обмана, либо толкать его на темное поле боя, полное тайных, коварных и обманчивых или открытых и неистовых противников; внутреннему чувству, видению и слуху могут слышаться голоса и являться существа, претендующие быть Божественными Сущностями или Его посланниками, либо Силами и Божествами Света, либо руководителями на пути к реализации, тогда как на самом деле они могут носить совершенно другой характер. Если в природе искателя есть чрезмерный эгоизм или сильная страсть или чрезмерные амбиции, большое тщеславие или другая преобладающая слабость, либо темнота разума или шаткая воля или слабость жизненной силы или ее неустойчивость или потребность в балансе, тогда искатель, вероятнее всего, будет схвачен за эти дефекты, будет побежден или сбит с истинного пути внутренней жизни на ложные пути, либо останется блуждать в промежуточном хаосе переживаний и не сможет найти своего пути к истинной реализации. В духовном опыте прошлых лет эти опасности были хорошо известны, и для их предотвращения накладывалась необходимость посвящения, дисциплины, методов очищения, необходимость проверки испытанием, необходимость полного подчинения указаниям первопроходца или лидера, того, кто реализовал Истину, сам обладает ею и способен сообщаться со светом, кто силен, чтобы взять за руку и переводить через трудные переходы, как и инструктировать и указывать путь. Но даже и в этом случае остается опасность, и она может быть преодолена лишь в том случае, если есть или растет полная искренность, воля к очищению, готовность подчинения Истине, сдача Высочайшему, готовность утратить ограниченное само-утверждение эго или впрячь его в божественное ярмо. Эти вещи являются знаком того, что есть истинная воля к реализации, к преображению сознания, к трансформации, что достигнута требуемая стадия эволюции: при этих условиях дефекты природы, принадлежащие человеческому существу, не могут быть постоянным препятствием для перехода от ментального к духовному статусу; этот процесс никогда не может быть совершенно легким, но путь был открыт, и его можно практиковать.

Чтобы облегчить этот вход во внутреннее я, часто используется эффективный способ отделения Пуруши, сознательного существа, от Prakriti, сформулированной природы. Если встать позади разума и его активностей, так что они замолкают или продолжают как поверхностное движение, наблюдаемое открепленным и незаинтересованным свидетелем, тогда, в конце концов, становится возможным реализовать свое я как Я разума, истинное и чистое ментальное существо, Пурушу; но аналогичным образом отходя от жизненных активностей, можно реализовать себя как внутреннее Я жизни, истинное и чистое витальное существо, Пурушу; есть даже Я тела, истинное и чистое физическое существо, Пуруша, и его тоже можно начать осознавать, отойдя от тела и его требований и активностей и войдя в молчание физического сознания, наблюдая действие его энергии. Точно также, при отходе ото всех этих активностей природы последовательно или всех разом, становится возможной реализация собственного внутреннего существа в качестве молчаливого безличного я, свидетельского Пуруши. Это будет вести к духовной реализации и освобождению, но не обязательно приведет к трансформации; ведь Пуруша, удовлетворенный собой и своей свободой, может оставить Природу, Prakriti, чтобы та исчерпала накопленный ей импульс в ходе неподдерживаемого действия, механического продолжения, не возобновляемого и не усиливаемого или оживляемого и продлеваемого согласием Пуруши; Пуруша может использовать это отвержение как средство отхода ото всей природы. Пуруша должен стать не только свидетелем, но и познающим и источником, хозяином всего своего мышления и действия, а это можно осуществить лишь частично, если остаешься на ментальном уровне или должен все еще использовать обычный инструментальный разум, жизни и тела. Определенное господство действительно может быть достигнуто, но господство — не трансформация; такого изменения не может быть достаточно для интегральности: для этого сущностно необходимо отойти за пределы существа разума, существа жизни, существа тела, уйти еще глубже внутрь к сокровенной и глубочайшей психической сущности внутри нас — или же к высочайшим сверхсознательным регионам. Для этого проникновения в светлый тайник души необходимо пройти через весь вмешивающийся витальный материал к психическому центру внутри нас, сколь бы долгим, неприятным или трудным ни был бы этот процесс. Метод открепления от настоящего всех ментальных, витальных и физических требований, побуждений и

импульсов, концентрация в сердце, самоограничение, самоочищение и отвержение старых движений разума и жизни, отвержение эго желания, отвержение ложных нужд и ложных привычек — все это полезная помощь в трудном продвижении: но самый сильный, самый центральный путь — это основать любой такой метод на само-отдаче и сдаче себя и наших природных частей Божественному Существо, Ишваре. Строгое подчинение мудрому и интуитивному руководству Лидера тоже нормально и необходимо для всех, кроме немногих особо одаренных искателей.

По мере того, как лопаются корка внешней природы, как рушатся стены внутреннего отделения, начинает проходить внутренний свет, внутренний огонь зажигается в сердце, природная субстанция и вещество сознания облагораживается до большей тонкости и чистоты, и на этой более тонкой, более чистой, более изящной субстанции становятся возможными более глубокие психические переживания, не носящие исключительно внутренне-ментальный или внутренне-витальный характер; душа начинает раскрывать себя, психическая личность достигает своего полного роста. Тогда душа, психическая сущность проявляется как центральное существо, которое поддерживает разум, жизнь и тело, а также все другие силы и функции Духа; она берет себе его высочайшую функцию руководителя и правителя природы. Начинается правление изнутри, которое подставляет каждое движение под свет Истины, отвергает все ложное, темное, противостоящее божественной реализации: каждый регион существа, каждый его уголок, каждое движение, образование, направление, каждая склонность мысли, воли, каждая эмоция, ощущение, действие, реакция, мотив, настроение, предрасположение, желание, каждая привычка сознательного или подсознательного физического, даже самая скрытая, замаскированная, немая, затаившаяся — все это освещается безошибочным психическим светом, и их путаница исчезает, их клубок распутывается, их темнота, обман и самообман выявляются и устраняются, все очищается, правильно устанавливается, вся природа гармонизируется, модулируется в психическом ключе, приводится в духовный порядок. Этот процесс может быть быстрым или медленным в зависимости от объема темноты и сопротивления, все еще оставшихся в природе, но он непоколебимо продолжается до своего полного конца. В конечном счете все сознательное существо делается совершенно пригодным для духовного переживания любого рода, повернутым к духовной истине мысли, чувства, ощущения, действия, настроенным на правильный отклик, освобожденным от тьмы и неподатливости тамасической инерции, мутности, хаотичности и нечистоты раджасической страсти и ее беспокойной негармонизированной деятельности, от просвещенной жесткости и сатвических ограничений или балансировки сконструированного равновесия — от всего того, что является характером Неведения.

Таков первый результат, а второй — это наплыв всевозможных духовных переживаний, переживание Я, переживание Ишвары и Божественной шакти, переживание космического сознания, прямое прикосновение к космическим силам и оккультным действиям универсальной Природы, психическая симпатия и единство и внутреннее сообщение и всевозможные взаимодействия с другими существами и с Природой, озарение разума знанием, озарение сердца любовью и преданностью, духовная радость и экстаз, озарение чувства и тела высшим переживанием, озарение динамического действия в истине и широте очищенного разума, сердца и души, уверенность божественного света и руководства, радость и мощь божественной силы, работающей в воле и в ведении. Эти переживания являются результатом открытия наружу внутреннего и сокровенного существа и природы; ведь тогда вступает в игру мощь безошибочного врожденного сознания души, ее видение, ее прикосновение к вещам, превосходящее любое ментальное познание; есть родственное психическому сознанию в его чистой работе непосредственное ощущение мира и его существ, есть прямой внутренний контакт с ними и с Я и с Божественным — прямое знание, прямое видение Истины и всех истин, прямая проникающая эмоция и чувство, прямая интуиция верной воли и правильного действия, мощь править и создавать порядок не поисками на ощупь поверхностного я, а изнутри, из внутренней истины я и вещей и из оккультных реальностей Природы.

Некоторые из этих переживаний могут придти при открытии внутреннего ментального и витального существа, внутреннего, более широкого и более тонкого разума и сердца и жизни внутри нас, без какого-либо полного появления души, психической сущности, потому что и там есть сила прямого контакта сознания: но тогда это переживание может носить смешанный характер, ведь тогда может всплыть не только сублиминальное знание, но и сублиминальное неведение. Тогда вполне может произойти недостаточное расширение существа, ограничение ментальной идеей, узкой и избирательной эмоцией или какой-либо формой темперамента, так что будет только несовершенное самознание и действие, а не свободное появление души. При отсутствии какого-либо или полного психического появления, определенного рода переживания, переживания большего знания и силы, превосхождение обычных пределов может привести к раздутию эго и даже вызвать вместо раскрытия божественного или духовного прорыв титанического или дьявольского, либо призвать мощные силы хотя и не столь разрушительного типа, но все же носящие низший космический характер. Но правление и руководство души вносит во всякое переживание тенденцию света, интеграции, гармонии и сокровенной правоты, что родственно психической сущности. Психическая или, говоря шире, психо-духовная трансформация этого рода уже будет огромным изменением нашей ментальной человеческой природы.

Но все это изменение, хотя и психическое и духовное в своей сущности и в своем характере, все еще будет по части осуществления в жизни оставаться на ментальном, витальном и физическом уровне; его динамическим духовным продуктом⁶ будет расцвет души в разуме, жизни и теле, но в действии и в форме этот расцвет будет ограничен пределами — сколь бы расширенными, поднятыми и утонченными они бы ни были — низшего инструментария. Это будет отраженным и модифицированным проявлением вещей, чья полная реальность, интенсивность, широта, единство и разнообразие истины, силы и восторга находится над нами, над разумом и поэтому над любым совершенством основания и суперструктуры нашей сегодняшней природы в пределах собственной формулы разума. На этой стадии психического или психо-духовного изменения должна вмешаться высочайшая духовная трансформация; психическое движение внутрь к внутреннему существу, *Я* или Божественности внутри нас, должно увенчаться раскрытием вверх к всевышнему духовному статусу или высшему существованию. Это может быть сделано путем открытия в то, что находится над нами, путем подъема сознания в сферы надразума и супраментальной природы, где ощущение *Я* и Духа вечно раскрыто и постоянно и где само-светлый инструментарий *Я* и Духа не ограничен и не разделен как в нашей природе разума, природе жизни, природе тела. Психическое изменение делает возможным и это; ведь как оно открывает нас к космическому сознанию, отгороженному сейчас от нас многими стенами ограниченной индивидуальности, точно также оно открывает нас к тому, что сейчас сверхсознательно по отношению к нашей нормальности, потому что оно закрыто от нас плотной, тяжелой и яркой крышкой разума — разума ограничивающего, делящего и разделяющего. Эта крышка утончается, трескается и разламывается на куски или открывается и исчезает под давлением психо-духовного изменения и естественного побуждения нового одухотворенного сознания к тому, чьим выражением оно здесь является. Этот пробой отверстия и его последствия могут вообще не произойти, если есть лишь частичное психическое появление, удовлетворенное переживанием Божественной Реальности в обычных степенях одухотворенного разума: но если есть какое-либо пробуждение к существованию этих высших сверхнормальных уровней, тогда стремление к ним может разрушить крышку или пробить в ней брешь. Это может случиться задолго до того, как психо-духовное изменение станет полным или даже до того, как оно наберет силу или продвинется сколь-нибудь далеко, потому что психическая личность начала осознавать сверхсознание и стала стремиться к нему. Раннее озарение свыше или разрыв верхней преграды может придти как результат стремления или некой внутренней готовности, либо оно может придти даже незванным или не требуемым какой-либо сознательной частью разума — возможно, званным некой тайной сублиминальной потребностью или под действием или давлением с высших уровней, благодаря нечто, что ощущается как касание Божественного Существа, касание Духа — и этот результат может быть чрезвычайно мощным. Но если он вызван преждевременным давлением снизу, тогда он может достигаться с трудностями и опасностями, которых нет, если полное психическое появление предшествует первому доступу в высшие сферы нашей духовной эволюции. Однако, этот выбор не всегда остается за нашей волей, ведь операции духовной эволюции в нас очень разноплановы, и в соответствии с линией, которую она приняла, будет и поворот, взятый в любой критической фазе действием Сознательной Силы в ее побуждении к высшей самоманифестации и высшему формированию нашего существования.

Если крышка разума пробита, тогда происходит открытие видения к нечто над нами, либо подъем к этому нечто, либо нисхождение его сил в наше существо. В результате этого открытия мы видим над собой Бесконечность, вечное Присутствие или бесконечное Существование, бесконечность сознания, бесконечность блаженства — безграничное *Я*, безграничный Свет, безграничную Силу, безграничный Экстаз. Может случиться и так, что долгое время все достигнутое будет ограничено редким или частым или постоянным видением этого и стремлением к нему, без какого-либо дальнейшего продвижения, потому что, хотя нечто из разума, сердца или другой части существа открылось к этому переживанию, но низшая природа в целом все еще слишком тяжела и темна для большего. Но вместо этого первого широкого осознания снизу или сразу же за ним может произойти подъем разума к высотам над ним: природу этих высот мы можем не знать или ясно различать, но чувствуется некое следствие этого восхождения; часто также есть осознание бесконечного восхождения и возвращения, но не остается никакой записи или трансляции того высшего состояния. Это происходит из-за того, что эти высоты сверхсознательны по отношению к разуму, и поэтому разум, поднимаясь к ним, не способен поначалу сохранить там свою силу сознательного различения и определенного переживания. Но когда эта сила начинает пробуждаться и действовать, когда разум начинает постепенно сознавать то, что по отношению к нему сверхсознательно, тогда начинается познание и переживание высших планов существования. Переживание происходит в соответствии с тем, что было принесено нам первым открытием видения: разум поднимается в высший план чистого *Я*, молчаливого, спокойного, беспредельного; либо он поднимается в регионы Света и Счастья, либо на те планы, где он чувствует бесконечную Силу или божественное Присутствие, либо переживание контакта божественной Любви или Красоты, либо атмосферу более широкого, более значительного и светлого Знания. После возвращения разума сохраняется духовное впечатление; но ментальная запись зачастую туманна и остается как смутная или фрагментарная память; низшее сознание, откуда происходило восхо-

⁶ Психическое и духовное раскрытие с их переживаниями и последствиями могут уводить от жизни или вести в Нирвану; но здесь они рассматриваются только как шаги в трансформации природы.

ждение, возвращается к тому, чем оно было, с единственным добавлением несохраненного или припоминаемого, но больше не динамического переживания. Иногда это восхождение происходит по воли, и тогда сознание приносит назад и сохраняет некое воздействие или некое достижение из своего временного пребывания в этих высших областях Духа. Эти восхождения могут для многих происходить в трансе, но они совершенно возможны при концентрации пробужденного сознания, либо, когда это сознание стало достаточно психическим, в любой момент, благодаря притяжению вверх или родственности тому, что находится выше. Но оба этих типа контакта со сверхсознательным, хотя они и могут быть мощно одаряющими, экзотическими или освобождающими, сами по себе недостаточно эффективны: для полной духовной трансформации требуется нечто большее — постоянное восхождение из низшего в высшее сознание и действенное постоянное нисхождение высшего в низшую природу.

Именно это третье движение — нисхождение — существенно для осуществления постоянного восхождения, для нарастающего притока свыше, для переживания, восприятия и удержания нисходящего Духа или его сил и элементов сознания. Переживание нисхождения может происходить как результат тех двух других движений или автоматически еще до любого из них, через внезапный разлом в крышке разума или просачивание сквозь нее, ливень или приток. Свет спускается и прикасается, либо обволакивает и проникает в низшее существо, разум, жизнь и тело; либо присутствие или сила или поток знания вливается волнами или струями, либо происходит затопление блаженством и внезапным экстазом; так устанавливается контакт со сверхсознательным. Эти переживания повторяются до тех пор, пока не станут обычными, знакомыми и хорошо понятными, раскрывающими свое содержание и свое значение, которое поначалу может быть окутано тайной образа покрывающего переживания. Знание свыше начинает нисходить — сначала часто, затем постоянно, потом непрерывно — и проявляться в спокойствии или в молчании разума; интуиции и вдохновения, откровения, рожденные из большего знания, высшая истина и мудрость входят в существо, работает светлое интуитивное различие, которое разгоняет всю тьму понимания или слепящую путаницу, и оно приводит все в порядок; начинает формироваться новое сознание, разум высшего широкого само-существующего мыслящего познания, либо озаренное или интуитивное или надментальное сознание с новыми силами мышления или зрения и большей силой прямой духовной реализации, являющейся чем-то большим, чем мышление или зрение, являющейся большим становлением в духовной субстанции нашего теперешнего существа; сердце и чувство становятся тонкими, интенсивными, большими, чтобы охватить все существование, видеть Бога, чувствовать или касаться Вечного, осуществлять более глубокое и более близкое единение Я и мира в трансцендентной реализации. Устанавливаются другие решающие переживания, другие изменения сознания, являющиеся следствием и результатом этого фундаментального изменения. Для этой революции не может быть установлено никакого предела, ведь такова природа вторжения Бесконечного.

Таков процесс духовной трансформации, проходящей в неторопливой постепенности или в последовательности великих и быстрых определяющих переживаний. Он достигает своей вершины в часто повторяющемся восхождении, благодаря чему сознание в конце концов закрепляется на высшем плане и оттуда смотрит и управляет разумом, жизнью и телом; он также достигает своей вершины в нарастающем нисхождении сил высшего сознания и знания, которые все больше и больше становятся его прямым сознанием и знанием. Чувствуются свет и мощь, знание и сила, которые сначала завладевают разумом и переформируют его, затем завладевают жизненной частью и переформируют и ее, наконец, переформируют маленькое физическое сознание, делая его широким, пластичным и даже бесконечным. Ведь само это сознание имеет природу бесконечности: оно приносит нам постоянное духовное ощущение и осознание Бесконечного и Вечного в великой необъятности природы и снятие ее ограничений; бессмертие перестает быть верой или переживанием, а становится обычным само-осознанием; близкое присутствие Божественного Существа, его правление миром, нашим я и природными составляющими, его сила, работающая в нас и везде, мир и покой бесконечного, радость Бесконечного являются теперь конкретными и постоянными в существе; во всех взглядах и формах видится Вечное, Реальность, во всех звуках слышится эта Реальность, во всех касаниях чувствуется она; нет ничего другого, кроме ее форм и личностей и проявлений; радость или поклонение сердца, охват всего существование, единство духа становятся вечно пребывающими реальностями. Сознание ментального творения обращается или уже полностью обращено в сознание духовного существа. Это вторая трансформация из трех; объединение проявленного существования с тем, что находится над ним — это средний шаг из трех, решающий переход духовно развивающейся природы.

Если бы дух мог с самого начала тайно пребывать на своих высотах и иметь дело с чистым и девственным веществом разума и материи, тогда полная духовная трансформация могла бы быть быстрой, даже легкой: но фактический процесс Природы более труден, логика ее движений разнородна, извилиста, непостоянна, всеобъемлюща; она учитывает все данные задачи, поставленные ею же перед собой, и не удовлетворяется упрощенным триумфом над своими сложностями. Каждая часть нашего существа должна быть охвачена в ее собственной природе и характере, со всеми оболочками и записями прошлого, все еще присутствующими в них: каждая малейшая частичка и движение должны быть либо разрушены и замещены, если они не пригодны, либо, если возможно, должны быть превращены в истину высшего бытия. Если произошло полное психическое изменение, тогда это может быть

сделано в ходе безболезненного процесса, хотя программа все еще должна быть долгой и тщательной, а процесс — взвешенным; но иначе придется удовлетвориться частичным результатом или, если собственная тщательность совершенствования или голод духа жадно поспешны, тогда придется согласиться с трудным и часто болезненным действием, кажущимся нескончаемым. Ведь обычно сознание не поднимается на свои вершины, кроме как в высочайшие моменты; оно остается на ментальном уровне и воспринимает нисхождения свыше, иногда это единичное нисхождение некой духовной силы, которая останавливается и переделывает существо в нечто преобладающе духовное, либо это последовательность нисхождений, приносящих в существо все больше духовного статуса и динамики: но пока не можешь жить на высочайшей из достигнутых высот, то и не может быть полного или более интегрального изменения. Если не произошла психическая мутация, если было преждевременное притягивание высших Сил, тогда контакт с ними может быть слишком силен для дефектного и нечистого материала Природы, и тогда его может постигнуть судьба небожженного кувшина из Вед, который не смог выдержать божественного Вина Сомы; либо нисходящее воздействие может отступить или пролиться из-за того, что природа не смогла удержать или сохранить его. Опять же, если нисходит Сила, то эгоистический разум или витал могут пытаться завладеть ею ради собственных целей раздувания эго, либо неблагоприятным результатом может стать охота за силами и само-возвеличивающим мастерством. Нисходящая Ананда не может быть удержана, если есть слишком много сексуальной нечистоты, порождающей отравляющую или понижающую смесь; Сила отступает, если есть амбиция, тщеславие или другая агрессивная форма низшего я, Свет тоже отступает, если есть прикрепленность к темноте или любой другой форме Неведения, и Присутствие отступает, если палата сердца не была очищена. Либо может пытаться завладеть существом некоторая небожественная Сила, используя захваченные инструменты для Враждебной цели. Даже если не происходит таких опасных промахов или ошибок, все же многочисленные ошибки восприятия или несовершенства сосуда могут задерживать трансформацию. Тогда Сила вынуждена приходить интервалами и работать пока что за вуалью или сдерживать себя в долгие периоды смутного усвоения или подготовки сопротивляющихся частей Природы; Свет вынужден работать во тьме или полутьме тех наших регионов, которые все еще находятся в Ночи. Тогда в любой момент работа может остановиться для этой жизни, потому что природа больше не способна воспринимать или усваивать — ведь она достигла пределов своей нынешней способности — или потому что разум может быть готов, но витал, столкнувшись с выбором между старой жизнью и новой, может отказаться от новой жизни, либо витал может принять, но тело может оказаться слишком слабым, непригодным или испорченным для необходимого изменения его сознания и его динамической трансформации.

Более того, необходимость выработки изменения отдельно в каждой части существа в ее собственной природе и характере вынуждает сознание поочередно спускаться в каждую часть и действовать там согласно ее состоянию и возможности. Если бы работа делалась свыше, с некоторой духовной высоты, тогда могло бы произойти утончение или возвышение или создание новой структуры, вызванное предельно мощной силой влияния свыше, но это изменение не могло бы быть принято низшим существом как родственное ему; это был бы не тотальный рост, не интегральная эволюция, а частичное и навязанное образование, пытающееся освободить некоторые части существа, но подавляющее другие или оставляющее их такими, какие они есть; творение извне обычной природы путем наложения на нее могло бы быть длительным в своей вечности только тогда, пока есть поддержка от создающего воздействия. Поэтому необходимо нисхождение сознания на низшие уровни, но и в этом случае трудно добиться полной силы высшего принципа; есть видоизменения, разжижения, уменьшения, из-за чего несовершенства и ограничения удерживаются на их прежнем уровне: свет большего знания нисходит, но затуманивается и видоизменяется, его смысл неправильно интерпретируется, либо его истина смешивается с ментальной и витальной ошибкой, либо сила, мощь исполнения не соразмерны его свету. Свет и сила надразума, работающего по собственному полному праву и в собственной сфере — это одно, а тот же самый свет, работающий в темноте физического сознания и в его условиях — это нечто совсем другое и, из-за уменьшения и смеси, гораздо более низшее в своем знании, силе и результате. Следствие этого — искажение силы, частичное воздействие или затрудненное движение.

В этом в действительности кроется причина медленного и трудного появления Сознательной Силы в Природе: ведь Разум и Жизнь должны спуститься в Материю и приспособиться к ее условиям; измененные и ослабленные темнотой и сопротивляющейся инерцией субстанции и силы, в которой они работают, они не способны осуществить полной трансформации своего материала, сделав из него пригодный инструмент, раскрывающий их настоящую врожденную силу. Сознание Жизни не способно воплотить в материальном существовании величие и счастье своих мощных и прекрасных импульсов; эго побуждение подводит его, его сила осуществления ниже истины его концепций, форма подводит интуицию Жизни, пытающуюся перевести ее в выражения существа Жизни. Разум не способен достичь своих высоких идеалов в среде Жизни или Материи без уступок и компромиссов, которые отнимают у них их божественность; эго ясность знания и воли превосходит его силу, которая должна бы перестроить низшую субстанцию, заставив ее подчиняться разуму и выражать его: наоборот, собственные силы разума поражены, эго воля поделена, эго знание спутано и затуманено хаотичностью жизни и ограниченностью Материи. Ни Жизнь, ни Разум не преуспевают в том, чтобы преобразить или сделать совершенным материальное существование, потому

что при этих условиях они не могут достичь собственной полной силы; им нужно призывать высшую силу, чтобы та освободила и исполнила бы их. Но и высшие духовно-ментальные силы тоже страдают от той же неспособности, когда они спускаются в Жизнь и Материю; они могли бы сделать гораздо больше, достичь гораздо более светлого изменения, но постоянно происходит модификация, ограничение, есть несоответствие между входящим сознанием и силой исполнения, которую она может ментализовать и материализовать; в результате получается ослабленное творение. Производимые ими изменения зачастую экстраординарны, есть даже нечто, что выглядит как полное преобразование и обращение состояния сознания и возвышение его движений, но это изменение не абсолютно в динамике.

Только сверхразум может низойти, не потеряв полной силы своего действия; ведь его действие всегда подлинное и автоматическое, его воля и знание тождественны, и результат соизмерим: его природой является само-достигающая Истина Сознания и, если она ограничивает себя или свои работы, то это происходит по выбору и намеренно, а не вынужденно; действие и результат действия гармоничны и неизбежны в тех пределах, которые выбирает сверхразум. А надразум, как и Разум, являет собой разделяющий принцип, и его характерная операция — выработать избранную гармонию в независимой формации; его глобальное действие действительно позволяет ему порождать гармоническое целое и совершенствоваться в себе или объединять или сплавливать свои гармонии вместе, делая синтез; но, трудясь при ограничениях Разума, Жизни и Материи, надразум должен делать это отдельными частями, соединяя затем их вместе. Его тенденция к тотальности стесняется избирательной тенденцией, которая усугубляется природой ментального и жизненного материала, в котором работает здесь надразум; то, что он может достичь — это отдельные ограниченные духовные творения, каждое из которых совершенно в себе, а не интегральное знание и его манифестация. По этой причине и из-за ослабления своего враждебного света и силы надразум не способен полностью делать то, что нужно, и призывает высшую мощь, супраментальную силу, чтобы она освободила и исполнила его. Подобно тому, как психическое изменение должно призывать духовное, чтобы оно завершило психическое, так и первое духовное изменение должно звать супраментальную трансформацию, чтобы она завершила его. Ведь все эти шаги, как и предшествовавшие им, являются переходными; целостный радикальный переход эволюции от базиса Неведения к базису Знания может произойти лишь при вмешательстве супраментальной Мощи и ее прямого действия в земном существовании.

Тогда это должно быть природой третьей и окончательной трансформации, которая закончит переход души через Неведение и обоснует свое сознание, свою жизнь, свою силу и форму манифестации на полном и полностью действенном само-знании; Истина Сознания, обнаружив готовность эволюционной Природы, должна спуститься в нее и позволить ей освободить супраментальный принцип внутри нее; так должно быть создано супраментальное и духовное бытие как первая незавуалированная манифестация истины Я и Духа в материальной вселенной.

ВОСХОЖДЕНИЕ К СВЕРХРАЗУМУ

Мастера Света Истины, которые заставляют Истину расти с помощью Истины.

Риг Веда¹

Три силы Речи, которые выдвигают Истину на передний план... тройной дом покоя, тройной путь Света.

Риг Веда²

Четыре других мира красоты создал он как свою форму, когда вырос благодаря Истинам.

Риг Веда³

Он рожден провидцем с пронзительным умом; потомок истины, рождение, произошедшее в таинстве, полупроявленное в манифестации.

Риг Веда⁴

Обладающие необъятной вдохновляющей мудростью, творцы Света, сознательные все-знающие, растущие в Истине.

Риг Веда⁵

Придерживаясь высшего Света за пределами тьмы, мы пришли к божественному Солнцу в Божестве, к высочайшему Свету всего.

Риг Веда⁶

Психическая трансформация и первые стадии духовной трансформации находятся в пределах нашего понимания; их совершенство будет совершенством, полнотой, завершенным единством знания и опыта, что уже составляет часть вещей реализованных, хотя и реализованных только небольшим числом человеческих существ. Но супраментальное изменение переносит нас в менее изученные регионы; оно подводит к видению высот сознания, которые были видны в проблесках и действительно посещались, но все еще должны быть открыты и исследованы в своей полноте. Высочайший из этих пиков или возвышенных плато сознания — супраментальный — находится далеко за пределами возможности какой-либо удовлетворительной ментальной схемы или плана, как и за пределами любого охвата ментальным видением и описанием. Для обычного незаряженного или нетрансформированного ментального представления будет трудно выразить или войти в нечто, что базируется на столь отличном сознании с совершенно другим осознанием вещей; даже если это было видно или понято благодаря некоторому озарению или открытию видения, все же будет необходим другой язык, отличный от бедного абстрактного статиста, используемого нашим разумом, чтобы перевести виденное или понятое в те термины, с помощью которых их реальность могла бы вообще быть схвачена нами. Как вершины человеческого разума находятся далеко за пределами животного восприятия, так и движения Сверхразума находятся за пределами обычного человеческого и ментального представления: только когда мы уже имели переживание высшего промежуточного сознания, только тогда какие-либо выражения, пытающиеся описать супраментальное бытие, могут донести истинный смысл до нашего интеллекта; ведь тогда, уже имея переживание чего-то родственного описываемому, мы могли бы перевести неадекватный язык в образ того, что мы уже знали. Если разум не может войти в природу Сверхразума, то он может смотреть на нее через эти высшие и светлые приближения и схватывать некий отраженный отпечаток Истины, Правоты, Необъятности, что является родным царством свободного Духа.

¹ I. 23. 5.

² VII. 101. 1, 2.

³ IX. 70. 1.

⁴ IX. 68. 5.

⁵ X. 66. 1.

⁶ I. 50. 10.

Но даже то, что может быть сказано о промежуточном сознании, вынуждено быть неадекватным; можно ответить лишь на некоторые абстрактные обобщения, которые могут послужить начальным руководящим светом. Одно способствующее этому обстоятельство заключается в том, что высшее сознание, сколь бы оно ни отличалось в своем составе и принципе, но в своей эволюционной форме, в том, что первоначально может быть достигнуто здесь, оно все же является высшим развитием элементов, которые уже присутствуют в нас, сколь бы рудиментарным или ослабленным ни был бы их образ здесь. Также помогает тот факт, что логика хода эволюционной Природы сохраняется, хотя и значительно модифицированная в некоторых правилах своей работы, но сущностно остающаяся той же, при подъеме на высочайшие высоты, как и в низших началах; таким образом можем мы раскрыть линии ее всевышней процедуры и до некоторой степени последовать за ними. Ведь мы уже видели нечто из природы и закона перехода от интеллектуального к духовному уму; с этой стартовой точки мы можем начать отслеживать проход к более высокой динамической ступени нового сознания и дальнейший переход от духовного разума к Сверхразуму. Знаки обязательно будут очень несовершенными, ведь это только первые начальные представления абстрактного и общего характера, которых мы можем достичь методом метафизического исследования: настоящее знание и описание должно быть оставлено мистическому языку и образам, одновременно более живым и более сведущим, образам прямого и конкретного переживания.

Переход от Надразума к Сверхразуму является переходом от Природы, какой мы знаем ее, в Сверхприроду. Сам этот факт делает невозможным достичь этого простым усилием Разума; наше личное стремление и старание без поддержки не могут достичь этого: наше усилие принадлежит к низшей силе Природы; сила Неведения с помощью собственной силы, либо характерных или доступных ей методов не может достичь того, что находится за пределами ее собственной области Природы. Все предыдущие восхождения осуществлялись с помощью тайной Сознательной Силы, действующей сначала в Несознании, затем в Неведении: она работала через всплытие к поверхности инволюционных сил, мощностей, сокрытых за вуалью и превосходящих прошлые формулировки Природы, но при этом все же требовалось давление тех же самых высших сил, уже сформулированных в своей полной естественной силе на своих собственных планах; эти высшие планы создают собственное основание в наших сублиминальных частях и оттуда могут воздействовать на эволюционный процесс, проходящий на поверхности. Надразум и Сверхразум также являются инволюционными силами, и они оккультно присутствуют в земной Природе, но не имеют формаций на доступных уровнях нашего сублиминального внутреннего сознания; пока еще нет надментального существа или организованной надментальной природы, нет супраментального существа или организованной супраментальной природы, действующей либо на поверхности, либо в наших обычных сублиминальных частях: ведь эти более значительные силы сознания сверхсознательны для уровня нашего неведения. Чтобы инволюционные принципы Надразума и Сверхразума появились из своего завуалированного таинства, требуется, чтобы существо и сила Сверхсознания спустились в нас, подняли бы нас и сформулировались в нашем существе и в наших силах; это нисхождение — *sine qua non* (непременное условие) перехода к трансформации.

В действительности постижимо, что и без нисхождения, благодаря тайному давлению свыше, в ходе длительной эволюции, наша земная Природа может преуспеть в том, чтобы войти в тесный контакт в высшими планами, сверхсознательными сейчас, и за вуалью может произойти образование сублиминального Надразума; в результате на нашей поверхности может медленно появиться сознание, соответствующее этим высшим планам. Можно представить, что на этом пути может появиться раса ментальных существ, думающих и действующих не с помощью интеллекта или рассуждающего рефлексизирующего ума или, главным образом, не с их помощью, а с помощью интуитивной ментальности, которая явится первым шагом восходящего изменения; за этим могла бы последовать надментализация, которая привела бы нас к границам, за которыми лежит Сверхразум или божественный Гнозис. Но этот процесс неизбежно выльется в долгое и трудоемкое старание Природы. Также возможно, что таким путем может быть достигнута лишь несовершенная высшая ментализация; новые высшие элементы могут явно преобладать в сознании, но их действие будут все еще подвержено модификации принципом более низкого сознания, которое должно прекратить свои настояния; в нем должна быть воля к тому, чтобы в ходе трансформации полностью зачеркнуть закон отдельного действия и утратить все свои права над нашим существом. Если бы эти два условия могли бы быть достигнуты даже сейчас с помощью сознательного зова и воли в духе и участия всего нашего проявленного и внутреннего существа в этом изменении и подъеме, тогда эволюция, трансформация смогла бы произойти путем относительно быстрого сознательного изменения; супраментальная Сознательная Сила свыше и эволюционирующая Сознательная Сила из-за вуали, действуя на пробужденное осознание и волю ментального человеческого существа, объединенной силой осуществили бы этот важнейший переход. Не было бы больше необходимости в медленной эволюции, требующей несколько тысячелетий для каждого шага, не было бы прерывающейся трудной эволюции, осуществляемой Природой в прошлом в несознательных творениях Неведения.

Первое условие этого изменения состоит в том, чтобы ментальный Человек, коим мы сейчас являемся, должен начать внутренне осознавать собственный более глубокий закон существа и его процессов и завладеть ими; он должен стать психическим и внутренним ментальным существом, мастером своих энергий, перестать быть рабом дви-

жений низшей Природы, должен контролировать ее, надежно закрепиться в свободной гармонии с высшим законом Природы. Отличительной чертой и, в действительности, логическим следствием эволюционного принципа и процесса является нарастающий контроль индивида над действием его природы и все более сознательное участие в действии вселенской Природы. Всякая деятельность, все ментальные, витальные, физические действия в мире являются операцией универсальной Энергии, Сознательной Силы, являющейся мощью Космического Духа, вырабатывающей космическую и индивидуальную истину вещей. Но поскольку это созидательное Сознание надевает в Материи маску несознания и принимает на поверхности видимость слепой универсальной Силы, осуществляющей план или реализующей устройство вещей, не зная, что она делает, то первый результат сродни этой видимости; это явление несознательной физической индивидуальности, творение не существ, а объектов. Это сформулированные существования со своими качествами, свойствами, мощью бытия, характером бытия; но Природный план и их устройства должны вырабатываться в них механически без какого-либо начала участия, приобщения или сознательной осведомленности в индивидуальном объекте, который появляется как первый немой результат и неживленное поле ее действия и творения. В животной жизни Сила начинает медленно становиться сознательной на поверхности и выдвигает вперед форму, но больше не объекта, а индивидуального существа; но этот несовершенно сознательный индивид, хотя он и участвует, ощущает, чувствует, но все же вырабатывает лишь то, что сама Сила делает в нем, без какого-либо ясного понимания или наблюдения того, что делается; кажется, что он не имеет другого выбора или воли, кроме той, что наложена на него сформулированной природой. В человеческом разуме есть первое появление наблюдающего понимания, которое рассматривает то, что было сделано, а также первое появление воли и выбора, ставших сознательными; но сознание все еще ограничено и поверхностно: знание также ограничено и несовершенно, это частичная понятливость, полу-понимание, по большей части на ощупь и эмпирическое, а если и рациональное, то рациональное благодаря конструкциям, теориям, формулам. Все еще нет светлого видения, которое знает вещи благодаря прямому охвату и выстраивает их со спонтанной точностью в соответствии с видением, со схемой их врожденной истины; хотя и есть определенный элемент инстинкта, интуиции и прозрения, который обладает некоторыми зачатками этой мощи, но обычный чертой человеческого понимания является рассудок или рефлексорирующее мышление, которое наблюдает, предполагает, заключает, делает выводы, трудом достигает сконструированной истины, сконструированной схемы знания, обдуманно выстроенного действия собственного творения. Или, скорее, это то, что стремится быть и частично является; ведь его знание и воля постоянно наводнены, затемнены или сводятся на нет силами существа, являющимися полуслепыми механизмами Природы.

Это, очевидно, не крайний предел, на который способно сознание, не последняя его эволюция и не высочайшая вершина. Должна стать возможной более значительная и более сокровенная интуиция, которая будет входить в сердце вещей, будет находиться в светлом тождестве с движением Природы, будет обеспечивать существу ясный контроль над его жизнью или, по меньшей мере, гармонию с его вселенной. Только свободное и полностью интуитивное сознание будет способно видеть и схватывать вещи в прямом контакте и проникающем видении или в спонтанном ощущении истины, рожденном из основополагающего единства или тождества, и выстраивать действие Природы в соответствии с истиной Природы. Это будет настоящим участием индивида в работе универсальной Сознательной Силы; индивидуальный Пуруша должен стать мастером собственной исполнительной энергии и одновременно быть сознательным партнером, агентом, инструментом Космического Духа в работе универсальной Энергии: универсальная Энергия будет работать через него, но он тоже будет работать через нее, и гармония интуитивной истины сделает эту двойную работу единым действием. Растущее сознательное участие этого высшего и более сокровенного рода должно стать аккомпанементом перехода от нашего сегодняшнего состояния бытия к состоянию Сверхприроды.

Можно представить гармонический иной мир, в котором интуитивное ментальное понимание этого рода и его контроль явятся правилом; но на нашем плане бытия, из-за изначального намерения и прошлой истории эволюционного развертывания, такое правило и контроль лишь с трудом могли бы быть установлены и не вероятно, что это правило и этот контроль смогли бы быть полными, окончательными и бесповоротными. Ведь интуитивная ментальность, вмешиваясь в смешанное ментальное, витальное, физическое сознание, обычно вынуждена смешиваться с низшим материалом уже развитого сознания; чтобы воздействовать на него, она должна войти в него и, входя в него, она спутывается с ним, пропитывается им, затрагивается отделительным и частичным характером действия нашего разума и ограничением и узкой силой Неведения. Действие интуитивного интеллекта достаточно острое и светлое, чтобы проникать и модифицировать, но оно не достаточно большое и целостное, чтобы вбирать в себя и уничтожать массу Неведения и Несознания; оно не может осуществить полной трансформации всего сознания в собственное вещество и силу. Все же, даже в нашем сегодняшнем состоянии, есть такого рода участие, и наше обычное понимание достаточно пробуждено к универсальной Сознательной Силе, чтобы работать через нее и позволять интеллекту и воле осуществлять определенный объем управления внутренними и внешними обстоятельствами, довольно неумелого и в любой момент преследуемого ошибкой, способного лишь на ограниченное воздействие и силу, не соизмеримого с большей тотальностью необъятных операций Сознательной Силы. В эволюции к Сверхприроде эта изначаль-

ная сила сознательного участия в универсальной работе будет расширяться в индивиде во все более и более сокровенное и расширенное видение ее работ в нем самом, в осязаемое восприятие избранного ею курса, в растущее понимание или интуитивное представление о методах, которым надо следовать для более быстрой и более сознательной само-эволюции. По мере того, как внутреннее психическое или оккультное внутреннее ментальное существо все больше выходит на передний план, все больше укрепляется сила выбора, санкции, и начала подлинной свободной воли становятся все более и более действенными. Но эта свободная воля будет, главным образом, относиться к собственным работам Природы; она будет означать лишь более свободный, более полный и более непосредственно восприимчивый контроль движений собственного существа человека: даже там эта воля не может быть полностью свободной, пока она зажата пределами, созданными собственными формациями, или сражается с несовершенством, вызванным смешением старого и нового сознания. Все же в этом будет нарастающее господство и знание и раскрытие к высочайшему бытию и к высшей природе.

Наше представление о свободной воле склонно заражаться излишним индивидуализмом эго и принимать образ независимой воли, действующей в собственных отдельных интересах, в полной свободе без какого-либо другого решения, кроме как по собственному выбору и в единственном несвязанном движении. Это представление игнорирует тот факт, что наше природное существо является частью космической Природы, и наше духовное существо существует только благодаря всевышней Трансцендентности. Наше тотальное существо может подняться из подчинения факту сегодняшней Природы только благодаря тождеству с большей Истиной и большей Природой. Воля индивида, даже когда она совершенно свободна, не может действовать в изолированной независимости, потому что индивидуальное существо и природа включены в универсальное Существо и Природу и зависят от правящей всем Трансцендентности. В действительности восхождение может проходить по двойной линии. На одной линии существо могло бы чувствовать и вести себя как независимое существование, объединяющее себя со своей собственной безличной Реальностью; так само-постигнутое, оно могло бы действовать с великой силой, но либо это действие все еще проходило бы в пределах расширенных рамок ее прошлой и сегодняшней само-формации сил Природы, либо в нем действовала бы космическая или вселенская Сила, и не было бы персонального начинания действия, и поэтому не было бы ощущения индивидуальной свободной воли, а было бы только ощущение безличностной космической или всевышней Воли или Энергии за своей работой. На другой линии существо будет ощущать себя духовным инструментом и действовать как сила Всевышнего Существа, ограниченная в своих работах лишь потенциями Сверхприроды, лишенными оков или любого ограничения, кроме собственной Истины и само-закона, и Воли в Сверхприроде. Но, в любом случае, как условие свободы от контроля механического действия Природных сил, будет подчинение большей сознательной Силе или безропотное единство индивидуального существа с ее намерением и движением в его собственном существовании и в мировом существовании.

Ведь действие новой мощи существа в высшем диапазоне сознания могло бы, даже по части контроля над внешней Природой, быть чрезвычайно эффективным, но только благодаря свету эго видения и вытекающей оттуда гармонии или отождествлению с космической и трансцендентной Волей; ведь именно когда существо становится инструментом высшей вместо низшей Мощи, тогда эго воля освобождается от механического детерминизма действия и процесса космической Энергии Разума, Энергии Жизни, Энергии Материи и от невежественного подчинения побуждению этой низшей Природы. Могла бы быть мощь приобщения, даже индивидуального надзора над космическими силами; но это будет инструментальное посвящение, делегированный надзор: выбор индивида будет получать санкцию Бесконечного, потому что сам этот выбор был выражением некоей истины Бесконечного. Так индивидуальность будет становиться все более мощной и эффективной по мере того, как она будет реализовывать себя как центр и образование универсального и трансцендентного Бытия и Природы. Ведь по мере развития этого изменения энергия освобожденного индивида больше не будет ограничена энергией разума, жизни и тела, с которой она стартовала; существо войдет в больший свет Сознания и в большее действие Силы и облачится в них — как и они всплывут в нем и спустятся в него, принимая эго в себя: природное существование индивида станет инструментариумом высшей Мощи, надментальной и супраментальной Силы Сознания, мощью изначальной Божественной Шапти. Весь ход эволюции будет ощущаться как действие всевышнего и универсального Сознания, всевышней и универсальной Силы, работающей любым избранным способом, на любом уровне, внутри любых само-определенных пределов, как сознательная работа трансцендентного и космического Бытия, как действие всемогущей и всезнающей Матери Мира, поднимающей существа в себя, в свою Сверхприроду. Вместо Природы Неведения с индивидом в качестве замкнутого поля и несознательного или полу-сознательного инструмента, появится Сверхприрода божественного Гнозиса, и индивидуальная душа станет эго сознательным, открытым и свободным полем и инструментом, участником эго действия, начнет осознавать эго цель и процесс, а также свое собственное большее Я, универсальную, трансцендентную Реальность, и свою собственную Личность как безусловно единую со всем этим, но все же как индивидуальное существо Эго существа, инструмент и духовный центр.

Первое открытие к участию в действии Сверхприроды является условием поворота к последней, супраментальной трансформации: ибо эта трансформация является завершением перехода от темной гармонии слепого автома-

тизма, с которого Природа отправилась к светлой подлинной спонтанности, к безупречному движению само-существующей истины Духа. Эволюция началась с автоматизма Материи и низшей жизни, где все безоговорочно подчиняется побуждению Природы, механически исполняет ее закон бытия, и благодаря этому удается поддерживать гармонию ограниченного типа существования и действия; эволюция протекает через изобретательную путаницу разума и жизни человечества, побуждаемого этой низшей Природой, но борющегося, чтобы уйти от ее ограничений, господствовать над ней, вести и использовать ее; затем эволюция вступает в большую спонтанную гармонию и автоматическое само-исполняющееся действие, основанное на духовной Истине вещей. В этом высшем состоянии сознание видит эту Истину и следует линии ее энергий с полным знанием, с сильным участием и инструментальным господством, с полным восторгом в действии и существовании. Там будет светлое радостное единство со всем вместо слепого страдающего подчинения индивидуального универсальному, и в любое мгновение действие универсального в индивидуальном, как и индивидуального в универсальном будет освещено правилом трансцендентной Природы и ведомо им.

Но это высочайшее условие трудно, и, очевидно, потребуется долгое время, чтобы установить его; ведь не достаточно участия и согласия Пуруши, требуется также участие и согласие Пракрити. Должны согласиться не только центральное мышление и воля, но и все части нашего существа должны подняться и сдаться закону духовной Истины; все должно научиться подчиняться правлению сознательной Духовной Мощи. В нашем существе есть упорствующие трудности, рожденные его эволюционным строением, которые препятствуют восхождению. Ведь некоторые из этих частей все еще подчинены несознанию и подсознанию и низшему автоматизму привычки или так называемому закону природы — механическим действиям разума, привычкам жизни, привычкам инстинкта, привычкам личности, привычкам характера, вьевшимся ментальным, витальным, физическим потребностям, импульсам, желаниям природного человека, старому функционированию всевозможного рода, которые так глубоко укоренились, что кажется, что мы должны докопаться до бездонных оснований, чтобы вырвать их: эти части отказываются сдавать свой отклик на низший закон, основанный в Несознательном; они постоянно посылают сознательному разуму и жизни старые реакции и стремятся снова утвердить их так в качестве вечного правила Природы. Другие части существа менее темны, менее механистически и менее укоренились в несознании, но все они несовершенны, прикреплены к своему несовершенству и имеют собственные упорствующие реакции; витальная часть подвержена закону само-утверждения и желания, разум прикреплен к собственным сформулированным движениям, и оба добровольно подчиняются низшему закону Неведения. И все же совершенно необходим закон участия и закон сдачи; на каждом шаге перехода требуется восхождение Пуруши, но и должно быть согласие каждой части природы на действие высшей мощи для ее изменения. Должно быть сознательное само-направление ментального существа в нас к этому изменению, к этой замене старой природы на Сверхприроду, к этому превосхождению. Правило сознательного подчинения высшей истине духа, сдача всего существа свету и мощи, приходящим из Сверхприроды, является вторым условием, которое должно медленно и с трудом удовлетворяться самим существом, прежде чем вообще станет возможной супраментальная трансформация.

Следовательно, психическая и духовная трансформации должны далеко продвинуться, прежде чем сможет начаться третья и вершающее супраментальное изменение; ведь только благодаря этой двойной трансмутации само-воля Неведения может быть полностью обращена в духовное подчинение переформирующей истине и воле большего Сознания Бесконечности. Надо сначала преодолеть долгую, трудную стадию постоянного усилия, старания, строгости личной воли, тапаси, прежде чем может быть достигнута более решительная стадия, на которой состояние само-сдачи всего существа Всевышнему Существованию и Всевышней Природе сможет стать тотальным и абсолютным. Должна быть предварительная стадия поиска и усилия с центральным подчинением и самосдачей сердца, души и разума Высочайшему; должна быть и более поздняя стадия тотального сознательного доверия высочайшей Мощи, помогающей личному усилию; это интегральное доверие опять же должно расти в окончательное полное предоставление себя в каждой части и в каждом движении работе высшей Истины в природе. Тотальность этого предоставления себя может наступить лишь в том случае, если психическое изменение стало полным, либо духовная трансформация достигла очень высокого состояния. Ведь это подразумевает сдачу разумом всех его шаблонов, идей, ментальных формаций, всякого мнения, всех его привычек интеллектуального наблюдения и суждения, с тем, чтобы они были замещены сначала интуитивным, а затем надментальным или супраментальным функционированием, которое наделяет его действием прямого Сознания Истины, видения Истины, различения Истины, новым сознанием, которое во всех отношениях достаточно чуждо теперешней природе нашего разума. Требуется также аналогичная сдача виталом его взлелеянных желаний, эмоций, чувств, импульсов, привычек восприятия, силового механизма действия и реакции, с тем, чтобы они были замещены светлой, лишенной желаний, свободной и все же автоматически само-определяющей силой, силой централизованного универсального и безличностного знания, мощи, восторга, чьим инструментом и богоявлением должна стать жизнь, но о чем она сейчас не имеет ни отдаленного представления, ни ощущения большей радости и силы осуществления. Наша жизненная часть должна сдать свои инстинкты, потребности, слепые консервативные прикрепленности, укоренившиеся природные привычки,

свои сомнения и неверие в то, что находится выше нее, свою веру в неизбежность фиксированных работ физического разума, физической жизни и тела, с тем, чтобы они были замещены новой мощью, которая установит свой собственный больший закон и функционирование в форме и силе Материи. Даже несознательное и подсознательное должны стать в нас сознательными, восприимчивыми к высшему свету, не препятствовать больше исполняющему действию Сознательной Силы, а все больше и больше становиться оболочкой и низшим базисом Духа. Это не может быть сделано до тех пор, пока разум, жизнь или физическое сознание являются модифицирующими силами существа или имеют какое-либо преобладание. Такое изменение может стать доступным лишь путем полного проявления души и внутреннего существа, преобладания психической и духовной воли и долгой работы их света и мощи в частях существа, путем психического или духовного переформирования всей природы.

Объединение всего существа путем разрушения стен между внутренней и внешней природой — смещение позиции и сосредоточения сознания из внешнего ко внутреннему я, прочное основание на этом новом базисе, привычное действие из этого внутреннего я, из его воли и видения, открытие индивидуального сознания в космическое сознание — другое необходимое условие для супраментального изменения. Будет химерой надеяться, что всевышнее Сознание Истины сможет установиться в узкой формулировке нашего поверхностного разума, сердца и жизни, как бы они не были обращены к духовности. Все внутренние центры должны распахнуться, а их способности — получить возможность действовать; психическая сущность должна быть развалена и должна руководить существом. Если не было проделано это первое изменение, устанавливающее существо во внутреннем и большем сознании, в Йогическом сознании, вместо обычного сознания, тогда более значительное преобразование невозможно. Более того, индивид должен достаточно универсализироваться, должен отлить заново свой разум в безграничность космической ментальности, расширить и оживить свою индивидуальную жизнь в непосредственном ощущении и прямом переживании динамического движения универсальной жизни, должен открыть сообщения своего тела с силами универсальной Природы, прежде чем он станет способным на изменение, которое превзойдет сегодняшнюю космическую формулировку и поднимет его за пределы низшей полусферы универсальности в сознание, принадлежащее духовной верхней полусфере. Кроме того, индивид должен начать осознавать то, что сейчас для него сверхсознательно; он уже должен быть существом, сознающим высший духовный Свет, Мощь, Знание, Ананду, пронизанным их нисходящими воздействиями, заново сделанным духовным изменением. Духовное открытие может произойти, и его действие может начаться до того, как развитие психического далеко продвинется или станет законченным; ведь духовное влияние свыше может пробудить психическую трансмутацию, помочь ей и завершить ее: требуется лишь достаточно сильное психическое переживание, чтобы началась высшая духовная увертюра. Но третье, супраментальное изменение не допускает какого-либо предварительного нисхождения высочайшего Света; ибо оно может начаться лишь тогда, когда супраментальная Сила начнет действовать напрямую, а этого не произойдет, если природа не готова. Ведь есть слишком большое несоответствие между мощью всевышней Силы и способностью обычной природы; низшая природа будет либо не способна ее выдержать, либо, выдерживая, будет не способна отвечать и воспринимать, либо, воспринимая, будет не способна усваивать. Пока Природа не готова, супраментальная Сила вынуждена действовать косвенно; она выдвигает на передний план промежуточные мощности Надразума или Интуиции, либо она работает через свою модификацию, на которую может полностью или частично откликаться наполювину трансформированное существо.

Духовная эволюция подчиняется логике последовательного развертывания; она может сделать новый решительный шаг только тогда, когда явно пройден предыдущий этап: даже если некоторые второстепенные ступени могут быть проглочены или перепрыгнуты в быстром и резком восхождении, то сознание все же должно обернуться, чтобы убедиться, что пройденная почва надежно присоединена к новому условию. Верно, что победоносное шествие Духа предполагает исполнение в одной или нескольких жизней того, на что в обычном ходе Природы потребовались бы долгие и неопределенные века или даже тысячелетия: но это вопрос скорости, с которой преодолеваются ступени; большая или сконцентрированная скорость не устраняет самих ступеней или необходимости их последовательного преодоления. Увеличенная скорость возможна лишь благодаря сознательному участию внутреннего существа и благодаря тому, что мощь Сверхприроды уже работает в полу-трансформированной низшей природе, так что шаги, которые иначе предпринимались бы ощупью в ночи Несознания и Неведения, теперь могут быть сделаны в нарастающем свете мощи Знания. Первое темное материальное движение эволюционной Силы отмечено неторопливостью миллиардов лет; жизненный процесс разворачивается там медленно, но все же идет более быстрым шагом, даже на шкале тысячелетий; разум может еще больше ужать медлительную неторопливость Времени, шагая столетиями; но когда вмешивается сознательный Дух, тогда становится возможной высочайшая сконцентрированная поступь эволюционной быстроты. Все же, вовлеченная быстрота эволюционного курса, поглощающая стадии, может придти лишь тогда, когда сила сознательного Духа подготовила поле, и супраментальная Сила начала использовать его прямое воздействие. Все трансформации Природы действительно носят облик чуда, но это чудо метода: ее самые большие продвижения происходят на гарантированной почве, ее самые быстрые прыжки отталкиваются от базы, которая обеспечивает надежность и несомненность этому эволюционному скачку; тайная все-мудрость управляет всем в ней, даже теми шагами и процессами, которые кажутся самыми необъяснимыми.

Этот закон хода Природы привносит необходимость постепенности в последней стадии переходного процесса, необходимость медленного постепенного восхождения, развертывания все более высоких состояний, которые ведут нас от одухотворенного разума к Сверхразуму — это крутой подъем, который нельзя осуществить никак иначе. Мы видим, что над нами есть последовательные состояния, уровни или ранжированные силы существа, превосходящие наш обычный разум, скрытые в наших сверхсознательных частях, есть высшие диапазоны Разума, ступени духовного сознания и переживания; без них не было бы связей, не было бы помогающих промежуточных пространств, делающих возможным это грандиозное восхождение. В действительности именно из этих высших источников тайная духовная Сила воздействует на существо и своим давлением вызывает психическую трансформацию или духовное изменение; но на ранних стадиях нашего роста это действие не видимо, оно остается оккультным и неохватываемым. Сначала необходимо, чтобы чистое касание духовной силы вмешалось в ментальную природу: это пробуждающее давление должно наложить свой отпечаток на разум, сердце и жизнь и придать им ориентацию идти вверх; тонкий свет или великая преобразующая сила должны очистить, облагородить и возвысить их движения и налить их высшим сознанием, не принадлежащим их собственной обычной способности и характеру. Это может быть сделано изнутри с помощью невидимого действия через психическую сущность и психическую личность; не обязательно сознательно ощущаемое нисхождение свыше. Присутствие Духа есть в каждом существе, на каждом уровне, во всех вещах, и поскольку оно есть там, то переживание Сагчитананды, чистого духовного существования и сознания, переживание восторга божественного присутствия, близости, контакта, может быть достигнуто через разум, сердце или жизненное чувство, либо даже через физическое сознание; если внутренняя дверь достаточно растворена, тогда свет из святилища может наполнить самые близкие и самые далекие палаты нашего существа. Необходимый поворот или изменение также может быть вызвано оккультным нисхождением духовной силы свыше, в котором чувствуется приток, воздействие, духовное последствие, но высший источник остается неизвестным, и нет подлинного ощущения нисхождения. Так затронутое сознание может быть настолько приподнято, что оно поворачивается к непосредственному единению с Я или с Божественным путем отхода от эволюции, и, если есть санкция, тогда не возникает вопроса о постепенности, шагах или методе, поскольку разрыв с Природой может стать окончательным: ведь закон отхода, раз уж он стал возможен, не таков, как закон эволюционной трансформации и совершенствования, или ему не нужно быть таким; это прыжок или может быть прыжком, быстрым или непосредственным разрушением оков — духовное бегство обеспечено, и его единственно оставшаяся санкция — предопределенное падение тела. Но если намечается трансформация земли, тогда, за первым касанием одухотворения должно последовать пробуждение к высшим источникам и энергиям, поиски их и расширение и возвышение существа в их характерный статус и обращение сознания к их большему закону и динамической природе. Это изменение должно проходить постепенно, пока не будет пройдена вся лестница и не произойдет всплытия к тем широко открытым пространствам, о которых говорит Веда, к родным пространствам всевышнего светлого и бесконечного сознания.

Ведь здесь идет тот же самый эволюционный процесс, как и в остальном движении Природы; это восхождение и расширение сознания, подъем на новый уровень и вбирание в себя низших уровней, захват и новая интеграция существования с помощью всевышней силы Бытия, которая накладывает собственный путь действия, свой характер и силу энергии субстанции, насколько это возможно при воздействии на ранее развитые части природы. На этой высочайшей стадии работ Природы требование интеграции становится пунктом первостепенной важности. На низших стадиях восхождения новый захват, интеграция в высший принцип сознания остается неполным: разум не может полностью ментализировать жизнь и материю; есть значительные части существа и тела, которые остаются в царстве сублиминального и подсознательного или несознательного. Есть одно серьезное препятствие в стремлении разума к совершенствованию природы; ведь продолжающееся участие субментального, подсознательного и несознательного в управлении действиями, вводя другой закон, отличный от закона ментального существа, позволяет сознательному витальному и физическому сознанию также отвергать закон, наложенный на них разумом и следовать собственным импульсам и инстинктам вопреки ментальному рассудку и рациональной воле развитого интеллекта. Из-за этого разуму трудно идти за пределы самого себя, превзойти собственный уровень и одухотворить природу; ведь то, что он не может сделать даже полностью сознательным, не может надежно ментализировать и рационализировать, он не может это и одухотворить, поскольку одухотворение — это более значительная и более трудная интеграция. Несомненно, призывая духовную силу, разум может установить влияние и предварительное изменение в некоторых частях природы, особенно в самом мыслящем разуме и в сердце, находящемся ближе всего к его собственной провинции: но это изменение часто не является полным совершенством даже внутри его пределов, и то, чего действительно достигает разум, редко и трудно. Духовное сознание, используя разум, тем самым применяет низшее средство и, даже если оно вносит божественный свет в разум, вносит божественную чистоту, пыл, рвение в сердце или накладывает на жизнь духовный закон, то все же это новое сознание вынуждено работать в рамках ограничений; по большей части оно может только регулировать или сдерживать низшее действие жизни и строго контролировать тело, но эти члены, даже если они облагорожены или подчинены, не получают своего духовного исполнения и не подвергаются совершенствованию и трансформации. Для этого необходимо внести высший динамический принцип, родственный

духовному сознанию, с помощью которого оно сможет действовать по собственному закону и в более полном свете и силе и накладывать их на свои члены.

Но может потребоваться долгое время, чтобы преуспело даже это вмешательство нового динамического принципа и это мощное наложение; ведь низшие части существа имеют собственные права, и они должны согласиться на собственную трансформацию. Это трудно сделать, потому что каждая часть в нас склонна предпочитать собственный само-закон, свою дхарму, какой бы низшей она ни была, отвергая высший закон или дхарму, которая кажется ей чуждой; каждая часть цепляется за собственное сознание или несознание, за собственные импульсы и реакции, за собственную динамизацию существа, за собственный путь восторга существования. Она цепляется за них все более упорно, если ее собственный путь противоречит восторгу, является путем тьмы и печали, боли и страдания; ведь это тоже имеет свой собственный извращенный и противоположный вкус, *расу*, свое удовольствие тьмы и печали, свой садистский или мазохистский интерес в боли и страдании. Даже если эта часть нашего существа стремится к лучшим вещам, она часто вынуждена следовать худшим вещам, потому что они являются ее собственными, они естественны для ее энергии, родственны ее субстанции. Полное и радикальное изменение может быть вызвано лишь настойчивым привнесением духовного света и сокровенным переживанием духовной истины, силы, блаженства в упорствующих элементах, пока они не распознают, что они сами являются уменьшенными силами Духа и могут на этом пути восстановить собственную истину и интегральную природу. Этому озарению постоянно противостоят Силы низшей природы и в еще большей степени — враждебные Силы, которые живут и царствуют благодаря несовершенству мира и заложили свое основание на черной скале Несознания.

Совершенно необходимым шагом к преодолению этой трудности является открытие внутреннего существа и его центров действия; ведь тогда может быть выполнена та работа, которая не по силам поверхностному разуму. Внутренний разум, внутреннее сознание жизни и разум жизни, тонкое физическое сознание и его тонко-физическая ментальность, будучи освобожденными для действия, создают большее, более тонкое и более значительное промежуточное осознание, способное связываться с универсальным и с тем, что находится над ними, способное также переносить их силу на весь диапазон существа, на сублиминальное, на подсознательный разум, на подсознательную жизнь, даже на подсознание тела: они могут хотя и не полностью, но до некоторой степени, освещать фундаментальное Несознание, проникать в него, воздействовать на него. Духовный Свет, Сила, Знание, Восторг свыше могут затем спуститься дальше, за пределы разума и сердца, которых всегда легче достичь и озарить; занимая всю природу с верха до низа, они могут полнее охватить жизнь и тело и благодаря еще более глубокому воздействию встряхнуть основание Несознания. Но даже эта более значительная ментализация и витализация изнутри все еще является низшим озарением: оно может ослабить Неведение, но не избавить от него; оно атакует и заставляет отступить, но не преодолевает тех сил и мощностей, которые поддерживают тонкое и тайное правление Несознания. Духовная сила, действуя через эту более значительную ментализацию и витализацию, может внести высший свет, силу и радость; но полное одухотворение, самая полная новая интеграция сознания на этой стадии все еще невозможна. Если же во главе встанет сокровенное психическое существо, тогда действительно более глубокое преображение, не ментальное, может сделать более эффективным нисхождение духовной силы; ведь тогда все сознательное существо подвергнется предварительному изменению с помощью души, что освободит разум, жизнь и тело от ловушки собственных несовершенств и нечистоты. В этой точке может полностью вмешаться более значительная духовная динамизация, работа высших сил духовного Разума и Надразума: возможно, они уже начали свою работу до этого, хотя лишь как влияния; но при новых условиях они могут поднять центральное существо на свой уровень и начать последнюю интеграцию природы. Эти высшие силы уже работают в неодухотворенном человеческом разуме, но косвенно, фрагментарно и в ослабленном действии; они преобразуются в субстанцию и силу разума, прежде чем они могут начать работать, и благодаря этому эта субстанция и сила озаряются и усиливаются в своих вибрациях, возвышаются и облагораживаются, но не трансформируются. Но когда начинается одухотворение и начинают проявляться его более значительные результаты — молчание разума, допущение нашего существа в космическое сознание, Нирвана маленького эго в ощущении вселенского я, контакт с Божественной Реальностью — тогда могут нарастать вмешательства высокой динамики и наша открытость к ним, они могут принимать более полную, более прямую, более характерную силу своих работ, и это продвижение продолжается до тех пор, пока не становится возможным их некое более полное и более зрелое действие. Именно тогда начинается поворот духовной трансформации к трансформации супраментальной; ведь подъем сознания на все более и более высокие планы строит в нас ступени восхождения к Сверхразуму, промежуточные ступени для этого трудного и вершающего перехода.

Не следует предполагать, что обстоятельства и линии перехода будут одинаковыми для всех, ведь здесь мы входим в область Бесконечного: но, поскольку за всем стоит единство фундаментальной истины, то можно ожидать, что пристальный взгляд на одну данную линию восхождения прольет свет на принцип всех восходящих возможностей; такое исследование одной линии — это все, что можно предпринять. Эта линия управляется, как и все должно управляться, естественной природной конфигурацией лестницы восхождения: на ней множество ступеней, ведь везде есть непрерывающаяся градация, и никогда нет пробелов; но, с точки зрения восхождения сознания от нашего

разума вверх через восходящую серию динамических сил, с помощью которых оно может возвыситься, эту градацию можно разложить на четыре главные ступени — каждую со своим высшим уровнем осуществления. Эти переходные ступени можно в целом описать как серию подъемов сознания через Высший Разум, Озаренный Разум и Интуицию в Надразум и за его пределы; есть последовательность само-преображений, на вершине которой находится Сверхразум или Божественный Гнозис. Все эти ступени — гностические по своему принципу и силе; ведь уже на первой ступени мы должны перейти от сознания, основанного на изначальном Несознании и действующего в общем Неведении или в смешанном Знании-Неведении, к сознанию, основанному на тайном само-существующем Знании и поначалу вдохновляемому тем светом и силой, а затем самому измененному в ту субстанцию и полностью использующему свой инструментарий. Эти ступени сами по себе являются ступенями энергии-субстанции Духа: ведь не следует предполагать, что они являются просто методом или способом знания и способностью или силой познания; они — это области бытия, градации субстанции и энергии духовного бытия, поля существования, каждое из которых представляет уровень универсальной Сознательной Силы, учреждающей и организующей себя в высшем статусе. Когда силы любой ступени полностью нисходят в нас, тогда ими затрагиваются не только наше мышление и знание — субстанция и само зерно нашего существа и сознания, все его состояние и действие затрагиваются и пронизываются и могут быть переделаны и полностью преображены. Поэтому каждая стадия этого восхождения является общим, если не тотальным, обращением существа в новый свет и силу большего существования.

Сама эта градация в корне зависит от высшей или низшей субстанции, интенсивности вибраций существа, от его само-осознания, его восторга существования, его силы существования. По мере спуска по шкале сознание становится все более и более ослабленным и разжиженным — в действительности, плотным из-за своей более грубой необработанности, но, уплотняя вещество Неведения, эта грубость сознания все меньше и меньше допускает субстанцию света; сознание становится разбавленным в чистой субстанции сознания и ослабленным в силе сознания, бедным в свете, бедным и слабым в возможностях восторга; оно должно обращаться к более грубой толще своего ослабленного вещества и к напряженной выработке своей более темной силы, чтобы чего-то достичь, но эта напряженность усилия и труда — знак не силы, а слабости. Напротив, когда мы поднимаемся по шкале сознания, тогда появляется более тонкая, но гораздо более сильная и более истинная и духовно конкретная субстанция, появляется гораздо большая яркость и могущественное вещество сознания, более тонкая, более сладкая, более чистая и более мощно экстагическая энергия восторга. В нисхождении этих высших градаций на нас именно этот больший свет, сила, сущность бытия и сознания, энергия восторга входят в разум, жизнь и тело, меняют и исправляют их уменьшенную, ослабленную и неспособную субстанцию, обращают ее в собственную высшую и более сильную динамику Духа и в подлинную форму и силу реальности. Это может произойти благодаря тому, что все в корне является одной и той же субстанцией, одним и тем же сознанием, одной и той же силой, но в разных формах, силах и степенях: поэтому вбирание низшего в высшее является возможным и, если бы не вторая наша природа несознания, духовно естественным движением; то, что было выдвинуто вперед из высшего статуса, охватывается и вбирается в свое большее бытие и сущность.

Нашим первым решительным шагом из человеческого интеллекта, из нашей обычной ментальности является подъем в высший Разум, разум больше не смешанного света и темноты или полу-света, а большей ясности Духа. Его основной субстанцией является унитарное ощущение бытия с мощной множественной динамизацией, способной на формирование множественности аспектов знания, путей действия, форм и значений становления, причем обо всех них имеется спонтанное внутренне присущее знание. Эта мощь произошла из Надразума — но Сверхразум явился ее изначальным источником — как и все эти более значительные мощности: ее особый характер, ее деятельность сознания доминируется Мышлением; это светлый мыслящий разум, разум рожденного Духом концептуального знания. Все-осознание, возникающее из изначальной тождественности, несущее истины, которые тождественность содержит в себе, замышляющее быстро, победоносно, разнообразно, формулирующее и с помощью само-силы Идеи эффективно реализующее свои замыслы, является характером этого большего разума знания. Познание этого рода является последним, которое возникает из изначального духовного тождества перед началом разделяющего познания, базы Неведения, поэтому оно попадаетеся нам первым, когда мы поднимаемся в царство Духа от замышляющего и рассуждающего разума, от нашего наилучше организованного знания-силы Неведения; оно в действительности является духовным родителем нашего задумывающего ментального мышления, и поэтому естественно, что эта лидирующая мощь нашей ментальности, выходя за свои пределы, должна перейти в свой промежуточный источник.

Но здесь, в этом большем Мышлении, нет необходимости в поиске и в самокритичном умозаключении, нет логического движения шаг за шагом к заключению, нет механизма явных или неявных выводов и следствий, нет построения или взвешенного сцепления идей, чтобы достичь упорядоченной суммы или продукта знания; ибо это хромое действие нашего рассудка является движением Неведения, ищущего знания, обязанного предохранять свои шаги от ошибки, возводить выборочную ментальную структуру для своего временного пристанища и базировать ее на уже тщательно проложенных, но никогда не надежных основаниях, потому что эта структура не поддерживается

почвой родного осознания, а ставится на изначальную почву незнания. Здесь также нет и того прежнего пути разума с его самыми острыми и самыми быстрыми случайными догадками и озарениями, нет игры прожектора интеллекта, ощупывающего малоизвестное или неизвестное. Это высшее сознание является Знанием, формирующим себя на базисе само-существующего все-осознания и проявляющим некоторую часть своей интегральности, гармонию своих значений, облаченную в мыслящую форму. Оно может свободно выражать себя в единичных идеях, но его самым характерным движением является массовое мышление, система или тотальность видения истины в едином взгляде; связи идей и истин не устанавливаются логикой, а предшествуют и появляются уже виденными в интегральном целом. Есть посвящение в формы вечно присутствующего, но пока что неактивного знания, нет системы выводов из допущений или данных; это мышление является само-откровением вечной Мудрости, а не приобретаемым знанием. Большие аспекты истины входят в обозрение, в котором восходящий Разум, если захочет, может пребывать в удовлетворении и жить в них как в структуре; но если суждено быть прогрессу, тогда эти структуры могут постепенно расширяться в большую структуру, или несколько этих структур могут скомбинироваться во временное большее целое на пути к еще не достигнутой интегральности. В конечном итоге есть великая тотальность истины, известная и пережитая, но все еще способная на бесконечное расширение, потому что нет конца аспектам знания, *nastyanto vistarasya me*.

Таков Высший Разум в своем аспекте познания; но есть и аспект воли, динамического осуществления Истины: здесь мы находим, что этот большой более блестящий Разум всегда работает в остальной части существа — в ментальной воле, в сердце и в чувствах, в жизни и в теле — через мощь мышления, через силу представления. Он стремится очищать через знание, освобождать через знание, творить врожденной мощью знания. Идея закладывается в сердце или в жизнь как сила, которая должна быть принята и выработана; сердце и жизнь осознают эту идею и отвечают на ее динамику, и их субстанция начинает модифицироваться в этом смысле, так что чувства и действия становятся вибрациями этой более высокой мудрости, воодушевляются ею, наполняются ее эмоцией и ее смыслом: воля и жизненные импульсы аналогично заряжаются ее мощью и ее призывом к само-осуществлению; даже в теле работает эта идея, так что, например, могучая мысль и воля здоровья вытесняет веру тела в болезнь и согласие на болезнь, либо идея ⁷ силы призывает субстанцию, мощь, движение, вибрацию силы; идея вырабатывает силу и форму, соответствующую идее, и накладывает ее на нашу субстанцию Разума, Жизни или Материи. Именно по этому пути идет первая работа; она заряжает все существо новым и превосходящим сознанием, закладывает основание для изменения, подготавливает его для более высокой истины существования.

Следует подчеркнуть, чтобы избежать естественного неверного понимания, которое легко может возникнуть, когда большая мощь высших сил в первый раз воспринимается или переживается, что эти высшие силы в своем нисхождении не являются сразу же все-могущественными, какими они естественным образом были бы на собственном плане действия и в своей среде. В эволюции в Материи они должны войти в чуждую и низшую среду и работать над ней; они встречают там неспособность нашего разума, жизни и тела, сталкиваются с невосприимчивостью слепого отрицания Неведения, переживают отрицание и преграду Несознания. На своем уровне их работа на базисе светлого сознания и светлой субстанции автоматически действенна; но здесь они должны встретить уже и сильно сформированное основание Незнания — не только полного незнания Материи, но и модифицированного незнания разума, сердца и жизни. Так что, высшая Идея, спускаясь в развитый ментальный интеллект, должна даже там преодолеть преграду массы или системы сформированных идей, которые принадлежат Знанию-Неведению, а также преодолеть волю к стойкости и само-реализации этих идей; ведь все идеи являются силами и имеют формирующую или само-действенную способность, более или менее сильную в соответствии с условиями — даже сводимую на практике к нулю, когда они должны иметь дело с несознательной Материей, но все еще потенциальную. Таким образом, есть готовая мощь сопротивления, которая противостоит воздействию нисходящего Света или минимизирует его, есть сопротивление, которое может доходить до отказа и отвержения Света или принимать форму попытки ослабить, подчинить, бесхитростно модифицировать или адаптировать, либо своенравно исказить свет, чтобы подогнать его к предвзятым идеям Неведения. Если предвзятые или уже сформированные идеи отвергнуты и лишены своего права на настояние, они все еще могут вернуться извне, из своей распространенности в универсальном Разуме, либо они могут отступить вниз, в витальные, физические или подсознательные части и оттуда всплыть при малейшей возможности, чтобы вновь захватить свою утраченную область: ведь эволюционная Природа должна отдать это право на настояние вещам, уже установленным ею, чтобы придать достаточную устойчивость и твердость своим шагам. Более того, такова природа и требование любой Силы в манифестации, чтобы быть, выживать, осуществлять себя, когда можно и сколько можно, и именно поэтому в мире Неведения все достигается не только через комплексность, но и через столкновение, борьбу и взаимное смещение Сил. Но для этой высочайшей эволюции существенно, чтобы была устранена всякая смесь Неведения и Знания; и действие и эволюция через борьбу сил должны быть заменены на действие и эволюцию через гармонию сил: но эта стадия может быть достигнута лишь

⁷ Слово, выражающее идею, обладает той же мощью, как если бы она была заряжена духовной силой; таково рациональное объяснение использования мантр.

путем последней борьбы и преодоления сил Неведения силами Света и Знания. То же самое явление повторяется, причем на более интенсивной шкале, на низших уровнях существа — в сердце, жизни и теле; ведь здесь происходит пересечение не с идеями, а с эмоциями, желаниями, импульсами, ощущениями, витальными потребностями и привычками низшей Природы; поскольку они менее сознательны, чем идеи, то они более слепы в своем отклике и более упорно настаивают на своем: все имеет ту же самую или большую силу сопротивления и возвращаемости, либо находит прибежище в окружающей универсальной Природе или на собственных низших уровнях или в источниковом состоянии в подсознательном и оттуда черпает силы для нового вторжения или возрождения. Это сила настояния, возвращения, сопротивления установившихся вещей в Природе всегда является самым большим препятствием, с которым должна столкнуться эволюционная Сила и которое она на самом деле сама и создала, чтобы предотвратить слишком быстрое преобразование, даже когда это преобразование является ее собственным намерением в вещах.

Это препятствие остается — хотя оно может быть постепенно уменьшено — на каждой стадии большего восхождения. Чтобы вообще дать высшему свету подходящий вход и позволить работать его силе, необходимо обрести силу для успокоения природы, необходимо создать, выровнять, наложить контролируемую пассивность или даже полное молчание на разум и сердце, жизнь и тело: но даже в таких условиях всегда возможно продолжающееся противостояние, открытое и ощущаемое в Силе вселенского Неведения или сублиминальное и темное в энергии субстанции индивидуальной формы разума, индивидуальной формы Жизни, индивидуальной формы Материи, оккультное сопротивление или протест, либо повторное утверждение урегулированных или подавленных энергий невежественной природы и, если что-то в существе согласно с ними, они могут вновь захватить лидерство. Очень желателен ранее установленный психический контроль, поскольку он создает общую восприимчивость и сдерживает протест низших частей против света или препятствует их согласию с требованиями Неведения. Предварительная духовная трансформация также ослабляет опору Неведения; но ни одно из этих воздействий не устраняет всецело препятствия и ограничения: ведь эти предварительные изменения не приносят интегрального сознания и знания; все еще будет оставаться изначальный баланс Незнания, свойственный Несознательному, и на всяком повороте его надо будет изменять, освещать, уменьшать в его протяженности и в его силе реакции. Силы духовного Высшего Разума и его идеи-силы, модифицированной и уменьшенной, как это и должно быть при ее входе в нашу ментальность, не достаточно, чтобы смести все эти препятствия и создать гностическое существо, но она может сделать первое изменение, произвести модификацию, которая даст полномочия более высокому восхождению и более мощному нисхождению и дальше подготовит интеграцию существа в большую Силу сознания и знания.

Эта большая Сила принадлежит Озаренному Разуму, Разуму больше не высшего Мышления, а духовного света. Здесь ясность духовного интеллекта, спокойный дневной свет, уступает место или подчиняет себя интенсивному сиянию, великолепию и озарению Духа: игра проблесков духовной истины и мощи прорывается свыше в сознание и добавляет спокойному и ясному освещению и обширному нисхождению мира, который характеризует или сопровождает действие большего концептуально-духовного принципа, огненный пыл реализации и восторженный экстаз знания. Ливень внутренне видимого Света по обыкновению окутывает это действие; ведь следует заметить, что в противоположность нашим обычным представлениям, свет не является в первую очередь материальным творением, и ощущение или видение света, сопровождающее внутреннее озарение, не является просто субъективным визуальным образом или символическим явлением: свет в первую очередь является духовной манифестацией Божественной Реальности, освещающей и созидающей; материальный свет является последующим изображением или обращением этой Реальности в Материю для целей материальной Энергии. В ходе этого нисхождения приходит и большая динамика, золотое побуждение, светлый “энтузиазм” внутренней силы и мощи, который замещает относительно медленный и осмотрительный процесс Высшего Разума быстрым, иногда резким, почти неистовым толчком быстрой трансформации.

Озаренный Разум работает, главным образом, не с помощью мышления, а с помощью видения; мышление в нем является подчиненным движением, выражающим зрение. Человеческий разум, полагающийся главным образом на мысль, считает мышление высочайшим или главным процессом познания, но в духовном порядке мышление является вторичным и совсем не обязательным процессом. В своем словесном мышлении это может быть описано как уступка, делаемая Знанием Неведению, потому что Неведение не способно делать истину полностью ясной и понятной для себя во всем ее размахе и многогранных смыслах, кроме как через разъясняющую точность значимых звуков; оно не может обходиться без этого устройства, чтобы придать идеям точное очертание и выразительную плоть. Но, очевидно, что это устройство, машинерия; мышление само по себе, в своем истоке на высших духовных уровнях сознания является восприятием, познавательным охватом объекта или некоторой истины вещей, являющимся мощным, но все еще малым и вторичным результатом духовного видения, сравнительно внешним и поверхностным взглядом *я на я*, взглядом субъекта на себя или на нечто из себя как на объект: ведь все является разнообразием множественности *я*. В разуме есть поверхностный отклик восприятия на соприкосновение с наблюдаемым или открываемым объектом, фактом или истиной и последующей концептуальной формулировкой этого; но в духовном свете есть более глубокий восприимчивый отклик из самой субстанции сознания и охватывающая форму-

лировка в этой субстанции, точная фигура или вскрывающая идеограмма в материале существа — ничего более, не требуется никакого словесного представления для точности и полноты этого знания мышления. Мышление создает представительный образ Истины; оно предлагает его разуму в качестве средства удержания Истины и делания его объектом знания; но сама плоть Истины схватывается и точно удерживается в солнечном свете более глубокого духовного знания, для которого представительный образ, созданный мышлением, является вторичным и производным, мощным для связи знания, но не совершенно необходимым для восприятия знания или обладания им.

Сознание, которое исходит от зрения, сознание провидца является большей мощностью знания, чем сознание мыслителя. Воспринимающая мощь внутреннего зрения является более значительной и более прямой, чем воспринимающая мощь мышления: это духовное ощущение, которое охватывает нечто из субстанции Истины, а не только ее образ; но оно и обрисовывает образ и одновременно схватывает смысл образа, и оно может воплотить ее в более тонком и четком раскрывающем очертании и с большим охватом и силой тотальности, чем концептуальное мышление. Как Высший Разум вносит большее сознание в существо через духовную идею и ее силу истины, так и Озаренный Разум вносит еще большее сознание через зрение Истины и свет Истины и ее видящую и охватывающую мощь. Он может вызвать более мощную и динамическую интеграцию; он озаряет мыслящий разум прямым внутренним видением и вдохновением, вносит духовное зрение в сердце и духовный свет и энергию в его чувства и эмоции, наделяет жизненную силу духовным позывом, вдохновением истины, которое динамизирует действие и возвышает движение жизни; он вселяет в чувство прямую и тотальную мощь духовного ощущения, так что наше витальное и физическое существо может соприкоснуться с Божественным во всех вещах и встречать их конкретно, столь же сильно, как разум и эмоция могут постигать и воспринимать и чувствовать их; он набрасывает на физический разум трансформирующий свет, который разрушает его ограничения, его консервативную инерцию, замещает зрением его узкую мощь мышления и его сомнения и вливает ясность и сознание в сами клетки тела. Духовный мудрец и мыслитель найдут свое полное и динамическое осуществление в трансформации с помощью Высшего Разума; в трансформации же с помощью Озаренного Разума будет аналогичное осуществление для провидца, озаренного мистика, для тех, в ком душа живет в видении и в прямом ощущении и переживании: ведь именно из этих высших источников воспринимают они свой свет, и подъем в тот свет будет их восхождением в их родное царство.

Но эти две стадии восхождения обретают свое полномочие и могут обрести собственную объединенную полноту лишь благодаря ссылке на третий уровень; ведь именно из тех высших вершин, где пребывает существо интуиции, черпают они знание, которое они обращают в мышление или в зрение и спускают его вниз для преобразования разума. Интуиция является мощью сознания более близкой и более сокровенной к изначальному зрению путем тождества; ведь интуиция — это всегда нечто, что выскакивает прямо из сокровенного тождества. Именно когда сознание субъекта встречается с сознанием объекта, проникает в него и видит, чувствует или вибрирует с истиной того, что оно содержит, тогда интуиция выскакивает как искра, вспыхнувшая от встречи; или когда сознание, даже без какой-либо такой встречи, смотрит в себя и чувствует непосредственно и сокровенно истину или истины, которые есть там, либо соприкасается таким образом с силами, скрытыми за видимостями, тогда тоже происходит вспышка интуитивного света; или, опять же, когда сознание сталкивается со Всевышней Реальностью или духовной реальностью вещей и существ, и при контакте объединяется с ним, тогда искра, вспышка или проблеск сокровенного восприятия истины вспыхивает в его глубинах. Это близкое восприятие является чем-то большим, чем зрением, большим, чем представлением: это результат проникающего и вскрывающего касания, которое несет в себе зрение и представление как часть себя или как свое естественное следствие. Сокровенная или спящая тождественность, еще не восстановившая себя, все же помнит или передает с помощью интуиции собственное содержимое и сокровенность своего само-чувствования и само-видения вещей, своего света истины, своей потрясающей и автоматической несомненности.

В человеческом разуме интуиция является как раз таким воспоминанием истины или передачей истины, либо такой раскрывающей вспышкой или проблеском, прорывающимся в огромную массу несознания или через вуаль незнания: но мы видели, что там она подвержена наводняющему смещению или ментальному покрытию, либо прерыванию и подмене; существует также многократная возможность неправильного истолкования, которое встает на пути чистоты и полноты ее действия. Более того, есть кажущиеся интуиции на всех уровнях существа, которые являются скорее коммуникациями, чем интуициями, и они имеют самый разный источник, ценность и характер. Инфрарациональный мистик, называемый таковым — ведь чтобы быть настоящим мистиком, не достаточно отвергать рассудок и полагаться на непонятные источники мышления или действия — часто вдохновляется такими коммуникациями на витальном уровне из темного и опасного источника. В этих обстоятельствах мы вынуждены опираться, главным образом, на разум и даже контролировать предложения интуиции — или псевдо-интуиции, что гораздо чаще встречается — наблюдающим и различающим интеллектом; ведь мы чувствуем в нашей интеллектуальной части, что иначе мы не можем быть уверены в том, что истинно, а что — смешанно или фальсифицировано, либо является ложной подменой. Но это в большой степени снижает для нас пользу интуиции: ведь разум не на этом поле является надежным арбитром, поскольку его методы другие, они пробные, неопределенные, являются интеллектуальным поиском; даже если сам разум на самом деле полагается на закамуфлированную интуицию, чтобы сде-

лать свои выводы — ведь без ее помощи он не смог бы выбрать ход рассуждений или надежно придти к чему-то — но он скрывает от себя эту зависимость под видом рассудочного заключения или проверенного предположения. Интуиция, прошедшая судебный рассматривательский разум, перестает быть интуицией и может обладать лишь полномочием разума, для которого нет внутреннего источника или прямой уверенности. Но даже если разум стал преимущественно интуитивным разумом, полагающимся в своей части на эту высшую способность, то координация его познания и его отдельных действий — ведь в разуме они всегда будут склонны появляться как серии несовершенного связанных всплесков — будет оставаться трудной, пока эта новая ментальность не имеет сознательной связи со своим супрациональным источником или нет само-поднимающегося восхождения на высший план сознания, на котором интуитивное действие является чистым и родным.

Интуиция всегда является кромкой, лучом или всплеском более высокого света; в нас она является выдвигающимся лезвием, кромкой или острием далекого света сверхразума, входящего в субстанцию над нами и модифицированного некоей промежуточной истиной разума, и, так модифицированного, снова входящего в нашу обычную или невежественную субстанцию разума и очень сильно ослепленного ею; на том высочайшем уровне, которому родственна интуиция, ее свет не смешан и поэтому полностью и чисто подлинный, и ее лучи не разделены, а связаны или собраны вместе в игру волн, что почти может быть описано на санскритском поэтическом образе морем или массой “устойчивых всплесков”. Когда эта изначальная или родная Интуиция начинает нисходить в нас в ответ на восхождение нашего сознания на ее уровень или как результат нашей находки ясного пути сообщения с ней, она может продолжать приходить как игра световых всплесков, изолированных или в постоянном действии; но на этой стадии суждения разума становятся совершенно неприемлемыми, и тогда разум может действовать лишь как наблюдатель или регистратор, понимающий или записывающий более светлые намеки, суждения и различения высшей силы. Чтобы сделать полной изолированную интуицию, проверить ее или различить ее природу, ее применение, ее ограничения, воспринимающее сознание должно полагаться на другую вершающую интуицию или быть способным спускать массовую интуицию, могущую расставить все по местам. Ведь коль скоро начался процесс этого изменения, совершенно императивным становится полное преобразование вещества и деятельности разума в субстанцию, форму и силу Интуиции; до этих пор, пока ход сознания зависит от более низкого интеллекта, служащего интуиции, восполняющего ее или использующего ее, результатом может быть лишь пережиток смешанного Знания-Неведения, поднятого или освобожденного высшим светом и силой, действующей в частях Знания.

Интуиция обладает четырехкратной мощью. Мощь раскрывающего видения истины, мощь вдохновения слышания истины, мощь прикосновения к истине или непосредственного охвата смысла, чтоб близко обычной природе вмешательства интуиции в наш ментальный интеллект, мощь истинного и автоматического различения четкой и точной связи истин — все это четырехкратные могущества Интуиции. Поэтому интуиция может осуществлять все действия рассудка — включая функцию логического интеллекта, которая заключается в том, чтобы выработать правильную связь вещей и правильную связь идей — но в ходе собственного высшего процесса и шагами, которые не подводят и не спотыкаются. Она также вбирает в себя и трансформирует в собственную субстанцию не только разум мышления, но и сердце и жизнь, чувство и физическое сознание: все это уже обладает собственными особыми силами интуиции, исходящими из сокрытого Света; чистая мощь, спускающаяся свыше, может принять их всех в себя и придать этим более глубоким восприятиям сердца, восприятиям жизни и догадкам тела большую интегральность и совершенство. Таким путем она может превратить всю субстанцию в вещество Интуиции; ведь она вносит собственное большее сияющее движение в волю, чувства и эмоции, в жизненные импульсы, в действие чувства и в ощущения, в сами работы телесного сознания; она переформирует их в свете и силе истины и озаряет их знание и их неведение. Так может произойти определенная интеграция, но будет ли она полной — это зависит от предела, до которого новый свет способен вобрать подсознательное и проникнуть в фундаментальное Несознание. Здесь интуитивный свет и сила могут быть стеснены в своей работе, потому что они находятся на кромке делегированного и модифицированного Сверхразума и не вносят всей массы или плоти знания-тождества. Базис Несознания в нашей природе слишком широк, глубок и тверд, чтобы он мог быть всецело пронизан, обращен в свет, трансформирован с помощью недостаточно еще высокой силы природы Истины.

Следующий шаг восхождения подводит нас к Надразуму; интуитивное изменение может быть лишь введением к этому высшему духовному вступлению. Но мы видели, что Надразум, даже когда он избирателен и не тотален в своем действии, все еще является мощью космического сознания, принципом глобального знания, который несет в себе делегированный свет из супраментального Гнозиса. Поэтому только путем открытия в космическое сознание может стать полностью возможным надментальное восхождение и нисхождение: не достаточно высшего и интенсивного индивидуального открытия вверх — к этому вертикальному восхождению к вершине Света должно быть добавлено обширное грандиозное расширение сознания в некоторую тотальность Духа. По меньшей мере, внутреннее существо должно уже заменить поверхностный разум и его ограниченный взгляд на свое более глубокое и более широкое осознание и научиться жить в большей универсальности; ведь иначе взгляд надразума на вещи и динамика надразума не будут иметь места, чтобы войти и осуществлять свои динамические операции. Когда нисходит Надра-

зум, тогда преобладание централизованного эго-ощущения полностью подчиняется, теряется в обширном существе и в конечном счете теряется; эго замещает широкое космическое восприятие и чувство безграничного универсального я и движения: могут все еще продолжаться многие движения, которые прежде были эгоцентрическими, но они появляются как потоки или рябь на космической шире. Мышление, по большей части, больше не кажется возникающим индивидуально в теле или в личности, а поступающим свыше или приходящим в виде воли космического разума: все внутреннее индивидуальное знание или понимание вещей является теперь откровением или озарением того, что увидено или понято, но источник этого откровения находится не в чем-то отдельном я, а в универсальном знании; чувства, эмоции, ощущения аналогично воспринимаются как волны из той же самой космической грандиозности, наталкивающиеся на тонкое и грубое тело и получающие ответ из индивидуального центра универсальности; ведь тело является лишь маленькой опорой или, даже менее того, точкой связи для действия необъятного космического инструментария. В этой безграничной необъятности может полностью исчезнуть не только отдельное эго, но и всякое ощущение индивидуальности; чувствуется лишь космическое существование, космическое сознание, космический восторг, игра космических сил: если в том, что раньше было личным разумом, жизнью, телом, чувствуется восторг или центр Силы, то это происходит не с ощущением персональности, а как поле манифестации, и это ощущение восторга или действия Силы не ограничено личностью или телом, а может чувствоваться во всех точках неограниченного сознания единства, которое пронизывает все.

Но может быть множество формулировок сознания надразума и переживания; ведь Надразум обладает колоссальной пластичностью и является полем множественных возможностей. Вместо рассредоточенного рассеивания может быть ощущения вселенной в себе или как себя: но здесь тоже это я – не эго; это расширение свободного и чистого сущностного само-сознания или отождествление со Всем — расширение или отождествление, составляющее космическое существо, вселенского индивида. В одном состоянии космического сознания есть индивид, включенный в космос, но отождествляющий себя со всем в нем, с вещами и существами, с мыслью и чувством, с радостью и печалью других; в другом состоянии есть включение существ в себя и реальность их жизни как часть собственного существа. Часто нет правления или руководства грандиозного движения, а есть лишь свободная игра вселенской Природы, на которую то, что было личным существом, отвечает с пассивным приятием или динамическим тождеством, тогда как дух все же остается свободным и незадегым каким-либо рабством реакций этот пассивности или этого вселенского и безличностного отождествления или симпатии. Но с сильным влиянием или полным действием Надразума может придти и стать обычным само интегральное чувство управления, полного поддерживающего или господствующего присутствия и правления космического Я или Ишвары; либо может быть открыт особый центр или быть создан превосходящий и доминирующий физический инструмент, индивидуальный в факте существования, но безличностный в чувстве и распознаваемый свободным познанием как нечто инструментальное по отношению к действию Трансцендентного и Вселенского Бытия. В переходе к Сверхразуму это централизующее действие стремится к открытию истинного индивида, замещающего умершее эго, существа, которое в своей сущности одно со всевышним Я, одно в расширении со вселенной и все же является космическим центром и окружением специализированного действия Бесконечного.

Таковы первые общие результаты, которые закладывают обычное основание сознания надразума в развитом духовном существе, но неисчислимы его вариации и развития. Сознание, которое действует таким образом, переживается как сознание Света и Истины, мощь, сила, действие, полное Света и Истины, восприятие и ощущение красоты и восторга, универсального и многогранного в деталях, озарение в целом и во всех вещах, в одном движении и во всех движениях, с постоянным расширением и игрой возможностей, бесконечной и нескончаемой и неопределяемой даже во множественности определенностей. Если вмешивается мощь упорядочивающего Гнозиса надразума, тогда есть космическая структура сознания и действия, но она не подобна твердым ментальным структурам; она пластична, органична, это нечто, что может расти, развиваться и растягиваться в бесконечное. Все духовные переживания впитываются и становятся обычными и нормальными для новой природы; все сущностные переживания, принадлежащие разуму, жизни и телу, впитываются и одухотворяются, преобразуются и чувствуются как форма сознания, восторга, мощи бесконечного существования. Расширяется интуиция, озаренное зрение и мышление; их субстанция приобретает большую прочность, массу, энергию, их движение становится более охватывающим, глобальным, многогранным, более широким и могучим в своей силе истины: вся природа, знание, восприятие, симпатия, чувство, динамизм становятся более объемлющими, все-понимающими, все-охватывающими, космическими, бесконечными.

Надментальное изменение является финальным вершающим движением динамической духовной трансформации; это высочайшая из возможных динамика статуса Духа на духовном плане разума. Она впитывает все то, что находится в трех шагах ниже и поднимает их характерные работы до их самой высокой и самой большой силы, добавляя им универсальную широту сознания и силы, гармоническое согласование знания, более многогранный восторг существа. Но есть определенные причины, возникающие из собственного характерного статуса и мощи надразума, которые препятствуют ему быть окончательной возможностью духовной эволюции. Надразум – мощь

нижней полусферы, хотя и высочайшая мощь; хотя базисом надразума является космическое единство, но его действие является действием деления и взаимодействия, действием, базирующимся на игре множественности. Его игра, подобно игре всего Разума — это игра возможностей; хотя он действует не в Неведении, а со знанием истины этих возможностей, все же он вырабатывает их через их собственную независимую эволюцию их мощностей. Он действует в каждой космической формуле в соответствии с фундаментальным смыслом этой формулы и не является мощью для динамической трансцендентности. Здесь, в земной природе, он вынужден творить в космической формуле, чьим базисом является полное незнание, которое вытекает из отделения Разума, Жизни и Материи от их собственного источника во всевышнем начале. Надразум может перекрыть это отделение только до той точки, где разделительный Разум входит в Надразум и становится частью его действия; он может объединить индивидуальный разум с космическим разумом на его высочайшем плане, приравнять индивидуальное я с космическим я и придать природе действие универсальности; но он не может вывести Разум за его пределы, и в этом мире изначального Несознания он не может динамизировать Трансцендентность: ведь только Сверхразум является всевышним самоопределяющимся действием истины и прямой мощью манифестации той Трансцендентности. Если действие эволюционной Природы закончилось бы здесь, тогда Надразум, донеся сознание до точки необъятной озаренной универсальности и организованной игры этого широкого и могущественного духовного осознания совершенного существования, сознательной силы и восторга, смог бы идти дальше лишь настолько, чтобы открыть ворота Духа в верхнюю полусферу и позволить душе уйти в Трансцендентность из этой космической формации.

В самой земной эволюции нисхождение надразума не смогло бы полностью трансформировать Несознание; все, что надразум смог бы сделать — это трансформировать в каждом человеке, которого он затронул, все его сознательное существо, внутреннее и внешнее, личностное и универсально безличностное, преобразовав его в собственное вещество, и наложить это на Неведение, озарив его в космическую истину и знание. Но базис Незнания сохранился бы; это было бы так, как если бы солнце озарило изначальную тьму Пространства и осветило бы все настолько, насколько могли бы дойти его лучи, так чтобы все, что пребывало бы в свете, чувствовало бы так, как если бы никакой тьмы вообще не было в их опыте существования. Но вне этой сферы или расширения опыта все еще оставалась бы изначальная тьма и, поскольку все возможно в структуре надразума, то эта тьма смогла бы снова наводнить островок света, созданный внутри ее империи. Более того, поскольку Надразум имеет дело с различными возможностями, то его естественным действием было бы развить отдельную возможность одной, нескольких или множественных динамических духовных формулировок до их крайностей, либо скомбинировать или гармонизировать несколько возможностей вместе; но это было бы творение или несколько творений в изначальном земном творении, каждое из которых было бы полным в своем отдельном существовании. Там был бы развитый духовный индивид, там могло бы развиться и духовное сообщество или сообщества в том же самом мире ментального человека и витального существа животных, но каждое сообщество вырабатывало бы свое независимое существование в ослабленной связи внутри земной формулы. Там все еще не было бы всевышней силы принципа единства, вбирающего в себя все разнообразия и контролирующего их как части единства, что должно быть законом нового эволюционного сознания. Также в этой эволюции не могло бы быть гарантии от притяжения Несознания, которое растворяет все формации, которые жизнь и разум строят в нем, поглощает все, что возникает из него или наложено на него и дезинтегрирует их в их изначальную материю. Освобождение от этой тяги Несознания и прочный базис для непрерывной божественной или гностической эволюции может быть достигнут лишь путем нисхождения Сверхразума в земную формулу, привнесения в нее всевышнего закона, света и динамики Духа и трансформации несознания материального базиса. Поэтому на этой стадии эволюционной Природы должен произойти последний переход от Надразума к Сверхразуму и нисхождение Сверхразума.

Надразум и его динамические силы, поднимая разум, жизнь и тело и проникая в них, будут подчинять все возвышающему процессу; на каждом шаге этого процесса может находить свое основание большая сила и высшая интенсивность гнозиса, все меньше и меньше смешанная с ослабленным, рассеянным, уменьшенным и разреженным веществом разума: но всякий гнозис в своем начале является мощью Сверхразума, так что это будет означать все больший и больший приток в природу полу-завуалированного и непрямого супраментального света и мощи. Это будет продолжаться до той точки, где сам Надразум не начнет трансформироваться в Сверхразум; супраментальное сознание и сила возьмут трансформацию непосредственно в свои руки, раскроют земному разуму, жизни и телесному существу их собственную духовную истину и божественность и, в конечном счете, вольют во всю природу совершенное сознание, мощь, смысл супраментального существования. Душа выйдет за пределы границ Неведения и пересечет свою изначальную линию отклонения от всевышнего Знания: она войдет в интегральность супраментального гнозиса; нисхождение гностического Света осуществит полную трансформацию Неведения.

Это или нечто более масштабно завуалированное можно считать схематическим, логическим или идеальным отчетом духовной трансформации, структурной картой восхождения к супраментальному верху, рассмотренной как последовательность отдельных шагов, каждый из которых завершается до начала следующего. Как если бы душа, выдвигая вперед организованную природную индивидуальность, была бы путешественницей, взбирающейся

по ступеням сознания, вытесанных в универсальной Природе, причем каждое восхождение полностью переносило бы ее как отдельное целое, как отдельное тело сознательного существа, по порядку от одного состояния существования к следующему. Это верно в той степени, в которой должна произойти достаточная интеграция одного статуса, прежде чем может стать полностью надежным восхождение к следующему высшему пункту: эта ясная последовательность может быть также курсом, которым последуют некоторые даже на ранних стадиях эволюции, и это также может стать нормальным ходом, когда вся лестница эволюции будет построена и станет безопасной. Но эволюционная Природа — это не логическая серия отдельных сегментов, этот тотальность восходящих мощностей бытия, которые пронизывают друг друга, согласованы друг с другом и проявляют в своем действии друг на друга мощь взаимной модификации. Когда высшее сознание спускается в низшее, оно меняет низшее, но также модифицируется и ослабляется им; когда восходит низшее, оно очищается, но одновременно и приобретает возвышающую субстанцию и силу. Это взаимодействие порождает изрядное количество различных промежуточных и взаимосцепленных ступеней силы и сознания существа, но оно также затрудняет установление полной интеграции всех сил под полный контроль любой одной силы. По этой причине в действительности нет ряда простых ясно очерченных и последовательных стадий в эволюции индивида; вместо этого есть сложность и частично определенная, частично путанная всесторонность движения. Душу все еще можно описать как путешественника и альпиниста, который шаг за шагом продвигается к высшей цели, причем каждая ступень должна быть выстроена как единое целое, для чего требуется часто на нее спускаться, чтобы перестроить ее и сделать надежной, так чтобы она не обрушилась под ним: но эволюция целостного сознания движется скорее как восходящий океан Природы; ее можно сравнить с волной или взбирающимся потоком, передняя часть которого касается высших уровней утеса, тогда как нижние уровни по-прежнему остаются под водой. На каждой стадии высшие части природы могут быть предварительно, но неполно организованы в новое сознание, тогда как низшие части могут находиться в состоянии течения или образования, отчасти двигаясь по старому пути, хотя и начиная изменяться, и отчасти принадлежать новому типу, но все еще несовершенно достигнутому и еще недостаточно надежному в этом изменении. Другим образом может быть образ армии, продвигающейся колоннами, которые захватывают новые области, тогда как основная часть все еще находится на ранее занятой территории, но слишком обширной, чтобы ее эффективно занять, так что следует часто останавливаться и частично возвращаться к пройденным областям для консолидации и уверенности в том, что страна надежно занята, а ее люди — ассимилированы. Возможно и быстрое покорение, но оно будет иметь природу лагерной остановки или господства в чужой стране; это не будет присоединением, полной ассимиляцией и интеграцией, необходимой для полного супраментального изменения.

Это влечет за собой определенные последствия, которые модифицируют четкую последовательность эволюции и мешают ей следовать ясно определенному и надежно выстроенному курсу, которого наш логический интеллект требует от Природы, но редко получает от нее. Как Разум и Жизнь начинают появляться тогда, когда организация Материи достаточна, чтобы допустить их, но более сложная и совершенная организация Материи приходит с эволюцией Жизни и Разума, как Разум появляется тогда, когда Жизнь достаточно организована, чтобы допустить развитую вибрацию сознания, но Жизнь достигает своей полной организации и развития только после того, как Разум может воздействовать на нее, как духовная эволюция начинается тогда, когда человек как Разум способен на движение духовности, но и Разум поднимается до собственного высочайшего совершенства в ходе роста интенсивности и светлости Духа, так же обстоит дело и с высшей эволюцией восходящих мощностей Духа. Как только достигается достаточное духовное развитие, начинает проявляться нечто из интуиции, озарения существа, начинает происходить движение высших духовных степеней Сознания — иногда одно, иногда другое или все вместе, и они не ждут того, чтобы каждая мощь в серии завершила себя, прежде чем вступит в действие более высокая мощь. Свет и сила надразума могут отчасти спуститься, создать свою частичную форму в существе и занять лидирующее положение, либо надзирать и вмешиваться, тогда как интуитивный и озаренный Разум и высший Разум могут оставаться в целом, действуя наряду с большей Мощью, часто пронизанные и возвышенные ею, либо подняться в нее, чтобы сформировать большую или надразумную Интуицию, большее или надразумное Озарение, большее или надразумное духовное Мышление. Такое замысловатое действие происходит из-за того, что каждая нисходящая мощь благодаря интенсивности давления на природу и возвышающему воздействию делает существо способным на более высокое вторжение еще до того, как закончится само-формирование более ранней силы; но это происходит и из-за того, что работа принятия и трансформации с трудом может быть проделана, если не происходит все более высокого вмешательства. Озарению и высшему Мышлению требуется помощь Интуиции, а Интуиции требуется помощь Надразума, чтобы сражаться с тьмой и неведением, в которых они трудятся, и чтобы придать им их собственную полноту. Все же статус и интеграция надразума не могут быть полными до тех пор, пока Высший Разум и Озаренный Разум не станут интегрированными и не будут подняты в Интуицию, и сама Интуиция затем заинтегрирована и поднята во все-расширяющую и все-возвышающую энергию надразума. Закон постепенности должен соблюдаться даже в комплексности хода эволюционной Природы.

Дальнейшая причина сложности вытекает из необходимости самой интеграции; ведь процесс заключается не только в восхождении души до высшего статуса, но и в нисхождении так приобретенного высшего сознания, чтобы оно подняло и трансформировало низшую природу. Но эта природа обладает плотностью предыдущего образования, которое сопротивляется нисхождению и затрудняет его; даже когда высшая мощь прорвала барьер, низшла и начала работать, но природа Неведения сопротивляется и препятствует работе, так что она либо старается вообще отвергнуть трансформацию, либо пытается модифицировать новую мощь, чтобы привести ее в согласование с собственными работами, либо даже набрасывается на нее, чтобы захватить, ослабить и поработить ее для собственного способа действия и низшей цели. Обычно в ходе принятия и усвоения этого трудного вещества Природы высшие силы нисходят сначала в разум и захватывают центры разума, потому что они ближе к ним в понимании и в знании-силе; если они спускаются сначала в сердце или в витальное существо силы и ощущения, как это иногда происходит из-за того, что некоторые индивиды более открыты там, тогда результаты получаются более смешанными и сомнительными, несовершенными и ненадежными, чем если бы все происходило в логическом порядке. Но даже в ходе своей нормальной работы, когда нисходящая сила поднимает существо часть за частью в естественном порядке нисхождения, эта сила не способна полностью занять и трансформировать каждую часть, прежде чем идти дальше. Она может занять каждую часть лишь в общем и не полностью, так что работы каждой части носят частично новый высший, частично смешанный, частично старый неизменный низший характер. Ведь разум во всем его диапазоне не может быть сразу же преобразован, поскольку центры разума не являются регионами, изолированными от остальной части существа; действие разума пронизано действием витальной и физической частей, и в самих этих частях есть низшие формации разума — витальный разум, физический разум — и они должны быть изменены, прежде чем сможет произойти полная трансформация ментального существа. Поэтому высшая трансформирующая сила должна спуститься, как можно раньше и не ожидая интегрального ментального изменения, в сердце, так чтобы занять и изменить эмоциональную природу, а затем — в низшие витальные центры, чтобы занять и изменить всю витальную, кинетическую и чувственную природу и, наконец, должна спуститься в физические центры, так чтобы занять и изменить всю физическую природу. Но даже эта окончательность еще не окончательна, ведь все еще остаются подсознательные части и подсознательное основание. Сложность, переплетенное действие этих мощностей и частей существа столь велико, что почти можно сказать, что в этом изменении ничто не завершено, пока все не завершено. Есть прилив и отлив, силы старой природы отступают, а затем возвращаются и снова занимают свои старые области, вызывая медленный отход и возобновление атаки и агрессии, и затем высший прилив вновь занимает покоренную территорию, но несовершенно уверенный в своем господстве, пока остается что-то, что еще не стало частью светлой области.

Третья сложность вносится способностью сознания жить в более чем одном статусе одновременно; в особенности, трудность порождается делением нашего существа на внутреннюю и внешнюю или поверхностную природу и дальнейшей путаницей тайного окружающего сознания, в котором определяются наши невидимые связи с миром вне нас. В духовном открытии именно пробужденное внутреннее существо с готовностью воспринимает и ассимилирует высшие воздействия и приводит в действие высшую природу; внешнее поверхностное я, почти всецело формируемое силами Неведения и Несознания, медленно пробуждается, медленно воспринимает, медленно усваивает. Поэтому есть долгая стадия, на которой внутреннее существо достаточно трансформировано, но внешнее все еще вовлечено в смешанное и трудное действие несовершенного изменения. Это несоответствие повторяется на каждом шаге восхождения; ведь при каждом изменении внутреннее существо отвечает с большей готовностью, а внешнее с трудом движется за ним, неохотно и некомпетентно, несмотря на свое стремление и желание: это вызывает необходимость постоянно повторяющегося труда принятия, адаптации, ориентации, труда, всегда воспроизводимого в новых терминах, но всегда одного и того же в принципе. Но даже когда внешняя и внутренняя природы индивида объединены в гармонизированное духовное сознание, то более внешняя, но оккультная его часть, в которой все существо смешивается с существом внешнего мира и через которую внешний мир наводит сознание, все еще остается полем несовершенства. Обязательно есть торговля между несоответствующими влияниями: внутреннее духовное влияние наталкивается на совершенно противоположные влияния, сильные по части контроля существующего мирового порядка: новое духовное сознание должно выдержать удар преобладающих и укоренившихся недуховных сил Неведения. Это порождает кардинально важную трудность на всех стадиях духовной эволюции и ее пробуждения к изменению природы.

Может быть установлена субъективная духовность, которая отказывается от сообщения с миром или минимизирует это сообщение, либо удовлетворяется тем, чтобы быть свидетелем его действия и набрасывать свои влияния, не допуская какой-либо реакции на них или не допуская их вторжения: но если внутренняя духовность должна объективизироваться в свободном действии мира, если индивид должен спроецировать себя в мир и в некотором смысле вобрать мир в себя, то это не может динамически быть проделано без восприятия воздействий мира через собственное окружающее существо. Духовное внутреннее сознание должно тогда обращаться с этими воздействиями таким образом, чтобы при своем приближении или входе они либо уничтожались и не давали никакого результа-

та, либо трансформировались благодаря самому входу в его собственную форму и субстанцию. Либо духовное внутреннее сознание может заставить их воспринять духовное воздействие и вернуть их с трансформирующей силой в мир, откуда они пришли, ведь такое принуждение универсальной Природы является частью совершенного духовного действия. Но для этого окружающее существо должно быть настолько пропитанным духовным светом и духовной субстанцией, чтобы ничто не могло войти в него, не подвергнувшись этой трансформации: вторгающиеся внешние воздействия вообще не должны вносить своего низшего осознания, своего низшего зрения, своей низшей динамики. Но это трудное совершенство, потому что обычно окружающее существо — это не полностью наше собственное сформированное и реализованное *я*, а это *я* плюс природа внешнего мира. Именно по этой причине всегда легче одухотворить внутренние само-достаточные части, чем трансформировать внешнее действие; совершенство интроспективной, внутренне пребывающей или субъективной духовности, отчужденной от мира или само-защищенной от него, легче, чем совершенство всей природы в динамической, кинетической духовности, объективизированной в мире, охватывающей мир, являющейся мастером своего окружения, повелителем в сообщении с мировой природой. Но поскольку интегральная трансформация должна полностью охватывать динамическое существо и вбирать в него жизнь действия и мировое *я* вне нас, то от развивающейся природы требуется это более полное изменение.

Существенная трудность возникает из того факта, что субстанция нашего обычного существа сформирована из Несознания. Наше неведение является ростом знания в субстанцию незнающего существа; сознание, которое оно развивает, знание, которое оно устанавливает, всегда преследуется этим незнанием, пронизано и окружено им. Именно эта субстанция незнания должна быть трансформирована в субстанцию сверхсознания, в субстанцию, в которой всегда есть сознание и духовное осознание, даже когда она не активна, не выражена, не облачена в форму знания. Пока это не достигнуто, незнание будет наводнять или окружать, либо поглощать и всасывать в свою непомнящую тьму все то, что входит в нее; незнание заставляет нисходящий свет идти на компромисс с меньшим светом, в который он входит: происходит смешение, уменьшение и ослабление нисходящего света, уменьшение и модификация его истины и силы. Либо, по меньшей мере, незнание ограничивает его истину и обозначает пределы его силы, сегментирует его применение и его диапазон; его истина принципа перекрывается от полной истины индивидуальной реализации или от достигнутой истины космического применения. Полное действие в гармонии с новым законом существа всегда трудно в человеческой природе; ведь в субстанции Несознания есть само-защита закон слепой императивной Необходимости, который ограничивает игру возможностей, возникающих в ней или входящих в нее, и препятствует им установить их свободное действие и результат или реализовать интенсивность их собственного абсолюта. Смешанная, относительная, сдержанная и ослабленная игра — вот все, что остается им: иначе они разрушат остов Несознания и сильно возмутят базис мирового порядка, не изменив его эффективно; ведь ни одна из них в своей ментальной или витальной игре не обладает божественной мощью, чтобы заместить этот темный изначальный принцип и организовать совершенно новый мировой порядок.

Трансформация человеческой природы может быть достигнута лишь тогда, когда субстанция существа настолько пропитана духовным принципом, что все его движения являются спонтанной динамикой и гармонизированным ходом Духа. Но даже когда высшие силы и их интенсивности входят в субстанцию Несознания, они наталкиваются на слепое противодействие Необходимости и подчиняются ограничивающему и ослабляющему закону незнающей субстанции. Необходимость всегда противостоит им, отстаивая свои права на установленный и непреложный Закон, всегда опровергает требование жизни законом смерти, требование Света — необходимостью облегчения тени и фона тьмы, суверенность и свободу и динамику Духа — собственной силой приспособления путем ограничения, разграничения из-за неспособности, из-за основания энергии на покое изначальной Инерции. За всеми этими отрицаниями стоит оккультная истина, которую только Сверхразум со своим примирением противоположностей в изначальной Реальности может взять и найти прагматическое решение этой загадки. Только супраментальная Мощь может полностью преодолеть эту трудность фундаментального Незнания; ведь вместе с ней входит противоположная светлая императивная Необходимость, лежащая в основании всех вещей и являющаяся изначальной и окончательной само-определяющей силой истины само-существующего Бесконечного. Только эта более светлая духовная Необходимость и ее императивное главенство может сместить или полностью пронзить, трансформировать в себя и таким образом заменить слепую Ананке Несознания.

Супраментальное изменение всей субстанции существа и, как следствие, обязательное изменение всего его характера, сил и движений происходит тогда, когда инволюционный Сверхразум в Природе всплывает, чтобы встретиться и соединиться с супраментальным светом и мощью, спускающимся из Сверхприроды. Индивид должен быть инструментом и первым полем этой трансформации; но не достаточно отдельной индивидуальной трансформации, и она не может быть полностью осуществима. Даже достигнутое супраментальное изменение будет иметь постоянное и космическое значение, только если индивид станет центром и знаком для установления супраментальной Сознательной Силы в качестве открыто действующей мощи в Жизни и Материи. Это будет означать появление в эволюции гностического существа или Пуруши и гностической Пракрити, гностической Природы. Должна всплыть супрамен-

тальная Сознательная Сила, освобожденная и деятельная внутри земного целого, и должен быть организованный супраментальный Дух в жизни и теле — ведь телесное сознание тоже должно достаточно пробудиться, чтобы стать пригодным инструментом для работы новой супраментальной Силы и ее нового порядка. До тех пор любое промежуточное изменение может быть лишь частичным или ненадежным; может быть развит надментальный или интуитивный инструментарий Природы, но он будет светлой формацией, наложенной на фундаментальное окружающее Несознание. Как только будет постоянно установлен супраментальный принцип на собственном базисе, тогда силы Надразума и духовного Разума смогут надежно основаться на этом базисе и достичь собственного совершенства; они образуют в земном существовании иерархию из состояний сознания, поднимающуюся от Разума и физической жизни ко всевышнему духовному уровню. Разум и ментальное человечество останутся в качестве ступени в духовной эволюции; но будут сформированы и другие ступени над этой ступенью, и они будут доступны для воплощенного ментального существа, чтобы оно смогло подняться в гнозис и превратиться в воплощенное супраментальное и духовное существо. На этом базисе может быть проявлен принцип божественной жизни в земной Природе; даже мир неведения и несознания сможет открыть собственный погруженный секрет и начать реализовывать на каждой низшей ступени ее божественное значение.

ГНОСТИЧЕСКОЕ СУЩЕСТВО

Возник совершенный путь Истины для нашего путешествия к другому берегу за пределы тьмы.

*Риг Веда*¹

О, Сознующий Истину, сознавай Истину, различай многие потки Истины.

*Риг Веда*²

О Пламя, О Вино, твоя сила стала сознательной; ты открыл Один Свет для многих.

*Риг Веда*³

Чисто белая и дуальная в своей величине, она успешно следует, как тот, кто знает, по пути Истины и не сокращает ее направлений.

*Риг Веда*⁴

С помощью Истины они охватили Истину, которая охватывает все, в силе Жертвы, во всевышнем эфире.

*Риг Веда*⁵

О, Бессмертный, ты рожден в смертных в законе Истины, Бессмертия, Красоты... Рожденный из Истины, он растет с помощью Истины — Король, Божество, Истина, Необъятность.

*Риг Веда*⁶

Как только мы достигаем в своем мышлении линии, на которой эволюция Разума в Надразум переходит в эволюцию Надразума в Сверхразум, мы сталкиваемся с трудностью, доходящей почти до невозможности. Ведь мы склонны искать некую точную идею, некое точное ментальное описание супраментального или гностического существования, которое тяжело вырабатывает эволюционная Природа в Неведении; но, пересекая эту крайнюю черту возвышенного Разума, сознание выходит из сферы, превышает характерное действие и ускользает от захвата ментального восприятия и знания. В действительности очевидно, что супраментальная природа должна быть совершенной интеграцией и доведением до конца духовной природы и переживания: она также будет содержать в себе, благодаря самому характеру эволюционного принципа, хотя и не будет ограничена этим изменением, тотальное одухотворение земной природы; наше переживание мира будет поднято в этот шаг нашей эволюции и, путем трансформации своих частей божественности, сознательного отвержения своих несовершенств и маскировок, достигнет некой божественной истины и полноты. Но все это — общие формулы, которые не дают нам точного представления об этом изменении. Наше обычное восприятие или воображение, либо формулирование вещей духовных или вещей мирских является ментальным, а в гностическом изменении эволюция пересекает линию, за которой происходит верховное и радикальное обращение сознания, и стандарты и формы ментального познания больше не недостаточны: ментальному мышлению трудно понять или описать супраментальную природу.

Ментальная природа и ментальное мышление базируются на сознании конечного; супраментальная природа в самом своем зерне является сознанием и мощью Бесконечного. Супраментальная природа видит все с точки зрения тождества и рассматривает все вещи, даже величайшую множественность и многообразие, даже то, что для разума является сильнейшим противоречием, в свете того тождества; ее воля, идеи, чувства, ощущения сделаны из вещества тождества, ее действия проходят на этом базисе. Ментальная же природа, напротив, думает, видит, желает, чувствует, ощущает, исходя из деления в качестве стартовой точки и имеет лишь сконструированное понимание единства; даже когда она переживает тождество, она должна действовать из этого тождества на основе ограничения

¹ I. 46. 1.

² V. 12. 2.

³ 93. 4.

⁴ 80. 4.

⁵ 15. 2.

⁶ 110. 4; 108. 8.

и разницы. Но супраментальная, божественная жизнь является жизнью сущностного, спонтанного и сокровенного единства. Разум не может предвидеть в деталях, каким должно быть супраментальное изменение по части жизненного действия и внешнего поведения или установить, какие формы она создаст для индивидуального или коллективного существования. Ведь разум действует с помощью интеллектуального правила или изобретения, либо с помощью разумного выбора воли или с помощью ментального импульса или подчиняясь жизненному импульсу; но супраментальная природа не действует с помощью ментальной идеи или правила, либо подчиняясь какому-либо низшему импульсу; каждый ее шаг продиктован сокровенным духовным видением, исчерпывающим и точным проникновением в истину всего и каждой вещи; она всегда действует в соответствии с сокровенной реальностью, не с помощью ментальной идеи, не в соответствии с наложенным законом неведения или с конструктивной мыслью или пронизательной затеей. Ее движение спокойное, само-обладающее, спонтанное, пластичное; оно естественно и неизбежно возникает из гармонического тождества истины, которое чувствуется в самой субстанции сознательного существа, в духовной субстанции, являющейся универсальной и поэтому сокровенно единой со всем тем, что включено в ее познание существования. Ментальное описание супраментальной природы может выразиться лишь в слишком абстрактных фразах или в ментальных образах, которые могут обернуться в нечто, совершенно отличное от ее реальности. Поэтому разум не может предвидеть или дать представление о том, чем будет супраментальное существо или как оно будет действовать; ведь здесь ментальные идеи или формулировки не могут ничего решить или достичь какого-либо точного определения или ясности, потому что они не достаточно близки к закону и самовидению супраментальной природы. В то же самое время определенные выводы могут быть сделаны из самого факта этой разницы природ, что может быть верным, по крайней мере, для общего описания перехода от Надразума к Сверхразуму или может смутно построить для нас представление о первом статусе эволюционного супраментального существования.

Этот переход является стадией, на которой сверхразумный гнозис может взять лидерство эволюции от Надразума и построить первые основания собственной характерной манифестации и незавуалированной деятельности; поэтому она должна быть отмечена решительным, но долго подготавливаемым переходом от эволюции в Неведении ко всегда поступательной эволюции в Знании. Это не явится внезапным откровением и осуществлением абсолютного Сверхразума и супраментального бытия, какими они являются на собственном плане, быстрым откровением истинно-сознательного существования, вечно само-исполненного и полного в само-знании; это будет явление супраментального бытия, нисходящее в мир эволюционного становления и формирующего себя там, разворачивающего силы гнозиса внутри земной природы. Это в действительности является принципом всего земного бытия; ведь ход земного существования — это игра бесконечной Реальности, сначала скрывающей себя в последовательности темно ограниченных, непрозрачных и неполных полу-образов, которые из-за их несовершенства и характера маскировки искажают истину, на которую они работают, а затем достигающей все более полу-светлых образов самой себя, которые могут стать, раз уж произошло супраментальное нисхождение, истинным последовательным откровением. Нисхождение из изначального Сверхразума, принятие эволюционного Сверхразума, является шагом, который супраментальный гнозис может предпринять и осуществить, не меняя собственного сущностного характера. Он может принять формулу истинно-сознательного существования, основанного во внутренне присущем само-знании, но одновременно вбирающего в себя ментальную природу и природу жизни и материального тела. Ведь Сверхразум, как Сознание Истины Бесконечного, обладает в своем динамическом принципе бесконечной мощью свободного само-определения. Он может держать все знание в себе и все же выдвигает вперед в формулирование только то, что необходимо на каждом шаге эволюции; он формулирует все в соответствии с Божественной Волей в манифестации и с истиной вещи, которая должна быть проявлена. Именно благодаря этой мощи он способен удерживать свое знание, прятать собственный характер и закон действия и проявлять Надразум, а под Надразумом — мир неведения, в котором существо на поверхности не хочет знать и даже ставит себя под контроль пропитывающего Незнания. Но вуаль, наложенная на волю, будет поднята на этой стадии; на каждом шаге эволюция будет двигаться в мощь Сознания Истины, и ее последовательные определенности будут сделаны при помощи сознательного Знания, а не в формах Неведения или Несознания.

Как на земле было установлено ментальное Сознание и Мощь, которая лепит ряд ментальных существ и вбирает в себя всю земную природу, готовую для этого изменения, так теперь на земле будет установлено гностическое Сознание и Мощь, которая будет лепить расу гностических духовных существ и вберет в себя всю земную природу, готовую для этой новой трансформации. Она также примет в себя свыше, постепенно, из собственной области совершенного света и мощи и красоты все то, что готово низойти из той области в земное бытие. Ведь в прошлом эволюция шла путем подъема, на каждой критической стадии, сокрытой Мощи из своей инволюции в Несознании, но также и путем нисхождения свыше, с собственного плана, той Мощи, уже само-реализованной в собственной высшей естественной сфере. На всех этих предыдущих стадиях было деление между поверхностным я и сознанием и сублиминальным я и сознанием; поверхностное было сформировано, главным образом, под давлением поднимающейся снизу силы, при помощи Несознательного, развивающего медленно всплывающую формулировку сокрытой силы

Духа, а сублиминальное — частично этим путем, но, главным образом, путем одновременного притока свыше величия той же самой силы: ментальное или витальное существо спустилось в сублиминальные части и сформировало из своего тайного пункта там ментальную или витальную личность на поверхности. Но прежде чем может начаться супраментальное изменение, вуаль между сублиминальной и поверхностной частями уже должна быть разорвана; приток, нисхождение произойдут в полное сознание как в целое; этот процесс не будет идти частично за вуалью: он больше не будет сокрытой, смутной и неоднозначной процедурой, а явится открытым истечением, сознательно чувствуемым, которому будет следовать все существо в своем преображении. В других отношениях процесс будет идентичным — супраментальный приток свыше, нисхождение гностического существа в природу и появление снизу сокрытой супраментальной силы; этот приток и развуалирование устроят здесь то, что осталось от природы Неведения. Исчезнет правление Несознательного: путем прорыва большего тайного Сознания Несознание преобразуется в то, чем оно всегда на самом деле было — в море тайного Сверхсознания. Следствием этого явится первое формирование гностического сознания и природы.

Творение супраментального существа, природы, жизни на земле не будет единственным результатом этой эволюции; оно также будет нести с собой окончательное оформление всех шагов, которые привели к ней: ведь оно утвердит земное рождение Надразума, Интуиции и других градаций духовной силы природы и учредит расу гностических существ и иерархию, сияющую лестницу восходящих ступеней и последовательные составляющие формации гностического света и мощи в земной природе. Ведь описание гнозиса применимо ко всему сознанию, которое основывается на Истине бытия, а не на Неведении или Незнании. Вся жизнь и живущие существа, готовые подняться за пределы ментального неведения, но еще не готовые для супраментальной высоты, найдут в некоей лестнице с перекрывающимися ступенями свой надежный базис, свои промежуточные ступени само-формирования, свое выражение реализованной способности духовного существования на пути ко всевышней Реальности. Но также можно ожидать, что присутствие освобожденного и теперь уже правящего супраментального света и силы во главе эволюционной Природы будет иметь свои последствия во всей эволюции. Оно окажет свое воздействие и на жизнь низших эволюционных ступеней; нечто из супраментального света и силы проникнет вниз и пробудит к большему действию скрытую Мощь Истины везде в Природе. Доминирующий принцип гармонии наложит себя на жизнь Неведения; разногласие, слепой поиск, столкновение в борьбе, аномальные злоклучения преувеличения и застоя, нестабильный баланс невидящих сил за работой в своей смеси и конфликте, почувствуют воздействие и уступят место более упорядоченной поступи и гармоническим шагам развитого существа, более открывающему устройству прогрессирующей жизни и сознания, к лучшему жизненному порядку. Более свободная игра интуиции, симпатии и понимания войдет в человеческую жизнь, а также более ясное ощущение истины я и вещей и более освещенное обращение с возможностями и трудностями существования. Вместо постоянной смешанной и путанной борьбы между ростом Сознания и мощью Несознания, между силами света и силами тьмы, эволюция станет поступенчатым продвижением от меньшего света к большему свету; на каждой стадии этого продвижения сознательные существа, принадлежащие данной стадии, будут отвечать на внутреннюю Сознательную Силу и расширять собственный закон космической Природы к возможности более высокой ступени этой Природы. Это, по меньшей мере, очень возможно, и это можно предвидеть как естественное следствие прямого воздействия Сверхразума на эволюцию. Это вмешательство не отменит эволюционный принцип, ведь Сверхразум обладает силой удержания и сохранения в резерве своей силы знания, как и мощи привнесения его в полное или частичное действие; но он будет гармонизировать, придавать устойчивость, облегчать, успокаивать и до значительной степени вносить наслаждение в трудный и огорчительный процесс эволюционного появления.

Есть нечто и в природе самого Сверхразума, что делает неизбежным этот великий исход. Сверхразум в своем основании является унитарным, интегрирующим и гармоническим сознанием, и в своем нисхождении и эволюционной выработке из разнообразия Бесконечного он не утратит своей унитарной тенденции, своего нажима к интегрализации или всего гармонического воздействия. Надразум же доводит до конца разнообразия и различные возможности по их собственным расходящимся линиям: он может позволять противоречия и разногласия, но он делает их элементами космического целого, так что они вынуждены, даже невольно и вопреки самим себе, вносить вклад в космическую целостность. Или можно сказать, что Надразум приемлет противоречия и даже потворствует им, но заставляет их поддерживать существование друг друга, так что могут быть расходящиеся дороги существа, сознания и переживания, которые уводят от Одного и друг от друга, но все еще поддерживают себя на Тожестве и могут вести назад к Тожеству, причем каждая — по своему пути. Таков тайный смысл даже нашего мира Неведения, который действует из Несознания, но с лежащей в основании космичностью принципа надразума. Однако индивидуальное существо в таком творении не обладает этим тайным принципом знания и не основывает на нем свое действие. Существо надразума постигнет эту тайну; оно сможет все еще работать по собственным линиям Природы и следовать закону действия, *Свабхава, Свадхарма*, в соответствии с вдохновением, динамическим контролем или внутренним правлением Духа или Божественного внутри себя и предоставит остальному следовать их собственным линиям в целом: поэтому надразумное творение знания в Неведении может быть нечто отдельным от окружающего мира

Неведения и защищенным от него светлой стеной собственного принципа. Напротив, супраментальное гностическое существо не только будет основывать всю свою жизнь на сокровенном чувстве и действенной реализации гармонического единства в его собственной внутренней и внешней жизни или в групповой жизни, но и создаст гармоническое единство и с еще сохраняющимся ментальным миром, даже если этот мир будет всецело оставаться миром Неведения. Ведь гностическое сознание в нем будет воспринимать и выявлять эволюционную истину и принцип гармонии, скрытый в образованиях Неведения; это будет естественным для его ощущения интегральности, и ему будет по силам связывать их в истинном порядке с собственным гностическим принципом и эволюционной истиной и гармонией собственного большего творения жизни. Это было бы невозможно без существенного изменения в жизни мира, но такое изменение будет естественным следствием появления новой Мощи в Природе и ее универсального воздействия. В появлении гностического существа будет надежда более гармоничного эволюционного порядка в земной Природе.

Супраментальная или гностическая раса существ не будет расой, сделанной в соответствии с единственным типом, вылепленной по единственному фиксированному образцу; ведь законом Сверхразума является единство, исполненное в многообразии, и поэтому будет бесконечное многообразие в манифестации гностического сознания, хотя это сознание все еще будет одним в своем базисе, в своем строении, в своем все-раскрывающем и все-объединяющем порядке. Очевидно, что тройной статус Сверхразума будет воспроизводить себя как принцип в этой новой манифестации: ниже него и все же принадлежа ему будут ступени надразума и интуитивного гнозиса с душами, которые реализовали эти ступени восходящего сознания; по мере продвижения эволюции в Знание появятся также на самом верху индивидуальные существа, которые поднимутся за пределы формулировки сверхразума и достигнут с высочайшей высоты Сверхразума вершин интегральной само-реализации в теле, что должно быть последним и всевышним состоянием богоявления творения. Но в самой супраментальной расе, в вариациях ее степеней, индивиды не будут вылеплены согласно единственному типу индивидуальности; каждый будет отличаться от другого, будет уникальной формацией Существа, хотя и единой со всем остальным в основании *я* и в ощущении тождества в принципе своего существа. Только этот общий принцип супраментального существования можем мы попытаться сформулировать как идею, однако ослабленную ограничением ментального мышления и ментального языка. Только Сверхразум может нарисовать более живую картину гностического бытия; для разума доступны лишь некие абстрактные контуры этого бытия.

Гнозис является действенным принципом Духа, высочайшей динамикой духовного существования. Гностический индивид будет доведением до конца духовного человека; весь его способ бытия, мышления, жизни и действия будет управляем мощью необъятной универсальной духовности. Все тройственности Духа будут реальными для его само-осознания и реализованными в его внутренней жизни. Все его существование будет влито в тождество с трансцендентным и универсальным *Я* и Духом; все его действие будет исходить из и подчиняться всевышнему *Я* и божественному управлению Духа Природой. Вся жизнь будет для него ощущением Космического Бытия, Пуруши внутри, нахождением его само-выражения в Природе; его жизнь и все ее мысли, чувства, действия будут наполнены для него той важностью и будут построены на том основании ее реальности. Он будет чувствовать присутствие Божественного в каждом центре своего сознания, в каждой вибрации своей жизненной силы, в каждой клетке своего тела. Во всех работах своей силы Природы он будет осознавать работы всевышней Матери Мира, Сверхприроды; он будет видеть свое природное существо как становление и манифестацию мощи Матери Мира. В этом сознании он будет жить и действовать в полной трансцендентной свободе, в полной радости Духа, в полном тождестве с космическим *Я* и в спонтанной симпатии со всем во вселенной. Все существа будут для него его собственным *я*, все пути и мощности сознания будут чувствоваться как пути и мощности его собственной универсальности. Но в этой охватывающей универсальности не будет зависимости от низших сил, не будет отклонения от своей собственной высочайшей истины: ведь эта истина будет охватывать всю истину вещей и держать каждую на ее собственном месте, в связи многообразной гармонии — она не будет допускать никакой путаницы, столкновения, нарушения границ, какого-либо искажения различных гармоний, составляющих полную гармонию. Его собственная жизнь и жизнь мира будут для него подобны совершенной работе искусства; это будет как творение космического и спонтанного гения, безошибочного в своей выработке множественного порядка. Гностический индивид будет в мире и будет частью мира, но будет также превосходить его в своем сознании и жить в своем *Я* трансцендентности над ним; он будет вселенским, но свободным во вселенной, индивидуальным, но не ограниченным отдельной индивидуальностью. Истинная Личность не является изолированной сущностью, индивидуальность гностического индивида универсальна; ведь он индивидуализирует вселенную: его личность одновременно божественно возникает в духовном воздухе трансцендентной бесконечности, подобно высшему пику над облаками; ведь он индивидуализирует божественную Трансцендентность.

Три мощности, которые представляются нашей жизни тремя ключами к ее мистерии — это индивид, космическая сущность и Реальность, представленная в них обоих и за их пределами. Три эти мистерии существования найдут в жизни супраментального существа объединенное исполнение своей гармонии. Супраментальное существо будет

совершенным и полным индивидом, исполненным в удовольствии своего роста и само-выражения; ведь все его элементы будут доведены до высочайшей степени и интегрированы в некой исчерпывающей широте. То, к чему мы стремимся — это полнота и гармония; несовершенство и неспособность или разногласие нашей природы есть то, от чего мы внутренне больше всего страдаем. Но это происходит из-за неполноты существа, из-за нашего несовершенного само-знания, из-за нашего несовершенного обладания своим *я* и своей природой. Полное само-знание во всех вещах и во все моменты является даром супраментального гнозиса, и вместе с ним — полное само-мастерство, не просто в смысле контроля над Природой, а в смысле мощности совершенного само-выражения в Природе. Какое знание *я* там ни будет, оно будет совершенно воплощено в воле *я*, а это воля будет совершенным воплощением в действии *я*; результатом будет полная динамическая само-формулировка *я* в его собственной природе. На нижних ступенях гностического существа будет ограниченное само-выражение в соответствии с многообразием природы, с ограниченным совершенством для целей формулировки некой стороны, элемента или комбинированной гармонии элементов некой Божественной Тотальности, ограниченного отбора мощностей из космического образа бесконечно многогранного Одного. Но в супраментальном существе исчезнет эта необходимость ограничения в целях совершенствования; многообразие будет обеспечиваться не ограничением, а множественностью в мощи и колорите Сверх-природы: та же самая целостность существа и та же самая целостность природы будут выражать себя бесконечно разнообразным образом; ведь каждое существо будет новой тотальностью, гармонией, само-согласованностью Одного Существа. То, что будет выражено на переднем плане или удержано позади, в любой момент будет зависеть не от способности или неспособности, а от динамического само-выбоа Духа, его восторга само-выражения, от истины воли и радости Божественного в индивиде и, во вторую очередь, от истины вещи, которая должна быть проделана через индивида в гармонии целостности. Ведь полный индивид является космическим индивидом, поскольку наша индивидуальность может быть полной только тогда, когда мы вобрали вселенную в себя и превзошли ее.

Супраментальное существо в своем космическом сознании, видя и чувствуя все как самого себя, будет действовать в этом ощущении; оно будет действовать во вселенском осознании и в гармонии своего индивидуального *я* с тотальным *я*, своей индивидуальной воли — с тотальной волей, своего индивидуального действия — с тотальным действием. Ведь то, от чего мы больше всего страдаем в нашей внешней жизни и от ее реакций на нашу внутреннюю жизнь, есть несовершенство наших связей с миром, наше неведение о других, наша дисгармония с целостностью вещей, наша неспособность выровнять наше требование к миру с требованием мира от нас. Есть конфликт — конфликт, из которого, как кажется, нет окончательного выхода, кроме как бегства как от мира, так и от себя — между нашим само-утверждением и миром, на который мы наложили это утверждение, миром, который кажется нам слишком большим и безразлично проходящим над нашей душой, разумом, жизнью, телом в размахе своего хода к своей цели. Связь нашего хода и цели с ходом и целью мира не видима нами, и чтобы гармонизировать нас самих с этой целью, мы должны либо навязывать себя ей и делать ее служащей нам, либо держать трудный баланс между этими двумя необходимостями связи между индивидуальной личной судьбой и космическим целым и его скрытой целью. Но для супраментального существа, живущего в космическом сознании, этой трудности не будет, поскольку у него нет эго; его космическая индивидуальность будет знать космические силы и их движение и их значение как часть себя самого, и Сознание Истины в нем будет видеть правильную связь на каждом шагу и найдет верное динамическое выражение этой связи.

Ведь на самом деле индивид и вселенная являются одновременными и взаимосвязанными явлениями одного и того же трансцендентного Бытия; даже хотя в Неведении и под его законом есть неправильная регулировка и конфликт, но все же и там должна быть правильная связь, выравнивание, к которому все стремится, но это утрачено из-за слепоты нашего эго, из-за нашей попытки утвердить эго, а не одно *Я* во всем. Супраментальное сознание обладает этой истиной связи в себе как своим естественным правом и привилегией, поскольку именно Сверхразум определяет космические связи и связи индивида со вселенной, определяет их свободно и суверенно как мощь Трансцендентности. В ментальном сознании даже давление космического сознания, пересиливающее эго, и осознание трансцендентной Реальности сами по себе не могут принести динамическое решение; ведь тогда все еще оставалось бы несовместимость между освобожденной духовной ментальностью и темной жизнью космического Неведения, и разум не имеет силы разрушить или преодолеть эту несовместимость. Но в супраментальном существе, не только статически сознательном, но и полностью динамическом и действующем в созидательном свете и мощи Трансцендентности, супраментальный свет, свет истины, *там йоти*, будет обладать этой силой. Ведь там будет единство с космическим *я*, а не подчиненность Неведения космической Природе в ее низкой формулировке; напротив, там будет сила действовать в свете Истины того Неведения. Большая универсальность само-выражения, большая гармоническая универсальность бытия мира будут самым знаком супраментальной Личности в ее гностической природе.

Существование супраментального существа явится игрой многократно и множественно проявляющейся силы истины одного-единого существования и одного-единого сознания для восторга одного-единого существования. Восторг манифестации Духа в свете истины бытия будет ощущением гностической жизни. Все ее движение будет

формулировкой истины Духа, но также и радости Духа — утверждением духовного существования, утверждением духовного сознания, утверждением духовного восторга бытия. Но это будет не тем, чем стремится в нас быть само-утверждение вопреки единству, лежащему в основании — это не будет чем-то эгоцентрическим, отдельным, противостоящим или безразличным, либо недостаточно участным к само-утверждению других или к их требованию. Являясь единым со всем в своем *я*, супраментальное существо будет искать восторг само-проявления Духа в себе, но равным образом и восторг Божественного во всем: оно будет обладать космической радостью и явится силой для привнесения блаженства Духа, радости бытия другим; ведь их радость будет частью его собственной радости существования. Быть занятым благом всех существ, делать радость и печаль других своими собственными — все это описывается как знак освобожденного или исполненного духовного человека. Для этого супраментальному существу не будет нужно альтруистическое само-стирание, поскольку это занятие будет сокровенно его само-исполнению, исполнению Одного во всем, и не будет противоречия или спора между его собственным благом и благом других: а также ему не будет никакой нужды обретать универсальную симпатию, подчиняя себя радостям и печальям созданий в Неведении; его космическая симпатия будет частью врожденной истины его существа и не будет зависеть от личного участия в меньшей радости и страдании; оно будет превосходить то, что оно охватывает, и в этом превосходении будет его сила. Его чувство универсальности, его действие универсальности будет всегда спонтанным состоянием и естественным движением, автоматическим выражением Истины, актом радости само-существования Духа. В супраментальном существе не может быть места для ограниченного *я* или желания, либо для удовольствия или разочарования желания, не будет места для относительного и зависимого счастья и печали, которые навешают нашу ограниченную природу и беспокоят ее: ведь все это принадлежит эго и Неведению, а не свободе и истине Духа.

Гностическое существо обладает волей действия, но также и знанием того, что надо делать, и мощью осуществления своего знания; оно не будет ведомо неведением делать то, что не надо делать. Более того, его действие не является поиском плодов или результатов; его радость находится в бытии и в делании, в чистом состоянии Духа, в чистом акте Духа, в чистом блаженстве Духа. Подобно тому, как его статическое сознание будет содержать все в себе и должно, поэтому, вечно быть само-исполненным, так и его динамика сознания найдет духовную свободу и само-исполнение на каждом шагу и в каждом действии. Все будет видно в его связи с целым, так что каждый шаг будет светлым, радостным и удовлетворительным в себе, потому что он будет находиться в унисоне со светлой тотальностью. Это сознание, это житие в духовной тотальности и действие из нее, удовлетворенная тотальность в сущности существа и удовлетворенная тотальность в динамическом движении существа, ощущение связей этой тотальности, сопровождающей каждый шаг, является в действительности самым знаком супраментального сознания и отличает его от раздельных, невежественно последовательных шагов нашего сознания в Неведении. Гностическое существование и восторг существования являются универсальным и тотальным бытием и восторгом, и там будет присутствие этой тотальности и универсальности в каждом отдельном движении: в каждом будет не частичное переживание *я* или отколотый кусочек радости, а чувство целостного движения интегрального существа и присутствия полного и интегрального божественного блаженства бытия, Ананды. Знание гностического существа, само-реализованное в действии, будет не идейным знанием, а Реальностью-Идеей Сверхразума, инструментарием сущностного света Сознания; оно будет само-светом всей реальности существа и становления, постоянно изливающегося и наполняющего каждый частный акт и деятельность чистым и полным восторгом своего само-существования. Для бесконечного сознания с его познанием посредством тождества в каждом различии есть радость и переживание Идентичного, в каждом конечном чувствуется Бесконечное.

Эволюция гностического сознания приносит с собой трансформацию сознания нашего мира и действия нашего мира: ведь она поднимает в новую мощь осознания не только внутреннее существование, но и наше внешнее существование и существование нашего мира; переходит перестройка обоих, интеграция их в чувства и мощности духовного существования. В этом изменении к нам должно придти одновременно обращение и отвержение нашего сегодняшнего способа существования и исполнение его внутренней склонности и тенденции. Ведь сейчас мы стоим между этими двумя терминами: внешним миром Жизни и Материи, который сделал нас, и переделкой мира нами в значении развивающегося Духа. Наш сегодняшний способ жития является одновременно подчинением Жизненной Силе и Материи и борьбой с ними. В своей первой видимости внешнее существование создает при помощи наших реакций на него внутреннее или ментальное существование; если мы вообще формируем себя, то в большинстве людей это происходит в меньшей степени путем сознательного давления свободной воли или понимания изнутри, чем путем отклика на свое окружение и с помощью мировой Природы, воздействующей на нас: но то, к чему мы движемся в развитии нашего сознательного существа, является внутренним существованием, создающим с помощью своего знания и силы собственную внешнюю форму жизни и само-выражающее окружение жизни. В гностической природе это движение достигнет своего верха; природой жизни станет завершенное внутренне существование, чей свет и сила примут совершенное тело во внешней жизни. Гностическое существо примет мир Жизни и Материи, но оно повернет и приспособит его к собственной истине и цели существования; оно вылепит саму жизнь по собственному духовному образу, и оно будет способно это сделать, потому что оно обладает тайной духовного творения и находится в

сообщении и тождестве с Создателем внутри себя. Поначалу это будет действительно в формировании собственного внутреннего и внешнего индивидуального существования гностического существа, но та же самая сила и принцип будут действовать в любой общей гностической жизни; связи гностических существ будут выражением их единого гностического *я* и сверхприроды, формулирующим все общее существование в сущностной силе и форме.

Во всяком духовном житии внутренняя жизнь первостепенно важна; духовный человек живет всегда внутри, а в мире Неведения, который отказывается меняться, он должен быть в определенном смысле отделен от него и защищать свою внутреннюю жизнь от вторжения и воздействия более темных сил Неведения: он вне мира даже тогда, когда он в нем; если он воздействует на него, то делает это из крепости своего внутреннего духовного существа, где в сокровенном святилище он един со Всевышним Существованием или где есть только душа и Бог. Гностическая жизнь будет жизнью, в которой антиномия внутреннего и внешнего, *я* и мира, будет исцелена и преодолена. Гностическое существо действительно будет иметь сокровенное существование, в котором оно наедине с Богом, едино с Вечным, само-погружено в глубины Бесконечного, находится в общении с высотами и светлыми пучинами таинства; ничто не сможет возмутить этих глубин или вторгнуться в них, либо сбросить его с высот — ни содержимое мира, ни его действие, ни то, что находится вокруг гностического существа. Таков трансцендентный аспект духовной жизни, и он необходим для свободы Духа; ведь иначе тождество с миром в Природе будет связывающим ограничением, а не свободной тождественностью. Но одновременно любовь Бога и восторг Бога будут сердечным выражением того внутреннего сообщения и тождества, и тот восторг и любовь будут расширять себя до охвата всего существования. Мир Бога внутри будет расширен в гностическом переживании вселенной до универсального спокойствия ровности, не просто пассивного, а динамического, до спокойствия свободы в тождестве, главенствующего надо всем, что ему встретится, успокаивающего все, что входит в него, накладывающего свой закон мира и спокойствия на связи супраментального существа с миром, в котором оно живет. Во всех его действиях внутреннее тождество, внутренняя общность будет сопутствовать ему и входить в его связи с другими, кто будут для него не другими, а *я* его самого в одном существовании, его собственным универсальным существованием. Именно это состояние и свобода в Духе позволит ему вообразить всю жизнь в себя, все еще оставаясь духовным *я*, и охватить даже мир Неведения, не входя самому в Неведение.

Ведь его переживание космического существования будет, по своей природной форме и благодаря индивидуальному центрированию, переживанием существа, живущего во вселенной, но, в то же самое время, благодаря саморассеиванию и распространению в тождестве, будет переживанием существа, несущего вселенную и все существа внутри себя. Это расширенное состояние бытия будет не только расширением в тождестве *я* или расширением в понимающем представлении и видении, но и расширением тождества в сердце, в чувстве, в конкретном физическом сознании. Гностическое существо будет обладать гностическим сознанием, ощущением, чувством, благодаря чему вся объективная жизнь станет частью его субъективного переживания и благодаря чему оно будет понимать, воспринимать, чувствовать, видеть, слышать Божественное во всех формах; все формы и движения будут пониматься, ощущаться, видеться, слышаться, чувствоваться так, как если бы они происходили внутри его собственного необъятного *я* существа. Мир будет соединен не только с его внешней, но и с его внутренней жизнью. Гностическое существо не будет встречать мир только во внешней форме посредством внешнего контакта; оно будет внутренне находиться в контакте с внутренним *я* вещей и существ: оно будет сознательно встречать их внутренние, как и их внешние реакции; оно будет осознавать то внутри них, что они сами не будут осознавать, воздействовать на все со внутренним пониманием, встречать все с совершенной симпатией и ощущением тождества, но также и независимости, которое не подчиняется никакому контакту. Его воздействие на мир будет в большой степени внутренним действием мощи Духа, духовно-супраментальной идеи-силы, формулирующей себя в мире, тайным невысказанным словом, мощью сердца, динамической силы жизни, охватывающей и пронизывающей мощью *я*, единого со всеми вещами; внешне выраженное и видимое действие будет лишь каймой, последней проекцией этой более широкой единой тотальности деятельности.

В то же самое время универсальная внутренняя жизнь индивида не будет ограничена внутренним распространяющимся и включающим в себя контактом только с физическим миром: она будет расширяться за пределы этого контакта через полную реализацию природной связи сублиминального внутреннего существа с другими планами бытия; знание их сил и воздействий станет нормальным элементом внутреннего переживания, и события этого мира будут видны не только в их внешнем аспекте, но и в свете всего того, что тайно присутствует позади физического и земного творения и движения. Гностическое существо будет обладать не только истинно-сознательным контролем силы реализованного Духа над его физическим миром, но и полной силой ментального и витального планов и будет использовать их большие силы для совершенства физического существования. Это большее знание и более широкая опора всего существования очень увеличат силу инструментального воздействия гностического существа на свое окружение и на мир физической Природы.

В Само-Существовании, по отношению к которому Сверхразум является динамическим Сознанием Истины, не может быть другой цели бытия, кроме той, чтобы быть, никакой другой цели сознания, кроме той, чтобы осозна-

вать бытие, никакого другого восторга бытия, кроме как его восторга; все является само-существующей и само-достаточной Вечностью. Манифестация, становление обладает в своем изначальном супраментальном движении тем же самым характером; оно поддерживает в само-существующем и само-достаточном ритме деятельность существа, которая видит себя как многогранное становление, деятельность сознания, которая принимает форму многогранного само-знания, деятельность силы сознательного существования, которая существует ради великолепия и красоты собственной многогранной мощи бытия, деятельность восторга, которая принимает неисчислимые формы восторга. Существование и сознание супраментального существа здесь, в Материи, будет иметь фундаментально ту же самую природу, но с подчиненным характером, что отметит разницу между Сверхразумом на его собственном плане и Сверхразумом, работающем в своей проявленной силе в земном существовании. Ведь здесь будет эволюционирующее существо, эволюционирующее сознание, эволюционирующий восторг существования. Гностическое существо появится как знак эволюции из сознания Неведения в сознание Сатчитанады. В Неведении мы находимся, прежде всего, для того, чтобы расти, знать и делать, либо, точнее, расти в нечто, достигать нечто при помощи знания, обретать нечто сделанное. Несовершенные, мы не удовлетворены нашим бытием, мы должны, волей-неволей, прилагать усилия, чтобы с трудом и трудностями расти в нечто, чем мы не являемся; невежественные и отягощенные сознанием своего неведения, мы должны достичь нечто, благодаря чему мы можем почувствовать, что мы знаем; ограниченные неспособностью, мы должны охотиться за силой и мощью; пораженные сознанием страдания, мы должны пытаться обрести нечто, с помощью чего мы можем схватить наше удовольствие или положиться на некую удовлетворяющую реальность жизни. Наше первое занятие и необходимость, действительно, заключается в том, чтобы поддерживать существование, но это только стартовая точка: ведь простого поддержания несовершенного существования, запятого страданием, не может быть достаточно как цели нашего бытия; инстинктивная воля существования, инстинктивное удовольствие существования, что является всем, что Неведение может извлечь из тайной Мощи и Ананды, лежащих в основании бытия, должны быть дополнены необходимостью делать и становиться. Но что делать и чем становиться — это не ясно нам; мы обретаем то знание, что можем, ту мощь, силу, чистоту, покой, что мы можем, тот восторг, что можем, становимся тем, чем можем. Но наши дела и наше усилие к их достижению, а также то малое, что мы можем удержать как наши обретения, обращается в пути, которыми мы связаны; именно эти пути становятся нашей целью жизни: незнание наших душ и становление своим я, что должно быть основанием нашего истинного способа бытия, остается тайной, которая ускользает от нас в нашем занятии внешним обучением, внешним конструированием знания, в достижении внешнего действия, внешнего восторга и удовольствия. Духовный человек — это тот, кто открыл свою душу: он нашел свое я и живет в нем, осознает его, имеет радость обладания им; ему не нужно ничего внешнего для полноты своего существования. Гностическое существо, стартуя с этого нового базиса, вбирает наше невежественное становление и превращает его в светлое становление знания и в реализованную мощь бытия. Поэтому все, что мы пытаемся сделать в Неведении, гностическое существо будет осуществлять в Знании. Все знание оно будет превращать в манифестацию само-знания существа, всю мощь и действие — в мощь и действие само-силы существа, весь восторг — в универсальный восторг само-существования. Спадут прикрепленность и рабство, потому что на каждом шаге и в каждой вещи будет полное удовлетворение само-существования, свет сознания, исполняющего себя, экстаз восторга существования, находящего себя. Каждая стадия эволюции в знании будет разворачиванием этой мощи и воли бытия, а также этой радости бытия, свободным становлением, поддерживаемым ощущением Бесконечного, блаженством Брахмана, светлой санкцией Трансценденности.

Супраментальная трансформация, супраментальная эволюция должна нести с собой подъем разума, жизни и тела из них самих в больший способ бытия, в котором их собственные пути и силы будут не подавлены или упразднены, а усовершенствованы и исполнены благодаря само-превосхождению. Ведь в Неведении все пути являются путями Духа, ищущего себя слепо или с растущим светом; гностическое бытие и жизнь будут же само-открытием Духа и его видением и достижением целей этих путей, но более возвышенным способом собственных вскрытой и осознанной истины бытия. Разум ищет света, знания — знания одной истины, лежащей в основании всего, сущностной истины я и вещей, но также и всей истины многообразия этого тождества, всех его деталей, обстоятельств, разнообразных способов действия, форм, законов движений и событий, разнообразных проявлений и творений; для мыслящего разума радость существования составляет открытие и проникновение в мистерию творения, что приходит со знанием. Гностическое изменение исполнит это в полной мере; но оно придаст этому новый характер. Разум будет действовать не путем открытия неизвестного, а путем выявления известного; все будет находением “я с помощью я в я”. Ведь я гностического существа будет не ментальное эго, а Дух, один во всем; гностическое существо будет видеть мир как вселенную Духа. Нахождение истины, лежащей в основании всех вещей, будет Тождеством, раскрывающим тождество и тождественную истину везде и открывающим так же мощь и работу и связи этого тождества. Раскрытие деталей, обстоятельств, богатых путей и форм манифестации будет развализированием нескончаемого обилия истин этого тождества, его форм и сил я, его причудливого многообразия и множественности формы, бесконечно выявляющей свое тождество. Это знание будет развиваться путем отождествления со всем, путем вхождения во все,

путем контакта, приносящего с собой скачок само-открытия и пламя распознавания, более значительную и более надежную интуицию истины, чем ту, которой может достичь разум; будет и интуиция средств воплощения и использования увиденной истины, будет действенная интуиция динамического хода, прямое сокровенное осознание, поправляющее жизнь и физические чувства на каждом шаге их действия и служения Духу, когда они должны быть призваны как инструменты для осуществления хода развития в Жизни и Материи. Замещение интегрального поиска супраментальным отождествлением и гностической интуицией содержимого тождества, вездесущностью Духа с его светом, пронизывающим весь процесс познания и все его использование, — так что есть интеграция между познающим, знанием и познанной вещью, между действующим сознанием, инструментарием и сделанной вещью, тогда как одно-единственное *я* наблюдает над всем интегрированным движением и сокровенно исполняет себя в нем, делая его безошибочной единицей само-исполнения, — станет характером всякого гностического движения знания и действия знания. Разум, наблюдающий и рассуждающий, трудится с тем, чтобы отделить себя и объективно и по-настоящему увидеть то, что он должен узнать; он пытается познать это как не-я, независимую другую реальность, не затрагиваемую ходом личного мышления или каким-либо присутствием *я*: гностическое сознание будет одновременно сокровенно и точно знать свой объект путем охватывающего и проникающего отождествления с ним. Оно будет превышать то, что ему нужно узнать, но оно будет включать это в себя; оно будет знать объект как часть себя, как оно может знать любую часть или движение собственного существа, без какого-либо сужения себя из-за отождествления или попадания в ловушку мысли, что связало или ограничило бы его в познании. Будет сокровенность, точность, полнота прямого внутреннего знания — но не знания, сбиваемого с пути персональным разумом, из-за чего мы постоянно ошибаемся — потому что это сознание будет сознанием универсальной, а не ограниченной и эго-связанной личности. Гностическое существо будет продвигаться ко всему знанию, не выставляя истину против истины, чтобы увидеть, какая истина устоит и сохранится, а завершая истину истиной в свете одной Истины, аспектом которой являются все истины. Всякая идея, видение и восприятие будет иметь этот характер внутреннего видения, сокровенного расширенного само-восприятия, широкого само-интегрирующего познания, неделимого целого, вырабатывающего себя при помощи света, воздействующего на свет в само-исполняющейся гармонии истины бытия. Будет развертывание, но не как освобождение света из тьмы, а как высвобождение света из себя; ведь если развивающееся супраментальное Сознание удерживает позади часть своего содержимого само-осознания, оно делает это не как шаг или акт Неведения, а как движение умышленного привнесения из своего безвременного знания в ход манифестации во Времени. Само-озарение, раскрытие света из света будет методом познания этой эволюционной супраментальной Природы.

Как разум ищет света, открытия знания и господства при помощи знания, так и жизнь стремится к развитию собственной силы и к господству при помощи этой силы: ее предмет поисков — рост, сила, завоевание, обладание, удовлетворение, творение, радость, любовь, красота; ее радость существования — в постоянном само-выражении, развитии, разнообразной множественности действия, в творении, наслаждении, в обильной и сильной интенсивности самой себя и своей силы. Гностическая эволюция поднимет это до своего высочайшего и наиполнейшего выражения, но она будет действовать не ради силы, удовлетворения, наслаждения ментального или витального эго, не ради его узкого обладания самим собой и не ради его жадного амбициозного господства над другими и над вещами или ради его большего само-утверждения и усиленного воплощения; ведь таким образом не может придти никакая духовная полнота и совершенство. Гностическая жизнь будет существовать и действовать ради Божественного в себе и в мире, ради Божественного во всем; нарастающее обладание индивидуальным существом и миром благодаря Божественному Присутствию, Свету, Силе, Любви, Восторгу, Красоте будет ощущением жизни для гностического существа. Во все более совершенном удовлетворении этой растущей манифестации будет удовлетворение индивида: его сила станет инструментом силы Сверхприроды для привнесения и расширения этой большей жизни и природы; какое бы завоевание или приключение не было бы в этой жизни, оно будет только для этого, а не для правления какого-либо индивидуального или коллективного эго. Для гностического существа любовь будет контактом, встречей, единением *я* с *я*, духа с духом, объединением существа, силой и радостью, сокровенностью и близостью души с душой, Одного с Одним, радостью тождества и последствий разнообразного тождества. Именно эта радость сокровенного само-раскрывающегося многообразия Одного, множественное единение Одного и счастливое взаимодействие в тождестве станет для него полным раскрытым смыслом жизни. Эстетическое или динамическое творение, ментальное творение, творение жизни, материальное творение будет иметь для него тот же самый смысл. Это будет творение сущностных форм Вечной Силы, Света, Красоты, Реальности — красоты и истины его форм и тел, красоты и истины его сил и качеств, красоты и истины его духа, его бесформенной красоты *я* и сути.

Как следствие этого полного изменения и обращения сознания, устанавливающего новую связь Духа с Разумом, Жизнью и Материей, и как следствие этого нового значения и совершенства в этой связи, произойдет также обращение, совершенствование нового значения и связей между духом и телом, которое он населяет. В нашем сегодняшнем способе жития душа выражает себя так хорошо, как она может, или так плохо, как она вынуждена, через разум и витальность или, чаще, позволяет разуму и витальности действовать со своей поддержкой: тело является инстру-

ментом для этого действия. Но тело, даже подчиняясь, ограничивает и обуславливает само-выражение разума и жизни ограниченными возможностями и приобретенным характером собственного физического инструментария; кроме того, оно обладает законом собственного действия, движением, волей или силой или побуждением движения своей собственной подсознательной или полу-всплывшей сознательной силы существа, на которую они могут лишь частично — и даже по этой части в большей степени благодаря непрямоту, чем прямому действию, а если прямому, то скорее подсознательному, чем желаемому или сознательному действию — воздействовать или менять ее. Но в человеческом способе бытия и жизни воля Духа должна напрямую контролировать и определять движения и закон тела. Ведь закон тела возникает из подсознательного или несознательного: но в гностическом существе подсознательное станет сознательным и будет подчинено супраментальному контролю, будет пронизано его светом и действенно; базис несознания с его темнотой и неоднозначностью, с его препятствием или запоздалыми откликами будет трансформирован в нижнее или поддерживающее сверхсознание благодаря супраментальному появлению. Уже даже в реализованном существе высшего разума и в интуитивном существе и в существе надразума тело станет достаточно сознательным, чтобы откликаться на воздействие Идеи и Воли-Силы, так что воздействие разума на физические части, рудиментарные, хаотические и наиболее независимые от воли в нас, разовьет значительное могущество: но в супраментальном существе будет всем править как раз сознание с Реальностью-Идеей в нем. Эта Реальность-Идея является само-действенным восприятием истины; ведь это идея и воля Духа в прямом действии, и она дает начало движению субстанции существа, которое неизбежно должно исполнить себя в состоянии и акте бытия. Именно этот динамический непреодолимый духовный реализм Сознания Истины в высочайшей степени себя самого будет расти сознательным и сознательно компетентным в развитом гностическом существе: он не будет действовать так, как сейчас, завалуированным в кажущемся несознании и само-ограниченным законом механизма, а как суверенная Реальность в само-исполняющемся действии. Именно это будет править существованием с полным знанием и силой и включит в свое правление функционирование и действие тела. Силой духовного сознания тело будет обращено в истинный, пригодный и совершенно отзывчивый инструмент Духа.

Эта новая связь Духа и тела подразумевает — и делает возможным — свободное принятие всей материальной Природы вместо ее отвержения; больше не будет императивным отход от Природы, отказ от всякого отождествления с ней или принятия ее, что обычно сначала необходимо для освобождения духовного сознания. Перестать отождествляться с телом, отделить себя от сознания тела — это признанный и необходимый шаг будь то к духовному освобождению или к духовному совершенству или к господству над Природой. Но как только достигнуто это избавление, может нахлынуть нисхождение духовного света и силы и занять и тело, и тогда может быть новое освобождение и суверенное принятие материальной Природы. В действительности, это возможно лишь в случае, если изменилась связь Духа с Материей, если есть контроль Духа, если произошло обращение сегодняшнего баланса взаимодействия, который позволяет физической Природе вуалировать Дух и утверждать ее собственное господство. В свете большего знания Материю тоже можно увидеть как Брахмана, само-энергию, выдвинутую вперед Брахманом, как форму и субстанцию Брахмана; осознавая тайное сознание внутри материальной субстанции, несомненные в этом большем знании, гностический свет и гностическая сила могут объединиться с Материей, так увиденной, и принять ее в качестве инструмента духовной манифестации. Даже возможно определенное почитание Материи и священная позиция во всяком обращении с ней. Как в “Гите” говорится о принятии пищи как о материальном топливе, жертве, подношении Брахману Брахмана с помощью Брахмана, так и гностическое сознание и чувство может видеть все операции Духа с Материей. Дух сделался Материей, чтобы поместить себя туда инструментом для процветания и радости, *йогакшема*, сотворенных существ, для само-подношения вселенской физической пользы и службы. Гностическое существо, используя Материю, но используя ее без материальной или витальной прикрепленности или желания, будет чувствовать, что оно использует Дух в этой его форме себя с его согласия и санкции для его собственной цели. В гностическом существе будет определенное почтение к физическим вещам, будет осознание оккультного сознания в них, его безмолвной воли служения, будет поклонение Божественному, Брахману во всем, что оно использует, будет забота о совершенном и безошибочном использовании своего божественного материала, об истинном ритме, о размеренной гармонии, о красоте в жизни Материи, в использовании Материи.

В результате этой новой связи между Духом и телом гностическая эволюция будет осуществлять одухотворение, совершенствование и исполнение физического существа; она будет делать это для тела, как для разума и жизни. Помимо темноты, недолговечности и ограничений, что это изменение может преодолеть, сознание тела является терпеливым служителем и в своем богатом резерве возможностей может быть мощным инструментом индивидуальной жизни, и для себя оно просит малого: продолжительной жизни, здоровья, силы, физического совершенства, телесного счастья, освобождения от страдания, легкости. Эти требования сами по себе не являются неприемлемыми, низкими или незаконными, ведь они передают в терминах Материи совершенство формы и субстанции, Мощи и восторга, которые должны быть естественным расцветом выразительной манифестации Духа. Это может быть установлено, когда гностическая Сила сможет действовать в теле; ведь их противоположности приходят от давления внешних сил на физический разум, на нервную и материальную жизнь, на телесный организм, от

неведения, которое не знает, как встретить эти силы, или не способно встретить их правильно или с силой, и от некоторой темноты, пронизывающей вещество физического сознания и искажающей его отклики. Супраментальное само-действующее само-осуществляющееся осознание и знание, замещая это неведение, освободит и возродит затемненные и испорченные интуитивные инстинкты в теле, осветит их и наделит их большим сознательным действием. Это изменение учредит и будет поддерживать правильное физическое восприятие вещей, правильную связь и правильные реакции на объекты и энергии, правильный ритм разума, нервов и организма. Оно принесет в тело высшую духовную силу и большую жизненную силу, объединенную с универсальной жизненной силой и способную опираться на нее, принесет светлую гармонию с материальной Природой и необъятное и спокойное прикосновение вечного покоя, который может дать телу божественную силу и легкость. И прежде всего — ведь это самое необходимое и фундаментальное изменение — оно наводнит все существо всевышней энергией Сознательной Силы, которая встретит, впитает или гармонизирует с собой все силы существования, которые окружают тело и давят на него.

Причиной боли и страдания является именно неполнота и слабость Сознательной Силы, проявленной в ментальном, витальном и физическом существе, ее неспособность получать и отвергать по воле или, получая, ассимилировать или гармонизировать касания вселенской Энергии. В материальном царстве Природа стартует с полной нечувствительности, и примечательно, что либо сравнительная нечувствительность или слабая чувствительность, либо, чаще, большая выносливость к страданию и твердость встречается в началах жизни, в животном, в примитивном или менее развитом человеке; но по мере того, как человеческое существо растет в эволюции, оно растет в чувствительности и острее страдает в разуме, жизни и теле. Ведь рост в сознании не достаточно поддерживается ростом в силе: тело становится более утонченным, более способным, но менее прочно действенным в своей внешней энергии: человек должен призывать свою волю, свою ментальную силу, чтобы динамизировать, корректировать и контролировать свое нервное существо, принуждать его делать напряженную работу, требуемую от своих инструментов, закалять его от страданий и бедствий. В духовном воплощении неимоверно возрастает эта сила сознания и его воля над инструментами, контроль духа и внутреннего разума над внешней ментальностью, нервным существом и телом; приходит спонтанная и широкая ровность духа ко всем потрясениям и контактам, и она становится обычным состоянием, и это состояние может перейти от разума к витальным частям и установить и там грандиозное и прочное величие силы и покоя; это состояние может сформироваться даже в теле и внутренне встречать потрясения печали и боли и все виды страдания. Даже может придти сила волевой физической нечувствительности, либо может быть обретена сила ментального отделения от любых потрясений и повреждений, что показывает, что обычные реакции и глупое подчинение телесного *я* обычным привычкам отклика на материальную Природу не являются обязательными и неизменными. Еще более важна сила, которая приходит на уровне духовного Разума или Надразума и которая способна превратить вибрации боли в вибрации Ананды: даже если это может дойти лишь до определенной точки, все равно это указывает на возможность полного обращения обычного правила реагирующего сознания; эта сила может также объединиться с силой самозащиты, которая отводит те удары, которые трудно преобразовать или выдержать. На определенной стадии гностическая эволюция должна принести полноту этого обращения и этой силы самозащиты, что исполнит притязание тела на иммунитет и чистоту своего существа и на освобождение от страдания и даст ему силу для полного восторга существования. Духовная Ананда может влиться в тело и наводнить клетки и ткани; светлая материализация этой более высокой Ананды может сама по себе вызвать полную трансформацию уязвимой или вредной чувствительности физической Природы.

Стремление, требование всевышнего и полного восторга существования тайно присутствует во всем строении нашего существа, но оно искажено отделением наших природных частей и их различными побуждениями и затемнено их неспособностью постигать или охватывать что-то большее, чем поверхностное удовольствие. В телесном сознании это требование обретает форму потребности в телесном счастье, в наших жизненных частях — форму страстного желания жизненного счастья, острого вибрирующего отклика на радость и восторг многих видов и на все неожиданности удовлетворения; в разуме это требование оформляется в готовое восприятие всех форм ментального восторга; на высшем уровне оно просвечивается в призыве духовным разумом мира и божественного экстаза. Эта склонность заложена в истине существа; ведь Ананда является самой сущностью Брахмана, это всевышняя природа вездесущной Реальности. Сам Сверхразум на нисходящих ступенях манифестации всплывает из Ананды и в эволюционном восхождении сливается с Анандой. В действительности Сверхразум сливается не в том смысле, что он погашается или затмевается, а в том, что он становится неотъемлемым от Ананды, неотличимым от *я* осознания и само-исполняющейся силы Блаженства Существа. В инволюционном нисхождении, как и в эволюционном возвращении Сверхразум поддерживается изначальным Восторгом Существования и несет его во всех своих действиях как поддерживающая их сущность; ведь Сознание, можно сказать, является его родительской силой в Духе, а Ананда является духовной матрицей, из которой Сверхразум проявляется, а также поддерживающим источником, в который он переносит душу при ее возвращении к статусу Духа. В своем восхождении супраментальная манифестация будет иметь своим следующим результатом и кульминацией манифестацию Блаженства Брахмана: за эволюцией существа гнозиса последует эволюция существа блаженства; воплощение гностического существования

будет иметь своим последствием воплощение блаженного существования. Некая мощь Ананды всегда будет присутствовать в существе гнозиса, в жизни гнозиса как неотделимая и пронизывающая все значимость супраментального само-переживания. Первым основанием в освобождении души из Неведения является мир, покой, молчание и тишина Вечного и Бесконечного; но доведенная до своего верха мощь и большее образование духовного восхождения поднимает этот покой освобождения в блаженство совершенного переживания и в реализацию вечного блаженства, в блаженство Вечного и Бесконечного. Эта Ананда будет внутренне присуща гностическому сознанию как универсальный восторг и будет расти вместе с эволюцией гностической природы.

Считалось, что экстаз является низшей и переходной стадией, а мир и покой Всевышнего — это всевышняя реализация, законченное неизменное переживание. Это может быть верно на плане духовного разума: там первый экстаз действительно ощущается как духовное вознесение, но он может быть и высочайшим счастьем витальных частей, поднятых Духом, и очень часто смешивается с ним; там есть экзальтация, ликование, возбуждение, высочайшая интенсивность радости сердца и чистое внутреннее ощущение души, что может быть великолепным эпизодом или поднимающейся силой, но не составляет окончательного постоянного основания. Но на высочайшем подъеме духовного блаженства нет этой неистовой экзальтации и возбуждения; вместо этого есть беспредельная интенсивность участия в вечном экстазе, основанном на вечном Существовании и, следовательно, на блаженном спокойствии вечного мира. Покой и экстаз перестают отличаться и становятся одним. Сверхразум, примиряя и соединяя все различия, как и все противоположности, приносит это единство; обширный покой и глубокий восторг все-существования — среди первых шагов само-реализации, но этот покой и этот восторг поднимаются вместе, как одно состояние, в нарастающую интенсивность и достигают верха в вечном экстазе, в блаженстве, являющемся Бесконечностью. В гностическом сознании на любой стадии всегда будет в некоторой степени присутствовать этот фундаментальный и духовный сознательный восторг существования во всей глубине существа; но и все движение Природы будет пронизано им, как и все действия и реакции жизни и тела: ничто не сможет избежать закона Ананды. Даже перед этим гностическим изменением может быть начинание этого фундаментального экстаза существа, трансформированное в множественную красоту и восторг. В разуме это транслируется в спокойствие интенсивного восторга духовного восприятия и видения и знания, в сердце — в широкий или глубокий или страстный восторг универсального единения, любви и симпатии, радости существ и радости вещей. В воли и я витальных частей это чувствуется как энергия восторга божественной жизненной силы в действии или как блаженство чувств, воспринимающих и встречающих Одно везде, получающих в качестве своего обычного восприятия вещей универсальную красоту и тайную гармонию творения, только несовершенные проблески которой или редкое сверхобычное ощущение которой может ухватить наш разум. В теле это раскрывается как экстаз, влияющий в него с высот Духа, и мир и блаженство чистого и одухотворенного физического существования. Начинает проявляться универсальная красота и великолепие бытия; все объекты открывают скрытые линии, вибрации, силы, гармонические значения, сокрытые от обычного разума и физического чувства. Во вселенском явлении обнаруживается вечная Ананда.

Таковы первые главные результаты духовной трансформации, следующие из самой природы Сверхразума. Но если здесь должно быть совершенствование не только внутреннего существования, сознания, внутреннего восторга существования, но и совершенствование жизни и действия, тогда, с нашей ментальной точки зрения, возникают два других вопроса, имеющие для нашего человеческого представления о нашей жизни и ее динамике существенное, даже главное значение. Прежде всего, в гностическом существе есть персональность — тогда возникает вопрос, будет ли статус, построение существа совершенно отличаться от того, что мы переживаем как форму и жизнь личности, либо все это будет аналогичным? Если есть персональность, и она неким образом ответственна за свои действия, тогда возникает следующий вопрос о месте этического элемента и его совершенствовании и исполнении в гностической природе. В обычном представлении отдельное эго является нашим я и, если эго должно исчезнуть в трансцендентном или универсальном Сознании, то и личная жизнь и действие должны прекратиться; ведь, если индивид исчезнет, то может быть лишь безличностное сознание, космическое я: но если индивид должен вообще угаснуть, тогда не может возникнуть вопрос о личности или ответственности, либо о этическом совершенстве. Согласно другой точки зрения духовная личность остается, но освобожденной, очищенной, усовершенствованной в небесном существовании. Но мы все еще остаемся на земле, и все еще предполагается, что эго-личность аннулируется и замещается универсализированным духовным индивидом, являющимся центром и мощью трансцендентного существа. Можно было бы заключить, что гностический или супраментальный индивид является я без личности, безличностным Пурушей. Могло бы быть множество гностических индивидов, но не было бы персональности, все было бы одним и тем же в существе и в природе. Это, опять же, породило бы представление о пустоте или пробеле чистого бытия, из которого возникало бы действие и работа переживающего сознания, но без построения различных личностей, таких, каких мы сейчас наблюдаем и считаем нами самими на нашей поверхности. Но это будет скорее ментальным, чем супраментальным решением проблемы духовной индивидуальности, переживающей эго и сохраняющейся в переживании. В сознании сверхразума личность и безличностность не являются противоположными принципами; это неразделимые аспекты одной и той же реальности. Этой реальностью является не эго, а существ-

во, безличностное и универсальное в материале своей природы, но образующее из него выразительную личность, являющуюся его формой *я* в этих изменениях Природы.

Безличностность в своем истоке является чем-то фундаментальным и универсальным; это существо, сила, сознание, которое принимает различные формы своего бытия и энергии; каждая такая форма энергии, качества, мощности или силы, хотя сама по себе все еще общая, безличностная и универсальная, берется индивидуальным существом в качестве материала для построения его личности. Таким образом, безличностность в изначальной недифференцированной истине вещей является чистой субстанцией природы Существа, Личности; в динамической истине вещей она дифференцирует свои мощности и поручает им с помощью их вариаций составлять манифестацию личности. Любовь — это природа любящего, отвага — природа воина; любовь и отвага являются безличностными и универсальными силами или формулировками космической Силы, они — это мощности универсального бытия и природы Духа. Личность — это Существо, поддерживающее безличностное, удерживающее его в себе как свое, как свою природу *я*; Личность — это то, чем является любящий и воин. То, что мы называем персональностью Личности — это ее выражение в статусе природы и в действии природы, а сама же Личность в своем само-существовании, изначальное и окончательно, является чем-то гораздо большим, чем это; это форма, которую Личность выдвигает вперед как свое уже проявленное и развитое природное существо или *я* в природе. В сформированном ограниченном индивиде персональность — это его личное выражение того, что безлично, его личное присвоение этого, мы можем сказать, так чтобы иметь материал, из которого он может строить значимые формы в манифестации. В своем бесформенном неограниченном *я*, в своем настоящем существе, в истинной Личности или в Пуруше, индивид не является этим, а содержит в себе безграничные и универсальные возможности; но он придает им, как божественный Индивид, свою собственную истину в проявлении, так что каждый индивид среди Множества является уникальным *я* одного Божественного. Божественный, Вечный выражает себя как существование, сознание, блаженство, мудрость, знание, любовь, красота, и мы должны думать о нем как об этих безличностных и универсальных мощностях, считать их природой Божественного и Вечного; мы можем сказать, что Бог — это Любовь, Бог — это Мудрость, Бог — это Истина или Справедливость: но он сам не является безличностным состоянием или абстракцией состояний или качеств; он — это Существо, одновременно абсолютное, универсальное и индивидуальное. Если мы взглянем с этого базиса, тогда, очевидно, нет противоречия, нет несовместимости, нет невозможности существования или единого существования Безличностного или Личности; они являются друг другом, живут друг в друге, слиты друг с другом, и все же в некотором отношении могут казаться различными краями, оборотными сторонами одной и той же Реальности. Гностическое существо имеет природу Божественного и поэтому повторяет в себе эту природную мистерию существования.

Супраментальный гностический индивид будет духовной Личностью, но не персональностью в смысле образца существа, отмеченного установленной комбинацией фиксированных качеств, определенного характера; он не может быть этим, поскольку он является сознательным выражением универсального и трансцендентного. Но его существо не может быть и своенравным безличностным потоком, случайным образом выбрасывающим волны разнообразных форм, волны персональности, изливающиеся во Времени. Нечто подобное может чувствоваться в тех людях, которые не имеют сильной централизованной Личности в своих глубинах, и действуют, исходя из некой путанной мульти-персональности в соответствии с тем, какой элемент в них выступает в данный момент; но гностическое сознание является сознанием гармонии, само-знания и само-мастерства и не будет представлять такого беспорядка. В действительности, есть различные представления о том, что составляет персональность и что составляет характер. С одной точки зрения персональность считается фиксированной структурой опознаваемых качеств, выражающих силу существа; но в другом представлении персональность и характер различаются: персональность считается потоком само-выражающегося или чувствительного и отзывчивого существа, характер — сформировавшейся фиксированностью структуры Природы. Но поток природы и фиксированность природы — это два аспекта бытия, ни один из которых, а также и оба вместе, не может быть определением персональности. Ведь во всех людях есть двойной элемент: несформированный, хотя и ограниченный поток бытия или Природы, из которого вылеплена персональность, и личная формация из этого потока. Это формула может стать жесткой и окостенеть, либо она может оставаться достаточно пластичной, чтобы постоянно изменяться и развиваться; но она развивается из формирующего потока, путем модификации или расширения или переформирования персональности, обычно не путем стирания уже созданной формации и замены ее новой формацией существа — такое может произойти лишь при ненормальной повороте или при сверхнормальном обращении. Но помимо этого потока и этой фиксированности есть и третий и оккультный элемент, есть Личность, стоящая позади, само-выражением которой является персональность; Личность выдвигает вперед персональность в качестве своей роли, характера, персоны, в текущий акт своей долгой драмы проявленного существования. Но Личность больше, чем персональность, и может случиться, что эта внутренняя широта перельется в поверхностную формацию; тогда результатом будет само-выражение существа, которое больше не будет описываться фиксированными качествами, стандартами настроений, точными контурами или отмечаться структурными пределами. Но это само-выражение не может быть также простым неразличимым, со-

вершено аморфным и неухватываемым потоком: хотя его природные действия могут быть охарактеризованы, они не являются им самим; и все же это само-выражение может отчетливо чувствоваться, проследившись в своем действии, оно может быть распознано, хотя не может быть описано; ведь это скорее мощь существа, чем его структура. Обычная ограниченная персональность может быть схвачена описанием черт, отпечатавшихся на ее жизни, мышлении и действии, описанием ее самого определенного поверхностного построения и выражения себя; даже если мы можем упустить нечто, что не было так выражено, это мало снижает общую адекватность нашего понимания, потому что упущенный элемент обычно является не большим, чем аморфным сырым материалом, частью потока, не использованного для образования значимой части персональности. Но такое описание будет жалко неадекватным для выражения Личности, когда ее Мощь *Я* внутри проявляется более пространно и выдвигает вперед свою скрытую невероятно одаренную силу в поверхностное построение и жизнь. Мы чувствуем себя в присутствии света сознания, могущества, моря энергии, можем различить и описать его свободные волны действия и качества, но не фиксировать себя; и все же есть впечатление персональности, присутствия мощного существа, есть сильный, высокий или прекрасный распознаваемый Некто, Личность, не ограниченная творением Природы, а *Я* или Душа, Пуруша. Гностический Индивид будет такой внутренней Личностью, незауалированной, занимающей как глубины — больше не само-скрытые — так и поверхность в объединенном само-осознании; этот Индивид будет не поверхностной персональностью, частично выражающей большее тайное существо, он будет не волной, а океаном: он будет Пурушей, внутренним сознательным Существованием, само-раскрытым, и ему не будет нужды в вырезанной выразительной мысли или в персоне.

Такой, следовательно, будет природа гностической Личности, бесконечного и универсального существа, раскрывающего — или, для нашего ментального неведения, выдвигающего — свое вечное *я* через значимую форму и выразительную силу индивида и само-манifestацию во времени. Но манифестация индивидуальной природы, будь то сильная и отчетливая в контурах или многогранная и многообразная, но все же гармоничная, будет там как признак существа, а не как все целостное существо: целостное существо будет чувствоваться позади, различимое, но неопределяемое, бесконечное. Сознание гностической Личности также будет бесконечным сознанием, выбрасывающим формы само-выражения, но всегда осознающим свою неограниченную бесконечность и универсальность и передающим силу и ощущения своей бесконечности и универсальности даже в конечность выражения — благодаря чему оно не будет ограничено в следующем движении дальнейшего само-раскрытия. Но все же это будет не нерегулируемый неразличимый поток, а процесс само-раскрытия, делающий видимой сокровенную истину своих сил существования согласно гармоническому закону, естественному для всей манифестации Бесконечного.

Весь характер жизни и действия гностического существа будет возникать само-определенным из этой природы гностической индивидуальности. В нем не может быть отдельной проблемы этического или аналогичного свойства, какого-либо конфликта добра и зла. В действительности там вообще не может быть проблем, ведь проблемы являются порождениями ментального неведения, ищущего знания, и они не могут существовать в сознании, в котором знание появляется само-рожденным и действия являются само-рожденными из знания, из предсуществующей истины существа сознательного и само-осознающего. Сущностная и универсальная духовная истина существа, проявляющая себя, свободно исполняющая себя в собственной природе и само-действенном сознании, истина существа, единая со всем даже в бесконечном разнообразии своей истины и заставляющая все чувствовать одним, будет также по самой своей природе сущностным и универсальным благом, проявляющим себя, осуществляющим себя в собственной природе и в само-действенном сознании, будет истиной блага, единого во всем и для всех даже в бесконечном разнообразии своего блага. Чистота вечного Само-существования выльется во все действия, делая все вещи чистыми и поддерживая их таковыми; там не может быть неведения, ведущего к неправильной воле и лжи шагов, не может быть отдельного эгоизма, приносящего из-за своего неведения и отдельной противоположной воли вред себе или вред другим, само-ведомого к неверному обращению с собственной душой, разумом, жизнью или телом, либо к неверному обращению с душами, разумами, жизнями, телами других, что является практическим ощущением всего человеческого зла. Подъем за пределы благодетели и греха, добра и зла составляет существенную часть Ведантической идеи освобождения, и в этом соотношении есть само-очевидная последовательность. Ведь освобождение означает всплытие в истинную духовную природу существа, где все действие является автоматическим само-выражением той истины, и там не может быть ничего другого. В несовершенстве и конфликте наших членов есть усилие достичь верного стандарта поведения и следовать ему; это этика, благодетель, достоинство, *пунья*, делать иначе — грех, дурная склонность, *пана*. Этический разум заявляет закон любви, закон справедливости, закон истины, законы без конца — за ними трудно уследить, их трудно примирить. Но если единство с другими, единство с истиной уже составляет сущность реализованной духовной природы, тогда нет нужды в законе истины или любви — закон, стандарт должен быть наложен сейчас на нас из-за того, что в нашем природном существе есть противоположная сила отделения, есть возможность антагонизма, есть сила разногласия, дурная воля, борьба. Вся этика является построением добра в Природе, которое было поражено злом силами тьмы, рожденными из Неведения, как это выражено в древней легенде Веданты. Но там, где все само-определено истиной сознания и истиной существа, там

не может быть стандарта, не может быть борьбы, чтобы следовать ему, не может быть благодетели или достоинства, греха или других черт природы. Там будет мощь любви, истины, правоты, но не как закон, ментально сконструированный, а как сама субстанция и строение природы и, благодаря интеграции существа, как само вещество и составляющая природа действия. Рост в эту природу нашего истинного существа, в природу духовной истины и единства, является освобождением, достигнутым благодаря эволюции духовного существа: гностическая эволюция даст нам полный динамизм этого возвращения к самим себе. Как только это достигнуто, исчезает необходимость стандартов добродетелей и дхарм; тогда появляется закон и само-порядок Духа, и не может быть никакого наложенного или сконструированного закона поведения, дхармы. Все становится само-течением духовной само-природы, Свадхармой Свабхавы.

Здесь мы касаемся ядра динамической разницы между жизнью в ментальном неведении и жизнью в гностическом существе и природе. Это разница между интегральным полностью сознательным существом в полном обладании своей истиной существования и вырабатывающим эту истину в собственной свободе, свободной от всех сконструированных законов, тогда как его жизнь все еще является исполнением всех истинных законов становления в их сущностном значении, и между невежественным само-разделенным существованием, которое ищет своей истины и пытается сформулировать в закон свои находки и сконструировать свою жизнь согласно так сделанному образцу. Всякий истинный закон является правильным движением и ходом реальности, энергией или мощностью существа в действии, исполняющего собственное внутренне присущее ему движение, само-подразумеваемое в его истине существования. Этот закон может быть несознательным, а его работа может казаться механической — таков характер или, по меньшей мере, видимость закона в материальной Природе: это может быть сознательная энергия, свободно определенная в своем действии при помощи сознания в существе, осознающем собственный императив истины, осознающем, всегда в целом и в каждый момент в деталях, те реальности, которые оно должно реализовать; таков рисунок закона Духа. Полная свобода Духа, полный само-существующий порядок, само-созидающий, само-исполняющийся, само-надежный в собственном естественном и неизбежном движении, является характером этой динамики гностической Сверхприроды.

На вершине бытия находится Абсолют со своей абсолютной свободой бесконечности, но и со своей абсолютной истиной и силой этой истины бытия: эти две вещи повторяют себя в жизни Духа в Сверхприроде. Всякое действие там является действием всевышнего Я, всевышнего Ишвары в истине Сверхприроды. Это одновременно истина существа я и истина воли Ишвары, единого с той истиной — двуединая реальность — которая выражается в каждом индивидуальном гностическом существе в соответствии с его сверхприродой. Свобода гностического индивида является свободой духа динамически осуществлять истину своего существа и мощь своих энергий в жизни; но это синонимично полному подчинению его природы истине Я, проявленной в его существовании, и воле Божественного в нем и во всем. Это Все-Воля одна в каждом гностическом индивиде и во множестве гностических индивидов и в космическом Всем, которое удерживает и содержит их в себе; она сознает себя в каждом гностическом существе и едина там с его собственной волей, и одновременно гностический индивид сознает одну и ту же Волю, одно и то же Я и Энергию, разнообразно действующую во всем. Такое гностическое сознание и гностическая воля, осознающая свое тождество во множестве гностических индивидов, осознающая свою согласующуюся тотальность и значение и точку встречи ее многообразия, должна гарантировать симфоническое движение, движение единства, гармонии, взаимности в действии целого. Одновременно оно гарантирует в индивиде единство и симфоническое согласие всех сил и движений его существа. Все энергии существа ищут своего само-выражения, и на самом своем вершине — своего абсолюта; они находят его во всевышнем Я, и одновременно они находят свое всевышнее тождество, гармонию и взаимность объединенного и общего само-выражения в своей все-видящей и все-объединяющей динамической силе само-определения и само-исполнения, в супраментальном гнозисе. Отдельное само-существующее существо может быть разрознено с другими отдельными существами, находится в разногласии с универсальным Всем, в котором они со-существуют, в состоянии противоречия с любой всевышней Истиной, которая пожелала своего само-выражения во вселенной; это то, что происходит с индивидом в Неведении, потому что он базируется на сознании отдельной индивидуальности. Там может быть аналогичный конфликт, раздор, разногласие между истинами, энергиями, качествами, силами, модами существа, которые действуют как отдельные силы в индивиде и во вселенной. Мир, полный конфликтов, конфликтов в нас самих, конфликтов индивида с миром вокруг него — это нормальные и неизбежные черты отдельного сознания Неведения и нашего плохо гармонизированного существования. Но такого не может случиться в гностическом сознании, потому что там каждый находит свое полное я, и все находят свою собственную истину и гармонию своих различных движений в том, что превосходит их и чьим выражением они являются. Поэтому в гностической жизни есть полное согласие между свободным само-выражением существа и автоматическим подчинением сокровенному закону всевышней и универсальной Истине вещей. Они являются для него внутренне связанными сторонами одной Истины; это его собственная всевышняя истина существа, которая вырабатывает себя в целостной объединенной истине его самого и вещей в одной Сверхприроде. Есть также полное согласие между всеми многочисленными и различными силами существа и их действием; ведь даже те, что противо-

речивы в своем видимом движении и кажутся нашему ментальному опыту вступающими в конфликт, естественным образом подогнаны друг к другу, потому что каждая сила обладает своей само-истиной и своей истиной связи с другими, и это само-основано и само-сформировано в гностической Сверхприроде.

Поэтому в супраментальной гностической природе не будет необходимости в ментальном жестком способе и тяжелой манере правления, в ограничивающей стандартизации, в наложении фиксированного ряда принципов, в принуждении жизни к одной системе или образцу, считающемуся единственно верным, потому что он предусмотрен разумом как единственно правильная истина бытия и поведения. Ведь такой стандарт не может включить в себя, и такая структура не может вобрать в себя целостность жизни, а также она не может свободно приспосабливаться к давлению Все-жизни или к нуждам эволюционной Силы; она должна убежать от себя или от своих само-сконструированных пределов при помощи смерти, путем дезинтеграции или благодаря сильному конфликту и революционно-возмущению. Разум, таким образом, должен выбрать свое ограниченное правило и способ жизни, потому что он сам связан и ограничен в видении и способности; но гностическое единство вбирает в себя всю жизнь и существование, исполненное, преобразованное в гармоническое само-выражение необъятной Истины, одной и разнообразной, бесконечно единой, бесконечно множественной. Знание и действие гностического существа будет иметь широту и пластичность бесконечной свободы. Это знание будет охватывать свои объекты по мере того, как оно будет идти в широту целого; оно будет связано только интегральной истиной целого и полной и сокровенной истиной объекта, но не сформированной идеей или фиксированными ментальными символами, которыми разум ловится, удерживается и ограничивается, теряя свободу своего познания. Полная деятельность также не будет связана подчинением негибкому правилу или прошлому состоянию или действию, либо его принудительному последствию, Карме; она будет иметь последовательную, но само-направляемую и само-развивающуюся пластичность Бесконечность, воздействующего непосредственно на собственные конечные части. Это движение будет порождать не постоянную смену или хаос, а освобожденное и гармоничное выражение Истины; будет свободное само-определение духовного существа в пластической полностью сознательной природе.

В сознании Бесконечного индивидуальность не разрушает космичность и не ограничивает ее, космичность не противоречит трансцендентности. Гностическое существо, живущее в сознании Бесконечного, будет порождать собственную само-манifestацию в качестве индивида, но оно будет делать так в качестве центра большей универсальности, и все же одновременно в качестве центра трансцендентности. Вселенский индивид, все его действие будет находиться в гармонии с космическим действием, но, благодаря своей трансцендентности, его действие не будет ограничено временной низшей формулировкой или находиться во власти любой и каждой космической силы. Его универсальность будет охватывать даже Неведение вокруг него в его большем я, но, сокровенно осознавая Неведение, он не будет подвержен ему: он будет следовать большему закону своей трансцендентной индивидуальности и будет выражать ее гностическую истину на собственном пути бытия и действия. Его жизнь будет свободным гармоническим выражением я; но, поскольку его высочайшее я будет одним с бытием Ишвары, то естественное божественное управление его само-выражения при помощи Ишвары, его высочайшего я и Сверхприроды, его собственной всевышней природы будет приносить в знание, жизнь, действие большой и неограниченный, но совершенный порядок. Подчинение его индивидуальной природы Ишваре и Сверхприроде будет естественным созвучием и, в действительности, самым условием свободы я, поскольку это будет подчинением собственному высочайшему существу, откликом на Исток всего существования. Индивидуальная природа не будет чем-то отдельным, она будет потоком Сверхприроды. Всякая антиномия Пуруши и Праkritи, этого странного деления и разбаланса Души и Природы, что причиняет боль и страдание Неведения, будет полностью устранена; ведь природа станет истечением само-силы Личности, а Личность будет истечением всевышней Природы, супраментальной мощи существа Ишвары. Именно эта всевышняя истина его существа, бесконечно гармоничный принцип будет порождать порядок его духовной свободы, подлинный, автоматический и пластический порядок.

В низшем существовании порядок автоматичен, связывание Природы полное, ее проторенная дорожка надежна и императивна: космическая Сила Сознания развивает образец Природы и ее привычную оболочку или фиксированный круг действия и заставляет инфрарациональное существо жить и действовать согласно образцу и в оболочке или круге, созданных для него. Разум в человеке стартует с этого заранее подготовленного образца и привычки, но по мере своего развития он расширяет замысел и развивает оболочку и пытается заменить этот фиксированный несознательный или полу-сознательный закон автоматизма порядком, основанным на идеях и значимостях и принятых жизненных мотивах, либо он пытается внести разумную стандартизацию и рамки, определенные рациональными целями, пользой и удобством. Но на самом деле в структурах знания человека или в его структурах жизни нет ничего связывающего или постоянного; но все же человек не может не творить стандарты мышления, знания, личности, жизни, поведения и, более или менее сознательно и полно, основывать на них свое существование или, по крайней мере, пытаться делать самое лучшее, чтобы вставить свою жизнь в задуманную схему своих избранных или принятых дхарм. При переходе к духовной жизни сохраняется, напротив, не закон, а свобода Духа; Дух прорывается через все формулы, чтобы найти свое я и, если он все еще должен быть занят выражением, он

должен достичь свободы вольного и истинного вместо искусственного выражения, истинного и спонтанного духовного порядка. “Оставь все дхармы, все стандарты и правила бытия и действия и найди пристанище только во Мне” — вот высшее правило высочайшего существования, выставяемое искателю Божественным Существом. В поиске этой свободы, в освобождении от сконструированного закона в закон я и духа, в отбрасывании ментального контроля, чтобы заменить его контролем духовной Реальности, в оставлении низшей сконструированной истины разума ради высшей сущностной истины бытия можно пройти через стадию, на которой есть внутренняя свобода, но не хватает внешнего порядка — это действие в постоянной смене природы, непосредственной, как ребенок, или инертной, как лист, пассивно лежащий или гонимый ветром, либо это даже несвязное и экстравагантное действие во внешней видимости. Можно также достичь временно упорядоченного духовного выражения я, что достаточно для стадии, которой можно достичь на время или в этой жизни; либо это может быть личный порядок само-выражения, законный в силу нормы того, что уже было реализовано из духовной истины, но впоследствии свободно меняющийся силой духовности, чтобы выразить еще большую истину, которая продолжает реализовываться в тот момент. Но супраментальное гностическое существо основывается в том сознании, в котором знание является само-существующим и проявляет себя согласно порядку, само-определенному Волей Бесконечного в Сверхприроде. Это само-определение согласно само-существующему знанию замещает автоматизм Природы и стандарты Разума спонтанностью Истины, само-осознанной и само-деятельной в самом зерне существования.

В гностическом существе это само-определяющееся знание, свободно подчиняющееся само-истине и полной истине Существа, станет самым законом существования. В нем Знание и Воля станут одним и не смогут находиться в конфликте; Истина духа и жизни станет одним и не сможет быть в разногласии: в само-исполнении гностического существа не сможет быть борьбы, несоответствия или расхождения между духом и членами. Два принципа — принцип свободы и принцип порядка, которые в разуме и жизни постоянно представляются противоположностями и несовместимостями, хотя им не нужно быть таковыми, если свобода охраняется знанием, а порядок основывается на истине существа, в сознании сверхума родственны друг другу и даже фундаментально едины. Это так, потому что оба составляют неотделимые аспекты внутренней духовной истины, и поэтому их определенности составляют одно; они внутренне присущи друг другу, ведь они возникают из тождества, и поэтому в действии совпадают в природном тождестве. Гностическое существо никоим образом и ни в малейшей степени не чувствует, что его свобода нарушается императивным порядком его мыслей или действий, потому что этот порядок внутренне присущ ему и спонтанен; оно ощущает свою свободу и порядок своей свободы одной истиной своего существа. Его свобода знания не является свободой следовать лжи или ошибке, ведь гностическому существу не нужно, подобно разуму, проходить через возможность ошибки, чтобы познать — наоборот, любое такое отклонение было бы отклонением от богатства своего гностического я, оно было бы сокращением его само-истины и было бы чуждо и вредно его существу; ведь его свобода — это свобода света, а не тьмы. Его свобода действия — это не позволение действовать на основе неправильной воли или под воздействием импульсов Неведения, ведь это тоже было бы чуждо его существу, явилось бы его ограничением и уменьшением, а не освобождением. Побуждение к осуществлению лжи или неправильного чувствовалось бы им не как движение к свободе, а как насилие над свободой Духа, как вторжение и навязывание, посягательство на его Сверхприроду, как тирания некой чуждой Природы.

Супраментальное сознание должно фундаментально быть Сознанием Истины, прямым и сокровенным осознанием истины существа и истины вещей; это мощь Бесконечного, знающая и вырабатывающая свои конечные части, это мощь Универсального, знающего и вырабатывающего в деталях свое тождество, свою космичность и свою индивидуальность; само-осознающему Истину, ему не нужно искать Истину или страдать от склонности пропускать ее, чему подвержен разум Неведения. Развитое гностическое существо вступит в Сознание Истины Бесконечного и Универсального, и именно это определит для него и в нем весь его индивидуальный поиск и действие. Ему будет принадлежать сознание универсального тождества и вытекающее отсюда или, скорее, внутренне присущее знание Истины, видение Истины, чувствование Истины, воля Истины и динамика Истины, подразумеваемые в его тождестве с Одним или спонтанно возникающие из его тождества со Всем. Его жизнь будет движением шагами духовной свободы и широты, замещающими закон ментальной идеи и закон витальной и физической потребности и желания и принуждения окружающей жизни; его жизнь и действие не будут связаны ничем, кроме Божественной Мудрости, воздействующей на него и действующей в нем согласно Сознанию Истины. Можно было бы ожидать, что отсутствие наложенной конструкции закона приведет жизнь человеческого неведения к хаосу конфликтов, попустительству и эгоистического беспорядка из-за отделенности человеческого эго и его малости, из-за необходимости, ощущаемой им, наталкиваться на другую жизнь, захватывать и использовать ее; но все это не сможет существовать в жизни гностического существа. Ведь в гностическом Сознании Истины супраментального существа обязательно должна быть истина связи всех частей и движений существа, — будь то существа индивида или существа любой гностической общности, — спонтанное и светлое тождество и полнота во всех движениях сознания и во всех действиях жизни. Там не может быть борьбы членов; ведь не только сознание знания и сознание воли, но и сознание сердца, сознание жизни и сознание тела, что составляет сейчас в нас эмоциональные, витальные и физические части природы, будет

включено в эту интегрированную гармонию полноты и тождества. На нашем языке мы могли бы сказать, что сверхразумное знание-воля гностического существа будет обладать совершенным контролем над разумом, сердцем, жизнью и телом; но это описание может быть применимо только к переходной стадии, когда Сверхприрода переформирует эти члены в собственную природу: как только этот переход завершен, больше не будет необходимости в контроле, ведь все будет одним объединенным сознанием, и поэтому будет действовать как целое я в спонтанной интегральности и единстве.

В гностическом существе не может быть конфликта между само-утверждением эго и контролем при помощи супер-эго; ведь поскольку в своем жизненном действии гностический индивид будет одновременно выражать себя, свою истину существа и вырабатывать Божественную Волю, так как он будет знать Божественное как свое истинное я и источник и составную часть своей духовной индивидуальности, то эти две пружины его поведения будут не только одновременным и единым действием, но они будут одной и той же движущей силой. Эта мотивирующая мощь будет действовать в каждом обстоятельстве согласно истине этого обстоятельства, обращаясь с каждым существом согласно его потребности, природе, связи, в каждом событии согласно требованию Божественной Воли от этого события: ведь все здесь является результатом запутанности и тесного переплетения многих сил одной Силы, и гностическое сознание и Воля Истины будут видеть истину этих сил, каждой из них и всех вместе, и необходимым образом воздействовать или вмешиваться в переплетение сил, чтобы исполнить требуемое, и ничего более. Благодаря Тождеству, присутствующему везде, правящему всем и гармонизирующему все многообразие, не будет игры отдельного эго, обращенного к собственному отдельному само-утверждению; воля я гностического существа будет едина с волей Ишвары, она не будет отдельной или противоположной само-волей. Она будет иметь радость действия и результата, но будет свободна от притязания эго, прикрепленности к действию и требованию результата; она будет делать то, что, как она видит, нужно сделать, и к чему она была движима. В ментальной природе может быть противостояние или разногласие между само-усилием и подчинением Высшей Воле, ведь там я или кажущаяся личность видит себя отличной от всевышнего Существа, Воли или Личности; но в гностической природе личность является существом Существа, и не возникает противостояния или разногласия. Действие личности является действием Ишвары в личности, Одного во множестве, и там не может быть причины для отдельного утверждения само-воли или для гордыни независимости.

На том факте, что Божественная Знание и Сила, всевышняя Сверхприрода будет действовать через гностическое существо с его полным участием, основывается свобода гностического существа; именно это единство дает ему его свободу. Свобода от закона, включая моральный закон, столь часто заявляемая духовным существом, основывается на этом единстве его воли с волей Вечного. Исчезнут все ментальные стандарты, потому что исчезнет всякая в них необходимость; их заменит высший подлинный закон тождества с Божественным Я и тождества со всеми существами. Там не будет вопроса эгоизма или альтруизма, противопоставления себя другим, поскольку все будет видеться и чувствоваться как одно я и будет делаться только то, что решено всевышней Истиной и Благом. Там будет в действии распространяющееся повсюду чувство само-существующей универсальной любви, симпатии, тождества, но это чувство будет пронизывать и окрашивать действие, а не единственно доминировать или определять его: оно не будет утверждаться в противостоянии большей истине вещей или диктовать лично навязанное отклонение от божественно желаемого истинного движения. Это противостояние и отклонение может произойти в Неведении, где любовь или любой другой сильный принцип природы может быть отделен от мудрости, как он может быть отделен даже от силы; но в сверхразумном гнозисе все силы сокровенны друг другу и действуют как одно целое. В гностической личности Знание Истины будет вести и определять, а все прочие силы существа будут содействовать: не будет места для дисгармонии или конфликта между силами природы. Во всех действиях есть императив существования, который ищет своего исполнения; истина существа, еще не проявленная, должна быть проявлена, либо проявляющаяся истина должна быть развита и достигнута и доведена до совершенства в манифестации, либо, если она уже достигнута, она должна взять свой восторг существа и само-исполнения. В полу-свете и полу-силе Неведения этот императив является тайным или только полу-раскрытым, и побуждение к его исполнению является несовершенным, борющимся, частично разочаровывающим движением: но в гностическом существе и жизни императив существа будет чувствоваться внутри, сокровенно восприниматься и приноситься в действие; будет свободная игра их возможностей; они будут осуществляться в соответствии с истиной обстоятельств и намерения в Сверхприроде. Все это будет видеться в знании и развиваться в действии; не будет неопределенной борьбы или мук работающих сил; дисгармония существа, противоречивая работа сознания не смогут иметь места: наложение внешней стандартизации механизированного закона будет совершенно излишне там, где есть неотъемлемость истины и ее спонтанная работа в акте природы. Гармоническое действие, выработка божественного мотива, исполнение императивной истины вещей станут законом и естественной динамикой всего существования.

Знание посредством тождества, использующее силы интегрированного существа для богатства инструментария, станет принципом супраментальной жизни. На других стадиях гностического существа, хотя истина духовного существа и сознания будет исполнять себя, инструментарий будет другого порядка. Высшее ментальное существо

будет действовать через истину мышления, через истину идеи и осуществлять ее в жизненном действии: но в супраментальном гнозисе мышление является производным движением, это формулирование видения истины, а не определяющая или главная движущая сила; мышление будет инструментарием для выражения знания в большей степени, чем для достижения знания или для действия — либо оно будет вмешиваться в действие только как проникающая точка основной части воли тождества и знания тождества. Точно также в озаренном гностическом существе видение истины, и в интуитивном гностическом существе — прямой контакт истины и воспринимающее ощущение истины будет главной пружиной действия. В Надразуме всеобъемлющий непосредственный охват истины вещей и принципа существа каждой вещи и все его динамические следствия будут порождать и собирать большую широту гностического видения и мышления и создавать основание знания и действия; это величие бытия, видения и делания явится разнообразным исходом лежащего в основании сознания тождества, но само тождество не будет находиться на первом плане как само вещество сознания или сама сила действия. Но в супраментальном гнозисе весь этот светлый непосредственный охват истины вещей, ощущение истины, видение истины, мышление истины отойдет в свой источник сознания тождества и будет существовать как единственная плоть своего знания. Сознание тождества будет вести и содержать все; оно будет проявляться как осознание в самом зерне субстанции существа, выдвигающего вперед свою сокровенную само-исполняющуюся силу и определяющего себя динамически в форме сознания и в форме действия. Это сокровенное осознание является источником и принципом работы супраментального гнозиса; его может быть достаточно самого по себе без нужды в том, чтобы что-то формулировало или воплощало его: но будет и игра озаренного видения, игра лучезарного мышления, игра всех прочих движений духовного сознания; будет их свободный инструментарий для их собственного сверкающего функционирования, для божественного богатства и разнообразия, для многогранного восторга само-проявления, для радости мощностей Бесконечного. На промежуточных стадиях или степенях гнозиса может быть манифестация разнообразных и отдельных выражений аспектов божественного Бытия и Природы, души и жизни любви, души и жизни божественного света и знания, души и жизни божественной мощи и полновластного действия и творения, и других неисчислимых форм божественной жизни; на супраментальной высоте все будет поднято в многогранное единство, во всевышнюю интеграцию бытия и жизни. Исполнение существа в светлой и блаженной интеграции его состояний и мощностей и их удовлетворенное действие будут смыслом гностического существования.

Весь супраментальный гнозис является двукратным Сознанием Истины, сознанием сокровенного само-знания и, благодаря тождеству я и мира, сознанием сокровенного знания мира; это знание является признаком, характерной мощью гнозиса. Но это не чисто понятийное знание, это не сознание, наблюдающее, формирующее идеи, пытающееся осуществить их; это сущностный свет сознания, само-свет всех реальностей бытия и становления, само-истина существа, определяющего, формулирующего и исполняющего себя. Быть, а не знать — цель манифестации; знание является лишь инструментарием действующего сознания существа. Это будет гностической жизнью на земле, манифестацией или игрой сознающего истину существа, существа, вырастающего в осознание себя во всех вещах, больше не потерянного для своего сознания, больше не погруженного в само-забвение или полу-забвение своего настоящего существования, вызванное поглощенностью в форме и в действии, а использующего форму и действие с освобожденной духовной мощью для своего свободного и совершенного самовыражения, больше не ищущего собственного потерянного или забытого или завуалированного и скрытого смысла или смыслов, больше не связанного несознанием и неведением, а освобожденного от них, осознающего собственные истины и силы, свободно определяя во всегда согласованном движении и в гармонии каждой детали со своей всевышней и универсальной Реальностью свою манифестацию, игру своей субстанции, игру своего сознания, игру своей силы существования, игру своего восторга существования.

В гностической эволюции будет великое разнообразие в положении, статусе, гармонизирующих операциях сознания и силы и восторга существования. Естественным образом возникнет во времени множество ступеней дальнейшего восхождения эволюционного Сверхразума к его собственным вершинам; но во всем будет общий базис и принцип. В этой манифестации Дух, Существо, зная всего себя, все же не будет ограничен тем, чтобы обязательно выдвигать всего себя на текущий фронт формации и действия, что является его непосредственной мощью и степенью само-выражения: оно может выдвигать вперед фронтальное само-выражение и удерживать всю остальную свою часть позади, в невыраженном восторге само-бытия. Это Все, находящееся позади, и его восторг найдет себя в этой фронтальной части, будет знать себя в ней, поддерживать и наполнять выражение, манифестацию собственным присутствием и ощущением тотальности и бесконечности. Эта фронтальная формация со всем остальным позади нее и удерживаемая в мощи бытия внутри нее, будет актом само-знания, а не актом Неведения; она будет светлым само-выражением Сверхсознания, а не выбросом из Несознания. Великое гармонизированное разнообразие станет таким образом элементом в красоте и полноте эволюции гностического сознания и существования. Даже в обращении с разумом неведения вокруг себя, как и в обращении с более низкими ступенями гностической эволюции, супраментальная жизнь будет использовать эту врожденную мощь и движение Истины своего бытия: она будет связывать в свете интегральной Реальности собственную истину бытия с той истиной бытия, что находится позади Неведения;

она будет основывать все связи на общем духовном единстве, принимать и гармонизировать проявленное различие. Гностический свет будет гарантировать правильную связь и действие или реакцию каждого различия друг на друга во всех обстоятельствах; гностическая мощь или воздействие будет всегда утверждать симфоническое осуществление, обеспечивать правильную связь более развитой жизнью с жизнью менее развитой и накладывать своим воздействием большую гармонию на низшее существование.

Такой будет природа существа, жизни и действия гностического индивида, насколько мы можем проследить с нашим ментальным представлением эволюцию вплоть до той точки, где она всплывет из Надразума и пересечет границу супраментального гнозиса. Эта природа гнозиса будет, очевидно, определять все связи индивидуальной или групповой жизни гностических существ; ведь гностическое сообщество будет коллективной душой-мощью Сознания Истины, точно также, как гностический индивид будет его индивидуальной душой-мощью: он будет иметь ту же самую интеграцию жизни и действия в унисон, то же самое реализованное и сознательное единство существа, ту же самую спонтанность, сокровенное чувство тождества, одно и взаимное видение истин и ощущение истины я и друг друга, то же самое действие истин в связи каждого с каждым и со всем; это сообщество будет существовать и действовать не как механическое, а как духовное целое. Аналогичная неизбежность единения свободы и порядка станет законом коллективной жизни; она будет свободой разнообразной игры Бесконечного в божественных душах, порядком сознательного единения душ, что является законом супраментального Бесконечного. Наша ментальная передача тождества вносит в него правило одинаковости; полное тождество, приводимое ментальным рассудком, всегда склоняется к повсеместной стандартизации в качестве единственно эффективного средства — позволяют лишь слабые тени различия: но законом гностической жизни будет величайшее богатство разнообразия в самовыражении. В гностическом сознании различия будут вести не к разногласию, а к спонтанной естественной адаптации, к ощущению комплиментарного изобилия, к богатому всестороннему исполнению вещи, которая должна быть коллективно познана, сделана, выработана в жизни. Ведь исчезнет трудность разума и жизни, порожденная эго, разделением целостностей на составные части, которые вырисовываются противоположностями и несоответствиями: все, в чем они отделяются друг от друга, легко чувствуется, утверждается и подчеркивается; то, в чем они встречаются, что удерживает их расхождения вместе, в большой степени упускается или находится с трудом; все должно делаться путем преодоления или урегулирования разницы, посредством сконструированного единства. В действительности, там есть лежащий в основании принцип тождества, и Природа настаивает на его появлении в конструкции единства; ведь она коллективная и общественная, как и индивидуальная и эгоистическая, и имеет в своем распоряжении инструментарий ассоциативностей, симпатий, общих нужд, интересов, притяжений, подобий, как и более грубые средства объединения: но ее вторично наложенный и слишком выступающий базис эго-жизни и эго-природы перекрывает единство и поражает все его построения несовершенством и ненадежностью. Дальнейшая трудность порождается отсутствием или, скорее, несовершенством интуиции и прямого внутреннего контакта, делающим каждое существо отдельным существом, вынужденным с трудом изучать существо и природу других, достигать понимания, взаимности и гармонии снаружи вместо того, чтобы делать это внутренне через прямое чувство и охват, так что всякий ментальный и витальный взаимообмен затруднен, заражен эго или обречен на несовершенство и неполноту из-за вуали взаимного неведения. В коллективной гностической жизни интегрирующее ощущение истины, согласованное единство гностической природы будет нести все расхождения в себе как собственное обилие и будет обращать многогранное мышление, действие, чувство в единство светлой целостности жизни. Это будет очевидным принципом, неизбежным результатом самого характера Сознания Истины и его динамической реализации духовного единства всего бытия. Эта реализация, этот ключ к совершенству жизни, которого трудно достичь на ментальном плане, а, достигнув, трудно динамизировать или организовать, будет естественным образом динамическим, спонтанно само-организованным во всем гностическом творении и гностической жизни.

Это гораздо легче понять, если мы взглянем на гностических существ как на живущих собственной жизнью без какого-либо контакта с жизнью Неведения. Но из-за самого факта эволюции здесь гностическая манифестация будет обстоятельством, хотя и решающим обстоятельством, в целом: будет непрерывность низших ступеней сознания и жизни, некоторые из которых будут поддерживать манифестацию в Неведении, некоторые будут занимать промежуточное положение между ним и манифестацией в гнозисе; эти две формы бытия и жизни будут либо существовать бок о бок, либо взаимопроникать. В любом случае гностический принцип, если не сразу же, то в конечном счете будет господствовать надо всем. Высшие духовно-ментальные ступени будут соприкасаться с супраментальным принципом, теперь уже открыто поддерживающим их и удерживающим их вместе, и будут освобождены от окутывающей со всех сторон хватки Неведения и Несознания. Как манифестация истины бытия, хотя и в ограниченной и модифицированной степени, она будет черпать свой свет и энергию из супраментального гнозиса и будет находиться в широком контакте с его инструментальными мощностями; они сами будут сознательными мотивирующими силами Духа и, хотя еще не в полной силе своей реализованной духовной субстанции, они не будут подчинены меньшей инструментровке, фрагментированной, ослабленной, разбавленной, затемненной субстанцией Незнания. Неведение, поднимаясь к надразуму или вступая в него, входя в интуитивный разум, в озаренный или высший разум перестает

быть неведением; оно входит в свет, реализует в этом свете ту истину, что оно покрывало тьмою, и будет освобождено, преображено в новое состояние сознания и бытия, которое приспособит его для этих высших состояний и подготовит его для супраментального статуса. В то же самое время инволюционный принцип гнозиса, который теперь уже будет действовать как открытая, всплывшая и неизменно динамическая сила и больше не только как скрытая мощь с тайной организацией или завуалированная поддержка вещей, либо только как временное вмешательство, сможет наложить нечто из своего закона гармонии на все еще существующее Несознание и Неведение. Ведь тайная гностическая мощь, сокрытая в них, будет действовать с большей силой своей поддержки и начинания, с более свободным и более мощным вмешательством; существа Неведения, находясь под влиянием света гнозиса через свою связь с гностическим существом и через развитое и действенное присутствие супраментального Бытия и Мощи в земной природе, станут более сознательными и отзывчивыми. В самой нетрансформированной части человечества может возникнуть новый и больший порядок ментальных человеческих существ; ведь появятся напрямую интуитивные или частично интуитивизированные, но все еще не гностические ментальные существа, напрямую или частично озаренные ментальные существа, ментальные существа в прямом или частичном сообщении с планом высшего разума: они будут становиться все более многочисленными, все более развитыми в своем типе, и они смогут даже существовать как сформировавшаяся раса ментального человечества, ведя вверх менее развитых в истинное братство, рожденное от ощущения манифестации Одного Божественного во всех существах. На этом пути доведение до конца высочайшего может также означать доведение до конца на собственной ступени всего того, что все еще должно оставаться ниже. На высшем конце эволюции восходящие диапазоны и вершины Сверхразума начнут подниматься к некоей всевышней манифестации чистого духовного существования, сознания и блаженства Сатчитананды.

Может возникнуть вопрос, а не будет ли гностическое обращение, переход в гностическую эволюцию и за ее пределы означать, рано или поздно, прекращение эволюции из Неведения, поскольку исчезнут причины для этого затемненного начинания вещей в нем. Ответ на этот вопрос зависит от того, является ли движение между Сверхсознанием и Несознанием как двумя полюсами существования постоянным и неизменным законом материальной манифестации или лишь временным обстоятельством. Последнее предположение трудно принять из-за грандиозной силы пропитки и стойкости, с которой несознательное основание было заложено для всей материальной вселенной. Какое-либо полное обращение или устранение этого первого эволюционного принципа означало бы одновременную манифестацию тайного инволюционного сознания в каждой части этого необъятного универсального Несознания; изменение в частной линии развития Природы, в такой, как земная линия, не может иметь такого все-пропитывающего эффекта: манифестация земной природы следует собственной линией, и завершение этой линии — это все, что мы должны рассматривать. Здесь мы можем осмелиться сказать, что в конечном итоге раскрытого творения или в воспроизводстве верхней полусферы сознательного бытия в нижней тройственности, эволюция на земле, хотя и оставаясь той же самой в своих ступенях и степенях, будет подчиняться закону гармонии, закону единства во множественности и множественности, вырабатывающей единство: она больше не будет эволюцией через борьбу; она станет гармоничным развитием от стадии к стадии, от меньшего света к большему свету, от низкого к более высокому типу и красоты само-разворачивающегося существования. Может быть по-другому лишь в том случае, если по некоей причине закон борьбы и страдания все еще будет оставаться необходимым для выработки той загадочной возможности Бесконечного, чей принцип лежит в основании погружения в Несознание. Но, по-видимому, для земной природы эта необходимость будет исчерпана, как только супраментальный гнозис всплывет из Несознания. Такое изменение начнется с его первым прочным появлением; это изменение достигнет своего верха, когда супраментальная эволюция станет полной и поднимется в более великую полноту всевышней манифестации Существа-Сознания-Восторга, Сатчитананды.

Глава XXVIII

ЖИЗНЬ БОЖЕСТВЕННАЯ

О, видящее Пламя, ты переносишь человека с кривых путей в неизменную истину и знание.

Риг Веда (I. 31. 6)

Я очищаю землю и небо с помощью Истины.

Риг Веда (I. 133. 1)

Его наитие в том, кто удерживает его, приводит в движение два рождения: человеческое самовыражение и божественное, и движется между ними.

Риг Веда (IX. 86. 42)

Да придут там лучи его интуиции, ищущие бессмертия и пронизывающие оба рождения; ибо благодаря им он слил в одно движение силы человеческие и вещи божественные.

Риг Веда (IX. 70. 3)

Давайте все мы примем твою волю, когда ты рождаешься живым богом из сухого дерева, так что они могут достичь божественности, и благодаря скорости твоего движения завладеть Истиной и Бессмертием.

Риг Веда (I. 68. 2)

Мы пытались открыть, в чем состоит реальность и смысл нашего существования как сознательных существ в материальной вселенной, и в каком направлении и сколь далеко ведет этот смысл, раз уж мы открыли его, к какому человеческому или божественному будущему. Наше существование здесь в действительности может быть несознательной причудой самой Материи или некоей Энергии, строящей Материю, или же оно может быть необъяснимой причудой Духа. Либо, опять же, наше существование здесь может быть произвольной фантазией супракосмического Творца. В таком случае оно не имеет особого смысла — и совсем не имеет смысла, если Материя или несознательная Энергия является фантазером-строителем, ибо тогда оно в лучшем случае является заблудшим описанием странствующей спирали Случая или тяжелой кривой слепой Необходимости; оно может иметь лишь иллюзорный смысл, который сходит на нет, если наше существование здесь является ошибкой Духа. Сознательный Творец мог на самом деле вложить некое значение в наше существование, но тогда оно должно быть раскрыто благодаря откровению его воли и не само-подразумеваться в собственной природе вещей и не раскрываться здесь. Но если есть само-существующая Реальность, продуктом которой является наше существование здесь, тогда должна быть истина этой Реальности, которая здесь проявляется, вырабатывается, развивается, и это будет смыслом нашего собственного существования и жизни. Чем бы ни была эта Реальность, это нечто, что взяло на себя аспект становления во Времени, — неделимого становления, ибо наше настоящее и наше будущее несут в себе, трансформированным, переименованным, прошлое, которое создало их, и прошлое и настоящее уже содержали и сейчас содержат в себе, невидимо для нас, поскольку оно еще не проявлено, неразвито, их собственное преображение в еще не созданное будущее. Смысл наше существования здесь определяет нашу судьбу: эта судьба есть нечто, что уже существует в нас как необходимость и потенциальность, необходимость тайной и проявляющейся реальности нашего существа, истины его потенциальности, которая вырабатывается; и то, и другое, хотя еще и не реализованное, даже сейчас подразумевается в том, что уже было проявлено. Если есть Бытие, являющееся становлением, Реальность существования, развертывающаяся во Времени, тогда мы должны стать тем, чем тайно является это бытие, эта реальность, и в этом кроется смысл нашей жизни.

Именно сознание и жизнь должны быть ключевыми словами того, что вырабатывается во Времени; ибо без них Материя и мир Материи стали бы бессмысленным явлением, вещью, которая произошла по Случаю или из-за несознательной Необходимости. Но сознание, каким оно сейчас является, жизнь, какой она сейчас является, не могут отражать всей тайны; ибо и то, и другое, со всей очевидностью являются сейчас чем-то незаконченным и все еще находящимся в развитии. В нас сознание представлено Разумом, а наш разум невежествен и несовершенен, является посреднической мощью, которая росла и все еще растет к некоему за пределами самой себя: были более низкие уровни сознания, которые пришли до разума и из которых он появился, и со всей очевидностью будут более высокие уровни сознания, к которым он поднимается. До нашего думающего, рассуждающего, рефлексизирующего разума было сознание недумающее, но живое и чувствующее, а до него было подсознательное и несознательное;

после нас будет более высокое сознание, которое, вероятно, ждет своего часа в наших неразвитых я, это сознание само-светлое, не зависящее от конструктивного мышления: наш несовершенный и невежественный мыслящий разум определенно не является последним словом сознания, его крайней возможностью. Ибо суть сознания заключается в силе осознания себя и своих объектов, и по своей истинной природе эта сила должна быть прямой, само-исполненной и полной: если в нас она не прямая, неполная, неисполненная в своих работах, зависит от сконструированных инструментов, то это из-за того, что сознание появляется здесь из изначального вуалирующего Несознания и все еще отягощено и охвачено первым Незнанием, свойственным Несознательному; но оно должно иметь силу полностью появиться, его судьба — развиться в собственное совершенство, являющееся его настоящей природой. Его настоящая природа — полностью осознать свои объекты, и из этих объектов первым является я, существо, развивающее здесь свое сознание, затем — все остальное, что мы видим здесь как не-я — но если существование неделимо, тогда и это на самом деле должно быть я: следовательно, судьба развивающегося сознания заключается в том, чтобы стать совершенным в своем осознании, полностью сознающим свое я и сознающим все. Это совершенное и естественное положение сознания является для нас сверхсознанием, состоянием, которое находится за нашими пределами и в котором наш разум, если внезапно его туда переместить, не смог бы поначалу работать; но именно к этому сверхсознанию должно развиваться наше сознательное существо. Но эта эволюция нашего сознания к сверхсознанию или за пределы самого себя возможна лишь в том случае, если Несознание, являющееся здесь нашим базисом, на самом деле само является погруженным Сверхсознанием; ведь то, чему суждено стать в становлении Реальности в нас, должно быть уже погружено туда или тайно находиться в его начале. Мы можем легко постичь, что таким погруженным Бытием или Силой является Несознательное, когда мы внимательно рассмотрим это материальное творение несознательной Энергии и увидим, как она с искусным построением и бесконечной изобретательностью выполняет работу погруженного Интеллекта, и также увидим, что и мы сами являемся какой-то частью этого Интеллекта, развивающегося из своей инволюции, всплывающим сознанием, чье появление не может вдруг остановиться, пока Инволюционное не разовьется и не раскроет себя в качестве всевышнего полностью само-сознающего и все-сознающего Интеллекта. Именно это мы назвали Сверхразумом или Гнозисом. Ибо это с очевидностью должно быть сознанием Реальности, Бытия, духа, который тайно присутствует в нас и медленно проявляется здесь; мы являемся становлением того Бытия и должны расти в его природу.

Если сознание составляет центральный секрет, то жизнь является внешним признаком, действенной силой бытия в Материи; ведь именно она высвобождает сознание и придает ему свою форму или воплощение силы и ее осуществления в материальном акте. Если некое раскрытие или осуществления самого себя в Материи является окончательной целью эволюционирующего Бытия в его рождении, то жизнь является внешним и динамическим знаком и показателем этого раскрытия и осуществления. Но и жизнь, какой она является сейчас, несовершенна и тоже развивается; она эволюционирует через рост сознания, как и сознание эволюционирует через лучшую организацию и совершенствование жизни: лучшее сознание подразумевает лучшую жизнь. Человек, ментальное существо, ведет несовершенную жизнь, так как его разум не является первой и высочайшей силой сознания Бытия; даже если бы разум был совершенен, все еще оставалось бы нечто, что надо реализовать, нечто еще не проявленное. Ибо погружен и проявляется не Разум, а Дух, и разум не составляет природный динамизм сознания Духа; сверхразум, свет гнозиса — вот его природный динамизм. Если же жизнь должна стать манифестацией Духа, тогда именно манифестация духовного существа в нас и божественная жизнь совершенного сознания в супраментальной или гностической силе духовного существа должна быть тайной сутью и намерением эволюционной Природы.

Вся духовная жизнь по своему принципу является ростом в божественное житие. Трудно установить границу, где кончается ментальная и начинается духовная жизнь, поскольку они проецируются друг в друга и довольно долго существуют вместе, взаимно переплетаясь. Значительную часть этого промежутка — когда духовное побуждение не отворачивается от земли или мира вообще — можно видеть как процесс становления более высокой жизни. По мере того, как разум и жизнь озаряются светом Духа, они вносят или отражают нечто из его божественности, тайну большей Реальности, и это должно нарастать до тех пор, пока не будет пересечено промежуточное состояние, и все существование не объединится в полном свете и силе духовного принципа. Но для полного и совершенного осуществления эволюционного позыва это озарение и перемена должна вобрать и переделать все существо, разум, жизнь и тело: это должно быть не только внутренним переживанием Божественности, но и переделкой внутреннего и внешнего существования с помощью его силы; это должно обрести форму не только в жизни индивида, но и как коллективная жизнь гностических существ, учрежденная как высочайшая сила и форма становления Духа в земной природе. Чтобы это стало возможным, духовная сущность в нас должна развить собственное интегральное совершенство не только внутреннего состояния существа, но и исходящей силы существа и, обладая этим совершенством как необходимостью своего полного действия, должна развить собственный динамизм и инструментарий внешнего существования.

Несомненно, может быть внутренняя духовная жизнь, царство небес внутри нас, которое не зависит от какой-либо внешней манифестации, инструментария или формулы внешнего бытия. Внутренняя жизнь имеет высочайшую

внутреннюю значимость, а внешняя жизнь ценна лишь настолько, насколько она выражает внутренний статус. Однако человек, имеющий духовную реализацию, живет, действует и ведет себя во всем размахе своего существа и действия, как говорится в “Гите”, “он живет и движется во Мне”; он пребывает в Божественном, он реализовал духовное существование. Духовный человек, живущий в ощущении духовного я, в реализации Божественного внутри себя и везде, внутренне вел бы божественную жизнь, и ее отражение падало бы на его внешние действия, даже если бы они не выходили — или казалось бы, что они не выходят — за пределы обычного инструментария человеческой мысли и действия в этом мире земной природы. В этом заключается первая истина и суть вопроса; но все же, с точки зрения духовной эволюции, это означало бы лишь индивидуальное освобождение и совершенство в неизменном окружающем существовании: для большего динамического изменения в самой земной природе, для духовного изменения всего принципа и инструментария жизни и действия, нам следует на пути к полному завершению, божественному исходу, предусматривать появление нового порядка существ и новой земной жизни. Здесь гностическое изменение принимает первостепенную важность; все предшествующее может считаться построением и подготовкой для преобразующего обращения всей природы. Ибо именно гностический способ динамического жития должен стать осуществленной на земле божественной жизнью, способом жития, который развивает высшие инструменты мирового познания и мирового действия для динамизации сознания в физическом существовании и вбирает и трансформирует ценности мира материальной Природы.

Но целостное основание гностической жизни по самой своей природе всегда должно быть внутренним, а не внешним. В жизни Духа именно Дух, Внутренняя Реальность, построил и использует разум, витальное существо и тело в качестве своих инструментов; мышление, чувствование и действие существуют не ради самих себя, они являются не целью, а средством; они служат тому, чтобы выражать проявленную божественную Реальность внутри нас: иначе, без этой внутренней направленности, без этого духовного начала, в сознании, слишком ориентированном на внешние объекты или с помощью лишь внутренних средств, не возможна никакая более возвышенная или божественная жизнь. В нашей теперешней жизни Природы, в нашем направленном вовне поверхностном существовании, кажется, что именно мир создает нас; но при обращении к духовной жизни именно мы должны создать самих себя и свой мир. В этой новой формуле творения внутренняя жизнь приобретает первостепенное значение, а все остальное может быть лишь его выражением и продуктом. Именно на это указывают наши собственные усилия к совершенству, к совершенству нашей собственной души, разума и жизни и к совершенству жизни расы. Ведь мы отдаемся темному, невежественному, материальному, несовершенному миру, и наше внешнее сознательное существо само сотворено энергиями, давлением, формующими операциями этой обширной тупой темноты, физическим рождением, окружением, обучением под ударами и толчками жизни; и все же мы смутно осознаем нечто, что есть в нас или стремится быть, нечто иное, чем то, что было таким образом сделано, Дух само-существующий, самоопределяющий, толкающий природу к творению образа ее собственного оккультного совершенства или к Идее совершенства. Есть нечто, что растет в нас в ответ на это требование, что стремится стать образом божественного Нечто и вынуждено также трудиться во внешнем мире, который был придан ему, и переделать и его по более возвышенному образу, по образу собственного духовного, ментального и витального роста, сделать и наш мир чем-то, сотворенным в соответствии с нашим собственным разумом и само-зачинающим духом, сделать чем-то новым, гармоничным, совершенным.

Но наш разум темен, частичен в своих представлениях, сбит с толку противоположными поверхностными явлениями, разрывается между разнообразными возможностями; он ведом в трех различных направлениях, любому из которых он может отдать исключительное предпочтение. В поисках того, что должно быть, наш разум поворачивается к концентрации на нашем собственном духовном росте и совершенстве, на нашем собственном индивидуальном существе и внутреннем житии; либо он поворачивается к концентрации на индивидуальном развитии нашей поверхностной природы, на совершенствовании нашего мышления и нашего динамического или практического действия в мире, на некотором идеализме нашей личной связи с миром вокруг нас; либо он поворачивается скорее к концентрации на самом внешнем мире, чтобы сделать его лучше. Более подходящим для наших идей и темперамента или для нашего представления о том, что должно быть. С одной стороны, есть зов нашего духовного существа, являющегося нашим истинным я, трансцендентной реальностью, существом Божественного Бытия, не созданным миром, способным жить в себе, подниматься от мира к трансцендентности; с другой стороны, есть требование мира вокруг нас, который является космической формой, выработкой Божественного Бытия, мощью замаскированной Реальности. Есть также расходящееся или двойное требование нашего Природного существа, которое балансирует между зовом нашего духовного существа и требованием мира вокруг нас, зависит от них и связывает их; ибо хотя и кажется, что наше Природное существо сотворено миром, все же оно, из-за того, что настоящий творец находится в нас самих, а мировой инструментарий, который, как кажется, сотворил его, является лишь первым использованным средством, является на самом деле формой, замаскированной манифестацией более высокого духовного существа внутри нас. Именно это требование предстает посредником между нашим занятием внутренним совершенствованием или духовным освобождением и нашим занятием внешним миром и его формулированием, оно настаивает на более

счастливой связи между этими двумя занятиями и создает идеал лучшего индивида в лучшем мире. Но именно внутри нас должна быть найдена Реальность и источник основания совершенной жизни; никакое внешнее формирование не может заменить его: должно быть истинное *я*, реализованное внутри, если истинной жизни суждено реализоваться в мире и Природе.

В процессе роста до божественной природы нашей первой занятостью должен быть Дух; очевидно, что пока мы не раскрыли и не развили его в нашем *я* из его ментальной, витальной и физической оберток и маскировок, пока мы терпеливо не выделили его из нашего собственного тела, как выражаются Упанишады, пока мы не выстроили в себе внутреннюю жизнь Духа, до тех пор никакое внешнее божественное житие не может стать возможным. Если только, конечно, мы не нацеливаемся на ментальное или витальное божество и не стремимся стать им — но даже тогда индивидуальное ментальное существо или существо мощи и витальной силы и желания в нас должны до расти до формы этого божества, прежде чем наша жизнь сможет стать божественной в этом низшем смысле, стать жизнью инфрадуховного супермена, ментального полу-бога или витального Титана, Девы или Асура. И если создана такая внутренняя жизнь, тогда нашей занятостью должно быть преобразование всего нашего поверхностного существа, нашего мышления, чувствования, действия в мире в совершенную силу этой внутренней жизни. Только если мы живем более глубоким и более возвышенным образом в наших динамических частях, только тогда может найтись сила для творения более возвышенной жизни, или мир может быть переделан либо в некую мощь и совершенство Разума и Жизни, либо в мощь и совершенство Духа. Совершенный человеческий мир не может быть создан или составлен несовершенными людьми. Даже если все наши действия будут тщательно отрегулированы воспитанием или законом, либо социальным или политическим механизмом, то будет достигнут лишь отрегулированный образец умов, сфабрикованный образец жизней, культивированный образец поведения; но согласованность такого рода не может изменить, переделать человека внутри, она не может высечь или выделить совершенную душу или совершенного мыслящего человека, либо совершенное или растущее живое существо. Ибо душа, разум и жизнь являются силами существа, и они могут расти, но не могут быть выделенными или сделанными; внешний процесс или внешняя формация может оказать помощь или может выразить душу, разум и жизнь, но не может создать или развить их. Можно действительно помочь росту существа, но не с помощью какой-либо фабрикации, а набрасывая на него стимулирующие влияния или придавая ему чьи-то силы души, разума или жизни; но даже и в этом случае рост должен идти все еще изнутри, оттуда, а не снаружи, определяя, что будет сделано с этими влияниями и силами. Это первая истина, которую должно усвоить наше созидательное усердие и стремление, иначе вся наша человеческая попытка обречена вращаться бесплодными кругами и может кончиться лишь обманчивым успехом, который на самом деле будет падением.

Быть или становиться чем-то, приносить нечто в существо — в этом состоит весь труд силы Природы; знать, чувствовать, делать — это подчиненные активности, которые имеют ценность лишь постольку, поскольку они помогают существу в его частной само-реализации выразить то, чем оно является, а также помочь ему в его позыве выразить еще большее, пока еще не реализованное, чем оно должно стать. Но знание, мышление, действие — будь то религиозное, этическое, политическое, социальное, экономическое, утилитарное или гедонистическое, будь то в ментальной, витальной или физической форме или конструкции — не может быть сущностью или целью жизни; они — лишь активности сил существа или сил его становления, динамические символы, творения воплощенного Духа, его средства открытия и формулирования того, чем оно стремится быть. Физический разум человека имеет тенденцию видеть все наоборот и переворачивать с ног на голову истинный порядок вещей, потому что он принимает за сущностные или фундаментальные поверхностные силы или явления Природы; он принимает ее творение в видимом и внешнем процессе за сущность ее действия и не видит, что это всего лишь вторичное явление, заслоняющее более значительный тайный процесс: ведь оккультный процесс Природы состоит в том, чтобы раскрывать существо через привнесение его сил и форм, а ее внешнее давление является лишь средством пробуждения погруженного существа к необходимости этой эволюции, этого само-формирования. Когда достигнута природная стадия духовной эволюции, этот оккультный процесс должен стать всем процессом; кардинально важно прорваться через вуаль сил и завладеть их тайной пружиной, которой является сам Дух. Стать самим собой — это одно дело, которое должно быть сделано; но настоящие мы — это то, что находится внутри нас, и превзойти свое внешнее *я* тела, жизни и разума — условие для само-раскрытия и активности этого высочайшего существа, которое является нашим истинным и божественным существом. Лишь путем внутреннего роста и с помощью внутреннего жития можем мы найти свое настоящее *я*; и как только это сделано, создать оттуда духовный или божественный разум, жизнь и тело, и через этот инструментарий достичь творения мира, который станет истинным окружением божественного жития — вот так конечная цель, которую Сила Природы ставит перед нами. Следовательно, первая необходимость заключается в том, чтобы индивид, каждый индивид открыл Дух, божественную реальность внутри себя и выразил бы это во всем своем существе и жизни. Божественная жизнь прежде всего должна быть внутренней жизнью; ведь поскольку внешнее должно быть выражением того, что находится внутри, то не может быть божественности во внешнем существовании, если нет обожествления внутреннего существа. Божественность человека пребывает завуалирован-

ной в его духовном центре; человек не сможет превзойти самого себя или не будет высшего исхода для его существования, если в нем нет реальности вечного Я и Духа.

Быть и быть во всей полноте — дело Природы в нас; но быть во всей полноте означает быть полностью сознающим свое существо: несознание, полу-сознание или несовершенное сознание — это состояние существа, не обладающего собой; это существование, но не полнота бытия. Полностью и интегрально осознавать себя и всю полноту своего существа — необходимое условие для настоящего обладания существованием. Это само-осознание есть то, что подразумевается под духовным знанием: суть духовного знания — это подлинное само-существующее сознание; все его действие знания, в действительности, вообще всякое его действие, должно быть этим сознанием, формулирующим себя. Всякое другое знание — это сознание, забывшее себя и стремящееся вернуться к собственному осознанию себя и своего содержимого; это само-неведение, работающее, чтобы преобразовать себя снова в само-знание.

Но также, поскольку сознание несет в себе силу существования, быть во всей полноте означает иметь подлинную и интегральную силу своего существа; это означает завладеть всей силой и уметь всю ее использовать. Просто быть, не обладая силой своего существа или обладая лишь полу-силой или несовершенной силой — это увечное или преуменьшенное существование. В действительности, можно существовать только в статусе, когда сила существа само-собрана и недвижима в я; но, даже в этом случае, быть в динамике тем же, чем и в статусе, составляет интегральность существования: сила я — это знак божественности я, ведь немощный Дух — это не Дух. Но, поскольку духовное сознание является подлинным и само-существующим, то и сила нашего духовного существа должна быть подлинной, автоматической в действии, само-существующей и само-исполнительной. Любой инструмент, который эта сила использует, должен быть частью ее самой; даже любой внешний инструмент должен быть сделан частью ее самой и выражать ее существо. Силой существа в сознательном действии является воля; и какой бы ни была сознательная воля Духа, его воля бытия и становления, существование должно быть способным гармонически исполнять все это. Всякое действие или энергия действия, не имеющая этого суверенитета или не распоряжающаяся механикой действия, несет в себе тем самым знак несовершенства силы существа, деления или ущербного расчленения сознания, неполноты манифестации существа.

Наконец, быть во всей полноте означает обладать полным восторгом бытия. Существо без восторга бытия, без полного восторга собой и всеми вещами, есть нечто нейтральное или ущербное; это существование, но не полнота бытия. Этот восторг тоже должен быть подлинным, само-существующим, автоматическим; он не может зависеть от вещей вне себя: все, чем восторгается существо, оно делает частью себя, обладает его радостью как частью своей универсальности. Любое отрицание восторга, всякая боль и страдание являются знаками несовершенства, неполноты; они возникают из-за деления существа, неполноты сознания существа, неполноты силы существа. Стать полным в существе, в сознании существа, в силе существа, в восторге существа и жить в этой интегральной полноте — вот божественное житие.

Но, опять же, быть во всей полноте означает быть универсальным. Быть в несовершенствах маленького ограниченного эго — значит, существовать, но это несовершенное существование: по самой своей природе это означает жить в неполном сознании, в неполной силе и в неполном восторге существования. Это означает быть чем-то меньшим, чем являешься на самом деле; это приносит неизбежное подчинение неведению, слабости и страданию: или даже если благодаря какому-то божественному построению природы удалось бы исключить эти вещи, это все равно означало бы жизнь в ограниченном диапазоне существования, в ограниченном сознании, в ограниченной силе и в ограниченной радости существования. Все бытие едино, и быть во всей полноте означает быть всем сущим. Быть в бытии всего и включать все в свое бытие, осознавать сознание всего, быть интегрированным в силу со вселенской силой, нести в себе всякое действие и переживание и чувствовать это как свое собственное действие и переживание, чувствовать все я как свое собственное я, чувствовать весь восторг бытия как свой собственный восторг бытия — вот необходимое условие интегральной божественной жизни.

Но, будучи универсальным в полноте и свободе собственной универсальности, необходимо также быть трансцендентным. Духовная полнота бытия есть вечность; если нет сознания вневременного вечного бытия, если есть зависимость от тела, воплощенного разума или воплощенной жизни, тогда это не реальность я, не полнота духовного существования. Жить лишь как я тела или быть лишь телом означает быть эфемерным творением, подверженным смерти и желанию, боли и страданию, разложению и упадку. Превышать, превосходить сознание тела, не быть удерживаемым в теле и телом, держать тело только в качестве инструмента, подчиненного внешнего образования я, есть первое условие божественного жития. Не быть разумом, подчиненным неведению и ограниченному сознанию, превосходить разум и обращаться с ним как с инструментом, контролировать его как поверхностное образование я — второе условие. Быть я и Духом, не зависеть от жизни, не отождествляться с ней, превосходить ее и контролировать и использовать ее как выражение и инструментарий я — третье условие. Даже телесная жизнь не обладает всей собственной полнотой бытия, если сознание не превосходит тело и не чувствует своего физического тождества со всем материальным существованием; витальная жизнь не обладает всей собственной полнотой жития, если

сознание не превосходит ограниченной игры индивидуальной витальности, не ощущает универсальную жизнь как свою собственную и не чувствует своего тождества со всей жизнью. Ментальность не являет всего своего полного сознательного существования или деятельности, если нет превосходения индивидуальных ментальных границ и нет ощущения тождества с универсальным Разумом и со всеми разумами и нет наслаждения собственной интегральностью существования, исполненной в богатстве различия разумов. Но надо превосходить не только индивидуальную формулу, но и формулу вселенной, ибо только так индивидуальное и вселенское существование может найти свое собственное истинное бытие и совершенную гармонию; и то, и другое в своей внешней формулировке являются неполными выражениями Трансцендентного, но в своей сущности они им являются, и лишь начиная осознавать эту сущность, может индивидуальное или вселенское сознание достичь собственной полноты, свободы и реальности. Иначе индивид может остаться подчиненным космическому движению, своим реакциям и ограничениям и не достичь своей полной духовной свободы. Он должен войти во всевышнюю божественную Реальность, ощущать свое тождество с ней, жить в ней, быть ее само-творением: весь его разум, жизнь, физичность должны быть преобразованы в выражения ее Сверхприроды; все его мысли, чувства, действия должны определяться ею и быть ею, ее само-формацией. Все это может стать полным и законченным в индивиде лишь тогда, когда он разовьется из Неведения в Знание, и через Знание — во всевышнее Сознание и его динамику и всевышний восторг существования; но некая суть этих вещей и их достаточный инструментарий могут придти с первым духовным изменением и достичь своего верха в жизни чистой гностической Сверхприроды.

Все это невозможно достичь без внутреннего жития; это невозможно достичь, оставаясь во внешнем сознании, обращенном всегда наружу, активным лишь или главным образом на поверхности или с нее. Индивидуальное существо должно найти себя, свое истинное существование; оно может сделать это, лишь уйдя внутрь, живя внутри и изнутри: ибо внешнее или наружное сознание, либо жизнь, отделенная от внутреннего Духа есть поле Неведения; такое сознание и такая жизнь могут превзойти себя и превзойти Неведение, лишь открывшись в необъятности внутреннего я и внутренней жизни. Если в нас есть трансцендентное существо, оно должно находиться в нашем тайном я; на поверхности есть лишь эфемерное природное существо, созданное ограничениями и обстоятельствами. Если в нас есть существо, способное на широту и универсальность, способное войти в космическое сознание, то и это существо должно находиться в нашем внутреннем существе; внешнее же сознание является физическим сознанием, привязанным к своим индивидуальным границам тройной связкой разума, жизни и тела: любая внешняя попытка достичь универсальности может привести либо к раздуванию эго, либо к стиранию личности из-за растворения в массе или подчинения массе. Лишь путем внутреннего роста, движения, действия может индивид свободно и эффективно универсализироваться и превзойти свое бытие. Для божественной жизни должно произойти перемещение центра и непосредственно источника динамического использования существа снаружи вовнутрь; ибо там находится душа, но она полностью или наполовину завуалирована, и наше непосредственное существо и источник действия находятся сейчас на поверхности. В людях, как говорят Упанишады, Само-Существующий прорезал наружу двери сознания, но немногие обращают глаза вовнутрь, и именно они видят и знают Дух и развивают духовное существо. Таким образом, смотреть вглубь самих себя и видеть, входить в самих себя и жить внутри — первая необходимость для трансформации природы и божественной жизни.

Это движение вовнутрь и житие внутри является трудной задачей, возложенной на обычное сознание человеческого существа; все же нет другого пути для само-обретения. Материалистический мыслитель, воздвигая противопоставление между экстравертом и интровертом, придерживается позиции экстраверта как наиболее безопасной: войти вовнутрь означает для него вступить в тьму или пустоту, либо потерять баланс сознания и стать психически нездоровым; такая внутренняя жизнь строится из внешних источников, и ее здоровье гарантируется лишь строгой опорой на ее благотворные и питательные внешние источники — баланс личностного разума и жизни может обеспечиваться лишь путем прочной поддержки внешней реальности, ибо материальный мир является для него единственной фундаментальной реальностью. Это может быть верно для физического человека, рожденного экстравертом, который ощущает себя творением внешней Природы; созданный ею и зависящей от нее, он потеряет себя, если уйдет вовнутрь: для него нет внутреннего бытия, нет внутренней жизни; он является не провидцем истинного внутреннего я и внутренних вещей, а маленьким ментальным человеком, который поверхностно смотрит внутрь себя и видит там не свое духовное я, а свое эго жизни, эго разума и нездорово поглощается движениями этого маленького жалкого карликового творения. Представление или переживание внутренней темноты при взгляде вовнутрь является первой реакцией ментальности, которая всегда жила на поверхности и не имела реализованного внутреннего существования; она имеет лишь сконструированное внутреннее переживание, зависящее от внешнего мира, чтобы иметь материал для своего бытия. Но для тех, в чью структуру вошла сила более внутренней жизни, движение ухода вовнутрь и житие внутри приносит не тьму или тупую пустоту, а расширение, прилив нового опыта, большее видение, большие способности, расширенную жизнь, бесконечно более реальную и разнообразную, чем первая мелочность жизни, сконструированной для себя нашим обычным физическим человечеством, приносит радость существа гораздо большую и более богатую, чем любой восторг существования, который внешний витальный или поверхностный

ментальный человек может обрести с помощью своей динамической витальной силы или деятельности, либо с помощью утонченности и расширения ментального существования. Молчание, вхождение в широкую или даже грандиозную или бесконечную пустоту составляет часть внутреннего духовного переживания; физический разум определенно боится этого молчания и пустоты, маленький поверхностный активный думающий или витальный разум избегает ее или питает к ней неприязнь, поскольку он путает молчание с ментальной и витальной неспособностью, а пустоту — с прекращением существования или не-существованием: но это молчание есть молчание Духа, что является условием для большего знания, силы и блаженства, и эта пустота — это пустота чаши природного существа, освобождение ее от ее мутного содержимого, так чтобы она смогла наполниться вином Бога; это переход не в не-существование, а к большему существованию. Даже если существо поворачивается к прекращению существования, это выход не в не-существование, а в некую необъятную невыразимость духовного бытия или погружение в непередаваемое сверхсознание Абсолюта.

В действительности, это внутреннее обращение и движение не является заострением в личностном я, это первый шаг на пути к истинной универсальности; он приносит нам истину как нашего внутреннего, так и внешнего существования. Ибо эта внутренняя жизнь может расширяться и охватить вселенскую жизнь, она может установить контакт, проникнуть, объять жизнь всего с гораздо большей реальностью и динамической силой, чем это вообще возможно в нашем поверхностной сознании. Наша самая большая универсализация на поверхности является бедной и хромой попыткой — это конструкция, вымысел, а не настоящая вещь: ведь в нашем поверхностном сознании мы привязаны к отделению сознания от сознания других и носим оковы эго. Там сама наша самоотверженность чаще всего является тонкой формой эгоизма или оборачивается более широким утверждением нашего эго; удовлетворенные своей позицией альтруизма, мы не видим, что она на самом деле является ширмой для навязывания нашего индивидуального я, наших идей, нашей ментальной и витальной личности, нашей нужды в расширении нашего эго, навязывания всего этого другим, кого мы захватываем в нашу расширенную орбиту. Насколько нам действительно удается жить для других — это достигается за счет внутренней духовной силы любви и симпатии; но сила и поле деятельности этой силы в нас малы, психическое движение, которое побуждает ее, не полно, его действие зачастую невежественное, потому что есть контакт разума и сердца, но наше существо не охватывает существа других как себя. Внешнее единство с другими всегда обречено быть внешним объединением и союзом внешних жизней с незначительным внутренним результатом; разум и сердце прикрепляют свои движения к этой общей жизни и существам этого союза; но общая внешняя жизнь остается основанием — это внутренне сконструированное единство или та часть эго, которая может выстоять несмотря на взаимное неведение и диссонансирующие эгоизмы, конфликт разумов, конфликт сердец, конфликт витальных темпераментов, конфликт интересов, является частичной и ненадежной суперструктурой. Духовное сознание, духовная жизнь обращает этот принцип построения; она основывает свое действие в коллективной жизни на внутреннем переживании и включении других в наше собственное бытие, на внутреннем ощущении и реальности тождества. Духовный индивид действует, исходя из этого ощущения тождества, которое дает ему непосредственное и прямое восприятие требования я от других я, нужды жизни, блага, работы любви и симпатии, которые на самом деле могут быть сделаны. Только реализация духовного единства, динамизация сокровенного сознания существа, я во всех существах, может основать божественную жизнь и управлять ее действием с помощью своей истины.

В гностическом или божественном существе, в гностической жизни, будет близкое и полное осознание я других, осознание их разума, жизни, физического существа, которые чувствуются как свои собственные. Гностическое существо будет действовать, исходя не из поверхностного чувства любви и симпатии или какого-либо аналогичного чувства, а из этого близкого взаимного осознания, этого сокровенного тождества. Все его действие в мире будет освещено истиной видения того, что надо сделать, ощущением воли Божественной Реальности в нем, и это будет делаться для Божественного в других и Божественного во всем, для осуществления истины цели всего, как это видится в свете высочайшего Сознания и на пути и шагами, через которые это должно быть осуществлено в силе Сверхприроды. Гностическое существо находит себя не только в собственном исполнении, являющемся исполнением Божественного Существа и Воли в нем, но и в исполнении других; его универсальная индивидуальность осуществляет себя движением Всего во всех существах на пути их большего становления. Гностический индивид видит божественную работу везде; все, что вливается от него в сумму этой божественной работы, от внутреннего Света, Воли, Силы, что работает в нем, является его действием. В нем нет отдельного эго, чтобы начинать что-либо; именно Трансцендентное и Универсальное через его универсализированную индивидуальность входят в действие вселенной. Как гностический индивид не живет ради отдельного эго, точно также он не живет ради цели какого-либо коллективного эго; он живет ради Божественного в себе, он живет в и ради Божественного в сообществе, в и ради Божественного во всех существах. Эта универсальность в действии, организованном все-видящей Волей в ощущении реализованного тождества всего, является законом его божественной жизни.

Следовательно, именно это духовное исполнение побуждения к индивидуальному совершенству и внутренней полноте существа мы в первую очередь подразумеваем, когда говорим о божественной жизни. Это является пер-

вым сущностным условием совершенной жизни на земле, и поэтому мы правы, делая предельное индивидуальное совершенствование нашим первым высочайшим делом. Совершенствование духовной и прагматической связи индивида со всем вокруг него является вторым нашим занятием; восполнение этого второго пробела кроется в полной универсальности и отождествлении со всей жизнью на земле, что является другим сопутствующим результатом эволюции в гностическое сознание и природу. Но все еще остается третий пробел — новый мир, перемена в полной жизни человечества или, в конце концов, новая совершенная жизнь в земной природе. Для этого должны появиться не только изолированные развитые индивиды, действующие в неразвитой массе, но и множество гностических индивидов, образующих новый вид существ и новую общую жизнь, превосходящую теперешнее индивидуальное и общее существование. Коллективная жизнь этого рода должна с очевидностью основываться на том же самом принципе, что и жизнь гностических индивидов. В нашем сегодняшнем человеческом существовании есть физическое сообщество, собранное и удерживаемое общей физической жизнью и всем, что вытекает из нее, есть сообщество по интересам, есть общая цивилизация и культура, есть общий социальный закон, совокупная ментальность, экономическая ассоциация, идеалы, эмоции, старания коллективного эго с прядью индивидуальных уз и связей, тянущихся через все и помогающих удерживать все вместе. Либо если есть разница, противостояние, конфликт, то там, из-за необходимости жить вместе, вводится практическое согласование или организованный компромисс; там возводится природный или сконструированный порядок. Это не будет гностическим божественным путем коллективного жития; ведь в гностическом способе будет связывать и скреплять все вместе не факт жизни, порождающий достаточно объединенное социальное сознание, а общее сознание, консолидирующее общую жизнь. Вся воля будет объединена эволюцией Сознания истины в индивидах; в измененном способе бытия, которое принесет это сознание, гностические существа будут ощущать себя воплощениями единственного *я*, душами единственной Реальности; озаренная и мотивированная фундаментальным единством знания, побуждаемая фундаментальной единой волей и чувством, жизнь, выражающая духовную Истину, найдет через них собственные природные формы становления. Там будет порядок, ведь истина тождества создает собственный порядок: там может быть закон или законы жития, но эти законы будут само-определяющимися; они явятся выражением истины духовно объединенного существа и истины духовно объединенной жизни. Целое образование общего существования будет само-построением духовных сил, которые должны спонтанно работать в такой жизни: эти силы будут внутренне восприниматься существами и выражаться или само-выражаться в естественной гармонии идеи, действия и цели.

Нарастающая механизация, стандартизация, фиксирование всего по общему образцу для обеспечения гармонии — это ментальный метод, и он не будет законом этого жития. Будет значительное свободное разнообразие между различными гностическими сообществами; каждое сообщество будет создавать собственное тело жизни духа: также будет значительное свободное разнообразие в само-выражении индивидов одного сообщества. Но это свободное разнообразие не явится хаосом и не будет порождать разногласие; ибо разнообразие одной Истины знания и одной Истины жизни явится корреляцией, а не противопоставлением. В гностическом сознании не будет настояния эго на личной идее и не будет давления или требования личной воли и интереса: вместо этого будет объединяющее ощущение общей Истины во многих формах, общего *я* во многих созданиях и телах; будет универсальность и пластичность, которые будут видеть и выражать Одно во многих образах и вырабатывать тождественность во всех разнообразиях как внутренне присущий закон Сознания Истины и своей природной истины. Единственная Сила Сознания, которую все будут осознавать и видеть себя ее инструментами, будет действовать через всех и гармонизировать их совместные действия. Гностическое существо будет чувствовать единственную созвучную ему Силу Сверхприроды, действующую во всем: оно будет принимать в себе ее формации и подчиняться или использовать знание и силу, которую она будет давать ему для божественной работы, но оно не будет побуждать или принуждать силу и знание в себе встать против силы и знания других или утверждать себя как эго, борющееся против других эго. Ведь духовное *я* обладает собственной неотъемлемой радостью и обилием, нерушимыми при любых условиях, обладает собственной бесконечностью истины существа: оно всегда чувствует это во всей полноте, какой бы ни была внешняя формулировка. Истина Духа внутри не будет зависеть от какой-либо частной формации; поэтому ему не нужно будет бороться ради какого-то особого внешнего формулирования и само-утверждения: форма будет пластично появляться, в подходящей связи с другими формулировками, и каждая — на собственном месте в общей формулировке. Истина гностического сознания и существа, утверждающая себя, сможет найти свою гармонию со всеми другими истинами существ вокруг. Духовное или гностическое существо будет ощущать свою гармонию со всей гностической жизнью вокруг себя, какова бы ни была его позиция в целом. В соответствии со своим местом в целом, гностическое существо будет знать не только, как вести или править, но и как подчиняться; и то, и другое будет доставлять ему равный восторг: ведь свобода Духа, из-за того, что она вечная, само-существующая и неотъемлемая, может столь же чувствоваться при служении и добровольном подчинении и приспособлении к другим *я*, как в мощи и правлении. Внутренняя духовная свобода может принять свое место в истине внутренней духовной иерархии, как и в истине, не несовместимой с ней, фундаментального духовного единства. Именно это само-устройство Истины, естественный порядок Духа, будет существовать в общей жизни различных ступеней и стадий эволюционирующей

шего гностического бытия. Единство — базис гностического сознания, взаимность — естественный результат его прямого осознания тождества в разнообразии, гармония — неизбежная мощь выработки его силы. Поэтому единство, взаимность и гармония должны быть неизбежным законом общей или коллективной гностической жизни. Какую форму она примет — это будет зависеть от воли эволюционной манифестации Сверхприроды, но это будет ее общим характером и принципом.

Таков целостный смысл, врожденный закон и необходимость перехода от чисто ментального и материального бытия и жизни к духовному и супраментальному бытию и жизни, так что освобождение, совершенство, самоисполнение, которое ищет существо в Неведении, может быть достигнуто лишь путем его перехода из сегодняшней природы Неведения в природу духовного знания себя и знания мира. Об этой большей природе мы говорим как о Сверхприроде, потому что она выше сегодняшнего уровня сознания и возможности существа в Неведении; но в действительности это его собственная истинная природа, высота и полнота ее, которой оно должно достичь, если ему суждено найти свое настоящее я и целостную возможность существа. Все, что происходит в Природе, должно быть результатом этой Природы, осуществлением того, что подразумевалось или присуще ей, ее неизбежным продуктом и следствием. Если наша природа предстает фундаментальным Несознанием и Неведением, с трудом достигающим несовершенного знания, несовершенной формулировки сознания и существа, то и результатом в нашем существе, жизни, действии и творении должно быть, как и есть сейчас, постоянное несовершенство и ненадежный половинчатый результат, несовершенная ментальность, несовершенная жизнь, несовершенное физическое существование. Мы стремимся сконструировать системы знания и системы жизни, с помощью которых мы могли бы достичь некоего совершенства нашего существования, некоего порядка правильных связей, правильного использования разума, правильного использования, счастья и красоты жизни, правильного использования тела. Но то, чего мы достигаем — это сконструированная полуправда, смешанная с львиной долей того, что неверно, неприятно и несчастливо; наши удачные построения из-за порока в них самих и из-за того, что разум и жизнь не могут нигде остановиться в своих поисках, подвержены разрушению, упадку, распаду своего порядка, и мы должны постоянно переходить к другим системам, оказывающимся в конечном счете не более успешными или долгоживущими, даже если та или другая сторона может быть более богатой или более рационально правдоподобной. Иначе и не может быть, потому что мы не можем построить ничего, что выходило бы за пределы нашей природы; несовершенные, мы не можем построить совершенство, сколь бы чудесной ни казалась нам машинерия, изобретаемая нашим ментальным мастерством, сколь бы внешне эффективной она ни была. Невежественные, мы не можем построить систему полностью верного и плодотворного знания себя или знания мира: сама наша наука является построением, множеством формул и приспособлений; мастеровитая в знании процесса и в создании подходящей машинерии, но не ведающая об основаниях нашего бытия и мирового бытия, наука не может совершенствовать нашу природу, и поэтому мы не можем совершенствовать нашу жизнь.

Наша природа и наше сознание являются природой и сознанием существ, не ведающих друг о друге, отделенных друг от друга, укоренившихся в раздельных эго, которое должно бороться, чтобы установить некоего рода связь между воплощенными неведениями; ведь в Природе есть позыв к единению, как и силы, подготавливающие единение. К настоящему времени созданы индивидуальные и групповые гармонии относительной ограниченной полноты, достигнуты социальные сплоченности; но в своей массе сформированные связи повсеместно сочетаются с несовершенной симпатией, несовершенным пониманием, грубым непониманием, борьбой, разногласием, несчастьем. Иначе и не может быть, пока нет истинного единения сознания, основанного на природе само-знания, пока нет внутреннего взаимного знания, внутренней реализации единства, согласования наших внутренних сил существа и внутренних сил жизни. В своем социальном построении мы трудимся, чтобы достичь некоего приближения к единству, взаимности, гармонии, потому что без них не может быть совершенной социальной жизни; но то, что мы строим, является сконструированным единством, союзом интересов и эго, принуждаемых законом и обычаем, и наложением искусственно созданного порядка, в которых интересы одних преобладают над интересами других, и лишь наполовину принятое и наполовину навязанное, наполовину естественное и наполовину искусственное соглашение удерживает социальное целое. Между сообществами есть еще худшее согласование с постоянно возобновляющейся борьбой одного коллективного эго против другого. Это самое лучшее, что мы можем сделать, и все наши настоятельные перестройки социального порядка не могут принести нам ничего лучшего, чем несовершенную структуру жизни.

И только если наша природа разовьется за свои пределы, если она станет природой само-знания, взаимного понимания, единства, природой истинного существа и истинной жизни, тогда результатом может стать совершенство нас самих и нашего существования, жизнь истинного существа, жизнь единства, взаимности, гармонии, жизнь настоящего счастья, гармоническая и прекрасная жизнь. Если наша природа фиксирована в том, чем она является, чем она уже стала, тогда никакое совершенство, никакое настоящее и длительное счастье не возможно в земной жизни; тогда нам бесполезно искать совершенства и делать самое лучшее из того, на что мы способны со своим несовершенством, либо мы должны искать его где-то в другом месте, в супраземном будущем, либо мы должны идти за пределы всех таких поисков и превзойти жизнь путем растворения природы и эго в некоем Абсолюте, из

которого вышло это наше странное и неудовлетворенное существо. Но если в нас есть духовное существо, которое медленно появляется, и наше сегодняшнее состояние является лишь несовершенством или полу-появлением, если Несознательное является стартовой точкой, содержащей в себе потенциальность Сверхсознания и Сверхприроды, которая должна развиться, вуалью видимой Природы, в которой сокрыто это большее сознание и из которой оно должно развернуться, если эволюция существа является законом, тогда то, что мы ищем, не только возможно, но и составляет часть окончательной необходимости вещей. Это наша духовная судьба — проявить Сверхприроду и стать ею — ибо это природа нашего настоящего я, нашего все еще оккультного, из-за неразвитости, целостного существа. Тогда природа единства неизбежно принесет свой жизненный результат единства, взаимности, гармонии. Внутренняя жизнь, пробужденная к полному сознанию и полной силе сознания, произведет тогда свой неизбежный плод во всех, кто имеет ее — само-знание, совершенное существование, радость удовлетворенного существа, счастье наполненной природы.

Врожденным характером гностического сознания и инструментария Сверхприроды является целостность видения и действия, единство знаний, примирение всего того, что видится противоположным в нашем ментальном видении и знании, тождество Знания и Воли, действующих как единая сила в совершенном согласии с истиной вещей; этот врожденный характер Сверхприроды является основанием совершенного единства, взаимности, гармонии ее действия. В ментальном существе есть разлад сконструированного им знания с реальной или целостной истиной вещей, так что даже то, что истинно в нем, зачастую или в конечном счете неэффективно или лишь частично эффективно. Наши открытия истины опровергаются, наши страстные осуществления истины срываются; зачастую результат нашего действия становится частью схемы, которую мы не подразумевали для цели, законность которой нам известна, поскольку истина идеи вводится в заблуждение фактическим исходом прагматического успеха. Даже если идея успешно реализовалась, то все же, из-за того, что она является неполным, изолированным построением разума, отделенной от одной и полной истины вещей, то ее успех рано или поздно кончается в разногласии и новой попытке. Разногласие нашего видения и наших представлений с настоящей истиной и полной истиной вещей, частичность и поверхностность обманывающих построений нашего разума является причиной крушения наших планов. Но есть не только разногласие знаний, есть также разногласие воли, как и разногласие знания и воли в одном и том же существе; между ними есть деление и дисгармония, так что там, где знание зрелое или достаточное, некая воля в существе противостоит ему или подводит его; там, где воля мощная, напористая, либо надежная и действительно эффективная, не хватает знания, направляющего ее к верному использованию. Всевозможная несоразмерность, неправильное приспособление и неполнота нашего знания, воли, способности, исполнительной силы и поведения постоянно переплетаются в нашем действии, в нашей выработке жизни и являются обильным источником несовершенства и неэффективности. Эти разногласия, дефекты и дисгармонии нормальны для статуса и энергии Неведения и могут быть растворены лишь при помощи большего света, чем свет природы разума и природы жизни. Тождественность, подлинность, гармония истины является родным характером всякого гностического видения и действия; по мере того, как разум растет в гнозис, наше ментальное видение и действие, поднятое в гностический свет или навешаемое и управляемое им, начинает разделять этот характер и, даже все еще ограниченное и зажатое в своих границах, должно становиться гораздо более совершенным и действенным в пределах своих границ: причины нашей неспособности и крушения наших планов начинают уменьшаться и исчезать. Но большее существование наполнит разум и потенциальностями большего сознания и большей силы, выявит новые силы существа. Знание есть мощь и действие сознания, Воля есть сознательная мощь и сознательное действие силы существа; в гностическом существе и то, и другое достигнет больших размахов, чем известные нам сейчас, достигнет более высокой степени, обретет более богатый инструментарий: ведь везде, где растет сознание, растет и потенциальная сила и действенная мощь существования.

В земной формулировке Знания и Силы эта взаимосвязь не вполне видна, потому что там само сознание сокрыто в изначальном Несознании, а природная сила и ритм его мощностей в своем проявлении уменьшены и расстроены несоответствиями и покровами Неведения. Там Несознательное является изначальной, могущественной и автоматически действующей Силой, а сознательный разум предстает лишь малым трудящимся посредником; но так получается из-за того, что сознательный разум в нас имеет ограниченное индивидуальное действие, а Несознательное является безмерным действием универсального сокрытого Сознания: космическая Сила, замаскированная как материальная Энергия, скрывает от нашего видения настоящей материальностью процесса тот оккультный факт, что работа Несознательного является на самом деле выражением необъятной вселенской Жизни, завуалированного вселенского Разума, Сокрытого Гнозиса, и без этих истоков она не могла бы иметь ни силы действия, ни организующей связности. Жизненная Сила в материальном мире тоже кажется более динамической и эффективной, чем Разум; наш Разум свободен и полностью силен только в идеи и в познании: его сила действия, его мощь осуществления всего этого ментального поля обязана работать с Жизнью и Материей в качестве своих инструментов, и, при условиях, наложенных на него Жизнью и Материей, наш Разум стеснен и полу-действенен. Но даже при этих условиях мы видим, что сила Природы в ментальном существе гораздо более могущественна при обращении с

ним самим и с Жизнью и Материей, чем сила Природы в животных; именно эта более значительная сила сознания и знания, более значительная появившаяся сила существа и воли составляет это превосходство. В самой человеческой жизни кажется, что витальный человек имеет более солидную динамику действия, чем ментальный человек, из-за превосходства в кинетической жизненной силе: интеллеktуал склонен быть эффективным в мышлении, но не эффективным в силе над миром, тогда как кинетический витальный человек действия господствует в жизни. Но именно использование Разума дает возможность ментальному человеку полностью разрабатывать свое превосходство и, в конечном счете, благодаря силе своего знания, своей науке, ментальный человек способен расширить свое мастерство далеко за пределы того, что Жизнь в Материи могла бы исполнить с помощью своих агентов или того, что витальный человек смог бы свершить с помощью своей жизненной силы и своего жизненного инстинкта без прироста действительного знания. А когда появится еще большее сознание и заменит стесненные операции ментальной Энергии в нашей слишком индивидуализированной и ограниченной силе существования, тогда должна будет придти безмерно большая сила над существованием и над Природой.

Определенное коренное подчинение Разума Жизни и Материи и принятие этого подчинения, неспособность сделать закон Разума напрямую главенствующим и модифицировать его силами более слепого закона и операциями низших сил существа, сохраняется даже посреди нашего самого большого господства над я и вещами; но это ограничение не непреодолимо. Оккультное знание показывает нам — и динамические силы духовного знания говорят то же самое — что это подчинение Разума Материи, подчинение Духа низшему закону Жизни является не тем, чем поначалу кажется — фундаментальной обусловленностью вещей, нерушимым и неизменным правилом Природы. Величайшее, самое важное природное открытие, которое человек может сделать, состоит в том, что Разум, и в еще большей степени сила Духа, многими опробованными и еще не опробованными путями и во всех направлениях могут — с помощью собственной природы и прямой силы, а не только благодаря устройствам и приспособлениям, таким как высший материальный инструментарий, открытый Наукой — преодолеть и взять под контроль Жизнь и Материю. Эта прямая сила сознания, это прямое действие силы существа, его свободное господство и контроль над Жизнью и Материей будут совершенствоваться в эволюции гностической сверхприроды и достигнут в ней своей высшей точки. Ибо большее знание гностического существа не будет заключаться во внешне приобретенном или выученном знании, а будет являться результатом эволюции сознания и силы сознания, новой динамизацией существа. Как следствие, гностическое существо будет пробуждено к и обладать многими вещами, ясным и полным знанием я, прямым знанием других, прямым знанием скрытых сил, прямым знанием оккультного механизма Разума, Жизни и Материи, что находится за пределами нашего сегодняшнего достижения. Это новое знание и действие знания будет базироваться на непосредственном интуитивном сознании вещей и непосредственном интуитивном контроле над вещами; действенная пронизательность, сверхчеловеческая сейчас для нас, будет обычной работой этого сознания, и интегральная гарантированная эффективность как в масштабах действия, так и в его деталях, явится результатом этого изменения. Ведь гностическое существо будет находиться в согласии и общности с Сознательной Силой, лежащей в корне всего: его видение и его воля явятся каналом Идеи Реальности, само-действенной Силы Истины; его действие будет свободным проявлением силы и работой причинной Силы существования, силы всеопределяющего сознательного Духа, чьи формулировки сознания неизбежно вырабатываются в Разуме, Жизни и Материи. Действуя в свете и силе супраментального знания, развивающееся гностическое существо будет все больше и больше овладевать собой, силами сознания, энергиями Природы, своим инструментарием Жизни и Материи. В меньшем статусе, на промежуточных стадиях или формациях развивающейся гностической природы эта сила не будет развернута во всей своей полноте: но в некоторой степени ее деятельность уже будет присутствовать; зарождающаяся и нарастающая по мере подъема по пикам сознания, эта сила явится естественным сопровождением роста сознания и знания.

Новая сила и силы сознания явятся тогда неизбежным следствием эволюции Сознательной Силы, перешедшей за пределы Разума к высшему познавательному и динамическому принципу. В своей сущностной природе эти новые силы должны иметь характер контроля Разума над Жизнью и Материей, сознательной воли Жизни и силы Жизни — над Материей, духа — над разумом, жизнью и материей; они также примут характер разрушения барьеров между душами, между умами, между жизнями: такое изменение будет совершенно необходимо для инструментария гностической жизни. Ведь полное гностическое или божественное житие будет включать в себя не только индивидуальную жизнь существа, но и жизнь других, сделанную одной с индивидуальной жизнью в общем объединяющем сознании. Такая жизнь должна иметь в качестве своей учреждающей силы спонтанное и врожденное, не сконструированное, единство и гармонию; это может придти лишь благодаря большему тождеству существа и сознания между индивидами, унифицированными в своей духовной субстанции, в ощущении себя я и я одного само-существования, действующими в большей унитарной силе сознания, в большей мощи существа. Должно быть внутреннее и прямое взаимное знание, основанное на сознании тождества и единства, на осознании существ друг друга, мыслей друг друга, чувств друг друга, внутренних и внешних движений друг друга, на сознательном сообщении разумов, сердец, на сознательном взаимодействии жизней, на сознательном взаимообмене сил существ; при

каком-либо отсутствии или ущербности этих сил и при их сопротивлении свету не может быть настоящего или полного единства, либо настоящей и полной естественной стыковки существ, мыслей, чувств, внутренних и внешних движений каждого индивида с другими индивидами вокруг него. Можно сказать, что растущий базис и структура сознательного единогласия явится характером этой более развитой жизни.

Гармония есть естественное правило Духа, это внутренне присущий закон и спонтанное следствие единства во множественности, единства в многообразии, различных проявлений тождества. В чистом и пустом единстве на самом деле не может быть места для гармонии, ведь в таком единстве нечего гармонизировать; в полном или управляемом многообразии должно быть либо разногласие, либо состыковка различий, сконструированная гармония. Но в гностическом единстве во множественности гармония будет присутствовать как спонтанное выражение единства, а это спонтанное выражение предполагает взаимность сознания, осознающего другое сознание с помощью прямого внутреннего контакта и обмена. В инфрарациональной жизни гармония гарантируется инстинктивным тождеством природы и тождеством действия природы, инстинктивным сообщением, инстинктивным или прямым витально-интуитивным чувством-пониманием, с помощью которых способны сотрудничать друг с другом индивидуальные животные или сообщества насекомых. В человеческой жизни это замещено пониманием через чувствование и ментальное восприятие, и сообщение идет с помощью речи, но эти средства несовершенны, и гармония и сотрудничество неполные. В гностической жизни, в жизни сверхразума и сверхприроды само-осознающее духовное единство бытия и духовное сознательное сообщество и обмен природы явятся глубокими и обширными корнями понимания: эта более широкая жизнь разовьет новые высшие средства и силы внутреннего единения сознания с сознанием; сокровенность внутренне и напрямую сообщающихся сознаний, мыслей, видений, чувств, жизней, телесных осознаний будет естественным базисным инструментарием. Все эти новые силы, вбирающие старые внешние инструменты и использующие их в качестве подчиненных средств с гораздо большей силой и к большей цели, будут поставлены на службу само-выражения Духа в глубоком тождестве существа и жизни.

Эволюция врожденных и скрытых, но еще не развитых сил сознания не признается современным разумом, потому что это превосходит нашу сегодняшнюю формулировку Природы и кажется нашему невежественному предубеждению, основанному на ограниченном опыте, принадлежащим сверхъестественному, чудотворному и оккультному; ведь это превосходит известное действие материальной Энергии, которая сейчас обычно принимается как единственная причина и образ действий вещей и единственный инструментарий Мировой Силы. Человеческая выработка чудес, открытие и развитие сознательным существом инструментария материальных сил, превосходящего все, что Природа сама организовала, принимается как естественный факт и почти неограниченная перспектива нашего существования; пробуждение же, открытие инструментария сил сознания и духовных, ментальных и жизненных сил, превосходящих все, что Природа или человек когда-либо организовали, не считается возможным. Но в такой эволюции не будет ничего сверхъестественного или чудотворного, за исключением того, насколько это будет сверхприродой или природой, превосходящей нашу, точно также, как человеческая природа является сверхприродой и высшей природой по отношению к природе животных, растений или материальных объектов. Наш разум и его силы, наше использование рассудка, наша ментальная интуиция и прозрение, речь, возможности философского, научного, эстетического открытия истин и потенциалов бытия и контроль над его силами составляют произошедшую эволюцию: все же она покажется нам невозможной, если мы будем базироваться на ограниченном животном сознании и его возможностях; ведь там нет ничего, что могло бы подтвердить такое удивительное продвижение. Но все же в животном есть смутные начальные проявления, рудиментарные элементы или остановленные возможности, для которых наш разум и интеллект со своими необычайными достижениями означают невообразимое путешествие от бедного и необещающего пункта отправления. Аналогично, рудименты духовных сил, принадлежащих гностической Сверхприроде, уже есть даже в нашем обычном строении, но они редко когда задействованы. Не будет иррациональным предположить, что на этой гораздо более высокой стадии эволюции аналогичное, но более значительное продвижение, стартующее от этих рудиментарных начал, может привести к другому грандиозному развитию.

Из мистического опыта — когда есть открытие внутренних центров, либо другими путями, спонтанно или с помощью воли или усилия, либо в ходе духовного роста — известно о развитии новых сил сознания; они предстают как автоматическое следствие некоего внутреннего открытия или как отклик на зов в существе, так что искателю обычно рекомендуется не охотиться за этими силами, не принимать и не использовать их. Это отвержение логично для тех, кто ищет отхода от жизни; ведь всякое принятие большей силы привязывало бы к жизни или ложилось бы бременем на пути голого и чистого побуждения к освобождению. Безразличие ко всем прочим целям и исходам естественно для искателя, любящего Бога, ищущего Бога ради Него самого, а не для обретения силы или любого другого низшего тяготения; преследование этих заманчивых, но зачастую опасных сил, явилось бы отклонением от цели. Аналогичное отвержение является необходимым само-ограничением и духовной дисциплиной для незрелого искателя, поскольку такие силы могут ввергать в большую, даже смертельную опасность, ведь их сверхъестественность может легко раздуть в нем чудовищное эго. Стремящийся к совершенству может опасаться самой этой цели как искушения, потому что сила может как возвышать, так и приводить к падению; ничто другое так не подвержено

неправильному использованию. Но когда новые способности приходят как неизбежный результат роста в большее сознание и в более широкую жизнь, и этот рост является частью самой цели духовного существа внутри нас, тогда этот запрет не действует; ведь рост существа в Сверхприроду и его жизнь в Сверхприроде не могут происходить или не могут быть полными без принесения большей силы сознания и большей силы жизни, а также спонтанного развития инструментария знания и силы, нормального для этой Сверхприроды. В этой будущей эволюции существа нет ничего, что могло бы считаться иррациональным или невероятным; в ней нет ничего ненормального или чудотворного: это явится необходимым курсом эволюции сознания и его сил в переходе от ментальной к гностической и супраментальной формулировке нашего существования. Это действие сил Сверхприроды будет естественной, обычной и спонтанной простой работой нового более высокого и большего сознания, в котором существо входит в процесс собственного само-развития; гностическое существо, принимая гностическую жизнь, будет развивать и использовать силы этого большего сознания, точно также, как человек развивает и использует силы своей ментальной природы.

Очевидно, что такой прирост силы или сил сознания будет не только нормальным, но и совершенно необходимым для большей и более совершенной жизни. Человеческая жизнь со своей частичной гармонией, насколько эта гармония не поддерживается наложением установленного закона и порядка на индивидов через частично желаемое, частично вынужденное, частично навязанное или неизбежное принятие, покоится на взаимном соглашении освещенных и заинтересованных элементов в их умах, сердцах, жизненном чувстве, на согласии на составном теле общих идей, желаний, витальных удовлетворений, целей существования. Но в массе составляющих индивидов есть несовершенное понимание и несовершенное знание идей, жизненных целей, жизненных мотивов, принятых ими, есть несовершенная сила в их осуществлении, несовершенная воля, чтобы поддерживать их всегда нетронутыми, полностью проводить их или вести жизнь к большому совершенству; есть элементы борьбы и раздора, масса подавленных или неисполненных желаний и разочарованных волей, кипящая сдерживаемая неудовлетворенность, либо любого рода настороженное или взрывное недовольство, либо неравно удовлетворенные интересы; врываются новые идеи, жизненные мотивы, которые невозможно скореллировать, не внося переворота и возмущения; в человеческих существах и в их окружении работают жизненные силы, расходящиеся с построенной гармонией, и нет полной силы, чтобы преодолеть разногласия и неувязки, порожденные сталкивающимся разнообразием умов и жизней, а также атаками разрушающих сил вселенской Природы. Не хватает духовного знания и духовной силы, силы над я, силы, рожденной из внутреннего единения с другими, силы над окружающими или вторгающимися мировыми силами, силы, полностью видящей и полностью снабженной мощью осуществления знания; нам не хватает именно этих способностей, принадлежащих самой субстанции гностического существа, ибо они внутренне присущи свету и динамике гностической природы.

Но, в дополнении к несовершенному согласованию индивидов, составляющих общество, умы и жизни самих индивидов побуждаются силами, не находящимися в согласии друг с другом; наши попытки согласовать их несовершенны, и еще более несовершенна наша сила интегрально или удовлетворительно исполнить любую из них в жизни. Так, закон любви и симпатии естественен для нашего сознания; по мере того, как мы растем в Духе, его требование нарастает: но есть и требование интеллекта, напор витальной силы и ее импульсов в нас, претензии и давления многих других элементов, что не совпадает с законом любви и симпатии, а также мы не знаем, как вписать все это в целостный закон существования или воздать любому элементу или всем им либо справедливо и полностью эффективно, либо императивно. Для того, чтобы сделать их согласованными и деятельно полезными во всем существе и всей жизни, мы должны расти в более полную духовную природу; благодаря этому росту мы должны начать жить в свете более высокого, более широкого и более интегрального сознания, для которого знание и сила, любовь и симпатия и игра жизненной воли являются естественными и вечно присущими согласованными элементами; мы должны двигаться и действовать в свете Истины, которая интуитивно и спонтанно видит все, что и как нужно сделать, и интуитивно и спонтанно исполняет себя в действии и силе, вбирая их истины в эту интуитивную спонтанность, вбирая всю комплексность нашего существа в свою простую духовную и возвышенную нормальность и заполняя все шаги Природы их гармонизированными реальностями.

Должно быть очевидно, что никакое рациональное связывание или изобретательность ментального построения не может согласовать или гармонизировать эту комплексность; только интуиция и само-знание пробужденного Духа способны на это. Это будет природой развитого супраментального существа и его существованием; его духовное знание и чувство будет вбирать все силы существа в объединяющем сознании и приводить их в обычное состояние согласованного действия: ибо это согласие и созвучие являются истинным обычным состоянием Духа; разногласие, дисгармония нашей жизни и нашей природы не нормальны для Духа, хотя они нормальны для жизни Неведения. В действительности, из-за того, что состояние Неведения не нормально для Духа, знание внутри нас не удовлетворено и стремится к большей гармонии нашего существования. Это согласие и созвучие всего существа, естественное для гностического индивида, будет равным образом естественно для сообщества гностических существ; ведь гностическое знание будет нести в себе совершенное понимание сознания Неведения, и поэтому для учреждений гности-

ческой жизни не будет невозможным гармонизировать свое существование с существованием всей менее развитой жизни, со-существующей с ней в земной природе.

Если это является нашей эволюционной судьбой, нам остается увидеть, находимся ли мы в этом месте эволюционного продвижения — продвижения, которое шло скорее циклически или по спирали, чем по прямой линии, или, по меньшей мере, по зигзагообразной кривой — и какова перспектива какого-либо поворота к решительному шагу в ближайшем или обозримом будущем. В нашем человеческом стремлении к личному совершенству и совершенству жизни расы намечаются элементы будущей эволюции, и за них борются, но в путанице полуосвещенного знания; есть расхождение между необходимыми элементами, противостоящими акцентами и избытком рудиментарно неудовлетворительных и плохо согласованных решений. Происходит раскачивание между тремя принципами нашего идеализма — полностью единоличное развитие человеческого существа в себе, когда предпочтение отдается индивиду, полное развитие коллективного бытия, когда предпочтение отдается обществу, и более прагматически поставленный принцип совершенных или наилучших из возможных связей индивида с индивидом и обществом, а также сообщества с сообществом. Исключительное и предпочтительное ударение ставится иногда на индивида, иногда — на сообщество или общество, иногда — на верную и сбалансированную связь между индивидом и коллективным человеческим целым. Согласно первому представлению, растущая жизнь, свобода или совершенство человеческого индивида является конечной целью нашего существования — будь то идеал лишь просто свободного самовыражения личного существа или идеал само-управляющейся целостности законченного разума, прекрасной и обильной жизни и совершенного тела, или идеал духовного совершенства и освобождения. С этой точки зрения общество является лишь полем деятельности и роста индивидуального человека, и оно лучше всего справляется со своими функциями, когда предоставляет насколько можно более широкое пространство, обильные средства, достаточную свободу или руководство для развития мышления индивида, его действия, его роста, его возможности полноты существа. Противоположное представление придает коллективной жизни первейшее или единственное значение; существование, рост расы есть все: индивид должен жить для общества и человечества, либо даже он является лишь ячейкой общества и не имеет другой пользы или цели при своем рождении, никакого другого смысла своего присутствия в Природе, никакой другой функции. Или же утверждается, что нация, общество, сообщество являются собой коллективное существо, раскрывающее свою душу в культуре, силе жизни, идеалах, воплощениях, на всех своих путях самовыражения; индивидуальная жизнь должна отлить себя в этой культурной оболочке, служить этой силе жизни, быть удовлетворенной тем, чтобы существовать лишь как инструментальный для поддержания и действительности коллективного существования. Согласно третьему представлению, совершенство человека лежит в его этических и социальных связях с другими людьми; он является социальным существом и должен жить для общества, для других, на пользу расе: общество тоже служит всем индивидам, давая им правильные связи, воспитание, образование, экономические возможности, правильное обрамление жизни. В древних культурах самое большое ударение делалось на сообщество и пригонку индивида к сообществу, но также росла идея о совершенном индивиде; в древней Индии господствовала идея о духовном индивиде, но и обществу придавалось чрезвычайное значение, потому что именно в обществе и под его формирующим влиянием индивид должен прежде всего пройти через социальный статус физического, витального, ментального бытия, удовлетворяя свои интересы и желания, преследуя знание, ведя правильную жизнь, прежде чем он сможет подготовиться к более истинной само-реализации и свободному духовному существованию. В последнее время весь упор делался на жизнь расы, на поиск совершенного общества, и совсем недавно — на сосредоточение на правильной организации и научной механизации жизни человечества в целом; сейчас индивид рассматривается скорее лишь как член сообщества, единица расы, чье существование должно быть подчинено общим целям и общему интересу организованного общества, и в гораздо меньшей степени или вовсе не считается индивид ментальным или духовным существом с собственным правом и силой существования. Эта тенденция еще не везде достигла своего верха, но везде она быстро нарастает и идет к своему преобладанию.

Так, по превратности человеческого мышления, индивид с одной стороны движим или побуждаем открывать и преследовать собственное само-утверждение, собственное развитие разума, жизни тела, собственное духовное совершенство; с другой стороны, индивид призывается стереть себя и подчинить себя сообществу и принять как свои собственные его идеи, идеалы, волю, инстинкты и интересы. Индивид движим Природой жить для себя, а нечто глубоким внутри себя — утверждать свою индивидуальность; он призывается обществом и определенным ментальным идеализмом жить для человечества и для большего блага сообщества. Принцип я и его интересы сталкиваются с принципом альтруизма и противостоят ему. Государство возводит свое божество и требует от индивида покорности, подчинения, повиновения, жертвоприношения; индивид должен утверждать вопреки этой непомерной претензии права своих идеалов, своих идей, своей личности, своего сознания. Очевидно, что весь этот конфликт стандартов является поиском на ощупь ментального неведения человека, стремящегося найти свой путь и схватывающего различные стороны истины, но неспособного гармонизировать их вместе из-за недостатка интегрального знания. Только объединяющее и гармонизирующее знание может найти путь, но это знание принадлежит более глубокому

принципу нашего существа, которому родственно тождество и интегральность. И только найдя это в себе, сможем мы решить проблему нашего существования, и вместе с ней — проблему истинного способа индивидуальной и общественной жизни.

Существует Реальность, истина всего существования, более значительная и более постоянная, чем все ее формации и манифестации; найти эту истину и Реальность и жить в ней, достичь самой совершенной манифестации из возможных и ее формации — это должно быть секретом совершенства будь то индивидуального или коллективного существа. Эта Реальность присутствует внутри каждой вещи и придает каждой из своих формаций свою силу бытия и ценность бытия. Вселенная является манифестацией Реальности, и есть истина вселенского существования, Мощь космического бытия, *я* всего и мировой дух. Человечество является формацией или манифестацией Реальности во вселенной, и есть истина и *я* человечества, дух человечества, судьба человеческой жизни. Сообщество является формацией Реальности, манифестацией духа человека, и есть истина, *я*, мощь коллективного бытия. Индивид является формацией Реальности, и есть истина индивида, индивидуального *я*, души или духа, который выражает себя через индивидуальный разум, жизнь и тело и может выразить себя также в чем-то, что выходит за пределы человечества. Ведь человечество не составляет всю Реальность или наилучшее само-формирование или само-выражение — до человека Реальность принимала инфрачеловеческую формацию и само-творение, и после него или в нем может принять супрачеловеческую формацию и само-творение. Индивид как дух или существо не ограничен в пределах своего человечества; он был чем-то меньшим, чем человек, он может стать чем-то большим, чем человек. Вселенная находит себя через него, как и он находит себя во вселенной, но он способен стать чем-то большим, чем вселенная, поскольку он может превзойти ее и войти в нечто в себе и в ней и за пределами нее, в абсолюте. Индивид не ограничен пределами сообщества; хотя его разум и жизнь составляют, до известной степени, часть коллективного разума и жизни, все же в нем есть нечто, что может выйти за их пределы. Сообщество существует благодаря индивидам, ведь разум, жизнь и тело сообщества составлены разумом, жизнью и телом входящих в него индивидов; если уничтожить индивидов или разогнать их, то и само существование сообщества будет уничтожено или упразднено, хотя некий дух или его сила может снова обрести форму в других индивидах: но сам индивид не является простой ячейкой коллективного существования; он не прекратит своего существования, если его отделить или изгнать из общей массы. Ведь коллектив, сообщество даже не составляет целого человечества и не является миром: индивид может существовать и находить себя где угодно в человечестве или в мире. Если сообщество имеет жизнь, доминирующую над жизнью входящих в него индивидов, все же эта жизнь не составляет всей их жизни. Если сообщество имеет свое существо, которое оно стремится утвердить при помощи жизней индивидов, то и индивид имеет тоже имеет собственное существо, которое он стремится утвердить в жизни сообщества. Но индивид не привязан к этому, он может утвердить себя в другой коллективной жизни или, если он достаточно силен, в существовании странника или в уединенности отшельника, где, если и не может преследовать или достичь полной материальной жизни, но он может существовать духовно и найти собственную реальность и постоянно пребывающее *я* существа.

В действительности, индивид является ключом эволюционного движения; ведь именно индивид находит себя, начинает сознавать Реальность. Движение коллектива по большей части является подсознательным движением массы; чтобы стать сознательным, оно должно формулировать и выражать себя через индивидов: его общее массовое сознание всегда менее развито, чем сознание его наиболее развитых индивидов, и оно прогрессирует лишь постольку, поскольку приемлет их отпечаток или развивает то, что они развивают. Индивид не обязан быть предан ни Государству, являющемуся машиной, ни сообществу, которое составляет только часть его жизни и не является всей жизнью: индивид должен быть предан Истине, *Я*, Духу, Божественному в себе и во всем; не подчиняться массе и не терять себя в ней, а находить и выражать истину существа в себе и помогать сообществу и человечеству в его поиске собственной истины и полноты бытия должно быть его настоящей целью существования. Но степень, в которой сила индивидуальной жизни или духовная Реальность внутри индивида становится действенной, зависит от его собственного развития: пока он неразвит, он должен подчиняться многими способами свое неразвитое *я* всему, что превосходит его. По мере своего развития индивид движется к духовной свободе, но эта свобода не является чем-то совершенно отделенным от все-существования; есть солидарность с этим все-существованием, потому что это тоже *я*, тот же самый Дух. По мере того, как индивид движется к духовной свободе, он движется и к духовному тождеству. При реализованной духовности освобожденный человек занят, как говорит Гита, благом всех существ; Будда, открывающий путь Нирваны, должен повернуть назад, чтобы открыть этот путь тем, кто все еще находится под иллюзией сконструированного, вместо настоящего бытия — или не-бытия; Вивекананда, притягиваемый Абсолютом, тоже чувствует зов замаскированного Божества в человечестве и, больше всего, зов падших и страдающих, зов *я*, направленный к *я* в темном теле вселенной. Для пробужденного индивида реализация истины его внутреннего существа и его внутреннее освобождение и совершенство должны быть его главным поиском — прежде всего, из-за того, что это зов Духа в нем, но также из-за того, что только путем освобождения и совершенства и реализации истины существа может человек достичь истины жизни. Совершенное сообщество тоже может существовать лишь

благодаря совершенству его индивидов, а совершенство может придти лишь путем открытия и утверждения в жизни каждым индивидом собственного духовного существа и открытия всеми их духовного единства и прорастающего оттуда единства жизни. Для нас не может быть настоящего совершенства, кроме как благодаря внутреннему *я* и истине духовного существования, вбирающих в себя всю истину инструментального существования и придающих ему единство, интеграцию, гармонию. Как единственной нашей настоящей свободой является открытие и освобождение духовной Реальности внутри нас, так и единственным нашим средством истинного совершенства является верховная власть и само-исполнение духовной Реальности во всех элементах нашей природы.

Наша природа комплексна, и мы должны найти ключ к некоторому совершенному единству и полноте этой сложности. Ее первым эволюционным базисом является материальная жизнь: Природа начала с нее, и человек тоже должен начинать с этого; сначала он должен утвердить свое материальное и витальное существование. Но если он на этом остановится, для него не может быть эволюции; его следующее и более значительное занятие должно заключаться в том, чтобы найти себя в качестве ментального существа в материальной жизни — как индивидуальной, так и социальной — настолько совершенно, насколько это возможно. Это то направление, которое древнегреческий идеал придал европейской цивилизации, и оно было подкреплено — или ослаблено — древнеримским идеалом организующей силы: культ рассудка, толкование жизни интеллектуальной мыслью, критической, утилитарной, организующей и конструктивной, управление жизни Наукой — вот последний продукт этой вдохновляющей идеи. Но в древние времена высшим созидательным и динамическим элементом было преследование идеальной истины, блага и красоты, а также отливка разума, жизни и тела в совершенство и гармонию этого идеала. За пределами этого занятия и над ним, как только разум достаточно развит, в человеке пробуждается духовное занятие, открытие *я* и сокровенной истины существа и высвобождение разума и жизни человека в истину Духа, совершенствование силой Духа, солидарность, единство, взаимность всех существ в Духе. Таков был Восточный идеал, донесенный Буддизмом и другими древними дисциплинами до побережья Азии и Египта, и оттуда влитый в Европу с помощью Христианства. Но эти мотивы, вспыхнувшие на время как тусклые факельные огоньки в сумятице и тьме, порожденной варварским нашествием, поглотившим старые цивилизации, были оставлены современным духом, который нашел себе другой свет — свет Науки. Современный дух искал экономической социальной окончательности — идеальной материальной организации цивилизации и комфорта, использования разума, науки и образования для обобщения утилитарной рациональности, которая сделала бы индивида совершенным социальным существом в совершенном экономическом обществе. От духовного идеала остался лишь — на некоторое время — ментализированный и морализированный гуманизм, освобожденный от религиозной окраски, и социальная нравственность, которая считалась вполне достаточной для того, чтобы занять место религиозной и индивидуальной этики. Так продолжалось до тех пор, пока раса не обнаружила, что она погоняется собственным импульсом, ввергающим ее в субъективный хаос и хаос ее жизни, в котором были опрокинуты все принятые ценности, и казалось, что всякая почва уходит из-под ее социальной организации, руководства и культуры.

По отношению к тому идеалу, этот упор на материальную и экономическую жизнь был на самом деле цивилизованным возвращением к первому состоянию человека, к его раннему варварскому состоянию и его преобладающему занятию жизнью и материей, это было духовным регрессом с ресурсами, поставляемыми разумом развитого человечества, и полностью развитой Наукой, находящейся в его распоряжении. В качестве элемента в тотальной комплексности человеческой жизни этот упор на совершенное экономическое и материальное существование нашел свое место в целом: ведь он делался ради всего человечества, ведь эволюция полна опасностей. Первая опасность — это возрождение старого витального и материального примитивного варварства в цивилизованной форме, и средства, которые поставляет нам Наука, устраняют опасность ниспровержения и разрушения изнеженной цивилизации более сильными примитивными людьми, но тогда возникает опасность возрождения варварства в нас самих, в цивилизованном человеке, и мы видим это вокруг себя. Ведь варварство непременно придет, если нет высокого и сильного ментального и морального идеала, контролирующего и поднимающего витального и физического человека в нас, и если нет духовного идеала, высвобождающего человека в его внутреннее существо. И даже если мы отделились от этого рецидива, есть и другая опасность — ведь другим исходом может стать оставление эволюционного позыва, кристаллизация в стабильном комфортабельном механизированном социальном житии без идеала или перспективы. Разум сам по себе не может долго поддерживать расу на пути прогресса; он может делать это только в том случае, если сам играет роль посредника между жизнью и нечто более высоким и значительным внутри человека; поскольку именно духовная необходимость, толчок, исходящий из того, что еще не реализовано в человеке, поддерживает в нем, раз уж он достиг разума, эволюционное напряжение, духовное стремление. Если человек отрекся от духовного позыва, то он должен либо вернуться и начать все сначала, либо исчезнуть, как другие формы жизни исчезли до него, как эволюционная неудача, из-за неспособности поддерживать эволюционный позыв или служить ему. В лучшем случае, он остановится на некотором относительном совершенстве вида, подобно другим животным, тогда как Природа продолжит свой путь за пределы человека к более значительному творению.

В настоящий момент человечество претерпевает эволюционный кризис, в котором сокрыт выбор его судьбы; ибо была достигнута стадия, на которой человеческий разум достиг в некоторых направлениях громадного развития, тогда как в других остановился, зашел в тупик и не может больше найти своего пути. С помощью всегда активного разума человека и его жизненной воли буйно разрослась структура внешней жизни — структура неконтролируемой громадности и сложности — для обслуживания его ментальных, витальных, физических требований и побуждений, сложной политической, социальной, административной, экономической, культурной машинерии, организованных коллективных средств для его интеллектуального, чувственного, эстетического и материального удовлетворения. Человек создал такое устройство цивилизации, которое стало слишком большим для его ограниченной ментальной способности и понимания и его еще более ограниченной духовной и моральной способности, чтобы можно было управлять этим устройством; оно стало слишком опасным слугой его неумелого эго и его appetитов. Ибо на поверхности сознания человека все еще не вышел более высокий провидящий разум, не вышла интуитивная душа знания, что могло бы сделать эту базисную полноту жизни условием для свободного роста нечто, что превышает ее. Эта новая полнота средств жизни, благодаря своей силе освобождать от непрестанного неудовлетворенного напряжения экономических и духовных нужд, могла бы предоставить возможность для полного преследования иных и более высоких целей, превышающих материальное существование, для открытия высшей истины, блага и красоты, для открытия более великого и более божественного духа, который мог бы вмешаться и использовать жизнь для высшего совершенства существа: но вместо этого эта полнота средств жизни используется для умножения новых желаний и агрессивного расширения коллективного эго. В то же время Наука предоставила человеку многие потенциальные возможности универсальной Силы и сделала жизнь человечества материальной; но эту универсальную Силу использует маленькое человеческое индивидуальное или коллективное эго, не несущее ничего универсального в своем свете знания и своих движениях, не несущее никакого внутреннего ощущения или силы, которые могли бы сотворить в этом физическом сборище человеческого мира истинное единство жизни, ментальное единство или духовное тождество. Все, что есть, это хаос сталкивающихся ментальных идей, побуждение индивидуальных и коллективных физических нужд и желаний и требования удовлетворения жизни индивидов, классов, наций, богатый нарост политических, социальных и экономических доктрин и концепций, сутолочная мешанина лозунгов и паначей, во имя которых люди готовы притеснять и быть притесняемыми, убивать и быть убитыми, навязывать их так или иначе с помощью огромных и слишком внушительных средств, данных в их распоряжение, с верой, что это путь к нечто идеальному. Эволюция человеческого разума и жизни должна неизбежно вести к нарастающей универсальности; но на базисе эго и расчленяющего и разделяющего разума открытие к универсальному может породить лишь необъятное кишение несогласованных идей и импульсов, волнение грандиозных сил и желаний, хаотическую массу неусвоенного и перемешенного ментального, витального и физического материала большего существования, которое, из-за того, что не поднято созидательным гармонизирующим светом Духа, должно барахтаться в универсальной путанице и разногласии, из которых невозможно построить более высокую гармоничную жизнь. В прошлом человек гармонизировал жизнь с помощью организованных идей и ограничений; он создал общества, основанные на фиксированных идеях или фиксированных обычаях, фиксированную культурную систему или организованную систему жизни, каждую с собственным порядком; бросание всего этого в плавильный котел все более перемешенной жизни и вливание все время новых идей и мотивов, фактов и возможностей требует того, чтобы нашлось большее сознание и овладело бы нарастающими потенциальностями существования и гармонизировало бы их. Разум и Наука могут помочь лишь путем стандартизации, фиксирования всего в искусственно устроенном и механизированном единстве материальной жизни. Требуется большее целостное бытие, целостное знание, целостная сила, чтобы сплавить все в большее единство целостной жизни.

Жизнь единства, взаимности и гармонии, рожденная из более глубокой и более широкой истины нашего существа, является единственной истиной жизни, которая может успешно заменить несовершенные ментальные построения прошлого, бывшие комбинацией союза и урегулированного конфликта, приспособлением эго и интересов, сгруппированных или подогнанных друг к другу, чтобы образовать общество, бывшие консолидацией общих главных жизненных мотивов, объединением по нужде и под давлением борьбы с внешними силами. Именно такое изменение и придание жизни новой формы человечество начало слепо искать, сейчас уже с нарастающим ощущением того, что само его существование зависит от нахождения этого пути. Эволюция Разума, работающего в Жизни, развила такую организацию деятельности Разума и использования Материи, которая уже больше не может поддерживаться человеком без его внутреннего изменения. Совершенно необходимо приспособление эгоцентрической человеческой индивидуальности, отдельной даже в союзе, к той системе жития, которая требует единства, совершенной взаимности и гармонии. Но из-за того, что ноша, возложенная на человечество, слишком велика для его сегодняшней малости человеческой личности, ее узкого разума мелких жизненных инстинктов, из-за того, что она не может произвести необходимого изменения, из-за того, что она использует свой новый аппарат и организацию на служение инфрадуховному и инфрарациональному я жизни человечества, то судьба расы опасно ведется, словно нетерпеливо и вопреки себе, под управлением витального эго, охваченного колоссальными силами, находящимися на той же

шкале, что и громадная механическая организация жизни и научное знание, развитое ею, на шкале, слишком большой, чтобы управляться разумом и волей человеческой личности, ведется в затянувшуюся путаницу и опасный кризис и тьму искаженной изворачивающейся неуверенности. Даже если это окажется преходящей фазой или видимостью, и будет найден сносный структурный компромисс, который позволит человечеству продвигаться с меньшими катастрофами в своем неопределенном путешествии, то это может быть только передышкой. Ведь проблема фундаментальна и, ставя ее, эволюционная Природа в человеке ставит себя перед критическим выбором, который когда-то должен будет разрешен в правильном ключе, если человеческой расе суждено достичь своей конечной цели или даже выжить. Эволюционное побуждение толкает к развитию космической Силы в земной жизни, что требует большего ментального и витального существа для ее поддержки, более широкого Разума, более широкой и более сознательной единогласной Души Жизни, Анимы, и это опять же требует раздувания опорной Души и духовного Я для своего поддержания.

Рациональная и научная формула виталистического и материалистического человеческого существа и его жизни, поиск совершенного экономического общества и демократический культ среднего человека — вот все то, что современный ум дает нам в качестве разрешения этого кризиса. Какая бы истина не поддерживала эти идеи, ее явно не достаточно, чтобы соответствовать требованию человечества, которому поставлена цель развиваться за свои пределы или, во всяком случае, если ему суждено жить, оно должно эволюционировать далеко за пределы того состояния, в котором оно находится сейчас. Жизненный инстинкт расы и самого среднего человека почувствовал эту неадекватность и повел к обращению ценностей или к открытию новых ценностей и к переходу жизни на новое основание. Это приняло форму попытки найти простой и готовый базис единства, взаимности, гармонии для общей жизни, усилить ее путем подавления соревновательной стычки эго и таким образом достичь жизни тождества для сообщества вместо жизни разницы. Но для реализации этих желанных целей применялась силовая материализация новых ограниченных идей и лозунгов, утверждавших в исключение всякого другого мышления, подавление умов индивидов, механизированное сжатие элементов жизни, механизированное единство и управление жизненной силой, принуждение человека Государством, замена индивидуального эго на коллективное. Коллективное эго было идеализировано как душа нации, расы, сообщества; но это колоссальная ошибка, которая может оказаться фатальной. Была найдена формула вынужденного и навязанного единогласия умов, жизней, действий, поднятых до их высочайшего напряжения под побуждением нечто, что считалось высшим — коллективной души, коллективной жизни. Но это смутное коллективное существо не является душой или я сообщества; если жизненная сила, поднимающегося из подсознательного, отказывается от света руководства разума, тогда она может вестись лишь темными массовыми силами, мощными, но опасными для расы из-за их чуждости сознательной эволюции, проводимой через человека. Не в этом направлении эволюционная Природа нацелила человечество; это возвращение к нечто, что она уже оставила позади себя.

Другое предлагавшееся решение все еще покоится на материалистическом рассудке и объединяющей организации экономической жизни расы; но использовался тот же самый метод — силовое подавление и навязанное единогласие умов и жизней вкупе с механической организацией коллективного существования. Единогласие этого рода может поддерживаться лишь путем подавления всякой свободы мысли и жизни, и это должно приводить либо к рациональной стабильности муравьиной цивилизации, либо к пересыханию источников жизни и быстрому или медленному упадку. Только через рост сознания коллективная душа и ее жизнь может начать осознавать себя и развиваться; свободная игра разума и жизни сущностна для роста сознания: ведь разум и жизнь составляют единственный инструментарий души, пока не разовьется высший инструментарий; их нельзя сдерживать в их действии или делать жесткими, непластичными и непрогрессивными. Трудности или беспорядки, вызываемые ростом индивидуального разума и жизни, не могут быть здраво устранены путем подавления индивида; истинное исцеление может быть достигнуто лишь путем продвижения индивида к большему сознанию, в котором он исполнен и совершенен.

Альтернативным решением является развитие просвещенного разума и воли обычного человека, согласного с новой социализированной жизнью, в которой он будет подчинять свое эго на благо правильного устройства жизни сообщества. При этом предполагается наличие двух средств: большего и лучшего ментального знания, правильных идей, верной информации, верного воспитания социального и гражданского индивида и наличие новой социальной машинерии, которая решит все магией социальной машины, обтесывая человечество по лучшему образцу. Но опыт показывает, что какие бы ни возлагались надежды, но воспитание и интеллектуальное обучение сами по себе не могут изменить человека; они лишь снабжают человеческое индивидуальное и коллективное эго лучшей информацией и более эффективной машинерией для его само-утверждения, но оставляют его все тем же неизменным человеческим эго. А также человеческий разум и жизнь не могут быть обтесаны в некое совершенство — даже в то, что кажется совершенством, но на самом деле является сконструированной подменой — какой-либо социальной машинерией; материю можно так вытесать, мысль можно так вытесать, но в нашем человеческом существовании материя и мысль являются лишь инструментами души и жизненной силы. Машинерия не может вылепить душу и жизненную силу в стандартизированные формы; в лучшем случае она может принудить их, сделать душу и разум

инертными и застывшими и регулировать внешнее действие жизни; но если это будет реализовано, тогда неизбежно принуждение и подавление разума и жизни, и это снова повлечет за собой либо непрогрессирующую стабильность, либо упадок. Рассуждающий разум со своей логической практичностью не имеет иного способа обретения лучших из неоднозначных и сложных действий Природы, кроме как регулирования и механизации разума и жизни. Если это осуществлено, тогда душа человечества должна либо восстановить свою свободу и рост путем бунта и разрушения машины, которой она была захвачена, либо убежать, уйдя в себя и отвергнув жизнь. Настоящий выход для человека — это открыть свою душу и ее само-силу и инструментарий и заменить ими как механизацию разума, так и неведение и беспорядки природы жизни. Но в тщательно отрегулированном и механизированном социальном существовании будет мало места и свободы для такого движения само-открытия и само-исполнения.

Существует возможность, что в своем откате от механистической идеи жизни и общества человеческий разум начнет искать пристанище в возвращении к религиозной идее и обществу, управляемому религией или санкционируемому ею. Но организованная религия, хотя она и может снабдить средствами для внутреннего подъема индивида и поддерживать в них или за ними путь для открытия индивида к духовному переживанию, но она до сих пор не изменила человеческую жизнь и общество; она и не могла это сделать, потому что в управляемом ею обществе она должна была идти на компромисс с низшими частями жизни и не могла настаивать на внутреннем изменении всего существа; она могла настаивать лишь на строгом соблюдении вероисповедания, на формальном принятии своих этических стандартов, на послушании церкви и на исполнении церемоний и ритуалов. Такая религия может придать религиозно-этическую окраску или поверхностный налет — иногда, если она поддерживает интенсивное ядро внутреннего переживания, она может до некоторой степени распространять неполную духовную тенденцию; но она не трансформирует расу, она не может сотворить новый принцип человеческого существования. Только тотальное духовное направление, придаваемое всей жизни и всей природе, может поднять человечество за его пределы. Другое возможное представление, родственное религиозному решению, заключается в управлении обществом высоко духовными людьми, братством или единством всех в вере или в учении, в одухотворении жизни и общества путем подъема старой машинерии жизни в такое объединение или путем изобретения новой машинерии. Такие попытки тоже предпринимались раньше, но безуспешно; такое представление изначально лежало в основании почти каждой религии: но человеческое эго и витальная природа были слишком сильны, чтобы их сопротивление могла преодолеть религиозная идея, зывающая к разуму и работающая с помощью разума. И только полное появление души, полное нисхождение родного света и мощи Духа и последующее замещение или трансформация и поднятие нашей недостаточной ментальной и витальной природы на духовную и супраментальную Сверхприроду может произвести это эволюционное чудо.

На первый взгляд может показаться, что настояние на радикальном изменении природы может отодвинуть всякую надежду человечества в отдаленное эволюционное будущее; ведь превосхождение нашей обычной человеческой природы, превосхождение нашего ментального, витального и физического бытия кажется слишком высокой и слишком трудной попыткой, даже невозможной попыткой для того человека, каким он предстает сейчас. Даже если бы это и было так, все же в этом оставалась бы единственная возможность для преображения жизни; ведь надежда на настоящее изменение человеческой жизни без изменения человеческой природы является иррациональным и недуховным предположением; это то же самое, что и требовать чего-то неестественного и нереального, невозможного чуда. Но для радикального изменения жизни требуется не нечто всецело далекое, чуждое нашему существованию и определенно невозможное; ведь то, что нужно развить, находится в нашем существе, а не где-то вне него: то, на что нападает эволюционная Природа, есть пробуждение к знанию своего *я*, открытию *я*, к манифестации *я* и духа внутри нас и высвобождение его само-знания, само-силы, его природного само-инструментария. Кроме того, этот тот шаг, который подготавливала вся эволюция и который приближался с каждым кризисом человеческой судьбы, когда ментальная и витальная эволюция касается точки, где интеллект и витальная сила достигают некоего пика напряжения, и им нужно либо свалиться, снова впасть в онемелость поражения или в упокоение непрогрессивного бездействия, либо пробить свой путь через вуаль, из-за которой и возникло это напряжение. Требуется, чтобы в человечестве произошел переворот, ощущаемый некоторыми или многими, поворот к видению этого изменения, к ощущению его императивной необходимости, к ощущению его возможности, к воле сделать его возможным в себе и найти путь. Эта тенденция есть, но она должна нарастать с напряжением кризиса в судьбе человеческого мира; под напором критических обстоятельств должна расти и становиться все более императивной нужда в избавлении или решении, то ощущение, что нет и не может быть другого пути, кроме духовного. На этот зов в существе всегда должен приходиться некий ответ в Божественной Реальности и в Божественной Природе.

В действительности, этот ответ может быть лишь индивидуальным; он может привести к умножению одухотворенных индивидов или даже, что возможно, хотя и не вероятно, к умножению гностического индивида или индивидов, изолированных в неодухотворенной массе человечества. Такие изолированные реализованные существа должны либо отойти в свое тайное божественное царство и защищать себя в духовной уединенности, либо воздействовать на человечество, исходя из своего внутреннего света, ради того малого, что может быть подготовлено в таких услови-

ях для более счастливого будущего. Внутреннее изменение может начать обретать коллективную форму только в том случае, если гностический индивид найдет других индивидов, имеющих тот же самый род внутренней жизни и сможет образовать с ними группу со своим автономным существованием, либо же отдельное сообщество или порядок бытия с собственным внутренним законом жизни. Именно эта нужда в отдельной жизни с собственным правилом жития, приспособленным к внутренней мощи или побудительной силе духовного существования и создающим для него его естественную атмосферу, выражала себя в прошлом в формации монашеской жизни или разнообразных попытках основать новое отдельное коллективное житие, само-управляемое и отличное от обычной человеческой жизни. Монашеская жизнь по своей природе является союзом искателей иных миров, людей, чья целостная попытка состоит в том, чтобы найти и реализовать в себе духовную реальность, и которые формируют свое общее существование с помощью правил жития, помогающим в этом начинании. Но, как правило, это не попытка создать новую формацию жизни, которая превзошла бы обычное человеческое общество, и сотворить новый мировой порядок. Религия может ставить перед собой эту конечную перспективу или пытаться сделать некое первое приближение к ней, либо ментальный идеализм может предпринять ту же самую попытку. Но эти попытки всегда опрокидывались упорным несознанием и неведением нашей человеческой витальной природы; ведь эта природа является препятствием, которое ни простой идеализм, ни неполное духовное стремление не могут сломить в его упорствующей массе или постоянно преобладать над ним. Эти попытки терпели крах из-за собственного несовершенства или наводнялись несовершенством внешнего мира и погружались с сияющей высоты своего стремления в нечто смешанное и низкое на обычном человеческом уровне. Общая духовная жизнь, нацеленная на то, чтобы выражать духовное, а не ментальное, витальное или физическое существо, должна основываться и поддерживаться на более высоких ценностях, чем ментальные, витальные и физические ценности обычного человеческого общества; если она на этом не основывается, тогда она будет просто жизнью обычного человеческого общества с каким-то отличием. Чтобы возникла новая жизнь, требуется полностью новое сознание во многих индивидах, трансформирующих все свое существо, трансформирующих свою ментальную, витальную и физическую природу; только такая трансформация общего разума, жизни, телесной природы может породить новое стоящее коллективное существование. Эволюционное усилие должно стремиться породить не просто новый тип ментальных существ, а другой порядок существ, которые подняли все свое существование с нашей сегодняшней ментализированной духовности на больший духовный уровень земной природы.

Любая такая попытка трансформации земной природы в нескольких человеческих существах не может сразу же вполне утвердить себя; даже когда достигнута поворотная точка и пересечена решающая линия, новая жизнь в своих началах должна будет пройти через период испытания и трудного развития. Необходимым первым шагом будет общая смена старого сознания, поднимающая всю жизнь в духовный принцип; подготовка к этому может быть долгой, а сама начавшаяся трансформация может происходить стадиями. В индивиде после определенной точки трансформация может быть быстрой и может даже ускориться с помощью намеренного эволюционного скачка; но индивидуальная трансформация не будет творением нового типа существ или новой коллективной жизни. Можно представить себе несколько индивидов, эволюционирующих таким образом отдельно в среде старой жизни и затем объединяющихся вместе, чтобы образовать ядро нового существования. Но маловероятно, что Природа будет действовать таким образом, и индивиду будет трудно достичь полного изменения, оставаясь все еще заключенным в жизнь низшей природы. На определенной стадии может стать необходимым прибегнуть к давней схеме отдельного сообщества, но с двойной целью: прежде всего, чтобы обеспечить спокойную атмосферу, место и жизнь поодаль, где сознание индивида могло бы сконцентрироваться в окружении, где все повернуто к одному старанию и сосредоточено вокруг него, и, затем, когда все будет готово, чтобы выработать и развить новую жизнь в том окружении и в подготовленной духовной атмосфере. Может случиться так, что при такой концентрации усилия все трудности изменения предстанут с концентрированной силой; ведь каждый искатель, неся в себе как возможности, так и несовершенства мира, которые должны быть трансформированы, будет вносить не только свои способности, но и свои трудности и сопротивление старой природы, и, при смешении в ограниченном круге маленькой и замкнутой общей жизни это может вызвать значительное усиление препятствующей силы, которая будет стремиться противодействовать возросшей мощи и концентрации сил, служащих эволюции. Именно эта трудность разбивала в прошлом все усилия ментального человека развить нечто лучшее, более истинное и более гармоничное, чем обычная ментальная и витальная жизнь. Но если Природа готова и приняла свое эволюционное решение или если мощь Духа, низошедшая с высших планов, достаточно сильна, тогда эта трудность будет преодолена, и станет возможной первая эволюционная формация или формации.

Но если законом такой жизни будет полная опора на направляющий Свет и Волю и светлое выражение истины Духа в жизни, тогда это будет предполагать гностический мир, мир, в котором сознание всех существ основано на этом базисе; тогда понятно, что жизненные взаимоотношения гностических индивидов в гностическом сообществе или сообществах будут по самой своей природе представлять понимающий и гармонический процесс. Но, фактически, здесь будет жизнь гностических существ, проходящая внутри жизни существ в Неведении или рядом с ней,

пытающаяся появиться в ней или из нее, и все же законы этих двух жизней будут казаться противоположными и противоречить друг другу. Тогда, по-видимому, произойдет полная изоляция или отделение жизни духовного сообщества от жизни Неведения: ведь иначе будет необходим компромисс между этими двумя жизнями, и вместе с этим компромиссом войдет опасность заражения или неполноты более высокого существования; будут соприкасаться два различных и несовместимых принципа существования, и даже если более высокий мир будет влиять на низший, более низкая жизнь тоже будет оказывать свое влияние на более высокую, поскольку такое взаимодействие является законом всякой заразительности и взаимообмена. Можно даже задать вопрос, не станет ли конфликт и столкновение первым правилом их связи, поскольку в жизни Неведения будет присутствовать и быть деятельным громадное влияние тех сил Тьмы, поддерживающих зло и насилие, чей интерес состоит в том, чтобы загрязнять или разрушать всякий высший Свет, входящий в человеческое существование. Противостояние и нетерпимость или даже гонение всего того, что ново или пытается подняться над заведенным порядком человеческого Неведения и нарушать его, либо, в случае успеха нового, вторжение в него низших сил и, в конечном счете, угасание, падение или заражение нового принципа жизни было частым явлением в прошлом; это противодействие может оказаться еще более неистовым, и провал еще более вероятен, если на наследие земли будет претендовать радикально новый свет или радикально новая сила. Но считается, что новый и более полный свет принесет так же новую и более полную силу. Поэтому может оказаться, что новой жизни совсем не нужно будет быть полностью отделенной; она может укорениться на множестве островков и оттуда распространяться через старую жизнь, бросая на нее свое влияние, постепенно проникая в нее и захватывая ее, неся ей помощь и озарение, так что спустя некоторое время новое стремление в человечестве начнет понимать и приветствовать новую жизнь.

Но, очевидно, это проблема перехода, эволюции, прежде чем произойдет полный и победоносный поворот манифестирующей Силы, и жизнь гностического существа станет такой же укоренившейся частью земного порядка, как и жизнь ментального существа. А когда гностическое сознание укоренится на земле, сила и знание, находящееся в его распоряжении, будет гораздо мощнее силы и знания ментального человека, и жизнь сообщества гностических существ, если она будет отдельной, будет столь же защищенной от внешних атак, как и организованная жизнь человека защищена от атак более низших видов. Но, точно так же, как знание и сам принцип гностической природы будет гарантировать светлое единство в общей жизни гностических существ, точно так же этот принцип будет достаточен, чтобы гарантировать преобладающую гармонию и примирение между этими двумя типами жизни. Влияние супраментального принципа на земле распространится и на жизнь Неведения и наложит на нее гармонию в пределах границ этой жизни. Можно представить, что гностическая жизнь будет отдельной, но она, несомненно, будет допускать внутри своих границ ту часть человеческой жизни, которая обращена к духовности и движется к высотам; Остальная часть может организовываться преимущественно на ментальном принципе и на старых основаниях, но, с помощью и под влиянием большего знания, распознаваемого ею, она будет развиваться по линиям более полной гармонизации, на которую человеческое существо пока что не способно. Однако и здесь разум может лишь предвидеть возможности и вероятности: супраментальный принцип Сверхприроды сам будет определять баланс нового мирового порядка в соответствии с истиной вещей.

Гностическая Сверхприрода превосходит все ценности нашей обычной невежественной Природы; наши стандарты и ценности порождены неведением и поэтому не могут определять жизнь Сверхприроды. В то же самое время наша теперешняя природа произошла из Сверхприроды и является не чистым неведением, а полу-знанием; поэтому разумно предположить, что всякая духовная истина, находящаяся в или за стандартами и ценностями нашей жизни, вновь появится в высшей жизни, но не в качестве стандартов, а как трансформированный элемент, поднятый из неведения в истинную гармонию и более светлое существование. По мере того, как универсализированный духовный индивид будет сбрасывать ограниченную персональность и эго, по мере того, как он будет подниматься за пределы разума к более полному знанию в Сверхприроде, от него будут отпадать конфликтующие идеалы разума, но истина, стоящая за ними, сохранится в жизни Сверхприроды. Гностическое сознание является сознанием, в котором все противоречия устранены или растворены друг в друге в высшем свете видения и бытия, в объединяющем самознании и знании мира. Гностическое существо не будет принимать идеалы и стандарты жизни; оно не будет побуждаться жить ради себя, ради своего эго, либо ради человечества или ради других, ради общества или ради Государства; ибо оно будет осознавать нечто более великое, чем эти полу-истины, будет осознавать Божественную Реальность; и именно ради нее оно будет жить, ради ее воли в нем и во всем, в духе большей универсальности, в свете воли Трансцендентности. По той же самой причине в гностической жизни не будет конфликтов между само-утверждением и альтруизмом, ведь *я* гностического существа едино с *я* других — не будет конфликтов между идеалом индивидуализма и коллективным идеалом, поскольку оба являются терминами большей Реальности и могут иметь ценность для духа Реальности лишь в той степени, насколько их выражение или исполнение Реальности служит воли Реальности. Но, в то же самое время, все, что истинно в ментальных идеалах и смутно вырисовывается в них, будет исполнено в существовании гностического существа; ведь в то время, как его сознание превосходит человеческие ценности, так что гностическое существо не может заместить Бога человечеством, сообществом или Государством, либо

другими средством или самим собой, частью его жизненной деятельности станет утверждение Божественного в себе и ощущение Божественного в других, ощущение тождества с человечеством, со всеми другими существами и со всем миром, потому что Божественное находится в них и ведет к большему и лучшему утверждению растущей в них Реальности. Но то, что будет делать гностическое существо, будет решаться Истиной Знания и Воли в нем, тотальной и бесконечной Истиной, которая не связана никаким ментальным законом или стандартом; оно будет действовать со свободой в целостной реальности, с соблюдением каждой истины на своем месте и с ясным знанием работающих сил и намерения манифестирующего Божественного Стремления на каждом шаге космической эволюции, в каждом событии и при любых обстоятельствах.

Для исполненного духовного или гностического сознания вся жизнь должна быть манифестацией реализованной истины Духа; эта жизнь сможет принять лишь то, что может трансформироваться и найти собственное духовное я в той большей Истине и слиться с ее гармонией. Разум не может определить, что уцелеет, ведь супраментальная жизнь принесет свою истину, и эта истина поднимет все свои части, которые были выдвинуты в наших идеалах и реализациях разума, жизни и тела. Принятые ими формы могут не уцелеть, ведь маловероятно, что они будут пригодны без изменения или замены в новом существовании; но то, что подлинно и существенно в них или даже в их формах, подвергнется трансформации, необходимой для продолжения существования. Исчезнет многое из того, что нормально для человеческой жизни. Многие ментальные идолы, сконструированные принципы и системы, конфликтующие идеалы, порожденные человеком во всех областях своего разума и жизни, не будут вызывать приятия или почтения в свете гнозиса; только истина, если она есть, которую скрывают эти обманчивые образы, будет иметь шансы войти в качестве элемента гармонии, основанной на гораздо более широком базисе. Очевидно, что в жизни, управляемой гностическим сознанием, не сможет иметь почву для существования война с ее духом антагонизма и враждебности, ее жестокость, разрушение и невежественное насилие, политическая борьба с ее вечным конфликтом, частым подавлением, непрозрачностью, порочностью, низостью, эгоистическими интересами, неведением, неспособностью и беспорядком. Искусство будет, но не для какого-либо низшего витального и ментального развлечения, увеселения и разгружающего возбуждения или удовольствия, а как выражение и средство истины Духа и красоты и восторга существования. Жизнь и тело перестанут быть тиранами, требующими девять десятых существования для своего удовлетворения, а станут средствами и силами выражения Духа. В то же самое время, поскольку материя и тело будут приняты, контроль и правильное использование физических вещей составит часть реализованной жизни Духа в манифестации земной природы.

Почти повсеместно предполагается, что духовная жизнь обязательно должна быть жизнью аскетической строгости, отвержением всего того, что не совершенно необходимо для минимального поддержания тела; и это верно для такой духовной жизни, которая по своей природе и намерению является уходом от жизни. Даже помимо этого идеала можно подумать, что духовный поворот всегда должен требовать крайней простоты, потому что все прочее будет жизнью витального желания и физического само-попустительства. Но с более широкой точки зрения это представление является ментальным стандартом, основанном на законе Неведения, мотивом которого является желание; с точки зрения этого стандарта может показаться, что законным принципом для преодоления Неведения и устранения эго будет полное отвержение не только желания, но и всего, что может удовлетворять желание. Но этот стандарт, как и всякий ментальный стандарт, не может быть абсолютным, и он не может быть обязательным как закон сознания, поднявшегося над желанием; полная чистота и само-обладание будут заложены в самом зерне природы нового сознания, и это сознание будет оставаться одним и тем же в бедности или в богатстве: ведь если оно может быть чем-то поколеблено или запачкано, тогда оно не настоящее или не полное. Единственным правилом гностической жизни будет само-выражение Духа, воли Божественного Бытия; эта воля, это само-выражение может проявляться через крайнюю простоту или крайнюю сложность и обилие или в их естественном балансе — ведь красота и изобилие, скрытая сладость и смех в вещах, солнечный свет и радость жизни тоже являются силами и выражениями Духа. Дух внутри, определяющий во всех направлениях закон природы, будет определять и обрамление жизни, ее детали и обстоятельства. Во всем будет один и тот же пластичный принцип; жесткая стандартизация, какой бы необходимой она бы ни была для выстраивания вещей разумом, не может быть законом духовной жизни. Ничто не будет препятствовать великому разнообразию и свободе само-выражения, основанного на основополагающем единстве, но везде будет гармония и истина порядка.

Жизнь гностических существ, поднимающая эволюцию до высшего супраментального статуса, можно подобающим образом охарактеризовать как божественную жизнь; ведь она будет жизнью в Божественном, жизнью начал духовного божественного света, силы и радости, проявленных в материальной Природе. Она может быть описана, поскольку превосходит ментальный человеческий уровень, как жизнь духовного и супраментального сверхчеловечества. Но это не имеет никакого отношения к прошлым и сегодняшним представлениям о сверхчеловечестве; согласно ментальному представлению, сверхчеловечество превосходит обычный человеческий уровень не в принципе, а в степени одного и того же принципа — через расширенную личность, увеличенное и раздутое эго, возросшие силы разума, разросшуюся мощь витальной силы, утонченное или крайнее массовое раздутие сил чело-

веческого Неведения; при этом также обычно подразумевается идея о силовом господстве сверхчеловека над человечеством. Это означает сверхчеловечество нищеанского типа; в своем крайнем наихудшем случае это может обернуться царством “белокурый бестий” или темных бестий или любых других бестий, возвращением к варварской силе и жестокости: но это будет не эволюция, а откат к старому усиленному варварству. Либо это может означать появление Ракшасы или Асура из напряженного усилия человечества превзойти самого себя, но в неверном направлении. Неистовое и хаотическое раздутое витальное эго, удовлетворяющее себя с верховной тиранией или анархической силой само-исполнения, было бы типом ракшасического сверхчеловечества: но гигант, великан или поглотитель мира, Ракшаса, хотя и все еще сейчас сохраняется, принадлежит духу прошлого; расширенное появление этого типа тоже было бы эволюцией вспять. Могущественный показ подавляющей силы, само-обладающая, само-сдерживаемая, даже, возможно, аскетически само-ограничивающая способность разума и сильная, спокойная, либо холодная или грандиозная в собранной страстности жизненная сила, тонкое доминирующее возвышение одновременно ментального и витального эго — это тип Асура. Но в прошлом земли было достаточно этого типа, и его повторение может лишь продлевать старые линии; земля не может извлечь ни из Титана, ни из Асура никакой пользы для своего будущего, никакой силы для само-превосхождения: даже великая или сверхнормальная сила только бы вращала ее по расширенным кругам ее старой орбиты. Но то, что должно появиться, является нечто гораздо более трудным и гораздо более простым; это само-реализованное существо, звание духовного я, глубина и побуждение души и высвобождение и суверенитет ее света, силы и красоты — не эгоистическое сверхчеловечество, захватившее ментальную и витальную власть над человечеством, а господство Духа над его собственными инструментами, обладание собой и обладание жизнью в силе духа, новое сознание, в котором само человечество найдет собственное само-превосхождение и само-исполнение путем открытия божественности, которая стремится родиться внутри него. Это единственно истинное сверхчеловечество и единственная реальная возможность эволюционной Природы сделать шаг вперед.

Этот новый статус в действительности будет обращением сегодняшнего закона человеческого сознания и жизни, ведь это будет переворотом всего принципа жизни Неведения. Именно ради вкушения Неведения, его сюрпризов и приключения, можно сказать, душа спустилась в Несознание и приняла маску Материи, ради приключения и радости творения и открытия, приключения Духа, приключения Разума и Жизни и рискованных сюрпризов работы в Материи, ради открытия и покорения нового и неизведанного; все это составляет смелое предприятие жизни, и может показаться, что все это кончится с концом Неведения. Жизнь человека составлена из света и тьмы, приобретений и потерь, трудностей и опасностей, удовольствий и болей Неведения, игры цветов, движущихся на почве общей нейтральности Материи, которая имеет в своем основании незнание и нечувствительность Несознательного. Для обычного жизненного существа состояние без реакций успеха и боли, превратностей и неопределенностей судьбы и борьбы, битвы и усилия, без радости новизны и неожиданности и творения, проецирующегося в неизвестное, может показаться лишенным разнообразия, и поэтому лишенным витального вкуса и остроты. Любая жизнь, превосходящая эти вещи, кажется ему нечто бесцветным и пустым или брошенным в облик неизменной одинаковости; картина небес рисуется человеческому разуму нескончаемым повтором вечной монотонности. Но это неверное представление, ведь вход в гностическое сознание будет входом в Бесконечное. Это будет само-творение, бесконечно приносящее Бесконечное в форму бытия, и интерес Бесконечного гораздо шире и многообразнее, как и более стойко восхитителен, чем интерес конечного. Эволюция в знании будет более красивой и более славной манифестацией с большими перспективами, чем когда-либо разворачивавшимися, и более интенсивными на всех путях, чем это возможно в любой эволюции в Неведении. Восторг дух вечно нов, он принимает неисчислимые формы прекрасного, его божество вечно молодо, и вкус восторга, *раса* Бесконечного, вечен и неистощим. Гностическая манифестация жизни будет более полной и плодотворной, и ее интерес более ярок, чем созидательный интерес Неведения; это будет более возвышенное и более счастливое постоянное чудо.

Если есть эволюция в материальной Природе, и если это эволюция существа с сознанием и жизнью в качестве двух ключевых терминов и сил, тогда эта полнота бытия, полнота сознания, полнота жизни должна быть целью развития, к которой мы стремимся и которая проявится на ранней или поздней стадии нашей судьбы. Я, Дух, Реальность, раскрывающие себя из первого несознания жизни и материи, разовьют свою полную истину бытия и сознания в той жизни и материи. Дух вернется к себе — или, если его конец как индивида заключается в возвращении в Абсолют, он может осуществить и это возвращение — не через разочарование жизни, а через духовную полноту себя в жизни. Наша эволюция в Неведении с ее перемежающейся радостью и болью само-открытия и открытия мира, с ее половинчатыми реализациями, с ее постоянными находками и потерями — это только первая наша стадия. Она неизбежно должна вести к эволюции в Знании, к само-обнаружению и само-развертыванию Духа, к само-раскрытию Божественности в вещах в своей истинной силе в той Природе, которая все еще остается для нас Сверх-природой.

КОНЕЦ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ПРИМЕЧАНИЕ

“Жизнь Божественная” впервые вышла в ежемесячном журнале “Арья”: пятьдесят две изначальных главы были опубликованы в пятидесяти четырех выпусках, начиная с августа 1914 и кончая январем 1919. В 1939 и 1940 годах Шри Ауробиндо пересмотрел и расширил эти главы, подготавливая их к изданию в книжной форме, предназначенной для публикации в издательстве Arya Publishing House, находящемся в Калькутте. Двадцать восемь глав, составлявших Первую Книгу, были опубликованы в ноябре 1939 в качестве первого тома. Они включали в себя первые двадцать семь глав из “Арьи” (под теми же названиями и в том же порядке) и полностью новую двадцать восьмую главу. За исключением глав XIX и XXIII, претерпевших значительные изменения, редакция остальных глав Первой Книги была ограничена перестановкой и добавлением знаков препинания, слов и коротких отрывков.

Первое издание Второй Книги, “переработанная и расширенная” вышло в 1940 году в качестве второго тома в двух частях. Среди ее двадцати восьми глав двенадцать были совершенно новыми — это главы I, II, V, VI, X, XIV, XXIII, XXIV, XXV, XXVI, XXVII и XXVIII. Из остальных шестнадцати глав одиннадцать глав, а именно, главы III, IV, VII, VIII, IX, XI, XII, XIII, XVII, XIX и XX были похожими на соответствующие главы из “Арьи”. Тем не менее, все они были существенно переработаны, а некоторые из них даже получили другие названия. Главы XV, XVI и XXII содержали в себе некоторый материал из “Арьи”, но большая их часть была совершенно новой. Главы XVIII и XXI были столь переработаны, что их можно считать новыми.

Издательство Arya Publishing House опубликовало в 1944 году второе издание Первой Книги с Частями I и II, связанными вместе, в качестве второго тома. Это второе издание включало в себя незначительные исправления и изменения, внесенные автором. Третье издание Первой Книги вышло в 1947 в качестве первого тома все в том же издательстве Arya Publishing House.

Первое американское издание “Жизни Божественной” вышло в 1949 году в издательстве Sri Aurobindo Library, находящемся в Нью-Йорке. Второй тираж этого издания был выпущен в 1951 году в том же самом издательстве, а третий тираж — в 1956 году в издательстве India Library Society, находящемся в Нью-Йорке. Во всех этих тиражах обе Книги были объединены в один том и снабжены подробным индексным указателем.

“Международный образовательный центр Шри Ауробиндо” (Sri Aurobindo International Centre of Education), находящийся в Пондишери, выпустил два тиража четвертого индийского издания “Жизни Божественной” в одном томе в 1955 и 1956 годах. Пятое издание было опубликовано Ашрамом Шри Ауробиндо (Sri Aurobindo Ashram) в 1970 году. В этот год вышло три тиража. Первый тираж составил часть издания “de luxe” под эгидой Sri Aurobindo Birth Centenary Library. В нем Книга Первая и Первая Часть Второй Книги образовали 18-ый том, а Вторая Часть Второй Книги — 19-ый том этого юбилейного издания. Второй тираж состоял из соответствующих томов все того же юбилейного издания — это факсимильная репродукция издания “de luxe”. Третий тираж тоже вышел в двух томах, но в уменьшенном формате. Четвертый тираж (1973) был идентичен третьему, за исключением того, что он включил в себя глоссарий санскритских терминов и два приложения. Пятый и шестой тиражи (1977 и 1980) включали несколько исправлений типографских и редакторских ошибок, а также новый индексный указатель и глоссарий. Пятый тираж вышел в двух томах, шестой — в одном.

Седьмой тираж (1982), подобно пяти предыдущим, являлся перепечаткой пятого издания. В нем в первый раз были опубликованы некоторые незначительные исправления, собственноручно сделанные Шри Ауробиндо в его экземпляре издания 1940 года.